ОЧЕРКИ НАШИХЪ ПОРЯДКОВЪ

АДМИНИСТРАТИВНЫХЪ, СУДЕБНЫХЪ

и

ОБЩЕСТВЕННЫХЪ

Е. П. Карновича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Скарятина, на углу Фонарнаго переулка д. Франка.
1873

2007050329

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ недостатковъ современной нашей публицистики заключается въ отсутствіи брошюръ по вопросамъ, требующимъ болѣе или менѣе обширной обработки. Такой недостатокъ восполняется только тѣмъ, что иногда въ газетахъ печатается рядъ послѣдовательныхъ статей, относящихся къ одному какому нибудь вопросу; но статьи эти, размѣщаемыя по отдѣльнымъ нумерамъ газеты, пропадаютъ безслѣдно. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ, по своей основательной разработкѣ, были бы не лишними въ каждой библіотекѣ, если бы онѣ были изданы въ видѣ особаго сборника. Съ цѣлью устранять, по возможности, упомянутый недостатокъ издаются, на первый разъ, нѣкоторыя статьи Е. П. Карновича, напечатанныя въ разныхъ петербургскихъ газетахъ, въ теченіе 1870, 1871 и 1872 годовъ, и касающіяся такихъ вопросовъ нашего административнаго, судебнаго и общественнаго быта, которые и въ настоящее время обращаютъ еще на себя вниманіе русской публики.

Оглавленіе.

ОЧЕРКИ НАШИХЪ ПОРЯДКОВЪ

I.

Слабое распространеніе юридическихъ знаній въ нашемъ обществѣ.

Родная земля наша, и теперь, какъ извѣстно, не слишкомъ изобильно производитъ юристовъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, хотя еще съ давнихъ временъ у насъ всегда плодилось множество законниковъ, т. е., людей знавшихъ на память, почти буква въ букву, сперва указы, регламенты, уставы и наказы, а потомъ наиболѣе употребительныя статьи „Свода законовъ", какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ. Между тѣмъ, такіе отечественные законовѣды, которые разумѣли бы, какъ слѣдуетъ, общій духъ, главныя основанія и постепенное развитіе русскаго законодательства, были явленіемъ не только рѣдкимъ, но даже исключительнымъ. Много разныхъ причинъ препятствовали у насъ широкому распространенію не только научныхъ юридическихъ знаній, но и правильныхъ понятій о дѣйствующемъ законодательствѣ. Одною изъ главныхъ такихъ причинъ была та, что всѣ классы нашего общества стояли вдали отъ законодательныхъ, хотя бы и самыхъ практическихъ вопросовъ, такъ какъ вопросы эти, съ начала и до конца, разработывались въ офиціальныхъ сферахъ, и притомъ подъ покровомъ строгой канцелярской тайны. О подготовкѣ какой либо новой законодательной мѣры не было ни малѣйшихъ толковъ ни въ обществѣ, ни въ печати, да и вообще на это смотрѣли какъ на казенное дѣло, какъ

будто не относящееся нисколько къ тѣмъ, которымъ приходится жить подъ дѣйствіемъ вновь издаваемыхъ, или измѣняемыхъ законовъ. Кромѣ того, еще въ недавнюю пору законы появлялись у насъ безъ всякихъ истолкованій относительно вызвавшихъ ихъ причинъ, и безъ всякаго указанія на тѣ соображенія, какія приняты были правительствомъ въ основаніе той или другой законодательной мѣры. По всей вѣроятности, такого правила держались съ тою цѣлію, чтобы не смѣшивать положительныхъ правилъ, получившихъ обязательную силу закона, съ разсужденіями, не составляющими прямаго предписанія.

Надобно впрочемъ сказать, что совершенное отчужденіе общества или народа въ установленіи законодательныхъ порядковъ не признавалось полезнымъ даже въ полуварварской, древней Россіи. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что, напримѣръ, „Уложеніе“ царя Алексія Михайловича было окончательно составлено не въ боярской думѣ, и не дьяками въ какомъ нибудь московскомъ приказѣ, а на земскомъ соборѣ. Петръ I, предполагая учредить „Палату объ уложеніи“, признавалъ нужнымъ призвать туда людей выборныхъ. Послѣ него, по указу верховнаго совѣта, вызывались „добрые“ дворяне для разбора указовъ и для подведенія ихъ, къ статьямъ „Уложенія“. Требованіе общественнаго участія въ этомъ случаѣ было такъ настоятельно, что когда одинъ изъ выборныхъ, какой-то новгородскій помѣщикъ, не захотѣлъ призаняться въ Петербургѣ отечественною юриспруденціею, то приказано было доставить его силою, а если бы онъ оказался въ „нѣтчикахъ“, то привести его жену подъ карауломъ въ Новгородъ, а еслибы онъ и послѣ этого продолжалъ укрываться, то все его имѣніе взять на Государя. Екатерина II, написавъ свой знаменитый „Наказъ“ подъ вліяніемъ французскихъ мыслителей того времени, тѣмъ не менѣе, однако, поручила осуществленіе его выборнымъ представителямъ всего русскаго на-

рода. Но предположеніе это не состоялось и послѣ того всѣ, какъ общіе, такъ и частные, законы стали издаваться въ томъ порядкѣ, о которомъ мы говорили выше. Законодательныя мѣры, при императорѣ Александрѣ I, приготовлялись немногими людьми, приближенными къ императору, преимущественно же Сперанскимъ, и падали неожиданно, какъ снѣгъ на голову. „Сводъ законовъ" былъ составленъ и продолжаемъ особою коммиссіею, въ которой принимали участіе одни только чиновники. Несмотря, однако, на это, на составленіе „Свода законовъ" имѣло огромное вліяніе изданное въ 1814 году, сочиненіе Вельяминова-Зернова подъ заглавіемъ: „Опытъ начертанія россійскаго частнаго гражданскаго права". Изъ этого сочиненія были заимствованы для „Свода" система и многія опредѣленія юридическихъ понятій и терминовъ.

Послѣ того, въ первый разъ общественное соучастіе при обсужденіи государственныхъ мѣръ было, до нѣкоторой степени, допущено при крестьянской реформѣ. Но дѣло это было исключительное и оно, конечно, никакъ не можетъ быть поставлено на ряду съ общимъ ходомъ нашего законодательства. За тѣмъ, изъ тѣсныхъ предѣловъ канцелярскихъ занятій выступило составленіе „Судебныхъ уставовъ 1864 года". При этой вполнѣ юридической работѣ принимались въ соображеніе мнѣнія не однихъ лишь офиціальныхъ дѣятелей, но и постороннихъ лицъ. Кромѣ того, государственною канцеляріею были изданы „Судебные Уставы" съ приведеніемъ тѣхъ соображеній, которыми руководствовался государственный совѣтъ при окончательномъ обсужденіи каждой статьи. Благодаря этому, явилась возможность изучить наши нынѣшніе судебные порядки не съ одной только внѣшней стороны, но и имѣть руководительныя указанія на счетъ того, какъ слѣдуетъ болѣе правильнымъ образомъ понимать каждое указаніе находящееся въ упомянутыхъ „Уставахъ". Если бы у насъ существо-

вали подобнаго рода изданія по законодательству гражданскому и уголовному, то, вслѣдствіе этого, мы владѣли бы самымъ важнымъ матеріаломъ для юридическаго образованія, и знакомство съ нашимъ отечественнымъ законодательствомъ не съ одной только внѣшней стороны, но и научной точки зрѣнія было бы облегчено въ значительной степени. Теперь для достиженія этого приходится обращаться къ „Полному Собранію Законовъ Россійской Имперіи", руководствуясь ссылками на отдѣльныя законоположенія, помѣщенными подъ каждою статьею „Свода Законовъ". Не говоря уже о той трудности, съ которою соединено пользованіе „Полнымъ Собраніемъ", какъ изданіемъ чрезвычайно обширнымъ, дорогимъ и, потому, вообще малодоступнымъ, самый способъ такого изученія оказывается крайне неудовлетворительнымъ. Это происходитъ отъ того, что и въ указахъ и въ уставахъ и въ подробныхъ особыхъ положеніяхъ большею частію не объясняются тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ появилось какое либо законодательное распоряженіе, точно также тамъ не встрѣчается почти никогда и тѣхъ указаній, по которымъ были приняты та или другая законодательная мѣра. Наконецъ, рѣдко даже самый важнѣйшій юридическій вопросъ развивался въ нашемъ законодательствѣ органически и слѣдовательно, въ связи съ предъидущими однородными узаконеніями; но обыкновенно все дѣло велось отрывочно: законъ появлялся случайно и, кромѣ того, зачастую онъ, не отмѣняя прежде изданныхъ правилъ, впадалъ въ противорѣчіе съ другими, дѣйствующими по тому же предмету, законами. Все это должно чрезвычайно затруднять научную разработку русскаго законодательства, такъ что, на основаніи существующихъ у насъ, печатныхъ матеріаловъ, едва ли можно написать такое юридическое сочиненіе, которое во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяло бы требованіямъ современной критики. Понятно, что при такихъ

неблагопріятныхъ условіяхъ, спеціальная ученая подготовка по русскому, какъ гражданскому, такъ и уголовному праву представляется слишкомъ трудною задачею, такъ какъ большую часть выводовъ о духѣ и развитіи нашего законодательства приходилось бы основывать на произвольныхъ догадкахъ. Этимъ объясняется крайная бѣдность въ дѣльныхъ сочиненіяхъ по нашимъ гражданскимъ и уголовнымъ законамъ, такъ что вообще въ нашей юридической литературѣ гораздо болѣе разработана иностранная теорія этихъ законовъ, нежели русское законодательство въ его историческомъ развитіи и современномъ проявленіи. Вообще до новаго у насъ изданія гражданскаго и уголовнаго кодексовъ въ томъ видѣ, въ какомъ были изданы государственною канцеляріею „Судебные уставы 1864 г.“, систематическая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и удовлетворительная разработка нашего отечественнаго законодательства, въ двухъ главнѣйшихъ его отрасляхъ, почти немыслима.

Но если русское законовѣдѣніе, какъ наука, поставлено еще до сихъ поръ не въ выгодное положеніе, то вмѣстѣ съ тѣмъ и распространеніе элементарнаго, такъ сказать, догматическаго познанія дѣйствующихъ у насъ законовъ, чрезвычайно слабо и ограничено. Хотя основнымъ правиломъ какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго судопроизводства признается, что невѣдѣніемъ закона никто отзываться не можетъ, но на практикѣ выходитъ совершенно иначе, потому что въ большей части процессовъ пришлось бы, по совѣсти, оказать снисхожденіе и тяжущимся и виновнымъ, именно вслѣдствіе невѣдѣнія ими самыхъ главныхъ узаконеній. Надобно сказать, что даже среди наиболѣе образованныхъ классовъ нашего общества не установился еще вѣрный взглядъ на основныя юридическія понятія. Такъ, напримѣръ, весьма не многіе уяснили себѣ одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, а именно: какое дѣйствіе должно считаться законнымъ и на оборотъ?

Вслѣдствіе господствовавшей въ нашихъ судахъ формалистики, у насъ укоренилось мнѣніе, что законнымъ дѣйствіемъ можетъ быть только то, которое можно подвести подъ извѣстную статью закона. Между тѣмъ вполнѣ законнымъ дѣйствіемъ можетъ быть и такое, которое не опредѣляется никакимъ положительнымъ закономъ, такъ какъ для его законности вполнѣ достаточно только того, чтобы оно не нарушало закона вообще или не посягало бы на какое нибудь особое право. Очень часто считаютъ у насъ законъ обязательнымъ во всякомъ случаѣ и находятъ невозможнымъ опредѣлить свои юридическія отношенія и дѣйствія иначе, какъ только примѣненіемъ ихъ къ извѣстной статьѣ „Свода Законовъ", тогда какъ законодательная власть не настаиваетъ вовсе на такомъ примѣненіи.

Также очень часто можно слышать отъ людей, повидимому достаточно свѣдущихъ по юридической части, что того-то и того-то нельзя сдѣлать, потому что это не разрѣшено прямымъ закономъ. Такой ошибочный взглядъ на ограничительную силу законовъ отзывается на практикѣ весьма чувствительно. Имъ весьма ловко умѣютъ пользоваться разнаго рода адвокаты, стряпчіе и ходатаи для застращиванія своихъ кліентовъ и для приданія порученному имъ дѣлу такой важности, какой въ сущности оно вовсе не имѣетъ. Поэтому нерѣдко, даже въ дѣлѣ чисто гражданскомъ, они грозятъ возможностію уголовнаго процесса со стороны противниковъ и, конечно, тѣмъ самымъ возвышаютъ цѣну своихъ юридическихъ услугъ.

Чрезвычайно слабымъ распространеніемъ у насъ первоначальнаго юридическаго образованія объясняется огромный приливъ дѣлъ во всѣ судебныя инстанціи. Множество имущественныхъ сдѣлокъ и большинство всякаго рода обязательствъ никогда не могли бы обратиться въ спорные процессы, если бы, при заключеніи ихъ, лица, въ нихъ участвовавшія, были хотя нѣсколько знакомы сами съ

гражданскими законами. Тогда они были бы въ состояніи не только предотвратить могущія быть злоупотребленія противной стороны, но и предупредить тѣ недоразумѣнія, которыя, помимо доброй воли самихъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, возникаютъ иногда только вслѣдствіе несоблюденія ими необходимыхъ формальностей. А какая громадная масса спорныхъ дѣлъ вазникаетъ у насъ по домашнимъ духовнымъ завѣщаніямъ, хотя правильное ихъ составленіе и не требуетъ особой юридической премудрости. Наконецъ, сколько происходитъ неправильныхъ тяжбъ и исковъ по такимъ дѣламъ, по которымъ проигрышъ бываетъ какъ нельзя болѣе очевиденъ, но къ веденію которыхъ дѣльцы побуждаютъ своихъ кліентовъ, пользуясь тѣмъ, что эти послѣдніе не имѣютъ рѣшительно никакого понятія о силѣ и требованіяхъ закона. Всѣхъ этихъ практическихъ соображеній весьма достаточно для того, чтобы убѣдиться въ необходимости распространенія у насъ юридическаго образованія.

Прежній порядокъ, какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго судопроизводства, при закрытыхъ дверяхъ, никакъ не могъ способствовать этой цѣли. Кромѣ того, безъ существованія кассаціонной инстанціи никакъ не могло установиться однообразнаго пониманія законовъ. Каждый судъ истолковывалъ законъ по-своему и даже рѣшенія сената и государственнаго совѣта не считались обязательными для низшихъ присутственныхъ мѣстъ, такъ какъ каждое изъ нихъ, только по собственному усмотрѣнію, могло руководствоваться подобнымъ рѣшеніемъ. Печать была крайне стѣснена, при разсмотрѣніи юридическихъ вопросовъ, какъ съ теоретической, такъ равно и съ практической точки зрѣнія, потому что критическій разборъ судебныхъ рѣшеній и законодательныхъ мѣръ, хотя бы и въ самыхъ сдержанныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ, считался порицаніемъ правительственной власти. Теперь

всѣ эти неудобства устранены: гласность суда, учрежденіе кассаціонныхъ инстанцій и извѣстная доля свободы, предоставленная русской прессѣ по обсужденію юридическихъ вопросовъ, въ значительной степени облегчаютъ практическое изученіе дѣйствующаго у насъ законодательства.

Что же касается существующихъ у насъ способовъ для пріобрѣтенія научнаго образованія, то о нихъ должно сказать слѣдующее:

Главнымъ разсадникомъ нашихъ ученыхъ юристовъ считается училище правовѣдѣнія. Училище это имѣетъ характеръ сословнаго заведенія, и потому вліяніе его отзывается лишь на извѣстномъ небольшомъ кругѣ нашего общества, не говоря уже о томъ, до какой степени можетъ быть удовлетворительна научная подготовка воспитанниковъ этого заведенія. Кромѣ того, особыя, предоставляемыя имъ преимущества по службѣ въ прежнее, еще весьма недавнее время и быстрота чиновничьей карьеры слишкомъ слабо содѣйствовали тому, чтобы питомцы привеллигированнаго юридическаго училища занимались учеными трудами по своей спеціальности. Конечно и здѣсь были исключенія, но мы говоримъ объ общихъ явленіяхъ, а не о частныхъ случаяхъ.

Юридическіе факультеты нашихъ университетовъ подготовляли дѣльныхъ и свѣдущихъ юристовъ; но факультеты эти были обыкновенно весьма малочисленны. На службѣ же по судебному вѣдомству, университетскіе студенты далеко были отодвигаемы назадъ правовѣдами, и потому рѣдко кто изъ студентовъ поступалъ въ это вѣдомство, а тѣ, которые поступали, оставались въ такомъ положеніи, что имъ было не до ученыхъ трудовъ. Замѣчательно, что лица, всего болѣе подѣйствовавшіе у насъ на развитіе научнаго юридическаго образованія, въ дѣйствующемъ теперь поколѣніи,—профессоры Жиряевъ и Мейеръ—были студентами юридическаго факультета, существовавшаго при

главномъ педагогическомъ институтѣ. Нынѣ юридическіе факультеты нашихъ университетовъ стали гораздо многочисленнѣе, потому что не только служба по судебной части представляетъ болѣе обезпеченія и простора, но и потому, что и безъ нея образованный и дѣятельный юристъ надѣется найти подходящія для него занятія. Слабое развитіе у насъ высшаго юридическаго образованія обнаружилось между прочимъ и въ томъ, что на должности въ новыя судебныя учрежденія пришлось назначать лицъ, не получившихъ такого образованія; то же самое пришлось сдѣлать и при составленіи корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ.

Наши среднія учебныя заведенія т. е. гимназіи, не содѣйствуютъ нисколько распространенію основныхъ юридическихъ познаній. Тамъ ученики, безъ всякаго практическаго приложенія въ будущемъ, сидятъ надъ изученіемъ греческихъ склоненій и спряженій, а между тѣмъ, по окончаніи полнаго курса, не имѣютъ никакого понятія о тѣхъ законахъ, подъ которыми имъ приходится жить и дѣйствовать. Явленіе вообще весьма ненормальное и оно тѣмъ болѣе еще заслуживаетъ удивленія, что главная масса мировыхъ судей, этихъ весьма важныхъ дѣятелей на юридическомъ поприщѣ, должна будетъ постоянно и преимущественно формироваться изъ лицъ, обучавшихся въ гимназіяхъ. Въ виду этого, нельзя не отдать предпочтенія той программѣ, гимназическаго образованія, которая была введена у насъ въ 1846 году, когда въ число предметовъ гимназическаго курса, въ замѣнъ греческаго языка, было включено русское законовѣдѣніе. Въ настоящее время, возвратиться къ этому было бы чрезвычайно полезно. Въ этомъ не трудно будетъ убѣдиться, принявъ во вниманіе, какъ отражается на нашихъ судахъ и на всемъ нашемъ обществѣ крайне слабое распространеніе у насъ юридическихъ знаній.

Одно изъ самыхъ важнѣйшихъ достоинствъ нашихъ новыхъ судебныхъ порядковъ заключается, между прочимъ, въ томъ, что каждый, являющійся передъ судомъ, какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и по дѣламъ уголовнымъ, пользуется полною самостоятельностію для защиты своихъ имущественныхъ правъ и нравственныхъ интересовъ. На практикѣ, однако такого рода самосостоятельность оказывается чрезвычайно ничтожною, вслѣдствіе слишкомъ слабаго развитія юридическаго образованія во всѣхъ классахъ нашего общества. Весьма рѣдко случается видѣть, чтобы не только въ окружномъ судѣ, судебной палатѣ и въ кассаціонныхъ департаментахъ сената, но и въ мировыхъ учрежденіяхъ вели даже самое простое и несложное дѣло тѣ, которыхъ оно непосредственно касается, хотя, повидимому, они, по степени своего общаго образованія и могли бы сдѣлать это. Причина этому та, что у насъ знакомство съ отечественнымъ законодательствомъ считается предметомъ спеціальнаго изученія, между тѣмъ какъ изученіе греческаго языка сдѣлано предметомъ тщательнаго обученія въ общеобразовательныхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ средняго разряда. Положительно можно сказать, что, если бы въ двухъ высшихъ классахъ нашихъ гимназій излагались,—на сколько это возможно,—русскіе гражданскіе и уголовные законы, то не проявлялось бы тогда то крайнее невѣжество, какое нынѣ, сплошь и рядомъ, замѣчается въ судахъ, когда оказывается, что человѣкъ образованный, по всей вѣроятности знающій греческіе аористы, не имѣетъ рѣшительно никакаго понятія о законахъ той страны, въ которой родился, живетъ и дѣйствуетъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ, разнаго рода защитники, стряпчіе и адвокаты являются у насъ какою-то особенною умственною силою, подчиняющею себѣ значительную массу общественныхъ интересовъ. Хотя лица эти, по своему юридическому образованію, бываютъ иной разъ крайне несостоя-

тельны, но, на основаніи того, что между слѣпцами и кривой можетъ быть отличнымъ путеводителемъ, они захватываютъ въ свои руки дѣла гражданскія и уголовныя, и имѣютъ при этомъ въ виду не столько интересы своихъ кліентовъ, сколько свои собственныя выгоды.

Мы не преувеличимъ нисколько существующихъ фактовъ, если скажемъ, что, вообще современная наша адвокатура въ низменныхъ своихъ сферахъ представляетъ верхъ безобразія. Между тѣмъ, явленіе это только и возможно тогда, когда во всемъ обществѣ чрезвычайно слабо распространено знаніе законовъ и когда вслѣдствіе этого, открывается большое удобство ловить рыбу въ мутной водѣ. Попробуйте, однако, распространить у насъ хотя основныя понятія о дѣйствующемъ законодательствѣ и вы увидите, что огромное число самозванныхъ юристовъ, такъ безсовѣстно нынѣ морочащихъ своихъ кліентовъ, быстро уменьшится. Теперь, не только простолюдины обращаются, въ случаѣ надобности, къ такъ называемымъ ими „облакатамъ“ или „дровокатамъ“. но и образованные люди, для которыхъ не подъ силу заплатить приличный гонорарій присяжному повѣренному, вынуждены обращаться къ людямъ этого сорта, такъ какъ они не получили сами первоначальнаго юридическаго образованія, и въ своей средѣ рѣдко встрѣчаютъ такихъ лицъ, съ которыми они могли бы посовѣтоваться по своему дѣлу. Правда, что въ настоящее время открыта въ Петербургѣ присяжными повѣренными здѣшняго судебнаго округа консультація, гдѣ бѣднымъ даются совѣты безвозмездно; но дѣло въ томъ, что учрежденіе это пользуется пока еще весьма малою извѣстностію, и во вторыхъ, что одного совѣта недостаточно бываетъ для большей части лицъ, заинтересованныхъ въ какомъ либо дѣлѣ, такъ что необходимо, чтобы кто нибудь взялся вести его на судѣ. Подобное учрежденіе могло бы привести практическую пользу только тогда, если бы у значительнаго чис-

ла лицъ, обращающихся въ консультацію присяжныхъ повѣренныхъ, была хоть какая нибудь юридическая подготовка. Тогда въ совѣтѣ, данномъ имъ юристомъ-спеціалистомъ, они могли бы найдти для себя точку опоры и повести сами дѣло въ дальнѣйшемъ его ходѣ. Теперь же весьма трудно сообразиться съ преподанными, хотя бы и весьма основательными наставленіями, потому что, при веденіи дѣла, имѣющіяся первоначально въ виду обстоятельства могутъ измѣниться, да при томъ и получившій подобныя наставленія на практикѣ не съумѣетъ распорядиться ими, какъ слѣдуетъ. По этому, лицо, затрудняющееся въ своемъ дѣлѣ, хотя, быть можетъ, и обратится иногда въ консультацію присяжныхъ повѣренныхъ, но потомъ все-таки передастъ его на произволъ какого нибудь частнаго защитника, имѣющаго многорѣчивую вывѣску о своихъ юридическихъ занятіяхъ или заявляющему о нихъ въ газетахъ. Вообще до тѣхъ поръ, пока юридическое, хотя бы первоначальное образованіе не сдѣлается у насъ предметомъ обученія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, никакъ нельзя надѣяться, чтобы адвокатура наша во всѣхъ проявленіяхъ достигла замѣтной степени улучшенія.

Задатки научнаго юридическаго образованія чрезвычайно важны. При помощи ихъ молодой человѣкъ, старательный и толковый, благодаря тѣмъ средствамъ,—какія въ настоящее время даютъ ему и наши судебные порядки, и наша пресса, легко можетъ сдѣлаться, положительно хоть и не знаменитымъ, но все же полезнымъ и дѣльнымъ юристомъ, а наконецъ, и помимо этого, онъ все-таки, въ случаѣ нужды, съумѣетъ повести самъ свое собственное простое дѣло, не требующее особыхъ юридическихъ соображеній.

Независимо отъ всего, что мы сказали, крайняя недостаточность юридическаго образованія отзывается у насъ весьма вредно и въ нашихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Нерѣдко приводится встрѣчать въ судахъ такихъ мировыхъ

судей, которые преблагополучно смѣшиваютъ гражданскія дѣла съ уголовными, не умѣютъ сами, безъ помощи секретаря, справиться даже и съ самыми употребительными томами „Свода Законовъ“, X и XV, такъ что томы эти, при незнаніи судьями даже системы узаконеній гражданскихъ и уголовныхъ, представляются для нихъ непроходимою дебрью. Между тѣмъ, эти господа не только сами—и при томъ въ извѣстныхъ случаяхъ даже безаппелляціонно — рѣшаютъ дѣла, но и входятъ, въ качествѣ членовъ мироваго съѣзда, въ составъ особой кассаціонной инстанціи, объясняющей истинный смыслъ законовъ! Понятно поэтому, что въ тѣхъ съѣздахъ мировыхъ судей, въ которыхъ засѣдаютъ подобные представители правосудія, всѣ дѣла остаются, какъ и въ прежнихъ присутственныхъ мѣстахъ, на непосредственномъ попеченіи секретарей, или же мировой съѣздъ послушно слѣдуетъ за заключеніями товарищей прукуроровъ, отказываясь отъ всякой самостоятельности. Между тѣмъ, преподаваніе отечественнаго законовѣдѣнія, хотя бы оно ограничивалось только знакомствомъ съ главнѣйшими формальностями судопроизводства, а также съ законами гражданскими и уголовными, предотвращало бы въ значительной степени возможность такихъ прискорбныхъ явленій, совершенно извращающихъ основныя начала „Судебныхъ уставовъ 1864 года“. Большинство личнаго состава мировыхъ судей, если не въ столицахъ, то въ другихъ городахъ и уѣздахъ, состоитъ—да по всей вѣроятности и впослѣдствіи будетъ состоять—преимущественно изъ лицъ, получившихъ образованіе въ гимназіяхъ. Хотя, быть можетъ, ихъ знанія по части древняго классицизма и будутъ заслуживать особаго уваженія, но, право, какъ-то странно видѣть возсѣдающимъ на судейскомъ креслѣ такого судью, которому не позаботились объяснить въ свое время даже и того, сколько, напримѣръ, существуетъ томовъ „Свода Законовъ“ и къ чему именно относится

каждый изъ нихъ. Какъ бы впрочемъ, ни были слабы результаты гимназическо-юридическаго образованія, но во всякомъ случаѣ оно устранило бы въ основѣ ту несообразность, какая встрѣчается нынѣ на каждомъ шагу. Намъ кажется, что ни государство, ни общество не были бы ни въ малѣйшей потерѣ, если бы въ виду насущной потребности, при каждой гимназіи, кромѣ обыкновеннаго курса, былъ открытъ еще юридическій курсъ. Нельзя не согласиться, что знаніе отечественнаго законодательства гораздо нужнѣе, и въ практическомъ отношеніи несравненно полезнѣе, нежели знаніе греческаго и латинскаго языковъ, на которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, обыкновенному смертному во всю его жизнь не придется сказать даже ни слова.

Конечно, намъ могутъ замѣтить, что хотя и нельзя отвергать справедливости нашихъ доводовъ, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляется трудность и, пожалуй, даже невозможность для осуществленія нашего предположенія, по недостатку въ преподавателяхъ русскаго законовѣдѣнія. Такое замѣчаніе можетъ быть вѣрно только отчасти, такъ какъ во всякомъ случаѣ найдти преподавателей этого предмета будетъ нисколько не труднѣе, нежели найдти учителей греческаго языка, а между тѣмъ соображеніе о такомъ затрудненіи не удержало отъ принятія классицизма въ основу нашего общаго образованія. Притомъ же, не безъ увѣренности можно сказать, что и городскія общества, и земство, охотно оказали бы съ своей стороны содѣйствіе къ введенію въ гимназическій курсъ преподаванія русскаго законовѣдѣнія, потому что потребность этого слишкомъ очевидна, и такимъ образомъ могли бы быть предоставлены средства тѣмъ молодымъ людямъ, которые пожелали бы приготовить себя въ университетахъ къ званію преподавателей русскихъ законовъ.

Въ судебной практикѣ незнаніе большинствомъ лицъ, являющихся въ судъ, самыхъ главныхъ и простыхъ тре-

бованій закона чрезвычайно замедляетъ ходъ дѣлъ. Особенно это замѣтно въ мировыхъ судахъ, гдѣ судьѣ приходится иногда долго объяснять отвѣтчику, истцу, обвинителю или подсудимому, такое правило закона, которое было бы совершенно понятно, если бы тѣ, до коихъ оно касается, были хоть мало-мальски знакомы съ законами. Само собою разумѣется, что странно было бы ожидать или требовать такого знакомства отъ безграмотнаго, темнаго люда; но дѣло въ томъ, что тѣмъ же самымъ отличается и большая часть лицъ, получившихъ, повидимому, достаточное общее образованіе. Обстоятельство это даетъ мировымъ судьямъ поводъ являться, въ своихъ камерахъ, какими-то наставниками по юридической части, а вмѣстѣ съ тѣмъ и терять напрасно время на такой предметъ, который не входитъ въ кругъ ихъ служебныхъ обязанностей. Но, конечно, это было бы совершенно излишне и представлялось бы только крайнею, исключительною въ нѣкоторыхъ лишь случаяхъ, потребностію, если бы во всѣхъ классахъ нашего общества, не господствовало полное незнаніе отечественныхъ законовъ.

Юридическое образованіе, хотя бы въ той степени, въ какой можно было получить его прежде въ гимназіяхъ, не сдѣлано обязательнымъ даже для лицъ, вступающихъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, и всякое требованіе на счетъ этого замѣнено лишь извѣстнымъ срокомъ службы по судебному вѣдомству. Иначе, впрочемъ, нельзя было бы и сформировать на первый разъ личный составъ присяжныхъ повѣренныхъ, потому что, какъ мы говорили, русское законовѣдѣніе вовсе не преподается у насъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ что даже студентъ, окончившій курсъ въ университетѣ,—но не по юридическому факультету,—оказывается совершенно несвѣдущимъ по этому предмету, если только онъ не ознакомится впослѣдствіи на службѣ съ тѣми отдѣльными узаконеніями, которыми

ему приходится руководствоваться при его оффиціальной дѣятельности. Вообще при введеніи въ дѣйствіе новыхъ „Судебныхъ Уставовъ“ не было, къ сожалѣнію, отдано особаго предпочтенія даже высшему юридическому образованію, и во многихъ случаяхъ оно поставлено ниже, нежели служба въ прежнихъ судебныхъ установленіяхъ, хотя такая служба и не соотвѣтствуетъ главнымъ требованіямъ новаго судебнаго порядка. Очевидно, что все это доказываетъ, какъ мало можно было разсчитывать на научную подготовку будущихъ нашихъ дѣятелей въ области правосудія, и потому пришлось набирать ихъ преимущественно изъ людей, усвоившихъ себѣ старую рутину нашей юрисдикціи, противъ которой такъ сильно возставало у насъ общественное мнѣніе, и несостоятельность которой была признана самимъ правительствомъ.

Между тѣмъ, несмотря на потребность въ юристахъ-спеціалистахъ и на необходимость распространить въ обществѣ хотя бы главныя понятія о дѣйствующемъ законодательствѣ, у насъ до сихъ поръ не дѣлается ничего для достиженія этой цѣли, да и вообще эта чрезвычайно важная отрасль знаній поставлена гораздо ниже другихъ. Такъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, этомъ центрѣ нашей умственной дѣятельности, нѣтъ учено-юридическаго общества для разработки вопросовъ гражданскаго и уголовнаго права, не учреждено никакихъ премій за лучшія сочиненія по юридической части, не составлено особыхъ стипендій для лицъ, желающихъ получить въ университетахъ высшее юридическое образованіе, главнымъ представителемъ котораго остается, по прежнему, одно привилегированное учебное заведеніе.

II.

О потребностяхъ и последствіяхъ усиленія губернаторской власти.

Значеніе губернаторовъ, какъ высшихъ представителей мѣстной администраціи, и въ настоящее время слишкомъ велико, такъ какъ губернаторъ есть первенствующее лицо въ губерніи. Притомъ вліяніе губернатора на всѣ лица, состоящія на службѣ въ губерніи, по какому бы то ни было вѣдомству, усилено еще болѣе, вслѣдствіе высочайше утвержденнаго, въ 1866 году, мнѣнія государственнаго совѣта. Въ силу же общихъ узаконеній, въ кругъ губернаторскихъ обязанностей, кромѣ общихъ дѣлъ, какъ-то: обнародованія законовъ, высочайшихъ повелѣній и указовъ и предписаній высшаго начальства, а также кромѣ наблюденія за исполненіемъ всего этого, входитъ еще обязанность: охранять дарованныя законами права, общественное благоустройство, благочиніе, права церкви и незыблемость вѣры православной, права дворянства, духовенства, городскихъ сословій и сельскихъ обывателей, и имѣть попеченіе о сохраненіи добрыхъ нравовъ. Независимо отъ всего этого, въ силу особыхъ законоположеній, надзоръ губернатора распространяется на дѣла разныхъ правительственныхъ вѣдомствъ, имѣющихъ какъ отдѣльное для себя управленіе въ каждой губерніи, такъ и высшую надъ собою центральную власть. Такимъ образомъ, административныя права губернатора и нынѣ, въ общей ихъ совокупности,

слишкомъ обширны, такъ что, вообще, едва ли даже можно распространить ихъ еще болѣе, безъ ущерба для необходимой самостоятельности другихъ вѣдомствъ. Правда что, со времени введенія въ дѣйствіе „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ", непосредственное участіе губернатора въ дѣлахъ народнаго продовольствія и общественнаго хозяйства подверглось нѣкоторому ограниченію, но все же вліяніе его на дѣла, перешедшія въ завѣдываніе земства, на столько значительно, что дальнѣйшее усиленіе этого вліянія отняло бы у земскихъ учрежденій возможность распоряжаться ввѣренными имъ дѣлами, по ихъ усмотрѣнію, въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ.

Съ своей стороны, конечно, и судебная реформа ограничила власть губернатора; но, въ отношеніи отправленія правосудія, прежнія права губернатора были крайне ненормальныя, когда на утвержденіе его представлялись изъ палаты дѣла уголовныя, а полиція, непосредственно подвѣдомственная ему, разбирала извѣстнаго рода дѣла, уголовныя и гражданскія. Слѣдовательно, установленіе вновь какого либо вліянія губернаторовъ на производство судебныхъ дѣлъ совершенно измѣнило бы тѣ начала, какія приняты въ основаніе „Судебныхъ Уставовъ 1864 года". Точно также и контрольное вѣдомство не можетъ подлежать ни малѣйшему надзору со стороны губернатора, потому что самое назначеніе контрольныхъ учрежденій требуетъ прежде всего, полной ихъ независимости. Изъ всего этого видно, что власть губернатора могла бы быть усилена на счетъ остальныхъ вѣдомствъ, а именно: военнаго, морскаго, финансоваго, почтоваго, телеграфнаго, путей сообщенія, народнаго просвѣщенія, духовнаго и удѣльнаго. Придя къ такому заключенію, нужно спросить: какимъ же образомъ это можетъ быть исполнено? Само собою разумѣется, что первоначальнымъ къ тому средствомъ должно служить предоставленіе губернатору права надзора и наблюденія

за всѣми этими вѣдомствами. Для того же, чтобы такое право было не фиктивное, а дѣйствительное, необходимо дать законный поводъ къ вмѣшательству, по его усмотрѣнію, въ каждое дѣло, производящееся въ отдѣльныхъ губернскихъ вѣдомствахъ, а также предоставить ему право ревизіи и контроля надъ этими вѣдомствами. Но, при такихъ условіяхъ дѣятельность губернатора будетъ столь обширна, что для него не окажется возможности вникать обстоятельно во всѣ отрасли мѣстнаго управленія; поверхностное же надъ ними наблюденіе не принесетъ ни какой существенной пользы, и только будетъ порождать замѣшательство и промедленіе. Положимъ, впрочемъ, что, для достиженія главной цѣли, т. е. для усиленія власти губернатора, рѣшатся допустить нѣкоторыя новыя неудобства въ ходѣ дѣлъ различныхъ вѣдомствъ; но спрашивается, какія же именно отношенія должно установить между властію губернатора и отдѣльными управленіями въ губерніи?

Отношенія эти, какъ предполагалось въ одномъ проектѣ *) будутъ заключаться въ томъ, что губернатору предоставится право пріостанавливать рѣшенія всѣхъ мѣстныхъ губернскихъ учрежденій и должностныхъ лицъ, кромѣ судебныхъ и контрольныхъ. О сдѣланной же пріостановкѣ губернаторъ долженъ будетъ только давать знать высшимъ властямъ. Понятно, что такое право должно сопровождаться самою разнообразною регламентаціею, потому что, какъ бы ни стремились составители проекта распространить власть губернатора, все таки ей долж-

---

*) Хотя настоящая статья относится собственно къ тому проекту, который появился было въ 1870 году, но тѣмъ не менѣе высказанныя по поводу его мысли нисколько не утрачиваютъ своего значенія и въ настоящее время, такъ какъ тѣ предложенія, которыя вошли въ составъ означеннаго проекта, могутъ повториться и въ послѣдующихъ проектахъ.

*

ны же быть положены извѣстные предѣлы, по каждой отрасли отдѣльнаго губернскаго управленія. Въ противномъ же случаѣ вовсе немыслимо будетъ существованіе единства въ системѣ дѣйствій каждаго центральнаго управленія, потому что такое единство можетъ ежеминутно нарушаться то въ той, то въ другой мѣстности, по усмотрѣнію губернатора. При томъ нельзя не согласиться, что даже самая тщательная регламентація будетъ въ состояніи только уменьшить число такихъ нарушеній, но не устранить ихъ окончательно. Поэтому мы крѣпко сомнѣваемся не только въ пользѣ, но даже и въ возможности придать губернаторской власти такую тормозящую силу, безъ того, чтобы подобный порядокъ не сопровождался безпрестанными столкновеніями губернатора съ высшими центральными учрежденіями. При такихъ условіяхъ, положеніе отдѣльныхъ губернскихъ учрежденій и должностныхъ лицъ будетъ чрезвычайно затруднительно, такъ какъ очень часто они, при исполненіи получаемыхъ ими отъ своего непосредственнаго начальства предписаній, обязаны будутъ сообразоваться съ личными воззрѣніями губернатора. Все это неизбѣжно породитъ въ мѣстной администраціи такую запутанность, которая самымъ вреднымъ образомъ отзовется на отправленія обязанностей отдѣльными губернскими учрежденіями и должностными лицами. Короче сказать: и тѣ и другія будутъ нерѣдко поставлены въ затрудненіе на счетъ того, чьи приказанія имъ слѣдуетъ исполнить предпочтительно: приказанія ли своего высшаго начальства, или же приказанія губернатора, и было бы крайне непрактично предполагать, что подобнаго рода затрудненіе можно устранить какими либо, хотя бы самыми подробными инструкціями, составленными по взаимному соглашенію центральныхъ управленій.

Но проектъ не ограничивается предоставленіемъ губернатору такого veto, а идетъ еще далѣе. По мысли проекта,

всѣ мѣстныя учрежденія, кромѣ суда и контроля, подчиняются надзору губернатора, который можетъ принимать личное участіе во всѣхъ дѣлахъ управленія, а въ особенно важныхъ случаяхъ—дѣлать непосредственныя распоряженія. Если эта мысль проекта осуществится, въ законодательномъ порядкѣ, то положительно можно сказать, что послѣдствіемъ предоставленія губернатору такого права будетъ совершенное разстройство всей мѣстной администраціи. Мы говоримъ это безъ всякаго преувеличенія, и надѣемся, что какъ прежде высказанныя нами замѣчанія, такъ и приводимыя нами ниже соображенія подтвердятъ справедливость такого неутѣшительнаго пророчества.

Извѣстно очень хорошо, что въ каждомъ вопросѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ вопросѣ объ администраціи, всего вреднѣе бываетъ односторонность взгляда. Между тѣмъ, въ разсматриваемомъ нами проектѣ все сводиться къ одному лишь предмету, а именно: къ усиленію власти губернатора, не только расширеніемъ его права надъ непосредственно-подчиненными ему учрежденіями, но и надъ посторонними вѣдомствами. Въ слѣдствіе этого, упускается изъ виду то особое назначеніе, какое должно имѣть каждое изъ этихъ учрежденій, и котораго они могутъ достигнуть только тогда, когда они дѣйствуютъ въ кругу твердо установившихся для нихъ правилъ. Между тѣмъ исполненіе тѣхъ предположеній, о которыхъ мы сказали, будетъ постоянно угрожать нарушеніемъ такихъ правилъ, въ слѣдствіе вмѣшательства лица, не имѣющаго возможности, уже по одному только разнообразію своихъ занятій, вникать обстоятельно въ дѣла особыхъ учрежденій, требующія, большею частію, и особыхъ свѣдѣній и нѣкотораго освоенія съ ними. Опытъ достаточно убѣждаетъ, что самые способные, добросовѣстные и дѣятельные губернаторы не въ силахъ принимать постояннаго участія даже въ тѣхъ комитетахъ, которые состоятъ нынѣ въ непосредственномъ

ихъ завѣдыванiи, такъ что ихъ участiе въ этихъ учрежденiяхъ бываетъ обыкновенно лишь номинальное. Чего же приходится ожидать, когда на губернатора будетъ возложенъ надзоръ за всѣми правительственными учрежденiями въ губернiи, когда ему будетъ предоставлено право останавливать всѣ ихъ рѣшенiя и принимать личное участiе въ ихъ дѣлахъ и, наконецъ, въ особенно-важныхъ случаяхъ, дѣлать непосредственныя распоряженiя? Чтобы понять, до какой степени невозможно осуществить на практикѣ это предположенiе, нужно принять въ соображенiе только то, что губернаторъ, для пользованiя предоставленными ему столь обширными правами, долженъ будетъ безостановочно слѣдить за ходомъ дѣлъ во всѣхъ губернскихъ учрежденiяхъ. Въ противномъ случаѣ, участiе его въ этихъ дѣлахъ будетъ не болѣе какъ случайностiю, потому что только особыя обстоятельства будутъ указывать ему на необходимость его вмѣшательства.

Мы уже не говоримъ о той медленности, какая, безъ всякаго сомнѣнiя, должна будетъ оказаться, въ слѣдствiе того, что иногда, при обремененiи губернатора одними дѣлами, придется откладывать разсмотрѣнiе другихъ, а также о томъ, какъ должна будетъ усилиться переписка не только съ мѣстными, но и съ центральными учрежденiями. Все это, а также неравномѣрность губернаторскаго участiя въ дѣлахъ разныхъ учрежденiй, неодинаковость, во многихъ случаяхъ, взгляда на одинъ и тотъ же вопросъ, какъ со стороны его, такъ и со стороны особаго вѣдомства, прямо поведутъ къ разстройству мѣстной администрацiи.

Что же касается собственно фактическаго, а не видимаго только усиленiя губернаторской власти, то едва ли оно будетъ достигнуто тѣми средствами, какiя предлагаются въ проектѣ. Мы, конечно, соглашаемся съ тѣмъ, что, въ слѣдствiе ихъ, личная власть губернатора получитъ на мѣстѣ огромное, небывалое еще значенiе; но, вмѣстѣ съ

этимъ, нельзя не предвидѣть и того, что, при такихъ условіяхъ, ей могутъ быть наносимы извнѣ весьма чувствительные удары, которые будутъ ослаблять ее и во мнѣніи служащихъ, и въ глазахъ цѣлаго общества. Такъ, весьма естественно ожидать, что иногда пріостановка рѣшенія, сдѣланная губернаторомъ, направленіе дѣла, разсмотрѣннаго при его участіи, и, наконецъ, мѣра, непосредственно имъ принятая, не будутъ одобрены подлежащею высшею властію. Не подлежитъ, однако, ни малѣйшему сомнѣнію, что подобные, хотя бы и весьма рѣдкіе случаи будутъ сильно ронять достоинство губернаторской власти, и такіе случаи будутъ повторяться тѣмъ чаще, чѣмъ обширнѣе будутъ права губернатора по надзору за дѣйствіями всѣхъ мѣстныхъ губернскихъ учрежденій. Наконецъ, относительно этой стороны дѣла, мы позволимъ себѣ объясниться съ полною откровенностію. То обстоятельство, что между различными вѣдомствами существуетъ очень часто своего рода антагонизмъ, не составляетъ никакой тайны. Подъ вліяніемъ этого антагонизма, легко будутъ возникать въ высшихъ центральныхъ учрежденіяхъ пререканія о предѣлахъ губернаторской власти по отдѣльнымъ вѣдомствамъ и о неумѣстности лично дѣлаемыхъ имъ распоряженій. Такой ходъ дѣла поведетъ къ тому, что высшія управленія, въ огражденіе своей самостоятельности, признаютъ болѣе удобнымъ ограничить кругъ дѣятельности губернскихъ, подвѣдомственныхъ имъ учрежденій. Эта мѣра весьма естественно повлечетъ за собою не только уменьшеніе вліянія со стороны губернатора, но и до нѣкоторой степени отзовется невыгодно на скоромъ рѣшеніи дѣлъ въ мѣстныхъ губернскихъ учрежденіяхъ, права которыхъ будутъ перенесены на центральныя управленія. Нельзя также не имѣть въ виду еще и той особенности, что губернаторъ, по своему званію, находится въ непосредственномъ подчиненіи министерства внутреннихъ дѣлъ, и что,

слѣдовательно, съ распространеніемъ губернаторской власти на губернскія учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, установится косвеннымъ образомъ тяготѣніе этого министерства па равныя ему центральныя управленія, въ ущербъ значенія этихъ послѣднихъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ явится своего рода премьеромъ.

Кромѣ тѣхъ правъ, которыя предполагается предоставить губернатору, и о которыхъ мы уже говорили, ему, по проекту, предоставляется еще власть издавать распоряженія, въ развитіе дѣйствующихъ законовъ о благоустройствѣ и благочиніи и о пресѣченіи преступленій. Если такое право было бы предоставлено губернатору, то онъ явился бы, въ сущности, представителемъ не только исполнительной и наблюдательной, но и законодательной власти. Извѣстно, что каждый общій законъ, посредствомъ даже самаго послѣдовательнаго развитія, можно довести до того, что основное начало закона совершенно утратится, и, вмѣсто его, будутъ дѣйствовать только частныя правила. Въ примѣръ этого, можно указать хоть на законы о пресѣченіи преступленій, въ составъ которыхъ входитъ, между прочимъ, и „Уставъ о паспортахъ". Этотъ „Уставъ" разными частными правилами можно развить до того, что наша паспортная система сдѣлается еще тягостнѣе, нежели теперь. Точно тоже должно сказать и о законахъ, относящихся къ благоустройству и благочинію. Вообще же можно замѣтить, что если упомянутое предположеніе получитъ силу, то, по прошествіи нѣкотораго времени, легко можетъ быть, что, при переѣздѣ изъ одной губерніи въ другую, проѣзжій будетъ думать, что онъ переѣзжаетъ изъ одного государства въ другое. До такой степени могутъ сдѣлаться неодинаковы разные уставы, при развитіи ихъ, съ собственной точки зрѣнія губернаторовъ.

Изъ того, что мы сказали о предполагаемой реформѣ въ губернской администраціи, видно, что губернатору намѣре-

вались дать такія права, которыя, поставили бы его во главѣ всѣхъ администрацій, принизивъ, такъ сказать, передъ его личною властію главныхъ мѣстныхъ представителей по прочимъ отраслямъ государственнаго управленія. Подобный порядокъ, конечно, могъ быть допущенъ въ то время, когда отдѣльныя мѣстныя учрежденія по слабому развитію завѣдываемыхъ ими предметовъ, могли требовать губернаторскаго надзора только со стороны точнаго исполненія общихъ узаконеній или даже особыхъ инструкцій, данныхъ на извѣстные случаи центральною властію, и когда сношенія между этою властію и подчиненными ей мѣстами и лицами, не только при отсутствіи телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, но и при медленныхъ почтовыхъ сообщеніяхъ, сопровождались большими неудобствами. При такихъ условіяхъ, особое уполномочіе, данное правительствомъ одному лицу по главному завѣдыванію всѣми отраслями мѣстнаго управленія, могло даже казаться необходимою мѣрою, которая устраняла бы, безъ дальнихъ проволочекъ, возникающія въ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ недоразумѣнія и пресѣкала бы немедленно встрѣчающіяся тамъ злоупотребленія и уклоненія отъ общаго порядка. Въ настоящее же время подобное уполномочіе надобно признать положительно неумѣстнымъ, такъ какъ теперь отдѣльныя отрасли государственнаго управленія до такой уже степени вошли въ свои точные предѣлы, а многія изъ нихъ сдѣлались на столько спеціальными, что поверхностное наблюденіе надъ ними не принесетъ никакой существенной пользы. Вмѣшательство же лица, не имѣющаго возможности слѣдить постоянно за ходомъ дѣлъ въ отдѣльныхъ управленіяхъ, будетъ служить только помѣхою, но отнюдь не содѣйствовать правильному ихъ теченію. Кромѣ того, и сношенія губернскихъ учрежденій съ начальствующимъ надъ ними центральнымъ вѣдомствомъ не представляютъ теперь прежнихъ затрудне-

ній; въ мѣстностяхъ же отдаленныхъ существуютъ генералъ-губернаторы, власть которыхъ достаточна для того, чтобы, въ крайнихъ обстоятельствахъ, принять особыя мѣры. Такимъ образомъ, всѣ эти соображенія заставляютъ прійдти къ тому заключенію, что усиленіе губернаторской власти, въ ущербъ самостоятельныхъ дѣйствій отдѣльныхъ губернскихъ управленій, какъ мѣра, несоотвѣтствующая настоящимъ потребностямъ,—сопровождалась бы весьма невыгодными результатами.

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что самый проектъ, о которомъ у насъ идетъ теперь рѣчь,—какъ бы находилъ нужнымъ умѣрить личную власть губернатора учрежденіемъ при немъ губернскаго совѣта. Сказанный совѣтъ долженъ замѣнить собою губернское правленіе и, состоя изъ вице-губернатора, прокурора окружнаго суда и начальниковъ отдѣльныхъ частей, долженъ вѣдать дѣла, требующія не быстроты дѣйствій, а старательнаго ихъ обсужденія. Предположено было дѣла въ совѣтахъ рѣшать по большинству голосовъ, а, при несогласіи губернатора съ мнѣніемъ большинства, дѣла должны переходить къ министру внутреннихъ дѣлъ. Остановимся пока на этихъ чертахъ проектированнаго губернскаго совѣта.

Замѣтимъ прежде всего, что учрежденіе такого рода совѣтовъ не представляетъ въ сущности оригинальнаго изобрѣтенія. Мысль о совѣтѣ заимствована, очевидно, изъ административнаго устройства во Франціи, гдѣ при департаментскихъ префектахъ состоятъ совѣты изъ лицъ, особо назначаемыхъ правительствомъ. Такой составъ совѣтовъ мы находимъ болѣе удобнымъ, нежели тотъ, какой предполагается ввести у насъ. Причины тому обнаружатся ниже. Конечно, мы не имѣемъ въ виду обсуживать здѣсь примѣнимость такихъ совѣтовъ къ потребностямъ французской администраціи. Для насъ вопросъ о подобныхъ учрежденіяхъ важенъ только по отношенію къ Россіи и къ тому

общему складу, какимъ отличается наша администрація. Излишне, кажется, возражать противъ того, чтобы, при такомъ разностороннемъ администраторѣ, какъ губернаторъ, не состояли дѣльные и свѣдущіе совѣтники. Потребность для него въ такихъ лицахъ оправдывается и вполнѣ вѣрною русскою поговоркою: „одинъ умъ хорошъ, а два лучше“; поговорка эта, въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ основательнѣе, что на губернаторскую должность нерѣдко назначаются у насъ изъ лицъ служившихъ только въ военной, сухопутной, кавалерійской или морской службѣ и, слѣдовательно, не имѣвшихъ возможности ознакомиться съ порядкомъ гражданской администраціи. Мы думаемъ даже, что если оставить совершенно въ сторонѣ вопросъ объ учрежденіи губернскихъ совѣтовъ, то все же не лишнимъ было бы войдти въ соображеніе о пользѣ назначенія при губернаторахъ особыхъ чиновниковъ, въ качествѣ губернскихъ юрисъ-консультовъ. Такимъ образомъ, не будучи нисколько противъ поддержки дѣятельности губернатора какъ свѣдущимъ юристомъ, такъ и какимъ либо совѣтомъ, мы признаемъ, однако, нужнымъ возразить противъ той организаціи, какая проектируется для подобнаго учрежденія, и въ особенности противъ тѣхъ отношеній, какія предполагается установить между совѣтомъ, съ одной стороны, а съ другой, между губернаторомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Если бы губернскій совѣтъ получилъ значеніе только совѣщательной коллегіи, то присутствіе въ немъ лицъ, завѣдующихъ въ губерніи отдѣльными частями, было бы мѣрою чрезвычайно полезною. Тогда каждое изъ такихъ лицъ имѣло бы возможность высказать свое мнѣніе, безъ потери своего служебнаго достоинства и своихъ правъ по непосредственному распоряженію ввѣренною ему частію. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, губернатору предполагается дать власть пріостанавливать рѣшенія всѣхъ мѣстныхъ

губернскихъ учрежденій и должностныхъ лицъ. При такихъ условіяхъ, эти послѣднія лица могутъ быть весьма несамостоятельными совѣтниками, находясь подъ безпрестанною зависимостію обширной власти, присвоенной губернатору. Ихъ отношенія къ нему породятъ въ нихъ ту уступчивость, и даже, статься можетъ, ту податливость, на которыя обыкновенно бываетъ способенъ почти каждый человѣкъ передъ тѣмъ, кто превосходитъ его своими правами и властію. Кромѣ того, нельзя не обратить вниманіе еще и на ту особенность, какою должно сопровождаться несогласіе губернатора съ мнѣніемъ большинства, когда, въ слѣдствіе этого, дѣло переходитъ къ министру внутреннихъ дѣлъ. При такихъ условіяхъ, совѣтъ рѣшительно теряетъ характеръ коллегіальнаго учрежденія, и весьма естественно, что каждый членъ совѣта будетъ весьма равнодушно относиться къ своему совѣщательному праву, сознавая очень хорошо, что мнѣніе его не будетъ имѣть никакого значенія, если оно не удостоится одобренія со стороны губернатора. Надобно принять въ соображеніе еще и слѣдующую, встрѣчающуюся въ проектѣ, несообразность. Положимъ, что въ губернскомъ совѣтѣ обсуждается вопросъ, по управленію государственныхъ имуществъ, и что лицо, завѣдующее этою частію въ губерніи, а съ нимъ и большинство членовъ совѣта, несогласны съ мнѣніемъ губернатора. Казалось бы, что, при такихъ условіяхъ (если бы учрежденіе губернскихъ совѣтовъ состояло на предположенныхъ основаніяхъ), упомянутое дѣло должно быть обращено непосредственно въ подлежащее министерство; но составители проекта иначе смотрятъ на это, и находятъ нужнымъ, чтобы дѣло перешло къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Еще болѣе значенія должно будетъ отнять у губернскаго совѣта то правило, по которому, въ случаяхъ чрезвычайныхъ или по такимъ вопросамъ, которые будутъ вне-

сены въ совѣтъ самимъ губернаторомъ — внѣ требованія закономъ и при разногласіи въ совѣтѣ—губернатору предоставляется право приводить въ исполненіе рѣшеніе, предложенное имъ самимъ. Признаемся, что мы крѣпко сомнѣваемся въ возможности допустить подобное правило. Оно сдѣлало бы изъ совѣта не консультацію, учрежденную правительствомъ—за которою, въ слѣдствіе этого все таки необходимо признать нѣкоторый официальный авторитетъ — но частную бесѣду, при которой постороннія мнѣнія ни въ какомъ случаѣ не бываютъ обязательны для того, кто высказываетъ свое собственное противное мнѣніе. Если бы порядокъ, подобный проектируемому, допускался при равномъ раздѣленіи голосовъ въ губернскомъ совѣтѣ, то право губернатора приводить въ исполненіе предложенное имъ рѣшеніе основывалось бы на томъ общемъ правилѣ, въ силу коего голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ тому равному числу голосовъ, на сторонѣ котораго онъ находится. Между тѣмъ разногласіе очень часто можетъ заключаться лишь въ томъ, что только одинъ изъ членовъ совѣта не сойдется съ мнѣніемъ своихъ товарищей. Какъ же должны будутъ смотрѣть на самихъ себя члены губернскаго совѣта, зная, что и коллективныя ихъ заявленія, и отдѣльныя ихъ мнѣнія могутъ быть вовсе не приняты въ уваженіе, и что, напротивъ, губернаторъ въ правѣ привести въ исполненіе то именно рѣшеніе, съ которымъ, не согласился никто изъ членовъ совѣта? При томъ и въ юридическомъ отношеніи едва ли можетъ быть установлено правило, предоставляющее губернатору власть вносить въ совѣтъ дѣла „внѣ требованія закона". На членовъ губернскаго совѣта ни какъ нельзя будетъ смотрѣть, какъ на частныхъ совѣтчиковъ губернатора, а потому они, при внесеніи имъ въ совѣтъ такихъ дѣлъ, которыя, по закону, не подлежатъ разсмотрѣнію совѣта, не только будутъ имѣть полное право, но даже и обязаны будутъ уклониться отъ совѣщанія по

предметамъ, выходящимъ изъ круга ихъ компетентности. Они могутъ, въ этомъ случаѣ, совѣщаться съ губернаторомъ, только въ качествѣ частныхъ лицъ, а потому совѣщанія подобнаго рода и не могутъ быть отнесены къ числу офиціальныхъ обязанностей губернскаго совѣта.

Нельзя также не обратить вниманія и на то, что въ перечнѣ лицъ, изъ которыхъ, по проекту, долженъ будетъ состоять губернскій совѣтъ, не упоминаются ни членъ отъ земства, ни членъ отъ городскаго общественнаго управленія, тогда какъ, при взаимной связи правительственныхъ интересовъ съ общественными,—земскими и городскими,—присутствіе такихъ лицъ въ губернскомъ совѣтѣ представляется настоятельною надобностію.

Вѣдѣнію губернскихъ совѣтовъ предлагаютъ поручить дѣла судныя, о преданіи чиновниковъ суду за преступленіе по должности и разборъ жалобъ частныхъ лицъ на неосмотрительныя дѣйствія чиновниковъ. Безъ всякаго сомнѣнія, разборъ такихъ жалобъ долженъ ограничиваться только тѣми дѣйствіями, за которыя, по закону, полагаются лишь дисциплинарныя взысканія. Безусловное же предоставленіе губернскому совѣту разбирать всѣ жалобы частныхъ лицъ на губернскихъ чиновниковъ смѣшивало бы снова административную власть съ судебною. Что же касается постановленій о преданіи суду служащихъ, то право на постановленія такого рода переходитъ, весьма естественно, къ губернскимъ совѣтамъ, которые должны замѣнить собою нынѣшнія губернскія правленія. Губернскіе совѣты должны также обсуждать предварительно распоряженія, дополняющія законы о благоустройствѣ, благочиніи и пр., а также разсматривать пререканія мѣстныхъ учрежденій между собою, случаи непримѣнимости вновь изданныхъ законовъ и вообще особо-важныя административныя дѣла. Конечно, никакъ нельзя оспаривать пользу учрежденій, имѣющихъ подобное совѣщательное назначеніе. Они,

во многихъ случаяхъ, могли бы водворить стройность въ дѣйствіяхъ мѣстной администраціи и способствовать центральной власти указаніемъ ей на непримѣнимость въ той или другой мѣстности общихъ правительственныхъ распоряженій. Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что цѣль такихъ учрежденій не будетъ вовсе достигнута, если они будутъ поставлены въ тѣ отношенія къ губернатору, при которыхъ губернскіе совѣты не въ состояніи будутъ пользоваться ни малѣйшею самостоятельностію. Кромѣ того, какъ мы видѣли, при проектируемомъ порядкѣ рѣшеній въ губернскихъ совѣтахъ, и высшія центральныя учрежденія будутъ поставлены какъ бы въ завѣдываніе со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, чрезъ котораго до нихъ будутъ доходить дѣла, подлежащія непосредственно, а иногда и исключительно лишь собственному ихъ усмотрѣнію. Наконецъ, вся вообще губернская администрація въ ея многочисленныхъ развѣтвленіяхъ, за исключеніемъ вѣдомствъ судебнаго и контрольнаго, не будетъ имѣть ни достаточной твердости, ни необходимой увѣренности въ дѣйствительности своихъ распоряженій, если, какъ предполагается въ проектѣ, губернаторъ будетъ имѣть право принимать личное участіе во всѣхъ дѣлахъ управленія, дѣлать въ особенно-важныхъ случаяхъ непосредственныя распоряженія и, что всего важнѣе, даже пріостанавливать рѣшенія всѣхъ мѣстныхъ губернскихъ учрежденій, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ вѣдомствъ.

Что же касается полиціи, то проектъ находитъ нужнымъ совершенно изъять ее изъ-подъ прокурорскаго надзора и изъ-подъ зависимости судебной власти, подчинивъ ее непосредственно одному губернатору. Впрочемъ, о предполагаемой реформѣ въ организаціи полицейскихъ учрежденій поговоримъ въ особой статьѣ, а теперь представимъ заключительный выводъ изъ того, что было сказано нами объ отношеніяхъ, какія предлагается установить между

губернаторомъ и мѣстною администраціею. Въ слѣдствіе этихъ отношеній, власть губернатора усилится только со стороны формальной, потому что вникать въ существо дѣлъ, производящихся во всѣхъ губернскихъ учрежденіяхъ, самый дѣятельный губернаторъ не будетъ имѣть никакой возможности. Поэтому заранѣе можно предсказать, что такая полновластность губернатора будетъ сопровождаться не только недосмотрами и ошибками, но нерѣдко даже и противорѣчіями. Опытъ показываетъ, что этими послѣдними достаточно изобилуютъ распоряженія нашихъ администраторовъ, обремененныхъ обширными разнородными занятіями. Притомъ вообще приливъ дѣлъ къ одному лицу всегда установляетъ вліяніе на нихъ со стороны канцеляріи, и это, конечно, ослабляетъ личный авторитетъ начальника. Нельзя также не замѣтить, что, при сосредоточеніи власти по всѣмъ дѣламъ губернскаго управленія въ рукахъ губернатора, должна будетъ уменьшиться отвѣтственность лицъ, завѣдующихъ отдѣльными частями, такъ какъ отъ нихъ нельзя уже будетъ требовать точнаго исполненія предписаній ихъ начальства, если предписанія эти будутъ исполняться подъ наблюденіемъ лица, имѣющаго право дѣлать, въ извѣстныхъ случаяхъ, свои непосредственныя распоряженія и тѣмъ самымъ ослаблять, или даже совершенно парализировать мѣры, принимаемыя центральными вѣдомствами.

Такимъ образомъ, если, по какимъ либо соображеніямъ, представляется необходимость усилить мѣстную власть губернатора, то это возможно сдѣлать лишь въ предѣлахъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, предоставивъ губернатору болѣе самостоятельности въ такихъ распоряженіяхъ, которыя должны исходить отъ него, какъ отъ блюстителя порядка и благочинія въ губерніи, а не какъ отъ главнозавѣдующаго всѣми мѣстными отдѣльными учрежденіями, имѣющими надъ собою особую центральную власть.

III.

По вопросу о преобразованіи полиціи.

Самою существенною частію предстоящихъ преобразованій въ губернской администраціи, должно быть преобразованіе полиціи. Полиція, какъ извѣстно, наиближайшимъ образомъ соприкасается со множествомъ общественныхъ и частныхъ интересовъ, такъ что вообще, въ виду этого, преобразованіе ея можетъ имѣть, въ сущности, такое же точно, и даже едва ли не большее значеніе, какъ и преобразованіе по судебной части. Сношенія отдѣльныхъ лицъ съ судебнымъ вѣдомствомъ бываютъ въ исключительныхъ, болѣе или менѣе рѣдкихъ случаяхъ; между тѣмъ какъ сношенія обывателей съ полиціею происходятъ безпрестанно, и, кромѣ того, эти сношенія, по свойству ихъ, весьма часто переходятъ въ столкновенія и пререканія. По этому самому, удачная организація полицейскихъ учрежденій, какъ мы полагаемъ, представляется задачею такою важною — не только для правительства, но и для всего населенія, — какою представлялась и послѣдняя наша судебная реформа.

Независимо отъ воздѣйствія полиціи на интересы обывателей, надобно принять въ соображеніе и ту нравственную сторону, на которую непремѣнно должно повліять будущее преобразованіе полицейскихъ учрежденій. Если прежніе наши суды вызывали, какъ въ образованномъ обществѣ, такъ и въ простонародьѣ, нареканія и недовѣріе, то, въ

свою очередь, предубѣжденіе противъ полиціи обнаруживалось еще сильнѣе. Это понятно, потому что, какъ мы замѣтили выше, полиція и въ общественной, и въ частной жизни участвуетъ гораздо чаще, нежели судебная власть. И такъ какъ вообще въ дѣйствіяхъ полиціи бываютъ всего болѣе замѣтны понудительныя, а не охранительныя распоряженія, то поэтому полиціи чрезвычайно трудно пріобрѣсти сочувствіе въ обществѣ и особенно въ массахъ, въ понятіяхъ которыхъ законность обыкновенно смѣшивается съ произволомъ. Необразованнаго человѣка чрезвычайно не легко убѣдить въ томъ, что, въ извѣстномъ случаѣ, полицейскій чиновникъ обязанъ, въ силу закона, дѣйствовать непремѣнно такъ, а не иначе. Лица, подвергающіяся полицейской расправѣ, всегда не столько винятъ самихъ себя въ тѣхъ нарушеніяхъ и проступкахъ, за которыя полиція ихъ преслѣдуетъ, сколько видятъ въ этихъ преслѣдованіяхъ или придирчивость полиціи или нежеланіе ея оказать необходимое снисхожденіе слабости человѣка или стѣсненнымъ его обстоятельствамъ. Уже одной нашей паспортной системы, за соблюденіемъ которой должна слѣдить полиція, весьма достаточно для того, чтобы постоянно вызывать въ массѣ населенія раздраженіе и ропотъ противъ полицейской власти, хотя бы эта послѣдняя и дѣйствовала въ предѣлахъ самой строгой законности и не шла бы ни на шагъ далѣе установленныхъ закономъ правилъ. Если неблагопріятный взглядъ установляется на дѣйствія полиціи даже при точномъ исполненіи ею законныхъ требованій, то, безъ всякого сомнѣнія, она тѣмъ еще болѣе внушаетъ въ себѣ нерасположеніе своими самовольными распоряженіями. Между тѣмъ нельзя не сознаться, что такого рода распоряженія составляютъ еще замѣтную особенность нашей полиціи, и при томъ очень часто какъ бы въ явную противоположность съ ея равнодушіемъ и безучастіемъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вмѣшательство ея представ-

ляется необходимымъ. Добавимъ къ этому, что недостаточность законныхъ способовъ къ содержанію заставляетъ полицейскія власти дѣйствовать очень часто подъ внушеніемъ корыстолюбія, и что, наконецъ, въ слѣдствіе какъ упомянутой недостаточности содержанія, такъ и вообще въ слѣдствіе предубѣжденія противъ полицейской службы, личный составъ этого вѣдомства, въ городахъ и въ уѣздахъ, сравнительно съ составомъ другихъ вѣдомствъ, представляется самымъ неудовлетворительнымъ, въ нравственномъ отношеніи.

Изъ того, что мы сказали, не трудно, какъ кажется, вывести тѣ общія основанія, какими слѣдуетъ руководствоваться при предстоящемъ образованіи у насъ полицейскихъ учрежденій. Такъ, прежде всего нужно ограничить кругъ полицейской дѣятельности предѣлами дѣйствительно необходимаго, а не излишняго и чрезвычайно-разнообразнаго надзора, устранивъ изъ этого круга тѣ случаи, когда различныя вѣдомства могутъ сами, безъ содѣйствія полиціи, исполнять свои обязанности, а частныя лица, помимо ея, могутъ охранять свои права заявленіями и жалобами подлежащей власти непосредственно отъ самихъ себя. Далѣе необходимо въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уменьшить районы полицейскихъ управленій, такъ какъ многіе уѣзды и станы, по своей обширности, не позволяютъ рѣшительно представителямъ уѣздной полиціи принимать лично въ чрезвычайныхъ случаяхъ быстрыя мѣры и являться немедленно туда, гдѣ, по роду происшествія, требуется ихъ присутствіе. Наконецъ, необходимо предоставить полицейскимъ чинамъ такіе законные способы существованія, которые давали бы начальству право не только юридически, но и по совѣсти преслѣдовать своихъ подчиненныхъ за лихоимство и произвольные поборы. Въ дополненіе къ этому, нельзя не обратить вниманія и на необходимость улучшенія такихъ порядковъ, по которымъ наблюдательная и исполнительная

*

часть возлагается на полицейское вѣдомство. Въ этомъ отношеніи, безъ всякаго сомнѣнія, стоитъ на первомъ планѣ „Уставъ о паспортахъ", а также другіе „Уставы" и „Положенія", соблюденіе которыхъ ограждается полицейскимъ надзоромъ.

Полиція раздѣляется у насъ на два отдѣла: на городскую и земскую. Высочайшимъ же указомъ отъ 25 декабря 1862 года было повелѣно: впредь до изданія общаго учрежденія полиціи, во всѣхъ сорока-четырехъ, а нынѣ (со включеніемъ Уфимской губерніи) сорока-пяти, губерніяхъ, а также въ Бессарабской области, управляемыхъ по общему губернскому учрежденію, земскую и городскую полицію, за исключеніемъ губернскихъ и нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ уѣздныхъ городовъ, посадовъ и мѣстечекъ, соединить въ одинъ составъ, на основаніи временныхъ правилъ и особыхъ штатовъ. Дѣйствіе этихъ правилъ и штатовъ не распространяется, однако, на с.-петербургскую и московскую столичныя полиціи и на полиціи нѣкоторыхъ городовъ, военныхъ портовъ и мѣстечекъ, состоящихъ въ завѣдываніи особыхъ учрежденій, а не мѣстныхъ губернскихъ управленій. Такимъ образомъ оказывается, что, въ настоящее время, организація нашей полиціи вообще находится въ переходномъ положеніи, дѣйствуя на основаніи временныхъ правилъ, и что, кромѣ того, она не представляетъ повсемѣстнаго однообразія. Что касается перваго изъ этихъ условій, то оно прежде всего указываетъ на необходимость окончательнаго преобразованія полиціи. Относительно же упомянутаго разнообразія должно замѣтить, что едва ли можно совершенно уничтожить его, такъ какъ, не говоря уже о столицахъ, многія мѣстныя условія должны вызвать нѣкоторыя отступленія отъ общаго порядка въ полицейскомъ управленіи. Такъ, основная мысль временныхъ правилъ о соединеніи въ одинъ составъ городскихъ и уѣздныхъ полицій, подъ названіемъ уѣзднаго полицейскаго

управленія, представляетъ большія удобства въ томъ отношеніи, что дѣйствія городской полиціи не должны, какъ прежде, прекращаться за городскою чертою, а дѣйствія уѣздной въ свою очередь останавливаться передъ этою же чертою. Прежняя организація полиціи, съ раздѣленіемъ ея на городскую и уѣздную, была крайне неудобна, въ томъ отношеніи, что этимъ чрезвычайно замедлялись дѣйствія полиціи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они требовали быстроты ея распоряженій. Мы полагаемъ, однако, что, при окончательномъ преобразованіи полиціи, необходимо будетъ раздѣлить во многихъ мѣстностяхъ районы уѣздныхъ полицейскихъ управленій на самостоятельные округи, не стѣсняясь главнымъ административнымъ раздѣленіемъ губерніи на уѣзды. Во многихъ губерніяхъ уѣзды очень обширны, и, кромѣ того, уѣздные города не имѣютъ въ уѣздѣ центральнаго положенія,—а потому нахожденіе въ нихъ мѣстнаго полицейскаго управленія для всего уѣзда должно сопровождаться многими неудобствами.

Не вдаваясь въ общія теоретическія сужденія о назначеніи и обязанностяхъ полиціи, мы разсмотримъ только кругъ дѣятельности собственно нашей полиціи и укажемъ на тѣ способы, какіе должны быть предоставлены ей для того, чтобы она заняла надлежащее мѣсто въ общей системѣ административныхъ нашихъ учрежденій. Въ послѣднее время полиція наша получила, хотя еще не повсемѣстно, сравнительно съ прежнимъ, болѣе вѣрное назначеніе съ устраненіемъ ея отъ слѣдственнаго производства, съ отдѣленіемъ отъ ея вѣдомства дѣлъ судебныхъ и, наконецъ, со сложеніемъ съ ея обязанности приводить въ исполненіе, по дѣламъ гражданскимъ, рѣшенія судебныхъ мѣстъ, образованныхъ по „Уставамъ“ 1864 года. Все это представляется, однако, не вполнѣ еще законченнымъ по слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ, потому что и при новомъ судебномъ порядкѣ, полиція не устранена отъ производ-

ства предварительныхъ дознаній, обращаемыхъ ею очень часто въ формальныя слѣдствія. Само собою разумѣется, что, въ этомъ отношеніи, только практика можетъ установить окончательно обязанности полиціи, собственно же по „Судебнымъ Уставамъ“ полиція, только до прибытія судебнаго слѣдователя, можетъ заступать его мѣсто. Сдѣлать же полицію совершенно безучастною въ предварительныхъ дознаніяхъ едва ли возможно, не затруднивъ тѣмъ самымъ преслѣдованіе виновныхъ и подозрѣваемыхъ въ преступленіи по горячимъ слѣдамъ. Во вторыхъ „Судебные Уставы“ не введены еще повсемѣстно, и поэтому, до сихъ поръ, во многихъ мѣстахъ полиція остается при прежнихъ своихъ обязанностяхъ какъ относительно извѣстныхъ судебныхъ дѣлъ, такъ и относительно приведенія въ исполненіе судебныхъ рѣшеній.

Въ послѣдне-составленномъ проектѣ о преобразованіи губернскаго управленія предполагается всю полицію губерніи подчинить непосредственно губернатору, какъ чтобы, въ слѣдствіе этого, прекратилась та зависимость полиціи отъ судебной власти, въ какой она находится отъ нея при новыхъ судебныхъ порядкахъ. Противъ подобнаго предположенія нельзя сдѣлать никакого возраженія. Осуществленіе этой мысли принесетъ несомнѣнную пользу потому, что кругъ полицейской дѣятельности ограничится именно тѣмъ, что должно подлежать непосредственному вѣдѣнію полицейскихъ учрежденій. Впрочемъ, упомянутое преобразованіе можетъ быть произведено и въ другомъ направленіи, т. е. что содѣйствіе полиціи требованіямъ судебнаго вѣдомства будетъ оставлено на прежнихъ основаніяхъ, съ тою только разницею, что въ этомъ случаѣ, нынѣшній прокурорскій надзоръ будетъ замѣненъ непосредственнымъ губернаторскимъ надзоромъ. Если въ такомъ смыслѣ предполагается установить независимость полиціи отъ судебной власти, то мѣра эта можетъ отозваться весьма неблаго-

пріятно на ходѣ судебныхъ дѣлъ, такъ какъ посредничество губернатора между судебнымъ вѣдомствомъ и полиціею потребуетъ излишней переписки, не говоря уже о томъ, что иногда можетъ проявиться нѣкоторый антагонизмъ между административнымъ и судебнымъ вѣдомствами. Впрочемъ, весь вопросъ сводится здѣсь не къ тому, чтобы полиція, какъ исполнительный органъ, состояла въ безусловной зависимости и въ полной подчиненности губернатора, какъ главнаго мѣстнаго представителя исполнительной власти, но только къ тому, чтобы, при такой самостоятельности полицейскихъ чиновъ, судебное вѣдомство не встрѣчало затрудненій, при исполненіи имъ тѣхъ обязанностей, какія оно, при настоящемъ порядкѣ, можетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, возлагать на полицію и слѣдить само за ея дѣйствіями. Достигнуть же этого можно только тогда, когда увеличится личный составъ судебныхъ слѣдователей и судебныхъ приставовъ, съ соотвѣтствующимъ числомъ подвѣдомственныхъ имъ исполнителей низшаго разряда. Тогда къ этимъ лицамъ могутъ перейдти почти всѣ обязанности, исполняемыя нынѣ полиціею по требованіямъ судебнаго вѣдомства, и тогда полиція дѣйствительно, можетъ быть, съ полнымъ удобствомъ, подчинена лишь непосредственно губернатору, съ устраненіемъ нынѣшней ея зависимости отъ судебной власти. Мы, конечно, высказываемъ эти соображенія только въ общихъ чертахъ, находя, что совершенное отдѣленіе обязанностей полиціи отъ круга дѣятельности судебнаго вѣдомства будетъ весьма основательно, такъ какъ нельзя не сказать, что иногда прокурорская власть и въ особенности мировые судьи, пользуясь предоставленнымъ имъ правомъ располагать полиціею, поручаютъ ей, между прочимъ, исполненіе такихъ дѣлъ, которыя, если не по буквальному смыслу „Судебныхъ Уставовъ“, то по духу ихъ, должны быть приняты на себя представителями судебнаго вѣдомства.

Съ цѣлію придать полицейскимъ чинамъ большую быстроту и свободу дѣйствій, разсматриваемый нами проектъ предполагаетъ замѣнить коллегіальныя полицейскія управленія канцеляріями и упразднить должность полицейскихъ засѣдателей.

Кромѣ того, нынѣшнія полицейскія должности тысяцкихъ, сотскихъ и десятскихъ предположено уничтожить, а въ замѣнъ ихъ образовать при исправникахъ и становыхъ приставахъ уѣздную полицейскую стражу, при волостныхъ же правленіяхъ и сельскихъ обществахъ — сельскихъ стражниковъ. Уѣздная стража должна быть, по преимуществу, конная, составленная изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, или, за недостаткомъ ихъ, изъ безсрочноотпускныхъ. Сельскія общества могутъ назначать стражниковъ или по выбору, или по найму.

Что касается преобразованія въ составѣ полицейскихъ управленій, то уничтоженіе въ нихъ коллегіальнаго порядка веденія дѣлъ должно признать основательнымъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что коллегіальный порядокъ весьма хорошъ самъ по себѣ и что онъ даже необходимъ для такихъ учрежденій, въ которыхъ производятся сложныя и запутанныя дѣла, не вызывающія быстраго, а иногда и безотлагательнаго исполненія. Между тѣмъ въ полицейскія управленія поступаютъ для исполненія дѣла, не требующія уже предварительнаго разносторонняго обсужденія, такъ что, вслѣдствіе этого, разсмотрѣніе ихъ полиціею въ совѣщательномъ порядкѣ бываетъ не только излишнею процедурою, но и замедляетъ ихъ ходъ. Въ настоящее время уѣздную полицію составляютъ: уѣздное, а городскую (въ городахъ, мѣстечкахъ и посадахъ, неподвѣдомыхъ полиціи уѣздной) городскія полицейскія управленія, подчиненные имъ исполнительные чиновники и полицейскіе нижніе чины въ городахъ и уѣздахъ. Уѣздное же полицейское управленіе состоитъ: а) изъ уѣзднаго исправника;

б) его помощника; в) общаго присутствія уѣзднаго полицейскаго управленія и г) изъ временныхъ его отдѣленій, образуемыхъ въ особо указанныхъ случаяхъ. Городское же полицейское управленіе въ тѣхъ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, кои не подвѣдомы уѣздной полиціи, составляютъ: а) полицеймейстеръ; б) его помощникъ и в) общее присутствіе городскаго полицейскаго управленія. Такимъ образомъ нынѣ въ составѣ полицейскихъ учрежденій, какъ уѣздныхъ, такъ и городскихъ, заключается власть двоякаго рода: единоличная — исправникъ или полицеймейстеръ, и коллегіальная, представляемая общимъ присутствіемъ полицейскаго управленія, въ которомъ, кромѣ исправника или полицеймейстера, а также ихъ помощниковъ, участвуютъ еще засѣдатели отъ сословій и депутаты отъ города. Посмотримъ же, на сколько можетъ быть необходима коллегіальная организація полицейскихъ управленій, какъ вообще, такъ въ особенности въ настоящемъ ихъ составѣ. Вопросъ этотъ лучше всего можетъ быть разрѣшенъ указаніемъ на тѣ дѣла, которыя должны рѣшаться въ полиціи коллегіальнымъ порядкомъ.

Къ дѣламъ такого рода, по нынѣ дѣйствующимъ правиламъ, принадлежатъ: 1) распоряженіе по обнародованію Высочайшихъ указовъ, манифестовъ и законовъ; 2) обсужденіе возникающихъ вопросовъ или „важныя“ сомнѣнія въ исполненіи предписаній губернскаго начальства, требованій судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ и лицъ, а равно предписаній уѣзднаго исправника, или полицеймейстера подчиненнымъ ему чинамъ; 3) принятіе чрезвычайныхъ мѣръ къ исполненію закона и возстановленію порядка и безопасности, независимо отъ распоряженій, возлагаемыхъ, въ случаяхъ особой спѣшности, на исправника или полицеймейстера; 4) взысканіе съ виновныхъ издержекъ, послѣдовавшихъ при исполненіи мѣръ, означенныхъ въ предшествующемъ пунктѣ. Вникая въ свойство этихъ дѣлъ,

должно сказать, что изъ всѣхъ ихъ могли бы подлежать коллегіальному обсужденію дѣла, возбуждающія „важное“ сомнѣніе въ исполненіи предписаній исправника или полицеймейстера подчиненнымъ ему лицамъ. Въ этомъ случаѣ при небытности на мѣстѣ высшаго начальства надъ исправникомъ или полицеймейстеромъ, контроль надъ собственными его распоряженіями можетъ быть ввѣренъ только коллегіальному учрежденію. Между тѣмъ, если по общепринятому порядку, въ другихъ вѣдомствахъ распоряженія мѣстнаго начальника не подлежатъ такому коллегіальному контролю, то тѣмъ менѣе представляется основаній къ установленію его надъ предписаніями исправника или полицеймейстера, такъ какъ вообще дѣйствія и того и другаго требуютъ особенной скорости. За тѣмъ, вопросы о возбужденіи „важнаго“ сомнѣнія въ исполненіи предписаній губернскаго начальства, требованій судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ и лицъ, совершенно излишне относить къ обязанностямъ такого коллегіальнаго учрежденія, какимъ бываетъ всюду общее присутствіе какъ городскаго, такъ и уѣзднаго полицейскаго управленія. Необходимо имѣть въ виду, что въ указанномъ случаѣ оно не рѣшится дѣйствовать самостоятельно, но поступитъ точно такъ же, какъ поступилъ бы исправникъ или полицеймейстеръ, т. е. почтетъ долгомъ представить каждое „важное“ сомнѣніе на благоусмотрѣніе подлежащей власти. Точно также безполезно имѣть особую коллегію для принятія какихъ либо чрезвычайныхъ мѣръ въ дѣлахъ особой спѣшности, потому что такого рода мѣры могутъ быть приняты съ большимъ удобствомъ однимъ лицомъ. Наконецъ, для обнародованія высочайшихъ манифестовъ, указовъ и законовъ, коллегіальный порядокъ не служитъ рѣшительно ни къ чему, такъ какъ здѣсь необходимы только исполнительныя дѣйствія. Притомъ во всѣхъ указанныхъ выше случаяхъ коллегіальность полицейскаго управленія оказывается совершен-

по излишнею и потому еще, что по дѣламъ, означеннымъ въ 1, 2 и 3 пунктахъ, исправникъ или полицеймейстеръ, въ случаѣ несогласія съ заключеніемъ общаго присутствія, имѣетъ право привести свое мнѣніе въ исполненіе подъ личною своею отвѣтственностію, донося о семъ начальнику губерніи въ семидневный срокъ съ представленіемъ копіи съ журнала. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ начальникъ полиціи можетъ распорядиться такъ, какъ онъ самъ признаетъ это нужнымъ, а потому коллегіальное обсужденіе его дѣйствій въ сущности не ведетъ ни къ чему иному, какъ только къ промедленію и притомъ преимущественно по такимъ дѣламъ, которыя требуютъ безотлагательнаго исполненія.

Далѣе вѣдѣнію общаго присутствія полицейскаго управленія подлежатъ: разсмотрѣніе жалобъ частныхъ лицъ и требованій присутственныхъ мѣстъ о противозаконныхъ дѣйствіяхъ подвѣдомственныхъ управленію полицейскихъ чиновниковъ. Мы полагаемъ, впрочемъ, что жалобы такого рода, представляющія собственно заявленія о преступленіи должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы, могутъ быть съ полнымъ удобствомъ изъяты изъ вѣдѣнія общаго присутствія полицейскаго управленія и переданы въ судебное вѣдомство. Исправникамъ же и полицеймейстерамъ можетъ быть предоставлено право дисциплинарныхъ взысканій на основаніи особо-изданныхъ для того правилъ. За тѣмъ, въ общемъ присутствіи обсуждаются: 1) представленія губернскому начальству о переводѣ становыхъ квартиръ, объ измѣненіи границъ становыхъ участковъ и числа становъ; 2) измѣненіе числа и состава сотень частей города; 3) опредѣленіе и увольненіе сотскихъ и полицейскихъ служителей, удаленіе ихъ отъ должности и преданіе суду; 4) временное, впредь до разрѣшенія губернскаго начальства, устраненіе отъ должностей исполнительныхъ чиновниковъ полиціи, въ случаѣ

совершенія ими уголовныхъ преступленій; 5) ежемѣсячное свидѣтельствованіе суммъ полицейскаго управленія; 6) распоряженія о составленіи временныхъ отдѣленій и о командированіи, въ случаяхъ, указанныхъ закономъ, сельскихъ засѣдателей и наконецъ 7) разсмотрѣніе другихъ дѣлъ, изъ числа тѣхъ, кои предоставлены разрѣшенію исправника или полицеймейстера, но кои они признаютъ необходимымъ подвергнуть обсужденію общаго присутствія. Изъ этого перечня дѣлъ видно, что они, за исключеніемъ развѣ свидѣтельствованія суммъ, могутъ быть исполняемы однимъ лицомъ съ такимъ же удобствомъ, какъ и коллегіальнымъ учрежденіемъ. Ежемѣсячное же свидѣтельствованіе суммъ, какъ мы полагаемъ, могло бы быть вообще устроено на особыхъ, новыхъ правилахъ, съ распространеніемъ ихъ и на полицейское вѣдомство. Впрочемъ это предположеніе составляетъ отдѣльный вопросъ, котораго мы здѣсь не касаемся.

Конечно, въ ряду приведенныхъ выше дѣлъ, дѣла о преданіи суду сотскихъ и полицейскихъ служителей не совсѣмъ удобно предоставлять единоличному усмотрѣнію исправника или полицеймейстера, но на практикѣ едва ли и коллегіальный порядокъ достаточно обезпечиваетъ этихъ лицъ отъ несправедливыхъ съ ними поступковъ, такъ какъ, къ сожалѣнію, наши коллегіи,—особенно же въ низшихъ инстанціяхъ—не отличаются еще до сихъ поръ необходимою самостоятельностію и, потому, обыкновенно постановленія дѣлаются въ нихъ по указанію предсѣдательствующаго лица. Притомъ личность нижнихъ чиновъ полиціи можетъ быть ограждена и другимъ путемъ, а именно — предоставленіемъ имъ права обжалованія относящихся къ нимъ распоряженій исправника или полицеймейстера.

Изъ всего сказаннаго видно, что при тѣхъ обязанностяхъ, какія возложены нынѣ на коллегіальныя полицейскія учрежденія, не можетъ встрѣтиться важныхъ препят-

ствій къ ихъ упраздненію, тѣмъ болѣе, что эти учрежденія не представляютъ никакой гарантіи на случай произвольныхъ распоряженій начальника полиціи въ отношеніи къ обывателямъ. Одно только обстоятельство могло бы побуждать къ поддержанію общаго присутствія уѣздной или городской полиціи, а именно: обремененіе исправниковъ и полицеймейстеровъ текущими дѣлами, въ слѣдствіе чего они должны затрудняться разсмотрѣніемъ особыхъ вопросовъ, но происходящія отъ этого неудобства могутъ быть устранены, смотря по мѣстнымъ условіяхъ, или назначеніемъ къ исправнику и полицеймейстеру нѣсколькихъ помощниковъ, или ограниченіемъ территоріи уѣздно-полицейскихъ управленій. Необходимость этой мѣры признана, впрочемъ, и въ разсматриваемомъ нами проектѣ, съ тою цѣлію, чтобы, произведя новое дѣленіе губерній на уѣзды, а уѣздовъ на участки, увеличить или уменьшить число полицейскихъ центровъ, сообразно съ тѣмъ, что требуется въ слѣдствіе мѣстныхъ условій.

При отмѣнѣ въ полицейскихъ управленіяхъ коллегіальнаго порядка, предполагается упразднить должность засѣдателей. Такое упраздненіе вытекаетъ впрочемъ изъ самой сущности предполагаемаго преобразованія, такъ какъ полицейскіе засѣдатели составляютъ принадлежность полицейско-коллегіальныхъ учрежденій. Засѣдатели эти назначаются отъ сословій и, на основаніи нынѣ дѣйствующихъ временныхъ правилъ, впредь до окончательнаго преобразованія полицій, должность засѣдателей уѣздно-полицейскаго управленія исполняется засѣдателями земскихъ судовъ; въ тѣхъ же уѣздныхъ полицейскихъ управленіяхъ, которымъ подвѣдома городская полиція, присутствуетъ въ качествѣ засѣдателя, депутатъ, избираемый отъ города. Въ городскихъ же полицейскихъ управленіяхъ засѣдаютъ два такихъ депутата. Нельзя не согласиться, что въ настоящее время, назначеніе полицейскихъ засѣдателей отъ

сословій идетъ какъ бы въ разрѣзъ всѣмъ главнѣйшимъ правительственнымъ реформамъ, въ коихъ прежде всего устраняется сословная обособленность. Кромѣ того поступающіе въ составъ уѣзднаго полицейскаго управленія сельскіе засѣдатели исполняютъ внѣ общаго присутствія лишь нѣкоторыя дѣла. Такъ, они могутъ быть командируемы только для препровожденія военныхъ командъ и рекрутскихъ партій и для распоряженій при значительномъ нарядѣ повинностей, исполняемыхъ сельскимъ сословіемъ. За тѣмъ, ни дѣлопроизводство по полицейскому управленію, ни порученія, въ законѣ неозначенныя, на засѣдателей вообще не возлагаются.

Допуская возможность отмѣны коллегіальнаго порядка въ полицейскихъ управленіяхъ и признавая даже, что такая отмѣна будетъ способствовать ускоренному движенію дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію полиціи, нужно, однако, сказать, что одного такого измѣненія не будетъ еще вполнѣ достаточно для того, чтобъ полицейская власть заняла надлежащее мѣсто въ общей системѣ уѣздной и городской администраціи. Нѣкоторыя изъ обязанностей, возлагаемыхъ нынѣ на полицію, могутъ быть или значительно ограничены или переданы другимъ учрежденіямъ, такъ чтобы полиція оставалась исключительно блюстительницею общественной безопасности и спокойствія, не исполняя сплошь и рядомъ множества порученій, даваемыхъ ей нынѣ разными посторонними вѣдомствами. Вообще въ слѣдствіе установившейся связи между полиціею и другими правительственными органами, на преобразованіе ея никакъ нельзя смотрѣть какъ на отдѣльный, самостоятельный вопросъ. Хотя полиція и состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, но само это министерство, безъ указаній со стороны другихъ вѣдомствъ, не можетъ организовать полицію на новыхъ началахъ такъ удовлетворительно, чтобы вновь введенные порядки не отозвались

чувствительными неудобствами на другихъ правительственныхъ, земскихъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Отношенія полиціи къ упомянутымъ учрежденіямъ должны быть основаны на двухъ поводахъ къ ея содѣйствію. Означенныя учрежденія могутъ имѣть право обращаться къ полиціи или по такимъ дѣламъ, которыя относятся къ общимъ обязанностямъ полиціи, или по такимъ, исполненіе которыхъ возложено на полицію особыми уставами и учрежденіями. Понятно, что дѣла перваго рода могутъ быть опредѣлены самимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; что же касается дѣлъ другого рода, то для опредѣленія ихъ необходимы указанія всѣхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, встрѣчающихъ, по роду своей дѣятельности, надобность обращаться къ содѣйствію полиціи. Мы не знаемъ, на сколько эти вѣдомства участвовали въ составленіи проекта по преобразованію полиціи, но полагаемъ, что если проектъ этотъ былъ составленъ безъ ихъ участія, то едва ли онъ можетъ получить дальнѣйшій ходъ въ законодательномъ порядкѣ, такъ какъ при разсмотрѣніи его встрѣтится не мало такихъ вопросовъ, которые должны быть переданы на предварительное заключеніе другихъ отдѣльныхъ правительственныхъ учрежденій. Только при такомъ условіи проектъ о преобразованіи полиціи утратитъ ту односторонность, какая неизбѣжно должна встрѣчаться въ немъ при составленіи его исключительно лишь въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

IV.

Очеркъ развитія мѣстнаго управленія въ Россіи.

Дѣлая общій выводъ изъ всего сказаннаго нами касательно проекта объ усиленіи губернаторской власти, мы находимъ нужнымъ обозрѣть, въ общихъ чертахъ, постепенное развитіе мѣстнаго управленія въ Россіи. Такое обозрѣніе, какъ мы увѣрены, будетъ весьма полезно въ томъ отношеніи, что оно, на основаніи долголѣтняго опыта укажетъ, до какой степени усиленіе личной власти мѣстныхъ администраторовъ, т. е. губернаторовъ, можетъ соотвѣтствовать, или наоборотъ, какъ общимъ государственнымъ потребностямъ, такъ и потребностямъ мѣстнаго управленія. Неоспоримо, что, при разрѣшеніи вопросовъ о государственномъ благоустройствѣ, опытъ имѣетъ громадное значеніе уже потому, что нынѣшніе составители разныхъ проектовъ, очень часто, въ дѣлаемыхъ ими предложеніяхъ, высказываютъ, какъ какую-то новость, такія соображенія, которыя еще и прежде были признаны или вовсе несостоятельными, или крайне неудобными, или не соотвѣтсвующими даже той эпохѣ, когда еще весь механизмъ, какъ государственнаго, такъ и мѣстнаго управленія былъ гораздо проще и, слѣдовательно, требовалъ для своего движенія менѣе усовершенствованныхъ органовъ.

Мы не будемъ восходить къ отдаленнымъ временамъ, когда въ московскомъ государствѣ мѣстными правителями

были воеводы и царскіе намѣстники. Лица эти, пользуясь обширною, почти безграничною властію по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, стояли внѣ постояннаго надзора со стороны центральной власти, а потому, обыкновенно, они распоряжались по собственному своему произволу, такъ что только какой нибудь особый случай могъ обнаружить ихъ злоупотребленія и навлечь на нихъ государеву опалу. Понятно, что подобный, слишкомъ обветшалый способъ управленія различными частями государства,— управленія не находившагося въ тѣсной, органической связи съ высшею администраціею и стоявшаго внѣ постояннаго ея надзора, — никакъ не можетъ служить образцомъ для подраженія въ настоящее время. Нынѣ необходимость единства и стройности въ государственной администраціи достаточно сознана для того, чтобы не допускать разрозненности между центральнымъ и областнымъ управленіемъ. Между тѣмъ, такая разрозненность будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ полновластнѣе будутъ мѣстные администраторы. Если, при нынѣшнемъ строгомъ разграниченіи, въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, различныхъ отраслей государственнаго управленія сосредоточить въ одномъ лицѣ мѣстнаго правителя власть надъ всѣми этими отраслями, то послѣдствіемъ такого порядка было бы разстройство общей системы государственнаго управленія и обособленіе отъ этой системы провинцій, соразмѣрно съ самостоятельностію ихъ правителей. Короче, весь ходъ дѣлъ въ мѣстныхъ управленіяхъ зависѣлъ бы тогда не столько отъ направленія, даваемаго имъ центральною властію, сколько отъ личнаго усмотрѣнія тѣхъ, кто стоялъ бы во главѣ мѣстной администраціи.

Со времени преобразованій, произведенныхъ Петромъ Великимъ, является у насъ попытка провести въ мѣстныя управленія общее начало государственнаго порядка, а также отдѣлить судебную часть отъ администраціи. Если же, въ

рукахъ губернаторовъ, поставленныхъ Петромъ Великимъ, сосредоточивались еще всѣ отрасли государственнаго управленія, то все же здѣсь былъ уже сдѣланъ замѣчательный шагъ впередъ, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ, такъ какъ надъ губернаторами былъ установленъ постоянный надзоръ со стороны высшихъ правительственныхъ учрежденій— сената и коллегій, а также и со стороны самой верховной власти въ лицѣ прокурора. Идти далѣе этого—Петру I было слишкомъ трудно и даже невозможно, такъ какъ въ то время самыя понятія о потребностяхъ государственнаго строя были еще чрезвычайно смутны. Не говоря о способахъ и о формѣ надзора, учрежденнаго надъ губернаторами Петромъ Великимъ, нельзя, однако, не признать, что въ сущности такой надзоръ представляется необходимымъ, такъ какъ онъ охраняетъ повсемѣстно силу центральнаго правительства и можетъ въ значительной степени, обезпечивать общественные и частные интересы отъ произвольныхъ дѣйствій со стороны мѣстной власти. Какъ бы ни измѣнялись, какъ бы ни совершенствовались формы и общаго государственнаго и мѣстнаго управленія, во всякомъ случаѣ постоянный надзоръ центральной власти надъ мѣстною долженъ оставаться неприкосновеннымъ въ принципѣ, такъ что при этомъ весь вопросъ можетъ заключаться только въ вопросѣ о степени такого надзора, а также о порядкѣ его распредѣленія между высшими центральными учрежденіями.

Надзоръ, о которомъ мы говоримъ, не можетъ, однако, самъ по себѣ ограничивать власть мѣстнаго администратора. Такой администраторъ, обязанный даже самою строгою отчотностію во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и состоящій подъ постояннымъ надзоромъ высшихъ центральныхъ учрежденій, тѣмъ не менѣе можетъ имѣть такія личныя права, которыя дадутъ ему возможность дѣйствовать вполнѣ самостоятельно. Онъ можетъ подлежать надзору только въ предѣлахъ предоставленной ему власти, а между тѣмъ пре-

дѣлы самой власти могутъ быть раздвинуты слишкомъ широко. Слѣдовательно, надзоръ, какъ бы онъ бдителенъ ни былъ, не можетъ самъ по себѣ стѣснять существо правъ, данныхъ мѣстнымъ администраторамъ. Для этого необходимо, чтобы прежде всего власть ихъ была введена въ точныя границы. Достигнуть же этого,—независимо отъ разныхъ инструкцій и правилъ, — можно только тогда, когда въ системѣ мѣстнаго управленія, на ряду съ личною властію администратора, будутъ существовать еще самостоятельные. до извѣстной степени, правительственные и общественные органы, завѣдующіе особыми отраслями мѣстнаго управленія и мѣстнаго хозяйства. Въ противномъ же случаѣ правительство всегда будетъ поставлено въ необходимость сосредоточивать всѣ отрасли управленія въ рукахъ одного лица, и такимъ лицомъ постоянно будетъ губернаторъ, какъ незавѣдующій непосредственно никакою отдѣльною частію и, слѣдовательно, имѣющій возможность принять въ свое вѣдѣніе каждую не вполнѣ организованную самостоятельно часть управленія. Извѣстно, впрочемъ, что нынѣ отдѣльныя вѣдомства, находящіяся въ составѣ центральной администраціи, имѣютъ въ каждой губерніи свои особыя учрежденія, а именно: окружной судъ, казенную палату, управленіе государственныхъ имуществъ. округъ путей сообщенія, инспекцію желѣзныхъ дорогъ, дирекцію училищъ и т. д. Въ слѣдствіе этого, и въ мѣстныхъ губернскихъ управленіяхъ установилась опредѣленная черта раздѣла между различными вѣдомствами. О совершенномъ уничтоженіи черты такого раздѣла, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе, однако, въ настоящее время предполагается ослабить эту черту въ мѣстной администраціи, подчинивъ отдѣльныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, за исключеніемъ судебнаго и контрольнаго,— общему надзору губернатора; при чемъ, какъ мы уже видѣли,—этотъ надзоръ предполагается довести до права

личнаго вмѣшательства и даже до права непосредственнаго участія губернатора въ дѣлахъ означенныхъ вѣдомствъ. Такимъ образомъ, теперь высказывается мысль о сліяніи, подъ личнымъ завѣдываніемъ губернатора, всѣхъ отраслей мѣстнаго управленія, на столько, на сколько это возможно сдѣлать при общихъ нашихъ административныхъ учрежденіяхъ. При такихъ условіяхъ возникаетъ въ мѣстномъ управленіи порядокъ, признанный въ сущности неудобнымъ еще за сто лѣтъ тому назадъ. Надобно замѣтить, что еще въ 1767 году императрица Екатерина признавала необходимымъ не только отдѣлить органы административные отъ судебныхъ, но и между административными учредить особые органы полицейскіе и хозяйственные, и поставить губернатора въ опредѣланныя ограниченныя отношенія ко вновь организованнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ. Въ послѣдствіи, въ 1775 году, при изданіи „Положенія о губерніяхъ“ учрежденія эти съ перваго же разу получили достаточную долю самостоятельности и вліяніе на нихъ со стороны губернатора ограничивалось лишь надзоромъ за правильностію ихъ дѣйствій, безъ предоставленія ему права останавливать ихъ рѣшенія и дѣлать, въ замѣнъ ихъ, непосредственныя свои распоряженія. Кромѣ того, для управленія губерніею во имя императорскаго величества, была учреждена особая коллегія— губернское правленіе, постановленія которой, вошедшія въ законную силу, могли быть отмѣняемы неиначе какъ указомъ сената. Въ этой коллегіи губернаторъ занялъ только должность предсѣдателя, между тѣмъ какъ нынѣ предполагается замѣнить губернскія правленія губернскимъ совѣтомъ, опредѣленія котораго, безъ согласія губернатора, не будутъ имѣть сами по себѣ никакой силы.

Обозрѣвая развитіе мѣстнаго управленія въ Россіи, мы видимъ что узаконенія двухъ царствовавшихъ лицъ Петра Великаго и Екатерины Великой, положившихъ самыя проч-

ныя начала нашего государственнаго благоустройства, клонились вовсе не къ усиленію личной власти мѣстныхъ администраторовъ, но, напротивъ, къ подчиненію ихъ всѣмъ высшимъ государственнымъ учрежденіямъ, смотря по роду дѣлъ, и къ изъятію изъ непосредственнаго ихъ распоряженія такихъ отраслей управленія и мѣстнаго хозяйства, которыя требовали, по степени своего развитія, отдѣльнаго завѣдыванія. Въ такомъ направленіи шло и послѣдующее наше законодательство. Примемъ также въ соображеніе, что всѣ упомянутыя мѣры являлись еще въ ту пору, когда недостаточное усовершенствованіе общаго государственнаго управленія и смѣшеніе одной отрасли администраціи съ другою представляли болѣе, чѣмъ въ настоящее время, поводовъ къ тому, чтобы все мѣстное управленіе сосредоточить въ рукахъ одного лица, съ предоставленіемъ ему сколь возможно болѣе власти. Если такимъ образомъ, столѣтіе тому назадъ, обширное уполномочіе губернатора по всѣмъ отраслямъ администраціи признавалось неудобнымъ, то положительно, можно сказать, что такое уполномочіе въ настоящее время, при полномъ уже развитіи отдѣльныхъ высшихъ учрежденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ при разнообразіи и сложности дѣлъ, было бы чрезвычайною ошибкою, являясь противорѣчіемъ всему тому, на что указывала постоянно административная практика. Задаваться нынѣ мыслью объ усиленіе губернаторской власти въ какой бы то нибыло, хотя бы въ самой малѣйшій ущербъ самостоятельности и независимости отдѣльныхъ правительственныхъ вѣдомствъ, было бы попыткою перепутать снова всѣ отрасли государственнаго управленія, развѣтвляющіяся въ установленномъ порядкѣ по особымъ мѣстнымъ учрежденіямъ. Поколебать основу положенную Петромъ I и Екатериною II, какимъ нибудь одностороннимъ проектомъ, не выработаннымъ по указаніямъ историческаго опыта, но вызваннымъ только тѣми условіями, въ какихъ представляется нынѣ губернаторская

власть, было бы предпріятіемъ слишкомъ отважнымъ и притомъ,—что всего важнѣе, — не имѣющимъ на своей сторонѣ ни ручательства опыта, ни удовлетворительныхъ раціональныхъ доводовъ.

Мы упомянули выше, что въ нѣкоторыхъ, составляемыхъ нынѣ у насъ проектахъ, выставляются какъ новость, такія предположенія, которыя, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, а иногда даже во многихъ частностяхъ, были предлагаемы еще и прежде. Такъ въ 1816 году былъ составленъ „Проектъ учрежденія намѣстничествъ". По этому проекту предполагалось раздѣлить всю Россію на намѣстническіе округи, поручивъ въ каждомъ округѣ управленіе намѣстнику и его совѣту. Управленіе это должно было завѣдывать не только частями судебною, полицейскою и хозяйственною, но и другими отраслями администраціи въ губерніяхъ, какъ-то: духовною, учебною, почтовою и проч. Въ совѣтѣ же одинъ голосъ намѣстника могъ рѣшать всѣ дѣла. Очевидно, что нынѣшній проектъ объ усиленіи власти губернатора весьма сходенъ въ сущности съ проектомъ объ учрежденіи намѣстничествъ, конечно, только въ миніатюрѣ. Надобно, впрочемъ, отдать предпочтеніе проекту 1816 года въ томъ отношеніи, что тогда потребность усиленія мѣстной администраціи основывалась на весьма важномъ обстоятельствѣ, а именно на такихъ недостаткахъ въ организаціи министерствъ, которые отражались и на ходѣ дѣлъ въ мѣстныхъ управленіяхъ. Кромѣ того, представленія намѣстника должны были идти не къ министру внутреннихъ дѣлъ, но въ комитетъ министровъ, такъ что здѣсь не нарушалась самостоятельность отдѣльныхъ учрежденій, какъ будетъ нарушаться она въ силу проекта объ усиленіи губернаторской власти. Нельзя, впрочемъ, не сказать, что, повидимому, и при составленіи этого проекта, не была совершенно чужда прежняя руководительная мысль о недостаткахъ въ

организаціи министерствъ, иначе не за-чѣмъ было бы заботиться объ усиленіи власти губернатора по всѣмъ отраслямъ управленія? Но мѣра эта должна быть признана совершенно излишнею, если отдѣльныя по губерніямъ учрежденія вполнѣ удовлетворительно исполняютъ свои обязанности безъ участія и безъ вмѣшательства губернатора, находясь подъ непосредственнымъ наблюденіемъ соотвѣтствующихъ министерствъ. Мы полагаемъ, что при обсужденіи пользы проектированнаго нынѣ для губернскаго управленія порядка, весь вопросъ долженъ сводиться къ вопросу о томъ, достаточно ли въ настоящее время обезпечивается правильность веденія дѣлъ въ отдѣльныхъ губернскихъ учрежденіяхъ, подъ надзоромъ особыхъ центральныхъ вѣдомствъ и при непосредственномъ участіи опредѣленныхъ отъ нихъ въ каждую губернію лицъ, на правахъ мѣстныхъ начальниковъ? Если вопросъ этотъ будетъ разрѣшенъ положительно, то, безъ всякаго сомнѣнія, проектъ о распространеніи правъ губернатора на дѣла отдѣльныхъ управленій, какъ проектъ совершенно не нужный, упадетъ самъ собою. Кромѣ того, даже и въ противномъ случаѣ, т. е., при отрицательномъ отвѣтѣ на упомянутый вопросъ, усиленіе губернаторской власти не должно считаться единственнымъ средствомъ для уничтоженія имѣющихся въ виду недостатковъ въ системѣ губернскаго управленія, такъ какъ каждое отдѣльное вѣдомство должно имѣть право предложить отъ себя особые способы къ улучшенію порядка во ввѣренной ему части.

Соразмѣрно съ развитіемъ всѣхъ отраслей государственной администраціи является все болѣе и болѣе потребности въ распредѣленіи труда между различными самостоятельными вѣдомствами, организуемыми съ спеціальными цѣлями. Только въ государствахъ, стоящихъ еще на низкой степени гражданскаго и общественнаго благоустройства, возможно существованіе такой административ-

ной системы, при которой разнородныя дѣла безразлично подчиняются одному лицу или одному учрежденію. Мы уже видѣли, что со времень Петра I, законодательство наше. стремилось,—насколько позволяли это сдѣлать понятія и наличныя средства прежняго времени,—къ тому, чтобы уничтожить смѣшеніе дѣлъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ и провести опредѣленную линію раздѣла между всѣми административными учрежденіями. Въ этомъ отношеніи система, введенная Петромъ Великимъ, заключалась въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ. Во-первыхъ, всѣ дѣла государственныя были раздѣлены по ихъ главнымъ предметамъ, и управленіе каждой части было ввѣрено особому учрежденію, получившему названіе коллегіи; во вторыхъ, все, что, соотвѣтственно уставу коллегій, не могло быть рѣшено въ отдѣльной коллегіи, должно было быть рѣшаемо окончательно въ общемъ собраніи коллегій— въ сенатѣ, гдѣ государь являлся предсѣдателемъ, а президенты коллегій были членами. Устройство администраціи, сопровождаемое такимъ распредѣленімъ дѣлъ. не могло, однако, быть введено въ то же время въ мѣстномъ губернскомъ управленіи, а потому, какъ мы уже замѣтили прежде, всѣ части этого управленія, а также полиція, судъ и казначейство, подлежали вѣдѣнію губернатора. Но такой порядокъ еще при Петрѣ I оказывался неудовлетворительнымъ, почему Екатерина II. упразднивъ коллегіи, за исключеніемъ трехъ: иностранной, военной и адмиралтейской, перемѣстила упраздненныя коллегіи въ губернское управленіе, такъ, чтобы всѣ дѣла въ каждой губерніи были распредѣлены по тремъ особымъ установленіямъ: по губернскому правленію, губернскому суду и казенной палатѣ, при чемъ всѣ эти мѣстныя коллегіи были поставлены въ прямую зависимость отъ сената. Введеніе такого новаго порядка сопровождалось впрочемъ, однимъ неудобствомъ, а именно: учрежденіемъ должности намѣстниковъ или генералъ-губер-

наторовъ, получившихъ слишкомъ обширныя полномочія по всѣмъ дѣламъ мѣстнаго управленія. Нельзя, однако, не замѣтить, что сама Екатерина II смотрѣла на должность генералъ-губернатора только какъ на временную, такъ что собственно генералъ-губернаторы назначались ею лишь для открытія губерніи, а также для введенія и упроченія въ ней новаго порядка управленія. Въ подтвержденіе замѣчанія нашего о невыгодахъ предоставленія слишкомъ обширной власти по дѣламъ мѣстнаго управленія одному лицу, мы сошлемся лучше всего на авторитетъ Сперанскаго. Онъ между прочимъ, писалъ: „званіе генералъ-губернаторовъ, уваженное сначала, когда они представляли въ себѣ не *губернскихъ правителей*, но вельможъ, присланныхъ и уполномоченныхъ на время открытія губерній, въ послѣдствіи приняло всѣ личныя свойства тѣхъ, коимъ было ввѣрено, и въ однихъ превратилось въ самовластіе, въ другихъ пало въ бездѣйствіе.“

Эти слова Сперанскаго имѣютъ весьма важное, поучительное значеніе. Они указываютъ на тотъ вредъ, какой можетъ произойти и нынѣ отъ смѣшенія въ вѣдѣніи одного лица всѣхъ отраслей мѣстнаго управленія. Нельзя не согласиться, что самыми вѣроятными послѣдствіями такой системы могутъ быть или самовластіе, или бездѣйствіе. Конечно, въ настоящее время, при общемъ строѣ государственной администраціи, весьма трудно предоставить губернаторамъ такія права, какими пользовались екатерининскіе намѣстники, но, тѣмъ не менѣе, проектъ объ усиленіи губернаторской власти стремится,—въ предѣлахъ возможнаго, къ тому, чтобы въ лицѣ современнаго намъ губернатора возобновить типъ прежняго намѣстника,—такого лица, для котораго не могутъ имѣть силу ни постановленія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ—такъ какъ ему будетъ предоставлено право останавливать исполненія этихъ постановленій своею личною властію,—ни указанія пред-

назначаемыхъ ему совѣтниковъ, потому что онъ, вопреки ихъ мнѣніямъ, будетъ имѣть возможность привести въ исполненіе свое собственное рѣшеніе. Такимъ образомъ, очевидно, что между прежнимъ и проектируемымъ нынѣ порядкомъ мѣстнаго управленія, существенной разницы не находится.

Преобразованія, произведенныя въ 1797 году, императоромъ Павломъ въ организаціи государственнаго и губернскаго управленія, заключались: 1) въ востановленіи коллегій, упраздненныхъ Екатериною II; 2) въ отмѣнѣ должности генералъ-губернаторовъ; 3) въ сокращеніи губернскихъ судебныхъ мѣстъ и 4) въ изъятіи изъ общаго управленія судебной части въ губерніяхъ, имѣвшихъ особенныя права и особенной судебный составъ. Такимъ образомъ, въ этомъ порядкѣ, сравнительно съ екатерининскимъ, оказалась та разница, что съ губернскаго управленія былъ снятъ генералъ-губернаторскій надзоръ, и дѣла распредѣлялись по предметамъ, какъ въ мѣстныхъ, такъ и въ центральныхъ коллегіяхъ.

Въ 1802 году послѣдовало учрежденіе министерствъ. Въ основаніе этого учрежденія было опять положено строгое разграниченіе дѣлъ по ихъ существу не только между министерствами, но и во внутренней организаціи министерствъ по особымъ департаментамъ. Въ 1810 году министерства получили окончательное устройство. При этомъ была принята въ основаніе главная мысль Екатерины II— не допускать между губернскимъ управленіемъ и сенатомъ никакихъ среднихъ установленій, какъ безполезныхъ и противныхъ единству администраціи. Въ слѣдствіе этого, повелѣно было считать министерства не среднимъ и отдѣльнымъ учрежденіемъ, но частію правительствующаго сената, т. е. первымъ его департаментомъ, коего министры суть члены, а министерства—составныя его части. Затѣмъ, порядокъ, губернскаго управленія не измѣнился нисколько,

но намѣстники, назначаемы не были. Проектъ объ этомъ явился позднѣе, въ 1816 году и былъ переданъ государемъ Сперанскому, который, однако, не успѣлъ дать о немъ свое заключеніе, когда получилъ отъ императора приказаніе начертать новый проектъ, по возможности, на тѣхъ же началахъ, какія были приняты въ проектѣ 1816 года, но съ замѣною званія намѣстника званіемъ генералъ-губернатора. Будучи обязанъ составить проектъ, заранѣе обусловленный извѣстными началами, Сперанскій не отвергалъ необходимости ближайшаго надзора за мѣстною администраціею, но признавалъ пользу этого надзора въ такомъ только случаѣ, когда онъ будетъ ввѣренъ коллегіальному учрежденію—совѣту, во главѣ котораго долженъ быть сановникъ, принадлежащій, съ одной стороны, къ составу 1-го департамента правительствующаго сената, какъ его членъ, а съ другой стороны—къ составу комитета министровъ, какъ членъ этого комитета. Что же касается до степени власти, долженствующей принадлежать главному мѣстному надзору и ея предѣловъ, то Сперанскій въ этомъ отношеніи различаетъ власть исправленія дѣйствій губернскихъ мѣстъ отъ участія въ самомъ управленіи. По мнѣнію его, надзоръ долженъ обнимать какъ движеніе дѣлъ, такъ и образъ ихъ производства, и принимать, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, надлежащія мѣры исправленія. Но для того, чтобы дѣйствія главнаго мѣстнаго надзора были однообразны, дѣйствующіе въ этомъ надзорѣ чиновники должны быть опредѣляемы министерствомъ и снабжены одинаковыми наказами, а всѣ случаи, на которые нѣтъ яснаго постановленія въ законѣ, вносимы на усмотрѣніе сената. Участіе же главнаго мѣстнаго надзора должно состоять въ томъ, чтобы всѣ предметы, требующіе высшаго разрѣшенія, восходили прежде всего къ главному мѣстному управленію. Затѣмъ, лично генералъ-губернатору Сперанскій предполагалъ предоставить слѣдующія права: 1) предъ-

являть сенату мѣстныя затрудненія въ случаѣ новыхъ узаконеній, пріостанавливая ихъ исполненіе и 2) налагать опеки въ случаяхъ непомѣрной расточительности и жестокости. Кромѣ того, допуская распространеніе упомянутаго надзора на особыя учрежденія, какъ-то: питейное управленіе, почтамты, водяныя сообщенія, таможни и т. д., Сперанскій обусловливалъ право надзора тѣмъ, чтобъ областной совѣтъ: 1) не требовалъ ничего, противнаго особымъ правиламъ по этимъ частямъ; 2) не вводилъ ничего новаго, но представлялъ бы только виды къ ихъ усовершенствованію; 3) не вмѣшивался бы во внутреннее производство ихъ дѣлъ и пр. Вообще же, относительно усиленія личной власти главныхъ мѣстныхъ администраторовъ, къ числу которыхъ, какъ извѣстно, принадлежалъ нѣкогда и самъ Сперанскій, онъ отзывался такъ: „власть генералъ-губернаторовъ по учрежденію была власть личная. Неудобства, отъ сего происходящія, сами по себѣ ощутительны. Надлежитъ быть установленію, дабы власть сія не перерождалась въ самовластіе и не пала въ бездѣйствіе“.

Почти одновременно съ этимъ отзывомъ, другой замѣчательный государственный дѣятель, графъ Мордвиновъ, по случаю предполагавшагося въ то время обсужденія въ государственномъ совѣтѣ вопроса о томъ, „какое полезнѣе въ Россіи правленіе коллегіальное или министерское?“ — высказалъ мнѣніе противъ смѣшенія властей. Онъ писалъ: „всегда и вездѣ признаваемо было за непреложную истину, что раздѣленіе властей составляетъ совершенство правительствъ; законодательная, судебная и исполнительныя власти должны въ упражненіяхъ и дѣяніяхъ своихъ быть раздѣлены. Одна не должна входить въ предѣлы обязанностей другой. Степень и точность раздѣленія сихъ трехъ главныхъ государственныхъ властей опредѣляетъ достоинства правительствъ. Изъ нихъ благоустроеннѣйшимъ мо-

жетъ почесться то, гдѣ лица и мѣста въ предметахъ ихъ должностей и занятій не имѣютъ никакого смѣшенія.“

Надобно, впрочемъ, замѣтить, что касательно устройства собственно губернской администраціи являлись иногда проекты и другаго свойства. Такъ, одинъ изъ бывшихъ губернаторовъ, тайный совѣтникъ Сумароковъ, представилъ въ комитетъ записку „О новомъ устройствѣ всѣхъ частей въ губерніяхъ.“ Авторъ этой записки старался доказать необходимость усиленія губернаторской власти, которая, по словамъ его, съ учрежденіемъ министерствъ, не только умалилась, но и совершенно потрясена, такъ что „нынѣ губернаторъ есть не что иное, какъ безмолвный экзекуторъ министровъ.“ Поэтому, въ видахъ усиленія власти губернатора, Сумароковъ предлагалъ соединить въ немъ три званія: а) генералъ-прокурора; б) генералъ-полицеймейстера и в) хозяина губерніи. По первому изъ этихъ званій, губернатору слѣдовало подчинить всѣ судебныя мѣста; какъ генералъ-полицеймейстеръ, губернаторъ обязанъ былъ „охранять благочиніе, тишину и взаимное частей согласіе“, пещись о продовольствіи и о путяхъ сообщенія, наблюдать за строеніями, чистотою, вѣсами и мѣрами. Наконецъ, какъ хозяинъ губерніи, онъ долженъ былъ покровительствовать училища, торговлю, промыслы, сельское хозяйство, защищать вдовъ и сиротъ и пр. и пр.

20 марта 1829 года Сперанскій внесъ свой проектъ въ утвержденный 6 декабря 1826 года комитетъ для разсмотрѣнія устройства губернскихъ учрежденій. Въ комитетъ этотъ поступили и другіе проекты и записки. Въ числѣ ихъ была и записка министра финансовъ Канкрина, направленная противъ проекта Сперанскаго. Канкринъ возставалъ противъ мысли объ учрежденіи мѣстныхъ совѣтовъ, проектируемыхъ Сперанскимъ; онъ указывалъ на то, что въ европейскихъ государствахъ принята система линеарнаго устройства разныхъ отраслей управленія, такъ что

каждая линія управленія имѣетъ главою министра; линія же каждаго министерства идетъ отдѣльно, чрезъ всѣ инстанціи, имѣя съ другими только связи на мѣстахъ, сколько необходимо нужно. Систему же Сперанскаго онъ называлъ устройствомъ „островнымъ", „федеративнымъ", вслѣдствіе чего каждая губернія, какъ выражался Канкринъ, „будетъ малое владѣніе, которое отъ главнаго начальства станетъ зависѣть только въ извѣстныхъ отношеніяхъ, съ предоставленіемъ оному только рода исправительной власти, а отнюдь не власти общаго направленія." Словомъ—заключаетъ Канкринъ, — государство состояло бы изъ малыхъ 50 государствъ, и оно было бы похоже на систему древнихъ удѣловъ. Далѣе онъ замѣчаетъ, что министерства, не имѣя возможности дать мѣстнымъ начальствамъ потребное направленіе и видя или противодѣйствіе, или слабость и завязчивость исполненія, должны охолодѣть къ государственнымъ дѣламъ. Послѣдствія докажутъ — прибавляетъ Канкринъ,—что чрезъ нѣсколько лѣтъ весь ходъ государственныхъ дѣлъ если не остановится, то придетъ въ совершенную вялость.

Въ свою очередь и бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Закревскій опровергалъ пользу проекта, составленнаго Сперанскимъ, но, не смотря на это, и онъ не только не доказывалъ необходимости усиленія власти губернатора, но даже находилъ вполнѣ умѣстнымъ надзоръ прокурора за дѣйствіями самого начальника губерніи. „Что жъ принадлежитъ до того, писалъ Закревскій,-- что надзоръ прокурора за дѣйствіями губернатора есть надзоръ лица низшаго надъ высшимъ, то сіе обстоятельство не имѣетъ никакихъ послѣдствій. Прокуроръ хотя и занимаетъ, въ общемъ порядкѣ службы, степень низшую предъ гражданскимъ губернаторомъ, но онъ ему совершенно неподвѣдомственъ. Губернаторъ не участвуетъ ни въ опредѣленіи его къ сей должности, ни въ увольненіи его отъ

оной, ни даже въ засвидѣтельствованіи о службѣ его. Посему, независя нисколько отъ губернатора, прокуроръ не имѣетъ причинъ къ ослабленію надзора своего за его распоряженіями."

Читатели наши, конечно, замѣтили, что мы въ настоящей статьѣ по вопросу объ усиленіи губернаторской власти ссылаемся на относящіяся къ этому мнѣнія Сперанскаго, Мордвинова, Канкрина и Закревскаго. Мы нашли не лишнимъ сдѣлать такую ссылку по слѣдующимъ соображеніямъ. Хотя извѣстно, что въ послѣднее время, по многимъ правительственнымъ предположеніямъ, отзывы нашей журналистики были принимаемы въ уваженіе: но извѣстно также и то, что среди нашихъ офиціальныхъ дѣятелей находятся такіе, которые, встрѣчая въ печати противорѣчіе своимъ собственнымъ воззрѣніямъ, объясняютъ это неправящееся имъ противорѣчіе какою-то систематическою оппозиціею, со стороны нашей прессы, правительственнымъ предначертаніямъ. Въ настоящемъ случаѣ, однако, на сторонѣ прессы,—отозвавшейся въ отрицательномъ смыслѣ на счетъ проекта объ усиленіи губернаторской власти,—стоятъ мнѣнія весьма замѣтныхъ государственныхъ дѣятелей, и при томъ, такой поры, когда вообще избытокъ личной власти считался одною изъ лучшихъ принадлежностей нашей администраціи. Между тѣмъ, мы видимъ, что Сперанскій положительно высказывается противъ такой власти, находя нужнымъ замѣнить ее коллегіальнымъ управленіемъ. Мордвиновъ замѣчаетъ, что благоустроеннѣйшимъ правительствомъ должно почесться то, гдѣ лица и мѣста въ предметахъ ихъ должностей и занятій не имѣютъ никакого смѣшенія. Канкринъ прямо указываетъ на неумѣстность усиленія власти мѣстной администраціи по всѣмъ отраслямъ губернскаго управленія и, наконецъ, даже графъ Закревскій, который по своему званію министра внутреннихъ дѣлъ и по извѣстной системѣ собственнаго управленія, казалось,

долженъ былъ бы заявить себя поборникомъ усиленія губернаторской власти, не требуетъ такого усиленія и находитъ даже весьма умѣстнымъ независимый надзоръ прокурора за распоряженіями самого губернатора.

Правда, намъ могутъ замѣтить, что съ того времени, къ которому относятся приводимыя нами мнѣнія, потребности администраціи измѣнились. Это совершенно справедливо; но нельзя также не согласиться и съ тѣмъ, что онѣ измѣнились именно въ такомъ направленіи, которое нынѣ болѣе, чѣмъ прежде, не допускаетъ соединенія обширныхъ правъ по разнымъ отраслямъ мѣстнаго управленія въ лицѣ одного администратора.

V.

Административное устройство Сибири.

Какъ ни были бы сильны стремленія правительства къ установленію во всей Россіи мѣстной администраціи на совершенно-одинаковыхъ основаніяхъ, достигнуть этого, однако, нетолько чрезвычайно трудно, но даже и невозможно, развѣ если ограничиваться одною формальною стороной, а не имѣть въ виду удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей той или другой мѣстности. Два рода причинъ, общихъ для всѣхъ странъ, слѣдовательно и для Россіи, требуютъ извѣстнаго разнообразія въ мѣстной администраціи. Однѣ изъ такихъ причинъ имѣютъ политическій характеръ, другія же обусловливаются экономическимъ состояніемъ или топографическимъ положеніемъ края. Такъ, причиною къ поддержанію на западныхъ окраинахъ Россіи административныхъ порядковъ, во многихъ отношеніяхъ отличныхъ отъ тѣхъ, какіе существуютъ въ имперіи вообще, служатъ политическія соображенія; въ Сибири же нѣкоторыя уклоненія отъ общихъ порядковъ вызываются вслѣдствіе ея экономическихъ и топографическихъ условій. Съ нашей точки зрѣнія, правительство должно постоянно стремиться къ уничтоженію административнаго разнообразія, допущеннаго нѣкогда вслѣдствіе политическихъ соображеній, такъ какъ такое разнообразіе прямо клонится къ болѣе или менѣе замѣтному отчужденію однѣхъ частей государства отъ дру-

тихъ. Сверхъ того, оно нерѣдко порождаетъ неравенство гражданскихъ правъ среди подданныхъ одной и той же державы, потому что оно неминуемо обусловливается или какими-нибудь привилегіями. данными обитателямъ одной мѣстности, или же, напротивъ, ограниченіемъ, или даже лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ по отношенію къ обитателямъ другой мѣстности. Примѣрами тому могутъ служить у насъ въ первомъ случаѣ прибалтійскія, во второмъ—западныя губерніи. Что же касается уклоненій отъ общаго административнаго порядка, допускаемыхъ вслѣдствіе экономическихъ или топографическихъ условій въ какой-нибудь мѣстности, то правительство, напротивъ, должно поддерживать и развивать ихъ сколь возможно болѣе. Въ виду этого должно сказать, что настоящее административное устройство Сибири заслуживаетъ того, чтобъ разсмотрѣть его подробно въ общей его системѣ. При этомъ, съ добавкой нѣкоторыхъ особыхъ соображеній, можетъ достаточно выясниться и то, на какихъ главныхъ основаніяхъ должна быть исполнена предполагаемая реформа упомянутаго устройства.

Главныя основанія нынѣшнихъ административныхъ порядковъ въ Сибири ведутъ свое начало съ 1822 года; они приняты были по проекту тамошняго генералъ-губернатора Сперанскаго. Обстоятельство это доказываетъ, что неутомимый и способный дѣятель, сосредоточившій въ своихъ рукахъ завѣдываніе надъ администраціей Сибирскаго Края, можетъ сдѣлать для него весьма много полезнаго. Безъ всякаго сомнѣнія, нѣкоторыя изъ тѣхъ началъ, которыя были указаны въ проектѣ административнаго преобразованія Сибири, составленномъ Сперанскимъ, успѣли уже, въ теченіи полустолѣтія, отжить свое время, тѣмъ не менѣе никакъ нельзя отрицать и современную еще пригодность нѣкоторыхъ общихъ взглядовъ, высказанныхъ при этомъ Сперанскимъ. Сибирь требуетъ, по преимуществу, для правильнаго устройства ея администраціи, чисто-граж-

данскихъ элементовъ; въ такомъ смыслѣ и проведена была реформа Сперанскаго. Замѣтимъ, однако, при этомъ, что послѣ него, за исключеніемъ тайнаго совѣтника Лавинскаго, генералъ-губернаторами Сибири были лица военнаго званія, недостаточно знакомыя съ условіями и требованіями гражданской администраціи. Нельзя не сказать при этомъ, что вообще, вслѣдствіе подобнаго обстоятельства, учрежденіе генералъ-губернаторствъ приносило до сихъ поръ слишкомъ мало пользы. Мѣста эти, обыкновенно, предоставлялись военнымъ генераламъ, и у насъ въ практикѣ до того свыклись съ этимъ обычаемъ, что генералъ-губернаторъ изъ гражданскихъ сановниковъ представлялся бы теперь какимъ-то страннымъ, необыкновеннымъ явленіемъ, хотя собственно, по закону, должность генералъ-губернатора отнесена къ должностямъ гражданской іерархіи. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что военный чинъ, самъ по себѣ, не предполагаетъ въ лицѣ, его имѣющемъ, неспособность быть хорошимъ гражданскимъ администраторомъ, если только такое лицо въ кругу своей предшествовавшей дѣятельности, могло достаточно освоиться со строемъ и нѣкоторыми частностями гражданскаго управленія. Дѣло въ томъ, однако, что по прежде принятой у насъ и еще не совсѣмъ оставленной системѣ, генералъ-губернаторъ назначается, и командующимъ мѣстными войсками. Понятно, что возложеніе на генералъ-губернатора подобной, весьма обширной обязанности, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, неизбѣжно должно быть въ ущербъ его занятіямъ по гражданской части. Если, во главѣ преобразованнаго управленія Сибири будетъ поставлено хотя и военное лицо, но достаточно знакомое съ потребностями гражданской администраціи, то, при слабомъ вообще, господствѣ военныхъ элементовъ въ Сибири, такое лицо можетъ направить всю свою дѣятельность на экономическое развитіе края и принести ему, вслѣдствіе этого, громадную пользу.

*

Если въ настоящее время въ административномъ устройствѣ Сибири встрѣчаются нѣкоторыя особенности, примѣненныя къ географическимъ, экономическимъ и отчасти къ этнографическимъ условіямъ этого обширнаго края, то особенности эти, въ общей ихъ совокупности, возникли, въ законодательномъ порядкѣ, только послѣ ревизіи Сибири и управленія ею Сперанскимъ. До того же времени, управленіе Сибири было всегда организовано на общепринятыхъ во всемъ государствѣ основаніяхъ, съ рѣдкими мѣстными исключеніями. На практикѣ же оно отличалось только тѣмъ, что сибирскіе администраторы были, въ сущности, полновластыми правителями края. Примѣръ полновластія главныхъ сибирскихъ начальниковъ заражалъ подчиненныя имъ лица и дѣло доходило до того, что очень часто сибирякъ не находилъ рѣшительно никакой управы. Своеволію сибирскихъ начальствъ разныхъ степеней содѣйствовало не мало и то обстоятельство, что съ половины прошлаго столѣтія, съ прекращеніемъ правительственнаго значенія сената, Сибирь была оставлена почти безъ всякаго попеченія со стороны высшей наблюдательной и ревизіонной власти. Положеніе дѣлъ въ Сибири дошло подъ конецъ до того, что отъ закона уже не ждали ничего и боялись не его, а только произвола начальствующихъ лицъ. Тамъ повсемѣстно господствовала своевольная расправа, слабо прикрытая даже и внѣшнимъ формализмомъ. До какой степени мало заботились объ удовлетвореніи мѣстныхъ потребностей Сибирскаго Края, можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что генералъ-губернаторъ Пестель въ теченіи одиннадцати лѣтъ управлялъ Сибирью изъ Петербурга! Впрочемъ, такія странности въ былую пору не могли показаться особенными диковинками, если, напримѣръ, вспомнить, что проектъ генерала Ермолова объ организаціи мѣстнаго управленія на Кавказѣ былъ переданъ на разсмотрѣніе комитета, учрежденнаго исключительно по дѣламъ Сибири.

Несмотря, однако, на безащитность жителей Сибири и на полное отсутствіе гласности, жалобы на бывшіе тамъ безпорядки и злоупотребленія были такъ сильны и постоянны, что заставили, наконецъ, императора Александра Павловича обратить вниманіе на ходъ тамошнихъ дѣлъ и, вслѣдствіе этого, въ 1819 году, при назначеніи сибирскимъ генералъ-губернаторомъ тайнаго совѣтника Сперанскаго, повелѣно было: „исправя властію, ему ввѣряемою, все то, что будетъ въ возможности, облича лица, предающіяся злоупотребленіямъ, предавъ, кого нужно, законному сужденію—сообразить на мѣстѣ полезнѣйшее устройство и управленіе сего отдаленнаго края и сдѣлавъ оному начертаніе представить Его Величеству“.

Данное въ такомъ смыслѣ Сперанскому высочайшее повелѣніе ясно указывало на то, что онъ, въ предположеніяхъ своихъ, могъ уклониться отъ того порядка, такой былъ принятъ вообще по управленію другими частями имперіи. Такой взглядъ на административную организацію Сибири можно считать и въ настоящее время вполнѣ вѣрнымъ въ общихъ чертахъ. Въ виду многихъ условій, никакъ нельзя подвести мѣстное административное устройство Сибири подъ одинъ общій уровень съ такимъ же устройствомъ въ прочихъ частяхъ имперіи. Уклоненія, въ этомъ случаѣ, отъ общаго порядка представляются неизбѣжною необходимостью, хотя, повидимому, теперь и устранены тѣ главныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ существовала прежде весьма рѣзкая разница между Сибирью и другими частями имперіи. Въ Сибири, какъ извѣстно, никогда не было крѣпостнаго населенія, и обстоятельство это открывало возможность къ самымъ широкимъ преобразованіямъ, которыя могли быть предприняты правительствомъ во всякое время безъ особенныхъ для него стѣсненій. Съ другой стороны, вслѣдствіе того, что все сибирское населеніе, если можно такъ выразиться, было „казенное“, пред-

ставлялось необходимымъ установлять надъ ними самую бдительную правительственную опеку, не допуская никакихъ признаковъ самоуправленія. Несуществованіе въ Сибири дворянства. какъ особой корпораціи, уничтожало ту, конечно, весьма слабую и, притомъ, лишь сословную представительность, какая проявлялась въ другихъ губерніяхъ. Наконецъ самый составъ населенія Сибири, безпрерывно пополняемый ссыльными, служилъ поводомъ къ усиленной бдительности правительства и къ предоставленію тамошнимъ мѣстнымъ начальствамъ болѣе власти, нежели была та, какою пользовались равностепенныя имъ начальства въ Европейской Россіи. Само собою, впрочемъ. разумѣется, что, послѣ произведенныхъ у насъ коренныхъ преобразованій и подъ вліяніемъ другихъ взглядовъ на наши гражданскіе и общественные порядки, упомянутыя выше обстоятельства не могутъ уже имѣть особаго значенія при административномъ преобразованіи Сибири. Теперь, въ этомъ отношеніи, Сибирь можетъ быть гораздо болѣе сближена съ прочими мѣстностями Россіи и тамъ должны быть удержаны только тѣ особенности, которыя прямо и настойчиво требуются нѣкоторыми исключительными условіями экономическаго быта Сибири, а также и ея территоріальною громадностью.

Въ настоящее именно время, желая уяснить себѣ то главное направленіе, въ какомъ должно быть исполнено предстоящее административное преобразованіе Сибири, любопытно и, быть можетъ, назидательно ознакомиться съ тѣми условіями, при какихъ велось прежде подобное дѣло. Насколько же были состоятельны тѣ попытки и опыты, которые дѣлались въ разное время по административному устройству Сибири?

Послѣ того, какъ покоритель Сибири, Ермакъ Тимоѳеевичъ Повольскій, ударилъ царю Ивану Грозному челомъ царствомъ Сибирскимъ, въ Сибири было введено воеводское управленіе по тому же самому образцу, какой уже былъ

выработанъ въ государствѣ московскомъ. Воеводское управленіе въ Сибири, со всѣми присущими ему недостатками, продолжалось сто двадцать семь лѣтъ, съ 1583 по 1710 годъ. Съ этого года началось въ Сибири, введенное Петромъ-Великимъ повсемѣстно въ Россіи, губернское управленіе, съ тою только разницей, что, по отдаленности Сибири, самовластіе и лихоимство тамошнихъ губернаторовъ достигли несравненно большихъ размѣровъ, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Казнь сибирскаго губернатора князя Гагарина показала, что Петръ-Великій не слишкомъ благосклонно смотрѣлъ на начавшіеся въ Сибири порядки губернаторскаго управленія. Страхъ казни миновалъ, однако, очень скоро. Слѣдовавшіе послѣ князя Гагарина правители Сибири стали, попрежнему, „упражняться въ лихоимствѣ“ и можно было бы указать на нѣсколько русскихъ дворянскихъ фамилій, пріобрѣтшихъ извѣстность своимъ богатствомъ, благодаря только тому, что представители ихъ успѣвали попадать на должность сибирскихъ губернаторовъ. Губернское управленіе въ томъ видѣ, въ какомъ было оно организовано Петромъ Великимъ, продолжалось въ Сибири семьдесятъ два года, т. е. до введенія ,,Общаго учрежденія о губерніяхъ“, изданнаго Екатериной II-й. Управленіе по этому ,,Учрежденію“ было введено въ Тобольской губерніи съ 30-го августа 1782 года и въ Иркутской съ 27-го декабря 1783 года. Затѣмъ, съ 1822 года стало дѣйствовать въ Сибири особое ,,Учрежденіе“, составленное Сперанскимъ и одобренное въ 1822 году особо-составленнымъ комитетомъ для разсмотрѣнія его проекта.

Извѣстно, что, при вопросѣ объ административной организаціи, представляются два весьма важныя условія: вопервыхъ, избраніе центральнаго административнаго пункта и, вовторыхъ, територіальное распредѣленіе мѣстностей. Что касается подобныхъ условій по отношенію къ Сибири, то какъ во время воеводскаго, такъ и прежняго губерн-

скаго управленія—но только до 1736 года,—мѣстомъ пребыванія высшей власти былъ Тобольскъ. Отсюда шли распоряженія въ Енисейскъ, Томскъ, Якутскъ, Иркутскъ, Нерчинскъ и Камчатку. Въ 1724 году, Иркутскъ и Енисейскъ съ принадлежавшими къ нимъ округами были образованы въ видѣ провинцій, оставаясь, однако, въ зависимости отъ Тобольска. Затѣмъ, въ 1736 году, было учреждено въ Иркутскѣ, подъ начальствомъ вице-губернатора, отдѣльное управленіе, независимое отъ губернскаго тобольскаго, и во главѣ этого управленія былъ поставленъ особый губернаторъ, но только въ 1769 году иркутская провинція была переименована въ губернію. Въ 1775 году, при введеніи „Общаго учрежденія о губерніяхъ", Сибирь была раздѣлена на три намѣстничества: тобольское, иркутское и колыванское. Тобольское намѣстничество состояло изъ двухъ областей: тобольской и томской; иркутское изъ четырехъ: иркутской, нерчинской, якутской и охотской; колыванское изъ всего округа колыванскихъ заводовъ и почти всей части нынѣшней Западной Сибири. При такомъ територіально-областномъ раздѣленіи Сибири, намѣстничества тобольское и колыванское простирались почти паралельно, одно по сѣверной и средней, а другое по южной полосѣ Сибири; иркутское же намѣстничество замыкало ихъ съ востока. Вмѣстѣ съ этимъ были установлены въ Сибири два главныя управленія подъ названіемъ генералъ-губернаторствъ: одно въ Тобольскѣ, другое въ Иркутскѣ. Такимъ образомъ, здѣсь, безъ достаточной, впрочемъ, опредѣленности, было уже положено административное раздѣленіе Сибири на западную и восточную. Несмотря на многія особенности, которыми отличалась Сибирь отъ прочихъ частей тогдашней русской имперіи, „Общее учрежденіе о губерніяхъ" было введено вполнѣ на всемъ пространствѣ Сибирскаго Края, со всѣми верхними и нижними расправами, а также надворными и совѣстными судами. На прак-

тикѣ, однако, тотчасъ же встрѣтились большія затрудненія, потому что въ Сибири не было всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые призывались къ служебной дѣятельности введеніемъ „Общаго учрежденія о губерніяхъ", такъ что тотчасъ же пришлось сдѣлать нѣкоторыя уклоненія и отступленія отъ общаго губернско-административнаго порядка.

Въ 1797 году, императоръ Павелъ повелѣлъ переименовать тобольское и иркутское намѣстничества въ губерніи, а колыванское упразднить и входившіе въ его составъ пять уѣздовъ были раздѣлены на двѣ части, изъ нихъ въ одной было учреждено горное начальство, а другая приписана къ тобольской губерніи, въ которой и безъ того уже было шестнадцать уѣздовъ. Всѣ среднія инстанціи были уничтожены, совѣстные суды закрыты, должность генералъ-губернатора въ тобольской губерніи уничтожена, а въ Иркутскую былъ назначенъ военный губернаторъ, которому было поручено управленіе и гражданскою частью. Въ такомъ видѣ, административное устройство Сибири продолжало существовать до 1803 года. Съ того времени и до совершеннаго его преобразованія по плану Сперанскаго, т. е. до 1822 года, въ управленіи Сибирью были сдѣланы двѣ слѣдующія перемѣны: 1) возстановлено званіе генералъ-губернатора и 2) въ дополненіе къ „Общему учрежденію о губерніяхъ", особымъ „Наказомъ" предоставлены были генералъ-губернатору права: а) опредѣлять къ должностямъ и отрѣшать отъ нихъ бо́льшую часть чиновниковъ; б) въ нужныхъ случаяхъ, особенно же по продовольствію края, принимать, по собственному его усмотрѣнію, мѣры, не ожидая высшаго разрѣшенія, и, сверхъ того, в) на обязанность генералъ-губернатора было возложено продовольствіе и расположеніе войскъ. Въ томъ же, 1803 году, изъ каинскаго и бійскаго уѣздовъ, отчисленныхъ, по упраздненіи колыванскаго намѣстничества, къ тобольской

губерніи, была составлена и открыта томская губернія. Организація этой губерніи отличалась уже нѣкоторою особенностью. Такъ, высшее мѣстное управленіе губерніи было названо „губернскимъ правительствомъ“ и состояло оно изъ двухъ экспедицій: исполнительной и казенной, съ цѣлью придать болѣе связи полицейскому и хозяйственному управленіямъ. Экспедиціи эти предполагалось снабдить особыми наставленіями, въ которыхъ, по всей вѣроятности, должны были бы выразиться тогдашніе взгляды высшаго правительства на необходимыя особенности сибирской администраціи. Но предположеніе объ изданіи наставленій исполнено не было и потому вновь возникшая въ Сибири томская губернія стала, въ сущности, управляться на основаніи „Общаго Учрежденія“, изданнаго въ 1775 году. Особенностью сибирской администраціи вообще явились, въ 1803 году, такъ называемыя „коммисарства“, на которыя были раздѣлены всѣ уѣзды сибирскихъ губерній, въ виду большаго удобства по дѣламъ земскаго управленія, которое, какъ извѣстно, въ прочихъ мѣстностяхъ имперіи было поручено, главнымъ образомъ, помѣстному дворянству.

Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ частяхъ Сибири дѣлались отдѣльныя попытки къ болѣе или менѣе своеобразному устройству мѣстнаго управленія. Такъ, въ 1805 году, было учреждено областное правленіе для завѣдыванія Якутскимъ Краемъ. Правленіе это, подъ предсѣдательствомъ областнаго начальника, въ отношеніи дѣлъ судебныхъ, представляло соединенное присутствіе уголовнаго и гражданскаго суда, непосредственно подчиненное сенату, а въ порядкѣ полицейскаго управленія оно занимало мѣсто отдѣльной экспедиціи губернскаго правленія. Затѣмъ, въ 1812 году, было издано особое „Положеніе для Камчатки и охотскаго порта“. Сущность этого „Положенія“ состояла въ томъ, что всѣ части административнаго управленія подчинялись одному начальнику, который завѣдывалъ мор-

скою частью, какъ лицо морскаго вѣдомства, земскою — какъ исправникъ и судебною—на правахъ уѣзднаго судьи. Апелляціи и ревизіи по рѣшеніямъ этого сухопутно-морскаго судьи подлежали вѣдѣнію якутскаго областнаго правленія. Совокупность столь разнородныхъ властей въ одномъ лицѣ, конечно, весьма оригинальна, но прежнія понятія о необходимости единоличной администраціи вполнѣ допускали подобную оригинальность.

Такимъ образомъ, если мы прослѣдимъ прежній порядокъ по управленію Сибири, то увидимъ, что хотя правительство признавало нужнымъ обособлять его отъ общегубернскаго административнаго порядка, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствовало въ этомъ случаѣ безъ всякой послѣдовательности и системы. Дѣло кончалось только тѣмъ, что правительство вводило въ сибирскую администрацію пестроту, не установляя при этомъ никакой общей связи.

Нельзя, однако, не замѣтить, что потребность уклоненія для Сибири, и, притомъ, уклоненія въ обширныхъ размѣрахъ, отъ общихъ административныхъ порядковъ, установленныхъ въ имперіи, была сознана еще въ 1775 году, при введеніи въ Сибири „Общаго учрежденія". Такъ, въ указѣ объ открытіи колыванскаго намѣстничества въ означенномъ году было обѣщано всему Сибирскому Краю особо устроенное управленіе. Мысль объ этомъ подтверждалась и потомъ въ другихъ указахъ, касавшихся Сибири.

Съ своей стороны, Сперанскій, представляя „Обозрѣніе главныхъ основаній мѣстнаго управленія Сибири", между прочимъ, писалъ: „все доказывало, что общее учрежденіе 1775 года было введено тамъ на время: ибо нельзя думать, чтобъ когда-нибудь полагали возможнымъ управлять краемъ, столь отдаленнымъ и столь разнорядным̃ъ, по тѣмъ же правиламъ, какъ управляется, вблизи столицы, губернія Новгородская или Тверская. Перемѣны, съ 1803 года

введенныя, клонились къ той же цѣли, а именно: чтобъ, поставивъ временную преграду возникшимъ злоупотребленіямъ, приготовить новый и твердый порядокъ управленія".

Исполненіе этой трудной задачи выпало на долю самого Сперанскаго. Какія же основанія принялъ онъ въ этомъ случаѣ для своихъ предположеній и могутъ-ли они быть пригодны въ настоящее время?

22-го марта 1819 года, повелѣно было Сперанскому, при назначеніи его сибирскимъ генералъ-губернаторомъ „сообразить на мѣстѣ полезнѣйшее устройство и управленіе Сибири, и сдѣлавъ оному начертаніе, представить его величеству". Вслѣдствіе этого, Сперанскій обозрѣлъ Сибирь и, собравъ по всѣмъ главнымъ частямъ мѣстнаго управленія точныя свѣдѣнія, представилъ, въ февралѣ 1821 года, при всеподданнѣйшемъ докладѣ, два дѣла: 1) отчотъ по обозрѣнію и 2) начертаніе правилъ къ будущему устройству сибирскаго управленія. Хотя во время представленія этихъ проектовъ разсмотрѣніе законодательныхъ вопросовъ и принадлежало уже вѣдѣнію государственнаго совѣта, но они не были внесены на его обсужденіе, а переданы въ особо-учрежденный комитетъ, составленный изъ лицъ, которыя не могли быть, по роду предшествовавшей ихъ службы, знакомы съ мѣстными требованіями Сибири. Комитету было также поручено разсмотрѣть и отчотъ Сперанскаго; но мы не будемъ касаться этого предмета, хотя онъ самъ по себѣ и весьма интересенъ, потому уже, что, вслѣдствіе обзора Сибири Сперанскимъ, оказалось 630 человѣкъ обвиняемыхъ изъ тогдашняго сибирскаго служебнаго персонала! Что же касается предположеній Сперанскаго о мѣстномъ управленіи Сибири, то комитету надлежало сообразить только общія основанія, на которыхъ предположенія эти были составлены.

Основанія, указанныя Сперанскимъ, заключались: а) въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ о бывшемъ образѣ управленія

по гражданской части, т. е. общей полицейской, хозяйственной и судной, а также по части горной и пограничной; б) въ изложенiи неудобствъ, замѣченныхъ въ прежнемъ управленiи, и в) въ изложенiи общихъ началъ, на которыхъ утверждались проекты преобразованiя разныхъ частей сибирскаго гражданскаго управленiя, именно: 1) общее учрежденiе для мѣстнаго управленiя Сибири и частныя правила объ управленiи нѣкоторыхъ ея областей и округовъ; 2) общiй уставъ объ управленiи сибирскихъ инородцовъ; 3) особенный уставъ объ управленiи сибирскихъ киргизовъ; 4) уставъ о ссыльныхъ; 5) уставъ о этапахъ; 6) уставъ о содержанiи сухопутныхъ сообщенiй; 7) уставъ о городовыхъ казакахъ; 8) положенiе о земскихъ повинностяхъ; 9) положенiе о казенныхъ хлѣбныхъ магазинахъ и 10) положенiе о разборѣ исковъ по обязательствамъ между сибирскими обывателями разныхъ сословiй.

Всѣ эти проекты, съ принадлежавшими къ нимъ свѣдѣнiями и соображенiями, были разсмотрѣны комитетомъ въ томъ же 1821 году и найдены въ полной мѣрѣ соотвѣтствующими мѣстнымъ нуждамъ Сибирскаго Края, а 22-го iюля 1822 года послѣдовало высочайшее ихъ утвержденiе. Неизмѣненiе проектовъ Сперанскаго при разсмотрѣнiи ихъ въ комитетѣ, объясняется, независимо отъ ихъ достоинства, еще и личнымъ составомъ комитета. Справедливость нашего замѣчанiя подтвердится, если справиться, кто были членами означеннаго комитета. Въ немъ, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Кочубея, находились: дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Гурьевъ, генералъ-отъ-артилерiи графъ Аракчеевъ, тайные совѣтники: князь А. Н. Голицынъ и баронъ Кампенгаузенъ. Членомъ комитета былъ также и самъ Сперанскiй. Упомянутыя выше лица не были вовсе знакомы съ Сибирью, проходя всю свою службу въ Петербургѣ. Поэтому, весьма понятно, что Сперанскiй былъ

душой и руководителемъ всего комитета, такъ что, въ сущности, разсмотрѣніе его проектовъ въ комитетѣ было только проформой.

Вмѣстѣ съ утвержденіемъ упомянутыхъ учрежденій, уставовъ и положеній, признано было нужнымъ, „для постепеннаго ихъ введенія въ дѣйствіе, для постояннаго высшаго направленія мѣстныхъ распоряженій къ прямой цѣли и дабы начала или мѣстныя изысканія, принятыя въ основаніе вновь учрежденнаго въ Сибири порядка управленія, всегда были въ виду правительства“, образовать въ Петербургѣ комитетъ изъ министровъ и другихъ высшихъ государственныхъ лицъ, подъ названіемъ „сибирскаго“. Въ обязанность этого комитета было поставлено: 1) подробное разсмотрѣніе новыхъ предположеній, къ устройству Сибирскаго Края относящихся, какъ общихъ, такъ и частныхъ и 2) постепенное введеніе въ дѣйствіе мѣръ, прежде постановленныхъ и вновь утверждаемыхъ; начертаніе приличныхъ къ тому правилъ и разрѣшеніе встрѣчающихся затрудненій.

Повидимому, въ ту пору весьма горячо взялись въ Петербургѣ за административную организацію въ Сибири, но вскорѣ это дѣло постигла весьма обыкновенная у насъ участь: его стали забывать и уже въ 1824 году вопросъ о Сибири былъ отодвинутъ на задній планъ. Наконецъ, въ 1838 году бездѣйствовавшій уже сибирскій комитетъ былъ закрытъ, а дѣла, вѣдѣнію его подлежащія, были подчинены общему порядку государственныхъ дѣлъ.

Во главѣ всѣхъ неудобствъ прежняго управленія Сибири были поставлены Сперанскимъ неудобства тогдашняго административнаго раздѣленія Сибири. Сперанскій находилъ его неудобнымъ въ отношеніи къ главному управленію, т. е. къ генералъ-губернатору. „Гдѣ бы сіе управленіе ни имѣло свое пребываніе—писалъ Сперанскій—оно не могло обнять Сибири на всемъ ея протяженіи. Дѣйствуя

изъ Тобольска, оно было. такъ сказать, въ преддверіи своего управленія въ отношеніи къ Иркутску и особенно къ Нерчинску и Якутску. Пребывая въ Иркутскѣ, оно представлялось точно въ томъ же положеніи для Тобольска, какъ бы средоточіе его было въ Петербургѣ. Между тѣмъ, и въ Тобольскѣ, и въ Иркутскѣ, скорыя и близкія разрѣшенія, слѣдовательно, пребываніе управленія, всегда были необходимы“. Наиболѣе удобнымъ пунктомъ для пребыванія генералъ-губернатора Сперанскій полагалъ Томскъ: въ такомъ случаѣ сократились бы нѣсколько разстоянія, но, взамѣнъ того—прибавлялъ Сперанскій—главное управленіе было бы внѣ главныхъ частей своихъ и не на одну изъ нихъ не могло бы дѣйствовать непосредственно. Въ виду этого, Сперанскій предложилъ раздѣлить Сибирь на двѣ части: западную и восточную, по чертѣ, пересѣкающей ее почти во всю ширину хребтомъ горъ, идущихъ между Енисеемъ и Обью. Въ подтвержденіе этого предположенія, Сперанскій ссылался на раздѣлъ необитаемыхъ пустынь отъ земель населенныхъ или способныхъ къ населенію, а также на различіе самыхъ произведеній природы. Само собою разумѣется, что естественныя условія, которыми отличается западная часть Сибири отъ восточной, не измѣнились со времени проектовъ Сперанскаго, за то вообще измѣнились понятія о значеніи высшей центральной администраціи, а также и тѣ матеріальныя способы, какими она, благодаря изобрѣтенію телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, можетъ въ настоящее время пользоваться для ускоренія своихъ дѣйствій. Теперь уже принято за коренное основаніе—отдѣленіе судебной власти отъ административной, такъ что вмѣшательство администраціи въ судебную часть представляется неумѣстнымъ, между тѣмъ какъ во время составленія проектовъ Сперанскаго признавалось нужнымъ подчинять и судебную часть наблюденію высшей мѣстной администраціи. Теперь выдѣлено также весьма много дѣлъ

изъ административнаго вѣдомства съ порученіемъ ихъ общественнымъ городскимъ и земскимъ учрежденіямъ. Наконецъ, существованіе положительныхъ узаконеній по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія устраняетъ тѣ случаи, когда, вслѣдствіе возникавшихъ на каждомъ шагу недоразумѣній, мѣстныя власти должны были постоянно обращаться къ высшей съ различными вопросами и представленіями. Въ настоящее время, высшее мѣстное управленіе, при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, должно быть только наблюдательною административною властію и лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ оно непосредственно отъ себя можетъ дѣлать какія-либо распоряженія. Такимъ образомъ, нынѣ устраняются тѣ препятствія, какія, слишкомъ за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, представлялись для установленія одного центральнаго управленія надъ всею Сибирью. Вотъ почему мы и полагаемъ, что вопросъ объ образованіи изъ Сибири одного генералъ-губернаторства или намѣстничества является теперь въ другомъ видѣ. Но еслибъ намъ приходилось обсуждать этотъ вопросъ въ ту же самую пору, когда онъ обсуждался Сперанскимъ, то нельзя было бы не согласиться съ мнѣніемъ его о необходимости раздѣленія Сибири въ административномъ отношеніи на двѣ части.

Гораздо болѣе имѣютъ значенія и въ настоящее еще время замѣчанія Сперанскаго о характерѣ личнаго управленія такимъ отдаленнымъ краемъ, какъ Сибирь. „Власть личная—писалъ по этому поводу Сперанскій—удобно перерождается въ злоупотребленіе и всегда почти имѣетъ видъ самовластія. Дѣйствуя безъ публичныхъ, законныхъ участниковъ и по причинамъ, ей одной извѣстнымъ, она не можетъ, даже при самой чистотѣ намѣреній, оградить себя отъ подозрѣній. Въ Сибири, гдѣ не было и нѣтъ еще публичнаго мнѣнія, и гдѣ, по недостатку дворянства, и быть оно долго еще не можетъ, подозрѣнія сіи дѣйствуютъ сильнѣе. Самыя разстоянія усиливаютъ ихъ: ибо

предполагается, что до высшей власти ничего не доходитъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ не доходитъ многое. По продолжительному навыку къ симъ подозрѣніямъ и по многимъ послѣдствіямъ самовластнаго личнаго распорядка вообще люди тамъ думаютъ, что зависятъ отъ произвола начальника, а о законности дѣйствій тамъ еще менѣе имѣютъ понятія, нежели въ другихъ мѣстахъ. Одинъ способъ защиты и противодѣйствія былъ въ Сибири до 1819 года—жалобы и доносы".

Строки эти относятся преимущественно къ низшимъ и среднимъ инстанціямъ сибирскаго управленія, но при этомъ Сперанскій коснулся также и высшей инстанціи, замѣтивъ, что „еслибъ личная власть, предоставленная до 1823 года бывшимъ въ Сибири главнымъ правителямъ, и ограждалась подробными и самыми вѣрными правилами, то и тогда, бывъ удалены отъ надзора и не имѣя вокругъ себя ни преграды, ни предостереженія, она легко могла бы перейти въ самовластіе". „Довѣріе къ личнымъ свойствамъ—говорилъ Сперанскій—тутъ не защита, ибо въ самовластіе впадаютъ постепенно, нечувствительно и не всегда съ худымъ намѣреніемъ. Напротивъ, при намѣреніяхъ самыхъ лучшихъ, по самому усердію къ добру, и желая дойти къ нему кратчайшею дорогой или избрать рѣшительнѣйшія мѣры, увлекаются въ заблужденія. Сперва для сокращенія нарушаютъ формы маловажныя, потомъ идутъ къ важнѣйшимъ, наконецъ, касаются и существа дѣла, и такимъ образомъ, поступая всегда по добрымъ побужденіямъ, ниспровергаютъ порядокъ, и, дѣйствуя по совѣсти, дѣйствуютъ противозаконно". Замѣчанія эти проникнуты несомнѣнною истиной, но, выставляя ихъ на видъ, Сперанскій самъ не находитъ способовъ къ искорененію подобнаго хода дѣлъ. По нашему мнѣнію, они могутъ заключаться въ тѣхъ началахъ, которыя уже усвоены или, вѣрнѣе сказать, усвояются у насъ, именно: въ гласномъ

судѣ, въ предоставленіи большей степени самоуправленія городамъ и земству и, наконецъ, въ свободѣ печатнаго слова. При этихъ условіяхъ, а также при твердомъ и ясномъ опредѣленіи правъ и обязанностей того лица, кому было бы ввѣрено главное управленіе всею Сибирью, она можетъ быть защищена отъ широкаго произвола. Такой обстановки не могло, однако, существовать въ прежнее время, а потому правдивыя замѣчанія Сперанскаго получили тогда безусловную силу.

Частные недостатки по управленію Сибири до 1822 года заключались, по мнѣнію Сперанскаго, въ томъ, что, при введеніи тамъ „Общаго учрежденія о губерніяхъ:“ 1) не были приняты въ соображеніе разстоянія ни отъ главнаго, ни отъ губернскаго управленія; 2) не былъ уваженъ недостатокъ дворянства, составъ судовъ по выборамъ или по назначенію губернскаго начальства весьма различенъ: первые суды основаны на довѣріи дворянства; вторые, бывъ наполняемы по произволу, требуютъ другаго надзора и даже образованія; 3) не было обращено вниманія на недостатокъ чиновниковъ,—всѣ мѣста были положены въ томъ же избыткѣ, какъ и въ прочихъ губерніяхъ, хотя и не было почти никакой надежды наполнить ихъ нетолько исправными, но даже посредственными чиновниками; 4) оставленъ былъ безъ уваженія недостатокъ населенія,—такъ, въ Иркутской губерніи положены были, при введеніи учрежденія, четыре области и въ нихъ семнадцать уѣздовъ; въ каждой области были открыты: совѣстный судъ, верхній и нижній надворные суды, верхняя и нижняя расправы и пр., а между тѣмъ, все населеніе, за исключеніемъ кочующаго, простиралось тогда только до 50,000 душъ; сверхъ того, были назначены уѣздными городами такія мѣста, въ которыхъ, кромѣ пяти или шести юртъ, ничего не было и имена которыхъ едва были извѣстны даже губернскому начальству, какъ-то: Жиганскъ,

Оленскъ, Завишерскъ и другіе; 5) не былъ уваженъ родъ населенія, — невозможно, чтобъ якутъ, бурятъ, тунгусъ, ламутъ вѣдался въ уѣздныхъ и земскихъ судахъ тѣми же формами, какъ русскій старожилъ или ссыльный поселенецъ; наконецъ, 6) не было постановлено твердыхъ правилъ для такихъ частей управленія, которыя составляютъ въ Сибири весьма обширный кругъ дѣйствій.

Всѣ эти неудобства были, насколько это казалось тогда возможнымъ, устранены проектами Сперанскаго, примѣненными къ тогдашнимъ общимъ понятіямъ объ администраціи, между которою и судомъ не было еще проведено опредѣленныхъ границъ. Но въ послѣднее время, когда, отчасти вслѣдствіе преобразованія полиціи и, затѣмъ, окончательно вслѣдствіе судебной реформы и открытія земскихъ учрежденій, нашъ административный строй усвоилъ себѣ другія начала, Сибирь остается пока на прежнемъ положеніи. Такимъ образомъ, нельзя не сказать, что, независимо отъ вопроса объ учрежденіи въ Сибири какого либо главнаго центральнаго управленія или намѣстничества, она требуетъ многихъ административныхъ, судебныхъ и хозяйственно-общественныхъ преобразованій. Но всѣ эти преобразованія не могутъ быть точнымъ снимкомъ съ того, что сдѣлано для другихъ мѣстностей имперіи, такъ какъ Сибирь представляетъ страну, для которой необходимо допустить немало уклоненій отъ общепринятаго въ имперіи порядка управленія.

Мы уже упоминали объ учрежденіи въ сибирскихъ губерніяхъ комисаровъ; учрежденіе ихъ послѣдовало въ 1804 году, по представленію тогдашняго генерал-губернатора Селифонтова. Онъ находилъ, что нѣкоторыя части уѣздовъ, по отдаленію ихъ отъ земскаго суда, не могли быть съ успѣхомъ управляемы этимъ судомъ. Вслѣдствіе этого, онъ ходатайствовалъ, чтобъ въ такихъ уѣздахъ были образованы отдѣленія, а въ нихъ были бы опредѣ-

*

лены, подъ именемъ комисаровъ, особенные засѣдатели, которые, будучи подчинены земскому исправнику и принадлежа къ составу земскаго суда, имѣли бы пребываніе не въ городѣ, а въ самомъ уѣздѣ. Мѣра эта въ томъ видѣ, въ какомъ она предлагалась Селифонтовымъ, имѣла особую, исключительную цѣль, между тѣмъ, на дѣлѣ вышло иное: комисарства учреждены были нетолько въ отдаленныхъ уѣздахъ, но и въ самыхъ ближайшихъ отъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, т. е., не въ тѣхъ только частяхъ, сообщенія съ которыми были затруднительны, но и вообще во всѣхъ безъ изъятія. Вслѣдствіе такого порядка, дѣйствія земскихъ судовъ нетолько не облегчились, но, напротивъ, сношенія и переписка ихъ въ значительной степени умножились, потому что на каждое донесеніе или представленіе комисара судъ обязанъ былъ дѣлать постановленіе, составлять журналъ и посылать особое предписаніе, тогда какъ комисаръ, будучи членомъ земскаго суда, могъ бы объяснять дѣло словесно и лично, безъ напрасной переписки. Волости были отягчены налогомъ и разными произвольными поборами въ пользу комисаровъ, которые стали заниматься торговлей и промыслами, дополняя имѣвшуюся отъ того прибыль разными злоупотребленіями. Понятно, впрочемъ, что если примѣнить къ Сибири вводимый вообще въ имперіи порядокъ, т. е. образовать въ Сибири земскія учрежденія и мировые суды, и, притомъ, съ большимъ распространеніемъ ихъ подсудности, то въ какихъ-нибудь правительственныхъ комисарахъ не встрѣтится уже никакой надобности, и сношенія, по мѣстнымъ потребностямъ, съ высшими административными и судебными инстанціями будутъ, въ большинствѣ случаевъ, такъ рѣдки, что нѣкоторое отдаленіе тѣхъ и другихъ не будетъ представлять особыхъ затрудненій.

По проектамъ Сперанскаго, было учреждено четыре степени гражданскаго управленія въ Сибири: волостное,

окружное, губернское и главное. Что касается управленія волостнаго, то, въ существѣ, такое управленіе, введенное обычаемъ и частными предписаніями, клонившимися лишь къ удовлетворенію мѣстныхъ, весьма ограниченныхъ потребностей, не требовало перемѣнъ при Сперанскомъ. По всей вѣроятности, то же самое придется сказать и въ настоящее время объ этомъ предметѣ, такъ какъ юридическій бытъ сельскаго населенія, поставленный въ тѣсные предѣлы обиходныхъ потребностей, развивается весьма медленно. На степень волостныхъ управленій были весьма основательно поставлены Сперанскимъ и родовыя управы инородцевъ. Составъ ихъ не былъ измѣненъ, но только правила, по которымъ они должны были дѣйствовать, составили предметъ особаго „Положенія".

Далѣе, по проекту Сперанскаго, изъ волостей были составлены округи; поэтому, и дѣла волостнаго управленія, посредствомъ ревизіи, надзора и жалобъ, восходя выше, соединялись въ окружномъ управленіи, которое въ „Сибирскомъ учрежденіи" составило вторую степень управленія. На той же степени поставлены были: уѣздный судъ, земскій судъ и казначейства. Но такъ какъ, сверхъ дѣлъ, ввѣренныхъ этимъ управленіямъ, оказались еще дѣла особаго рода, именно дѣла надзора, то они были предоставлены одному лицу—стряпчему. Свидѣтельство и повѣрка всѣхъ суммъ, ревизія недоимокъ, ревизія и составленіе справочныхъ цѣнъ были поручены соединенному присутствію начальниковъ каждой части и стряпчаго, подъ предсѣдательствомъ окружнаго начальника.

Что касается губернскаго правленія, то по учрежденію 1822 года, оно было раздѣлено на три части: полицію, судъ и хозяйство, т. е. губернское правленіе, губернскій судъ и казенную палату. Дѣла же надзора были ввѣрены прокурору. Сверхъ того, были учреждены изъ предсѣдателей губернскихъ мѣстъ, прокурора и губернскихъ

стряпчихъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, губернскіе совѣты, которымъ ввѣренъ былъ высшій надзоръ и особенныя мѣры управленія; дѣла же, требующія одного личнаго дѣйствія, были предоставлены губернатору, такъ что, затѣмъ, губернское правленіе осталось мѣстомъ, управляющимъ не всею губерніею, но только полиціей всей губерніи. Вдобавокъ къ этому, Сперанскій находилъ нужнымъ установить два главныя управленія, примѣнительно къ двумъ частямъ Сибири—западной и восточной.

Осуждая, какъ мы уже видѣли, прежній личный произволъ генералъ-губернаторскаго управленія, Сперанскій находилъ нужнымъ учредить при генералъ-губернаторѣ совѣтъ; но чтобъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранить и единство и скорость дѣйствія, было постановлено: вопервыхъ, что положенія этого совѣта не имѣютъ силы безъ утвержденія генералъ-губернатора; вовторыхъ опредѣленъ родъ дѣлъ, нетребующихъ совѣщанія; втретьихъ, установлены краткія формы производства и, вчетвертыхъ, главному управленію присвоены были только нѣкоторыя права, въ дополненіе къ тѣмъ, которыя были уже опредѣлены въ „Учрежденіи“ 1775 года. Такъ, сибирскимъ генералъ-губернаторамъ было предоставлено: 1) опредѣленіе и увольненіе всѣхъ чиновниковъ; отрѣшеніе ихъ и преданіе суду, за исключеніемъ только тѣхъ, которые опредѣляются именными высочайшими указами; 2) въ нужныхъ случаяхъ, особенно по продовольствію, принимать рѣшительныя мѣры, не испрашивая разрѣшеній, и утверждать контракты безъ ограниченія суммъ; 3) утверждать окончательно приговоры по уголовнымъ дѣламъ, при разногласіи губернскаго суда съ губернаторомъ, изъемля изъ этого приговоры о лишеніи политическихъ правъ, которыя, во всякомъ случаѣ, должны были поступать на разрѣшеніе сената и 4) рѣшать окончательно всѣ дѣла по жалобамъ и протестамъ на губернскія мѣста въ нарушеніи производства порядка дѣлъ или

судебныхъ обрядовъ, не перемѣняя, однако, существа дѣла по рѣшительнымъ судебнымъ опредѣленіямъ.

Если мы примѣнимъ эти правила къ нынѣ водворяемому у насъ порядку по судебной части, то два послѣднія изъ нихъ отпадаютъ сами собою. Что же касается власти генералъ-губернатора надъ чиновниками, то едва ли, при соединеніи всей Сибири подъ одно главное управленіе, вопросъ объ этомъ можетъ представлять большое затрудненіе, и, затѣмъ, развѣ только вопросъ о принятіи рѣшительныхъ мѣръ потребуетъ особыхъ соображеній.

При сужденіяхъ объ административной организаціи Сибири необходимо коснуться и вопроса о такъ называемыхъ сибирскихъ инородцахъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ довольно самостоятельный, такъ какъ вообще инородцы составляютъ у насъ по закону (Св. Зак. т, IX, разд. V), особое сословіе. Положеніе инородцевъ у насъ мало извѣстно читающей публикѣ, а наша періодическая печать до сихъ поръ не затрогивала этого предмета. Къ числу обитающихъ въ Россіи инородцевъ, которые по ихъ состоянію, управляются особыми положеніями, принадлежатъ: 1) сибирскіе инородцы вообще и особенно сибирскіе киргизы; 2) самоѣды, обитающіе въ мезенскомъ уѣздѣ архангельской губерніи; 3) кочевые инородцы ставропольской губерніи; 4) калмыки, кочующіе въ астраханской и ставропольской губерніяхъ, и 5) евреи. Сверхъ того, въ прежнее время существовалъ еще особый разрядъ инородцевъ въ мѣстахъ, предоставленныхъ россійско-американской компаніи. Дѣйствующіе нынѣ законы о сибирскихъ инородцахъ не восходятъ далѣе 1822 года, когда былъ высочайше утвержденъ „Уставъ объ управленіи сибирскихъ инородцевъ“, составленный Сперанскимъ.

До 1822 года всѣ постановленія о сибирскихъ инородцахъ ограничивались небольшимъ числомъ указовъ о приведеніи ихъ въ христіанскую вѣру и двумя инструк-

ціями: 1) инструкціей, данной, въ 1728 году, графомъ Владиславичемъ-Рагузинскимъ пограничнымъ, по китайской линіи дозорщикамъ о разборѣ маловажныхъ дѣлъ ясачныхъ иновѣрцевъ и 2) инструкціей, данной, въ 1763 году, за подписаніемъ Екатерины II, секунд-майору Щербачеву о ясачной подати. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи почти шестидесяти лѣтъ, сибирскіе инородцы какъ будто были совершенно забыты высшимъ правительствомъ и оставались предоставленными на волю мѣстныхъ начальниковъ, собиравшихъ съ нихъ ясакъ нетолько для казны, но и для себя. Положеніе сибирскихъ инородцевъ было тѣмъ еще неопредѣленнѣе и тягостнѣе, что обѣ инструкціи заключали въ себѣ одно только предварительное изложеніе тѣхъ оснований, на которыхъ должны были быть составлены впослѣдствіи полныя правила. При такихъ условіяхъ выходило, напримѣръ, что татары, жившіе въ южныхъ полосахъ Сибири, деревнями и занимавшіеся земледѣліемъ и всѣми крестьянскими промыслами, управлялись по тѣмъ же самымъ правиламъ, какъ и сѣверные самоѣды или остяки, промышлявшіе звѣроловствомъ, разсѣянные на громадныхъ пространствахъ и неимѣвшіе вовсе постояннаго жилища.

Изъ свѣдѣній, собранныхъ о сибирскихъ инородцахъ Сперанскимъ, видно, между прочимъ, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ буряты, имѣли родовыя конторы, составленныя изъ шуленговъ, подъ предсѣдательствомъ главнаго тайши; другіе, какъ остяки, имѣли свои сборныя мѣста, гдѣ вносили ясакъ и рѣшали, подъ руководствомъ князьковъ, волостныя дѣла; якуты управлялись по родамъ старшинами и родовыми князьками или наслѣжными (наслѣгомъ называется у якутовъ совокупность нѣсколькихъ родовъ), а по улусамъ — улусными головами; тунгусы, подъ завѣдываніемъ главнаго родоначальника, управлялись также князьками и дарунгами. Всѣ дѣла инородцевъ, и тяжебныя и уголовныя, исключая важнѣйшихъ, рѣшались по древнимъ обы-

чаямъ. Несмотря на такую, повидимому, самостоятельность и обширность самоуправленія сибирскихъ инородцевъ, они, въ сущности, не пользовались имъ вовсе. Это очень просто объясняется тѣмъ, что всѣ родовыя инородческія управы были подчинены земскому суду, на томъ же основаніи, какъ и вообще крестьянскія волостныя правленія; обязанность же родовыхъ старшинъ, а также и права ихъ не были точно опредѣлены, а потому все управленіе инородцами перешло, большею частью, въ руки мелкихъ полицейскихъ чиновниковъ и сдѣлалось поводомъ нескончаемыхъ злоупотребленій.

Первое исчисленіе инородцевъ произведено было, въ 1763 году, по родамъ. Слово родъ у всѣхъ кочевыхъ инородцевъ Восточной Сибири означаетъ отдѣльное племя, происшедшее, по преданію, отъ одного праотца, жившаго за нѣсколько вѣковъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось встрѣтить свѣдѣній о томъ, какъ велико было въ ту пору инородческое населеніе Сибири. Что же касается ближайшихъ къ намъ объ этомъ свѣдѣній, то изъ „Статистическихъ таблицъ Россійской Имперіи“, изданныхъ въ 1863 году, оказывается, что въ Сибири считалось инородцевъ мужескаго пола 537,658 и женскаго 491,686, всего 1,029,344, такъ что они составляли почти половину (до 43%) всего инородческаго населенія Россіи. Цифру эту должно, однако, считать нѣсколько преувеличенною, потому что въ общую графу сибирскихъ инородцевъ (образующихъ дѣйствительно юридически-замкнутую группу), включены были и татары астраханской губерніи и мезенскіе самоѣды, а также множество финскихъ, татарскихъ, самоѣдскихъ, монгольскихъ и американскихъ племенъ разныхъ именъ и, большею частью, весьма незначительныхъ. Затѣмъ, намъ не извѣстно: насколько успѣли подвинуться впередъ этнографическія и статистическія свѣдѣнія о сибирскихъ инородцахъ, хотя, какъ кажется, свѣдѣнія эти и донынѣ остаются въ прежнемъ положеніи.

Исчисленіе инородцевъ было произведено съ цѣлью обложенія ихъ ясакомъ, т. е. податью, вносимою частью звѣриными шкурами, частью деньгами, сообразно ихъ состоянію и промысламъ. Впослѣдствіи, число людей во многихъ родахъ измѣнилось, отчего сборъ ясака, несмотря на умноженіе общаго числа инородцевъ, сдѣлался неуравнительнымъ и весьма тягостнымъ для многихъ племенъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ звѣриные промыслы истощились, или же инородцы обратились къ другимъ занятіямъ, а потому и счотъ податей на звѣриные промыслы служилъ, по замѣчанію Сперанскаго, только предлогомъ къ различнымъ притѣсненіямъ.

Благовиднымъ предлогомъ къ этимъ притѣсненіямъ была та административная опека, которой были подчинены инородцы инструкціей 1763 года. Въ силу этой инструкціи, въѣздъ въ стойбища инородцевъ былъ позволяемъ не иначе, какъ во время ярмарокъ и то въ присутствіи сборщика податей. Между тѣмъ, торговля и частыя сношенія съ заселенными мѣстами научили впослѣдствіи инородцевъ не столь легко подвергаться обманамъ и насилію. Многіе ихъ родоначальники пріобрѣли, и въ образѣ жизни, и въ знаніи русскаго языка, довольно опытности, чтобъ защитить себя отъ притѣсненій, число же торгующихъ умножилось, такъ что, при всѣхъ этихъ условіяхъ, отчужденіе инородцевъ отъ русскихъ служило во вредъ инородцамъ и утверждало надъ ними неограниченное господство со стороны разныхъ чиновниковъ, которые сами обманывали и развращали инородцевъ и являлись среди ихъ монополистами по дѣламъ торговымъ и промышленымъ. Сверхъ того, подобная мѣра, во многихъ случаяхъ, оказывалась неисполнимою на практикѣ въ отношеніи осѣдлыхъ инородцевъ и преимущественно тѣхъ, которые жили на большихъ дорогахъ.

Судебный порядокъ среди сибирскихъ инородцевъ былъ,

какъ мы видѣли, оставленъ русскимъ правительствомъ на прежнемъ основаніи—они судились по собственнымъ ихъ правиламъ, истекавшимъ, большею частью, изъ сложныхъ и разнообразныхъ изустныхъ преданій. Вслѣдствіе этого, судебная расправа соединялась у нихъ съ жестокостью въ наказаніяхъ, съ наложеніемъ несоразмѣрныхъ пеней и взысканій. Сверхъ того, многіе споры инородцевъ переходили въ правительственныя мѣста, которыя, не зная родовыхъ обычаевъ инородцевъ, основывали свои рѣшенія на общихъ государственныхъ узаконеніяхъ, такъ что инородецъ оправдывался или обвинялся совершенно противъ общаго его понятія о справедливости.

Сперанскій, въ виду всего этого, составилъ особый уставъ объ управленіи инородцевъ, и уставъ этотъ дѣйствуетъ еще донынѣ. Въ силу этого устава, всѣ обитающіе въ Сибири инородныя племена, именовавшіяся до 23-го іюля 1822 года ясачными и иновѣрцами, по степени гражданскаго ихъ образованія и образу жизни, именно же по качеству ихъ промысла, составляющаго главный предметъ ихъ пропитанія, раздѣляются на три разряда: 1) на осѣдлыхъ, 2) кочевыхъ и 3) бродячихъ. Къ первому разряду принадлежать тѣ инородцы, которые имѣютъ постоянную осѣдлость, хлѣбопашество и живутъ деревнями или въ городахъ, занимаясь торговлей и промыслами городскихъ обывателей; ко второму—тѣ, которые имѣютъ осѣдлость, хотя и постоянную, но, по временамъ года, перемѣняемую и не живутъ деревнями; наконецъ, къ третьему—инородцы, не имѣющіе никакой осѣдлости, и переходящіе съ одного мѣста на другое по лѣсамъ, рѣкамъ или урочищамъ, для звѣроловнаго и рыболовнаго промысла отдѣльными родами или семействами. Сверхъ того, чукчи въ приморской области Восточной Сибири, дзюнгарцы, или такъ-называемые дзюнгарскіе двоеданцы, въ юговосточной части томской губерніи, составлютъ съ 1856 года, особенные разряды ино-

родцевъ. Всѣ вообще осѣдлые сибирскіе инородцы, какъ сказано въ „Сводѣ Законовъ“, сравниваются съ россіянами въ правахъ и обязанностяхъ по сословіямъ, въ которыя они вступаютъ, исключая рекрутской повинности, отъ которой они навсегда свободны. Кочевые же инородцы составляютъ особенное сословіе, въ равной степени съ крестьянскимъ, но отличное отъ него въ образѣ управленія; кочевые инородцы пользуются свободою въ вѣроисповѣданіи и богослуженіи; воспріятіе христіанской вѣры не препятствуетъ имъ оставаться при прежнихъ правахъ; всѣ кочевые инородцы навсегда свободны отъ рекрутской повинности; имъ позволяется, если они водворятся осѣдло, вступать какъ въ сословіе крестьянъ, такъ и въ мѣщане, записываться въ гильдіи и, притомъ, со всегдашнею свободой отъ рекрутства. Кочевые инородцы, съ умноженіемъ хлѣбопашества, не обращаются, противъ ихъ воли, въ крестьянское сословіе и вообще безъ собственнаго ихъ желанія не включаются въ какое-нибудь другое. Они управляются собственными своими родоначальниками и почетными людьми, которые или избираются, или получаютъ свою власть наслѣдственно. Въ способахъ управленія сохраняются степные законы и обычаи, свойственные каждому племени. Законы эти принимаются въ основаніе и присутственными мѣстами, въ сужденіяхъ о дѣлахъ инородцевъ. Каждый изъ кочевыхъ инородцевъ и цѣлые роды имѣютъ полную свободу приносить въ учрежденныхъ мѣстахъ жалобы на стѣсненія и обиды. Въ уголовныхъ преступленіяхъ, а равно и проступкахъ они судятся въ общихъ присутственныхъ мѣстахъ по уставу о наказаніяхъ. Исковыя же дѣла кочевыхъ инородцевъ разбираются. 1) словесно или посредниками, или въ родовомъ управленіи, какъ въ первой степени ихъ словесной расправы, въ инородной управѣ, которая составляетъ вторую степень ихъ словесной расправы, и въ земской полиціи, какъ въ послѣдней степени ихъ

расправы. 2) Письменно—въ окружномъ судѣ, но не прежде, какъ по неудовольствіямъ, изъявленнымъ уже на разбирательство во всѣхъ степеняхъ словесной расправы. Впрочемъ, тяжущіеся инородцы всегда имѣютъ право, даже и послѣ разбирательства въ первой, второй и третьей степеняхъ ихъ словесной расправы, кончить дѣло мировою или чрезъ посредниковъ. Кочевые инородцы участвуютъ въ общихъ по губерніи земскихъ повинностяхъ, содержаніе же степнаго ихъ управленія составляетъ внутреннюю ихъ повинность. Они освобождены отъ употребленія гербовой бумаги и отъ другихъ штемпельныхъ налоговъ и облагаются только податью, именуемой ясакомъ, чрезъ особыя комисіи, посылаемыя, время отъ времени, въ ихъ кочевья для ихъ обозрѣнія и для опредѣленія, какое количество ясака можетъ вносить, безъ отягощенія, каждый родъ. Они имѣютъ право отдавать дѣтей своихъ для обученія въ учрежденныя отъ правительства учебныя заведенія и заводить собственныя школы, но не иначе, какъ съ разрѣшенія начальниковъ губерній или областей.

Относительно имущественныхъ правъ кочевыхъ инородцевъ должно замѣтить, что они для каждаго поколѣнія имѣютъ назначенныя во владѣніе земли, раздѣленіе которыхъ на участки зависитъ отъ самихъ кочующихъ, или по жеребью, или по другимъ ихъ обыкновеніямъ. Русскимъ строго воспрещается селиться на земляхъ, отведенныхъ во владѣніе инородцевъ. Инородцы имѣютъ право сбывать свои произведенія и ловъ продажей и мѣной въ городахъ и селеніяхъ. Затѣмъ, вообще свободная торговля съ кочующими позволена во всякое время всѣми припасами и издѣліями, кромѣ горячихъ напитковъ.

Мы представили въ краткомъ очеркѣ административное устройство сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ въ настоящее время. Изъ этого очерка можно заключить, что, въ частности, управленіе ими, какія бы ни послѣдовали преобра-

зованія въ общей администраціи Сибири, не требуютъ измѣненій. Прежнее усердіе обращать инородцевъ въ христіанство, хотя бы и насильственно, несомнѣнно уже отжило свое время, а о такъ-называемомъ обрусеніи безполезно и думать, потому что подобная система имѣетъ лишь политическое значеніе; при устройствѣ же быта сибирскихъ инородцевъ можно обойтись рѣшительно безъ примѣси всякихъ политическихъ соображеній. Хотя, какъ видно изъ сдѣланныхъ нами замѣтокъ, среди сибирскихъ инородцевъ существуютъ уже начала словеснаго и мироваго разбирательства, но мы полагаемъ, что было бы ошибочно приноравливать эти самобытныя начала къ тѣмъ формамъ, въ какихъ они нынѣ установляются среди прочаго населенія Россіи. Извѣстно, что племена, стоящія еще на низкой степени гражданскаго развитія и неимѣющія еще среди себя интелигенціи, руководящей ихъ массой, чрезвычайно сильно освоиваются со всѣми мелочами своего исконнаго юридическаго быта и даже съ названіями существующихъ у нихъ учрежденій, такъ что даже перемѣна этихъ названій представляется для нихъ непріятною и опасною новизной. Поэтому, нынѣшнія особенныя учрежденія для сибирскихъ инородцевъ, съ большою для нихъ пользой, могутъ оставаться на прежнемъ положеніи. При этомъ, однако, возникаетъ одинъ весьма важный вопросъ, который, впрочемъ, можетъ быть разрѣшонъ только на мѣстѣ, но никакъ не заочно, именно, вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ сибирскіе инородцы, несмотря на особыя для нихъ, дѣйствующія уже впродолженіи пятидесяти лѣтъ, узаконенія, успѣли ознакомиться съ ними? Существуютъ ли переводы этихъ узаконеній на мѣстные языки, хотя и надобно думать, что едва ли это возможно? По крайней мѣрѣ, мы не встрѣтили нетолько никакихъ положительныхъ извѣстій, но даже и намека на то, чтобъ среди сибирскихъ инородцевъ существовала собственная ихъ граматность.

Для предположенія же о достаточномъ распространеніи среди нихъ знанія русскаго языка, а тѣмъ болѣе русской граматности, не имѣется никакихъ фактическихъ основаній. Поэтому, кажется, и слѣдовало бы, прежде какихъ-нибудь новыхъ преобразованій по устройству сибирскихъ инородцевъ, дѣятельно озаботиться о распространеніи между ними начатковъ элементарнаго образованія, такъ какъ безъ этого всѣ административныя перемѣны рановременны и безполезны.

Что касается сибирскихъ бродячихъ инородцевъ, то права ихъ, какъ выражено въ „Сводѣ Законовъ“ вообще состоятъ въ примѣненіи къ нимъ правилъ, постановленныхъ для кочевыхъ инородцевъ. Изъятія же и ограниченія заключаются въ слѣдующемъ: 1) Назначеніе земель по племенамъ и раздѣленіе по участкамъ на бродячихъ инородцевъ не распространяется. Имъ назначаются, по удобности, цѣлыя полосы земли и только опредѣляются границы ея съ землями, принадлежащими осѣдлымъ жителямъ и кочевымъ инородцамъ. 2) Бродячіе инородцы не участвуютъ въ денежныхъ земскихъ повинностяхъ и не производятъ никакихъ расходовъ на содержаніе степнаго управленія. 3) На занимаемой ими полосѣ позволяется имъ переходить для промысловъ изъ округа въ округъ и изъ губерніи въ губернію, безъ всякаго стѣсненія.

Кромѣ трехъ упомянутыхъ разрядовъ инородцевъ, „Сводъ Законовъ“ говоритъ еще о тѣхъ, также сибирскихъ, инородцахъ, которые состоятъ въ зависимости Россіи безъ совершеннаго ей подданства. Они пользуются защитой и покровительствомъ русскаго правительства во всѣхъ внутреннихъ ихъ дѣлахъ, но лишь тогда, когда прибѣгаютъ сами съ просьбами объ этомъ. Они имѣютъ право свободной, безпошлинной торговли съ сосѣдними имъ русскими и инородцами, а также могутъ перекочевывать на земли, принадлежащія Россіи. Они управляются и су-

дятся по своимъ обычаямъ и обрядамъ и подлежатъ общему суду только въ случаѣ убійствъ и насилій, учиненныхъ ими на русской землѣ. Изъ такихъ инородцевъ, чукчи платятъ дань по собственному ихъ произволу, какъ въ количествѣ, такъ и въ качествѣ.

Всѣ эти правила, относящіяся къ сибирскимъ инородцамъ, были составлены еще Сперанскимъ; но едва ли они и въ настоящее время могутъ требовать какихъ-нибудь перемѣнъ, если только самыя условія быта подходящихъ подъ нихъ сибирскихъ инородцевъ не измѣнились, сравнительно съ прежнимъ.

Хотя, по закону, сибирскіе киргизы причислены также къ разряду кочевыхъ инородцевъ, но имъ, тѣмъ не менѣе, предоставлены нѣкоторыя особыя права. Такъ, каждый киргизъ можетъ переходить въ другое государственное сословіе, селиться внутри имперіи, вступать въ службу и записываться въ гильдіи, гдѣ пожелаетъ, на общихъ правилахъ. Причемъ, вступая въ сословіе, обязанное платежомъ податей, киргизы пользуются пятилѣтнею льготой и всегдашнею свободой отъ рекрутства. Въ заведеніи школъ киргизамъ не дѣлается никакого препятствія; напротивъ, оно поощряется всѣми средствами. Каждый киргизъ имѣетъ право помѣстить сына своего въ учебныя заведенія, находящіяся внутри имперіи, на общихъ правилахъ и можетъ имѣть недвижимую собственность, пользуясь полною свободой относительно отлучекъ съ мѣста своего жительства. Киргизы платятъ ясакъ по особымъ положеніямъ и могутъ, на основаніи „Торговаго Устава“, производить свободно торговлю. Права сибирскихъ киргизовъ въ порядкѣ суда и дѣлъ уголовныхъ, а равно и порядокъ исковыхъ дѣлъ внесены въ соотвѣтствующія части общихъ законовъ имперіи, причемъ, постановлено, что всѣ исковыя дѣла между киргизами разбираются посредствомъ біевъ въ аулахъ и волостяхъ. Но гражданскія дѣла, возникшія между кир-

гизами и лицами, непринадлежащими къ ихъ племени, въ случаѣ, когда лица эти не пожелаютъ подчиниться суду біевъ, начинаются въ окружныхъ приказахъ по общимъ законамъ имперіи. Что же касается уголовнаго судопроизводства, то уголовными преступленіями, въ отношеніи сибирскихъ киргизовъ, считаются: измѣна, убійство, разбой, баранта (захватъ скота), возбужденіе своихъ соплеменниковъ противъ правительства, явное неповиновеніе начальству, преступленія по должности, поддѣлки, поджогъ и принятіе ложной присяги по дѣламъ. За эти преступленія, въ случаѣ ихъ совершенія киргизами, не въ мѣстахъ ихъ кочевья, но въ городахъ и селеніяхъ, они судятся на основаніи общихъ законовъ. Дѣла же о всѣхъ прочихъ преступленіяхъ и проступкахъ, не исключая и кражи у частныхъ лицъ, подлежатъ разбору біевъ по киргизскимъ обычаямъ, причомъ, однако, біи обязаны, сверхъ слѣдующаго за убытокъ денежнаго взысканія, приговаривать виновныхъ въ кражѣ и къ наказаніямъ, опредѣленнымъ въ уголовныхъ законахъ. Исполненіе же судебныхъ приговоровъ предоставлено султанамъ, имѣющимъ вообще надъ киргизами ближайшій полицейскій надзоръ.

Сибирскіе киргизы были въ прежнее время предметомъ особой, въ военномъ смыслѣ, заботливости со стороны нашего правительства. Для огражденія русскихъ владѣній отъ киргизскихъ набѣговъ въ Сибири была, въ началѣ XVIII столѣтія, основана такъ-называемая сибирская линія—рядъ укрѣпленій, тянувшійся отъ Тобола или Звѣриноголовской крѣпости до верховьевъ Иртыша, или до самой юговосточной оконечности прежней Омской Области. Линія эта отдѣляла Сибирь отъ Киргизской Степи, но не была никогда признаваема окончательно границей нашихъ владѣній. На сибирской линіи селились казаки, число которыхъ въ 1808 году простиралось до 6,000 и которые были подкрѣпляемы гарнизонными войсками, рас-

положенными въ большемъ или меньшемъ количествѣ по крѣпостямъ линіи. Изъ этихъ военныхъ силъ былъ впослѣдствіи образованъ сибирскій отдѣльный корпусъ, въ составъ котораго вошла и внутренняя стража, и который, въ 1822 году, въ общей своей численности, простирался до 16,600 человѣкъ. По мѣрѣ того, какъ линія населялась и расширялась, набѣги киргизовъ становились все рѣже и рѣже и, наконецъ, совершенно прекратились. До какой степени сибирскіе киргизы сдѣлались для насъ безопасными, можно заключить изъ того, что, по свидѣтельству Сперанскаго, въ 1819 году во всей Средней Ордѣ съ трудомъ можно было найти двѣсти ружей съ фитилями. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что мѣстнымъ воителямъ нетрудно было бы находить предлоги къ большимъ экспедиціямъ противъ киргизовъ и возвращаться изъ степи побѣдителями; но въ старое время люди были простодушнѣе и не доходили до такихъ тонкостей. Поэтому, военныя силы, выставленныя противъ сибирскихъ киргизовъ, оставались въ теченіи ста лѣтъ праздными. Во все это время не было ни одного происшествія, которое могло бы походить на военное дѣйствіе, хотя бы оборонительное. Экспедиціи изъ небольшихъ казачьихъ отрядовъ, посылаемыя въ степь, да и. то рѣдко, всегда имѣли цѣлью лишь внутренній разборъ между киргизами по случаю баранты или для прикрытія торговыхъ каравановъ.

Сперанскій первый указалъ на безполезность содержанія значительныхъ военныхъ силъ на сибирской линіи и предложилъ дать ей новое устройство въ видѣ пограничнаго управленія.

Изъ всего сказаннаго нами о сибирскихъ инородцахъ надобно придти къ тому заключенію, что они не составляютъ рѣшительно никакого элемента, требующаго объединенія съ коренною Россіей въ видахъ политическихъ, и что, вообще, въ сибирской администраціи нетолько пре-

обладаніе военныхъ началъ, но даже и присутствіе ихъ, было бы совершенно излишне.

Можно сказать не ошибаясь, что большинство лицъ, принадлежащихъ къ составу общей администраціи, точно такъ же, какъ и большинство нашихъ публицистовъ, весьма мало знакомы съ нынѣшнимъ административнымъ устройствомъ Сибири. Между тѣмъ, предметъ этотъ представляетъ такія особенности, которыя составляютъ исключительную принадлежность сибирскаго управленія и не встрѣчаются въ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

Сибирь, въ отношеніи административномъ, раздѣляется главнымъ образомъ на Западную и на Восточную, въ составъ которыхъ входятъ четыре губерніи и семь областей. Губерніи и области обѣихъ половинъ Сибири дѣлятся на округи (уѣзды), а округи на волости и инородныя управы, по особому въ каждомъ округѣ росписанію. Управленіе Сибири имѣетъ четыре степени: 1) управленіе главное; 2) управленіе губернское; 3) управленія окружное и городское и 4) управленія волостное (селъ и деревень) и инородное (племенъ нерусскаго происхожденія и, притомъ, неосѣдлыхъ). По различію же частей, составляющихъ Сибирь, управленіе ея имѣетъ два вида: общее и особенное. Сверхъ того, „Общее губернское учрежденіе“ (св. зак. т. II, ч. 1) сохраняетъ въ Сибири свою силу и дѣйствіе во всѣхъ тѣхъ статьяхъ, на которыя не постановлено никакихъ изъятій въ особыхъ правилахъ ея управленія. Если вспомнить то, что было сказано объ административныхъ преобразованіяхъ, произведенныхъ въ Сибири по плану Сперанскаго, то окажется, что принятыя имъ въ этомъ случаѣ главныя основанія были удержаны до настоящаго времени.

Въ Сибири учреждены два главныя управленія: одно называется западнымъ сибирскимъ и находится въ Омскѣ, другое—восточнымъ сибирскимъ и находится въ Иркутскѣ. Каждое главное управленіе составляютъ: генералъ-губерна-

торъ и совѣтъ главнаго управленія. Съ точки зрѣнія Сперанскаго, учрежденіе главныхъ управленій въ Сибири было необходимо. На это по словамъ его, указывали: связи продовольствія, населенія, дѣлъ горныхъ, военныхъ и пограничныхъ между губерніями и областями, въ каждой главной части Сибири—Восточной и Западной. Весь вопросъ состоялъ только въ образѣ составленія такого управленія, которое, по понятіямъ Сперанскаго, должно было быть колегіальное. „Отъ того—писалъ онъ—что власть генералъ-губернатора была личная, что она не опредѣлялась достаточными правилами, не была ограничена никакимъ публичнымъ установленіемъ и что власть сія, наипаче въ Сибири, по недостатку дворянства, по роду населенія, по удаленію отъ высшаго правительства, дѣйствовала безъ надзора и близкой отвѣтственности, она часто перерождалась тамъ въ самовластіе, болѣе или менѣе вредное, судя по свойствамъ управляющихъ лицъ. Самое добро, ею производимое, сопровождалось тѣмъ предосудительнымъ чувствомъ, что его дѣйствія приписывали *лицу*, а не *закону*, и слѣдовательно, привыкали всего надѣяться или страшиться отъ личныхъ свойствъ начальника, а не отъ законныхъ послѣдствій самыхъ дѣлъ“. Обращаясь, затѣмъ, къ разуму „Общаго учрежденія о губерніяхъ“, изданнаго въ 1775 году, Сперанскій указывалъ, что не генералъ-губернаторъ долженъ былъ управлять губерніей именемъ императорскаго величества, по намѣстническое правленіе, въ которомъ онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ, а губернаторъ и совѣтники засѣдателями. Слѣдуя этой мысли, Сперанскій предложилъ, чтобъ главное управленіе въ Сибири было установлено въ видѣ совѣта, подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, а чтобъ при томъ сохранить единство и скорость дѣйствія, Сперанскій находилъ нужнымъ: 1) чтобъ положенія совѣта не имѣли силы безъ утвержденія генералъ-губернатора; 2) чтобъ былъ опредѣленъ рядъ дѣлъ, нетребующихъ совѣщанія, но

только употребленія власти и чтобъ дѣла послѣдняго рода были отдѣлены отъ прочихъ и присвоены непосредственно власти генералъ-губернатора; 3) чтобъ были установлены формы производства краткія, при которыхъ движеніе генералъ-губернаторской власти не могло бы встрѣтить никакихъ затрудненій, и 4) чтобъ сибирскимъ генералъ-губернаторамъ были, сравнительно съ прочими генералъ-губернаторами, присвоены нѣкоторыя преимущества.

На такихъ главныхъ основаніяхъ остается и донынѣ власть сибирскихъ генерал-губернаторовъ. Совѣтъ каждаго главнаго управленія составляютъ: совѣтники, опредѣляемые высочайшими указами, какъ представители нѣкоторыхъ министерствъ, губернаторъ той губерніи, гдѣ находится главное управленіе, и предсѣдатели губернскаго суда; сверхъ того, еще нѣкоторыя лица, имѣющія болѣе или менѣе важное значеніе въ мѣстной администраціи, исчислять которыя было бы излишне. Общій предметъ главнаго управленія заключается въ надзорѣ за правильнымъ и успѣшнымъ движеніемъ дѣлъ во всѣхъ подчиненныхъ ему управленіяхъ, и въ доставленіи имъ нужныхъ разрѣшеній. Надзоръ этотъ обнимаетъ собою два рода предметовъ: одни дѣла зависятъ отъ непосредственнаго дѣйствія генералъ-губернатора, другія должны быть предварительно соображены и „уважены“ совѣтомъ. Къ непосредственному дѣйствію генералъ-губернатора подлежатъ: 1) побужденіе къ правильному производству дѣлъ въ мѣстахъ имъ подчиненныхъ 2) обозрѣнія, какъ общія, такъ и частныя, мѣстныхъ управленій и ревизія ихъ дѣлъ или непосредственно или черезъ чиновниковъ, а въ важныхъ случаяхъ посредствомъ слѣдственныхъ комисій; 3) опредѣленіе и увольненіе чиновъ въ порядкѣ для того установленномъ; 4) временный распорядокъ въ случаѣ недостатка губернскихъ или областныхъ чиновниковъ въ одномъ мѣстѣ и дополненіе изъ другаго и, наконецъ, 5) разсмотрѣніе и представленіе о наградахъ.

Сверхъ того, особыми уставами, изданными послѣ 1822 года, генералъ-губернатору Восточной Сибири ввѣрено главное начальство по горной части, завѣдываніе учебными заведеніями, утвержденіе рѣшеній военно-судебныхъ комисій Восточной и Западной Сибири о похитителяхъ драгоцѣнныхъ металловъ съ казенныхъ и частныхъ промысловъ, дѣла о казенныхъ оброчныхъ статьяхъ и управленіе казаками.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ дѣлъ, возложенныхъ на сибирскихъ генералъ-губернаторовъ особыми уставами, власть ихъ по общему управленію представляется довольно ограниченною, такъ какъ всѣ прочія дѣла должны быть, по словамъ закона, предварительно соображены и „уважены" въ совѣтѣ главнаго управленія. Въ общихъ чертахъ, соображенію этого совѣта подлежатъ: надзоръ за движеніемъ дѣлъ, кромѣ рѣшеній по существу; разрѣшеніе сомнѣній въ исполненіи законовъ и дѣла хозяйственнаго управленія. Всѣ роды этихъ дѣлъ означены подробно въ 19-й ст. ч. II т. II „Свода Законовъ", и можно сказать, что они обнимаютъ почти всѣ отрасли мѣстнаго управленія, нетребующія однихъ только чисто-исполнительныхъ дѣйствій. Въ сущности, однако, совѣты сибирскихъ главныхъ управленій не имѣютъ никакого самобытнаго значенія.

Мы уже видѣли тѣ основанія, на которыхъ Сперанскій находилъ возможнымъ образовать упомянутые совѣты. Въ его время и они были уже смѣлымъ шагомъ въ администраціи. Послѣ же того произвольнаго управленія, подъ которымъ находилась постоянно Сибирь, задуманныя Сперанскимъ, а потомъ и приведенныя въ исполненіе, предложенія казались мѣрами весьма либеральными и способными упрочить, въ административномъ отношеніи, благосостояніе и права сибирскаго населенія. По „Учрежденію" 1822 года, въ Сибири, взамѣнъ безусловно личной власти начальниковъ, явилось множество колегіальныхъ учрежденій

и такой порядокъ тогдашніе петербургскіе бюрократы находили крайне неудобнымъ, укоряя Сперанскаго, что онъ чрезвычайно размножилъ сибирское начальство. Вводя подобный порядокъ, Сперанскій прежде всего разсчитывалъ, что генералъ-губернаторы Сибири будутъ чувствовать сами потребность въ указаніяхъ состоящихъ при нихъ совѣтовъ. Поэтому, согласно его проекту, были учреждены въ Сибири присутствія двухъ родовъ: одни совѣщательныя, другія рѣшительныя. Къ числу первыхъ были отнесены: совѣтъ главнаго управленія, совѣтъ губернскій и совѣтъ окружной, причемъ постановлено, что положенія всѣхъ совѣщательныхъ присутствій безъ утвержденія ихъ начальниковъ недѣйствительны, исключая нѣкоторыхъ дѣлъ, которыя должны быть рѣшаемы по большинству голосовъ, именно: 1) дѣла, подлежащія производству въ порядкѣ суда гражданскаго или уголовнаго; 2) во всѣхъ случаяхъ, восходящихъ къ разрѣшенію высшаго начальства, генералъ-губернаторъ, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ, представляетъ и мнѣніе совѣта, хотя бы онъ самъ и не былъ согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Вообще же, совѣтъ главнаго управленія не имѣетъ исполнительной власти и отъ генералъ-губернатора, за исключеніемъ указанныхъ выше дѣлъ, зависитъ принять или не принять его мнѣніе. Совѣтъ главнаго управленія не можетъ самъ собою ни отмѣнить, ни ограничить существующихъ узаконеній и предписаній высшаго начальства. Онъ можетъ представить только о мѣстныхъ неудобствахъ и затрудненіяхъ высшему начальству и, въ ожиданіи разрѣшенія, пріостановить исполненіе. Онъ не можетъ ввести ни новаго закона, ни постановленія; не можетъ назначать новыхъ издержекъ или требовать отъ мѣстъ подчиненныхъ, на какой бы то ни было предметъ, отпуска суммъ, росписаніемъ неопредѣленныхъ или послѣдующими предписаніями министерства не назначенныхъ, ни перемѣнять ихъ назначенія. Главное управленіе не можетъ, ни подъ

какимъ видомъ, назначить новыхъ податей и сборовъ, или возвысить ихъ количество безъ высочайшаго утвержденія. Оно не можетъ само собою располагать никакимъ казеннымъ имуществомъ ни въ частную собственность, ни во временное пользованіе и употребленіе. Наконецъ, имѣя высшій надзоръ надъ всѣми вообще частями управленія, оно не входитъ въ подробный и внутренній распорядокъ ни одной изъ нихъ отдѣльно, содержа каждую въ томъ лишь порядкѣ, который установленъ закономъ.

Статьи, относящіяся къ предѣламъ власти главнаго управленія, какъ въ Западной, такъ и въ Восточной Сибири, внесены были въ „Сводъ Законовъ" въ такомъ точно видѣ, въ какомъ онѣ были составлены Сперанскимъ. Нельзя не замѣтить, что статьи эти написаны собственно въ отрицательномъ, а не въ положительномъ смыслѣ. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что Сперанскій прежде всего стремился положить предѣлъ самовластію сибирскихъ правителей, такъ какъ опытъ самымъ нагляднымъ образомъ показывалъ, до чего могло оно доходить. Представляя свой проектъ „Общаго Сибирскаго Учрежденія", Сперанскій, по поводу статей, касавшихся главнаго управленія, писалъ, между прочимъ: „по первому воззрѣнію на сіи основанія, легко можно опредѣлить и превосходство ихъ и высшій родъ понятій, къ коему они принадлежатъ". Главною же задачей при преобразованіи сибирской администраціи, по словамъ Сперанскаго, было: „преобразить личную власть въ установленіе, и согласивъ единство ея дѣйствія съ гласностью, охранить ее отъ самовластія и злоупотребленій законными средствами, изъ самаго порядка дѣлъ возникающими; учредить ея дѣйствіе такъ, чтобъ оно было не личнымъ и домашнимъ, но публичнымъ и служебнымъ". Проектируя устройство главнаго управленія, Сперанскій надѣялся усилить надзоръ, собравъ раздробленныя и потому безсильныя его части въ одно установленіе, и, та-

кимъ образомъ, вмѣсто безплодной переписки, сдѣлать его средствомъ къ дѣйствительному исправленію, замѣнивъ имъ—съ одной стороны удаленный отъ Сибири надзоръ высшаго правительства, а съ другой—недостаточный надзоръ общественнаго мнѣнія. Наконецъ, при коренномъ преобразованіи сибирскаго управленія имѣлось въ виду: постепенностью, связью, средоточіемъ всѣхъ частей управленія достигнуть того, чтобъ части эти содѣйствовали одна другой, чтобъ весь составъ губернскаго управленія представлялъ нѣчто цѣлое и совокупное, и могъ бы въ назначенномъ ему кругѣ двигаться самъ собою, находя въ себѣ и средства къ такому движенію и побудительную силу.

Нельзя не согласиться, что такой общій взглядъ на условія хорошо-организованной администраціи, высказанный пятьдесятъ лѣтъ назадъ, не утратилъ и до нынѣ своего значенія. И въ ту пору, какъ видно, по выраженію Сперанскаго, надзоръ общественнаго мнѣнія надъ администраціей считался одною изъ главныхъ потребностей, но, само собою разумѣется, что тѣ средства, на которыя, по поводу этого, указывалъ Сперанскій, были слишкомъ недостаточны и слабы, что, конечно, зависило не отъ него.

Независимо отъ устройства главнаго управленія, въ каждомъ изъ сибирскихъ генералъ-губернаторствъ признано было нужнымъ приспособить администрацію къ особенному положенію тѣхъ сибирскихъ областей, которыя, при своемъ огромномъ пространствѣ, весьма мало населены. Мы уже упоминали о той ошибкѣ, какая была сдѣлана при введеніи въ дѣйствіе въ Сибири „Учрежденія о губерніяхъ“, изданнаго въ 1775 году, когда въ самыхъ малолюдныхъ ея мѣстностяхъ были водворены общіе административные порядки. Ошибка эта была исправлена въ 1822 г.

Въ этомъ году, общее губернское управленіе было учреждено въ каждой изъ сибирскихъ губерній для того, вопервыхъ, чтобъ дѣламъ, которыя не могутъ быть разрѣше-

ны въ каждой части отдѣльно и требуютъ общаго соображенія, доставить общій и удобный способъ рѣшенія и тѣмъ самымъ сократить продолжительныя переписки и сношенія; вовторыхъ, чтобъ мѣстнымъ надзоромъ оградить правильность и успѣхъ въ производствѣ дѣлъ и предоставить мѣстному главному управленію удобнѣйшіе способы къ исправленію упущеній и сохраненію порядка. Власть общаго губернскаго управленія въ Сибири состоитъ въ надзорѣ и въ извѣстной степени разрѣшенія. Управленіе это составляютъ губернаторъ и губернскій совѣтъ и надзоръ его обнимаетъ всѣ части губернскаго управленія. Поэтому 1) губернскій прокуроръ и губернскій стряпчій представляютъ ему срочныя вѣдомости о теченіи дѣлъ съ ихъ замѣчаніями, и 2) общее губернское управленіе производитъ ревизію всѣхъ мѣстъ губернскаго управленія, въ потребныхъ же случаяхъ наряжаетъ слѣдственныя комисіи. О безпорядкахъ, найденныхъ въ губернскихъ мѣстахъ, оно доноситъ главному управленію, по всѣмъ же прочимъ мѣстамъ само принимаетъ мѣры исправленія. Губернскій совѣтъ служитъ общимъ средоточіемъ надзора для всѣхъ мѣстныхъ учрежденій. Губернскій прокуроръ и губернскіе стряпчіе считаются „мѣстными исполнителями“ губернскаго совѣта. Поэтому всѣ, представленія ихъ, замѣчанія, свѣдѣнія и вѣдомости по дѣламъ надзора во всѣхъ мѣстахъ губернскихъ и окружныхъ соединяются въ губернскомъ совѣтѣ, отъ котораго зависятъ въ губерніи всѣ мѣры исправленія по этимъ замѣчаніямъ, превышающія власть частнаго губернскаго управленія и безъ котораго они не могутъ быть дѣйствительны. Что касается власти, предоставленной въ этомъ отношеніи губернскому совѣту, то онъ разрѣшаетъ затрудненія: 1) силой законовъ и 2) особенными предписаніями, данными ему отъ главнаго управленія; о тѣхъ же дѣлахъ, которыя превышаютъ его власть, представляетъ, куда слѣдуетъ, установленнымъ порядкомъ.

Общее губернское управленіе во всѣхъ случаяхъ, требующихъ распорядка въ исполненіи законовъ, составляетъ общія положенія, и если они не содержатъ никакихъ новыхъ правилъ, то приводитъ ихъ въ дѣйствіе, донося главному управленію; если же въ составъ ихъ необходимо будетъ ввести какія-нибудь новыя мѣры, то представляетъ о нихъ главному управленію. Свобода торговли и промышленности, какъ вообще, такъ и съ инородцами, преимущественно же свободное обращеніе жизненныхъ потребностей во всѣхъ округахъ, ввѣряется особенному попеченію общаго губернскаго управленія. Въ дѣлахъ полиціи и хозяйства оно имѣетъ власть остановить исполненіе и отмѣнить мѣры, принятыя въ мѣстахъ окружного управленія, когда мѣры эти, поступивъ на его разсмотрѣніе по жалобамъ или законнымъ предъявленіямъ, найдены будутъ несогласными съ законами. Въ порядкѣ судопроизводства, общее губернское управленіе имѣетъ власть, по частнымъ жалобамъ на губернскій судъ или по предъявленіямъ прокурора, отмѣнить опредѣленіе суда, найденное имъ неправильнымъ, но не можетъ перемѣнить судебнаго рѣшенія по существу дѣла.

Такимъ образомъ, губернскіе совѣты, не имѣющіе, какъ и совѣтъ главнаго управленія, исполнительной власти, составляютъ особенность нынѣшней сибирской администраціи. Вѣроятно, читатели наши помнятъ, что, нѣсколько времени назадъ, былъ пущенъ въ ходъ проектъ объ учрежденіи губернскихъ совѣтовъ и въ губерніяхъ, управляемыхъ на основаніи „Общаго учрежденія“. Предположеніе это выставлялось какою-то новостью, хотя губернскіе совѣты существуютъ въ Сибири уже полвѣка. Какіе принесли они практическіе результаты—намъ неизвѣстно, такъ какъ никакихъ отчетныхъ свѣдѣній объ этомъ въ виду не имѣется и въ упомянутомъ проектѣ не было сдѣлано ссылки на практику учрежденій подобнаго рода. Надобно, однако, предполагать, что, при той организаціи губернскихъ со-

вѣтовъ, когда члены его находятся, если и не въ прямой, то въ косвенной зависимости отъ начальника губерніи, губернскіе совѣты едва-ли могутъ приносить существенную пользу, тѣмъ болѣе, что принять или не принять мнѣніе совѣта зависитъ совершенно отъ воли его предсѣдателя, т. е. губернатора. Скорѣе можно предполагать, что такія совѣщательныя учрежденія могутъ во многихъ случаяхъ только замедлять ходъ дѣлъ. Мы незнакомы съ практикой сибирской администраціи и потому очень желательно, чтобъ кто-нибудь изъ лицъ, знающихъ ее во всѣхъ подробностяхъ, составилъ безпристрастный очеркъ современнаго ея положенія. Безъ всякаго сомнѣнія, тѣ, основанія, которыя были приняты Сперанскимъ, имѣли въ свое время весьма важное практическое значеніе; но, съ измѣненіемъ понятій о самой администраціи нѣкоторыя изъ этихъ основаній оказываются уже непригодными и требуютъ замѣны ихъ другими.

При вопросѣ объ административной организаціи такого обширнаго и отдаленнаго края, какъ Сибирь, весьма важно указаніе на отношенія управленія сибирскихъ губерній и областей къ высшимъ центральнымъ управленіямъ. Для наблюденія за ходомъ дѣлъ въ Сибири былъ, въ 1822 году, учрежденъ въ Петербургѣ изъ министровъ и другихъ высшихъ государственныхъ лицъ особый комитетъ подъ названіемъ сибирскаго. Комитетъ этотъ, дѣятельность котораго ослабѣвала все болѣе и болѣе, былъ, наконецъ, закрытъ въ 1838 году. По „Учрежденію“ 1822 года, каждое главное управленіе сибирскихъ губерній и областей было признано частью министерскаго установленія, дѣйствующаго на мѣстѣ, почему и образъ отношеній его къ сенату и къ министерствамъ былъ опредѣленъ въ „Общемъ наказѣ министерствамъ“. Когда же, въ 1852 году, былъ учрежденъ снова въ Петербургѣ особый сибирскій комитетъ, закрытый въ 1864 году, то министры и главноуправляющіе отдѣль-

ными частями, сохранили на дѣла Сибири вліяніе, присвоенное имъ общими „учрежденіями“ и „уставами“, и удержали за собою право, независимо отъ сибирскаго комитета, разрѣшать дѣла въ мѣрѣ предоставленной имъ власти. Такимъ образомъ, оказывается, что отношенія сибирской администраціи къ центральной, несмотря на двукратное учрежденіе сибирскаго комитета, не измѣнялись нисколько, такъ что комитетъ оставался только особымъ дополнительнымъ учрежденіемъ.

Изъ представленныхъ нами свѣдѣній объ организаціи главнаго и губернскаго управленія Сибири видно, что главное ея отличіе отъ того порядка, въ какомъ управляются губерніи по „Общему учрежденію“, заключается, собственно, въ особыхъ совѣщательныхъ мѣстахъ, подъ именемъ совѣтовъ. Если, однако, по какимъ-нибудь соображеніямъ, и можетъ быть признано полезнымъ сохраненіе и въ настоящее время совѣта главнаго управленія, то, все же губернскіе совѣты, съ введеніемъ въ Сибири судебной реформы, „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ“ и новаго „Городоваго Положенія“, должны будутъ упраздниться сами собою. Въ прежнее время, когда судебная власть не была окончательно отдѣлена отъ административной, порученіе губернскому совѣту надзора за ходомъ дѣлъ представлялось возможнымъ; но „Судебные Уставы 1864 года„ вовсе не допускаютъ такого порядка. Подчиненіе губернскому совѣту дѣлъ сибирскаго земства, при томъ общемъ порядкѣ, какой установленъ уже для дѣлъ этого рода, было бы совершенно излишне. Равнымъ образомъ, въ силу новаго „Городоваго Положенія“ должно быть образовано особое по городскимъ дѣламъ присутствіе и потому дѣла эти будутъ изъяты изъ вѣдѣнія губернскаго совѣта. Представляя такія соображенія, необходимо, однако, обратить вниманіе и на тѣ особенности, которыя представляются въ

Сибири и которыя, какъ мы уже замѣтили, могутъ препятствовать къ безусловному введенію тамъ административнаго порядка, какой уже отчасти введенъ, а отчасти еще вводится въ прочихъ мѣстностяхъ имперія.

VI.

Сенаторскія ревизіи и значеніе сената въ общей системѣ управленія.

По мѣрѣ того, какъ общество начинаетъ все болѣе и болѣе сознавать тѣсную связь, существующую между правительственными распоряженіями и своими собственными интересами, оно начинаетъ съ усиливающимся вниманіемъ слѣдить за этими распоряженіями. Такъ, лѣтъ пятнадцать и даже, быть можетъ, десять назадъ, ревизія какой-нибудь губерніи сенаторомъ прошла бы и въ печати, и въ обществѣ незамѣтнымъ фактомъ. На такую ревизію посмотрѣли бы только, какъ на казенное дѣло, не придавая ей никакого общественнаго значенія. Она встревожила бы собою только тѣ присутственныя мѣста и тѣхъ лицъ, до которыхъ она относилась. Въ ревизуемой сенаторомъ губерніи, конечно, поспѣшили бы, такъ или иначе, т. е. какимъ-нибудь рѣшеніемъ или просто отпискою, окончить или хотя двинуть впередъ залежавшіяся дѣла, подготовили бы требуемые ревизіею отчоты и вѣдомости, постарались бы позамять жалобы, поубавили бы число арестантовъ, справились бы о цѣлости казенныхъ суммъ и привели бы въ болѣе благовидный видъ разныя губернскія и уѣздныя учрежденія. Затѣмъ, по окончаніи ревизіи, могли бы послѣдовать награды для чиновниковъ, отличившихся усердіемъ по службѣ, нѣкоторыя болѣе или менѣе важныя перемѣны въ служащемъ губернскомъ персоналѣ и, въ доба-

вокъ ко всему этому, нѣкоторыя взысканія съ виновныхъ и нерадивыхъ. Могло также случиться, что высшее правительство приняло бы въ соображеніе сообщенное ревизовавшимъ сенаторомъ мнѣніе о неудобствѣ тѣхъ или другихъ порядковъ, вслѣдствіе чего возбудилось бы нѣсколько новыхъ, какъ административныхъ, такъ и законодательныхъ вопросовъ. Но ко всему этому общество оставалось бы совершенно равнодушнымъ, да, притомъ, оно и не могло бы имѣть относительно этого никакихъ положительныхъ свѣдѣній и должно было бы удовлетвориться одними лишь слухами, а слухи эти, можетъ быть, и не пошли бы далѣе границъ той губерніи, которая подлежала сенаторской ревизіи. Что же касается собственно журналистики, то она, при прежнихъ условіяхъ цензуры, могла бы только сообщать о балахъ и обѣдахъ, даваемыхъ въ честь чиновнаго ревизора и о тѣхъ рѣчахъ, съ которыми онъ признавалъ за благо обращаться къ предстоявшимъ предъ нимъ лицамъ. Само собою разумѣется, что извѣстія обо всемъ этомъ сопровождались бы высокопарнымъ умиленіемъ предъ сенаторомъ и восхваленіемъ тѣхъ служебныхъ дѣятелей, которые, казалось, должны были бы удержаться на своихъ видныхъ мѣстахъ и послѣ сенаторской ревизіи. Вопросы же о томъ, какую цѣль должна имѣть этого рода ревизія, къ какимъ практическимъ результатамъ могла бы привести она и, наконецъ, въ какой вообще мѣрѣ она можетъ обезпечивать интересы и казны и общества?—оставались бы совершенно незатронутыми.

Нѣсколько иначе отнеслись и журналистика и общественное мнѣніе къ ревизіи Пермской губерніи, возложенной, по высочайшему повелѣнію, на сенатора Клушина. Въ газетахъ стали являться нетолько интересныя, но и поучительныя для многихъ извѣстія о томъ, въ какомъ состояніи ревизующій сенаторъ нашолъ нѣкоторыя отрасли мѣстной администраціи, а также о томъ, какъ понимали

и примѣняли на практикѣ свою власть тѣ лица, которымъ она была предоставлена не для произвольнаго употребленія, но для огражденія интересовъ казны, силы законовъ, а также чести и правъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Толки объ этой ревизіи были нерѣдко предметомъ самыхъ оживленныхъ разговоровъ даже между такими людьми, которые вообще мало и даже, быть можетъ, вовсе не интересуются вопросами административнаго свойства. Надобно, впрочемъ, сказать, что и особыя обстоятельства содѣйствовали тому, что общественное вниманіе было обращено на ревизію Пермской губерніи. Съ одной стороны, эта губернія, по своимъ мѣстнымъ условіямъ, составляетъ какъ бы особенность въ ряду прочихъ губерній. Въ ней, какъ извѣстно, преобладаетъ небольшое число богатыхъ и вліятельныхъ собственниковъ, вслѣдствіе чего и дѣятельность тамошней администраціи, а пожалуй, и ревизія, неизбѣжно должны были встрѣчать порою такія щекотливыя затрудненія, какія встрѣчаются гораздо рѣже въ другихъ мѣстахъ.

Начало сенаторскихъ ревизій, какъ и вообще начало всему, что стало у насъ носить характеръ гражданскаго благоустройства, положено Петромъ-Великимъ. Онъ не довѣрялъ безусловно ни опыту, ни честности администраторовъ и считалъ необходимымъ имѣть за всѣми ними особый, какъ постоянный, такъ и временный надзоръ. Съ этою цѣлью была, между прочимъ, учреждена имъ должность генерал-прокурора, названнаго „царскими очами и ушами“. Но наблюденіе генерал-прокурора должно было ограничиваться только стороною формальною, такъ какъ онъ могъ слѣдить за движеніемъ и за правильнымъ ходомъ дѣлъ лишь по бумагамъ, поступающимъ въ сенатъ. Петръ-Великій не довольствовался этимъ надзоромъ, но желалъ знать, что именно дѣлается въ той или другой части государства, хотя бы по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ

на бумагѣ вездѣ и все обстояло благополучно. Съ этою цѣлью онъ, по доходившимъ до него слухамъ, посылалъ по временамъ самыхъ довѣренныхъ своихъ лицъ, деньщиковъ, посмотрѣть и узнать, какъ правитъ заподозрѣнный имъ губернаторъ. Такія ревизіи оканчивались иногда самымъ печальнымъ образомъ для корыстныхъ или самовластныхъ администраторовъ. Такъ, у князя Кольцова-Масальскаго, за злоупотребленія по соляному вѣдомству, было отнято 12,000 принадлежавшихъ ему крестьянъ, а извѣстный своимъ богатствомъ сибирскій губернаторъ, князь Гагаринъ, попалъ, за взятки, на висѣлицу, устроенную передъ сенатомъ. Несмотря, однако, на всю строгость Петра, правители областей, въ особенности отдаленныхъ отъ столицы, продолжали злоупотреблять своею властью и онъ, желая положить этому конецъ, обратился къ особой мѣрѣ—къ сенаторскимъ ревизіямъ.

Сенатъ, какъ извѣстно, первоначально былъ учрежденъ Петромъ-Великимъ только на случай его отлучекъ изъ Петербурга. Это высшее учрежденіе должно было вѣдать, въ отсутствіе государя, „правосудіе, государственные доходы и расходы, дѣла торговыя и распорядокъ службы“. Впослѣдствіи сенатъ обратился въ постоянное учрежденіе, имѣвшее высшій надзоръ за ходомъ дѣлъ во всемъ государствѣ. Затѣмъ, 4-го апрѣля 1722 года состоялся указъ, которымъ постановлено было: „для смотрѣнія всякихъ дѣлъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, чтобъ во всякихъ дѣлахъ была правда, посылать на каждый годъ изъ сенаторскихъ членовъ по одному, да при немъ изъ каждой колегіи по одному человѣку“. Особыхъ инструкцій, дававшихся сенаторамъ-ревизорамъ, не сохранилось, но, по всей вѣроятности, они получали обширныя полномочія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и наставленія непосредственно отъ самого государя. Установляя такого рода ревизіи, Петръ-Великій предвидѣлъ, однако, что и господа сенаторы могутъ иногда

дѣйствовать незаконно, а потому онъ, въ упомянутомъ указѣ, разрѣшилъ принесеніе жалобъ на сенатора-ревизора сенату, если самъ сенаторъ учинитъ неправое по дѣлу рѣшеніе или причинитъ кому-нибудь несправедливость. Вмѣстѣ съ этимъ, допущено было „въ партикулярныхъ обидахъ бить на сенаторовъ челомъ и искать на нихъ судомъ, гдѣ подлежитъ“.

Такимъ образомъ полтора вѣка назадъ, были уже учреждены въ Россіи сенаторскія ревизіи въ губерніяхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, еслибъ онѣ велись регулярно и тщательно, то могли бы, въ теченіе столь долгаго времени, принести громадную пользу для правильнаго развитія губернской администраціи. Сенаторъ, поставленный въ независимое положеніе отъ всѣхъ административныхъ вѣдомствъ, имѣлъ право, не стѣсняясь ничѣмъ, заявлять высшему правительству о всѣхъ замѣченныхъ имъ недостаткахъ и неудобствахъ мѣстной администраціи, а она, въ свою очередь, руководствуясь указаніями сенатора, могла нетолько пресѣкать частныя злоупотребленія, но и входить въ соображенія насчотъ принятія общихъ мѣръ по устройству провинціальной администраціи, Сверхъ того, такія поѣздки по государству были чрезвычайно полезны въ практическомъ отношеніи и для самихъ сенаторовъ, которымъ приходилось въ сенатѣ наблюдать лишь по бумагамъ за отправленіемъ правосудія и за правильнымъ теченіемъ дѣлъ во всемъ государствѣ.

Говоря объ обязанностяхъ сенаторовъ, еще Цицеронъ сказалъ: est senatori neccessarium nosse rempublicam, sine quo paratus esse senator nullo pacto potest“, т. е. что сенатору нужно знать государство, безъ чего онъ ни подъ какимъ условіемъ, не можетъ быть облечонъ сенаторскимъ званіемъ. Само собою разумѣется, что это замѣчаніе римскаго оратора о современныхъ ему сенаторахъ должно было бы быть примѣняемо и къ россійскимъ сенаторамъ. Случалось, однако, что у насъ на сенаторскія кресла садились

лица мало или даже совершенно незнакомыя съ потребностями и механизмомъ государственнаго управленія. Для такихъ сенаторовъ ревизія губерній могла быть до нѣкоторой степени практическою школою. Конечно, при такихъ условіяхъ сама ревизія не приносила бы большой пользы, но за то, по крайней мѣрѣ, передъ инымъ сенаторомъ открывался бы невѣдомый ему дотолѣ міръ и онъ, быть можетъ, впослѣдствіи, при обсужденіи дѣлъ въ сенатѣ, относился бы къ нимъ съ бо́льшимъ противъ прежняго вниманіемъ и съ большею осмотрительностью. Разумѣется, избѣжать всѣхъ сказанныхъ неудобствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и сдѣлать сенаторскія ревизіи дѣйствительно полезными, какъ для высшаго правительства, такъ и для мѣстной администраціи, можно было очень легко, такъ какъ при назначеніи сенаторовъ стоило только неуклонно придерживаться правила, высказаннаго Цицерономъ...

По смерти Петра-Великаго, ежегодныя сенаторскія ревизіи не были въ ходу, и только однажды, въ 1726 году, былъ назначенъ для ревизіи Московской губерніи сенаторъ графъ Матвѣевъ. Въ указѣ, данномъ по этому случаю, послѣ ссылки на распоряженіе Петра I о томъ, что „для лучшей государственной пользы и управленія дѣлъ постановлено было ѣздить одному изъ сенатскихъ членовъ погодно по государству“, сказано: „того ради отправленъ въ Москву тайный дѣйствительный совѣтникъ, сенаторъ, г. графъ Матвѣевъ, которому велѣно, прибыть туда и развѣдавъ, гдѣ есть больше въ ближнихъ провинціяхъ Московской губерніи неотправностей отъ управителей и отъ народа жалобъ, ѣхать напередъ въ тѣ провинціи.“ Въ указъ этотъ была внесена и инструкція, данная сенатору-ревизору. Она заключалась въ слѣдующемъ: 1) Смотрѣть за гражданскими управителями, а наипаче въ провинціальныхъ судахъ, что правдою-ль людей судятъ. 2) Тако же земскіе комисары и офицеры порядочно-ль подушныя деньги съ крестьянъ

сбираютъ и не чинятъ ли имъ какихъ обидъ и налога въ строеніи вѣчныхъ квартиръ (казармъ?) или въ чомъ другомъ и все-ль въ врученныхъ имъ дѣлахъ по указамъ, тако же даннымъ имъ инструкціямъ и плакатамъ поступаютъ".

Мы сочли нужнымъ привести подлинныя слова указа, такъ какъ при передѣлкѣ ихъ на нынѣшній языкъ, они потеряли бы свой оттѣнокъ. Затѣмъ, сенатору, въ случаѣ, если онъ усмотритъ какія-нибудь неправильныя дѣйствія со стороны управителей и земскихъ комисаровъ, предоставлялось изслѣдовать самому эти дѣйствія и постановить, сообразно съ указами, свое собственное рѣшеніе, не входя по этимъ дѣламъ въ какую-нибудь переписку ни съ сенатомъ, ни съ колегіями, ни съ мѣстнымъ начальствомъ. Такимъ образомъ, сенаторъ графъ Матвѣевъ былъ назначенъ нетолько ревизоромъ, но и былъ уполномоченъ, какъ судья, да, сверхъ того, въ отмѣну указа, изданнаго Петромъ I, на дѣйствія сенатора не допускались жалобы ни передъ сенатомъ, ни передъ какимъ-нибудь судомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Петербургѣ предвидѣлось, что провинціалы, запуганные мѣстными властями, по всей вѣроятности, не слишкомъ охотно рѣшатся искать на нихъ управы у ревизующаго сенатора. Поэтому, упомянутый указъ оканчивался внушеніемъ, что „ежели кому отъ управителей, отъ земскихъ комисаровъ и офицеровъ учинены какія-либо обиды, а въ судахъ неправды, тѣ бы о томъ объявляли ему дѣйствительному тайному совѣтнику графу Матвѣеву безъ всякой утайки и боязни".

После 1726 года, сенаторскія ревизіи прекращаются на долгое время, такъ какъ онѣ были возобновлены только въ исходѣ царствованія Екатерины II и то лишь, какъ чрезвычайная, а не постоянная мѣра. Такому прекращенію содѣйствовали нѣкоторыя особыя обстоятельства. Такъ, съ учрежденіемъ верховнаго тайнаго совѣта, а потомъ, взамѣнъ его, кабинета, или конференціи министровъ, сенатъ

утратилъ свое первенствующее значеніе, да и сами сенаторы не умѣли вести какъ слѣдуетъ свои дѣла. Это можно заключить изъ одного указа, даннаго сенату императрицею Елизаветою Петровною, въ которомъ внушалось господамъ сенаторамъ не „шутить" въ сенатѣ, а заниматься дѣлами рачительно. Сверхъ того, у насъ развились въ громадныхъ размѣрахъ шпіонство и доносы, которыми замѣнялись правильныя ревизіи. Наконецъ, вообще шаткость правительствъ, существовавшихъ послѣ Петра I до Петра III, заставляла обращать вниманіе на сохраненіе не административнаго, но политическаго порядка, и подъ вліяніемъ этого обстоятельства, надзоръ за ходомъ дѣлъ въ провинціяхъ перешолъ въ вѣдѣніе сыщиковъ и тайной канцеляріи.

Хотя сенатъ продолжалъ имѣть главный и общій надзоръ за ходомъ губернской администраціи, но на практикѣ надзоръ этотъ не приносилъ никакой существенной пользы. Вообще правительство прежнихъ временъ не отличалось особою заботливостью и дѣятельною попечительностью о гражданскомъ благоустройствѣ государства, но, наконецъ, и оно увидѣло, до какой степени пришли въ разстройство всѣ отрасли провинціальнаго управленія и нашло нужнымъ внушить сенату, чтобъ онъ позаботился о водвореніи надлежащаго порядка. При этомъ—неизвѣстно, впрочемъ, по какимъ именно причинамъ — не воспользовались, однако, тою мѣрой, какая была установлена Петромъ Великимъ: сенаторскія ревизіи не были возобновлены, и сенатъ долженъ былъ исправлять недостатки губернской администраціи, основываясь лишь на дѣлахъ, въ него поступавшихъ, безъ тѣхъ практическихъ указаній, какія могли бы быть ему доставлены посредствомъ ревизій.

16-го августа 1760 года послѣдовалъ на имя сената высочайшій указъ, въ которомъ сказано, что государыня „съ прискорбіемъ видитъ, что установленные многіе законы для блаженства и благосостоянія государства, испол-

ненія не имѣютъ отъ внутреннихъ общихъ непріятелей, которые свою беззаконную прибыль присягѣ, долгу и чести предпочитаютъ и вкореняющее зло пресѣченія не имѣетъ. По этому — говорилось далѣе въ указѣ — сенату нашему, какъ первому государственному мѣсту, по своей должности и по данной власти, давнобъ надлежалобъ истребить многіе по подчиненнымъ ему мѣстамъ непорядки".

Всѣмъ намъ очень памятно то время, когда начались у насъ печатныя обличенія недостатковъ нашей администраціи, а между тѣмъ, оказывается, что еще сто лѣтъ назадъ, сама императрица Елизавета Петровна занималась этимъ. Напечатанный и разосланный повсемѣстно указъ ея отзывался въ слѣдующихъ словахъ о тогдашнихъ нашихъ административныхъ и судебныхъ порядкахъ: „Ненасытная алчба корысти до того дошла, что нѣкоторыя мѣста, учреждаемыя для правосудія, сдѣлались торжищемъ, лихоимство и пристрастіе предводительствомъ судей, а потворство и опущеніе одобреніемъ беззаконникамъ". Вотъ какимъ, даже съ высоты трона, представлялось тогдашнее положеніе дѣлъ въ Россіи: „многія вредныя обстоятельства у всѣхъ передъ глазами, продолженія судовъ, во многихъ мѣстахъ разоренія, чрезъ мѣру богатящіеся судьи, безконечныя слѣдствія, похищеніе казеннаго интереса, воровство въ продажѣ соли, при наборѣ рекрутъ и при всякомъ на народъ налогѣ, все оное, — неоспоримыя доказательства, открывающія средства къ пресѣченію общаго вреда".

Замѣчательна среди всего этого долготерпѣливость народа, такъ какъ, по словамъ императрицы, несмотря на всѣ угнетенія и неправды, не было ни челобитень, ни доносовъ. Сокрушаясь о государственныхъ непорядкахъ, Елизавета прибавляла: „Наша кротость и умѣренность въ наказаніи преступниковъ такое намъ отъ неблагодарности приноситъ воздаяніе". По всѣмъ изложеннымъ причинамъ, сенату „какъ истиннымъ сынамъ отечества", повелѣвалось:

„всѣ свои силы и старанія употреблять къ возстановленію желаемаго народнаго благосостоянія".

Въ этотъ указъ включены указанія на обязанности сенаторовъ, указанія, сохранившіяся до нынѣ въ 247-й статьѣ 1-го тома „Свода Законовъ". Елисавета внушала, что „каждый сенаторъ, по всей чистой совѣсти, долженъ памятовать свой долгъ къ Богу, государству и законамъ, и что обязанность судьи, которая на него возложена, есть: почитать свое отечество родствомъ, а честность дружбою, представленія уважать, исправлять заблужденія, смѣнять и слѣдовать подозрительныхъ судей и болѣе всего изыскивать средства къ достиженію правды, а не къ продолженію времени".

Изъ собранныхъ нами свѣдѣній не видно, чтобъ въ началѣ царствованія Екатерины II производились по губерніямъ сенаторскія ревизіи. Она хотѣла устранить существовавшее зло не частными, а общими мѣрами, сперва изданіемъ „Уложенія", а потомъ организаціею губернскаго управленія и учрежденіемъ новыхъ судовъ на выборномъ началѣ. Сдѣлавъ это и поставивъ намѣстниковъ или генералъ-губернаторовъ, облеченныхъ обширною властью, Екатерина II полагала, что она и безъ сенаторскихъ ревизій будетъ поддерживать порядокъ и правосудіе. Сверхъ того, при существованіи такихъ полномочныхъ мѣстныхъ правителей, личное вмѣшательство сенатора въ дѣла, непосредственно подлежавшія вѣдѣнію намѣстника, казалось бы оскорбительно для послѣдняго, а извѣстно, что Екатерина II избѣгала всегда такихъ мѣръ, которыя были щекотливы въ отношеніи лицъ, пользовавшихся ея довѣріемъ. Тѣмъ не менѣе, однако, 3-го декабря 1795 года, состоялся указъ данный на имя исправлявшаго должность новгородскаго и тверскаго губернатора, генералъ-поручика Архарова, объ осмотрѣ имъ Санктпетербургской губерніи, съ тѣмъ, чтобъ онъ „въ точности освидѣтельствовалъ

порядокъ и успѣхъ въ отправленіи дѣлъ и въ прехожденіи каждымъ званія, на него возложеннаго". Между прочимъ, Архарову приказано было собрать свѣдѣнія: дѣйствительно ли Санктпетербургская губернія раздѣлена на уѣзды; разсмотрѣть формы всякаго рода актовъ, освѣдомиться о городахъ, фабрикахъ, заводахъ, о рабочихъ людяхъ, а также о дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ и о томъ, какія противъ этого принимаются мѣры. Собственно же сенаторская ревизія была произведена при Екатеринѣ II только однажды, въ томъ же 1795 году, а именно, повелѣно было обревизовать Вятскую губернію и произвести на мѣстѣ слѣдствія по злоупотребленіямъ, открытымъ ея величеству частными жалобами.

Императоръ Павелъ возобновилъ правильныя сенаторскія ревизіи. 6-го октября 1799 года данъ былъ имъ указъ объ избраніи кандидатовъ въ обѣихъ столицахъ изъ сенаторовъ для объѣзда и осмотра по всей имперіи всего касающагося гражданской части. Избраніе такихъ кандидатовъ было предоставлено самому сенату. Осмотръ долженъ былъ ограничиваться тремя предметами. Такъ, сенаторы должны были собирать свѣдѣнія, вопервыхъ, о теченіи по присутственнымъ мѣстамъ правосудія; во вторыхъ, о внутренней полиціи и, въ третьихъ, о поборахъ, лихоимству столь свойственныхъ. При этомъ императоръ объявилъ, что „сей осмотръ порядка, въ судахъ и въ прочемъ быть долженствующаго," онъ намѣренъ возобновлять чрезъ каждые три года, повѣряя при каждомъ разѣ такой осмотръ „вновь избраннымъ отъ сената и утвержденнымъ его величествомъ изъ присутствующихъ въономъ". „Дѣлая такое важное и пространное препорученіе сенату, яко первенствующему во всей имперіи нашей трибуналу, мы— писалъ Павелъ—совершенно увѣрены, что онъ оправдаетъ довѣренность нашу къ нему избраніемъ на исполненіе воли нашей наиспособнѣйшихъ своихъ членовъ, которые, во

время вышесказаннаго осмотра, должны наиприлежнѣйшее употреблять свое вниманіе на все то, что оное заслуживать можетъ по судамъ и прочему во всѣхъ губерніяхъ государства, и сопровождаясь безпристрастіемъ во всемъ изслѣдованіи, отклоняться при ономъ, какъ отъ сокрытія, такъ равномѣрно и отъ безплоднаго умноженія во всемъ, что они во время объѣзда своего усмотрятъ. Исправностію и вѣрностію изслѣдованія ихъ всякое злоупотребленіе. открываясь, можетъ доходить до насъ въ своемъ настоящемъ видѣ и, слѣдовательно, истреблено будетъ". Для правильнаго и своевременнаго производства сенаторскихъ ревизій имперія была раздѣлена какъ бы на два ревизіонные округа: санктпетербургскій и московскій, а губерніи, для болѣе удобнаго распредѣленія сенаторскихъ объѣздовъ, были раздѣлены на восемь частей. Замѣтимъ кстати, что предполагавшимся сенаторскимъ ревизіямъ должны были, между прочимъ, подлежать губерніи: Эстляндская, Лифляндская и Курляндская. Въ томъ же, 1799 году, ноября 28-го послѣдовало повелѣніе, чтобъ къ освидѣтельствованію колегій, канцелярій, банковъ, конторъ и таможенъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, были избраны особенные кандидаты изъ сенаторовъ, по два для каждой столицы.

Такимъ образомъ, въ исходѣ царствованія Павла, сенаторскія ревизіи получили обширное примѣненіе: для нихъ нетолько былъ опредѣленный періодъ, но имъ стали подлежать какъ губернскія, такъ и центральныя правительственныя учрежденія. Замѣчательно, что хотя сенатъ, по основной своей цѣли, долженъ былъ имѣть верховное наблюденіе за отправленіемъ правосудія и за правильнымъ ходомъ администраціи во всемъ государствѣ, но на такую дѣятельность сената царствовавшія лица обращали вниманіе только въ исходѣ своего правленія. Такъ Петръ I учредилъ сенаторскія ревизіи только въ 1722 году, менѣе

чѣмъ за три года до своей кончины; Елизавета приказала заботиться сенату о водвореніи порядка въ 1760 году, съ небольшимъ за годъ до своей смерти; Екатерина II обратилась къ производству сенаторскихъ ревизій только въ 1795 году, т. е. сдѣлала это въ самомъ концѣ своего продолжительнаго царствованія и, наконецъ, Павелъ I только за полтора года до своей смерти установилъ вновь сенаторскія ревизіи. Конечно, трудно отыскать причину подобной медленности; но по всей вѣроятности, мѣстные правители пользовались вліяніемъ своихъ петербургскихъ патроновъ для того, чтобъ было отстраняемо дѣятельное вмѣшательство сената въ провинціальные порядки, такъ что только чрезмѣрно вопіющія несправедливости или только какая-нибудь случайность побуждала государей напоминать сенату объ обязанности его верховнаго надзора и обращаться къ той мѣрѣ, какая была установлена Петромъ Великимъ.

Какъ бы противоположность тому замѣчанію, которое мы сейчасъ сдѣлали, представляетъ царствованіе императора Александра I. При немъ, въ 1805 году, было обращено вниманіе на производство сенаторскихъ ревизій. Въ этомъ году, 1-го августа, была издана инструкція для ревизующихъ губерніи сенаторовъ. Въ силу этихъ инструкцій, они должны были: 1) Истребовать отъ всѣхъ мѣстъ вѣдомости о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ и освѣдомиться, нѣтъ ли въ числѣ послѣднихъ такихъ, въ которыхъ тяжущіеся напрасною волокитою угнетаются и правый не достигаетъ законнаго удовлетворенія? 2) Узнать, чинится ли исполненіе указовъ высочайшихъ и сенатскихъ, и если нѣтъ, то по какимъ причинамъ? 3) Всѣ ли учрежденія въ дѣйствіи находятся? 4) Всѣ ли они имѣютъ полный штатъ? 5) Собрать свѣдѣнія о количествѣ колодниковъ и освидѣтельствовать мѣста содержанія. 6) Освѣдомиться о приказѣ общественнаго призрѣнія, объ его „уп-

раженіи“ и объ его заведеніяхъ. 7) Обревизовать дворянскія опеки и сиротскіе суды и, наконецъ, 8) узнать, отъ кого надлежитъ, о нуждахъ, недостаткахъ и пользахъ общихъ.

Хотя, какъ надобно судить по узаконеніямъ, относившимся къ прежнимъ ревизіямъ, сенаторы обязаны были вникать во всѣ отрасли правительственныхъ учрежденій, но на практикѣ, какъ видно изъ приведенной инструкціи, сенаторы ограничивали свой осмотръ только въ тѣсномъ смыслѣ слова губернскими учрежденіями. Поэтому, въ инструкціи 1805 года положительно выражено, что ревизіи сенатора подчиняются нетолько губернскія, но и уѣздныя мѣста. Къ этому было добавлено, что ревизіи сенатора подлежатъ также всѣ мѣста и части, ввѣренныя управленію министровъ по губерніямъ, какъ-то: по лѣсному департаменту, по оброчнымъ статьямъ, по земледѣлію и по таможнямъ, и „сенаторы имѣютъ долгъ осматривать, въ какомъ состояніи каждая изъ нихъ найдена будетъ, увѣдомлять министровъ, отъ которыхъ тѣ части зависѣть будутъ, и доносить сенату“. Ревизующимъ сенаторамъ было вмѣнено въ обязанность узнавать, нѣтъ ли отъ мѣстныхъ губернскихъ начальствъ притѣсненій народу, безгласныхъ, а также жестокостей въ употребленіи власти. Сенаторы должны были исправить на мѣстѣ возможное, а о виновныхъ, подлежащихъ суду, предлагать губернскому правленію. Въ разбирательство же частныхъ дѣлъ сенаторы не имѣли права входить, потому что они, по словамъ инструкціи, посылаются не какъ судьи, но какъ инспекторы. По окончаніи ревизіи, сенаторы должны были непосредственно доносить государю о томъ, что найдется достойнымъ высочайшаго вниманія, а о дальнѣйшихъ подробностяхъ сенату.

„ За всѣмъ тѣмъ — сказано въ заключеніи инструкціи—еслибъ чего въ сихъ пунктахъ и не означено было, а сенаторы усмотрятъ и разсудятъ что-либо достойное ува-

женія, какъ по интересамъ и пользамъ государственнымъ, такъ и по добру общему, то въ таковыхъ обстоятельствахъ не долженствуютъ оставлять того безъ вниманія, руководствуясь во всемъ важностью своей присяги, достоинствомъ ихъ званія и правилами чести". Эта инструкція оставалась безъ измѣненій до 1817 года, а между тѣмъ, случилось обстоятельство, вызвавшее, въ 1815 году 14 декабря особый указъ „о положеніи преградъ неосновательнымъ донесеніямъ ревизующихъ губерніи сенаторовъ, содѣлываніемъ оныхъ гласными чрезъ публикацію, обще съ оправданіемъ лицъ, удаленныхъ по ихъ представленіямъ отъ должностей." Причиною этого указа, подрывавшаго кредитъ сенаторовъ-ревизоровъ, было то, что изъ отчотовъ, подносенныхъ государю генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Салтыковымъ объ „упражненіяхъ государственнаго совѣта", было замѣчено, что разные безпорядки и упущенія, открытые сенаторомъ Хитровымъ по Вологодской губерніи, послужили поводомъ къ удаленію отъ должности тамошнихъ губернатора и вице-губернатора, но что 5-й департаментъ сената призналъ ихъ невинными. „Обстоятельство это — сказано въ указѣ — представляетъ такой видъ: что или донесеніе сенатора не имѣло законнаго основанія, или 5-й департаментъ сдѣлалъ послабленіе. По крайней мѣрѣ — говорится далѣе — видно, что тоже донесеніе принято министерствомъ въ одномъ видѣ, а сенатомъ въ другомъ. Словомъ, въ настоящемъ положеніи дѣла должна быть чья-нибудь ошибка: либо пристрастно оправданы губернаторъ и вице-губернаторъ вологодскіе, или безвинно наказаны они удаленіемъ отъ должности." Поэтому, сенату повелѣно было со всею строгостью разсмотрѣть слѣдствіе, произведенное сенаторомъ Хитровымъ, и съ виновными поступить по закону и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять ту общую мѣру, о которой упомянуто выше.

Спустя менѣе двухъ лѣтъ послѣ этого, именно 14-го

марта 1817 года было объявлено министромъ юстиціи сенату высочайшее повелѣніе о назначеніи сенаторовъ для обревизованія всѣхъ вообще губерній на томъ основаніи, какое было принято при ревизіи 1799 года, кромѣ, однако, тѣхъ губерній, которыя недавно были обревизованы. При этомъ комитетъ министровъ сообщилъ министру юстиціи, что государь предоставилъ самому себѣ право назначать сенаторовъ для производства ревизіи и повелѣлъ общему собранію департаментовъ сената заняться пересмотромъ инструкціи, данной, въ 1805 году, съ тою цѣлью, чтобъ какъ самые предметы, подлежащіе ревизіи, были исчислены подробнѣе, такъ и самый способъ ревизіи былъ опредѣлительно изложенъ.

17-го марта 1819 года была высочайше утверждена эта инструкція, которая, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, служитъ до нынѣ руководствомъ при производствѣ сенаторскихъ ревизій.

Сенаторскія ревизіи, какъ мы видѣли съ самаго ихъ учрежденія и до настоящаго времени имѣли постоянно одну и ту же цѣль — открывать и уничтожать безпорядки и злоупотребленія губернской администраціи; но, тѣмъ не менѣе, какъ предметы сенаторской ревизіи, такъ и обширность правъ, предоставленныхъ сенаторомъ-ревизорамъ, подвергались различнымъ измѣненіямъ. Точно также, хотя для сенаторскихъ ревизій неоднократно устаповлялись опредѣленные сроки, но на дѣлѣ эти сроки никогда не соблюдались, такъ что вообще этого рода ревизіи представлялись только случайною мѣрою, невходившею въ постоянную систему управленія. Окончательныя и дѣйствующія нынѣ правила относительно сенаторскихъ ревизій установились въ 1819 году. Въ 1-мъ томѣ „Свода Законовъ", статьѣ 256-й читаемъ слѣдующее: „На сенаторовъ, сверхъ непремѣнной ихъ обязанности по присутствію въ сенатѣ, могутъ быть возлагаемы: 1) временныя обозрѣнія губерній

во всѣхъ отношеніяхъ государственнаго управленія и 2) порученія по взысканію недоимокъ въ случаѣ чрезмѣрнаго гдѣ-либо ихъ накопленія. Назначеніе времени для таковыхъ обозрѣній и порученій, равно какъ и губерній, на кои оныя распространяться могутъ, зависитъ отъ Императорскаго Величества, а обязанности и пространство власти, при семъ сенаторамъ ввѣряемой, опредѣляются особою инструкціею".

Мы увидимъ впослѣдствіи, въ какой мѣрѣ инструкція эта можетъ быть примѣнена къ практикѣ въ настоящее время, вслѣдствіе реформъ судебной и по земскому хозяйству, а теперь Посмотримъ только, какіе вообще предметы по административному и судебному вѣдомствамъ должны подлежать сенаторскимъ ревизіямъ.

На практикѣ, сколько намъ извѣстно, вопросъ о необходимости сенаторской ревизіи въ какой-нибудь губерніи разрѣшается ближайшимъ образомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе поступающихъ въ подвѣдомственное ему министерство съ различныхъ сторонъ свѣдѣній, указывающихъ на неправильное теченіе дѣлъ въ губерніи. Поэтому, съ производствомъ сенаторской ревизіи соединяется обыкновенно понятіе о разстройствѣ администраціи въ той губерніи, въ которой назначается ревизія. По прибытіи въ губернскій городъ, сенаторъ, назначенный, по высочайшему повелѣнію, для производства ревизіи, объявляетъ объ этомъ губернскому правленію и требуетъ отъ него свѣдѣній, которыя должны служить основаніемъ для ревизіонныхъ дѣйствій.

Прежде всего сенаторъ-ревизоръ получаетъ отъ губернскаго правленія перечневую вѣдомость, по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ губерніи, о дѣлахъ рѣшенныхъ со времени окончанія бывшей передъ тѣмъ сенаторской ревизіи; если же ея не было, или если отъ производства ея прошло болѣе трехъ лѣтъ, то за три года передъ наступающею

ревизіею. Вѣдомость эта сама по себѣ, конечно, не можетъ имѣть важнаго значенія, но, въ рукахъ дѣловаго и свѣдущаго сенатора можетъ служить мѣриломъ для опредѣленія быстроты или медленности дѣлопроизводства въ губерніи вообще. Несравненно болѣе практическаго значенія должна имѣть доставляемая сенатору именная вѣдомость о дѣлахъ нерѣшенныхъ, съ означеніемъ содержанія каждаго дѣла, времени его вступленія, причинъ, по которымъ оно остается неоконченнымъ и съ отдѣленіемъ въ особый разрядъ такихъ дѣлъ, которыя производятся по именнымъ высочайшимъ или сенатскимъ указамъ. Само собою разумѣется, что если такого рода вѣдомость будетъ составлена вѣрно, безъ пропусковъ и съ точнымъ обозначеніемъ причинъ, задерживающихъ окончаніе того или другого дѣла, то она можетъ служить самымъ лучшимъ указаніемъ на положеніе дѣлопроизводства во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ губерніи. Извѣстно, однако, что у насъ объясненія о причинахъ медленности даются очень просто только ссылкою на то, что отъ такого-то мѣста или лица не получены еще затребованныя свѣдѣнія. Поэтому, сенаторъ, желающій вникнуть обстоятельно въ дѣлопроизводство, не удовлетворится такими отмѣтками, но провѣритъ по своему выбору нѣкоторыя дѣла, и тогда передъ нимъ обнаружится, въ какой мѣрѣ можетъ заслуживать довѣріе представленная ему общая вѣдомость о нерѣшонныхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ, въ томъ случаѣ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, бываетъ существенно-полезно развитіе инструкціоннаго правила, такъ какъ одно точное его примѣненіе опредѣляетъ, — да и то не всегда вѣрно, — только внѣшнюю формальную сторону дѣлопроизводства.

Кромѣ двухъ упомянутыхъ вѣдомостей, сенатору отъ губернскаго правленія представляется именной списокъ содержащимся арестантамъ съ показаніемъ преступленія каждаго изъ нихъ и съ означеніемъ, когда дѣла о нихъ на-

чаясь и зачѣмъ и гдѣ продолжаются безъ рѣшенія. Къ этому присовокупляются свѣдѣнія и о продовольствіи арестантовъ. Извѣстно, что до сихъ еще поръ арестантская часть находится у насъ въ крайне неудовлетворительномъ положеніи, и потому она всегда составляла одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ сенаторскихъ ревизій.

Далѣе сенаторъ получаетъ списокъ всѣхъ чиновъ и канцелярскихъ служителей, находящихся въ губерніи, съ показаніемъ причинъ ихъ недостатка, если недостатокъ гдѣ-нибудь оказывается, а также свѣдѣнія о томъ, наблюдаются ли въ присутствіяхъ сроки засѣданій и очищаются ли производящіяся въ нихъ дѣла отъ одного срока до другаго; не поступало ли жалобъ на чиновниковъ въ дѣланія ими, при взысканіи установленныхъ сборовъ, противозаконныхъ требованій и не было ли ихъ по какимъ-либо другимъ случаямъ, какъ-то: о лихоимствѣ; если же было, то какое по поданнымъ жалобамъ послѣдовало производство и окончаніе.

Всѣ эти свѣдѣнія сопровождаются другими свѣдѣніями, получаемыми ревизующимъ сенаторомъ отъ казенной палаты о томъ, какія по губерніи установлены сборы и на какомъ основаніи они производятся; сколько по каждому казначейству состоитъ на лицо суммы и какого рода; отправляются ли своевременно деньги куда слѣдуетъ, свидѣтельствуются ли казенныя суммы всѣми лицами, которымъ это въ обязанность поставлено; сколько собирается въ губерніи податей, сколько числится недоимокъ, почему онѣ накопились и какія для взысканія ихъ приняты мѣры. Сверхъ того, сенатору доставляются полныя свѣдѣнія о городскихъ и земскихъ повинностяхъ.

По полученіи всѣхъ этихъ вѣдомостей и свѣдѣній, сенаторъ приступаетъ къ ревизіи въ настоящемъ значеніи этого слова по составленной для того инструкціи, въ которой упоминается прежде всего о повѣркѣ по исполненію

высочайшихъ и сенатскихъ указовъ. Въ виду неисполненныхъ указовъ, сенаторъ требуетъ отъ присутственныхъ мѣстъ объясненій о причинахъ неисполненія и разсматриваетъ, заслуживаютъ ли уваженія представляемыя ему объясненія. Хотя неисполненіе сенатскихъ указовъ отнесено, по уголовному нашему законодательству, къ важнѣйшимъ преступленіямъ по должности, но, тѣмъ не менѣе, всѣмъ извѣстно, что очень часто, въ разныхъ инстанціяхъ, сенатскіе указы покоятся подъ сукномъ даже впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Само собою разумѣется, что такая участь постигаетъ собственно не тѣ сенатскіе указы, которые относятся къ какимъ-нибудь общимъ мѣрамъ, но тѣ, которые касаются частныхъ дѣлъ. Надобно сказать, что вообще несвоевременное приведеніе въ исполненіе сенатскихъ указовъ по дѣламъ такого рода, изъ какихъ-нибудь личныхъ видовъ, составляетъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій въ нашей провинціальной администраціи, которая относится весьма легко къ получаемымъ ею изъ сената запросамъ и подтвержденіямъ. Равнодушно произносимая фраза: „Жалуйтесь, когда хотите, сенату", безпрестанно слышится въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Это объясняется тѣмъ, что служащій тамъ людъ уже вполнѣ привыкъ къ письменнымъ понужденіямъ, исходящимъ изъ сената, и вотъ почему основательно произведенная сенаторская ревизія—послѣдствіемъ которой были бы справедливыя взысканія за всѣ упущенія и злоупотребленія—бываетъ весьма полезна для установленія правильнаго теченія дѣлъ, по крайней мѣрѣ, хоть на нѣкоторое время. Она осязательнымъ образомъ напоминаетъ губернской администраціи о томъ, что надъ нею существуетъ такое государственное установленіе, которому принадлежитъ высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія.

Послѣ повѣрки исполнительныхъ дѣйствій губернской администраціи, инструкція вмѣняетъ ревизующему сенатору

въ обязанность обратить вниманіе на то, всѣ ли судилища и мѣста наполнены опредѣленнымъ по штату числомъ чиновниковъ и канцелярскихъ служителей, и если нѣтъ, то почему. Сенаторъ долженъ также удостовѣриться, способны ли означенныя лица — особенно первыя изъ нихъ — къ своей должности, занимаются ли они соотвѣтственно своимъ обязанностямъ, всѣ ли исправно получаютъ жалованье, нѣтъ ли пристрастія въ награжденіяхъ ихъ по службѣ. Сверхъ того, если до сенатора дойдутъ свѣдѣнія о безпорядкахъ при дворянскихъ выборахъ, то онъ обязанъ удостовѣриться, не приходитъ ли при этихъ выборахъ отъ кого какого-нибудь стѣсненія и не поступаютъ ли на выборныя должности люди порочные и недостойные. Въ настоящее время, когда дворянскіе выборы ограничиваются только избраніемъ лицъ на сословныя должности въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ существуютъ новыя судебныя учрежденія, этотъ параграфъ инструкціи утратилъ свою прежнюю силу, а современемъ онъ окажется и совершенно излишнимъ, когда повсюду въ имперіи установится судоустройство на основаніи „Судебныхъ Уставовъ 1864 года", Въ былую же пору параграфъ этотъ имѣлъ весьма важное значеніе, но неизвѣстно только, съ какимъ успѣхомъ примѣнялся на практикѣ.

Ревизуя присутственныя мѣста, сенаторъ долженъ удостовѣриться, наблюдаются ли сроки засѣданій и раздѣлены ли дѣла между членами. Послѣднее обстоятельство не лишено практическаго значенія. Извѣстно, что колегіальныя наши учрежденія, вопреки закону, нерѣдко обращаются въ единоличныя. Почти во всѣхъ губернскихъ правленіяхъ и палатахъ оказывается всегда такой совѣтникъ-вожакъ, въ рукахъ котораго сосредочиваются всѣ дѣла, такъ что товарищи его слѣдуютъ, обыкновенно, его мнѣніямъ, не занимаясь сами спеціально никакими дѣлами. Такой совѣтникъ является главнымъ распорядителемъ всего,

*

и вліянію его нерѣдко подчиняются и губернаторы, и вице-губернаторы, и предсѣдатели палатъ. Еслибъ производились частыя и тщательныя сенаторскія ревизіи, то, по всей вѣроятности, у насъ, повывелся бы такой типъ дѣльцовъ-чиновниковъ, существованіе которыхъ представляется, однако, до сихъ еще поръ нормальнымъ явленіемъ почти во всякомъ присутственномъ мѣстѣ. Указанный порядокъ вошолъ какъ бы въ привычку, такъ что теперь никого не удивляетъ, если всѣ дѣла въ какомъ-нибудь губернскомъ присутственномъ мѣстѣ зависятъ исключительно отъ одного члена, какъ будто другихъ членовъ въ томъ мѣстѣ вовсе не существуетъ.

При ревизіи уголовныхъ дѣлъ, сенатору вмѣняется въ обязанность раскрывать, нѣтъ ли въ числѣ этихъ дѣлъ такихъ, по которымъ подсудимые изнуряются подъ стражею, и принимать мѣры къ окончанію такихъ дѣлъ. „При семъ случаѣ — говорится въ инструкціи — сенатору не оставлять безъ вниманія закрытыхъ и безгласныхъ преступленій, также пытокъ и недозволенныхъ истязаній при слѣдствіяхъ и допросахъ, если о семъ сенаторъ получитъ какимъ-либо образомъ свѣдѣнія“. При первоначальномъ учрежденіи сенаторскихъ ревизій, сенаторамъ, какъ мы видѣли, предоставлялась не только ревизіонная, но и судебная власть, такъ что, во время производства ревизій, они могли по всѣмъ дѣламъ постановлять собственныя свои рѣшенія, не сносясь даже ни съ сенатомъ, ни съ какими-либо другими учрежденіями и лицами. Только въ инструкціи 1805 года въ первый разъ было выражено, что сенаторы-ревизоры посылаются въ губерніи „не яко судьи, но яко инспекторы“. Выраженіе это удержано и въ нынѣ дѣйствующей инструкціи. Сенатору предоставляется только наблюсти, нѣтъ ли тяжебныхъ дѣлъ, по которымъ тяжущіеся угнетаются волокитою, и соблюдается ли очередь въ разсмотрѣніи такихъ дѣлъ. „Хотя въ разбирательство ихъ — говоритъ

инструкція—сенаторы и не входятъ, но они доставляютъ тяжущимся законное покровительство, а особенно замѣчаютъ, не лишается ли кто безъ суда собственности, либо чести, нѣтъ ли преграды невинныхъ находить себѣ въ законахъ защиту и, напротивъ, обрѣтаютъ ли виновные въ тѣхъ законахъ себѣ наказаніе". Затѣмъ, сенаторамъ, производящимъ ревизію, дается право останавливать всякое дѣйствіе, происходящее отъ противозаконнаго приговора или повелѣнія мѣстъ и лицъ, подвѣдомственныхъ правительствующему сенату, въ такихъ дѣлахъ, которыя безгласны или прекратились отнятіемъ права на искъ и жалобы злоупотребленіемъ ввѣренной власти или пренебреженіемъ государственной пользы и высочайшихъ узаконеній. По такимъ дѣламъ—сообразно съ ихъ важностью—сенаторъ или самъ дѣлаетъ распоряженіе чрезъ губернское правленіе или доноситъ сенату, а въ особыхъ случаяхъ непосредственно и Государю Императору.

Дальнѣйшія занятія ревизующаго сенатора должны состоять: въ освидѣтельствованіи мѣстъ заключенія, въ удостовѣреніи, собираются ли подати на точномъ основаніи существующихъ для этого правилъ и нѣтъ ли излишнихъ налоговъ; въ осмотрѣ благотворительныхъ учрежденій и въ повѣркѣ дѣйствій дворянскихъ опекъ. Сверхъ того, сенаторъ осматриваетъ всѣ вообще части, ввѣренныя управленію министерствъ въ губерніи: горную, лѣсную, по казеннымъ фабрикамъ и заводамъ, по соляным операціямъ, по оброчнымъ статьямъ и почтамъ. Онъ удостовѣряется также, исполняются ли полиціями въ точности постановленныя для нихъ правила, въ какомъ состояніи находится каждая часть управленія, и если найдетъ что-нибудь противное, то, исправляя самъ немедленно, доноситъ объ этомъ сенату и увѣдомляетъ министровъ, отъ которыхъ тѣ части зависятъ.

Въ видѣ дополнительнаго занятія, сенатору-ревизору

поручается входить въ разсмотрѣніе нуждъ и недостатковъ губерніи, а также пользы общей и требовать отъ мѣстныхъ начальствъ мнѣній о мѣрахъ къ отвращенію того, что оказывается вреднымъ, неудобнымъ или безполезнымъ. Сенаторъ долженъ обратить вниманіе и на то еще, нѣтъ ли народу какихъ-нибудь отъ мѣстныхъ начальствъ притѣсненій и жестокостей въ употребленіи власти и т. д.

При первоначальномъ учрежденіи сенаторскихъ ревизій, имъ безразлично подлежали всѣ провинціальныя учрежденія. Впослѣдствіи, однако, сенаторы ограничивались ревизіею только губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. При императорѣ Павлѣ сенаторскія ревизіи были опять распространены на всѣ какъ губернскія, такъ и уѣздныя учрежденія. По дѣйствующей же нынѣ инструкціи, сенаторы, кромѣ присутственныхъ мѣстъ, находящихся въ губернскомъ городѣ, должны осматривать присутственныя мѣста и въ уѣздныхъ городахъ, лежащихъ на пути; въ сторонѣ же лежащія они ревизуютъ лишь тогда, когда сами признаютъ это нужнымъ. Сверхъ того, инструкція распространяетъ вліяніе сенатора, ревизующаго одну губернію, и на сосѣднія съ нею губерніи, такъ какъ отъ жителей этихъ губерній сенаторъ можетъ принимать показанія о какихъ-нибудь важнѣйшихъ, происходящихъ тамъ, злоупотребленіяхъ, требующихъ немедленнаго прекращенія. Получивъ по такимъ дѣламъ надлежащія отъ кого слѣдуетъ объясненія, онъ препровождаетъ ихъ на разсмотрѣніе сената. Хотя къ ревизующему сенатору и прикомандировываются особые чиновники для дѣлопроизводства и для исполненія его порученій, но если онъ признаетъ нужнымъ произвести гдѣ-нибудь особое изслѣдованіе, то можетъ, по своему выбору, сверхъ должностныхъ чиновниковъ, поручить это кому-нибудь изъ дворянъ ревизуемой имъ губерніи, хотя бы и несостоящихъ въ службѣ, но пользующихся общею довѣренностью. По окончаніи ревизіи, сенаторъ доноситъ

Его Величеству о томъ, что найдетъ достойнымъ высочайшаго свѣдѣнія, а о дальнѣйшихъ подробностяхъ сообщаетъ сенату. Впрочемъ, онъ уполномочивается и во время самой ревизіи посылать такія донесенія при обстоятельствахъ чрезвычайной важности.

„За всѣмъ тѣмъ,—сказано въ заключеніи инструкціи— если бы чего въ сихъ пунктахъ именно и не означено было, а сенаторы усмотрятъ и разсудятъ что-либо за достойное уваженія, какъ по интересамъ и пользамъ государственнымъ, такъ и по добру общему, то не оставляютъ безъ вниманія“.

Инструкція, которою должны руководствоваться сенаторы при ревизіи губерній, составляетъ приложеніе къ 256-й статьѣ „Свода Законовъ“ тома I-го. Инструкція эта, основанная, въ свою очередь, на инструкціи 1819 года, не подвергалась никакимъ измѣненіямъ по продолженію „Свода Законовъ“ и въ силу ея, какъ мы видѣли, ревизующему сенатору предоставляется осмотръ всѣхъ отраслей управленія, имѣющихъ свои части въ губерніяхъ. Между тѣмъ, въ настоящее время въ системѣ губернскаго управленія произошли значительныя измѣненія, вслѣдствіе отмѣны крѣпостнаго права, судебной реформы, открытія земскихъ учрежденій, введенія новаго „Городоваго Положенія“ и, наконецъ, учрежденія контрольныхъ палатъ. При этихъ измѣненіяхъ, мѣстныя губернскія учрежденія должны были получить, повидимому, бóльшую самостоятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ надобно полагать, должна была бы уменьшиться и подчиненность ихъ ревизіи, производимой представителемъ высшаго судебно-административнаго учрежденія — сената. Чтобъ опредѣлить съ должною точностью эти обстоятельства, необходимо прежде всего остановиться на вопросѣ: какое значеніе, въ настоящее время, имѣетъ самъ сенатъ въ системѣ какъ общаго государственнаго, такъ и мѣстнаго губернскаго управленія? Разрѣшеніе этого

вопроса важно еще и въ томъ отношеніи, что нынѣшнее значеніе сената, какъ учрежденія, имѣющаго высшій надзоръ въ порядкѣ управленія, должно быть примѣнено къ вопросу о проектѣ губернской администраціи. Нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что правительствующій сенатъ, при составленіи и разсмотрѣніи этого проекта, не имѣлъ своего представителя, тогда какъ собственно вопросъ объ устройствѣ губернской администраціи относится къ нему ближайшимъ образомъ. Впрочемъ, и въ другихъ случаяхъ замѣчается отчужденіе сената отъ совѣщательныхъ занятій по проектамъ разныхъ судебныхъ и административныхъ реформъ. Хотя во многихъ комисіяхъ, учреждаемыхъ съ такою цѣлью, сенаторы и были членами или председателями, но они являлись въ этомъ званіи не отъ имени сената, такъ что собственно ихъ сенаторская должность не имѣла въ этомъ случаѣ никакого официальнаго значенія. Въ нѣкоторыхъ же комисіяхъ сенаторы являлись въ самомъ скромномъ званіи—въ званіи случайныхъ экспертовъ. Справедливо ли, однако, и полезно ли такое отстраненіе сената отъ участія въ разрѣшеніи законодательныхъ вопросовъ, касающихся порядка государственнаго управленія, а также какія могутъ быть побудительныя къ тому причины?

По основной мысли Петра Великаго, сенатъ долженъ быть верховнымъ мѣстомъ государственнаго управленія и, какъ было сказано въ указѣ 1722 года, „сенатскіе чины должны трудиться о распорядкѣ государства и правомъ судѣ и смотрѣть надъ колегіями, яко свободные отъ нихъ". Самое названіе „правительствующій", присвоенное сенату и сохранившееся за нимъ (несмотря на временную отмѣну этого названія) до нашихъ дней, показываетъ, что сенатъ стоитъ во главѣ всего внутренняго государственнаго управленія. При этомъ, однако, нужно сказать, что первоначальное значеніе сената измѣнилось и что онъ получилъ преимущественно значеніе только высшей судебной инстанціи, когда, въ царство-

ванiе преемниковъ Петра Великаго, нѣкоторыя государственныя дѣла были вовсе исключены изъ вѣдомства сената и отнесены окончательно къ другимъ государственнымъ учрежденiямъ и когда остальныя дѣла внутренняго управленiя были сосредоточены въ одномъ только первомъ департаментѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, сенатъ утратилъ значенiе учрежденiя, непосредственно надзирающаго за отправленiемъ правосудiя во всемъ государствѣ, такъ какъ въ судебные департаменты сената стали поступать дѣла общимъ апеляцiоннымъ или ревизiоннымъ порядкомъ, а каждому департаменту, кромѣ межеваго, было ввѣрено завѣдыванiе лишь нѣсколькими губернiями. Первоначальное преобладающее значенiе сената было поколеблено допущенiемъ на него жалобъ, подача которыхъ ограничивается, по „Своду Законовъ“, только общими условiями сроковъ и соблюденiемъ формы, установленной для прошенiй, подаваемыхъ на высочайшее имя, такъ что въ этомъ отношенiи сенатъ поставленъ на ряду съ низшими и средними судебными инстанцiями.

Вообще, учрежденiе министерствъ, комитета гг. министровъ и государственнаго совѣта, а также образованiе нѣкоторыхъ особыхъ комитетовъ лишило правительствующiй сенатъ того важнаго значенiя для всей имперiи въ дѣлахъ судебныхъ и административныхъ, какими онъ пользовался въ прежнее время, когда онъ дѣйствительно былъ такимъ государственнымъ установленiемъ, которому принадлежала верховная ревизiя суда по дѣламъ гражданскимъ, межевымъ, торговымъ, уголовнымъ, слѣдственнымъ, а также высшiй надзоръ въ порядкѣ управленiя и исполненiя. Административное влiянiе сената нынѣ чувствуется весьма слабо въ губернiяхъ, и только порою въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сенаторскiя ревизiи напоминаютъ о томъ положенiи, какое долженъ занимать правительствующiй сенатъ въ общей системѣ государственнаго управленiя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сенатъ не принимаетъ никакого совѣщательнаго участiя по

вопросамъ объ устройствѣ или о преобразованіяхъ даже такихъ отраслей управленія, которыя собственно состоятъ въ непосредственномъ его завѣдываніи. По всей вѣроятности, мы не ошибемся, если скажемъ, что такое отчужденіе сената отъ занятій подобнаго рода объясняется тѣмъ, что его считаютъ теперь какъ бы входящимъ въ составъ министерства юстиціи и представители этого министерства какъ бы замѣняютъ собою тѣхъ представителей, которые должны были бы быть назначаемы непосредственно отъ сената. Между тѣмъ, сенатъ, считающійся состоящимъ единственно подъ предсѣдательствомъ Государя Императора и получающій указы непосредственно только отъ Императорскаго Величества, представляетъ высшее, вполнѣ самостоятельное учрежденіе, совѣщательный голосъ котораго по вопросамъ государственнаго благоустройства долженъ имѣть никакъ не менѣе важности, чѣмъ мнѣніе, высказываемое представителемъ какого-нибудь министерства. Говоря о практической пользѣ участія сената въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, нельзя не замѣтить, что съ точки зрѣнія общаго государственнаго управленія, такое участіе сената должно быть признано вполнѣ законнымъ, тѣмъ болѣе, что, какъ предполагается, въ составѣ сената должны находиться такіе члены, которымъ преимущественно извѣстны всѣ судебные и административные порядки; слѣдовательно, мнѣнія лицъ, избранныхъ изъ этой среды, должны бы пользоваться предпочтительнымъ авторитетомъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся способовъ государственнаго управленія.

Такимъ образомъ, сенатъ находится въ сторонѣ отъ разрѣшенія этихъ вопросовъ. Правда, участіе подобнаго рода не обусловлено самымъ учрежденіемъ сената, но, тѣмъ не менѣе, на практикѣ, до образованія министерствъ, сенатъ имѣлъ всегда своихъ представителей во всѣхъ тѣхъ временныхъ учрежденіяхъ, которымъ поручалось предвари-

тельное разсмотрѣніе вопросовъ по государственному управленію, а въ комисіи по составленію „Наказа“, учрежденной Екатериною II, депутаты отъ сената засѣдали на ряду съ прочими депутатами. Кажется, что въ настоящее время не можетъ встрѣтиться никакихъ препятствій къ тому, чтобъ правительствующій сенатъ, въ лицѣ особо-назначаемыхъ отъ него членовъ, былъ приглашаемъ къ участію въ обсужденіи разныхъ законодательно-административныхъ предположеній. Въ противномъ случаѣ, безучастность въ этихъ дѣлахъ со стороны высшаго государственнаго судебно-административнаго учрежденія будетъ составлять замѣтный пробѣлъ во всѣхъ совѣщательныхъ комисіяхъ, и мы полагаемъ, что такая мѣра прежде всего, и притомъ съ успѣхомъ, могла бы быть примѣнена къ разсмотрѣнію проекта административной реформы. Едва ли не было бы полезнѣе, еслибъ этотъ проектъ, прежде представленія его на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ, былъ разсмотрѣнъ въ 1-мъ департаментѣ сената. При этомъ условіи, упомянутый проектъ, безъ сомнѣнія, былъ бы дополненъ такими указаніями и соображеніями, которыя могутъ быть почерпнуты только изъ дѣлъ, производившихся въ сенатѣ. т. е. изъ сенатской практики, примѣненной къ губернской администраціи.

Въ настоящее время сенатъ. въ общей совокупности своихъ департаментовъ, представляетъ какъ бы три особыя высшія учрежденія: судебное касаціонное, и административное.

Такъ какъ до сихъ поръ не введены еще повсемѣстно „Судебные Уставы 1864 года“, то, вслѣдствіе существованія прежняго судоустройства, сенату принадлежитъ верховная ревизія судебныхъ рѣшеній, состоявшихся во вторыхъ инстанціяхъ суда, по дѣламъ тяжебнымъ, касающимся интересовъ казны, или по такъ-называемымъ слѣдственнымъ дѣламъ. Сверхъ того, сенатъ является апеляціонною инстанціею и по частнымъ тяжбамъ, переносимымъ

туда по жалобамъ истцовъ или отвѣтчиковъ. Сенату принадлежитъ также верховная ревизія дѣлъ уголовныхъ, на основаніи существующихъ для того правилъ. Такимъ образомъ, при прежнемъ порядкѣ судопроизводства, сенатъ дѣйствуетъ въ качествѣ ревизіонной и апеляціонной инстанціи, причомъ рѣшенія его не признаются, однако, окончательными, такъ какъ на нихъ допускается подача жалобъ. Кругъ такой дѣятельности сената уменьшается теперь постепенно, по мѣрѣ введенія новаго судебнаго порядка, при которомъ сенатъ получаетъ полную самостоятельность, какъ учрежденіе, наблюдающее за правильнымъ примѣненіемъ и точнымъ исполненіемъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ.

Къ установленію такой самостоятельности сената послужило учрежденіе особыхъ, несуществовавшихъ прежде касаціонныхъ департаментовъ. Въ настоящее время, почти всѣ европейскія законодательства вполнѣ признаютъ необходимость такого верховнаго судилища, которое не составляя само судебной инстанціи и не разсматривая судебныхъ дѣлъ по существу, сосредоточивало бы въ себѣ надзоръ за порядкомъ судопроизводства и за правильнымъ истолкованіемъ законовъ. Такая необходимость была сознана и у насъ при послѣдней судебной реформѣ и, вслѣдствіе этого, были образованы касаціонные департаменты сената—уголовный и гражданскій. Департаменты эти, по самому существу возложенной на нихъ обязанности, не могутъ имѣть надъ собою никакого высшаго учрежденія, тогда какъ другіе департаменты сената находятся въ извѣстной зависимости отъ комисіи прошеній и государственнаго совѣта. Такимъ образомъ, учрежденіе касаціонныхъ департаментовъ дѣлаетъ сенатъ не номинальнымъ, но дѣйствительнымъ верховнымъ мѣстомъ для управленія правосудіемъ въ имперіи и для охраненія силы законовъ. При этомъ условіи, сенатъ получаетъ то самостоятельное значе-

піе, какое хотѣлъ присвоить ему его великій учредитель, разумѣется, настолько, впрочемъ, насколько это возможно при существованіи министерствъ и государственнаго совѣта, вызванныхъ необходимостью отдѣленія судебной власти отъ законодательной и исполнительной, вслѣдствіе усложненія государственнаго механизма. Наблюденіе сената за отправленіемъ правосудія, въ касаціонномъ порядкѣ, заключается не въ разсмотрѣніи гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ по существу, но въ отмѣнѣ окончательныхъ судебныхъ рѣшеній въ случаѣ нарушенія при этомъ законовъ, неправильнаго ихъ истолкованія и уклоненія отъ формъ и обрядовъ судопроизводства, уклоненій столь существенныхъ, что вслѣдствіе этого, за рѣшеніемъ не можетъ быть признана сила судебнаго постановленія.

Кромѣ отмѣны, по изложеннымъ причинамъ, рѣшеній судебныхъ палатъ, окружныхъ судовъ и мировыхъ съѣздовъ, наблюдательная власть сената надъ правильнымъ отправленіемъ правосудія заключается и въ томъ еще, что если касаціонные его департаменты признаютъ нужнымъ произвести ревизіи судебныхъ установленій черезъ сенаторовъ, засѣдающихъ въ этихъ департаментахъ, то заключенія о томъ общаго ихъ собранія представляются на усмотрѣніе Императорскаго Величества чрезъ министра юстиціи. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что при составленіи „Судебныхъ Уставовъ“ предполагалось постановить, что министръ юстиціи можетъ предложить общему собранію касаціонныхъ департаментовъ сената о необходимости командировать на ревизію судебныхъ мѣстъ сенаторовъ состоящихъ въ означенныхъ департаментахъ. Но въ государственномъ совѣтѣ было признано, вопервыхъ, что по отношеніямъ, въ которыя министръ юстиціи будетъ поставленъ къ касаціоннымъ департаментамъ сената, едва ли удобно, чтобъ онъ дѣлалъ предложенія о ревизіи судебныхъ мѣстъ черезъ сенаторовъ и, вовторыхъ, что депар-

таменты сами могутъ усмотрѣть необходимость обревизовать судебныя мѣста. Еслибъ государственный совѣтъ не отклонилъ упомянутаго предположенія, то и касаціонные департаменты не пользовались бы полнымъ правомъ надзора за отправленіемъ правосудія, такъ какъ этотъ надзоръ принадлежалъ бы собственно министру юстиціи.

Такимъ образомъ, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены „Судебныя Уставы 1864 года“, сенаторскія ревизіи могутъ быть двухъ родовъ: судебныя, по усмотрѣнію касаціонныхъ департаментовъ сената, и административныя на основаніи общихъ, прежде изданныхъ правилъ. Вѣроятно, однако, что и на практикѣ будетъ сохраняема такая двойственность ревизій въ силу того основнаго начала, по которому нынѣ судебная власть отдѣлена отъ административной.

Если, какъ мы видѣли, судебная реформа содѣйствовала тому, чтобъ новые, касаціонные, департаменты сената получили значеніе самостоятельнаго верховнаго судилища, то и другія преобразованія, именно: открытіе земскихъ учрежденій и введеніе новаго „Городоваго Положенія“ хотя и не усилили, но и не ослабили административнаго значенія сената, такъ какъ взаимныя пререканія между мѣстною администраціею съ одной стороны и между земскими учрежденіями и городскими общественными управленіями съ другой подлежитъ окончательному рѣшенію сената, хотя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, власть, предоставленная сенату по земскимъ и городскимъ дѣламъ и можетъ быть ослабляема вліяніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Къ этому повело бы, между прочимъ, осуществленіе предположенія о предоставленіи губернаторамъ права издавать постановленія въ развитіе и поясненіе существующихъ узаконеній, потому что и то и другое составляетъ одну изъ главныхъ обязанностей сената.

Дѣлая общій выводъ изъ всего сказаннаго нами, мож-

но придти къ заключенію, что правительствующій сенатъ въ настоящее время далеко не имѣетъ того значенія, какое онъ долженъ былъ бы имѣть по мысли Петра Великаго, когда ему какъ высшему государственному учрежденію, подчиненному лишь волѣ государя, ввѣрено было наблюденіе за отправленіемъ правосудія и за ходомъ управленія во всемъ государствѣ, и только вновь учрежденные касаціонные департаменты сената осуществляютъ идею самостоятельнаго верховнаго судилища. Что же касается административной власти сената, то предѣлы и значеніе его зависятъ теперь, главнымъ образомъ, отъ разрѣшенія вопроса объ устройствѣ губернской администраціи. Усиленіе губернаторской власти поведетъ, если не прямо, то косвенно, къ ограниченію правъ сената, а это обстоятельство, сколько намъ извѣстно, не имѣлось вовсе въ виду при составленіи проекта объ административной реформѣ.

Уяснивъ значеніе сената обратимся къ соображенію о практичекомъ значеніи сенаторскихъ ревизій. Если во всѣхъ вообще правительственныхъ распоряженіяхъ современность ихъ исполненія составляетъ одно изъ самыхъ главныхъ условій для того, чтобъ эти распоряженія принесли дѣйствительную пользу, то, безъ всякаго сомнѣнія, своевременность исполненія оказывается тѣмъ необходимѣе, когда дѣло идетъ объ устраненіи злоупотребленій. Нельзя не согласиться, что какъ бы ни былъ хорошо организованъ въ государствѣ общій административный порядокъ, но если, несмотря на это, обнаруживаются частныя злоупотребленія, непресѣкаемыя съ должною быстротою, то и самыя полезныя мѣры и самыя лучшія предначертанія правительства въ значительной степени теряютъ на практикѣ свою силу. Извѣстно, однако, что и послѣ нѣкоторыхъ преобразованій, наша губернская администрація представляетъ еще немало существенныхъ недостатковъ. Если же къ такимъ недостаткамъ присоединяются еще въ иныхъ мѣстностяхъ неправильныя и произвольныя

дѣйствія высшихъ, среднихъ и низшихъ администраторовъ то понятно, что тамъ административный порядокъ приходитъ въ крайнее разстройство, хотя бы такое разстройство въ теченіи долгаго времени и было прикрываемо на бумагѣ формальностями извѣстнаго рода. Изъ предшествовавшихъ нашихъ статей о значеніи сенаторскихъ ревизій по губерніямъ, можно вывести заключеніе, что цѣль этихъ ревизій заключается въ повѣркѣ на мѣстѣ дѣйствій губернской администраціи и въ устраненіи открывающихся при этомъ злоупотребленій и неправильностей. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ прямымъ послѣдствіемъ каждой сенаторской ревизіи должно быть безотлагательное принятіе мѣръ къ устраненію обнаруженныхъ ею безпорядковъ. Къ сожалѣнію, однако, опытъ показываетъ, что въ этихъ случаяхъ встрѣчается порою такая медленность, которая дѣлаетъ сенаторскія ревизіи во многихъ отношеніяхъ совершенно безполезными. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что разсмотрѣніе отчота, представленнаго сенаторомъ княземъ И. С. Давыдовымъ, по произведенной имъ, въ 1851 году, ревизіи Калужской губерніи, тянулось въ первомъ департаментѣ сената ни болѣе, ни менѣе, какъ семнадцать лѣтъ! Тамъ только въ 1868 году былъ заслушанъ послѣдній журналъ по этому дѣлу. Но кромѣ этого, быть можетъ, ужъ слишкомъ бросающагося въ глаза факта, имѣются въ виду и другіе факты, подтверждающіе, что разсмотрѣніе сенаторскихъ ревизій въ правительствующемъ сенатѣ не относится къ числу спѣшныхъ занятій.

Спрашивается теперь, насколько могутъ быть полезны сенаторскія ревизіи, если результаты ихъ обнаруживаются слишкомъ поздно, т. е. по прошествіи нѣсколькихъ, а, статься можетъ, иногда даже и болѣе цѣлаго десятка лѣтъ? Не говоря уже о томъ, что съ выѣздомъ изъ губерніи сенатора-ревизора, открытые имъ безпорядки, которыхъ онъ не могъ пресѣчь своею собственною властью, могутъ про-

держаться попрежнему, нельзя не принять въ соображеніе и того неблагопріятнаго нравственнаго вліянія, какое долженъ имѣть подобный исходъ ревизіи. Видя, что виновные не подвергаются должному взысканію и что, вмѣстѣ съ этимъ, не предпринимается ни общихъ, ни частныхъ мѣръ къ пресѣченію прежнихъ безпорядковъ, чины губернской и уѣздной администраціи позволяютъ себѣ, въ силу общей человѣческой природы, дѣйствовать отважнѣе, нежели дѣйствовали прежде. Сверхъ того, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, гораздо труднѣе бываетъ, чѣмъ по горячимъ слѣдамъ, произвести необходимое въ иныхъ случаяхъ слѣдствіе и доказать юридически злоупотребленія разнаго рода.

Коснувшись предметовъ сенаторской ревизіи, должно прежде всего остановиться на томъ обстоятельствѣ, что инструкція, опредѣляющая порядокъ такой ревизіи, была составлена еще въ 1819 году, а между тѣмъ, несомнѣнно, что, въ теченіи слишкомъ полустолѣтія, весьма значительно измѣнился нетолько взглядъ на хорошія качества и на недостатки губернской администраціи, но и самый механизмъ ея. Поэтому, инструкція, при практическомъ ея примѣненіи, во многихъ случаяхъ не соотвѣтствуетъ уже тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ она первоначально была издана. Объ этой инструкціи мы говорили подробно и изъ того, что мы сказали, выводится, что, по точному ея смыслу, нѣкоторыя изъ существующихъ нынѣ въ губерніяхъ учрежденій какъ бы освобождаются отъ сенаторской ревизіи. Инструкція не обобщаетъ всѣхъ губернскихъ учрежденій, но перечисляетъ ихъ отдѣльно, а между тѣмъ, въ такомъ перечисленіи не можетъ встрѣтиться ни губернское управленіе государственными имуществами, ни губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, такъ какъ эти учрежденія были открыты гораздо позже изданія руководительной для сенаторовъ-ревизоровъ инструкціи. Слѣдовательно, если ревизующему губернію сенатору не дается особаго

высочайшаго повелѣнія касательно ревизіи этихъ учрежденій, неупоминаемыхъ въ нынѣ дѣйствующей инструкціи, то въ строгомъ юридическомъ смыслѣ, можетъ возникнуть весьма интересный вопросъ о томъ, имѣетъ ли сенаторъ право приступить къ ревизіи сказанныхъ учрежденій? Придерживаясь въ точности этой инструкціи, можно возбудить еще и другой вопросъ: подлежать ли сенаторской ревизіи личныя дѣйствія губернатора, а также дѣлопроизводство его канцеляріи, какъ не самостоятельнаго присутственнаго мѣста, а такого учрежденія, которое только приводитъ въ исполненіе собственныя распоряженія губернатора, подъ непосредственнымъ его надзоромъ? Хотя ревизіонная практика даетъ на это положительный отвѣтъ, но мы думаемъ, что еслибъ, въ виду нынѣ дѣйствующей инструкціи, кто-нибудь изъ ревизуемыхъ губернаторовъ поднялъ относительно этого формальный вопросъ, то вопросъ этотъ не могъ бы быть разрѣшонъ иначе, какъ только законодательнымъ порядкомъ. Къ этому, впрочемъ, нелишнимъ будетъ прибавить, что сущность сенаторскихъ ревизій требуетъ непремѣнно, чтобъ такой ревизіи подлежали и личныя распоряженія губернатора, такъ какъ безъ повѣрки ихъ никакъ нельзя было бы опредѣлить, на сколько именно иныя губернскія и уѣздныя учрежденія уклонились въ своихъ дѣйствіяхъ отъ требованія закона сами по себѣ и насколько сдѣлали они это или вслѣдствіе прямыхъ распоряженій губернатора, или подъ вліяніемъ принятой имъ общей административной системы. Практика самымъ положительнымъ образомъ установила подчиненіе губернатора сенаторской ревизіи, а между тѣмъ, нетолько по буквѣ инструкціи, но и по общему ея смыслу, вопросъ этотъ представляется довольно спорнымъ, такъ какъ о личныхъ дѣйствіяхъ губернатора вовсе не упоминается въ инструкціи, и онъ, на основаніи ея, можетъ подлежать ревизіи

только, какъ председатель губернскаго правленія, ревизуемаго сенаторомъ.

Продолжая разсматривать съ практической точки зрѣнія даваемую въ руководство сенаторамъ-ревизорамъ инструкцію, нельзя не указать, что, на основаніи ея, сенаторы, кромѣ присутственныхъ мѣстъ, находящихся въ губернскомъ городѣ, обязаны осматривать присутственныя мѣста и въ уѣздныхъ городахъ, лежащихъ на пути; въ сторонѣ лежащія они ревизуютъ лишь тогда, когда сами признаютъ это нужнымъ. Очевидно, это правило придаетъ сенаторской ревизіи, въ отношеніи уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, характеръ случайности, который, однако, вовсе не долженъ быть присущъ такой важной правительственной мѣрѣ. На практикѣ очень часто можетъ быть, что, по усмотрѣнію самого сенатора, лежащія на пути его уѣздныя присутственныя мѣста не требуютъ вовсе ревизіи, а между тѣмъ, онъ долженъ соблюсти предписанную ему формальность и потерять напрасно время, которое онъ могъ бы употребить съ большею пользою, направивъ свою ревизію на другія мѣстности. Если, по обширному пространству губерніи, не представляется удобствъ для производства сенаторомъ ревизіи въ всѣхъ уѣздныхъ городахъ ея, то было бы основательнѣе предоставить единственно на собственное усмотрѣніе сенатора ревизію присутственныхъ мѣстъ въ томъ или другомъ уѣздномъ городѣ, не обусловливая этого тѣмъ, что̀ въ просторѣчьи называется оказіей. Изъ тѣхъ офиціальныхъ матеріаловъ, которые представляются сенатору при началѣ ревизіи, а также изъ свѣдѣній, доходящихъ до него частнымъ образомъ, онъ всегда можетъ съ достаточною точностью опредѣлить, какіе именно пункты слѣдуетъ избрать ему для производства ревизіи.

Мы считаемъ нужнымъ указать также на непрактичность той статьи, находящейся въ инструкціи, въ силу которой сенатору, ревизующему губернію, предоставляется

право принимать отъ жителей сосѣднихъ съ нею губерній показанія о какихъ-нибудь важнѣйшихъ, происходящихъ тамъ злоупотребленіяхъ, требующихъ немедленнаго прекращенія. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что при составленіи этой статьи имѣлась прежде всего въ виду весьма благая цѣль, но на практикѣ такой порядокъ оказывается совершенно безполезнымъ. Сенаторъ, получивъ по такимъ дѣламъ отъ кого слѣдуетъ объясненія, препровождаетъ эти объясненія на разсмотрѣніе сената. Слѣдовательно, въ сущности, онъ является какою-то предаточною инстанціею и, притомъ, излишнею, такъ какъ жалобы на злоупотребленія мѣстныхъ властей могутъ быть во всякое время приносимы и помимо его, непосредственно самому сенату. Участіе же сенатора только замедляетъ пресѣченіе злоупотребленій, требующихъ немедленнаго прекращенія, такъ какъ онъ самъ не можетъ предпринять въ этомъ случаѣ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Въ виду этихъ соображеній, было бы полезнѣе уничтожить въ инструкціи, данной сенаторамъ-ревизорамъ, упомянутую статью: тогда бы они въ иныхъ случаяхъ не были поставляемы въ то ложное положеніе, какое вообще очень часто приходится испытывать посредствующимъ лицамъ.

Кромѣ указанныхъ уже нами обстоятельствъ, разсматриваемая нами инструкція расходится съ дѣйствительными потребностями администраціи и общества еще въ той статьѣ, по которой сенатору-ревизору поручается, въ видѣ дополнительнаго занятія, входить въ разсмотрѣніе нуждъ и недостатковъ губерніи, а также пользы общей. Само по себѣ, правило это безусловно полезно, но практическое его примѣненіе оказывается слишкомъ отсталымъ, такъ какъ, по словамъ инструкціи, сенаторъ въ этомъ случаѣ долженъ „требовать отъ мѣстныхъ начальствъ мнѣній о мѣрахъ къ отвращенію того, что̀ оказывается вреднымъ, неудобнымъ и безполезнымъ“. Само собою разумѣется, что въ былое

время, когда правительственная опека распространялась равномѣрно какъ на казенные, такъ и на общественные интересы, достаточно было ограничиваться такимъ требованіемъ. Теперь же, когда на ряду съ правительственными учрежденіями возникли всесословныя земскія учрежденія и такія же городскія общественныя управленія, при вопросахъ о пользѣ общей недостаточно уже сообразоваться съ мнѣніями однихъ только мѣстныхъ начальствъ. Правительство ввѣрило общественные интересы особымъ учрежденіямъ, и потому, кажется, было бы вполнѣ правильно постановить, что ревизующій сенаторъ, по вопросамъ о мѣрахъ къ отвращенію того, что оказывается вреднымъ, неудобнымъ и безполезнымъ, совѣщается съ земскими учрежденіями и городскими общественными управленіями независимо отъ затребованныхъ имъ насчотъ этого мнѣній со стороны мѣстныхъ начальствъ. Такой порядокъ не нарушалъ бы нисколько тѣхъ началъ, которыя положены въ основу упомянутыхъ учрежденій и управленій, и соотвѣтствовалъ бы отношеніямъ, въ какія поставлены къ правительствующему сенату какъ тѣ, такъ и другія.

Наконецъ, вообще, инструкція, данная сенаторамъ-ревизорамъ въ 1819 году и до сихъ поръ сохранившаяся въ „Сводѣ Законовъ“, требуетъ кореннаго измѣненія уже потому, что, какъ мы замѣтили прежде, при введеніи въ дѣйствіе „Судебныхъ уставовъ“ сенаторскія ревизіи должны быть двоякаго рода: судебныя и административныя, а между тѣмъ, упомянутая инструкція была составлена въ то время, когда судебная власть не была еще отдѣлена отъ административной, такъ что тогда и сенаторскія ревизіи были ревизіями смѣшаннаго характера. Сверхъ того, существованіе земскихъ учрежденій, новое устройство быта крестьянъ, измѣненіе какъ въ положеніи сословій, такъ и во взаимныхъ между ними отношеніяхъ и, наконецъ, введеніе новаго „Городоваго Положенія“—все это требуетъ основ-

ныхъ измѣненій въ прежней инструкціи по производству сенаторскихъ ревизій. Очевидно, что эта инструкція отжила свое время и совершенно расходится съ тѣми условіями, въ какія поставлена нынѣ губернская администрація.

Добавимъ къ этому, что, при изданіи новой инструкціи, не безполезно было бы постановить, чтобъ сенаторъ, производившій административную ревизію въ губерніи, оставался въ этой губерніи нѣкоторое время и послѣ ревизіи для главнаго надзора за теченіемъ дѣлъ. Въ практическомъ отношеніи такая мѣра необходима нетолько потому, что въ нашемъ чиновничествѣ дурныя привычки слишкомъ живучи, такъ что въ одинъ пріемъ нельзя уничтожить ихъ окончательно, но и потому еще, что, какъ показываетъ опытъ, съ отъѣздомъ сенатора-ревизора изъ губерніи, тамъ нерѣдко начинаютъ дѣйствовать наперекоръ тѣмъ порядкамъ, какіе онъ успѣлъ водворить своею властью.

Страннымъ, конечно, можетъ показаться, почему, несмотря на несоотвѣтственность инструкціи 1819 года настоящимъ потребностямъ, она до сихъ поръ сохранилась безъ всякаго измѣненія. Мы не беремся рѣшить этого вопроса, и ограничимся замѣчаніемъ, что не только по непосредственному ея отношенію къ правительствующему сенату, но и по обязанностямъ, возложеннымъ, въ силу закона, на это высшее государственное учрежденіе, починъ въ этомъ дѣлѣ долженъ принадлежать ему, такъ какъ сенату дана власть непосредственно представлять о поясненіи, дополненіи и объ ограниченіи законовъ.

Сенаторткимъ ревизіямъ нельзя не придавать и въ настоящую пору чрезвычайно важнаго практическаго значенія, потому что губернская наша администрація требуетъ повременамъ весьма тщательной повѣрки ея дѣйствій не на основаніи только канцелярскаго дѣлопроизводства, но и на основаніи тѣхъ фактовъ, которые могутъ быть обнаружены

на мѣстѣ ревизіею сенатора, какъ лица, несоприкасающагося непосредственно ни къ какой отдѣльной отрасли администраціи и какъ члена такого учрежденія, которому, по словамъ закона, принадлежитъ высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія.

VII.

Нищенство и принимаемыя у насъ противъ него мѣры.

Не ошибаясь можно сказать, что ни одинъ изъ общественныхъ пороковъ не находитъ у насъ такой сильной поддержки не только въ массѣ народа, но и среди образованныхъ классовъ, какъ нищенство. Весьма немногіе представители и представительницы этихъ классовъ приняли твердую рѣшимость не давать подаянія нищимъ, хотя бы и тѣ и другіе достаточно сознавали всю неумѣстность копѣечныхъ подаяній, и находили, что общественная благотворительность нуждается не въ такихъ отрывочныхъ вспоможеніяхъ, но въ сосредоточеніи пожертвованій на пользу общую и въ разумномъ ихъ направленіи къ какой либо дѣйствительно-полезной цѣли. Что же касается вообще нашего народа, то онъ при раздаваніи милостыни руководится не столько чувствомъ сострадания, сколько сознаніемъ, что тѣмъ самымъ онъ исполняетъ одну изъ религіозныхъ обязанностей. Массѣ народа чужды еще современныя понятія объ истинномъ значеніи филантропіи; она смотритъ на благотворительныя и вспомогательныя заведенія, учреждаемыя правительствомъ или частными обществами, какъ на что-то чуждое для себя и остается при прежнихъ понятіяхъ о способахъ благотворительности. Простой человѣкъ, подавая милостыню, бываетъ убѣжденъ только въ томъ, что онъ дѣлаетъ это „Христа ради“,

причемъ, само собою разумѣется, не имѣютъ мѣста никакія экономическія или соціальныя соображенія. Осуждать такихъ милостынераздавателей, конечно, нельзя, такъ какъ въ сущности это значило бы винить ихъ въ томъ, что они, относительно правильности понятій объ общественной благотворительности, не усвоили себѣ такихъ взглядовъ, какіе выработаны въ недавнее время съ политико-экономической точки зрѣнія, и остаются при стародавней системѣ благотворительности. Народъ въ этомъ случаѣ держится только своихъ древнихъ наслѣдственныхъ преданій, перешедшихъ къ нему изъ той поры, когда существовала лишь одна господствующая форма частной благотворительности— раздача милостыни нищимъ. Въ древней Руси любовь къ нищимъ считалась одною изъ главныхъ христіанскихъ добродѣтелей. Наши лѣтописцы въ похвалахъ, дѣлаемыхъ ими государямъ, не упускали никогда случая упоминать о томъ, что они были сердобольны къ нищей братіи. Объ этомъ упоминается обыкновенно и въ житіяхъ угодниковъ Божіихъ. Вообще покровительство нищенству заимствуетъ свое начало изъ христіанскаго ученія о любви къ ближнему и объ обязанности помогать ему. Понятно, что съ измѣненіемъ порядковъ въ общественной жизни должно было видоизмѣниться и это начало, примѣнительно къ практическимъ потребностямъ времени.

Дѣйствительно, мы видимъ въ настоящую пору, что не только правительство и образованная часть общества, но даже и церковь, въ лицѣ многихъ своихъ представителей, измѣнили прежній взглядъ на нищенство, замѣнивъ оказываемое ему прежде покровительство, или, по крайней мѣрѣ, терпимость, заботами объ его уменьшеніи, если не объ окончательномъ его искорененіи. Во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ Европы существуютъ нынѣ, какъ предупредительные, такъ и карательные законы, направленные противъ нищенства. Частныя лица обращаютъ свои пожертво-

ванія не столько на раздачу милостыни на улицахъ и на церковныхъ папертяхъ, сколько на устройство такихъ заведеній, въ которыхъ дѣйствительно бѣдные, безпомощные люди находили бы для себя пріютъ, пищу или работу. Проповѣдники не твердятъ уже своей паствѣ о безусловномъ состраданіи къ нищимъ-попрошайкамъ, но указываютъ болѣе надежный и разумный путь для исполненія Христовой заповѣди о любви къ ближнему. Такъ, теперь образуются у насъ приходскія попечительства о бѣдныхъ, и на дверяхъ нѣкоторыхъ петербургскихъ церквей вывѣшиваются печатныя объявленія, съ запрещеніемъ просить въ церкви милостыню, и съ просьбою къ прихожанамъ-благотворителямъ вносить свои пожертвованія въ пользу бѣдныхъ, въ кассу попечительства, не раздавая денегъ на руки самимъ нищимъ. Все это указываетъ на то, что относительно нищенства,—этой страшной общественной язвы, у насъ начинаютъ установляться правильныя понятія. Правда, что и теперь у насъ найдется не мало такихъ благотворителей, которые предпочтутъ раздать нѣсколько рублей нищимъ, нежели передать эти деньги въ пользу какого-либо благотворительнаго учрежденія. Это, конечно, объясняется главнымъ образомъ тѣми обстоятельствами, о которыхъ мы упомянули выше; но нельзя также не имѣть при этомъ въ виду и того предубѣжденія, которое,—отчасти основательно, а отчасти нѣтъ,—существуетъ еще у насъ относительно благотворительныхъ и вспомогательныхъ обществъ.

Съ политико-экономической точки зрѣнія, нищенство представляетъ собою отдѣльное, самостоятельное явленіе, совершенно отличное отъ пауперизма по своему происхожденію. Подъ пауперизмомъ не подозрѣвается случайное впаденіе въ нищету, но такое постоянное положеніе болѣе или менѣе значительной части населенія, вслѣдствіе котораго нуждающіеся люди, при всемъ ихъ желаніи, не

находятъ для себя работы, достаточно обезпечивающей необходимое ихъ содержаніе. При этихъ условіяхъ открывается въ государствѣ пролетаріатъ, тогда какъ нищенство обусловливается или только временнымъ лишеніемъ средствъ къ содержанію, подъ вліяніемъ случайныхъ причинъ, или порождается вслѣдствіе лѣни, обращаясь иногда въ прибыльное ремесло, которому многіе предпочитаютъ трудную постоянную работу. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи, нищенство, т. е. хожденіе по міру для сбора подаяній, рѣшительно безъ всякихъ занятій, обратилось въ обыкновенный наслѣдственный промыселъ, хотя эти мѣстности, по условіямъ своего экономическаго быта, бываютъ ни сколько не хуже тѣхъ, въ которыхъ жители снискиваютъ себѣ пропитаніе тяжелымъ трудомъ, предпочитая его нищенству.

До сихъ поръ, не только у насъ, но и въ западной Европѣ, не отыскано еще способовъ къ искорененію нищенства; и въ послѣднее время тѣ учрежденія, на которыя была возложена такая обязанность, пришли къ убѣжденію, что достигнуть этого нельзя никакими мѣрами, и что надобно удовлетвориться тѣмъ, если удастся хотя уменьшить число нищихъ и ослабить охоту къ прошенію милостыни, какъ къ занятію самому легкому, и, конечно, вовсе не производительному. Мы сказали, что въ настоящее время существуютъ узаконенія, направленныя противъ нищенства. У насъ они введены отчасти въ „Уставъ о пресѣченіи и предупрежденіи преступленій“, отчасти въ „Уставъ сельскаго благоустройства“, а отчасти и въ „Уложеніе о наказаніяхъ“. Прежде, чѣмъ мы разсмотримъ эти, нынѣ дѣйствующія узаконенія, прослѣдимъ въ общихъ чертахъ ходъ нашего законодательства по вопросу о нищенствѣ.

Въ первый разъ распоряженія, клонящіяся къ уничтоженію нищенства, встрѣчаются въ указѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, изданномъ 30 ноября 1691 года. Въ этомъ указѣ сказано: „извѣстно великимъ государямъ,

что по Москвѣ гулющіе люди, подвязавъ руки, тако же и ноги, а иные глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпы и хромы, притворнымъ лукавствомъ просятъ на имя Христово милостыню, а по осмотру они всѣ здоровы". Такихъ людей велѣно было возвратить въ волости и къ помѣщикамъ, съ тѣмъ, что если они окажутся снова въ Москвѣ, то бить ихъ кнутомъ и ссылать въ дальные сибирскіе города. Этимъ указомъ началось преслѣдованіе собственно не нищенства вообще, но только того притворства, къ которому обращалась часть нищенствующей братіи, такъ что безобманное прошеніе милостыни воспрещено не было, а кромѣ того, относительно людей, впадшихъ въ нищету, а также настоящихъ калѣкъ и немощныхъ не было сдѣлано ни какихъ распоряженій. Спустя три года, указъ этотъ былъ подтвержденъ съ прибавленіемъ о „безмѣстныхъ чернецахъ и дьяконахъ", просившихъ милостыню въ Кремлѣ, въ Китаѣ и Земляномъ-городѣ. Нищихъ этого разряда велѣно было передавать въ распоряженіе духовныхъ властей. Въ 1708 г. была принята болѣе рѣшительная мѣра противъ нищихъ вообще, которыхъ приказано было приписывать къ селамъ и деревнямъ, гдѣ они окажутся, наблюдая, чтобы между ними не укрывалось преступниковъ. Въ 1712 г. послѣдовало распоряженіе объ отдачѣ московскихъ нищихъ въ вѣдѣніе монастырскаго приказа по богадѣльнямъ, „учинивъ предварительно забраннымъ нищимъ жестокое наказаніе". Въ слѣдующемъ году былъ изданъ указъ, запрещавшій подавать нищимъ милостыню, а нищихъ, попадавшихся въ Петербургѣ, было приказано употреблять въ мѣстныя работы. Правило это, сенатскимъ указомъ 1722 года, распространено на всѣхъ бродящихъ нищихъ, съ отдачею молодыхъ на урочные годы въ работу, а старыхъ въ госпитали и со взысканіемъ штрафа съ ихъ пристанодержателей. Въ особенности, какъ видно, преслѣдовались московскіе нищіе. Такъ, въ данной въ 1722 году инструкціи

московскому полицеймейстеру предписывалось въ первый разъ бить ихъ батожьемъ нещадно и отдавать ихъ хозяевамъ, во второй разъ бить кнутомъ и ссылать въ каторжную работу, а бабъ отсылать въ „шпингаусъ“ (прядильню), а ребятъ бивъ батожьемъ, отсылать на суконный дворъ и къ другимъ мануфактурамъ, съ прикащиковъ же и помѣщиковъ брать по 5 рублей штрафа за каждаго нищаго, „ибо—какъ сказано въ указѣ—въ нищихъ много воровъ, если суть не всѣ“. Въ 1728 году приказано было малолѣтнихъ нищихъ препровождать въ коллегію экономіи для обученія и содержанія съ незаконными дѣтьми. Надобно думать, что тогдашняя полиція плохо исполняла всѣ эти предписанія, такъ какъ въ указѣ 1730 года было объявлено, что съ той полиціи „жестоко взыщется, гдѣ будутъ бродить нищіе“. Хотя, какъ видно изъ нѣкоторыхъ указовъ, для немощныхъ нищихъ были устроены богодѣльни, а въ томъ числѣ 20 въ Петербургѣ, но такая мѣра не предотвращала нищенства, такъ какъ содержавшіеся въ богодѣльняхъ были отпускаемы оттуда для сбора милостыни; съ этою же цѣлію водили по улицамъ и рынкамъ колодниковъ, находящихся въ тюрьмахъ и острогахъ. Въ 1730 году велѣно было „особливое о нищихъ, яко о благомъ и богоугодномъ дѣлѣ, немедленное усмотрѣніе учинить“, и усмотрѣно, что нищіе прямые, престарѣлые и дряхлые и весьма больные, безъ всякаго призрѣнія по улицамъ валяются, а иные бродятъ, и что, напротивъ того, въ богадѣльни записываютъ такихъ, которые работою питаться могутъ. Само собою разумѣется, что для устраненія этого были предписаны надлежащія мѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ недозволено было нищимъ просить милостыню при церквахъ, а съ деревень, кормившихъ здоровыхъ нищихъ, указано брать для бѣдныхъ на хлѣбъ и одежду. Малолѣтнихъ нищихъ предписано отдавать въ гарнизонныя школы, взрослыхъ отдавать въ рекруты, на-

казанныхъ публично ссылать въ каторжную работу, а женатыхъ на оренбургскіе заводы. Въ ряду различныхъ мѣръ, принимавшихся правительствомъ противъ нищенства, замѣчательно возвышеніе въ 1731 году въ Ревелѣ хлѣбной пошлины, предназначенной исключительно для содержанія тамошнихъ нищихъ.

При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ неоднократно подтверждались прежніе указы относительно искорененія нищенства, причемъ приказано было отдавать крестьянъ, занимающихся нищенствомъ, ихъ помѣщикамъ, и не пускать нищихъ на улицы. Синоду вмѣнялось въ обязанность пещись о надлежащемъ содержаніи „нищепитательныхъ домовъ", а собираемыя при церквахъ кошельковыя деньги, за покрытіемъ церковныхъ расходовъ, употреблять на содержаніе нищихъ. Кромѣ того, запрещено было выдавать слѣпымъ и увѣчнымъ крестьянамъ паспорты для прокормленія себя милостынею. Среди такихъ мѣръ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій фактъ: въ 1760 году кіевскому мѣщанину Зимовскому, лишившемуся зрѣнія и, вслѣдствіе неудачныхъ торговыхъ дѣлъ, имѣвшему долгу до 2,000 рублей, сенатъ разрѣшилъ дать открытый листъ на два или на три года „для испрошенія милостыни на оплату означеннаго долга". Весьма значительная для того времени сумма долга, которую считалось возможнымъ покрыть такимъ способомъ въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ, показываетъ, что сборъ подаяній приносилъ тогда весьма порядочные доходы. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нищенство у насъ, не смотря на всѣ предпринимаемыя противъ него мѣры, усиливалось все болѣе и болѣе, чему безъ всякаго сомнѣнія, содѣйствовало и положеніе народа въ экономическомъ отношеніи.

Екатерина II, до изданія „Учрежденія о губерніяхъ", то есть до 1775 года, подтверждала нѣсколько разъ состоявшіяся прежде нея распоряженія противъ нищенства.

Независимо отъ этого, она приказала принять мѣры противъ хожденія по міру отставныхъ воинскихъ чиновъ, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ, а также приписывать нищихъ къ зажиточнымъ семействамъ, на которыхъ они должны были работать. Съ 1775 года непосредственныя заботы объ уничтоженіи нищенства были возложены на мѣстныя губернскія общества, на помѣщиковъ, на духовенство и на сельскія начальства. Особыхъ же законодательныхъ мѣръ, относящихся къ этому предмету, не встрѣчается, и онѣ предпринимались только въ административномъ порядкѣ, какъ полицейскія мѣры въ развитіе существовавшихъ уже общихъ узаконеній. Обращаясь къ этимъ узаконеніямъ, должно сказать, что они, какъ видно изъ приведенныхъ выше указовъ, отличались большою строгостію, такъ какъ за нищенство, если оно происходило отъ лѣни, назначались даже и кнутъ, и каторжныя работы. Тѣмъ не менѣе, подобныя мѣры не искореняли зла и это было не только у насъ, но и во всей Европѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1767 году французскій министръ, герцогъ де-Шуазель, захотѣлъ разомъ истребить нищенство во Франціи; вслѣдствіе этого было захвачено болѣе 50,000 нищихъ; здоровые изъ нихъ были заклеймены и сосланы на галеры, а для остальныхъ было открыто до 40 богадѣленъ и пріютовъ; но это, въ сущности, осталось безполезно, такъ какъ нищенство продолжало существовать во Франціи. У насъ сто-восьми-десятилѣтняя борьба правительственныхъ мѣръ съ нищенствомъ не привела также къ тѣмъ результатамъ, какихъ бы можно было ожидать въ виду предпринимавшихся крутыхъ мѣръ.

Въ дѣйствующихъ нынѣ у насъ законахъ нищенство отнесено къ подсуднымъ мировымъ судьямъ нарушеніямъ порядка и спокойствія. По „Уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“, за прошеніе милостыни по лѣни и привычкѣ, виновные подвергаются заключенію въ

тюрьмѣ на время отъ двухъ недѣль до одного мѣсяца; за прошеніе милостыни съ дерзостью и грубостью, или употребленіемъ обмановъ — заключенію въ тюрьмѣ на время отъ одного до трехъ мѣсяцевъ, и за допущеніе къ прошенію милостыни дѣтей, виновные въ томъ родители или другія лица, обязанныя имѣть о нихъ попеченіе, подвергаются аресту не свыше пятнадцати дней, или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей; въ случаѣ же обращенія этого поступка въ ремесло, виновные подвергаются заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ.

Переходя къ вопросу о значеніи этихъ взысканій за нищенство, нельзя не сказать, что заключеніе въ тюрьму просящихъ милостыни по лѣни и привычкѣ не будетъ представлять надежнаго средства къ отученію отъ этого порока до тѣхъ поръ, пока въ нашихъ тюрьмахъ не установятся правильныя занятія работами. Теперь же, для большей части праздныхъ нищихъ, тюрьма не представляетъ никакого наказанія и они отправляются туда какъ на отдыхъ, тѣмъ болѣе, что въ нашихъ тюрьмахъ, за исключеніемъ лишь весьма немногихъ, полученіе подаяній поддерживаетъ прежнюю привычку нищихъ жить на чужой счетъ и, кромѣ того, имъ не можетъ не представляться страннымъ, что они и въ тюрьмѣ пользуются тѣмъ же видомъ общественной благотворительности, которою они пользовались на свободѣ, за что, однако, они подверглись наказанію. Въ „Уложеніи о наказаніяхъ“ находятся особыя статьи (984—985), предусматривающія нарушеніе правилъ о прошеніи подаянія. По этимъ статьямъ, виновные въ прошеніи милостыни, если у нихъ найдены будутъ оружіе или поддѣльные ключи, отмычки и другія т. п. орудія, подвергаются потерѣ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ си-

бирскихъ, или отдачѣ въ рабочій домъ на срокъ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. Общества же, отпустившія по паспортамъ, свидѣтельствамъ или какимъ-либо другимъ актамъ, для прокормленія себя работою такихъ людей, которые по старости, дряхлости, очевидному изнуренію отъ болѣзни или по калѣчеству, не въ силахъ исправлять работъ и снискивать себѣ пропитаніе трудами,—если они, по возвращеніи имъ такихъ людей, отпустятъ ихъ вторично съ такими же паспортами или свидѣтельствами, и эти люди будутъ опять пойманы въ испрашиваніи милостыни,—подвергаются за это денежному взысканію не свыше 5 рублей за каждаго человѣка.

Такимъ образомъ, современное наше законодательство преслѣдуетъ самихъ нищихъ уголовнымъ порядкомъ собственно въ извѣстныхъ только случаяхъ, а именно: когда они промышляютъ сборомъ милостыни по лѣни или по привычкѣ, когда прошеніе милостыни сопровождается дерзостью, грубостью или обманомъ, или же такими обстоятельствами, которыя указываютъ, что подъ видомъ нищаго скрывается воръ. Кромѣ того, оно привлекаетъ къ отвѣтственности лица и общества, допускающія нищенство.

Изъ этого видно, что нищенство безусловно не воспрещается; да говоря по правдѣ — едва ли и возможно запретить его окончательно. Когда наступаетъ въ какой-либо мѣстности голодъ или выгораетъ какой-нибудь городъ или деревня, то едва ли голодающіе и погорѣльцы найдутъ какія-нибудь средства для пропитанія, если они не пойдутъ по міру. Кромѣ того, ни общественная, ни частная благотворительность не достигли, да наврядъ-ли и достигнутъ когда-нибудь, такихъ размѣровъ, чтобы предлагаемыми ими средствами могли пользоваться всѣ калѣки и такіе слабые люди, которые не въ состояніи доставать себѣ насущный хлѣбъ своими трудами.

Въ этомъ отношеніи у насъ, сравнительно съ преж-

нимъ временемъ, оказываются даже скорѣе неутѣшительные, нежели отрадные факты. Такъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, гдѣ, повидимому, находится всего болѣе средствъ для оказанія помощи людямъ, дѣйствительно ее заслуживающимъ, было въ 1869 году сдѣлано распоряженіе, въ силу котораго, за неимѣніемъ мѣстъ въ городскихъ богадѣльняхъ, отложено не только помѣщеніе въ эти заведенія, но и зачисленіе въ кандидаты на открывающіяся въ нихъ вакансіи. Что же касается городскихъ общественныхъ управленій и земскихъ учрежденій, обязанныхъ заботиться объ искорененіи нищенства, то при постоянно возрастающихъ для нихъ расходахъ, наличныя ихъ средства не позволяютъ имъ увеличивать ни числа богадѣленъ, ни числа пріютовъ, гдѣ могли бы находить для себя убѣжище такія личности, которымъ не остается ничего болѣе, какъ только протянуть руку для сбора подаянія. Для общественной благотворительности, правильно организующейся, остается помимо нищенства много такихъ предметовъ, которые вызываютъ гораздо болѣе общественнаго сочувствія, нежели уличные попрошайки. Общественное призрѣніе нищихъ, въ тѣсномъ значеніи этого слова, можетъ сдѣлать замѣтный шагъ впередъ только тогда, когда наши милостынераздаватели, вмѣсто надѣленія нищихъ копѣйками, станутъ сосредоточивать эти средства для достиженіи благотворительныхъ цѣлей болѣе разумными способами. Но такая пора по тѣмъ обстоятельствамъ, о которыхъ мы говорили выше, по всей вѣроятности, не очень еще близка.

Слѣдовательно, вообще, какъ ни прискорбно, но необходимо оказывать нищенству извѣстную долю терпимости, и думать не о томъ, чтобы искоренить его окончательно, но о томъ, чтобы хотя удержать его распространеніе въ сколь возможно болѣе тѣсныхъ предѣлахъ. Этому должны, главнымъ образомъ, содѣйствовать не столько

прямыя мѣры, направленныя противъ нищенства, сколько различныя косвенныя мѣры, способствующія поднятію умственнаго и нравственнаго уровня въ народѣ, а также предоставленіе работы людямъ въ ней нуждающимся. Само собою разумѣется, что замѣчаніе это есть не что болѣе. какъ только повтореніе давно извѣстныхъ, и можно даже сказать избитыхъ, истинъ; но дѣло въ томъ, что до сихъ еще поръ у насъ полагаютъ возможнымъ непосредственно противодѣйствовать нищенству, или не обращая никакого вниманія на указанныя нами обстоятельства, или считая ихъ предметами только второстепенной важности. Справедливость нашего замѣчанія подтверждается тѣмъ, что большая часть комитетовъ, учрежденныхъ для призрѣнія нищихъ, имѣетъ въ виду только людей пустившихся уже ходить по міру и не усиливается устранять заблаговременно тѣ причины, которыя вызываютъ ихъ на подобный промыселъ.

Независимо отъ узаконеній, опредѣляющихъ наказаніе за нищенство, въ „Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“ строго запрещается нищенствовать или бродить въ городахъ, посадахъ, селеніяхъ, на ярмаркахъ, большихъ и торговыхъ дорогахъ для испрашиванія подаянія и дозволять неимущимъ калѣкамъ, а тѣмъ болѣе, подъ видомъ ихъ, здоровымъ, отлучаться самовольно изъ своихъ мѣстъ жительства и бродить по дорогамъ и другимъ мѣстамъ для испрашиванія милостыни. Наблюденіе за этимъ возлагается на полицію, которая должна забирать уличенныхъ въ бродяжничествѣ для прошенія милостыни „безъ всякаго притѣсненія и страха, но съ осторожностію и человѣколюбіемъ“, и препровождать ихъ въ селенія и города къ ихъ обществамъ для надлежащаго призрѣнія. Но изъ нихъ подвергаются наказанію по приговорамъ мировыхъ судей только тѣ, которые просятъ милостыню, „не по особенному, въ совершенную бѣдность повергнувшему

*

несчастію, а по лѣни, привычкѣ къ праздности, или даже въ видѣ ремесла". Далѣе говорится, что полиція „строго" отвѣтствуетъ, если хотя одинъ солдатъ встрѣтится просящимъ милостыню, а между прочимъ, какъ это видно изъ отчетовъ учрежденнаго въ С.-Петербургѣ комитета для разбора и призрѣнія нищихъ, въ числѣ нищихъ бываетъ обыкновенно болѣе всего нижнихъ воинскихъ чиновъ. Вообще же полиціи относительно нищихъ внушаются правила, которыя она, при всемъ ея желаніи не въ силахъ исполнить. Такъ, полиція должна стараться доставлять работу, или иное занятіе, а чрезъ то и средства отправиться къ мѣсту своего назначенія или обратно въ свои домы такимъ нищимъ, которые въ отдаленности отъ домовъ и хозяйствъ, лишась внезапно, по какому-либо случаю, „всѣхъ денегъ", взятыхъ ими для пути, не могутъ ни продолжать его, ни возвратиться на родину безъ пособія благотворительности. Становые пристава должны стараться, чтобы призрѣнные обществами нищіе, а также при переходѣ ихъ изъ мѣста въ мѣсто, не допускались терпѣть голодъ и стужу. Понятно, что такія правила должны оставаться на практикѣ мертвою буквою и что ими не предотвращается нищенство, а выраженіе о переходящихъ нищихъ намекаетъ даже какъ бы на обязанность полиціи оказывать имъ свое покровительство.

Гораздо важнѣе всѣхъ упомянутыхъ полицейскихъ мѣръ должно было быть попеченіе о нищихъ со стороны губернскихъ попечительныхъ о тюрьмахъ комитетовъ, а также уѣздныхъ отдѣленій этихъ комитетовъ и въ особенности, учрежденнаго въ 1837 году въ Петербургѣ отдѣльнаго комитета для разбора и призрѣнія нищихъ, забираемыхъ столичною полиціею, такъ какъ съ правилами, данными въ руководство этому комитету, должны сообразоваться, по возможности, всѣ губернскіе попечительные комитеты, а также и уѣздныя отдѣленія этихъ послѣд-

нихъ. Такимъ образомъ, с.-петербургскій комитетъ долженъ служить какъ бы примѣромъ подражанія для прочихъ комитетовъ, обязанныхъ заботиться объ уничтоженіи нищенства. Посмотримъ, въ чемъ же должна состоять дѣятельность этого комитета?

С.-петербургскій комитетъ производитъ препровожденнымъ къ нему нищимъ разспросы: объ ихъ званіи, цѣли пребыванія въ городѣ, ремеслѣ, способахъ къ пропитанію и о причинахъ, побудившихъ ихъ къ прошенію милостыни; разсматриваетъ паспорты и другіе отобранные отъ нихъ виды и документы; старается развѣдать объ ихъ образѣ жизни, поведеніи и семействѣ; узнаетъ съ точностію о причинахъ постигшей ихъ крайней бѣдности, въ которой испрашиваніе подаянія сдѣлалось послѣднимъ средствомъ ихъ существованія. На основаніи этихъ свѣдѣній, нищіе раздѣляются: 1) на имѣющихъ паспорты, 2) на просрочившихъ ихъ, и 3) на такихъ, которые вовсе не имѣютъ ихъ. Нищіе, относящіеся къ послѣднему разряду, не поступаютъ въ завѣдываніе комитета, но представляются губернскому правленію для поступленія съ ними, какъ съ бродягами и безпаспортными. Всѣ эти правила, конечно, не трудно примѣнять повсемѣстно при предварительномъ разборѣ нищихъ, на увеличеніе числа которыхъ наша паспортная система имѣетъ огромное вліяніе. Благодаря ей, очень часто трудолюбивый работникъ и исправный слуга лишаются своихъ мѣстъ, и, не имѣя возможности пріискать для себя безъ паспорта занятій, по неволѣ доходятъ до нищенства. Положительно можно сказать, что для ослабленія нищенства, необходимо, прежде всего, измѣнить существующіе у насъ паспортные порядки, при которыхъ лица, обязанныя имѣть срочные виды, никакъ не могутъ быть увѣрены въ прочности своихъ занятій, а между тѣмъ потеря ихъ и бываетъ первымъ шагомъ къ нищенству.

Опредѣливъ разряды нищихъ на основаніи ихъ паспортовъ, комитетъ обязанъ подраздѣлить ихъ на четыре разряда, сообразно съ тѣми причинами, которыя принудили ихъ просить милостыню. Въ этомъ случаѣ къ первому разряду причисляются тѣ изъ нихъ, которые впали въ убожество отъ стеченія какихъ-либо несчастныхъ обстоятельствъ, сиротства, дряхлости и болѣзней, и которые, по состоянію своего здоровья и физическихъ силъ, не могутъ уже собственными трудами снискивать себѣ пропитаніе. Ко второму разряду относятся тѣ нищіе, которые, по сиротству, временной болѣзни и по другимъ несчастьямъ, пришли въ нищету, по лѣтамъ же и крѣпости силъ могли бы еще собственными трудами пріобрѣтать себѣ пропитаніе, но не имѣютъ, ни случаевъ, ни способовъ къ работѣ и занятіямъ. Въ третій разрядъ поступаютъ тѣ изъ нищихъ, которые, по лѣтамъ, состоянію здоровья и крѣпости силъ могутъ трудиться, но, по лѣности, привычкѣ къ праздности и дурному своему поведенію, бродяжничаютъ, составивъ для себя изъ прошенія милостыни родъ ремесла и, наконецъ, къ четвертому разряду относятся такіе нищіе, которыхъ можно назвать временными или случайными нищими, вслѣдствіе непредвидимыхъ несчастныхъ обстоятельствъ. Если, однако, обратиться къ жизни русскаго рабочаго человѣка, то такихъ несчастныхъ обстоятельствъ найдется весьма не мало. Мы уже говорили о невыгодномъ вліяніи нашей паспортной системы. Къ этому надобно прибавить вообще болѣзнь и безпомощность при выходѣ изъ больницы или изъ мѣста заключенія, а также столь часто повторяющіеся случаи неисправныхъ разсчетовъ хозяина съ своими рабочими и т. п. Какъ бы, впрочемъ, то ни было, но упомянутое распредѣленіе нищихъ на разряды можетъ быть производимо безпрепятственно не только въ Петербургѣ, но и во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи. Затѣмъ возникаетъ самый существен-

ный вопросъ о распоряженіи участью нищихъ, сообразно съ тѣми разрядами, на которые они будутъ распредѣлены.

Само собою разумѣется, что комитетамъ, въ предѣлахъ ихъ обязанностей, легко бываетъ распорядиться тѣми нищими, которые окажутся развратнаго поведенія, и которые изъ прошенія милостыни сдѣлали для себя постыдное ремесло, такъ какъ попеченіе комитетовъ о такихъ нищихъ состоитъ только въ томъ, чтобъ отправлять ихъ въ губернское правленіе, для поступленія съ ними на основаніи постановленій о бродягахъ и праздношатающихся. Но затрудненія представляются для комитетовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они обязаны дѣйствовать какъ благотворительныя учрежденія. Въ этомъ случаѣ они должны: престарѣлыхъ, слабыхъ и больныхъ нищихъ помѣщать въ больницы, богадѣльни и другія человѣколюбивыя заведенія съ платежемъ даже за содержаніе ихъ изъ своихъ суммъ, если бы иначе помѣстить ихъ было невозможно. Если осуществленіе этого правила представляетъ затрудненія даже въ Петербургѣ, то оно еще менѣе удобоисполнимо для губернскихъ и уѣздныхъ попечительныхъ комитетовъ. Точно также имъ не легко здоровыхъ и способныхъ къ трудамъ нищихъ помѣщать въ дома трудолюбія и другія подобныя заведенія, такъ какъ тѣ и другія существуютъ весьма рѣдко гдѣ-либо, кромѣ столицъ. Тоже самое должно сказать и о размѣщеніи комитетами нищихъ по фабрикамъ и заводамъ и о выдачѣ имъ денежныхъ пособій при чрезвычайно недостаточныхъ средствахъ губернскихъ комитетовъ и уѣздныхъ ихъ отдѣленій, имѣющихъ притомъ въ виду главную заботу о тюрьмахъ.

Изъ всего, что мы сказали, видно, что если съ теоретической точки зрѣнія мѣры для прекращенія нищенства, принимаемыя у насъ въ настоящее время, не могутъ казаться удовлетворительными, то онѣ на практикѣ, въ особенности внѣ Петербурга, далеко не имѣютъ того по-

лезнаго вліянія, какого, повидимому, слѣдовало бы ожидать отъ нихъ. Нищенство до сихъ поръ составляетъ у насъ повсемѣстно самое обыкновенное явленіе не только въ деревняхъ, а также въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, но даже и въ столицахъ. Это происходитъ отъ того, что развитіе нищенства поставлено въ зависимость отъ условій экономическаго быта и отъ нравственныхъ понятій, господствующихъ въ массѣ народа, а также отъ нѣкоторыхъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, отчасти стѣсняющихъ свободу мѣстопребыванія рабочихъ классовъ, а отчасти недостаточно обезпечивающихъ исправное полученіе платы людьми, нанимающимися въ работу и услуженіе. Добавимъ къ этому, что самое дѣятельное участіе въ ослабленіи нищенства должна принимать косвенными мѣрами общественная благотворительность. Но и ей пока, не смотря на тѣ, какъ кажется, весьма обширныя средства, какими она можетъ располагать, не достаетъ еще многаго, для того, чтобы достигать успѣшно своихъ главныхъ, существенныхъ цѣлей.

VIII.

По поводу проекта „Устава о личномъ наймѣ“.

Въ гражданскомъ судопроизводствѣ значительную часть всѣхъ спорныхъ дѣлъ составляютъ дѣла по нарушенію договоровъ разнаго рода, хотя договоры эти и бываютъ письменные и, притомъ, даже заключенные съ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ формальностей. Если, такимъ образомъ, нарушеніе болѣе прочныхъ и болѣе опредѣленныхъ договоровъ безпрестанно дѣлается предметомъ судебнаго разбирательства, то нетрудно представить себѣ, до какой степени бываютъ слабо обезпечены обѣ стороны при договорѣ о личномъ наймѣ, такъ какъ при заключеніи подобныхъ договоровъ не составляется обыкновенно никакихъ письменныхъ условій и все дѣло оканчивается на словахъ. Между тѣмъ, какъ извѣстно, личный наемъ имѣетъ огромное значеніе для земледѣльческой, заводской и фабричной производительности, для торговой дѣятельности и, наконецъ, вообще для обиходной жизни, потому что во всѣхъ этихъ случаяхъ является потребность въ рабочихъ силахъ человѣка. Какъ бы хорошо съ юридической и практической точки зрѣнія ни были предусмотрѣны взаимныя отношенія между нанимателями и нанимающимися, равно какъ права и обязанности тѣхъ и другихъ, но все же между ними неизбѣжно должны происходить весьма частыя пререканія и столкновенія. Поэтому, недостаточно было бы

издать правила для установленія отношеній между обѣими упомянутыми сторонами, но, на случай нарушенія этихъ правилъ, необходимо опредѣлить и особый порядокъ суда, такъ какъ во многихъ случаяхъ обоюдныя условія между нанимающими и нанимаемыми не подходятъ подъ тѣ юридическія условія, при которыхъ могутъ быть разсматриваемы судомъ взаимныя сдѣлки другихъ родовъ.

Помимо даже вопроса о томъ, до какой степени нынѣ дѣйствующія у насъ узаконенія о личномъ наймѣ удовлетворяютъ практическимъ потрѣбностямъ, должно обратить вниманіе на то, что узаконенія этого рода представляютъ чрезвычайную разрозненность. Они разсѣяны во всѣхъ частяхъ „Свода Законовъ“; именно они встрѣчаются и въ „Законахъ гражданскихъ“ (томъ X. ч. I), и въ „Уставахъ торговомъ и промышленномъ“ (т. XI), и въ „Уставѣ врачебномъ“ (т. XIII), и въ „Уставѣ путей сообщенія“ (т. XI), и въ „Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“, (т. XIV) и въ „Уложеніи о наказаніяхъ“, и въ „Уставѣ гражданскаго судопроизводства“, и въ „Уставѣ о наказаніяхъ. налагаемыхъ мировыми судьями“, и въ „Положеніи 19-го февраля 1861 года“. Уже изъ этого видно, какое разнообразіе должно существовать въ нашихъ законахъ по вопросу о личномъ наймѣ и какъ трудно при судебномъ разбирательствѣ дѣлъ этого рода пріискать какія-нибудь твердыя общія правила, которыя не сопровождались бы какими-нибудь особыми исключеніями. Неудовлетворительность такого порядка чувствовалась уже давно: взаимные споры фабрикантовъ съ рабочими, землевладѣльцевъ съ сельскими работниками, хозяевъ съ прислугой, подрядчиковъ съ поденьщиками постоянно представляютъ такіе случаи, при которыхъ трудно рѣшить, на чьей сторонѣ справедливость по предъявляемымъ суду претензіямъ и жалобамъ.

Въ виду всего этого, еще 23-го октября 1870 была

высочайше утверждена комисія, подъ предсѣдательствомъ г. генералъ-адъютанта Игнатьева I, для составленія проекта „Устава о личномъ наймѣ рабочихъ и прислуги“. Въ составъ этой комисіи вошли представители различныхъ вѣдомствъ, а въ числѣ совѣщательныхъ членовъ былъ, между прочимъ, предсѣдатель санктпетербургскаго биржевого комитета. Затѣмъ, намъ неизвѣстно, принимали ли какое-нибудь участіе, хотя бы въ качествѣ экспертовъ, представители нашихъ городовъ и земства, хотя, по самому существу дѣла, мнѣнія этихъ лицъ могли бы принести несомнѣнную практическую пользу. Впрочемъ, легко можетъ быть, что комисія, составивъ сама проектъ „Устава“, разошлетъ его по городскимъ общественнымъ управленіямъ и по земскимъ управамъ. Это можно заключать изъ того, что упомянутая комисія не дѣлаетъ, какъ дѣлаютъ другія, канцелярской тайны изъ составленнаго ею проекта. Примѣры другихъ правительственныхъ учрежденій, какъ-то министерства финансовъ, передавшаго на предварительное обсужденіе земства проектъ податной реформы, или министерства государственныхъ имуществъ, поступившаго точно также по вопросу объ орошеніи и осушеніи земель, показываютъ, что въ дѣлахъ касающихся интересовъ цѣлаго общества, нельзя довольствоваться одними только офиціальными мнѣніями. Если предположенія наши сбудутся, то труды комисіи представятъ отличную подготовку для разсмотрѣнія въ городскихъ думахъ и въ земскихъ собраніяхъ вопроса о личномъ наймѣ, такъ какъ, съ своей стороны, комисія разработала его съ юридической стороны весьма старательно, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, по поводу ея труда и могутъ быть высказаны нѣкоторыя замѣчанія, основанныя на практическихъ соображеніяхъ.

Въ проектѣ „Устава о личномъ наймѣ прислуги и рабочихъ“ должны быть сосредоточены всѣ случаи сдѣлокъ подобнаго рода и потому, по утвержденіи означеннаго

„Устава“, всѣ прежнія отдѣльныя узаконенія, разсѣянныя теперь въ разныхъ томахъ „Свода Законовъ“, должны будутъ утратить свою силу. Уже одно это обстоятельство говоритъ о той пользѣ, какую принесетъ изданіе подобнаго „Устава“. Проектъ „Устава“ заключаетъ въ себѣ общія правила о наймѣ одиночномъ и о наймѣ артелей, и особыя правила для различныхъ видовъ найма, какъ-то: о наймѣ на сельскія работы, на устройство общественныхъ сооруженій и для исполненія частныхъ строительныхъ работъ; о наймѣ для работъ на фабрикахъ, заводахъ, въ ремесленныхъ и вообще мануфактурныхъ заведеніяхъ, и о пріемѣ въ обученіе. Правила эти сопровождаются, вопервыхъ, опредѣленіемъ взаимныхъ отношеній хозяевъ, мастеровыхъ и рабочихъ, а также правилами: о пріемѣ въ обученіе, о договорахъ обученія, о взаимныхъ правахъ о обязанностяхъ хозяевъ и учениковъ; о наймѣ рабочихъ для судоходства по внутреннимъ воднымъ путямъ сообщенія; о наймѣ на рыбные промыслы астраханскіе и на Мурманскомъ Берегу, и о наймѣ прислуги. Такимъ образомъ, проектъ „Устава“ находитъ нужнымъ, отнестись въ отдѣльности ко многимъ видамъ личнаго найма.

Коммиссія приступивъ къ своимъ занятіямъ, нашла, что, по точному смыслу высочайшаго повелѣнія, отношенія въ личномъ наймѣ, подлежащія обсужденію коммиссіи, должны ограничиваться исключительно наймомъ прислуги и рабочихъ въ общепринятомъ значеніи этихъ словъ. Поэтому, коммиссія нетолько не признавала возможнымъ разсматривать безусловно всѣ роды личнаго найма, напримѣръ, наемъ адвокатовъ, повѣренныхъ, коммиссіонеровъ, воспитателей, врачей и т. д., но и нашла, что даже въ тѣсномъ кругѣ отношеній по личному найму, который обнимаетъ собою собственно наемъ прислуги и рабочихъ, существуетъ чрезвычайное разнообразіе. Вслѣдствіе этого, она положила выяснить только наиболѣе крупныя подраздѣленія личнаго

найма. Сверхъ того, коммиссія не коснулась нѣкоторыхъ особыхъ видовъ личнаго найма, какъ, напримѣръ, найма рабочихъ казенными вѣдомствами, корабельныхъ служителей, лоцмановъ, купеческихъ приказчиковъ, а также рабочихъ на горныхъ и золотыхъ промыслахъ, преимущественно потому, что вопросы объ этихъ видахъ найма связаны, главнымъ образомъ, съ пересмотромъ нѣкоторыхъ особыхъ уставовъ, на что коммиссія не имѣла ни права, ни времени. Коммиссія не остановилась на вопросѣ о наймѣ рабочихъ и прислуги собственно по эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Мы полагаемъ однако, что если разные начальники станцій и дистанцій, кондукторы и обер-кондукторы, смотрители багажа и т. д., отличенные кантиками, петличками, нашивками и т. п., не могутъ считаться со стороны желѣзнодорожныхъ управленій представителями личнаго найма, то тѣмъ менѣе при эксплуатаціи каждой желѣзной дороги состоятъ еще и такія рабочія силы, которыя немогутъ быть отнесены ни къ одной изъ категорій, перечисленныхъ въ проектѣ „Устава". Такъ, машинисты, помощники, стрѣлочники, сигналисты, сторожа на самой линіи пути, по спеціальносси своихъ занятій, совершенно выходятъ изъ разряда фабричныхъ, ремесленныхъ и сельскихъ рабочихъ, а также лицъ, нанимаемыхъ для работы на судахъ и при нѣкоторыхъ промыслахъ, поденьщиковъ и разнаго рода домашней прислуги. Поэтому, намъ кажется, въ „Уставѣ о личномъ наймѣ" необходимо было бы ввести особыя правила и по найму желѣзнодорожной прислуги. Пробѣлъ этотъ нельзя будетъ ничѣмъ пополнить, такъ какъ ни въ дѣйствующихъ нашихъ законахъ, ни въ уставахъ обществъ желѣзныхъ дорогъ не встрѣчается никакихъ правилъ для упомянутой прислуги. Вслѣдствіе этого, при разборѣ споровъ, возникающихъ между нею и желѣзнодорожнымъ управленіемъ, придется, по прежнему, руководствоваться правилами, относящимися къ дру-

гимъ видамъ личнаго найма, а потому неудобо-приложимымъ въ данномъ случаѣ. Добавимъ къ этому, что, примѣнительно къ общей мысли, высказанной въ проектѣ „Устава", даже и на нѣкоторыя административныя должности по желѣзнодорожному вѣдомству должны были бы распространяться правила личнаго найма. Мы выводимъ это изъ того, что въ „Уставѣ" правила о наймѣ рабочихъ и мастеровыхъ на фабрики, заводы и т. д. распространяются и на наемъ мастеровъ, и правила о наймѣ сельскихъ рабочихъ—на наемъ въ сельско-хозяйственныя должности. По всему этому едва ли есть какое-нибудь основаніе, чтобъ, при изданіи „Устава о личномъ наймѣ", обойти въ немъ молчаніемъ такихъ лицъ, которыя состоятъ для надзора и для работъ по эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, не по опредѣленію отъ правительства, не по выбору акціонерныхъ компаній и обществъ, а только по условіямъ личнаго найма. Съ своей стороны коммиссія, какъ это видно изъ объяснительной ея записки, не нашела нужнымъ постановить особыя правила насчетъ найма упомянутыхъ лицъ, какъ потому, что по мнѣнію ея, отличіе желѣзнодорожныхъ рабочихъ и прислуги отъ другихъ нанимающихся состоитъ лишь въ отвѣтственности, которую они несутъ по исполненію лежащихъ на нихъ обязанностей такъ и потому, что по словамъ объяснительной записки, отъ ежегодныхъ желѣзнодорожныхъ съѣздовъ зависитъ установить тѣ условія, которыя, по свойству желѣзнодорожнаго дѣла, слѣдуетъ поставить въ договорахъ о личномъ наймѣ этого рода. Съ своей стороны, мы и въ виду этихъ объясненій позволяемъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ коммиссіи, такъ какъ едва ли справедливо будетъ предоставить желѣзнодорожнымъ съѣздамъ право устанавлять упомянутыя выше особыя условія. Надобно принять въ соображеніе, что съѣзды эти состоятъ изъ акціонеровъ, эксплуататоровъ и начальниковъ желѣзныхъ дорогъ, а для

этихъ лицъ, по всей вѣроятности, гораздо ближе интересы самого предпріятія, нежели частные интересы прислуги и рабочихъ. Слѣдовательно, при такихъ условіяхъ, обсужденіе на желѣзнодорожныхъ съѣздахъ вопроса о наймѣ рабочихъ и прислуги будетъ всегда отличаться нѣкоторою односторонностью.

Кто хоть нѣсколько знакомъ съ бытомъ нашихъ рабочихъ классовъ, тотъ знаетъ, что правильному найму, при всемъ добромъ согласіи между нанимающимъ и нанимающимся, препятствуетъ, главнымъ образомъ нынѣшняя наша паспортная система, и до тѣхъ поръ, пока въ ней не произойдетъ кореннаго преобразованія, едва ли „Уставъ о личномъ наймѣ", какъ бы хорошо онъ ни былъ составленъ, въ состояніи будетъ принести ожидаемую отъ него пользу. По нашему мнѣнію, одновременно съ такимъ „Уставомъ" необходимо отказаться и отъ того порядка, какой существуетъ у насъ относительно паспортовъ. Комисія, составлявшая проектъ „Устава о личномъ наймѣ" и необлеченная правомъ коснуться вопроса о паспортахъ въ самомъ его основаніи, поневолѣ должна была—если можно такъ выразиться—предоставить этотъ важный вопросъ во многихъ случаяхъ на произволъ судьбы. Въ статьѣ 14-й проекта сказано: „наемъ безъ видовъ или съ видами просроченными и ненадлежащими, *ни въ какомъ случаѣ*, не допускается". Комисія при этомъ приняла въ соображеніе 2,204-ю статью т. X, по которой запрещается держать въ услуженіи и работѣ людей, неимѣющихъ узаконенныхъ видовъ. Если вообще имѣніе вида признается необходимымъ, какъ предупредительная полицейская мѣра, то все же слѣдуетъ отнестись нѣсколько иначе къ просроченнымъ видамъ, такъ какъ просрочка ихъ зависитъ большею частью отъ тѣхъ мѣстъ, которыя снабжаютъ ими. Иныя сословныя управленія не высылаютъ просителямъ паспортовъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, безъ всякихъ уважитель-

ныхъ причинъ. Поэтому, упомянутое правило слѣдовало бы измѣнить хоть въ томъ смыслѣ, что личный наемъ съ просроченными паспортами допускается въ томъ случаѣ, когда просрочившимъ паспортъ будетъ представлена почтовая квитанція или другое удостовѣреніе объ отсылкѣ стараго паспорта куда слѣдуетъ и когда на мѣстѣ прежней его прописки не имѣется въ виду полиціи требованія о высылкѣ куда-нибудь просрочившаго паспортъ. Въ настоящее время хлопоты съ срочными паспортами бываютъ камнемъ преткновенія для рабочаго люда, который нетолько тратитъ на нихъ относительно большую часть своихъ заработковъ, но и испытываетъ по поводу ихъ различныя притѣсненія.

Затѣмъ, примѣняясь къ 220-й ст. т. X, проектъ „Устава" говоритъ, что лица, достигшія 17-ти-лѣтняго возраста и имѣющія отдѣльные виды на жительство, могутъ вступать въ договоръ личнаго найма самостоятельно и подчиняются какъ въ отношеніи порядка вступленія въ обязательство личнаго найма, такъ и въ отношеніи возникающихъ изъ подобныхъ договоровъ правъ и обязанностей, правиламъ настоящаго „Устава". При этомъ, „Уставъ" вводитъ несуществовавшее до сихъ поръ правило, заключающееся въ запрещеніи нанимать въ работы и въ услуженіе дѣтей моложе 12-ти лѣтъ, присовокупляя, что договоры о наймѣ такихъ лицъ почитаются недѣйствительными. Намъ кажется, что введеніе въ „Уставъ" такого правила совершенно излишне, такъ какъ оно не предотвратитъ тѣхъ злоупотребленій, которыя, по всей вѣроятности, предвидѣли его составители. Ничто не помѣшаетъ родителямъ, опекунамъ и воспитателямъ отдать ребенка, недостигшаго 12-ти лѣтъ, подъ видомъ проживанія, но въ самомъ дѣлѣ для работы или услуженія, въ чужой домъ, и при этомъ ребенокъ можетъ быть обремененъ такимъ трудомъ, который ему вовсе не подъ силу. Поэтому,

представляется болѣе удобнымъ, если при отдачѣ дѣтей для комнатной услуги и для какой-нибудь работы, например, для дѣланія конвертовъ, складки листовъ въ типографіяхъ, клейки коробочекъ, укладки папиросъ и т. п. будетъ допущено заключеніе опредѣленныхъ условій. Тогда, по крайней мѣрѣ, можно будетъ судить, до какой степени лица, принявшія къ себѣ несовершеннолѣтняго, будутъ обязаны заботиться о его физическомъ, умственномъ и нравственномъ благосостояніи. Безъ этого же, онъ будетъ отдаваемъ на полный произволъ своихъ хозяевъ, такъ какъ законъ не можетъ запретить родителямъ и опекунамъ отдавать малолѣтныхъ для житья къ посторонпимъ лицамъ, которыя, не будучи стѣснены никакимъ договоромъ—такъ какъ, по закону, онъ вовсе не допускается — станутъ эксплуатировать дѣтскій трудъ гораздо произвольнѣе, нежели при существованіи опредѣленныхъ условій личнаго найма.

Далѣе въ проектѣ „Устава" сказано, что лица, неосвободившіяся еще отъ обязанностей по заключенному уже договору личнаго найма, не въ правѣ вступать въ новое обязательство по найму, пока прежній договоръ не прекращенъ на прежнемъ основаніи. Такого положительнаго правила не было до сихъ поръ выражено въ дѣйствующихъ у насъ узаконеніяхъ о личномъ наймѣ, хотя собственно оно проистекало само собою изъ основнаго понятія о каждомъ договорѣ. Введеніе же его въ „Уставъ" принесетъ несомнѣнную пользу, потому что у насъ рабочій человѣкъ или слуга не считаетъ себя связаннымъ принимаемыми имъ на себя условіями и думаетъ, что позволительно нарушать во всякое время договоръ личнаго найма, или потому только, что вообще не желательно оставаться на прежнемъ мѣстѣ, или потому, что открывается другое лучшее, хотя бы со стороны самого нанимателя и соблюдались въ точности всѣ выговоренныя условія. Впро-

чемъ, тѣ взаимныя отношенія, въ какія „Уставъ“ желаетъ поставить и нанимающихъ и нанимающихся, выяснятся при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи проекта и тогда окажется, до какого равновѣсія доведены въ проектѣ права обѣихъ сторонъ по прекращенію договоровъ личнаго найма.

На основаніи нынѣ дѣйствующихъ законовъ, проектъ „Устава“ говоритъ, что не могутъ поступать въ услуженіе и на работы: а) лица, недостигшія 17-ти-лѣтняго возраста—безъ согласія родителей, опекуновъ, или же лицъ, у которыхъ они находятся на воспитаніи и попеченіи; б) жены—безъ согласія ихъ мужей, и в) лица, состоящія, по особымъ обязанностямъ своего званія или по служебному положенію, въ зависимости отъ подлежащихъ начальствъ—безъ особаго отъ нихъ дозволенія. Позволяемъ себѣ сказать, что это правило непрактично—по слѣдующимъ соображеніямъ. Вопервыхъ, договоры личнаго найма касаются преимущественно лицъ низшихъ и притомъ бѣдныхъ классовъ, въ которыхъ, большею частью, не учреждается никакой опеки надъ малолѣтными. Между тѣмъ, для того только, чтобъ недостигшій 17-ти-лѣтняго возраста могъ поступить въ услуженіе или на работу, нужно будетъ, въ силу „Устава“, учреждать каждый разъ опеку, что, въ сущности, будетъ лишь пустою, ни къ чему неведущею формальностью. Вовторыхъ, выраженіе „находятся на воспитаніи и попеченіи“ не имѣетъ опредѣленнаго значенія, такъ что, вслѣдствіе этого, лицо, пріютившее у себя малолѣтнаго, хотя бы на самое короткое время, можетъ заявить, что онъ находится на его попеченіи, и потому вправѣ будетъ располагать имъ въ данномъ случаѣ по своему усмотрѣнію. Въ третьихъ, въ упомянутомъ правилѣ не предусматривается безвѣстное отсутствіе мужа, а также и временное отдаленное его пребываніе. Напримѣръ, мужъ, уѣзжая въ Камчатку или Туркестанскую Область, оставляетъ жену въ такомъ положе-

нія, что она въ первое время не имѣетъ надобности поступить въ услуженіе или на работу. Обстоятельства ея, однако, легко могутъ измѣниться, и тогда ей придется ожидать слишкомъ долго требуемаго по закону согласія со стороны мужа. Поэтому, кажется, вышеприведенное правило основательнѣе было бы измѣнить въ такомъ смыслѣ, что лица, недостигшія 17-ти-лѣтняго возраста, а также замужнія женщины могутъ поступать безпрепятственно въ услуженіе и на работы, если только въ отношеніи несовершеннолѣтнихъ со стороны ихъ родителей, опекуновъ, попечителей и воспитателей, а въ отношеніи замужнихъ женщинъ со стороны ихъ мужей не встрѣчается къ тому никакого препятствія, о чемъ, однако, предварительнаго удостовѣренія не требуется. Вообще, едва ли слѣдуетъ, при вопросѣ о правѣ человѣка, располагать его личнымъ трудомъ, создавать разнаго рода затрудненія и формальности; для поддержанія же родительской, супружеской и прочихъ властей достаточно предоставить этимъ властямъ право протеста и, притомъ, съ тѣмъ условіемъ, что если со стороны ихъ протестъ не былъ заявленъ впродолженіи извѣстнаго срока, то онъ впослѣдствіи не имѣетъ уже силы. Такое постановленіе было бы полезно, потому что теперь нерѣдко мужья бросаютъ своихъ женъ и не хотятъ ихъ знать, пока онѣ не устроятся своими средствами, а потомъ начинаютъ предъявлять требованія на получаемое ими жалованье или заработную плату.

Еще менѣе можно согласиться съ пригодностью того правила, помѣщеннаго въ проектѣ „Устава“, которое говоритъ, что если упомянутыя выше разрѣшенія даны лишь на извѣстный срокъ, или для поступленія на извѣстную только должность, къ извѣстному только лицу, или вообще въ извѣстной только мѣстности, или же вообще обусловлены какими-нибудь исключительными указаніями, то наемъ можетъ быть совершонъ только въ предѣлахъ означенныхъ

*

условій. Если такой порядокъ, по особымъ соображеніямъ, и можно еще допустить въ примѣненіи къ дѣтямъ родительской воли, или начальнической власти къ подчиненнымъ, то практическая жизнь должна указывать на неумѣстность подобныхъ ограниченій относительно замужнихъ женщинъ. Сплошь и рядомъ случается въ нашемъ простонародьѣ, что лѣнивый и запивающій мужъ отбираетъ и теперь у своей жены, находящейся въ услуженіи, послѣднюю копѣйку. а между тѣмъ, если проектированное правило получитъ силу, то оно подастъ подобнымъ мужьямъ еще болѣе поводовъ къ притѣсненіямъ и придиркамъ. Для супружеской же четы, живущей въ добромъ согласіи, такое правило будетъ совершенно излишне. Нельзя не обратить вниманія и на то еще, что замужнимъ женщинамъ изъ рабочаго класса приходится нерѣдко содержать трудами своихъ дѣтей, о которыхъ иные отцы совершенно не заботятся. Мы полагаемъ, что законодательство должно почерпать свои воззрѣнія преимущественно изъ практической жизни, и потому должно придти къ убѣжденію, что женщинѣ-работницѣ слѣдуетъ скорѣе предоставлять большій просторъ, нежели стѣснять ее на каждомъ шагу излишними и иногда слишкомъ несправедливыми ограниченіями.

Впрочемъ, вообще по вопросу о паспортахъ для рабочихъ видно, что комисія смотритъ совершенно иначе. Она признала нужнымъ нетолько удержать 2,204 статью X т. ч. I, воспрещающую наемъ безъ паспортовъ, но и „дать этому существующему уже порядку бóльшую твердость и развитіе, постановивъ, между прочимъ, правило, по которому, во всѣхъ случаяхъ найма, не исключая и того, когда наемъ происходитъ въ мѣстахъ постояннаго жительства или приписки нанимающихся, эти послѣдніе обязаны получать, изъ мѣстныхъ волостныхъ правленій и общественныхъ управленій, особые для сего билеты“. Прав-

да, въ означенномъ случаѣ билеты такого рода будутъ выдаваться безплатно, но, тѣмъ не менѣе, при этомъ, все-таки, будутъ встрѣчаться затрудненія, да и сверхъ того, требованіемъ обыкновенныхъ паспортовъ, внѣ мѣстъ жительства и приписки, будутъ поддерживаться тѣ стѣсненія и тѣ проволочки, которыми и теперь такъ сильно тяготится нашъ рабочій народъ.

Договоры могутъ быть заключаемы словесно или письменно, на срокъ или безъ опредѣленія его; но срокъ договора личнаго найма ни въ какомъ случаѣ не можетъ простираться долѣе пяти лѣтъ. Предметомъ договора можетъ быть, какъ исполненіе всѣхъ вообще или извѣстныхъ только обязанностей, относящихся къ какому-нибудь виду найма, такъ и исполненіе опредѣленной работы (сдѣльно или штучно). Заключеніе словесныхъ договоровъ не подлежитъ никакимъ формальностямъ. Правило это примѣнено къ 3-й статьѣ „Временныхъ правилъ для найма сельскихъ рабочихъ“.

По поводу упомянутыхъ статей проекта должно замѣтить, что едва ли будетъ практически удобно допускать положительнымъ узаконеніемъ словесные договоры вообще, а не въ видѣ особыхъ исключеній, дозволяемыхъ только тогда, когда нѣтъ возможности составить письменный договоръ. Нельзя не согласиться, что если, по смыслу разсматриваемаго нами проекта, какъ словесные, такъ и письменные договоры будутъ признаваемы однозначущими актами, то едвали введеніе особаго „Устава о личномъ наймѣ“ принесетъ существенную пользу, такъ какъ взаимныя отношенія между нанимающими и нанимающимися будутъ, въ большей части случаевъ, такъ же неопредѣленны, какъ и нынѣ, потому что они станутъ основываться преимущественно на словесномъ уговорѣ. Судебная практика показываетъ, что теперь главная трудность при разборѣ спорныхъ дѣлъ о личномъ наймѣ заключается въ отсутствіи

положительныхъ доказательствъ, какъ со стороны истцовъ, такъ и со стороны отвѣтчиковъ. Очень часто взаимныя ихъ между собою пререканія не подтверждаются рѣшительно ничѣмъ, кромѣ упоминаній о словесномъ уговорѣ, и потому процесы подобнаго рода состоятъ собственно только въ томъ, что одна сторона голословно оспориваетъ доводы и домогательства другой; ссылки же на свидѣтелей бываютъ въ этомъ случаѣ и шатки, и запутаны. Въ виду всего этого, „Уставъ о личномъ наймѣ“ долженъ, какъ мы полагаемъ, главнымъ образомъ, стремиться къ тому, чтобъ ограничить, если не совершенно уничтожить такую неблагопріятную, и въ юридическомъ, и въ практическомъ отношеніи, обстановку договоровъ по личному найму. Самымъ же дѣйствительнымъ къ тому средствомъ должно служить ограниченіе случаевъ словесныхъ договоровъ, такъ что заключеніе ихъ должно быть допущено только какъ изъятіе изъ общаго правила по особо-уважительнымъ обстоятельствамъ. По такимъ дѣламъ, какъ дѣла о личномъ наймѣ, по которымъ нельзя не предвидѣть частыхъ споровъ, необходимо прежде всего, не гоняясь, конечно, за формальностью, обезпечить заранѣе тѣ существенныя доказательства, на которыхъ спорящія между собою стороны должны основывать свои претензіи и жалобы.

Поэтому мы полагаемъ, что было бы соотвѣтственно — въ видахъ огражденія правъ, какъ нанимателей, такъ и нанимающихся — не уничтожая совершенно словесныхъ договоровъ о личномъ наймѣ, допускать заключеніе ихъ только въ такихъ случаяхъ, когда наемъ совершается на короткій срокъ (положимъ, на мѣсяцъ), или въ такой мѣстности, гдѣ не находится учрежденія или лицъ, которыя были бы въ состояніи изложить письменно условія найма. Впрочемъ, еслибъ такое правило было признано стѣснительнымъ или хоть неудобнымъ, то оно могло бы быть замѣнено тѣмъ требованіемъ, что договоры личнаго

найма между нанимателемъ и нанимаемымъ, умѣющими писать, должны быть заключаемы непремѣнно письменные, безъ всякихъ, впрочемъ, формальностей. Такое требованіе, конечно, не представляетъ ни малѣйшаго стѣсненія, а между тѣмъ, исполненіе его обезпечивало бы обѣ стороны, давая въ руки каждой изъ нихъ достаточныя доказательства относительно принятыхъ ими на себя обязанностей. Такъ какъ граматность у насъ распространяется все болѣе и болѣе, то и число случаевъ заключенія словесныхъ договоровъ, при предположенномъ правилѣ, постепенно уменьшалось бы; а это, несомнѣнно, содѣйствовало бы правильному установленію взаимныхъ отношеній между нанимающими и нанимаемыми и предотвращало бы столь часто возникающіе нынѣ между ними споры, иногда даже вслѣдствіе только того, что та или другая сторона, или же обѣ разомъ, не помнятъ хорошенько тѣхъ условій, на которыхъ онѣ первоначально сошлись между собою.

Впрочемъ и самой комисіи, такъ видно, было желательно, въ интересахъ дѣла, чтобъ письменная форма заключенія договоровъ найма возобладала надъ словесной, но по убѣжденію комисіи, осуществленія этого рѣшительно невозможно ожидать собственно отъ выраженія подобнаго требованія въ законѣ. Въ подтвержденіе этого, комисія ссылается на фактъ преобладанія у насъ словесныхъ договоровъ, несмотря на существованіе статей 2,224-й и 2,226-й т. X Св. Зак., которыя именно выражаютъ означенное требованіе. Съ своей стороны, мы и въ виду этого довода, всетаки, находимъ возможнымъ остаться при высказанномъ нами прежде мнѣніи. Мы не утверждаемъ, чтобъ нужно дѣлать безусловно обязательнымъ заключеніе письменныхъ договоровъ по личному найму; но думаемъ, что указанное нами правило, какъ избѣгающее двухъ крайностей, скорѣе бы всего повело къ осуществленію желанія комисіи, именно къ тому, чтобъ письменная форма

возобладала надъ словесною, не дѣлаясь, однако, господствующею исключительно, что̀, конечно, породило бы большія затрудненія при заключеніи договоровъ.

Однимъ изъ существенныхъ нашихъ замѣчаній при разсмотрѣніи проекта „Устава“ должно быть указаніе на подчиненность порядка личнаго найма нынѣ дѣйствующей у насъ чрезвычайно стѣснительной паспортной системѣ. Въ этомъ случаѣ мы совершенно расходимся и теперь съ воззрѣніями комисіи. Мы полагаемъ, что однимъ изъ первыхъ условій для облегченія сдѣлокъ по личному найму должны быть коренныя измѣненія въ нашей паспортной системѣ и полагаемъ, что рабочія, во многихъ случаяхъ безсрочныя, книжки были бы гораздо удобнѣе паспортовъ нетолько для нанимающихся, но и для нанимателей.

Для облегченія сторонъ въ порядкѣ заключенія договоровъ могутъ быть—какъ сказано въ проектѣ „Устава“ — употребляемы рабочія книжки съ разсчотными тетрадями. Въ сущности, употребленіе такихъ книжекъ и тетрадей представляетъ письменный договоръ, такъ какъ въ книжку обязательно вносятся: родъ работы или службы; срокъ найма; рядная плата; условія относительно помѣщенія, харчевого довольствія, одежды и обуви; размѣръ штрафовъ за прогулъ и время, когда нанявшійся, поступилъ въ работу или въ услуженіе. Сверхъ того, въ рабочую книжку могутъ быть вносимы и другія условія найма, по взаимному соглашенію договаривающихся. Въ разсчотную тетрадь вносится точная выпись означенныхъ въ рабочей книжкѣ условій найма; и всѣ вообще выдачи деньгами, вещами или припасами, а также вычеты и денежные штрафы за прогульные дни, потерю и порчу вещей. Рабочія книжки и разсчотная тетрадь подписываются: первая нанимающимся, а вторая нанимателемъ; въ случаѣ же безграмотства ихъ — лицами, которымъ они вѣрятъ. Мы думаемъ, что такой способъ заключенія условій личнаго найма самый

удобный. Онъ, впрочемъ, не представляетъ нововведенія, такъ какъ упомянутыя книжки и тетради были уже установлены „Временными правилами для найма сельскихъ рабочихъ“. Не знаемъ, до какой степени опытъ подтвердилъ полезность этой мѣры; но намъ приходилось слышать, что во многихъ мѣстностяхъ, при всемъ желаніи, какъ нанимателей, такъ и нанимающихся, примѣнять къ договорамъ личнаго найма рабочія книжки и разсчотныя тетради, оказывалось невозможнымъ, по неимѣнію въ тѣхъ мѣстностяхъ ни книжекъ, ни тетрадей. Такіе случаи не должны, впрочемъ, никого удивлять, такъ какъ у насъ порой въ иныхъ значительныхъ городахъ нельзя достать даже гербовой бумаги, на которую вообще бываетъ болѣе требованій, нежели на рабочія книжки и разсчотныя тетради. Обстоятельство это не мѣшаетъ имѣть въ виду, и потому нелишнимъ было бы упомянуть въ составляемомъ нынѣ „Уставѣ“ о той отвѣтственности, которой должны подвергаться мѣста и лица за несвоевременное требованіе означенныхъ книжекъ и тетрадей, въ случаѣ ихъ израсходованія или невысылки ихъ въ подлежащія мѣста по первому требованію этихъ мѣстъ.

Такъ какъ каждый договоръ имѣетъ практическое значеніе только тогда, когда онъ приводится въ исполненіе, то въ проектъ „Устава“ включено нѣсколько относящихся къ этому статей. Такъ, для обезпеченія нанимателя противъ самовольнаго ухода нанявшагося, видъ или паспортъ нанявшагося, при поступленіи его въ работу или въ услуженіе, передается нанимателю, у котораго и хранится до того времени, пока договоръ, за истеченіемъ срока или по другимъ законнымъ причинамъ, не будетъ подлежать прекращенію. Порядокъ этотъ соблюдается собственно на практикѣ и теперь; но такъ какъ онъ не узаконенъ, то отходящій рабочій или слуга считаютъ себя вправѣ требовать отъ нанимателя во всякое время своего

паспорта. Мировые же судьи въ подобныхъ случаяхъ вполнѣ основательно, съ юридической точки зрѣнія, заставляютъ нанимателей возвращать нанимающимся ихъ паспорты, несмотря даже на очевидное нарушеніе отходящимъ отъ мѣста тѣхъ условій, при которыхъ онъ поступилъ въ наемъ. Кромѣ упомянутаго правила, въ проектъ „Устава“ внесены, по исполненію договоровъ, еще и другія новыя правила, какъ-то: о неизнуреніи хозяиномъ несовершеннолѣтняго несвойственными его возрасту и силамъ занятіями; о непрепятствованіи посѣщенію имъ церкви и школы въ свободное отъ занятій время и даже о побужденіи его къ исполненію этого. Къ числу новыхъ правилъ принадлежитъ также: предоставленіе нанимателю права просить о производствѣ врачебнаго осмотра рабочихъ для предупрежденія развитія между ними прилипчивыхъ и заразительныхъ болѣзней; указаніе на обязанность его предоставлять нанятыхъ имъ рабочихъ въ распоряженіе полиціи во всѣхъ случаяхъ, когда законъ предоставляетъ полиціи требовать содѣйствія обывателей для предупрежденія или прекращенія общественныхъ бѣдствій и для огражденія общественной безопасности. Введеніе такого правила въ „Уставъ о личномъ наймѣ“ весьма полезно, такъ какъ при означенныхъ выше случаяхъ бываютъ нерѣдко столкновенія между полиціей и нанимателями рабочихъ. При этомъ, однако, въ проектѣ „Устава“ непредусмотрѣно слѣдующее обстоятельство, могущее подавать поводъ къ спорамъ между нанимателями и рабочими: на чей счотъ должно быть поставлено время, проведенное рабочими въ подобныхъ случаяхъ, т. е. имѣетъ ли право наниматель сдѣлать у рабочихъ вычетъ за то время, впродолженіи котораго они находились въ распоряженіи полиціи? Судя по редакціи той статьи „Устава“, которая говоритъ объ отпускѣ рабочихъ по требованію полиціи, сопряженныя съ этимъ потери должны падать на нанимателя, такъ какъ означен-

ный отпускъ вмѣняется въ личную ему обязанность. Между тѣмъ, едва ли будетъ справедливо весь происходящій отъ этого ущербъ обращать исключительно на нанимателя, по той причинѣ, что предупрежденіе и прекращеніе общественныхъ бѣдствій составляетъ, если не юридическую, то нравственную обязанность всѣхъ и каждаго; слѣдовательно, необходимо допустить въ этомъ случаѣ нѣкоторую разверстку потерь. Сверхъ того, за содѣйствіе при нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, при крушеніи судовъ или лѣсныхъ пожарахъ—выдается или обязательное вознагражденіе или поденная плата. Поэтому, весьма естественно, возникаетъ другой вопросъ: въ чью пользу должны будутъ поступать выдаваемыя при этомъ деньги, въ пользу ли нанимателя, который понесъ ущербъ отъ ухода рабочихъ, или же самихъ рабочихъ, которые трудились безъ всякаго участія со стороны своего хозяина? Желательно, чтобъ при окончательномъ разсмотрѣніи „Устава о личномъ наймѣ“ было обращено на этотъ вопросъ должное вниманіе и чтобъ онъ былъ разрѣшонъ безобидно для обѣихъ сторонъ.

Изъ объяснительной записки узнаемъ, что наниматель въ этомъ случаѣ не можетъ засчитывать рабочимъ ихъ отсутствіе въ прогулъ. Слѣдовательно, вся потеря должна падать исключительно на него, между тѣмъ, какъ это было бы несправедливо, тѣмъ болѣе, что, какъ мы замѣтили, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, рабочіе могутъ получить за свой трудъ на пользу общую особое вознагражденіе.

Указывая на новыя правила, находящіяся въ отдѣлѣ „Устава“ по исполненію договоровъ, должно упомянуть о тѣхъ статьяхъ, которыя говорятъ: о переходѣ правъ и личной отвѣтственности нанимателя на управляющихъ и завѣдывающихъ ихъ дѣлами, на приказчиковъ, надсмотрщиковъ и т. д.; о неотвѣтственности нанявшагося за такой ущербъ, который произошелъ вслѣдствіе точнаго испол-

нія имъ приказанія нанимателя, или при исполненіи, по порученію его, дѣла, несвойственнаго его силамъ или той работѣ, на которую онъ былъ принятъ. Далѣе, въ проектѣ „Устава“ помѣщены правила относительно вычета за прогулы, о неявкѣ на работы и о самовольномъ съ нихъ уходѣ; относительно рабочаго времени, употребленнаго нанявшимся на веденіе возбужденнаго имъ противъ нанимателя иска, причомъ постановляется, что время, употребленное на это, не считается прогуломъ лишь тогда, когда искъ или жалоба были уважены судомъ. Всѣ эти правила, незаключающіяся въ нынѣ дѣйствующихъ у насъ узаконеніяхъ о личномъ наймѣ, несомнѣнно принесутъ большую практическую пользу, такъ какъ они съ перваго раза будутъ установлять на опредѣленныхъ основаніяхъ взаимныя отношенія между нанимателями и нанимаемыми, и, сверхъ того, при судебномъ разбирательствѣ дѣлъ, дадутъ возможность руководствоваться общими положительными указаніями. Добавимъ къ этому, что упомянутыя правила, по примѣненію ихъ къ интересамъ и правамъ обѣихъ сторонъ, составлены такъ удачно, что не оставляютъ желать никакихъ измѣненій ни съ юридической, ни съ практической точки зрѣнія. Затѣмъ, остальныя статьи, касающіяся исполненія договора, заимствованы составителями проекта „Устава“ частью изъ X тома „Свода Законовъ“, частью изъ „Временныхъ правилъ для найма сельскихъ рабочихъ“, а также изъ „Устава гражданскаго судопроизводства“, „Уложенія о наказаніяхъ“ и „Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“. Но заимствованія эти, соотвѣтствующія цѣли и духу проектированнаго „Устава о личномъ наймѣ“, не вызываютъ никакихъ критическихъ замѣчаній

Изложивъ правила о порядкѣ заключенія договоровъ и ихъ исполненія, проектъ „Устава“ переходитъ къ вопросу о прекращеніи договоровъ. Этотъ отдѣлъ составленъ

почти весь не изъ позаимствованныхъ, нынѣ дѣйствующихъ узаконеній, но изъ правилъ, вновь проектированныхъ самою комисіей. Такъ, „Уставъ“ говоритъ, что когда договоръ найма заключенъ не самимъ не совершеннолѣтнимъ, но родителями, или тѣми лицами, у которыхъ онъ состоитъ на попеченіи, то нанявшійся, по достиженіи совершеннолѣтія, можетъ потребовать уничтоженія такого договора. Наниматель не вправѣ задерживать хранящійся у него видъ нанявшагося съ того времени, когда договоръ, по законнымъ причинамъ, подлежитъ прекращенію; если же онъ имѣетъ къ нанявшемуся какую-нибудь претензію, то можетъ, не выдавая вида самому нанявшемуся, представить видъ въ распоряженіе суда, одновременно съ заявленіемъ своей претензіи; наконецъ, что наниматель имѣетъ право прекратить договоръ съ рабочимъ, когда рабочій находился подъ стражей долѣе трехъ сутокъ. Всѣ эти правила, равно какъ и правило, предусматривающее потерю нанимателемъ паспорта нанявшагося, клонятся къ тому, чтобъ придать опредѣленность тѣмъ случаямъ, когда допускается прекращеніе договора о личномъ наймѣ и противъ этихъ правилъ не можетъ быть никакого возраженія. Отдѣлъ „Устава“ о прекращеніи договоровъ оканчивается ново-проектированнымъ правиломъ, по которому если наниматель снабдитъ одобрительнымъ свидѣтельствомъ рабочаго или слугу, удаленнаго отъ него по рѣшенію суда или по собственному распоряженію нанимателя за преступныя дѣйствія или вообще за порочное поведеніе, то въ теченіе одного года, со дня выдачи такого свидѣтельства, онъ можетъ, по просьбѣ введеннаго чрезъ то въ заблужденіе новаго нанимателя, быть присужденъ къ вознагражденію его за вредъ и убытки, причиненные означеннымъ рабочимъ или слугою, въ случаѣ неимѣнія у него средствъ къ уплатѣ. Намъ кажется, что составители проекта „Устава“ слишкомъ снисходительно отнеслись къ такому недобро-

совѣстному поступку нанимателя, такъ какъ подобный поступокъ будетъ, въ сущности, своего рода обманомъ, и потому за него, кромѣ предвидимаго „Уставомъ" денежнаго вознагражденія, справедливо было бы установить еще и самостоятельное наказаніе. Въ этомъ случаѣ нужно имѣть въ виду не одинъ матерьяльный ущербъ, который можетъ понести наниматель вслѣдствіе ложнаго одобренія, даннаго рабочему или слугѣ, но и тотъ нравственный вредъ, который иногда можетъ быть нанесенъ домашнею прислугой, напримѣръ, развращеніе малолѣтныхъ, подстрекательство къ грубости, буйству и т. п. Между тѣмъ, въ этихъ случаяхъ новый наниматель, хотя бы онъ и очевидно былъ введенъ въ заблужденіе прежнимъ нанимателемъ, не можетъ, по смыслу проекта „Устава", имѣть никакихъ претензій къ выдавшему ложное свидѣтельство, такъ какъ при этомъ не будетъ никакого матерьяльнаго вреда.

Всѣ эти правила относятся къ одноличному найму; извѣстно однако, что у насъ весьма многія работы производятся артелями, для которыхъ необходимо установить нѣкоторыя особыя правила.

По „Уставу торговому", названіе артелей присвоивается обществамъ работниковъ, составленнымъ по добровольному между ними условію для исполненія службы и работъ, несоразмѣрныхъ съ силами одного человѣка. Такимъ образомъ, не только на практикѣ, но и по закону артель представляетъ промышленную общину, ведущую свое предпріятіе совокупными силами. Понятно, что заключеніе условій найма съ такою общиной и способы исполненія принятыхъ ею на себя обязательствъ должны нѣсколько разниться отъ такого порядка, какой можетъ быть установленъ для найма въ услуженіе или на работы отдѣльныхъ лицъ. Въ виду этого, въ проектъ „Устава о личномъ наймѣ" введенъ особый отдѣлъ о наймѣ артелей. До сихъ поръ весьма немногія артели имѣютъ утвержден-

ныя для нихъ правила; обыкновенно же артель составляется частнымъ образомъ и, притомъ, не по письменному, а по словесному уговору, основанному на мѣстныхъ обычаяхъ. Заключеніе нанимателемъ какихъ-нибудь условій съ артелью, составленною такимъ образомъ, было бы крайне неудобно. Поэтому, проектъ разсматриваемаго нами „Устава“ вполнѣ раціонально постановляетъ, что наемъ артели совершается не иначе, какъ на основаніи записи о взаимномъ поручительствѣ между лицами, входящими въ составъ артели. Совершеніе упомянутой записки не требуется только тогда, если артель имѣетъ утвержденный для нея уставъ. Для доставленія же старостѣ и выборнымъ возможности отвѣтствовать за правильную отчотность уполномочившей ихъ артели, должно быть, по „Уставу“, соблюдаемо то общее правило, чтобъ численность артели, ни въ какомъ случаѣ, не превосходила пятисотъ человѣкъ. На тѣхъ же работахъ, гдѣ число участвующихъ превышаетъ означенное число, артель раздробляется на части, изъ которыхъ каждая отличается особымъ нумеромъ или наименованіемъ и имѣетъ отдѣльное управленіе и особую отчотность. Дальнѣйшія правила по найму артелей составлены примѣнительно къ тому порядку, какой вообще принятъ самими артелями для завѣдыванія ихъ дѣлами. Такъ, договоръ найма заключается нанимателемъ со старостой, который уполномочивается на это лицами, входящими въ составъ артели, особою довѣренностью или пользуются предоставленнымъ ему на то, по уставу артели, полномочіемъ. Приступая къ соглашенію съ артелью о наймѣ ея въ работы, наниматель обязанъ сообщить ей предварительныя условія найма. Въ условіяхъ этихъ должны быть точно и опредѣлительно изложены дѣлаемыя нанимателемъ предложенія, именно: порядокъ исполненія обязательства, виды и размѣры работъ, урочная или поденная ихъ оцѣнка, порядокъ слѣдованія артели къ мѣсту ра-

ботъ, снабженіе ея необходимыми инструментами, способы продовольствія рабочихъ въ пути и во время работъ, порядокъ помѣщенія ихъ на мѣстахъ работъ и ежедневная на каждаго рабочаго дача съѣстныхъ припасовъ въ томъ случаѣ, еслибъ артель предпочла сама изготовлять себѣ пищу. Обозначеніе всѣхъ этихъ условій при наймѣ артелей, требуемое проектомъ „Устава“, необходимо, такъ какъ опытъ показываетъ, что подрядчики, нанимающіе артели, злоупотребляютъ—особенно при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ—неопредѣленностью условій, заключенныхъ между ними и артельными рабочими. Въ предварительныхъ условіяхъ найма должны быть также опредѣлены: дни праздничные, за которые вычета изъ рабочей платы не полагается; льготное время по прибытіи на мѣсто работъ; размѣръ штрафа за несвоевременную неявку артели на назначенное для работъ мѣсто; размѣры вычетовъ за прогульные дни и часы или за неисполненіе условленной работы въ договорные сроки; порядокъ и сроки производства платежей за работу.

Такъ какъ намъ пришлось упомянуть здѣсь о праздничныхъ дняхъ, то мы находимъ нелишнимъ коснуться вообще этого вопроса, весьма важнаго какъ для нанимателей, такъ и для самихъ рабочихъ. Въ 29-й статьѣ „Уст. о пред. и пресѣч. преступ.“ сказано, что во всѣ праздничные дни, въ которые присутственныя мѣста свободны отъ собраній, а училища отъ ученія, нигдѣ казенныхъ и другихъ публичныхъ работъ не производить безъ особаго на то высочайшаго дозволенія, исключая: 1) случаевъ чрезвычайныхъ, когда отъ отлагательства можетъ произойти вредъ постройкамъ, ущербъ казнѣ и остановка сообщеній, и 2) исключая тѣхъ вѣдомствъ, которыя руководствуются особыми уставами, силою которыхъ работы по этимъ днямъ разрѣшаются или требуются. Затѣмъ въ 30-й статьѣ того же устава указаны упомянутые празднич-

ные дни, число которыхъ, въ общей сложности, кромѣ воскресеній, простирается въ годъ до 40, а со включеніемъ воскресеній до 92 дней. Такимъ образомъ, цѣлую четверть года нужно исключить изъ рабочаго времени. Упомянутое постановленіе на счотъ праздничныхъ дней внесено въ „Сводъ Законовъ“ не съ цѣлью облегченія рабочихъ людей, но въ видахъ предупрежденія и пресѣченія преступленій противъ вѣры, и наблюденіе за ненарушеніемъ означенныхъ правилъ возлагается на мѣстную полицію. Но при этомъ рождается вопросъ: должно ли подъ названіемъ „публичныхъ“ работъ разумѣть работы, производимыя въ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ или же только работы, производимыя на открытомъ мѣстѣ? Мы полагаемъ, что для устраненія могущихъ быть недоразумѣній, необходимо разъяснить этотъ вопросъ въ законодательномъ порядкѣ. Очень легко можетъ случиться, что между нанимателемъ и рабочими состоится соглашеніе о производствѣ спѣшныхъ работъ на фабрикѣ или въ мастерской и по праздникамъ. Проектъ „Устава о личномъ наймѣ“, повидимому, допускаетъ соглашеніе такого рода, такъ какъ по вопросу о праздничныхъ дняхъ онъ не дѣлаетъ ссылки на существующія узаконенія, но говоритъ, что въ предварительныхъ условіяхъ между нанимателемъ и артелью должны быть „опредѣлены“ праздничные дни. Между тѣмъ, полиція, съ своей стороны, на основаніи особо преподанныхъ ей правилъ, можетъ требовать прекращеніе работъ не только на открытомъ мѣстѣ, но и въ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ. Само собою разумѣется, что отдыхъ составляетъ одну изъ самыхъ необходимыхъ потребностей рабочихъ людей, и еслибъ у насъ люди эти были слишкомъ ретивы къ работѣ, то нужно было бы ограничивать ее извѣстными праздничными днями, но такъ какъ у насъ этого не замѣчается и даже, напротивъ, каждый праздникъ сопровождается у фабрич-

ныхъ и ремесленниковъ прогуломъ нетолько слѣдующаго, но и нѣсколькихъ послѣдующихъ за тѣмъ дней, то едва ли не удобнѣе было бы предоставить вопросъ относительно праздничныхъ дней добровольному соглашенію между нанимателемъ и нанимаемымъ. Для поддержанія же въ рабочемъ классѣ собственно религіознаго чувства весьма достаточно будетъ постановить правило, что въ праздничные дни нельзя приступать къ работамъ прежде окончанія обѣдни въ мѣстной приходской церкви.

Проектъ „Устава о личномъ наймѣ“ указываетъ подробно порядокъ заключенія договоровъ съ артелями, а также и исполненія обязательствъ, принятыхъ на себя какъ артелью, такъ и нанимателемъ. Правилъ, относящихся къ этому, не существовало до сихъ поръ въ нашемъ законодательствѣ, и потому эта часть „Устава“ разработана самою комисіей, занимавшеюся его составленіемъ. Комисія, между прочимъ, постановляетъ слѣдующее правило: когда артель состоитъ изъ 50 человѣкъ и болѣе, то, при слѣдованіи ея внѣ линій желѣзныхъ дорогъ, наниматель обязанъ поручить кому-нибудь изъ своихъ уполномоченныхъ сопровожденіе артели до мѣста ея работъ и озаботиться приготовленіемъ рабочимъ ночлежныхъ пунктовъ, а равно снабженіемъ ихъ надлежащею пищею. Конечно, нельзя не отозваться съ полнымъ сочувствіемъ о такомъ вниманіи составителей проекта къ рабочимъ людямъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя и не указать на непрактичность приведеннаго выше правила. Обязанность нанимателя приготовлять ночлежные пункты и снабжать артели пищей обусловливается числомъ лицъ, составляющихъ артель. Такимъ образомъ выйдетъ, что, напримѣръ, 49 человѣкъ будутъ слѣдовать къ мѣсту своего назначенія безъ всякихъ заботъ со стороны нанимателя; но если къ этому числу людей прибавится еще одинъ, тогда для нанимателя возникаетъ рядъ особенныхъ заботъ и о глав-

номъ составѣ артели. Ясно, что, при такомъ условіи, предметомъ упомянутыхъ заботъ будетъ, въ сущности, одинъ человѣкъ, а не 49 его сотоварищей, такъ какъ безъ него нанимателю не пришлось бы вовсе заботиться о ночлегѣ и продовольствіи цѣлой артели. Такъ какъ въ артели, составляемой изъ 49 рабочихъ, недочетъ одного, двухъ и даже пяти человѣкъ не составитъ особой важности, то наниматели артелей и не будутъ доводить ихъ до 50 человѣкъ, чтобы тѣмъ самымъ избавиться отъ излишнихъ хлопотъ. При слѣдованіи же артелей въ большомъ составѣ они будутъ раздѣлять ихъ на мелкіе отряды; слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ они найдутъ возможность уклониться отъ обязанностей, налагаемыхъ на нихъ „Уставомъ". Если принять все это въ соображеніе, то, кажется, удобнѣе будетъ вопросъ о заготовкѣ нанимателями ночлега и пищи для артелей предоставить вообще взаимному ихъ между собою соглашенію, по той простой причинѣ, что въ иныхъ мѣстностяхъ артель, состоящая слишкомъ изъ 50 человѣкъ, можетъ слѣдовать безъ всякой помощи со стороны нанимателя, и, наоборотъ, артель, состоящая только изъ человѣкъ 15—25-ти, можетъ на своемъ переходѣ попасть въ такое мѣсто, гдѣ она не найдетъ для себя ни пріюта, ни продовольствія и гдѣ, поэтому, необходимо подготовить заблаговременно и то и другое при содѣйствіи наемщика артели.

Затѣмъ, что касается правилъ объ остановкѣ артелей на пути по непредвидѣннымъ и независящимъ отъ воли рабочихъ обстоятельствамъ, размѣщенія рабочихъ на условленныя работы, храненія паспортовъ артельныхъ рабочихъ, а также способовъ разсчота, вычетовъ, штрафовъ и вообще отношеній нанимателя къ артели, то все это нетолько предусмотрѣно въ проектѣ „Устава", но и опредѣлено съ точностью, ограждающею въ равной степени права и обязанности обѣихъ сторонъ.

*

Такъ какъ иные виды личнаго найма представляютъ нѣкоторыя особенности, требующія исключенія изъ общихъ правилъ, то проектъ „Устава" содержитъ въ себѣ отдѣльныя главы: 1) о наймѣ на сельскія работы; 2) о наймѣ на устройство общественныхъ сооруженій и для исполненія частныхъ строительныхъ работъ; 3) о наймѣ для работъ на фабрикахъ, заводахъ, въ ремесленныхъ и вообще въ мануфактурныхъ заведеніяхъ и о пріемѣ въ обученіе; 4) о наймѣ рабочихъ для судоходства по внутреннимъ водянымъ путямъ сообщенія: 5) о наймѣ на рыбные промыслы астраханскіе и на Мурманскомъ Берегу, и, наконецъ, 6) о наймѣ прислуги.

Относительно найма рабочихъ для исполненія сельскихъ работъ, въ „Уставѣ", въ добавокъ къ общимъ правиламъ, помѣщены только два особыя правила: вопервыхъ, о разрѣшеніи допускать дѣтей моложе 12-ти лѣтъ къ занятію сельскими, полевыми и хозяйственными работами, съ тѣмъ, впрочемъ, что правила „Устава" о личной и имущественной отвѣтственности не могутъ быть распространяемы на лицъ этого возраста, и, вовторыхъ, о недопущеніи лицъ отъ 12-ти до 16-ти-лѣтняго возраста къ работѣ при молотилкахъ и другихъ механическихъ орудіяхъ, безъ надзора старшихъ. Къ этому надобно добавить, что правила о наймѣ на сельскія работы распространяются и на наемъ землевладѣльцами иностранныхъ рабочихъ. Извѣстно, что до сихъ поръ подобные случаи вызываютъ нерѣдко взаимныя, самыя разнообразныя жалобы съ обѣихъ сторонъ и потому составители „Устава" весьма основательно подводятъ наемъ иностранныхъ рабочихъ подъ общія правила, изложенныя въ проектѣ.

Переходя къ главѣ о наймѣ на устройство общественныхъ сооруженій и для исполненія частныхъ строительныхъ работъ, должно прежде всего замѣтить, что главу эту, въ томъ видѣ, въ какомъ она является теперь въ

проектѣ „Устава“, нельзя считать законченною, такъ какъ въ дополненіе къ ней министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, должны быть представлены на высочайшее утвержденіе инструкціи, которыя, кажется, должны будутъ не только служить къ дальнѣйшему развитію правилъ, изложенныхъ въ „Уставѣ“, но и представлять нѣкоторыя самостоятельныя узаконенія, какъ, напримѣръ, по вопросу объ ограниченіи въ правѣ найма и допущенія къ работамъ женщинъ и лицъ, недостигшихъ 17-ти-лѣтняго возраста, сообразно особымъ свойствамъ и тяжести работъ. Притомъ вопросъ этотъ имѣетъ общее значеніе въ правилахъ о личномъ наймѣ и потому комисія едва ли основательно отнесла его къ отдѣлу о наймѣ на общественныя сооруженія и строительныя работы, сдѣлавъ его не общимъ узаконеніемъ, а особою инструкціей. Въ томъ отдѣлѣ проекта, о которомъ идетъ теперь рѣчь, встрѣчается правило, въ силу котораго, если въ договорѣ съ артелью не опредѣлено условія о постоянномъ численномъ ея составѣ, то артель можетъ увольнять изъ своей среды рабочихъ до тѣхъ поръ, пока общее число рабочихъ артели не уменьшится на одну пятую ея часть; дальнѣйшее же, затѣмъ, сокращеніе численнаго состава артели, безъ согласія на то со стороны нанимателя, не допускается. Мы не знаемъ, какими соображеніями руководствовалась комисія при составленіи этого правила, но, во всякомъ случаѣ, теоретическое его происхожденіе вполнѣ очевидно. Поэтому, кажется, удобнѣе было бы предоставить вопросъ объ уменьшеніи численности артели и тогда, когда онъ не былъ заранѣе предусмотрѣнъ въ договорѣ, взаимному соглашенію между нанимателемъ или артелью, или же судебному разбирательству, не постановляя положительнаго правила на счотъ той пропорціи, въ какой можетъ уменьшиться численный составъ артели, такъ какъ предрѣшеніе подобнаго рода мо-

жетъ иной разъ несоотвѣтствовать вовсе тому положенію, въ какомъ находится работа, исполненіе которой было принято на себя артелью. Сверхъ того, во многихъ случаяхъ указаніе на $^1/_5$ часть артели поведетъ къ недоразумѣніямъ, когда, напримѣръ, эта часть будетъ выражаться не цѣлымъ числомъ, а дробью. Такъ, при составѣ артели, положимъ, изъ 54 человѣкъ, одна пятая ея часть будетъ составлять одно цѣлое и четыре-пятыхъ работника; спрашивается: въ чью пользу должны будутъ обращаться такія дроби — въ пользу ли нанимателя или въ пользу артели?

Если вообще виды личнаго найма вызываютъ попеченіе со стороны законодательства о нанимающихся, то въ этомъ случаѣ первое мѣсто, по условію быта рабочихъ, долженъ занимать личный наемъ для работъ на фабрикахъ, заводахъ, въ ремесленныхъ и вообще въ мануфактурныхъ заведеніяхъ. Относящуюся къ этому часть проекта „Устава" должно, какъ и предыдущую, вышеупомянутую его часть, считать невполнѣ законченною, потому что и здѣсь нѣкоторые весьма важные вопросы опредѣлятся только впослѣдствіи особыми, представляемыми на высочайшее утвержденіе, инструкціями по соглашенію министерства внутреннихъ дѣлъ съ министерствомъ финансовъ. Собственно же въ проектѣ „Устава", въ дополненіе къ общимъ правиламъ о личномъ наймѣ, находятся, относительно найма фабричныхъ и ремесленниковъ, особыя правила: объ отдачѣ мастеровымъ работы поштучно на домъ, объ обязанности рабочихъ и мастеровыхъ соблюдать порядокъ въ заведеніи, являться во время на работы и тщательно исполнять ихъ; о способахъ для продовольствія рабочихъ; о росписи общихъ и тѣхъ особыхъ правилъ, которыя должны быть соблюдаемы ими въ заведеніяхъ; о штрафахъ и вычетахъ за прогулъ, порчу матерьяловъ и за другія нарушенія, которыя условлены въ самомъ дого-

ворѣ или указаны въ росписи правилъ. Далѣе, относительно правилъ о наймѣ на фабрики, необходимо замѣтить, что, по всей вѣроятности, содержателями фабрикъ и ремесленныхъ заведеній не будетъ охотно принято требованіе проекта „Устава“, чтобъ леченіе заболѣвающихъ рабочихъ не только въ лазаретахъ, находящихся при заведеніи, но и въ городскихъ больницахъ, а равно и отправка заболѣвшихъ въ больницы производилась на счотъ нанимателя, при чомъ, срокъ, въ теченіи котораго рабочій пользуется такимъ леченіемъ, не можетъ простираться долѣе срока, на который онъ нанятъ. Такое требованіе едва ли можно считать безусловно справедливымъ въ отношеніи нанимателя: иной рабочій, несмотря на всѣ заботы хозяина о здоровьи нанимаемыхъ людей, можетъ захворать единственно вслѣдствіе своей невоздержности или заразиться сифилисомъ. Какія же основанія представляются при этомъ для того, чтобъ рабочій лечился на счотъ нанимателя, которому и безъ этого одна только потеря рабочихъ рукъ можетъ иногда нанести болѣе или менѣе чувствительный ущербъ?

Проектъ „Устава“ говоритъ и о числѣ рабочихъ часовъ; но мы находимъ, что едва ли можно установить въ этомъ отношеніи какую-нибудь общую норму, потому что работа работѣ рознь, и при иныхъ производствахъ или ремеслахъ 8-ми-часовая работа, допускаемая по проекту „Устава“, даже для несовершеннолѣтнихъ, отъ 12-ти до 14-ти-лѣтняго возраста, можетъ быть не только изнурительна, но и гибельна. Замѣтимъ также, что въ проектѣ говорится о числѣ рабочихъ часовъ только въ отношеніи несовершеннолѣтнихъ, между тѣмъ, какъ этотъ вопросъ представляетъ чрезвычайную важность и для рабочихъ, перешедшихъ уже такой возрастъ. По всей вѣроятности, при окончательномъ разсмотрѣніи „Устава о личномъ наймѣ“ на это обстоятельство будетъ обращено должное вни-

маніе, причемъ, конечно, будутъ приняты въ соображеніе и указанія самой тщательной, безпристрастной экспертизы.

Въ числѣ правилъ, проектированныхъ комисіей, заслуживаетъ полнаго одобренія правило, по которому, если хозяинъ передаетъ свое заведеніе другому лицу, не удовлетворивъ и не разсчитавъ всѣхъ рабочихъ, состоявшихъ при заведеніи во время его передачи, то, въ случаѣ неимущества прежняго хозяина, рабочіе вправѣ просить судъ объ обращеніи присужденныхъ съ него взысканій на имущество новаго хозяина, въ теченіи мѣсяца со дня выдачи имъ исполнительнаго листа на прежняго владѣльца заведенія. Въ настоящее время нерѣдко случается, что передачей своихъ заведеній въ чужія руки хозяева запутываютъ свои счоты съ рабочими. Введеніе же упомянутаго правила положитъ этому конецъ, такъ какъ принимающій заведеніе обязанъ будетъ заботиться, чтобъ не отвѣчать за неисправность своего предшественника: слѣдовательно, здѣсь уже не будутъ имѣть мѣста нынѣшнія, разнаго рода плутоватыя сдѣлки, происходящія между прежнимъ и новымъ хозяевами въ ущербъ рабочимъ. Въ видахъ же побужденія нанимающихся къ бережливости и къ заботливости о своемъ благосостояніи, рабочимъ по проекту „Устава“, предоставляется учреждать сберегательныя кассы.

По проекту „Устава о личномъ наймѣ“ къ особымъ видамъ этого найма отнесенъ, между прочимъ, пріемъ въ обученіе. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія, существовавшій въ этомъ отношеніи порядокъ замѣтно измѣнился. Прежде большинство малолѣтнихъ, обучавшихся мастерству, принадлежало господамъ, которые, обыкновенно, передавали свои права хозяевамъ ремесленныхъ заведеній. Вслѣдствіе этого, содержателямъ такихъ заведеній легко было управляться съ учениками и держать ихъ въ чорномъ тѣлѣ. Въ настоящее же время мастера сильно

жалуются на непослушаніе и лѣность учениковъ и на недостатокъ исправительныхъ мѣръ, такъ какъ надъ поступающими въ ученіе малолѣтними нельзя уже такъ легко, какъ въ былую пору, чинить произвольную расправу. Однако, и теперь, какъ видно изъ судебной практики мировыхъ учрежденій, содержатели ремесленныхъ заведеній обращаются повременамъ весьма круто съ находящимися у нихъ въ ученіи малолѣтными, ссылаясь на „Ремесленный уставъ“, дозволяющій мастерамъ принимать въ отношеніи учениковъ домашнія мѣры исправленія. Сверхъ того, неопредѣленность договоровъ по отдачѣ несовершеннолѣтнихъ въ ученье мастерствамъ и ремесламъ бываетъ причиной взаимныхъ жалобъ какъ со стороны мастеровъ, такъ и тѣхъ лицъ, на попеченія которыхъ находятся отдаваемые въ ученіе. Разборъ такихъ жалобъ оказывается тѣмъ затруднительнѣе, что по поводу ихъ возникаютъ безпрестанныя пререканія между мировыми судьями и ремесленными управами, такъ какъ мировые судьи руководствуются въ этомъ случаѣ „Судебными Уставами“, а ремесленныя управы ссылаются на „Ремесленный Уставъ“, предоставляющій хозяину надъ ученикомъ личную власть относительно взысканій. Вообще несовременность правилъ, опредѣляющихъ у насъ отношенія хозяевъ къ ученикамъ, видна уже изъ того, что правила эти основаны преимущественно на узаконеніяхъ, изданныхъ еще въ 1785 году, когда насчетъ этого существовали совершенно иныя понятія.

Та часть проекта „Устава“, въ которой излагаются правила о пріемѣ въ обученіе, начинается дозволеніемъ хозяевамъ ремесленныхъ заведеній, мастерскихъ и всякихъ техническихъ производствъ, которыя требуютъ изученія какихъ нибудь искусствъ, мастерства, или ремесла, принимать къ себѣ несовершеннолѣтнихъ въ ученики подъ непосредственное свое руководство или съ порученіемъ ихъ

мастеру, но съ личною его, хозяина, отвѣтсвенностью за исполненіе обязанностей по цѣли обученія. Но пріемъ въ обученіе воспрещается: вопервыхъ, лицамъ, подвергшимся, по судебному приговору, тюремному заключенію, или другому, болѣе строгому наказанію и, вовторыхъ, всѣмъ тѣмъ, которые по суду будутъ лишены права держать учениковъ. Сверхъ того, воспрещается вообще принимать въ ученики дѣтей моложе 10-ти лѣтъ. Переходя, затѣмъ, къ занятіямъ учениковъ, проектъ „Устава" говоритъ, что занятія ихъ должны быть только дневныя и продолжаться: для учениковъ отъ 10 до 14-ти лѣтъ, посѣщающихъ школу, не болѣе 6-ти часовъ, а не посѣщающихъ школы, не болѣе 8-ми часовъ ежедневно; для учениковъ отъ 14 до 17-ти лѣтняго возраста, посѣщающихъ школу, не болѣе 8-ми часовъ, а не посѣщающихъ — не болѣе 10-ти часовъ. Свободное же отъ занятій время распредѣляется между завтракомъ обѣдомъ, ужиномъ и употребляется на отдыхъ, а въ праздничные дни — на исполненіе религіозныхъ обязанностей. По поводу такой тщательной регламентаціи часовъ должно замѣтить, что едва ли слѣдуетъ вводить ее въ „Уставъ", такъ какъ вообще излишне утверждать въ законодательномъ порядкѣ такія правила, которыя, очевидно, не будутъ въ точности исполняемы на практикѣ. Въ частности же, относительно упомянутыхъ правилъ слѣдуетъ сказать, что они не могутъ быть признаны ведущими къ предположенной цѣли. Такъ, между ребенкомъ 10-ти лѣтъ и мальчикомъ по 14-му году, въ отношеніи ихъ физическихъ силъ, существуетъ обыкновенно такая разница, что они, касательно продолжительности занятій, не могутъ быть подводимы подъ одинъ уровень. Поэтому, если даже и было найдено нужнымъ ввести въ „Уставъ" правила о продолжительности занятій, то, во всякомъ случаѣ, періодъ возраста между 10-ю и 14-ю годами слѣдовало бы раздѣлить на двѣ части, именно: отъ 10 до

12-ти и отъ 12 до 14-ти лѣтъ, сокративъ для младшаго возраста число часовъ, предназначенныхъ для занятій. Притомъ, занятіе занятію—рознь.

Такъ, напримѣръ, ученикъ у портного мастера хотя бы и 16-ти лѣтній, но посаженный на верстакъ съ поджатыми ногами, въ душной комнатѣ и обязанный шить при огнѣ, утомится въ теченіи какихъ-нибудь 6-ти часовъ гораздо болѣе, нежели, напримѣръ 11-ти лѣтній ученикъ по столярному ремеслу, бывающій въ движеніи, ненатруждающій зрѣнія и даже производящій иногда часть своихъ занятій на открытомъ воздухѣ. Между тѣмъ, по смыслу проекта „Устава", портной въ правѣ будетъ требовать, чтобъ его 14-ти лѣтній ученикъ, непосѣщающій школы, занимался въ день по 10-ти часовъ. Нелишнимъ будетъ обратить вниманіе и на слѣдующее еще обстоятельство: работа на швейныхъ машинахъ распространяется у насъ годъ отъ году все болѣе и болѣе и считается вообще одною изъ легкихъ работъ. Опытъ, однако, показываетъ, что шитье на машинѣ дѣйствуетъ вредно на половые женскіе органы, да и вообще на всю нервную систему. Такимъ образомъ, если, по „Уставу", содержательницы швейныхъ мастерскихъ вправѣ будутъ заставлять 15—16-ти лѣтнихъ дѣвушекъ сидѣть за швейною машиной до 10-ти часовъ въ день, то, безъ всякаго сомнѣнія, организму учениць будетъ угрожать болѣе или менѣе чувствительное разстройство. Вообще вопросъ о рабочихъ часахъ долженъ быть однимъ изъ важнѣйшихъ въ новомъ „Уставѣ о личномъ наймѣ". Онъ можетъ быть разрѣшонъ правильно только при помощи самой тщательной и разносторонней экспертизы; но, судя по составу коммиссіи, занимавшейся проектированіемъ „Устава", надобно полагать, что, при совершенномъ отсутствіи въ ней такихъ членовъ, которые были бы знакомы на практикѣ съ бытомъ ремесленныхъ классовъ, означенный вопросъ не могъ быть об-

суждаемъ такъ, какъ слѣдовало бы его обсуждать. Вообще же, установленіе числа рабочихъ часовъ въ день будетъ ничѣмъ инымъ, какъ только формальностью, которою легко станутъ прикрывать, существующія въ ремесленныхъ заведеніяхъ злоупотребленія. Хозяева, несмотря на всю регламентацію, будутъ, если захотятъ, изнурять находящихся у нихъ учениковъ и ученицъ уже тѣмъ, что не станутъ давать имъ соотвѣтствующихъ промежуточныхъ отдыховъ, такъ какъ этого не требуется положительно въ той части „Устава", которая касается ремесленныхъ учениковъ. По нашему мнѣнію, было бы удобнѣе обойтись безъ часовой регламентаціи, потому что тогда лица, отдающія въ ученіе несовершеннолѣтнихъ, или лица, обязанныя имѣть общій надзоръ за ремесленными заведеніями, могутъ: первыя—выговаривать въ условіи число часовъ, положенныхъ для занятій, сообразно съ родомъ ремесла и съ физическими силами поступающаго въ ученье, а вторыя—замѣчая, что ученики вообще утомляются отъ занятій или же изнуряются ими, вправѣ будутъ требовать сокращенія времени ученическихъ занятій, тогда какъ если въ „Уставѣ" заранѣе будетъ опредѣлена высшая норма такого времени, то уже никто не вправѣ будетъ требовать уменьшенія занятій, хотя бы отъ продолжительности ихъ и происходилъ явный вредъ для учащихся.

По всему этому, мы полагали бы, исключивъ изъ проекта „Устава" статью о числѣ часовъ, назначенныхъ для занятій учениковъ, предоставить содержателямъ ремесленныхъ заведеній и лицамъ, отдающимъ въ ученье малолѣтнихъ, право включать въ договоры относительно этого особыя условія. Въ то же время можно было бы составить инструкціи или родъ урочнаго положенія, въ которомъ было бы означено высшее число часовъ, допускаемыхъ въ теченіи дня для занятій по тому или другому ремеслу, сообразно его трудностямъ, а также и съ лѣ-

тами поступающаго въ обученіе. Такою инструкціей и могли бы, въ случаѣ надобности, руководствоваться обѣ стороны. По вопросу о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ хозяевъ и учениковъ проектъ „Устава о личномъ наймѣ" не сдѣлалъ, въ сущности, никакихъ измѣненій противъ нынѣ дѣйствующаго „Ремесленнаго Устава", опредѣляющаго этого рода права и обязанности. Впрочемъ, нельзя было и ожидать, въ этомъ случаѣ, чего-нибудь новаго, такъ какъ и прежнія узаконенія обязывали хозяина имѣть постоянное попеченіе о принятыхъ имъ малолѣтныхъ и несовершеннолѣтнихъ, давать имъ здоровую и достаточную пищу, надлежащее помѣщеніе для работъ и ночлега, доставлять имъ возможность пользоваться баней и заботиться, чтобъ они имѣли приличную, сообразно съ временемъ года, одежду, соблюдали чистоту и опрятность. Извѣстно, однако, что, несмотря на эти требованія, содержаніе учениковъ у мастеровыхъ было всегда крайне неудовлетворительно. Поэтому, едва ли можно надѣяться, что въ этомъ отношеніи и послѣ введенія „Уставъ" произойдетъ перемѣна къ лучшему, если не будетъ установленъ болѣе бдительный надзоръ за содержаніемъ учениковъ. Остальныя, затѣмъ, правила о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ основаны въ проектѣ „Устава" частью на статьяхъ „Ремесленнаго Устава", частью на статьяхъ X т. 1 ч. „Свода законовъ". Въ силу этихъ статей, хозяинъ обязанъ заботиться объ обученіи своихъ учениковъ, обходиться съ ними кротко и человѣколюбиво, не налагать на нихъ работъ, неотносящихся до мастертсва или ремесла, для обученія которымъ они приняты, не обращать ихъ къ домашнему своему служенію и не позволять этого ни своей семьѣ, ни мастерамъ, ни подмастерьямъ. Равномѣрно онъ долженъ наблюдать за религіознымъ и умственнымъ образованіемъ учениковъ, а также за ихъ нравственностью, для чего обязанъ въ праздничные дни посылать ихъ въ

церковь и отнюдь не препятствовать посѣщенію ими школы. Ученикамъ же внушается почтеніе въ отношеніи къ хозяину и членамъ его семейства, обязанность исполнять его приказанія и соблюдать въ точности условія, опредѣленныя въ договорѣ обученія, и всѣ порядки, установленные въ заведеніи. Затѣмъ, проектъ „Устава“ предусматриваетъ случаи прекращенія договоровъ обученія. Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда договоръ обученія прекращается самъ собою и которыя были предусмотрены въ „Уставѣ Ремесленномъ“, въ упомянутомъ проектѣ подробно указаны законные поводы къ прекращенію судомъ договора обученія до наступленія условленнаго срока, или по просьбѣ хозяина, или по просьбѣ лицъ, отдавшихъ малолѣтнаго въ обученіе. Въ первомъ случаѣ такими поводами признаются, кромѣ лѣности, дурного поведенія, грубости, и неосторожное со стороны ученика обращеніе съ огнемъ. Во второмъ случаѣ: жестокое и вообще дурное обращеніе хозяина съ ученикомъ или предосудительные его поступки, могущіе имѣть вредное вліяніе на нравственность ученика, неудовлетворительное снабженіе ученика содержаніемъ вообще; небреженіе къ дѣлу обученія и обращеніе ученика на домашнее услуженіе или пользованіе имъ, какъ рабочимъ. Въ числѣ упомянутыхъ поводовъ указывается и на отягощеніе ученика работой сверхъ положеннаго числа часовъ по закону. Мы уже говорили подробно о безполезности на практикѣ установленія числа рабочихъ часовъ, и потому полагаемъ, что въ настоящемъ случаѣ должно быть сдѣлано насчетъ этого соотвѣтствующее измѣненіе. Затѣмъ, проектъ „Устава“ говоритъ о правѣ на вознагражденіе договаривающихся сторонъ въ случаѣ прекращенія по суду заключенныхъ между ними условій. Относящіяся къ этому правила составлены въ духѣ справедливости, и такъ какъ въ нихъ не указывается опредѣленнаго заранѣе съ тео-

ретической точки зрѣнія размѣра вознагражденія, то они и не вызываютъ противъ себя никакихъ возраженій.

Касаясь особыхъ видовъ личнаго найма, проектъ „Устава" говоритъ, между прочимъ, и о наймѣ рабочихъ для судоходства по внутреннимъ водянымъ путямъ сообщенія. Извѣстно, что при этомъ существуетъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ трудовъ, такъ называемая тяга судовъ, обращающая человѣка въ рабочую скотину. Бурлацкій промыселъ занимаетъ и теперь ежегодно десятки тысячъ человѣкъ, не смотря на то, что пароходство значительно уменьшило размѣры этого промысла. Статьи проекта „Устава", относящіяся къ найму рабочихъ для судоходства, нельзя считать законченными, такъ какъ онѣ должны быть дополнены особыми инструкціями, предоставленными на высочайшее усмотрѣніе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами. Съ своей стороны, проектъ „Устава", допуская въ означенномъ случаѣ наемъ рабочихъ или на извѣстный срокъ, или для исполненія условленныхъ работъ, говоритъ, что наемъ судорабочихъ можетъ быть произведенъ и на путину. Въ этомъ случаѣ, въ договорѣ, независимо отъ означенія лицъ, заключающихъ договоръ, работъ, принимаемыхъ на себя судорабочими, и рядной платы, должны быть постановляемы, между прочимъ, условія относительно способа продовольствія рабочихъ во время плаванія и на пристаняхъ, относительно предполагаемаго наибольшаго времени плаванія до мѣста назначенія, за которое слѣдуетъ судорабочимъ рядная плата, и размѣръ дополнительной платы на тотъ случай, если плаваніе, по независящимъ отъ судорабочихъ причинамъ, продлится болѣе предположеннаго времени. Далѣе, проектъ „Устава" излагаетъ новыя дополнительныя правила касательно способовъ продовольствія судорабочихъ и случаевъ ихъ заболѣванія въ пути, смерти, а также тяжелаго увѣчья при исполненіи порученной имъ

работы. Въ относящихся ко всему этому правилахъ сказано, между прочимъ, что, по прибытіи къ мѣсту назначенія, наниматель обязанъ, непозже трехъ дней, заявить мировому судьѣ о всѣхъ рабочихъ, умершихъ на самыхъ судахъ или плотахъ, съ представленіемъ ихъ видовъ, принадлежащихъ имъ вещей и причитающихся имъ по окончательному разсчету денегъ. Мы находимъ однако, что участіе въ этомъ дѣлѣ мирового судьи не соотвѣтствуетъ прямымъ его обязанностямъ, такъ какъ все это должно быть отнесено ближайшимъ образомъ къ вѣдѣнію полиціи. Сверхъ того, правило это можетъ быть весьма обременительно и для нанимателей, такъ какъ очень часто въ томъ мѣстѣ, куда прибываетъ судно, не находится мирового судьи и легко можетъ случиться, что нанимателю, для исполненія предписаннаго ему правила, придется иногда ѣздить верстъ за сто и болѣе. Поэтому, было бы удобнѣе допустить представленіе нанимателемъ видовъ, вещей и денегъ, слѣдующихъ умершимъ рабочимъ, мѣстному полицейскому начальству, которое найдется всюду.

Особыя правила относительно найма рабочихъ на рыбные промыслы астраханскіе и на Мурманскомъ Берегу заключаются въ томъ, что 1) воспрещается нанимать для рыбнаго промысла на упомянутомъ берегу лицъ, недостигшихъ 16-ти-лѣтняго возраста; 2) въ письменныхъ договорахъ должно быть означено, для чего нанятъ рабочій: для лова ли или для обработки рыбы въ товаръ и 3) для рабочихъ на Мурманскомъ Берегу наниматель долженъ доставлять въ становища запасъ продовольствія.

Послѣдній отдѣлъ проекта „Устава“, относящійся къ особымъ видамъ личнаго найма, касается найма прислуги.

Изъ того, что мы сказали прежде, виденъ общій порядокъ, какой долженъ быть, по проекту „Устава“, соблюдаемъ при наймѣ прислуги вообще. Въ добавокъ къ этому, въ проектѣ помѣщено нѣсколько особыхъ правилъ

относительно найма прислуги. Такъ, для облегченія сторонъ въ порядкѣ заключенія договоровъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ установлено заявленіе полиціи о прибывающихъ и выбывающихъ на жительство изъ одного дома въ другой, хозяевамъ предоставляется, одновременно съ такимъ объявленіемъ, заявлять и о поступленіи нанявшагося въ услуженіе, съ означеніемъ, притомъ, условій найма. Такія заявленія пишутся на простой бумагѣ, въ двухъ экземплярахъ, подписываются обѣими сторонами или тѣми, кому онѣ вѣрятъ, и возвращаются имъ по засвидѣтельствованіи въ полиціи. Безъ сомнѣнія, такой способъ заключенія условій съ прислугой сдѣлается, по своему удобству, самымъ употребительнымъ. Далѣе проектъ „Устава" говоритъ, что кормилицы, по требованію нанимателя, не могутъ уклоняться отъ осмотра ихъ во всякое время докторомъ или повивальною бабкой, что хозяинъ въ правѣ требовать, чтобъ пьяная прислуга была взята изъ дома полиціей и что въ этомъ случаѣ договоръ считается прекращеннымъ, если хозяинъ откажется принять обратно къ себѣ такого слугу, причомъ, слугѣ не предоставляется требовать какого-нибудь вознагражденія. Проектъ „Устава" даетъ хозяину право прекратить договоръ съ прислугой и тогда, если она находилась 24 часа подъ стражей. Наконецъ, въ проектъ введено весьма основательное правило, по которому, въ извѣстныхъ условіяхъ, прислуга, при неимѣніи нанимателемъ средствъ уплатить присужденное ей вознагражденіе, можетъ просить объ обращеніи взысканія на имущество тѣхъ изъ членовъ семейства нанимателя, которые во время служенія прислуги жили съ нанимателемъ въ одной квартирѣ и которые не докажутъ на судѣ, что они не пользовались постоянными трудами прислуги.

Взаимныя обязанности и права нанимателей и нанимающихся опредѣляются по проекту „Устава о личномъ наймѣ" тѣми договорами и на тѣхъ основаніяхъ, о ко-

торыхъ мы уже говорили. Извѣстно, однако, что, несмотря на правила, опредѣляющія содержаніе договоровъ, въ нихъ очень часто могутъ быть неполнота и неясности, почему и необходимо составить такія дополнительныя правила, которыми отстранялись бы упомянутые недостатки, если они окажутся въ договорѣ, подлежащемъ судебному разбирательству. Поэтому, въ проектѣ „Устава о личномъ наймѣ", находится особая глава, въ которую внесены правила подобнаго рода. Прежде всего они говорятъ о наймѣ одиночномъ, постановляя, что, при наймѣ безъ опредѣленія срока, договоръ, въ отношеніи разсчота и времени производства наемной платы считается заключеннымъ помѣсячно. Допустить такое общее правило, конечно, можно, но сдѣланное къ нему прибавленіе, что при этомъ днемъ разсчота почитается первое число каждаго мѣсяца, будетъ на практикѣ несовсѣмъ удобно. Хотя срокъ найма и не будетъ опредѣленъ въ договорѣ, но время поступленія нанимающагося можетъ быть извѣстно. Положимъ, оно будетъ падать на 6-е, 10-е или 20-е число: въ подобныхъ случаяхъ нельзя, безъ несправедливости къ одной изъ сторонъ, принимать, при помѣсячномъ разсчотѣ, днемъ разсчота постоянно первое число каждаго мѣсяца. Такимъ образомъ, было бы неизлишнимъ измѣнить приведенное выше правило въ указываемомъ нами смыслѣ. Далѣе идетъ рѣчь о задаткѣ, который признаётся какъ бы началомъ осуществленія договора. Это, конечно, весьма справедливо въ томъ отношеніи, что, съ одной стороны, наниматель, отказавшійся принять въ услуженіе или въ работу нанявшагося послѣ выдачи ему задатка, не вправѣ требовать возврата задатка и, сверхъ того, обязанъ вознаградить нанявшагося за убытки, понесенные имъ отъ такого отказа. Съ другой стороны, и нанимающійся, получивъ задатокъ, не въ правѣ отказаться отъ принятыхъ имъ на себя обязанностей, хотя бы и съ возвратомъ за-

датка нанимателю. Освобожденіе его отъ исполненія договора можетъ послѣдовать не иначе, какъ по распоряженію суда Затѣмъ, указаны подробныя правила на случай полученія нанимающимся впередъ денегъ отъ нанимателя и относительно правилъ разсчота, если исполненію работы будетъ препятствовать погода, и т. д. Всѣ эти правила. составленыя въ духѣ безпристрастія, достаточно ограждаютъ правà и интересы обѣихъ сторонъ. и потому, безъ всякаго сомнѣнія, упростятъ судебный разборъ дѣлъ между нанимателями и нанимающимися, тогда какъ нынѣ, при отсутствіи подобныхъ правилъ, безобидное рѣшеніе такихъ дѣлъ бываетъ крайне затруднительно.

Относительно найма артелей въ „Уставѣ„ есть нѣкоторыя особыя правила. Такъ, между прочимъ, если наниматель не будетъ удовлетворять артель причитающеюся ей платой, а равно, если по окончаніи срока найма не удовлетворитъ ея вполнѣ, то уплачиваетъ въ ея пользу, сверхъ задержанныхъ денегъ, по 1% съ рубля съ недоданной суммы за каждый день просрочки по день ея внесенія или взысканія. Пеня эта составитъ отъ 30 до 31% въ мѣсяцъ, что̀, конечно можно считать вполнѣ достаточнымъ вознагражденіемъ за своевременное неполученіе артелью разсчота. Если же наниматель откажетъ артели до истеченія условленнаго срока, безъ законныхъ причинъ, то, по опредѣленію суда, количество вознагражденія, слѣдущаго въ этомъ случаѣ артели, назначается въ размѣрѣ той суммы, какая причитается артели за время, остающееся до конца договорнаго срока, или какая причиталась бы ей за окончательно исполненныя ею договорныя работы. Къ этому прибавлено, впрочемъ, что упомянутая сумма не можетъ быть присуждаема въ размѣрѣ болѣе трехмѣсячной и менѣе мѣсячной заработанной платы, хотя бы до окончанія договора оставалось болѣе трехъ мѣсяцевъ или менѣе одного мѣсяца.

Далѣе, въ проектѣ „Устава" слѣдуютъ правила для разрѣшенія споровъ, въ случаѣ неполноты или неясности договора по нѣкоторымъ особымъ видамъ найма. Такъ, при возникшемъ спорѣ о размѣрѣ слѣдующей нанимающемуся платы, принимается: для сельскихъ рабочихъ и для поступающихъ на фабрики и въ ремесленныя заведенія— мѣстныя цѣны на тѣ работы для которыхъ рабочій былъ нанятъ; для судорабочихъ означенная плата опредѣляется не свыше существующихъ цѣнъ для найма, какъ на путину, такъ и въ разныя по судоходству должности. Цѣны же эти установляются особою таксой, составляемой по каждой губерніи мѣстнымъ губернскимъ собраніемъ, а утверждаются губернаторомъ на общемъ основаніи. Наконецъ, относительно размѣра наемной платы прислугѣ опредѣляется, что такая плата не должна быть выше существующихъ цѣнъ для найма въ служительскія должности разнаго рода. Цѣны же эти, какъ предполагается въ проектѣ, будутъ установляемы ежегодно въ городахъ—городскими общественными управленіями, а въ прочихъ мѣстностяхъ—уѣздными земскими управами, съ обращеніемъ, притомъ, вниманія на различіе видовъ каждой служительской должности. Такимъ образомъ, тѣ правила, о которыхъ мы теперь говоримъ, устроятъ, съ одной стороны, излишнія домогательства прислуги, а съ другой—пресѣкутъ уклоненіе нанимателей отъ удовлетворенія рабочихъ и прислуги въ такомъ размѣрѣ, какой можетъ считаться нормальнымъ въ данной мѣстности. Въ юридическомъ же отношеніи такая мѣра будутъ чрезвычайно полезна, такъ какъ она, въ случаѣ неполноты или неясности договора, упроститъ разсчоты нанимателя съ нанимаемыми.

Весьма важнымъ вопросомъ по личному найму является вопросъ о времени предупрежденія одною стороною другой, касательно прекращенія договора. Теперь наниматели считаютъ себя вправѣ, если нѣтъ особыхъ условій, отказать

рабочимъ и прислугѣ во всякое время, не предваряя ихъ объ этомъ; точно также и нанимающіеся въ услуженіе или на работы полагаютъ, что они, не предваряя нанимателя, могутъ оставить свои занятія, когда пожелаютъ. Въ виду этого, проектъ „Устава“ предлагаетъ положительныя правила для сроковъ предупрежденія. Такъ, по найму сельскихъ рабочихъ, договоры, заключенные безъ опредѣленія срока, могутъ быть прекращаемы по желанію одной изъ договорившихся сторонъ не иначе, какъ съ предвареніемъ о томъ другой стороны за двѣ недѣли. При наймѣ рабочихъ на фабрикахъ и въ ремесленныхъ заведеніяхъ, такое предупрежденіе должно быть сдѣлано за недѣлю. Тотъ же срокъ полагается и по найму судорабочихъ вообще, но онъ сокращается до трехъ дней при неявкѣ ихъ къ указанному въ договорѣ мѣсту въ условленное время. Относительно прислуги постановляется, что предупрежденіе о намѣреніи одной изъ сторонъ прекратить договоръ должно быть сдѣлано за недѣлю до перваго числа предстоящаго мѣсяца. При наймѣ же срочномъ, хозяинъ и нанявшійся обязаны, за недѣлю до срока окончанія договора, предупредить другъ друга о намѣреніи своемъ прекратить договоръ въ означенный срокъ. Если же такого предупрежденія не послѣдуетъ, то каждая сторона можетъ воспользоваться льготнымъ двухнедѣльнымъ срокомъ, въ теченіи котораго договоръ остается въ своей силѣ.

Конечно, нельзя сказать, до какой степени всѣ эти сроки могутъ быть съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ удобствомъ примѣнимы на практикѣ, но, кажется, во всякомъ случаѣ, они не могутъ вызвать серьезныхъ возраженій. Къ этому надобно прибавить одинъ практическій вопросъ. Положимъ, что наниматель или его уполномоченный не будетъ находиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ занимаются рабочіе. Нужно ли будетъ, при разсчетѣ срока, положеннаго на предупрежденіе, принимать въ соображеніе такое обстоятельство?

Съ одной стороны, рабочіе могутъ воспользоваться болѣе или менѣе дальнимъ пребываніемъ нанимателя, который иногда въ теченіи недѣли не успѣетъ даже получить дѣлаемое ему предупрежденіе. Съ другой стороны, можетъ быть весьма стѣснительно для рабочихъ, если на практикѣ будетъ пониматься двухнедѣльный срокъ предваренія независимо отъ того времени, впродолженіи котораго оно можетъ дойти до нанимателя, т. е. если къ этому будетъ присовокупляться поверстный срокъ. Обстоятельства эти необходимо выяснить въ „Уставѣ" и, по нашему мнѣнію, упомянутый выше вопросъ можетъ быть разрѣшонъ тѣмъ, что если наниматель находится въ отсутствіи, не оставивъ на мѣстѣ производства работъ довѣреннаго лица, то достаточно будетъ, если рабочіе заявятъ за двѣ недѣли въ ближайшемъ полицейскомъ управленіи, или же волостному или сельскому начальству, о своемъ намѣреніи прекратить договоръ. Безъ такого правила, отсутствіе нанимателя или его довѣреннаго, которымъ, по точному смыслу проекта „Устава", должны быть дѣлаемы упомянутыя предупрежденія, будетъ, при судебномъ разборѣ дѣла, объясняться иногда въ пользу нанимателей, а иногда въ пользу рабочихъ.

Въ такомъ видѣ, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ частностей, не вызывающихъ, впрочемъ, на особыя объясненія, является, по проекту „Устава о личномъ наймѣ", порядокъ прекращенія договоровъ объ этомъ наймѣ, въ случаѣ ихъ неполноты и неясности, причемъ на сторону обвиненную, какъ и слѣдуетъ, должна будетъ падать уплата или пени, или денежныхъ вознагражденій. Но юридическая сторона означеннаго „Устава" не ограничивается этимъ. Всякій законъ, какъ извѣстно, предполагаетъ вѣроятность его нарушенія, которое можетъ имѣть или гражданскій, или уголовный характеръ. Слѣдственно, оказывается необходимость установить взысканія и за нарушеніе правилъ о

наймѣ рабочихъ и прислуги. Во многихъ случаяхъ такое нарушеніе можетъ быть подведено подъ общіе гражданскіе или уголовные законы; но, вмѣстѣ съ этимъ, можетъ иногда оказаться и такое нарушеніе правилъ о личномъ наймѣ, которое составляетъ отдѣльный видъ преступленій или проступковъ. Вслѣдствіе этого, узаконенія о взысканіи за нарушеніе упомянутыхъ правилъ должны заключать въ себѣ особыя, самостоятельныя статьи, исключительно примѣненныя къ личному найму. Поэтому, въ проектъ „Устава“ внесены нѣкоторыя статьи частью изъ „Уложенія о наказаніяхъ“, частью изъ „Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“. Конечно, при разсмотрѣніи этихъ статей можетъ быть собственно вопросъ только о правильности ихъ примѣненія къ дѣламъ личнаго найма и должно сказать, что такое примѣненіе мы въ данномъ случаѣ находимъ вполнѣ удовлетворительнымъ. Оно дѣлается только въ отношеніи къ такимъ преступленіямъ и проступкамъ противъ личнаго найма, которые имѣютъ общеуголовный характеръ.

Слѣдуетъ остановиться еще на такихъ статьяхъ проекта, которыя были выработаны собственно комиссіей, занимавшейся его составленіемъ. Статьи эти, безъ всякаго сомнѣнія, заслуживаютъ особенно вниманія, такъ какъ онѣ предназначаются для введенія въ узаконенія, относящіяся къ правамъ, обязанностямъ и быту рабочихъ классовъ. Упомянутыя статьи предусматриваютъ, между прочимъ, слѣдующіе проступки.

За обращеніе малолѣтныхъ въ работу на фабрикахъ, заводахъ и вообще въ мануфактурныхъ заведеніяхъ или въ обученіе ранѣе возраста, опредѣленнаго закономъ или распоряженіемъ подлежащей власти, виновные какъ въ отдачѣ, такъ и въ принятіи такихъ малолѣтныхъ, подвергаются аресту не свыше двухъ мѣсяцевъ или денежному взысканію не свыше двухсотъ рублей. Сверхъ того,

принявшіе малолѣтныхъ обязаны вознаградить ихъ за причиненный здоровью ихъ вредъ. Нетрудно, впрочемъ, предсказать, что это послѣднее правило въ томъ видѣ, какъ оно редижировано въ проектѣ „Устава“, будетъ давать поводъ къ самымъ неопредѣленнымъ требованіямъ. Тому же наказанію подвергается хозяинъ заведенія за пріемъ малолѣтныхъ въ обученіе послѣ потери права держать учениковъ. Далѣе установляется взысканіе, не свыше двадцати-пяти рублей, за нарушеніе правилъ, установленныхъ по найму такого лица, для котораго въ этомъ случаѣ требуется согласіе со стороны другого лица. Затѣмъ, полагается взысканіе, въ видѣ ареста отъ одного до двухъ мѣсяцевъ или денежнаго взысканія отъ двадцати-пяти до ста рублей, за наемъ въ сидѣльцы и прочія служительскія должности въ питейныя заведенія лицъ, недостигшихъ 21 года. Статья эта установляется въ видахъ огражденія нравственности несовершеннолѣтнихъ; но заботу такого рода не мѣшало бы распространить и на другой случай, именно, на недопущеніе найма несовершеннолѣтнихъ въ услуженіе въ дома терпимости. Такого запрещенія у насъ въ законахъ не находится, хотя, быть можетъ, гдѣ-нибудь оно и установлено мѣстною властью, имѣющею надзоръ за упомянутыми домами. Само собою разумѣется, что нравственности 14-ти, 15-ти лѣтней дѣвочки, при поступленіи ея въ услуженіе въ домъ терпимости, будетъ угрожать опасность нисколько не менѣе той, какая грозитъ нравственности 20-ти-лѣтняго парня, нанявшагося въ услуженіе въ водочный магазинъ.

Затѣмъ должно указать и на такія статьи проекта „Устава о личномъ наймѣ“, которыя, по нашему мнѣнію, относятся или снисходительно, или, напротивъ, строго, къ проступкамъ нанимателей. Къ числу первыхъ принадлежатъ двѣ статьи. По одной изъ нихъ, за допущеніе тѣсноты въ помѣщеніи для рабочихъ и учениковъ или за

неисправное содержаніе этихъ помѣщеній, „когда отъ сего можетъ произойти вредъ здоровью означенныхъ лицъ“ виновный подвергается денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей. Нельзя не предполагать, что въ виду такого незначительнаго штрафа—даже и тогда, когда онъ достигаетъ высшаго размѣра—многіе содержатели фабрикъ и ремесленныхъ заведеній предпочтутъ, изъ экономіи, помѣщать дурно рабочихъ и учениковъ, такъ какъ очень часто сбереженіе по найму помѣщенія будутъ съ избыткомъ покрывать налагаемый по суду штрафъ. Притомъ же, вообще для богатыхъ или достаточныхъ содержателей фабрикъ или ремесленныхъ заведеній денежный штрафъ будетъ весьма нечувствительнымъ наказаніемъ. Слѣдовало бы въ упомянутой статьѣ назначить, кромѣ денежнаго взысканія, и другой еще видъ наказанія—арестъ, особенно при второмъ и послѣдующихъ обвиненіяхъ. Въ другой статьѣ, относящейся также снисходительно къ нанимателямъ, говорится, что за непринятіе мѣръ къ обезпеченію рабочихъ и учениковъ отъ вреда на работахъ, несчастій отъ обваловъ, затопленія, взрыва подземныхъ газовъ и т. п., когда отъ этого не послѣдовало никакого вреда, виновный въ томъ наниматель или хозяинъ подвергается аресту не свыше семи дней или денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей. Едва ли такое наказаніе не слишкомъ слабо въ виду возможности тѣхъ бѣдствій, которыя предвидятся въ самомъ проектѣ „Устава“ и которыя могутъ произойти очень часто единственно отъ невниманія, небрежности или неумѣстной разсчетливости нанимателя. Справедливость этого мнѣнія подтвердится вполнѣ, если принять въ соображеніе, что такого же рода наказанія установлены „за порученіе управленія лошадьми лицу неспособному“, отъ чего, конечно, можетъ произойти менѣе вреда, нежели отъ обваловъ, затопленій и взрывовъ. Въ то же время, проектъ „Устава“ какъ бы въ противоположность прежде указан-

ной нами снисходительности, доводитъ размѣръ штрафа до пятидесяти рублей нетолько за отведеніе ночлега лицамъ женскаго пола вмѣстѣ съ лицами мужскаго пола, но даже „за совмѣстное помѣщеніе на ночлегъ въ одной и той же комнатѣ, взрослыхъ рабочихъ мужескаго пола и рабочихъ или учениковъ, недостигшихъ 16-ти лѣтняго возраста". Позволяемъ себѣ замѣтить, что такое правило отличается крайнимъ, даже непонятнымъ пуризмомъ, а также чрезвычайною непрактичностью. Если такое раздѣленіе взрослыхъ отъ малолѣтныхъ и можетъ требоваться въ тюрьмахъ, то едва ли оно умѣстно во всѣхъ другихъ случаяхъ, тѣмъ болѣе, что иногда даже необходимо оставлять взрослыхъ, хорошей нравственности, рабочихъ постоянно съ малолѣтными для надзора за ними.

Относительно буйства, площадной (?) брани и вообще за нарушеніе тишины и порядка въ пьяномъ видѣ рабочими на фабрикахъ, плотахъ, судахъ и т. д., а прислугою въ квартирѣ нанимателя, проектъ „Устава" дѣлаетъ исключеніе изъ общаго правила, подводя эти поступки подъ тѣ наказанія, налагаемыя мировыми судьями, которыя установлены за нихъ тогда только, когда они производятся въ публичныхъ мѣстахъ. Впрочемъ, противъ такой, нѣсколько усиленной строгости нельзя дѣлать никакихъ возраженій.

Наконецъ, по вопросу о стачкахъ, проектъ „Устава о личномъ наймѣ" остался при нынѣ дѣйствующихъ узаконеніяхъ, добавивъ только: а) что въ случаѣ стачки рабочихъ двухъ или нѣсколькихъ заведеній, главные виновники подвергаются заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до трехъ мѣсяцовъ и б) что тѣмъ же наказаніямъ подвергаются зачинщики и подговорщики къ прекращенію занятій рабочими, нанятыми для исполненія какихъ-нибудь другихъ работъ. Впрочемъ, стачки русскихъ рабочихъ людей, имѣющія до сихъ поръ отличный характеръ отъ ста-

чекъ рабочихъ на Западѣ. составляютъ самостоятельный юридическо-экономическій вопросъ, котораго мы коснулись здѣсь только въ виду приведенныхъ выше статей проекта „Устава о личномъ наймѣ".

IX.

О лишеніи у насъ личной свободы по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ.

Въ уголовномъ законодательствѣ важны не только отдѣльныя его статьи, разсматриваемыя каждая порознь, но и общій его духъ. Нерѣдко бываетъ, что частныя гарантіи, обезпечивающія личность подсудимаго въ томъ или въ другомъ случаѣ, подавляются болѣе или менѣе однимъ какимъ либо ошибочнымъ воззрѣніемъ на существенныя права каждаго гражданина. Какое же воззрѣніе на личную свободу человѣка проявляется въ нынѣ дѣйствующемъ „Уставѣ уголовнаго судопроизводства"? По статьѣ 125, приговоръ мироваго судьи признаётся, между прочимъ, окончательнымъ и тогда, когда имъ опредѣляется арестъ не свыше трехъ дней. Если за тѣмъ принять въ соображеніе, что такой приговоръ можно обжаловать только въ кассаціонномъ порядкѣ и что судопроизводство у мировыхъ судей обставлено самыми незначительными формальностями, то очевидно будетъ, что кассація такихъ приговоровъ — дѣло чрезвычайно трудное. Такимъ образомъ, наказаніе арестомъ, т. е. лишеніе человѣка свободы въ нѣкоторыхъ случаяхъ зависитъ единственно отъ личнаго усмотрѣнія мироваго судьи. Не слѣдуетъ забывать еще и того, что лишеніе свободы составляетъ нынѣ въ мировой юрисдикціи самый обширный видъ наказанія, такъ какъ въ 57 случаяхъ мировой судья имѣетъ право приговорить къ аресту и въ 13 — хъ тю-

ремному заключенію, не говоря уже о томъ, что и денежные штрафы,—при несостоятельности обвиненнаго,—замѣняются очень часто личнымъ его задержаніемъ. Кромѣ того, на основаніи 157 ст. „Устава уголовнаго судопроизводства“, присужденный неокончательнымъ приговоромъ мироваго судьи къ заключенію въ тюрьмѣ, можетъ быть оставленъ па свободѣ, впредь до вступленія приговора въ законную силу, не иначе какъ по представленію имъ залога или поручительства. Изъ этого видно, что при существующихъ условіяхъ подсудимый можетъ быть лишенъ свободы и по окончательному и по неокончательному приговору единоличнаго суда. Но какъ бы ни былъ отлично организованъ мировой судъ, какъ бы ни были достойны довѣрія и уваженія представители его, все же не льзя не вспомнить при этомъ факта, никѣмъ не оспариваемаго, что при единоличномъ судѣ даже расположеніе духа судьи можетъ иногда имѣть большое вліяніе на постановляемые имъ приговоры.

Въ виду всего этого нужно пожелать, чтобы у насъ единоличному суду не принадлежало право распоряжаться такъ широко личною свободою подсудимаго и чтобы вообще не существовало такихъ безапелляціонныхъ приговоровъ, которыми подсудимый приговаривается къ аресту. Въ этомъ отношеніи можно указать па законодательные кодексы нѣкоторыхъ другихъ странъ Европы, отъ которыхъ далеко отстало наше новѣйшее уголовное законодательство. Въ Англіи, во Франціи, въ Бельгіи, въ Пруссіи, въ Австріи, въ Италіи, и въ Швеціи обжалованіе приговоровъ, опредѣляющихъ хотя бы самый краткосрочный арестъ, допускается не въ кассаціонномъ, а въ апелляціонномъ порядкѣ. Въ этомъ правилѣ несомнѣнно заключается одна изъ вѣрнѣйшихъ гарантій личной свободы, поставленной при единоличномъ, а иногда даже и при безапелляціонномъ судѣ въ зависимость отъ самыхъ разнообразныхъ случайностей.

Но быть можетъ такая обширность правъ единоличнаго суда относительно лишенія виновнаго свободы вызвана была какими нибудь особыми, уважительными обстоятельствами? Обращаясь къ изложенію соображеній, на которыхъ основана упомянутая 125 статья, мы находимъ слѣдующія основанія къ предоставленію мировому судьѣ права подвергать безапелляціонно трехдневному аресту. Тамъ сказано, что мировой судья замѣняетъ, въ дѣлахъ ему ввѣренныхъ, мѣста и лица, производящія нынѣ судебно-полицейскую расправу, и потому власть его въ рѣшеніи дѣлъ не только не должна быть менѣе нынѣшней власти становаго пристава, который относительно подсудныхъ ему лицъ, окончательно рѣшаетъ дѣла, подвергающія денежному взысканію не свыше пяти рублей или аресту не болѣе какъ на три дня,—но и можетъ быть нѣсколько увеличена, чтобы уменьшить число дѣлъ въ высшей надъ судьею инстанціи. Съ справедливостію такихъ доводовъ едва ли можно согласиться потому, что во первыхъ при той коренной реформѣ, какой подвергся у насъ судебный порядокъ, сопоставленіе власти становаго пристава съ властію мироваго судьи едва ли было даже умѣстно. При томъ, по продолженію „Свода Законовъ" 1868 года статья 843, тома XV измѣнена въ томъ смыслѣ, что становой приставъ рѣшаетъ окончательно только такія дѣла, по которымъ налагается взысканіе не свыше пяти рублей. По всѣмъ же прочимъ приговорамъ, подсудимые имѣютъ право изъявлять неудовольствіе на рѣшенія пристава. Во вторыхъ, то обстоятельство, что жалобы въ отношеніи столь важнаго приговора, какъ лишеніе свободы, могутъ увеличить число дѣлъ въ мировыхъ съѣздахъ,—представляется въ юридическомъ отношеніи достаточно невѣскимъ. Задачею хорошо организованнаго судопроизводства должно быть не уменьшеніе числа дѣлъ въ высшихъ инстанціяхъ, но напротивъ, изысканіе всевозможныхъ способовъ для того,

чтобы устранить случаи неправильныхъ и пристрастныхъ рѣшеній, и безъ всякаго сомнѣнія, однимъ изъ лучшихъ для того способовъ должно признать самое широкое право апелляціи вообще. и въ особенности при существованіи единоличнаго суда въ первой истанціи.

Мы нисколько не ошибемся, если скажемъ, что предоставленное мировымъ судьямъ въ такихъ размѣрахъ право лишать подсудимыхъ свободы отзывается соотвѣтственнымъ же образомъ на господствующемъ у насъ понятіи о неприкосновенности личной свободы. Если бы у насъ были вовсе отмѣнены безапелляціонные приговоры относительно арестовъ, то такой порядокъ подѣйствовалъ бы самымъ вліятельнымъ образомъ и на судебныхъ слѣдователей, и на лицъ прокурорскаго надзора. Судебная власть стоитъ нынѣ у насъ очень высоко въ общественномъ мнѣніи и потому нѣкоторое ограниченіе даже ея правъ касательно арестовъ, какъ карательнаго, такъ и предварительнаго,— отозвалось бы благопріятно и въ другихъ сферахъ.

Обращеніе всегда и вездѣ съ какимъ либо правомъ человѣка съ надлежащимъ уваженіемъ должно служить надежнѣйшею охраною этого права. Если же, въ какомъ бы то ни было случаѣ, законъ къ этому праву относится не съ полною осторожностью, то оно, мало по малу, утрачиваетъ свою неприкосновенность и во всѣхъ другихъ случаяхъ. При безапелляціонности такихъ приговоровъ — постановляемыхъ единолично мировымъ судьею — которые лишаютъ подсудимаго личной свободы, хотя бы не свыше какъ на три дня, понятіе о важности этой мѣры колеблется въ самомъ принципѣ и утвердительно можно сказать, что пока у насъ будутъ допускаемы, въ какихъ бы то ни было видахъ, судебные приговоры при подобныхъ условіяхъ, до тѣхъ поръ у насъ никоимъ образомъ не установится вѣрное пониманіе о личной свободѣ. Безспорно, что наша судебная реформа во многихъ отношеніяхъ

заслуживаетъ полнаго сочувствія, но едва ли забота о перевѣсѣ власти мирового судьи надъ властью становаго пристава—такою властію, которая сложилась подъ вліяніемъ воззрѣній на неравноправность сословій — должна была давать руководящія соображенія при введеніи новаго, общаго для всѣхъ сословій, судебнаго порядка.

Независимо отъ этого, подвергать предварительному аресту имѣетъ право и полиція, но только лицъ оподозрѣнныхъ въ такихъ преступленіяхъ, за которыя въ законѣ полагается лишеніе всѣхъ правъ состоянія или потеря всѣхъ особенныхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ. Но такое распоряженіе полиціи по закону (т. II общ. губ. учрежд., прил. къ ст. 2,654 п. 15) допускается лишь тогда, когда: 1) преступникъ захваченъ на мѣстѣ и во время совершенія преступленія; 2) когда преступленіе учинено явно и гласно; 3) когда очевидцы преступленія укажутъ прямо на лицо преступника; 4) когда на подозрѣваемомъ или въ его жилищѣ найдены будутъ очевидные слѣды преступленія или вещественныя онаго доказательства, и 5) когда оподозрѣнный сдѣлалъ покушеніе на побѣгъ, или былъ пойманъ послѣ побѣга. Кромѣ того, оподозрѣнный можетъ быть подвергнутъ личному задержанію и въ случаѣ отказа дать подписку о явкѣ къ слѣдствію и суду по преступленіямъ, влекущимъ за собою и менѣе строгія наказанія. Для того же, чтобы устранить случаи неправильныхъ арестовъ, законъ требуетъ, чтобы при подобной мѣрѣ дознаніе было отправлено по принадлежности непремѣнно въ теченіе сутокъ отъ приведенія ея въ исполненіе.

Читая эти постановленія, должно, какъ кажется, признать, что личная свобода отъ произвольнаго заключенія подъ стражу подозрѣваемаго, по распоряженію полицейской власти, обезпечена у насъ какъ нельзя болѣе. На практикѣ, однако, выходитъ иначе. Изъ происходившихъ су-

дебныхъ процессовъ оказывалось, что даже въ Петербургѣ,—гдѣ, какъ извѣстно, существуетъ образцовая полиція,—аресты производились иногда внѣ тѣхъ условій, какія положительно указаны въ законѣ и что, кромѣ того, арестованные содержались подъ стражею долгое время совершенно напрасно. Само собою разумѣется, что въ числѣ упомянутыхъ случаевъ были и такіе, которые никакъ нельзя приписать произволу полицейской власти, но которые должно объяснить лишь стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ, неблагопріятныхъ для обнаруженія невиновности оподозрѣнныхъ. Тѣмъ не менѣе повсемѣстно встрѣчаются и такіе случаи, гдѣ къ лишенію подозрѣваемаго личной свободы не представлялось для полиціи рѣшительно никакихъ основаній, такъ что эти случаи могутъ быть только вслѣдствіе полной увѣренности полиціи въ ненаказуемости неправильныхъ ея распоряженій. Дѣйствительно, офиціальное лицо, пользующееся правомъ заключенія подозрительнаго человѣка подъ стражу, всегда надѣется, при рѣшительности предпринятыхъ имъ мѣръ, найдти оправдательные для себя поводы, и это не представляетъ особой трудности. если имѣть въ виду взглядъ на лишеніе личной свободы нашего уголовнаго законодательства.

По закону, статьи 348 „Улож. о наказаніяхъ" за взятіе подъ стражу кого-либо, хотя и по законнымъ, достойнымъ уваженія причинамъ, но безъ соблюденія установленныхъ на то правилъ, виновное въ томъ должностное лицо приговаривается, смотря по обстоятельствамъ дѣла, или къ строгому замѣчанію, или къ строгому выговору со внесеніемъ въ послужной списокъ, или къ вычету отъ шести мѣсяцевъ до одного года изъ времени службы. Когда же кто-либо будетъ взятъ, безъ всякихъ достойныхъ уваженія причинъ, или когда виновный въ томъ не имѣлъ на сіе по закону, или по особому разрѣшенію, права, то онъ подвергается высшей мѣрѣ наказаній, опредѣленныхъ

за противозаконное задержаніе и заключеніе. При этомъ дѣлается ссылка на статьи 1540 — 1544 „Уложенія о наказаніяхъ“; въ первой изъ этихъ статей сказано: „кто по какой бы то ни было причинѣ и съ какимъ бы то ни было намѣреніемъ, кромѣ лишь случаевъ, въ коихъ задержаніе и самое предварительное заключеніе по уликамъ или подозрѣніямъ, или же въ видѣ наказанія дозволено, или предписано закономъ, самовольно или насильственно лишитъ кого-либо свободы, тотъ, буде заключеніе его или задержаніе продолжалось болѣе трехъ мѣсяцевъ, приговаривается къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты.“

Не смотря, однако, на указанную нами связь между 348 и 1,540 статьями, наказанія, опредѣляемыя въ этой послѣдней, не могутъ быть примѣняемы ни къ полицейскимъ чинамъ, ни къ судебнымъ слѣдователямъ, ни къ лицамъ прокурорскаго надзора, потому что, дѣлая распоряженіе о заключеніи кого-либо подъ стражу, они не поступаютъ ни самовольно, ни насильственно, но въ предѣлахъ власти, дозволенной или предписанной закономъ. Кромѣ того, упомянутыя лица всегда будутъ въ состояніи представить при своихъ объясненіяхъ какія-либо улики или подозрѣнія, которыя побудили ихъ къ задержанію обвиняемаго, и которыя, слѣдовательно, служатъ къ ихъ оправданію. Такимъ образомъ, наше уголовное законодательство, смотритъ на случаи лишенія личной свободы, преимущественно еще съ практической точки зрѣнія, между тѣмъ какъ оно должно быть точнѣе сообразовано съ воззрѣніемъ чисто юридическимъ, которое вообще не можетъ оставаться равнодушнымъ къ лишенію свободы.

Кромѣ случаевъ лишенія личной свободы, въ видѣ предварительнаго ареста по общимъ уголовнымъ дѣламъ,

т. е. кромѣ тѣхъ случаевъ, о которыхъ мы говорили выше,—подобная мѣра предпринимается еще, при извѣстныхъ условіяхъ, и противъ отвѣтчиковъ по гражданскимъ искамъ. „Уставъ гражданскаго судопроизводства" предусматриваетъ, между прочимъ, такіе случаи, когда при производствѣ гражданскаго дѣла откроются обстоятельства, требующія уголовнаго преслѣдованія, которое, смотря по подсудности дѣла, возбуждается или мировыми судьями или прокурорскою властію. Между тѣмъ, судебная практика показываетъ, что при такихъ преслѣдованіяхъ бываютъ,—въ особенности по дѣламъ, производимымъ у мировыхъ судей, — большія ошибки. Такъ, нерѣдко дѣла, имѣющія въ сущности всѣ свойства гражданскаго процесса, какъ, напримѣръ, по отдачѣ имущества на сохраненіе, по опекамъ, по залогамъ и т. д., нерѣдко по нѣкоторымъ только, весьма слабымъ, признакамъ уголовнаго характера, обращаются къ уголовному производству, и тогда лицо, состоявшее отвѣтчикомъ собственно по имущественному спору, дѣлается лицомъ заподозрѣннымъ въ преступленіи, и противъ него принимаются мѣры для пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Такъ какъ въ число такихъ мѣръ входитъ содержаніе обвиняемыхъ подъ стражею, то иные гражданскіе процессы, обращенные къ уголовному порядку, сопровождаются лишеніемъ обвиняемыхъ личной свободы. Такой оборотъ тѣмъ тягостнѣе для обвиняемаго, что просьбъ объ отмѣнѣ заключеній суда о передачѣ прокурорскому надзору уголовнаго обстоятельства, въ силу разъясненій, сдѣланныхъ правительствующимъ сенатомъ, не допускается, такъ какъ заключенія эти не составляютъ ни окончательнаго приговора, ни рѣшенія по существу гражданскаго дѣла, а между тѣмъ обвиняемый, смотря по важности взводимаго на него преступленія, тотчасъ же можетъ быть подвергнутъ предварительному аресту. Бываютъ, однако, нерѣдко примѣры, что составлен-

ные по поводу такихъ дѣлъ обвинительные акты уничтожаются надлежащею властію, или же — что уголовный судъ признаетъ заподозрѣннаго невиннымъ, а за тѣмъ и гражданскій судъ отказываетъ истцу въ его домогательствахъ. При всемъ этомъ, однако, — какъ это было по дѣлу Шишкиной и другихъ,—первоначальные отвѣтчики по гражданскому дѣлу, обратившись въ обвиняемыхъ, успѣваютъ высидѣть въ тюрьмѣ иногда болѣе года. Само собою разумѣется, что такіе случаи съ юридической точки зрѣнія представляются вполнѣ послѣдовательными, потому что отвѣтчикъ лишается личной свободы собственно не по гражданскому дѣлу, а по возникшему изъ него уголовному процессу; но отъ этого обвиняемому нисколько не легче, даже и тогда, когда ему въ послѣдствіи предоставляется право жаловаться на неосновательность обвиненія. Въ подобныхъ случаяхъ вся вина главнымъ образомъ лежитъ на судѣ, не умѣвшемъ съ перваго раза отличить чисто-гражданскій характеръ дѣла отъ уголовнаго. Если, однако, принять въ соображеніе встрѣчающіяся въ нашихъ гражданскихъ законахъ неточности и неопредѣленности, а также и то, что большинство мировыхъ судей не имѣетъ спеціальнаго юридическаго образованія, а иногда даже и практическаго навыка по производству дѣлъ, то будутъ понятны тѣ часто повторяющіеся у насъ случаи, когда отвѣтчикъ по гражданскому дѣлу становится, безъ уважительныхъ причинъ, обвиняемымъ въ такомъ уголовномъ преступленіи, котораго вовсе не существуетъ и за которое онъ терпитъ болѣе или менѣе продолжительный предварительный арестъ.

Случаи неправильнаго лишенія личной свободы по дѣламъ гражданскимъ представляются иногда и въ отношеніи несостоятельныхъ должниковъ, принадлежащихъ къ торговому сословію. Такъ, коммерческіе суды, объявивъ должника несостоятельнымъ и руководствуясь 1,759 статьей

тома XI „Свода Законовъ“. по просьбѣ взыскателя, обращаютъ рѣшеніе къ предварительному исполненію, предписывая продать установленнымъ порядкомъ принадлежащее должнику имущество. Мѣра эта законна, но при этомъ встрѣчается та неправильность, что иной коммерческій судъ, не смотря на то, что разсмотрѣнное имъ дѣло, по апелляціонной жалобѣ отвѣтчика, переходитъ въ сенатъ, одновременно съ распоряженіемъ о предварительномъ исполнененіи въ отношеніи имущества должника, подвергаетъ его самаго личному задержанію, въ *обезпеченіе* кредитора, на случай невыручки всего долга изъ проданнаго имущества. Такая неправильная мѣра, какъ намъ извѣстно, вызвала уже со стороны сената слѣдующее, сдѣланное упраздненному нынѣ тифлисскому коммерческому суду, разъясненіе, а именно: что нѣтъ такого закона, по которому предоставлялось бы истцу, въ порядкѣ общаго или торговаго производства, требовать въ обезпеченіе своей претензіи личнаго задержанія отвѣтчика и что нѣтъ равнымъ образомъ закона, по которому дозволено бы было подвергать отвѣтчика личному задержанію при предварительномъ исполненіи рѣшенія, въ окончательную и законную силу не вошедшаго. Такіе факты въ дополненіе къ тѣмъ, о которыхъ мы говорили, по поводу предварительныхъ арестовъ по дѣламъ уголовнымъ весьма наглядно показываютъ, какъ не трудно у насъ лишиться свободы даже по гражданскимъ дѣламъ и при томъ даже въ такихъ случаяхъ, по которымъ законъ не допускаетъ вовсе подобной предупредительной мѣры. Добавимъ къ этому, что то дѣло, на которое мы указываемъ теперь, какъ на подходящій къ тому примѣръ, кончилось тѣмъ, что правительствующій сенатъ призналъ искъ, по которому должникъ былъ заключенъ подъ стражу, неправильнымъ, а между тѣмъ онъ уже отсидѣлъ въ тюрьмѣ болѣе 11 мѣсяцевъ, а потомъ пробылъ еще подъ присмотромъ полиціи годъ и 8 мѣсяцевъ!

Если такого рода прискорбные факты должно главнѣйшимъ образомъ приписать неосмотрительности, а пожалуй, иной разъ, и произволу судей, то все же нельзя не сказать, что въ нихъ, до извѣстной степени, отражается тотъ общій юридическій и практическій взглядъ, который выработался у насъ въ прежнее время относительно лишенія личной свободы человѣка, какъ по суду, такъ и въ видѣ предварительнаго ареста. Мы уже достаточно говорили объ этомъ предметѣ, а потому, не возвращаясь къ нему болѣе, остановимся на такомъ обстоятельствѣ, когда отвѣтчикъ по гражданскому дѣлу можетъ быть также лишенъ совершенно правильно личной свободы и притомъ иногда на весьма продолжительный срокъ.

Такъ, лишенію личной свободы подвергаются, между прочимъ, у насъ и неисправные должники. Замѣчательно, впрочемъ, что до сихъ поръ ни наши, ни иностранные юристы не пришли еще къ окончательному соглашенію по вопросу о томъ, какое значеніе должна имѣть подобная мѣра, т. е. должно ли ее считать карательною или же только принудительною? Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но бо́льшая часть европейскихъ законодательствъ признаетъ ее нынѣ и несправедливою и безполезною, и, въ виду этого, уже отмѣняютъ ее. У насъ одно время носились настойчивые слухи объ ея отмѣнѣ, но они замолкли и до сихъ поръ ничего положительнаго на счетъ этого не извѣстно.

Что касается вопроса о значеніи этой мѣры собственно у насъ, въ Россіи, то, прослѣдивъ исторію нашего законодательства по взысканію долговъ, ее должно будетъ признать и карательною и принудительною. Если западные юристы смотрятъ на лишеніе должника личной свободы какъ на остатокъ грубыхъ, средневѣковыхъ обычаевъ—когда несостоятельнаго должника разрубали даже на части и эти отрубки человѣческаго тѣла раздавались

кредиторамъ,—то у насъ лишеніе должника свободы составляетъ въ сущности видоизмѣненіе древняго правежа. Въ періодъ времени, предшествовавшій „Уложенію“ царя Алексѣя Михайловича, правежъ не погашалъ долга, а потому тогда онъ долженъ былъ считаться только принудительною къ уплатѣ долга мѣрою. Въ „Уложеніи“ 1649 года правежъ иногда назначался уже не какъ принудительная мѣра, а какъ устрашительное наказаніе, для того, чтобы. какъ говорилось въ „Уложеніи“, „на то смотря, инымъ не повадно было такъ воровать“. Съ этою цѣлію предписывалось бить должника на правежѣ безпощадно, но „не для того, что на немъ тѣ достальныя деньги взять“. Такой энергическій способъ расправы съ неисправными должниками былъ развитъ въ столь широкой степени и такъ чудовищно, что до Петра Великаго господа имѣли право, вмѣсто себя, ставить на правежъ своихъ крѣпостныхъ людей! Другое болѣе практическое средство, допущенное „Уложеніемъ“ для взысканія долговъ, состояло въ выдачѣ должника истцу „головою“ до искупа. Эта мѣра, грозная по выраженію, была, впрочемъ, не что иное, какъ отдача должника въ заработки съ тѣмъ, чтобы истецъ могъ заставить его работать на себя. Мѣра эта сохранилась, впрочемъ, и въ нынѣ дѣйствующемъ у насъ законодательствѣ, но только въ примѣненіи къ уплатѣ общественныхъ недоимокъ лицами податныхъ сословій. Надобно, однако, прибавить, что еще весьма недавно одинъ мировой судья примѣнилъ ее и къ несостоятельному должнику, отдавъ его въ заработки его кредитору. Само собою разумѣется, что и этотъ случай относится къ числу тѣхъ фактовъ, которые показываютъ, съ какою иногда легкостію и съ какимъ невниманіемъ къ личной свободѣ человѣка относятся даже тѣ, кому общество ближайшимъ образомъ ввѣряетъ защиту своихъ гражданскихъ и личныхъ правъ.

Въ настоящее время лишеніе личной свободы неисправнаго должника имѣетъ на практикѣ то двойственное значеніе, какое придавало правежу „Уложеніе“ царя Алексѣя Михайловича. Пользуясь своимъ правомъ и подвергая должника личному задержанію, кредиторъ имѣетъ обыкновенно двоякую цѣль: или устрашить или помучить его. Съ своей стороны, „Судебные уставы“ 1864 года облегчили участь должника, подвергшагося заключенію, тѣмъ, что должникъ, противъ котораго была принята такая мѣра, освобождается уже отъ всякой имущественной отвѣтственности. Замѣчательно, впрочемъ, что даже среди составителей „Судебныхъ Уставовъ“, были еще такія лица, которыя не находили возможнымъ допустить кредитора до такого снисхожденія, и понятно, что если бы было принято ихъ мнѣніе, то кредиторы гораздо чаще и безжалостнѣе пользовались бы своимъ правомъ: они не рисковали бы нисколько, засаживая должника подъ стражу, такъ какъ, несмотря на это, за ними удерживалось бы право продолжать съ него имущественное взысканіе.

Мы не будемъ излагать здѣсь того порядка, который введенъ „Судебными Уставами“, относительно лишенія свободы неисправныхъ должниковъ. Замѣтимъ только, что и „Уставы“ не разрѣшивъ окончательно весьма важнаго вопроса о томъ: какою мѣрою — карательною или принудительною должно оно считаться, опредѣлили нѣкоторыя формальности, которыя, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ, отчасти уменьшаютъ на практикѣ случаи заключенія подъ стражу неисправныхъ должниковъ, а отчасти придаютъ этой мѣрѣ болѣе законную обстановку. Но, помимо этого, личное задержаніе должника въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно допускается и нынѣ, равняется, по своей строгости, наказаніямъ, опредѣленнымъ за важныя уголовныя преступленія. Такъ, напримѣръ, даже за кражу, совершенную хотя бы на сумму до трехсотъ рублей, виновный, по статьѣ

109 „Уст. о нак. нал. мир. суд“., можетъ быть заключенъ въ тюрьму на три мѣсяца, и за мошенничество, не свыше этой суммы, на одинъ мѣсяцъ. Между тѣмъ неисправный должникъ во всякомъ случаѣ, даже за долгъ, доходящій только до 100 рублей, обязанъ высидѣть въ неволѣ не менѣе шести мѣсяцевъ. При этомъ надобно замѣтить, что кромѣ Петербурга, Москвы и нѣкоторыхъ весьма немногихъ губернскихъ городовъ, неисправные должники содержатся обыкновенно въ острогахъ, вмѣстѣ съ уголовными преступниками. Вообще, если съ точки зрѣнія кредиторовъ, лишеніе свободы должника имѣетъ значеніе или принудительной или карательной мѣры, то съ юридической точки зрѣнія оно представляется только наказаніемъ, и при томъ, какъ мы сейчасъ видѣли наказаніемъ весьма несоразмѣрнымъ въ сравненіи со многими наказаніями, опредѣляемыми въ нашемъ уголовномъ кодексѣ.

Мы не намѣрены касаться здѣсь отдѣльнаго самостоятельнаго вопроса о томъ въ какой мѣрѣ каждое, а въ частности русское правительство обязано поддерживать общественный кредитъ такими строгими мѣрами, къ какимъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ лишеніе личной свободы человѣка. Какъ бы ни было обусловлено и ограничено право кредитора на содержаніе подъ стражею неисправнаго должника, но ни мягкость, ни снисходительность закона не искупаютъ самого принципа этой мѣры, такъ какъ очень часто только неосмотрительный, неумѣлый, и даже просто несчастный по веденію своихъ денежныхъ дѣлъ, человѣкъ приравнивается, по налагаемому на него наказанію, къ человѣку, совершившему тяжкое уголовное преступленіе.

Если—скажемъ мы въ заключеніе — въ порядкѣ нашего уголовнаго судопроизводства встрѣчаются такія узаконенія и такіе частные случаи, которые стѣсняютъ правильное развитіе у насъ понятій о личной свободѣ человѣка, то какъ видно изъ сказаннаго нами теперь встрѣ-

чается то же самое, — хотя, конечно, и не въ такой мѣрѣ, — и въ нашемъ гражданскомъ судопроизводствѣ. Разумѣется, что законъ самъ по себѣ можетъ измѣнить многое въ этотъ отношеніи, усиливъ въ юридическомъ смыслѣ уваженіе къ личной свободѣ человѣка, но несомнѣнно также и то, что всего болѣе должно содѣйствовать этому укорененіе и распространеніе въ нашемъ обществѣ правильныхъ понятій о личности и о правахъ человѣка.

X.

Объ умственныхъ способностяхъ завѣщателя по русскимъ законамъ.

Уголовное наше законодательство допускаетъ заключеніе о состояніи умственныхъ способностей обвиняемаго только послѣ тщательнаго изслѣдованія какъ самого субъекта, такъ и тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ было совершено преступленіе. Съ такою же, если не большею еще осторожностью гражданскіе наши законы допускаютъ признаніе безумнымъ или сумасшедшимъ лица, надъ имуществомъ котораго должна быть учреждена опека.

Между тѣмъ, при завѣщаніяхъ законъ предоставляетъ право высказать мнѣніе объ умственныхъ способностяхъ человѣка тремъ и даже двумъ лицамъ, хотя бы лица эти не только по своимъ научнымъ занятіямъ, но даже вообще по умственному своему развитію не были способны къ рѣшенію какой либо психической задачи.

Такая неравномѣрная требовательность закона по тождественнымъ между собою вопросамъ не лишена, повидимому, нѣкотораго теоретическаго основанія. Если не возбуждается никакого сомнѣнія въ томъ, что умственныя способности человѣка болѣе или менѣе разстроены, то, конечно, нѣтъ никакой настоятельной надобности вдаваться на счетъ этого въ тщательныя и сложныя изслѣдованія. Здѣсь въ отношеніи умственныхъ силъ человѣка можетъ быть примѣненъ принципъ римскаго права, принятый въ отношеніи нравственныхъ качествъ каждаго гражданина и гласящій ,,quisdam bonus praesumitur, donec contrarium

probetur", т. е., примѣняясь къ этому правилу, можно сказать, что если безуміе или сумасшествіе человѣка не было доказано, то онъ долженъ считаться въ нормальномъ состояніи своихъ умственныхъ способностей.

Дѣло въ томъ, однако, что подобный принципъ не допускается нашимъ и многими иностранными законодательствами относительно завѣщателей. Наше законодательство заранѣе высказываетъ подозрѣніе на счетъ умственныхъ способностей каждаго изъ нихъ. Оно не довѣряетъ безусловно неповрежденности этихъ способностей и тогда, когда не было никакого повода сомнѣваться въ нихъ, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣщаніе во всемъ пространствѣ написано собственною рукою завѣщателя, а противъ подлинности такого завѣщанія не возбуждается ни какого сомнѣнія и не возникаетъ никакого спора. Изъ этого видно, что наше законодательство, безъ особыхъ удостовѣреній, не признаетъ полноты умственныхъ способностей въ завѣщателѣ даже и тогда, когда онъ разумно самимъ имъ написаннымъ завѣщаніемъ, повидимому, весьма ясно доказалъ неповрежденность всѣхъ своихъ интеллектуальныхъ силъ. Законъ и въ этомъ случаѣ все-таки требуетъ опредѣленнаго удостовѣренія отъ постороннихъ лицъ объ умѣ и памяти завѣщателя, но въ то же время предоставляетъ это удостовѣреніе на произволъ лицъ, иногда неспособныхъ дать себѣ яснаго отчета не только о важности, но и о дѣйствительности тѣхъ фактовъ, которые имъ предстоитъ засвидѣтельствовать. Подозрѣніе закона идетъ еще далѣе, такъ какъ онъ постановляетъ, чтобы отъ засвидѣтельствованія завѣщанія были устраняемы такія лица, которыя, какъ онъ предполагаетъ, должны повліять на волю завѣщателя не только ради своихъ собственныхъ выгодъ, но и ради интересовъ близкихъ имъ по родству лицъ. Вообще законъ весьма тщательно старается о томъ, чтобы удалить всякое постороннее вліяніе

на завѣщателя и сдѣлать личную его волю вполнѣ самостоятельною и независимою; но весьма понятно, что это, прежде всего, обусловливается состояніемъ умственныхъ способностей завѣщателя, такъ какъ умственно ослабленный человѣкъ легко подчиняется чужимъ внушеніямъ и требованіямъ.

Если мы указанное выше подозрѣніе закона внесемъ въ обыденную жизнь, то оно будетъ весьма понятно. Извѣстно, что завѣщанія на дому составляются большею частью или въ предсмертную минуту завѣщателя, или по достиженію имъ преклонныхъ лѣтъ. Въ первомъ случаѣ,—конечно, не безъ исключеній,—разсудокъ человѣка значительно потемняется; во второмъ случаѣ, вслѣдствіе старческаго недуга, умственныя способности человѣка очень часто ослабляются до такой степени, что въ немъ уничтожается не только собственная его разумная воля, но даже и теряется или, по крайней мѣрѣ, затемняется сознаціе того, что около него происходитъ. При такомъ условіи упадокъ умственныхъ силъ вообще можетъ быть гораздо значительнѣе, нежели при нѣкоторыхъ видахъ сумасшествія, какъ наприм. при однопредметномъ или частномъ помѣшательствѣ.

Обращаясь къ нынѣ дѣйствующимъ законамъ о порядкѣ составленія духовныхъ завѣщаній, мы въ X томѣ 1 части Законовъ Гражданскихъ находимъ слѣдующія статьи, касающіяся умственныхъ способностей завѣщателя: а) статью 1016, въ которой сказано: „Всѣ духовныя завѣщанія, какъ крѣпостныя, такъ и домашнія, должны быть составляемы въ *здравомъ умѣ и твердой памяти*“; б) статью 1017, которая говоритъ: „Посему, недѣйствительны завѣщанія: 1) *безумныхъ*, *сумасшедшихъ и умалишенныхъ*, когда они составлены ими во время *помѣшательства*; 2) *самоубійцъ*“, и в) статью 1050, въ которой сказано, что подпись свидѣтелей на завѣщаніи удостовѣряетъ, между прочимъ, въ томъ, что они, при

предъявленіи имъ завѣщанія, лично видѣли завѣщателя и нашли его *«въ здравомъ умѣ и твердой памяти»*. Обстоятельство это они, по силѣ той же статьи, должны утвердить при допросѣ, который производится имъ безъ присяги въ присутствіи гражданской палаты, при представленіи въ оную завѣщанія къ засвидѣтельствованію.

Не поручая удостовѣренія на счетъ состоянія умственныхъ способностей завѣщателя ни врачебному вѣдомству, ни какому либо присутственному мѣсту или офиціальнымъ лицамъ, законъ, за малыми исключеніями, отдаетъ рѣшеніе этого, иногда весьма затруднительнаго вопроса на произволъ каждаго, кто только, на основаніи общихъ правилъ, можетъ быть свидѣтелемъ въ дѣлахъ гражданскихъ. Если же законъ и дѣлаетъ въ этомъ случаѣ исключенія изъ общихъ правилъ, то руководствуется въ этомъ случаѣ недовѣрчивостью къ нравственнымъ качествамъ свидѣтелей, а не тѣмъ предположеніемъ, что свидѣтели, по своему образованію и умственному развитію, неспособны дать требуемаго удостовѣренія. Допуская такое широкое право относительно свидѣтельскихъ удостовѣреній при завѣщаніяхъ, законъ свелъ эти удостовѣренія въ опредѣленную формулу, а именно: свидѣтели должны поручиться въ томъ, что они, при предъявленіи завѣщанія, лично видѣли завѣщателя и нашли его *„въ здравомъ умѣ и твердой памяти“*. При отсутствіи такого удостовѣренія, домашнее завѣщаніе должно, безъ дальнѣйшихъ справокъ и изслѣдованій, считаться недѣйствительнымъ, такъ какъ составитель его, несмотря на другія обстоятельства, подтверждающія его здравый умъ и твердую память, все-таки не можетъ быть признанъ, по закону, такимъ субъектомъ, который владѣлъ умственными способностями въ такой степени, что былъ вправѣ сдѣлать завѣщательныя распоряженія относительно своего имущества. Между тѣмъ едва ли кто либо изъ подписывавшихъ нѣсколько разъ завѣ-

щанія, уясняль себѣ вопросъ о томъ, что именно должно разумѣть подъ словами *здравый умъ и твердая память*. Какъ, повидимому, ни проста эта формула, но отчетливое ея пониманіе не слишкомъ легко въ нѣкоторыхъ сомнительныхъ случаяхъ и особенно въ примѣненіи къ 1017 статьѣ закона, въ которой недѣйствительность духовныхъ завѣщаній обусловливается состояніемъ умственныхъ способностей, дошедшихъ до извѣстной степени.

Прежнія наши законоположенія, включая сюда и Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича, не касались вовсе этого предмета, но здравый смыслъ указывалъ, однако, на необходимость въ завѣщателѣ полнаго присутствія умственныхъ способностей и потому въ старинныхъ нашихъ завѣщаніяхъ встрѣчаются напоминанія „о цѣломъ умѣ" и о „цѣлостномъ разумѣ" завѣщателей. Впервые вопросъ объ ограниченіи имущественныхъ правъ вслѣдствіе умственнаго разстройства былъ поднятъ при Петрѣ Великомъ. 6 апрѣля 1722 года послѣдовалъ именной указъ „о свидѣтельствованіи дураковъ въ сенатѣ". Понеже—какъ сказано въ этомъ указѣ—какъ послѣ высшихъ, такъ и низшихъ чиновъ людей движимое и недвижимое имѣніе даютъ въ наслѣдіе дѣтямъ, таковымъ дуракамъ, что ни въ какую службу и ни въ какую науку не годятся, а другіе. несмотря на ихъ дурачество, но для богатства, отдаютъ за оныхъ своихъ дочерей; такіе же дураки—какъ заявляетъ упомянутый указъ—имѣніе безпутно расточаютъ и недвижимое въ пустоту приводятъ. Поэтому было повелѣно, что ежели у кого въ фамиліи есть или впредь будутъ таковые дураки, то давать извѣстіе въ сенатъ, гдѣ они должны быть свидѣтельствуемы, и если таковое извѣстіе подтвердится, то велѣть вѣдать ихъ деревни по приказной запискѣ и ихъ, негодныхъ, съ тѣхъ деревень кормить.

Въ слѣдующемъ, 1723 году, 6 декабря, указано было сенату спрашивать упомянутыхъ дураковъ о всякомъ до-

мовомъ состояніи, какъ бы можно было умному человѣку отвѣтъ въ томъ учинить, и ежели по вопросу отповѣди учинить не можетъ, а станетъ иначе говорить, то можно изъ того дурачество познать.

Оба эти указа въ отношеніи ограниченія имущественныхъ правъ вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и права составлять завѣщанія, должно признать дѣйствующими до нынѣ, такъ какъ на нихъ основаны 367 и 373 ст. X т. 1 ч. Первою изъ этихъ статей предоставляется каждому семейству, въ коемъ находится безумный или сумасшедшій, предъявить мѣстному начальству, хотя въ упомянутыхъ указахъ идетъ рѣчь только о дуракахъ, т. е. людяхъ, лишенныхъ умственныхъ способностей съ самаго рожденія, а неправоспособность ихъ къ распоряженію имуществомъ обусловливается ихъ непригодностью къ наукамъ и службѣ. Второю же изъ этихъ статей, т. е. 373, указываются способы освидѣтельствованія посредствомъ вопросовъ, относящихся къ домашнему быту. Въ отношеніи же завѣщаній статьи эти имѣютъ ту силу, что завѣщаніе лицъ, признанныхъ на нихъ основаніи безумными или сумасшедшими, объявляются закономъ недѣйствительными.

Различіе между безумными и сумасшедшими сдѣлано въ указѣ, состоявшемся 8 іюня 1815 года. Въ этомъ указѣ признаются безумными люди, неимѣющіе разсудка съ самаго ихъ младенчества, а сумасшедшими тѣ, коихъ безуміе происходитъ отъ случайныхъ причинъ и, составляя болѣзнь, доводящую иногда до *бѣшенства*, можетъ наносить обоюдный вредъ и обществу и имъ самимъ. Такое распредѣленіе на два разряда лицъ, страдающихъ разстройствомъ умственныхъ способностей, удержано и въ нынѣ дѣйствующихъ гражданскихъ законахъ, такъ какъ на указѣ 8 іюня 1815 года основаны ст. 365 и 366 X т. 1 ч.

Между тѣмъ, въ статьѣ 1017 т. X ч. 1, относящейся къ порядку составленія духовныхъ завѣщаній, сказано,

что недѣйствительны завѣщанія *безумныхъ*, *сумасшедшихъ* и *умалишенныхъ*. Такимъ образомъ, здѣсь является еще третій разрядъ лицъ, одержимыхъ умственнымъ недугомъ, но опредѣленія этого послѣдняго разряда въ законахъ нашихъ не встрѣчается, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, составители „Положенія о духовныхъ завѣщаніяхъ“ 1 октября 1831 г. и статьи 1017 т. X ч. 1 и находили разницу между тѣми, которые должны быть признаваемы безумными и сумасшедшими, и тѣми, которые должны быть отнесены къ разряду *умалишенныхъ*.

Едва-ли, впрочемъ, мы ошибемся, если скажемъ, что въ обоихъ данныхъ случаяхъ подъ словомъ „умалишенные“ подразумѣваются такія лица, умственныя способности которыхъ разстроены въ меньшей степени, нежели у тѣхъ, которыя могутъ быть названы безумными и сумасшедшими. Составители Положенія 1 октября 1831 г., и 1017 статьи X т. 1 ч., нашли въ законѣ два опредѣленія, относящіяся къ поврежденію умственныхъ способностей: безуміе и сумасшествіе, но данныя въ законѣ тому и другому поврежденію опредѣленія не обнимаютъ еще всѣ степени умственнаго разстройства, такъ какъ безуміе признано въ законѣ врожденнымъ, неизцѣлимымъ недугомъ, а сумасшедствіе — болѣзнью, развивающеюся иногда до бѣшенства. Но въ виду такихъ опредѣленій нельзя было не подумать, что можетъ быть еще или скоро-преходящее или не столь сильное разстройство умственныхъ способностей, вслѣдствіе особыхъ физическихъ болѣзней или возбужденнаго состоянія. Наконецъ, какъ при составленіи „Положенія“ 1 октября 1831 года, такъ и 1017 ст., можно было принять во вниманіе и старческій недугъ, при которомъ хотя и нельзя назвать человѣка ни безумнымъ, ни сумасшедшимъ въ томъ смыслѣ, какъ это опредѣляется въ законѣ, но при которомъ, вслѣдствіе ослабленія памяти и соображенія, бываетъ весьма замѣтно отсутствіе ума, какъ внутренней,

самостоятельной силы, руководящей сознаніемъ человѣка при его рѣчахъ и поступкахъ.

При подписаніи завѣщанія, свидѣтели должны непремѣнно лично видѣть завѣщателя; безъ исполненія этого существеннаго условія законъ и судебная практика не признаютъ дѣйствительными свидѣтельскихъ удостовѣреній, а слѣдовательно, и дѣйствительности самаго завѣщанія. Свидѣтель въ этомъ случаѣ долженъ явиться въ качествѣ эксперта-очевидца, а не давать своего удостовѣренія на основаніи слуховъ или даже и собственнаго своего мнѣнія о завѣщателѣ, составленнаго до предъявленія завѣщанія. Очевидно, что этимъ самымъ законъ допускаетъ возможность случая, что человѣкъ, считавшійся всегда умственно-здоровымъ, можетъ въ извѣстный моментъ лишиться настолько ума и памяти, что дѣлается сумасшедшимъ или умалишеннымъ, и поэтому утрачиваетъ, по закону, право заявить свои завѣщательныя распоряженія.

Иногда, впрочемъ свидѣтели, замѣчая тѣ или другіе признаки умственнаго разстройства въ завѣщателѣ, тѣмъ не менѣе подписываютъ предъявленное имъ завѣщаніе. Они дѣлаютъ это потому, что не считаютъ себя самостоятельными судьями въ этомъ случаѣ и полагаютъ, что ихъ подпись на завѣщаніи ничего болѣе какъ пустая формальность. Они ссылаются на то, что завѣщатель не былъ признанъ оффиціально ни безумнымъ, ни сумасшедшимъ, и что поэтому они даже не имѣютъ права отказать ему въ удостовѣреніи на счетъ того, что онъ владѣетъ умственными способностями въ надлежащей степени. Вообще, нерѣдко приходится слышать такое мнѣніе, что если завѣщатель при жизни не былъ взятъ въ опеку по причинѣ помѣшательства, то послѣ смерти нельзя оспаривать оставшееся послѣ него завѣщаніе на томъ основаніи, что оно было составлено лицомъ, страдавшимъ разстройствомъ умственныхъ способностей. Весьма не трудно доказать не-

вѣрность такого взгляда тѣмъ простымъ соображеніемъ, что если бы такой взглядъ былъ принятъ закономъ, то законъ довольствовался бы удостовѣреніемъ только въ томъ, что оставившій завѣщаніе при жизни своей не былъ лишенъ оффиціально права распоряжаться своимъ состояніемъ по причинѣ умственнаго разстройства, а при такомъ условіи и свидѣтельское удостовѣреніе на завѣщаніи, относительно умственныхъ способностей завѣщателя, было бы совершенно излишнимъ. Неосвидѣтельствованіе тѣмъ порядкомъ, какой указанъ въ 368 ст. X т. 1 ч., не можетъ лишать судебныя мѣста права — несмотря и на удостовѣреніе свидѣтелей, подписавшихъ завѣщаніе—признать разстройство умственныхъ способностей завѣщателя на основаніи доказательствъ, представленныхъ тою стороною, которая оспариваетъ дѣйствительность завѣщанія, ссылаясь на такое разстройство. Въ законѣ нигдѣ не упомянуто, чтобы при вопросѣ о дѣйствительности духовныхъ завѣщаній, оффиціальное освидѣтельствованіе, сопровождающееся наложеніемъ опеки, было единственнымъ доказательствомъ безумія или сумасшествія лица, составившаго завѣщаніе. Самое освидѣтельствованіе въ порядкѣ, опредѣленномъ 368 ст., требуется, по силѣ 367 ст., только для учрежденія опеки. Вообще надобно придти къ тому заключенію, что по вопросу о *разстройствѣ* умственныхъ способностей завѣщателя, освидѣтельствованіе по ст. 368 и показаніе свидѣтелей при завѣщаніи—составляютъ два совершенно независимые одинъ отъ другаго способа удостовѣренія объ одномъ и томъ же предметѣ. Между тѣмъ, по вопросу о *нормальномъ* состояніи умственныхъ способностей завѣщателя встрѣчается въ юридическомъ отношеніи нѣкоторая особенность. Такъ, на основаніи 378 ст. X т. 1 ч., лицо, признанное однажды безумнымъ или сумасшедшимъ, не можетъ быть впослѣдствіи признано выздоровѣвшимъ иначе, какъ по вторичномъ освидѣтельствованіи.

Изъ этого слѣдуетъ, что духовная такого лица не можетъ считаться дѣйствительною, хотя бы оно, при предъявленіи имъ своего завѣщанія свидѣтелямъ, и было признано ими въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Вникая во все сказанное нами, нельзя не убѣдиться еще болѣе въ той подозрительности, съ какою законъ смотритъ на вопросъ объ умственныхъ способностяхъ завѣщателя.

Спрашивается, однако, какимъ образомъ должны или могутъ убѣдиться свидѣтели въ томъ, что они по совѣсти удостовѣряютъ объ умственныхъ способностяхъ завѣщателя въ той степени, какая требуется закономъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что огромное большинство свидѣтелей, подписывающихъ завѣщаніе, не бываютъ вовсе знакомы съ разными научными взглядами на отправленіе умственныхъ способностей человѣка. Нельзя, конечно, и настаивать на практической пользѣ такого знакомства, но все-таки нужно признать необходимость какихъ нибудь руководительныхъ началъ, при помощи которыхъ добросовѣстные свидѣтели не дѣлались бы, въ иныхъ случаяхъ, такъ легко слѣпымъ орудіемъ интригъ, происковъ и обмана. Безспорно, есть множество случаевъ, когда неповрежденность ума и памяти человѣка не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и когда бываетъ вполнѣ очевидно, что онъ говоритъ и дѣйствуетъ самостоятельно, съ отчетливымъ сознаніемъ всего, что его окружаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, относительно домашнихъ завѣщаній нельзя не замѣтить, что случаи сомнительнаго состоянія умственныхъ способностей завѣщателей бываютъ весьма и весьма часты, такъ что едва-ли подобные случаи не берутъ даже, по своей численности, перевѣсъ надъ такими, при которыхъ съ полною добросовѣстностью и увѣренностью можно ручаться, что если человѣкъ и сохраняетъ, повидимому, здравый умъ, то память его становится до такой степени слаба, что ее никакъ нельзя назвать памятью *твердой*, такъ что при этомъ фор-

мула свидѣтельскаго удостовѣренія не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Съ своей стороны, законъ, поставляя необходимымъ условіемъ каждаго завѣщанія здравый умъ и твердую память завѣщателя, безъ всякаго сомнѣнія подразумѣваетъ подъ этимъ требованіемъ присутствіе умственныхъ силъ человѣка во всей ихъ полнотѣ и тѣмъ самымъ старается сдѣлать завѣщаніе выраженіемъ самостоятельной воли завѣщателя, безъ подчиненія ея постороннему вліянію. Нельзя не согласиться, что въ общихъ чертахъ здравый умъ человѣка выражается прежде всего отсутствіемъ въ немъ какихъ либо странностей, несообразностей и непослѣдовательностей. Но отсутствіе всего этого замѣчается порою и въ помѣшанномъ человѣкѣ, въ особенности, если помѣшательство его сосредоточилось на какомъ либо одномъ предметѣ. Пока этотъ предметъ не затронутъ, помѣшанный говоритъ и дѣйствуетъ весьма разсудительно, но вмѣстѣ съ этимъ очень понятно, что при такомъ разстройствѣ человѣкъ можетъ быть подъ неотразимымъ вліяніемъ окружающихъ его лицъ, которыя всегда могутъ обставить его такъ, что будутъ произвольно управлять имъ, хотя, повидимому, онъ и будетъ находиться въ здравомъ умѣ. О такъ называемомъ промежуточномъ сознаніи (momenta lucida), замѣчаемомъ иногда у людей, страдающихъ даже самымъ сильнымъ разстройствомъ умственныхъ способностей, надобно сказать, что лучшіе современные авторитеты по части психіатріи не допускаютъ полнаго возстановленія умственныхъ силъ человѣка въ эти свѣтлые промежутки и считаютъ ихъ только такимъ ослабленіемъ постояннаго умственнаго недуга, при которомъ разсудокъ все-таки не приходитъ въ прежнее нормальное состояніе.

Оставляя до времени въ сторонѣ вопросъ о постоянномъ и временномъ помѣшательствѣ, мы замѣтимъ, что старческій недугъ, не представляя собою рѣзкихъ признаковъ

сумасшествія или помѣшательства, весьма благопріятенъ для тѣхъ, кто желаетъ воспользоваться имъ для того, чтобы склонить умственно-разслабленнаго старика подписать и предъявить отъ себя приглашеннымъ свидѣтелямъ заблаговременно составленное отъ его имени завѣщаніе. Извѣстный французскій психіатръ Легранъ-дю-Солль, коснувшись вопроса объ умственномъ разстройствѣ завѣщателей и имѣя въ виду 901 ст. кодекса Наполеона, по которой завѣщанія должны быть составляемы въ здравомъ умѣ, — замѣтилъ, что, помимо вопроса о помѣшательствѣ, здѣсь должно принимать въ соображеніе и измѣненіе умственныхъ способностей подъ старость. Въ эту пору человѣкъ обыкновенно дѣлается страшнымъ эгоистомъ; онъ начинаетъ любить только самого себя. Если, поэтому, кто нибудь—говоритъ дю-Солль—дѣлаетъ видъ, что заботится только о его выгодахъ, нуждахъ, здоровьи и благосостояніи и т. д., то онъ, часто обманутый такимъ притворствомъ, завѣщаетъ лицемѣру все свое состояніе, хотя, по совѣсти, и нельзя признать дѣйствительнымъ такое завѣщаніе, какъ результатъ, съ одной стороны — лжи и притворства. а съ другой—умственной и нравственной слабости. Хотя, какъ извѣстно, и встрѣчаются субъекты, которые, достигая самыхъ крайнихъ предѣловъ обыкновенной человѣческой жизни. сохраняютъ постоянно свѣтлый разсудокъ и прочную память, но весьма часто съ упадкомъ физическихъ силъ человѣка наступаетъ и упадокъ его умственныхъ способностей. Характеристическимъ признакомъ такого упадка бываетъ значительное ослабленіе памяти. Вѣроятно, каждому случалось видѣть такихъ стариковъ, о которыхъ, судя по ихъ дѣйствіямъ, бывающимъ преимущественно пассивными, нельзя сказать, чтобы они не были въ здравомъ умѣ, но которымъ память такъ часто и до такой степени измѣняетъ, что они относительно веденія своихъ домашнихъ дѣлъ находятся совершенно въ чужихъ рукахъ. Имъ приходится по нѣ-

сколько разъ въ день забывать свои собственныя распоряженія, которыя, повидимому, были сдѣланы ими съ полнымъ сознаніемъ, но въ которыхъ, вслѣдствіе такой забывчивости, встрѣчаются безпрестанныя противорѣчія. Ослабленіе памяти у стариковъ, какъ извѣстно, нерѣдко доходитъ дотого, что они могутъ вспомнить о чемъ нибудь, и то смутно, только при посторонней помощи, смѣшиваютъ однихъ лицъ съ другими, забываютъ кто изъ родныхъ и знакомыхъ живъ и кто умеръ, не помнятъ, что они пріобрѣли и что продали или подарили и т. д. Вообще, вслѣдствіе сильнаго упадка памяти, въ умственныхъ отправленіяхъ такихъ людей происходитъ страшная путаница, а между тѣмъ нельзя назвать ихъ ни сумасшедшими, ни безумными, нельзя даже сказать безусловно, что у нихъ нѣтъ памяти, тѣмъ болѣе, что такіе люди о нѣкоторыхъ, даже весьма отдаленныхъ, событіяхъ и періодахъ своей жизни сохраняютъ самыя отчетливыя воспоминанія и могутъ разсказывать о нихъ съ большими подробностями. Очень понятно, что такихъ людей весьма не трудно подчинить чужому произволу, возбудить въ нихъ любовь къ однимъ и ненависть и подозрѣніе къ другимъ и затѣмъ располагать ослабленную ихъ волю сообразно съ цѣлями тѣхъ, которые ихъ окружаютъ. Наконецъ, старики съ разстроенными умственными способностями впадаютъ иногда въ совершенное дѣтство: они готовы вѣрить всему, дѣлаются робки и податливы,—и тогда у нихъ, какъ у ребенка, можно выманить согласіе на то, чему они безъ всякаго сомнѣнія, упорно противорѣчили бы, если бы находились въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей. Такія личности, при отупѣвшемъ соображеніи, при упадкѣ памяти и потерѣ воли, спорятъ противъ дѣйствительности, а между тѣмъ охотно вѣрятъ разнымъ выдумкамъ и небылицамъ и совершенно подчиняются тѣмъ, кто утвердитъ надъ ними свое вліяніе, хотя бы способами весьма предосудительными

въ нравственномъ отношеніи. Само собою разумѣется, что здравый смыслъ и совѣсть не должны были бы позволять, чтобы завѣщательныя распоряженія такихъ лицъ, выжившихъ, какъ говорится, изъ ума и памяти, были признаваемы дѣйствительными, а между тѣмъ завѣщанія, составляемыя отъ ихъ имени, сплошь и рядомъ подписываются имовѣрными свидѣтелями, удостовѣряющими, что завѣщатель былъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти.

Не подлежитъ, какъ кажется, никакому сомнѣнію, что умственныя способности и собственная воля такихъ лицъ бываютъ гораздо слабѣе, нежели у молодыхъ людей отъ 17 до 21 года, которымъ, однако, законъ не представляетъ права дѣлать завѣщательныя распоряженія. Законъ предполагаетъ, что своекорыстные люди могутъ воспользоваться умственною и нравственною слабостью лицъ, недостигшихъ 21-лѣтняго возраста, между тѣмъ какъ при старческомъ упадкѣ человѣкъ, хотя и наученный опытомъ долголѣтней жизни, теряетъ всякую самостоятельность въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ.

Безспорно, что было бы противно основнымъ понятіямъ справедливости, если бы законъ, въ виду, не только возможнаго въ теоріи, но весьма нерѣдко и въ дѣйствительности, ослабленія умственныхъ силъ человѣка въ старческіе годы, постановилъ правило, что каждое лицо, по достиженіи имъ извѣстнаго возраста, напримѣръ 70 лѣтъ, лишается, подобно несовершеннолѣтнему, права распорядиться своимъ имуществомъ и дѣлать завѣщательныя распоряженія. Ограниченіе имущественныхъ правъ несовершеннолѣтняго или, иначе сказать, задержка въ передачѣ ихъ ему можетъ быть допущена на томъ основаніи, что человѣкъ, только что вступившій въ жизнь и не успѣвшій еще ничего пріобрѣсти собственными трудами, не представляетъ никакого ручательства въ томъ, что онъ съумѣетъ благоразумно распоряжаться доставшимся ему наслѣдственнымъ состояніемъ. Нельзя, однако, не сказать, что лишеніе, если

не малолѣтныхъ, то несовершеннолѣтнихъ права составлять завѣщанія слишкомъ строго, если только принять въ соображеніе, что законъ допускаетъ несовершеннолѣтняго мужчину по достиженіи 18, а несовершеннолѣтнюю дѣвушку по достиженіи 16 лѣтъ, вступать: перваго въ права отца семейства, а вторую въ права матери, и тѣмъ самымъ признаетъ ихъ способными устроить и вести отдѣльное, собственное хозяйство. Если, однако, несмотря на это, законъ находитъ нужнымъ, въ силу нѣкоторыхъ соображеній, учреждать особое попеченіе надъ имуществомъ такихъ лицъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишаетъ ихъ права дѣлать завѣщательныя распоряженія ранѣе извѣстнаго срока, то не было бы никакой несообразности, если бы законъ обратилъ нѣкоторое вниманіе и на другой періодъ человѣческой жизни—на дряхлую старость. Въ этомъ періодѣ, въ силу естественнаго порядка, воля человѣка очень часто дѣлается менѣе самостоятельною, нежели воля молодаго человѣка или дѣвушки на 18 или 20 году ихъ жизни. Конечно, нѣтъ никакой возможности опредѣлить ту пору, когда умственныя способности человѣка, вслѣдствіе наступившей старости, приходятъ въ упадокъ, тѣмъ не менѣе, однако, напоминаніе со стороны закона свидѣтелямъ о возможности такого упадка, помимо безумія и сумасшествія, было бы весьма нелишнимъ. При условіяхъ недѣйствительности завѣщанія, принятыхъ нынѣ въ законѣ, а именно: при безуміи, сумасшествіи и умалишеніи, даже и добросовѣстные свидѣтели имѣютъ въ виду одно только болѣзненное разстройство умственныхъ способностей завѣщателя, а не то, которое происходитъ отъ преклонныхъ его лѣтъ. Такое разстройство они обыкновенно не считаютъ ненормальнымъ, но признаютъ естественнымъ состояніемъ человѣка въ извѣстные годы и потому, несмотря на умственную слабость завѣщателя, удостовѣряютъ, что онъ находится въ здравомъ умѣ и твердой памяти, хотя бы здравый умъ такого

лица заключался только въ покорности чужой воли, а память ослабѣла бы болѣе, нежели у иныхъ лицъ, страдающихъ постояннымъ помѣшательствомъ.

Между тѣмъ, законъ требуетъ отъ свидѣтелей на безусловнаго удостовѣренія на счетъ памяти, но говоритъ два раза, въ статьяхъ 1016 и 1050, что завѣщатель долженъ быть въ памяти „*твердой*". Этимъ словомъ законъ какъ бы указываетъ на то, что и ослабленіе памяти должно быть въ виду свидѣтелей. Дѣйствительно, если память служитъ вообще главнымъ основаніемъ для самыхъ разнообразныхъ отправленій человѣческаго ума, то при распоряженіи имуществомъ, въ особенности значительнымъ, твердость ея должна быть однимъ изъ существенныхъ условій для того, чтобы распоряженія такого рода были сдѣланы съ полнымъ сознаніемъ. Поэтому, для свидѣтелей при завѣщаніи—если только они не считаютъ свою подпись пустою формальностью—необходимо сообразить: находится-ли завѣщатель въ „твердой" памяти, или же она ослабѣла до такой степени, что не можетъ руководить завѣщателя въ его распоряженіяхъ. Извѣстно также, что иногда и умопомѣшательство происходитъ собственно отъ болѣе или менѣе значительнаго ослабленія памяти,-потому что человѣкъ, забывающій каждую минуту то, о чемъ онъ думалъ и говорилъ, или то, что онъ дѣлалъ, бываетъ крайне непослѣдователенъ и теряетъ отчетливое сознаніе въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ. Такой человѣкъ, при настойчивости со стороны окружающихъ его лицъ, можетъ согласиться однажды предъявить свидѣтелямъ завѣщаніе, составленное отъ его имени, и потомъ тотчасъ же забыть если не о самомъ завѣщаніи, то, по крайней мѣрѣ, о тѣхъ распоряженіяхъ, какія въ немъ заключаются. Притомъ, если вообще—какъ это доказываетъ опытъ, съ которомъ согласна и судебная практика—для произнесенія заключенія о разстройствѣ умственныхъ способностей, недостиг-

шемъ еще сильнаго развитія, требуются болѣе или менѣе продолжительныя наблюденія, то умопомѣшательство (insania), происходящее отъ потери памяти, не всегда даже можетъ быть замѣчено въ такой краткій моментъ, какимъ предполагается и какимъ бываетъ въ дѣйствительности моментъ предъявленія свидѣтелямъ. Собственно въ этомъ случаѣ достаточно не только, чтобъ завѣщатель передалъ имъ или указалъ на завѣщаніе, но находился бы только при подписи завѣщанія такъ какъ свидѣтели вовсе не обязаны дѣлать надъ завѣщателемъ никакихъ наблюденій и обращаться къ нему съ какими-либо вопросами для убѣжденія въ томъ, что онъ находится въ здравомъ умѣ и твердой памяти.

Что касается завѣщаній, составленныхъ или предъявленныхъ свидѣтелямъ въ предсмертную минуту завѣщателя, то о дѣйствительности ихъ по отношенію къ умственнымъ способностямъ завѣщателя нельзя сказать ничего опредѣленнаго. По наблюденіямъ врачей, одни умираютъ не только съ полнымъ сознаніемъ, но даже умъ ихъ пріобрѣтаетъ особенную проницательность. Въ виду этого, нельзя отвергать безусловно, на основаніи предсмертнаго разстройства умственныхъ способностей, такія завѣщанія, которыя были составлены или предъявлены свидѣтелямъ за нѣсколько часовъ или даже минутъ до смерти завѣщателя. При смерти отъ болѣзней, при которыхъ мозгъ поражается слегка, умирающій только отчасти сохраняетъ умственныя способности, такъ что въ этомъ случаѣ сознательное имъ изъявленіе своей послѣдней воли дѣлается сомнительнымъ. Наконецъ, болѣзни мозга ведутъ къ полной потерѣ сознанія при приближеніи смерти, слѣдовательно—при такихъ условіяхъ не могутъ быть признаваемы дѣйствительными распоряженія умирающаго. Кромѣ того, легочная чахотка, болѣзни сердца и печени, ракъ желудка и кишекъ и большинство хирургическихъ болѣзней сопровождаются въ исключительныхъ только случаяхъ растройствомъ умствен-

ныхъ способностей. Иногда же, послѣ продолжительныхъ болѣзней, какого бы онѣ свойства вообще ни были, истощающихъ организмъ, нервная система дѣлается крайне впечатлительною и тогда самая незначительная причина, неимѣющая повидимому, никакого значенія, помрачаетъ разсудокъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти наблюденія врачей, какъ бы они сами по себѣ достовѣрны ни были, не могутъ служить самостоятельными доказательствами для опроверженія завѣщанія на томъ основаніи, что умственныя способности завѣщателя были разстроены въ предсмертныя минуты, такъ что въ юридическомъ отношеніи предсмертныя завѣщанія должны быть поставлены въ одинаковыя условія съ завѣщаніями, которыя оспариваются безъ всякой ссылки на промежутокъ времени между ихъ составленіемъ и смертью завѣщателя.

Лучшіе авторитеты въ наукѣ о душевныхъ недугахъ человѣка, со временъ Пинеля и Эскироля, признаютъ четыре главныхъ вида помѣшательства: неистовство (mania furibunda), слабоуміе и безуміе (fatuitas et amentia), безсмысліе (mania universalis) и постепенный параличъ помѣшанныхъ (paralisis progrediens). Но эти главные виды имѣютъ множество оттѣнковъ, такъ что вообще разстройство умственныхъ способностей можетъ начинаться отъ простой разсѣянности и доходить до изступленія, отъ едва замѣтнаго безпокойства и нѣкоторыхъ странностей—до неистоваго бреда. Вслѣдствіе этого, самые опытные психіатры не всегда могутъ опредѣлить, доходитъ-ли аберрація умственныхъ способностей человѣка въ данный моментъ до того, что онъ поступаетъ совершенно безсознательно, или же сохраняетъ еще настолько разумности, что можетъ сознавать свои поступки. Что же касается нашихъ законовъ о порядкѣ составленія завѣщаній, то нельзя не согласиться, что они въ формулѣ свидѣтельскихъ удостовѣреній требуютъ полнаго, ничѣмъ неповрежденнаго, присутствія ум-

ственныхъ способностей въ завѣщателѣ, обусловливая ихъ не только *„здравымъ умомъ, но и твердою памятью“*. Въ виду этого надобно признать, что всякаго рода умопомѣшательство, въ какой бы слабой степени оно ни проявилось, отнимаетъ у завѣщанія его дѣйствительность. Такъ наприм. если-бы свидѣтели заявили, что они ручаются за здравый умъ у завѣщателя, но не могутъ ручаться за твердость его памяти, то тѣмъ самымъ они въ юридическомъ смыслѣ сдѣлали бы его неполноправнымъ къ составленію завѣщанія безъ посылки къ вопросу о томъ, былъ ли завѣщатель безумнымъ, сумасшедшимъ или умалишеннымъ? Между тѣмъ, на практикѣ, при спорахъ о недѣйствительности завѣщаній по причинѣ разстройства умственныхъ спобностей завѣщателя, нужно доказать, что завѣщатель былъ безумный, сумасшедшій или умалишенный. Если мы вспомнимъ тѣ опредѣленія безумія и сумасшествія, о которыхъ мы упоминали и которыя введены въ наше законодательство, и сопоставимъ ихъ съ формулой свидѣтельскаго удостовѣренія, то увидимъ, что по точному смыслу закона одно только сомнѣніе, заявленное свидѣтелями на счетъ умственныхъ способностей завѣщателя, отнимаетъ у завѣщанія его юридическую силу; тогда какъ при оспариваніи завѣщанія требуются въ двухъ первыхъ случаяхъ (завѣщанія безумныхъ и сумасшедшихъ) доказательства о сильномъ умственномъ разстройствѣ, а въ послѣднемъ (завѣщанія умалишенныхъ) предоставляется суду обширный просторъ для признанія нормальности умственныхъ способностей завѣщателя. Въ виду этого, можно сказать, что при такихъ условіяхъ скорѣе облегчается, нежели затрудняется закономъ составленіе завѣщаній отъ лицъ, страдающихъ въ большей или меньшей степени разстройствомъ умственныхъ способностей, такъ какъ главнымъ образомъ дѣйствительность или недѣйствительность завѣщанія зависитъ отъ пониманія судомъ такого термина, который не

объясненъ закономъ и который въ общеупотребительномъ языкѣ имѣетъ одинаковое значеніе съ словами безумный и сумасшедшій.

Судя не только по формулѣ свидѣтельскаго удостовѣренія, но и по другимъ статьямъ нашихъ законовъ о порядкѣ составленія духовныхъ завѣщаній, надобно придти къ тому заключенію, что законъ признаніе завѣщаній недѣйствительными не обусловливаетъ одними только сильными припадками умственнаго разстройства, но имѣетъ при этомъ въ виду и незначительную степень такого разстройства, относя вообще лицъ, страдающихъ такимъ разстройствомъ къ разряду умалишенныхъ. Законъ въ такомъ лицѣ, завѣщаніе котораго можетъ быть признано недѣйствительнымъ по упоминаемой причинѣ, допускаетъ однако на столько присутствіе умственныхъ способностей, что оно само можетъ составить завѣщаніе. Въ статьѣ 1017 сказано, что недѣйствительны завѣщанія безумныхъ, сумасшедшихъ и умалишенныхъ, когда они составлены ими *„во время помѣшательства“*. Дѣйствительно, люди съ растроенными умственными способностями, особенно при одпопредметномъ помѣшательствѣ, легко могутъ подъ вліяніемъ другихъ, иногда даже по собственному своему побужденію, написать завѣщаніе и предъявить его свидѣтелямъ. Въ такихъ завѣщаніяхъ, дѣйствительныхъ по соблюденію въ нихъ всѣхъ необходимыхъ формальностей, можетъ иногда отразиться весьма замѣтно умственное разстройство ихъ составителей. Между тѣмъ, въ нашемъ законодательствѣ нѣтъ статьи, которая позволяла-бы оспаривать завѣщаніе по ссылкѣ на безсмысленное или фантастическое его содержаніе, хотя бы явно противорѣчащее здравому разсудку. Такъ напримѣръ, если бы кто нибудь, страдая помѣшательствомъ на той идеѣ, что онъ можетъ завѣщать все, что ему вздумается, написалъ бы собственноручно завѣщаніе, въ которомъ были-бы слѣдующія статьи: 1-я

статья: рай со всѣми его блаженствами завѣщаю моей женѣ, а адъ со всѣми его муками моей тещѣ; 2-я статья: все движимое и недвижимое мое имущество (съ подробнымъ и точнымъ исчисленіемъ того и другаго) отказываю своему родственнику (съ вѣрнымъ означеніемъ его званія, имени, отечества и фамиліи); 3-я статья: золотое руно, находящееся въ Колхидѣ, предоставляю проживающему въ Пекинѣ мандарину Финъ-Тзинзю; 4-я статья: предоставляю означенному въ завѣщаніи душеприкащику привести въ извѣстность мои долги, получить ихъ съ должниковъ и собранныя деньги передать наслѣднику, указанному во 2-мъ пунктѣ завѣщанія. Несмотря на всю нелѣпость подобнаго завѣщанія, оно, если только свидѣтели, необязанные читать его, удостовѣрятъ, что они нашли завѣщателя въ здравомъ умѣ и твердой памяти, должно быть признано дѣйствительнымъ. Чтобы оспорить такое завѣщаніе нужно будетъ, обходя его сумасбродное содержаніе, приводить другія доказательства на счетъ того, что оно составлено „во время помѣшательства"; само-же оно, по нашимъ законамъ, не можетъ быть юридическимъ доказательствомъ и можетъ только повліять на внутреннее убѣжденіе судей.

Конечно, мы привели здѣсь слишкомъ рѣзкій, но въ общихъ чертахъ все таки возможный случай; но, безъ всякаго сомнѣнія, въ завѣщаніяхъ, составляемыхъ лицами, у которыхъ умственныя способности не разстроены еще въ высшей степени, могутъ быть несравненно менѣе замѣтныя несообразности, важныя, однако, въ томъ отношеніи, что они удостовѣряютъ напр. о болѣзни ума и слабости памяти гораздо болѣе, нежели показанія свидѣтелей о здравомъ умѣ и твердой памяти завѣщателя.

Нельзя также не остановиться на томъ обстоятельствѣ, что законъ относитъ силу свидѣтельскихъ показаній объ умственныхъ способностяхъ завѣщателя къ одному только извѣстному моменту, именно къ моменту представленія имъ

завѣщанія, такъ что, при этомъ условіи, свидѣтелямъ нѣтъ никакой надобности до предшествовавшихъ обстоятельствъ; напротивъ даже, они, ограничиваясь однимъ извѣстнымъ моментомъ, какъ бы должны забыть все остальное. Можно сказать, что если бы свидѣтель и зналъ прежде, что тотъ, отъ имени котораго ему предлагается для подписи завѣщаніе, страдалъ разстройствомъ ума и памяти, то, съ одной стороны, свидѣтель, неувѣренный въ выздоровленіи такого лица, а съ другой стороны, не имѣя времени убѣдиться въ противномъ, а между тѣмъ, не видя въ завѣщателѣ явныхъ припадковъ помѣшательства,—всегда предпочтетъ подписать завѣщаніе, хотя, быть можетъ, и сдѣлаетъ это не безъ нѣкотораго колебанія. Притомъ извѣстно, что въ свидѣтели для подписанія завѣщанія, составленнаго отъ лица съ разстроенными умственными способностями, приглашаются обыкновенно люди близкіе и сочувствующіе тѣмъ, которые орудуютъ этимъ дѣломъ, такъ что свидѣтели заранѣе склоняются въ пользу извѣстной стороны. Кромѣ того, такъ какъ вынужденныя тѣмъ или другимъ способомъ завѣщанія составляются всегда въ прямую или косвенную пользу лицъ, окружающихъ завѣщателя, то если бы кто изъ свидѣтелей и захотѣлъ имѣть о немъ какія нибудь свѣдѣнія, то ближайшимъ образомъ онъ получитъ ихъ въ смыслѣ благопріятномъ для подписи завѣщанія свидѣтелями. Мы не говоримъ уже здѣсь о тѣхъ злоупотребленіяхъ, какія могутъ быть и какія дѣйствительно нерѣдко бываютъ вслѣдствіе подкупа, взаимныхъ услугъ и одолженій, личной пріязни и многихъ другихъ обстоятельствъ, заставляющихъ покривить душою человѣка, признаваемаго закономъ въ качествѣ имовѣрнаго свидѣтеля. Кромѣ того, свидѣтели, подписывая завѣдомо неправильное завѣщаніе, успокоиваютъ свою совѣсть тѣмъ, тто отказъ ихъ не поведетъ ни къ чему, такъ какъ и помимо ихъ найдутся другія лица, готовыя исполнить сдѣланное имъ

предложеніе. Успокоивающіе себя такимъ образомъ свидѣтели бываютъ совершенно правы, такъ какъ самъ законъ чрезвычайно легко смотритъ на обязанность свидѣтелей при завѣщаніи, не предоставляя имъ никакихъ способовъ убѣдиться въ состояніи ума и памяти завѣщателя и ограничивая личное ихъ надъ нимъ наблюденіе только предъявленіемъ завѣщанія, что́ можетъ быть исполнено въ нѣсколько минутъ.

Другія требованія 1050 статьи, указывающей на обязанность свидѣтелей, удостовѣрить о неповрежденности ума и памяти завѣщателя, заставляютъ ихъ еще съ большею легкостью относиться къ такому удостовѣренію и смотрѣть на него какъ на чистую формальность. Въ этой статьѣ сказано, что подпись свидѣтелей удостовѣряетъ въ томъ, что завѣщаніе *составлено* и *подписано* завѣщателемъ. Между тѣмъ, законъ вовсе не вмѣняетъ свидѣтелямъ въ обязанность находиться не только при составленіи завѣщанія, но даже и при его подписи. Вслѣдствіе этого, естественно возникаетъ вопросъ, какимъ же образомъ свидѣтели могутъ ручаться въ томъ, чего они сами не видѣли? Конечно, можно предположить, что такое удостовѣреніе дается въ такомъ случаѣ, когда свидѣтели знаютъ почеркъ завѣщателя. Извѣстно, однако, что даже заключеніе экспертовъ признается теперь не полнымъ доказательствомъ относительно дѣйствительности или фальшивости почерковъ; свидѣтели же при завѣщаніи удостовѣряютъ очень часто въ томъ, что оно подписано завѣщателемъ, не зная вовсе его почерка. Легко понять, что если въ одной какой либо части законнаго требованія допускается его нарушеніе, то оно тѣмъ легче допускается и въ другой. Между тѣмъ, при спорахъ о недѣйствительности завѣщанія, вслѣдствіе умственнаго разстройства завѣщателя, однимъ изъ главныхъ доказательствъ бываетъ ссылка на то, что завѣщаніе подписано самимъ завѣщателемъ и что,

безъ всякаго сомнѣнія, тотъ, кто могъ подписаться какъ слѣдуетъ, не былъ ни безумнымъ, ни сумасшедшимъ, ни умалишеннымъ. Притомъ, вообще подпись завѣщателя, какимъ бы путемъ она ни была добыта, склоняетъ сама по себѣ свидѣтелей къ удостовѣренію въ томъ, что завѣщатель былъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Поэтому, для каждаго изъ свидѣтелей — за исключеніемъ развѣ самыхъ осторожныхъ и подозрительныхъ — достаточно не сомнѣваться въ томъ, что подъ завѣщаніемъ, находится подпись завѣщателя, для того, чтобъ дать удостовѣреніе въ формулѣ, установленной закономъ.

Разсматривая статьи закона, относящіяся къ опредѣленію умственныхъ способностей завѣщателя, должно остановиться и на завѣщаніяхъ самоубійцъ. Въ статьѣ 1016 сказано: всѣ завѣщанія, какъ крѣпостныя, такъ и домашнія, должны быть составляемы въ здравомъ умѣ и твердой памяти. „Посему, прибавляетъ 1017 статья, недѣйствительны завѣщанія самоубійцъ.“ Такую послѣдовательную связь между умственными способностями человѣка и самоубійствомъ нельзя признать основательною.

Мы допускаемъ, что при установленіи указанной нами въ русскихъ законахъ связи между разстройствомъ умственныхъ способностей завѣщателя и самоубійствомъ составители 1016 и 1017 статей могли руководствоваться психологическими соображеніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, статьи эти впадаютъ въ прямое противорѣчіе съ 1495 ст. Уложенія о наказаніяхъ.

Изъ сопоставленія между собою этихъ трехъ статей оказывается, что завѣщаніе самоубійцы, по законамъ гражданскимъ признается недѣйствительнымъ, какъ завѣщаніе человѣка, не находившагося въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей, и онъ въ этомъ отношеніи подводится подъ одинъ уровень съ безумными, сумасшедшими и умалишенными. Между тѣмъ, уголовный законъ, наобо-

ротъ, признаетъ недѣйствительными завѣщанія такихъ только лицъ, которыя лишили себя жизни, находясь въ здравомъ умѣ, и не отнимаетъ завѣщательнаго права у такихъ лицъ, которыя посягнули на свою жизнь въ безпамятствѣ или помѣшательствѣ. Такимъ образомъ, оказывается, что законъ гражданскій отнимаетъ у самоубійцы завѣщательное право по той самой причинѣ—т. е. по причинѣ умственнаго разстройства—по которой законъ уголовный удерживаетъ за нимъ это право.

По поводу вопроса о завѣщаніяхъ самоубійцъ, было высказано мнѣніе (Журн. Мин. Юст., 1863 г., октября, стр. 199) что завѣщаніе самоубійцы по русскому закону недѣйствительно, если бы даже и было доказано, что онъ находился въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія было приведено то соображеніе, что завѣщаніе есть законное объявленіе воли владѣльца объ его имуществѣ на случай смерти, или, какъ говорили римляне: „testamentum est voluntatis nostrae justa sententia". Между тѣмъ въ глазахъ закона объявленіе воли самоубійцы объ его имуществѣ не можетъ быть признано дѣйствительнымъ и справедливымъ уже потому, что самоубійство запрещено закономъ и само по себѣ является поступкомъ или въ высшей степени безнравственнымъ, иррелигіознымъ или проистекающимъ отъ разстройства умственныхъ способностей. Такое мнѣніе, какъ юридическій принципъ, мы не признаемъ безусловно-вѣрнымъ.

Хотя самоубійство дѣйствительно запрещено закономъ, но законъ, примѣняя за покушеніе на такое преступленіе самую мягкую степень наказанія—церковное покаяніе, не ставитъ его тѣмъ самымъ въ ряду такихъ преступленій, которыя, по важности своей, лишаютъ человѣка его гражданскихъ правъ. Если-же принять въ основаніе тотъ взглядъ, какой высказанъ выше, тогда надобно было-бы допустить, что всякое дѣйствіе, запрещенное закономъ и

являющееся поступкомъ въ высшей степени безнравственнымъ и иррелигіознымъ, влечетъ за собою разрушеніе права дѣлать завѣщательныя распоряженія. Такимъ образомъ, въ силу этого принципа, сочинитель, выпустившій въ свѣтъ книгу, противную цензурнымъ правиламъ и признанную въ высшей степени безнравственною и иррелигіозною, долженъ быть лишенъ права оставить послѣ себя законное завѣщаніе. Что же касается вопроса собственно объ умственномъ разстройствѣ завѣщателя-самоубійцы, то признаніе недѣйствительнымъ составленнаго имъ завѣщанія не можетъ быть принято безусловно. Такъ напримѣръ, если бы кто нибудь въ 1870 году составилъ завѣщаніе съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, а въ 1873 году застрѣлился и по слѣдствію было бы раскрыто, что онъ покусился на свою жизнь въ припадкѣ бѣлой горячки. При такихъ условіяхъ судебному мѣсту, пришлось бы сдѣлать постановленіе о завѣщаніи самоубійцы, которое, на основаніи 1017 статьи, находящейся въ послѣдовательной связи съ статьей 1016, должно быть признано недѣйствительнымъ, какъ завѣщаніе лица, небывшаго въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Но такое постановленіе противорѣчило бы 1050 статьѣ, такъ какъ удостовѣреніе свидѣтелей объ умственныхъ способностяхъ завѣщателя, по силѣ ея, относится не къ моменту его смерти, а только къ моменту предъявленія завѣщанія, а въ послѣдній изъ этихъ двухъ моментовъ завѣщатель былъ признанъ правоспособнымъ къ составленію завѣщанія. Кромѣ того, и по силѣ 1945 ст. XV т. самоубійство въ припадкѣ безпамятства или помѣшательства не влечетъ за собою недѣйствительности завѣщательныхъ распоряженій.

Наконецъ, никакъ нельзя допустить той мысли, что законодательство наше признаетъ всѣхъ самоубійцъ поголовно людьми, находившимися не въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Въ этомъ прямо убѣждаетъ то, что законъ,

если не будетъ доказано разстройства умственныхъ способностей человѣка, лишившаго себя жизни, подвергаетъ его послѣ смерти наказанію въ предѣлахъ возможнаго, лишая его христіанскаго погребенія и права посмертныхъ распоряженій имуществомъ. Между тѣмъ, если бы законъ дѣйствительно предполагалъ въ каждомъ самоубійцѣ человѣка съ разстроенными умственными способностями, то прямымъ послѣдствіемъ такого предположенія была бы невмѣняемость, безъ особыхъ разслѣдованій о томъ, съ намѣреніемъ-ли или безсознательно лишилъ себя человѣкъ жизни.

Все здѣсь сказанное приводитъ къ тому заключенію, что никакъ нельзя допустить логическую и юридическую связь между 1016 и 1017 статьями. Если гражданскій законъ вообще признаетъ завѣщанія самоубійцъ недѣйствительными, то онъ могъ постановить такое правило только въ видѣ наказанія человѣку, лишившему себя жизни. Поэтому, такое правило, какъ имѣющее особое юридическое основаніе, должно быть въ гражданскихъ законахъ самостоятельною статьею и быть безъ всякой связи съ вопросомъ объ умственныхъ способностяхъ завѣщателя и безъ всякаго соотношенія съ 1016 статьею, касающеюся этихъ способностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть уничтожено и то противорѣчіе, какое оказывается нынѣ при сопоставленіи 1016 и 1017 статей X т. съ 1945 ст. XV т., такъ какъ по силѣ двухъ первыхъ статей завѣщанія самоубійцъ признаются недѣйствительными потому, что самоубійцы считаются людьми невладѣющими въ должной степени разсудкомъ, а по силѣ 1945 ст. XV т., наоборотъ, только вслѣдствіе здраваго состоянія умственныхъ силъ самоубійцы завѣщаніе его, по закону, дѣлается недѣйствительнымъ.

При основномъ требованіи закона, чтобы завѣщатель въ извѣстный моментъ находился въ здравомъ умѣ и твер-

дой памяти, закону, однако, нѣтъ никакой надобности знать, вслѣдствіе какихъ именно патологическихъ причинъ завѣщатель не подходитъ подъ тѣ условія, какіе постановлены закономъ относительно умственныхъ способностей человѣка, желающаго сдѣлать завѣщательныя распоряженія. Отъ какихъ бы причинъ онъ не утрачивалъ здравый умъ и твердую память, онъ во всякомъ случаѣ, какъ завѣщатель, является передъ закономъ лицомъ неправоспособнымъ. Между тѣмъ, въ житейской практикѣ смотрятъ на это дѣло иначе. Положительно можно сказать, что почти каждый изъ свидѣтелей подписывается подъ заготовленнымъ заранѣе завѣщаніемъ человѣка, находящагося въ горячешномъ бреду въ томъ соображеніи, что бредъ этотъ происходитъ отъ извѣстной болѣзни, а не отъ помѣшательства. Былъ случай, что одинъ врачъ подписалъ завѣщаніе своего паціента, старика 76 лѣтъ, страдавшаго сильнымъ разстройствомъ памяти и, вслѣдствіе этого, плохо сознававшаго даже то, что около него дѣлалось. Свидѣтель этотъ не могъ отрицать, чтобъ завѣщатель иногда не заговаривался, что у него не было галлюцинацій и уже никакъ не могъ утверждать по совѣсти, чтобы онъ былъ въ твердой памяти. Несмотря на это, врачъ-свидѣтель не считалъ своего паціента съ разстроенными умственными способностями, потому что острые припадки помѣшательства, происходили отъ прилива крови къ мочевому пузырю. Но въ такомъ случаѣ и людей, страдающихъ разжиженіемъ мозга, которое сопровождается крайнимъ разстройствомъ ума и памяти, нельзя считать помѣшанными потому только, что этого рода болѣзнь въ патологическомъ отношеніи обусловливается приливами крови къ головѣ. При указанномъ нами взглядѣ представителя врачебной науки и въ этомъ случаѣ не будетъ никакого умственнаго разстройства, но только физическая болѣзнь.

Если держаться въ точности формулы свидѣтельскаго

удостовѣренія при завѣщаніяхъ, то, по смыслу ея, и опьянѣніе должно отклонить свидѣтелей отъ подписи завѣщанія, представляемаго такимъ лицомъ, которое находится вообще въ нетрезвомъ видѣ. Конечно, здѣсь чрезвычайно трудно опредѣлить ту степень опьяпѣнія, при которой тотъ или другой человѣкъ начинаетъ терять здравый смыслъ, но надобно предполагать, что если бы было доказано, что завѣщатель, при представленіи имъ своего завѣщанія свидѣтелямъ, былъ въ пьяномъ видѣ, а свидѣтели удостовѣрили, что онъ находился въ это время въ здравомъ умѣ и твердой памяти, то перваго изъ этихъ обстоятельствъ, несмотря на удостовѣреніе свидѣтелей, было бы достаточно для признанія завѣщанія недѣйствительнымъ, хотя бы степень опьянѣнія и не могла быть опредѣлена съ достаточною точностью. Мы дѣлаемъ такое предположеніе на томъ основаніи, что во всякомъ случаѣ замѣтные для постороннихъ людей признаки опьяненія скорѣе убѣждаютъ въ ненормальномъ, нежели въ нормальномъ состояніи ума и памяти человѣка.

Уклоненіе отъ здраваго разсудка подъ вліяніемъ сильныхъ страстей не можетъ, по нашимъ законамъ, быть препятствіемъ къ составленію завѣщательныхъ распоряженій. Наша судебная практика не представляетъ случая, гдѣ разбирался бы подобный вопросъ, но во французской судебной практикѣ былъ примѣръ уничтоженія завѣщанія на томъ основаніи, что оно было составлено подъ вліяніемъ ревности, развившейся въ завѣщателѣ до невѣроятныхъ размѣровъ, и что, поэтому, онъ не имѣлъ достаточно спокойствія для того, чтобы владѣть своимъ разсудкомъ при составленіи завѣщанія.

Въ заключеніе упомянемъ еще объ одной особенности — о беременности. Извѣстно, что въ этотъ періодъ замѣчается у многихъ сильная раздражительность, перемѣна характера, странныя желанія и особенныя наклонности, какъ напри-

мѣръ, наклонность къ воровству. Очень понятно, что при такихъ явленіяхъ нельзя считать умственное состояніе беременной женщины вполнѣ нормальнымъ. Несмотря, однако, на это, невозможно было бы лишать ее права дѣлать завѣщанія. Здѣсь не можетъ быть никакого юридическаго правила, и только вліяніе окружающихъ можетъ предотвратить составленіе завѣщаній въ такихъ случаяхъ, гдѣ воля женщины, вслѣдствіе особыхъ условій ея организма, подчиняется замѣтно необъяснимымъ инстинктамъ, а не разумному сознанію.

Если вообще показанія свидѣтелей при завѣщаніи о здравомъ умѣ и твердой памяти завѣщателя, по объясненнымъ нами причинамъ, не могутъ пользоваться достаточнымъ кредитомъ, то такой кредитъ ослабляется еще болѣе вслѣдствіе дальнѣйшихъ формальностей. По статьѣ 1050 свидѣтели должны утвердить при допросѣ, между прочимъ, и то обстоятельство, что завѣщатель былъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Спрашивается теперь, что же въ этомъ отношеніи значатъ сами по себѣ свидѣтельскія подписи на завѣщаніи, которыя, по словамъ закона, *удостовѣряютъ* въ упомянутомъ обстоятельствѣ? Должны ли эти подписи, независимо отъ утвержденія при допросѣ, имѣть самостоятельную силу, и относительно умственныхъ способностей завѣщателя заключать въ себѣ то подробное удостовѣреніе, какое требуется 1050 статьею? До сихъ поръ судебная наша практика не разрѣшила этого вопроса, а между тѣмъ онъ имѣетъ существенную важность. Замѣтимъ, впрочемъ, что въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта 12 января 1846 года — слѣдовательно при настоящемъ порядкѣ составленія духовныхъ завѣщаній—при указаніи на причины недѣйствительности оспариваемаго завѣщанія было упомянуто и о томъ, что *подпись* одного изъ свидѣтелей *не удостовѣряетъ вполнѣ* въ первомъ и главнѣйшемъ условіи каждаго за-

вѣщанія, а именно въ томъ, что завѣщательница была въ *здравомъ умѣ* и *твердой памяти*. Такое упоминаніе не лишено, какъ мы сейчасъ увидимъ, практическаго значенія.

Мы склоняемся къ той мысли, что по нынѣ дѣйствующимъ законамъ одна изъ формальностей каждаго домашняго завѣщанія должна заключаться, между прочимъ, и въ томъ, что свидѣтели въ подписяхъ, дѣлаемыхъ ими на завѣщаніи, должны прописать, что они нашли завѣщателя въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Къ такому заключенію приводитъ насъ не только текстъ 1050 статьи, но и тѣ условія, при которыхъ составляются домашнія завѣщанія и которыя необходимо предвидѣть для того, что бы завѣщанія были подписываемы свидѣтелями съ большею добросовѣстностью. Остановимся прежде на упомянутой статьѣ.

Статья 1050 говоритъ, что „подпись свидѣтелей на завѣщаніи удостовѣряетъ въ такихъ-то и такихъ обстоятельствахъ и что свидѣтели должны „*утвердить*" эти обстоятельства при допросѣ. Изъ точнаго смысла этихъ словъ надобно заключить, что подпись свидѣтелей на завѣщаніи есть уже сама по себѣ полное удостовѣреніе на счетъ умственныхъ способностей завѣщателя и что при допросѣ свидѣтели должны только утвердить то, въ чемъ они заранѣе удостовѣрлютъ. Не говоря уже о томъ, что вообще нельзя утверждать того, что не было заявлено прежде, мы видимъ, что законъ при допросѣ не требуетъ отъ свидѣтелей какихъ либо новыхъ или особливыхъ показаній о томъ, въ какомъ состояніи они нашли завѣщателя. Онъ не предоставляетъ имъ права дополнять или измѣнять прежде данное имъ удостовѣреніе, ограничивая допросъ однимъ лишь утвержденіемъ предыдущаго. Изъ этого видно, что вызовъ свидѣтелей къ допросу клонится собственно къ тому, чтобъ удостовѣрить подлинность за-

вѣщанія и дѣйствительное существованіе подписавшихся на немъ свидѣтелей. Въ справедливости такого взгляда убѣждаетъ и 1052 статья, которая говоритъ, что смерть одного или даже и всѣхъ свидѣтелей не должна служить препятствіемъ къ явкѣ завѣщанія, если только на *подлинность* онаго ни отъ кого спора предъявлено не будетъ. Очевидно, что, не дѣлая необходимымъ удостовѣреніе свидѣтелей объ умственныхъ способностяхъ завѣщателя при допросѣ и въ то же время положительно требуя отъ нихъ такого удостовѣрія, при подписи законъ тѣмъ самымъ указываетъ, что подписи свидѣтелей должны уже заранѣе удостовѣрять въ этомъ обстоятельствѣ и что, поэтому, онѣ должны заключать въ себѣ показанія объ умѣ и памяти завѣщателя соотвѣтственно той формулѣ, какая предписана закономъ. Иначе невозможно было бы знать, въ чемъ именно поручились свидѣтели, а потому и допросъ ихъ былъ бы, во всякомъ случаѣ, необходимымъ условіемъ для утвержденія каждаго завѣщанія.

Кромѣ того, если при самой подписи завѣщанія свидѣтели не удостовѣрятъ въ точности объ умственныхъ способностяхъ завѣщателя, то дальнѣйшая участь такого завѣщанія останется въ ихъ рукахъ. Они впослѣдствіи вольны будутъ сдѣлать на счетъ этого такой отзывъ, какой будетъ согласоваться съ ихъ видами. Притомъ, между составленіемъ завѣщанія и явкою его въ судебное мѣсто могутъ пройти даже десятки лѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ ослабѣть и даже совершенно исчезнуть изъ памяти свидѣтелей тѣ впечатлѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ они подписали предъявленное имъ завѣщаніе.

Нѣкоторые юристы высказываютъ ту мысль, что завѣщаніе, до засвидѣтельствованія его нотаріальною властью, ничего болѣе какъ проектъ, неимѣющій никакой силы, а потому и поставляютъ этого рода акты въ прямую зависимость отъ допроса свидѣтелей, который совпадаетъ съ

разсмотрѣніемъ завѣщанія въ нотаріальномъ порядкѣ. Съ такимъ взглядомъ едва-ли можно согласиться. Хотя домашнее завѣщаніе и приводится въ исполненіе только послѣ его засвидѣтельствованія, но оно въ сущности имѣетъ значеніе юридическаго акта со времени подписанія его завѣщателемъ и свидѣтелями. Въ немъ—если только оно не будетъ отмѣнено самимъ завѣщателемъ—уже окончательно, разъ навсегда, высказалась его воля. Завѣщатель—единственное лицо, которое можетъ составить подобный актъ, такъ что послѣ смерти его составленіе завѣщанія и неосуществимо и немыслимо, а слѣдовательно онъ оставляя послѣ своей смерти завѣщаніе, хотя еще и не засвидѣтельствованное въ нотаріальномъ порядкѣ, оставляетъ уже не проектъ, но законченный имъ актъ. Притомъ и смерть завѣщателя не поставляется вообще необходимымъ условіемъ для облеченія завѣщанія въ формальность, потому что крѣпостныя завѣщанія еще при жизни составившихъ ихъ лицъ подвергаются исполненію надъ ними всѣхъ формальностей. Наконецъ, если моментъ дѣйствительности завѣщанія, по какимъ либо соображеніямъ, и можно относить ко времени его засвидѣтельствованія, то все же, независимо отъ этого, дѣйствительность свидѣтельскихъ удостовѣреній можетъ быть отнесена только къ моменту предъявленія завѣщанія свидѣтелямъ. Они исключительно въ это время должны придти къ убѣжденію, что завѣщатель, по состоянію своихъ умственныхъ способностей, подходитъ подъ условія, выраженныя въ законѣ, а не составлять объ этомъ заключенія впослѣдствіи.

Неозначеніе свидѣтелями въ ихъ подписи на завѣщаніи подробныхъ указаній объ умѣ и памяти завѣщателя дѣлаетъ завѣщаніе шаткимъ и слишкомъ ненадежнымъ и открываетъ удобный путь для злоупотребленія правомъ свидѣтеля. Мы объяснимъ это нагляднымъ примѣромъ. Лю-

дямъ, окружающимъ лицо, страдающее разстройствомъ умственныхъ способностей, происходящимъ, положимъ, отъ потери или ослабленія памяти въ старческіе годы,—удалось склонить такое лицо, различными способами, къ составленію завѣщанія. Самъ завѣщатель находится въ полной нравственной и даже физической зависимости отъ такихъ людей и даже едва-ли сознаетъ, что около него дѣлается. Очень понятно, что при такихъ условіяхъ завѣщаніе его не будетъ выраженіемъ его воли, какъ это опредѣляется закономъ. Между тѣмъ, свидѣтели, приглашенные къ такому завѣщателю, находятъ, что онъ сидитъ или лежитъ смирно, такъ что, судя по внѣшности, въ немъ незамѣтно ничего такого, чтобы указывало на разстройство его умственныхъ способностей. Въ виду этого, свидѣтели, конечно, не затруднятся удостовѣрить, что завѣщатель находился въ *здравомъ умѣ*. Между тѣмъ, если онъ не только не узналъ пришедшихъ къ нему свидѣтелей—лицъ хорошо ему извѣстныхъ,—но смѣшалъ ихъ, по безпамятству, съ другими своими знакомыми, и призналъ ихъ тѣми, кто они на самомъ дѣлѣ, только послѣ долгихъ постороннихъ напоминаній; если, наконецъ, свидѣтели изъ сдѣланныхъ такому завѣщателю вопросовъ увидятъ, что онъ даже забылъ о цѣли ихъ прихода и даже о самомъ завѣщаніи, и могъ вспомнить обо всемъ этомъ только съ трудомъ и то при посторонней помощи,—то и въ такомъ случаѣ свидѣтели, не видя въ завѣщателѣ безусловнаго безпамятства, могутъ удостовѣрить, что онъ былъ въ памяти, пропуская только прилагательное „твердой“.

Вслѣдствіе подобныхъ тому случаевъ, нерѣдко являются завѣщанія подъ которыми свидѣтели, соотвѣтственно 1050 ст., удостовѣряютъ, что они нашли завѣщателя *въ здравомъ умѣ и памяти*, обходя при этомъ качественное опредѣленіе послѣдней. Если вникнуть въ смыслъ та-

кого заранѣе ограниченнаго опредѣленія умственныхъ способностей завѣщателя и сообразить тѣ обстоятельства, которыми вызвано было подобное ограниченіе, то смыслъ свидѣтельскаго удостовѣренія будетъ понятенъ, а именно: они сами не считали завѣщателя способнымъ къ изъявленію его воли и подписали завѣщаніе безъ внутренняго убѣжденія. Если бы въ приведенномъ нами случаѣ свидѣтели подписались просто: у сего завѣщанія свидѣтелями были такіе-то и такіе, то такая краткая формула ихъ удостовѣренія объяснялась бы тѣмъ, что свидѣтели понимаютъ 1050 статью такъ, что подпись ихъ и безъ подробнаго означенія тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ они нашли завѣщателя, служитъ полнымъ удостовѣреніемъ того, что они должны утвердить при допросѣ. При той же формулѣ удостовѣренія, на которую мы указали, выражается осторожность свидѣтелей, а дѣйствительность самаго завѣщанія зависитъ отъ ихъ дальнѣйшихъ. соображеній. Такъ, если бы при явкѣ его они почему либо разошлись съ той стороною, которая склонила ихъ къ подписи завѣщанія, или если бы они опасались, что неправильность ихъ удостовѣренія можетъ быть обнаружена, то они при допросѣ прямо могутъ сослаться на то, что они и при подписи завѣщанія не признавали умственныя способности завѣщателя вполнѣ соотвѣтствующими тѣмъ условіямъ, какія постановлены въ законѣ, а потому и тогда еще не удостовѣрили вполнѣ, что онъ былъ въ памяти „*твердой*". Если же между подписью завѣщанія и его явкою пройдетъ болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени и свидѣтели не будутъ опасаться никакихъ уликъ, то они при допросѣ, безъ всякой ссылки на подпись ихъ, могутъ удостовѣрить, что завѣщатель былъ въ памяти твердой и тѣмъ самымъ устранить всякое сомнѣніе на счетъ ненормальнаго состоянія умственныхъ его способностей.

Хотя въ данномъ случаѣ заключеніе о неправильномъ

удостовѣренія свидѣтелей основывается только на пропускѣ одного слова,—пропускѣ, который, конечно, иной разъ можетъ быть и случайный, но приведенный нами примѣръ показываетъ до какой степени безполезны вообще показанія свидѣтелей объ умственныхъ способностяхъ завѣщателя и какъ не трудно злоупотребить такими показаніями, для того чтобы утвердить или разрушить силу завѣщанія въ главной его основѣ. Не говоря о томъ, нужно-ли или нѣтъ, чтобы свидѣтели на самомъ завѣщаніи удостовѣряли подробно о состояніи умственныхъ способностей завѣщателя, мы поставимъ слѣдующій вопросъ: можно-ли признать дѣйствительнымъ завѣщаніе, если свидѣтели, подписавшіе его, отвѣтятъ при допросѣ, что они нашли завѣщателя въ здравомъ умѣ и памяти, но что они не могутъ ручаться въ томъ, что онъ былъ въ памяти твердой? Не колеблясь можно отвѣтить, что при такихъ условіяхъ предъявленное къ явкѣ завѣщаніе не должно быть признано дѣйствительнымъ, такъ какъ сами свидѣтели отказываются отъ той полноты удостовѣренія, какая требуется закономъ.

Что же касается допроса, то положительно можно сказать, что онъ представляетъ еще менѣе достовѣрности относительно свидѣтельскихъ показаній объ умственныхъ способностяхъ завѣщателя, нежели подпись свидѣтелей на завѣщаніи, сообразно той формулѣ, какая указана въ законѣ. Допросъ производится очень часто по прошествіи нѣсколько даже десяти и болѣе лѣтъ, со времени подписи завѣщанія, когда тѣ обстоятельства, при которыхъ было подписано завѣщаніе свидѣтелями, могутъ совершенно изгладиться изъ ихъ памяти. Между тѣмъ, какъ при подписи завѣщанія они обязаны видѣть завѣщателя *лично* и, слѣдовательно, могутъ въ ту пору составить болѣе вѣрное понятіе объ его умственныхъ способностяхъ. Притомъ извѣстно, что на практикѣ весь допросъ свидѣтелей состоитъ въ томъ, что они подписываютъ полную формулу

удостовѣренія на заготовленномъ заранѣе, иногда даже печатномъ, бланкѣ, такъ что вообще они смотрятъ на допросъ какъ на излишнюю формальность. Обстоятельство это имѣетъ большое значеніе въ нравственномъ отношеніи. Такъ, свидѣтель умышленно давшій при подписи завѣщанія то ограниченное удостовѣреніе, о которомъ мы говорили, подпишетъ предложенный ему въ надлежащей формѣ допросъ, не безъ увѣренности отклонить отъ себя нареканія въ недобросовѣстности отговоркою, что онъ, подписывая завѣщаніе, поступилъ по совѣсти, не ручаясь вполнѣ за умственныя способности завѣщателя, но что послѣ онъ подписалъ допросъ, потому что считалъ это только необходимою формальностью, или потому, что не догадался внимательно прочесть то, что было ему предложено къ подписи. Такія, повидимому благовидныя, отговорки приходится иногда слышать отъ свидѣтелей, поставленныхъ въ необходимость сознаться частнымъ образомъ въ несправедливости даннаго ими при допросѣ удостовѣренія, а между тѣмъ, подписавшихъ завѣщаніе съ тою предосторожностью, о которой мы говорили.

Въ опровержение нашихъ соображеній объ юридической и практической необходимости полнаго свидѣтельскаго удостовѣренія на завѣщаніи относительно ума и памяти завѣщателя, можно, пожалуй, сослаться на 1048 ст., въ которой сказано, что въ подписи свидѣтелей должно быть подробно означаемо званіе завѣщателя, но не упомянуто о томъ, чтобы свидѣтели подписывались соотвѣтственно ст. 1050. Но такое толкованіе будетъ неправильно. Если въ статьѣ 1048 и не изложено требованіе на счетъ того, въ чемъ должна заключаться свидѣтельская подпись относительно умственныхъ способностей завѣщателей, то это, очевидно, потому только, что такое требованіе, какъ мы уже объяснили, помѣщено въ 1050 статьѣ, а слѣдо-

вательно изложеніе его въ одной изъ предшествующихъ статей было бы совершенно излишне.

Кромѣ того, могутъ замѣтить, что домашнія завѣщанія очень часто составляются съ такою поспѣшностью, что нельзя даже пріискать свидѣтелей, которые знали бы въ какой именно формѣ они должны подписаться на завѣщаніи относительно умственныхъ способностей завѣщателя, и что, поэтому, нельзя и требовать, чтобы свидѣтели дали въ ихъ подписяхъ такое удостовѣреніе, какое требуется по статьѣ 1050, и какое они должны дать впослѣдствіи при допросѣ. Не повторяя здѣсь того, что мы говорили уже о связи подписи съ допросомъ, и не говоря объ основномъ юридическомъ правилѣ, въ силу котораго никто невѣдѣніемъ закона отзываться не можетъ, нельзя не остановиться въ этомъ случаѣ и на другихъ соображеніяхъ. Если для свидѣтелей завѣщанія, въ уваженіе вышеизложенныхъ причинъ, позволительно не знать той формы удостовѣренія, какая требуется закономъ, то, конечно, имъ точно также позволительно не знать и 1048 статьи. Слѣдовательно и отступленіе ихъ отъ этой статьи не должно имѣть никакого вліянія на недѣйствительность завѣщанія, да и вообще, затѣмъ, всякое отступленіе отъ предписанныхъ въ законѣ формальностей по составленію завѣщанія не должно разрушать завѣщаніе, если только допустить, что въ одномъ случаѣ можетъ быть принято въ уваженіе незнаніе закона. Притомъ, весьма сомнительно, чтобы кто-нибудь изъ добросовѣстныхъ или даже только осторожныхъ свидѣтелей захотѣлъ подписать какую-либо бумагу, не зная напередъ въ чемъ именно должна удостовѣрять его подпись. Если же встрѣчаются такіе свидѣтели, которые смотрятъ на это иначе, то понятно, что они ни по закону, ни по совѣсти, не могутъ быть признаны свидѣтелями имовѣрными, а слѣдовательно и данныя ими удостовѣренія не могутъ имѣть надлежащей силы.

Законъ до нѣкоторой степени ограждаетъ правильность составленія завѣщаній по отношенію къ умственнымъ способностямъ завѣщателя тѣмъ еще, что по ст. 1046 требуетъ, чтобы завѣщанія писались собственною рукою завѣщателя или „по просьбѣ и со словъ его“ другимъ лицомъ. Требованіе это не лишено практическаго смысла, такъ какъ въ немъ выражается необходимость, чтобы въ составленіи завѣщанія принималъ непосредственное участіе самъ завѣщатель. Это важно въ томъ отношеніи, что если завѣщатель страдаетъ умственнымъ разстройствомъ вообще или въ частности потерею памяти, столь часто случающеюся въ преклонныхъ годахъ, но при одномъ только чтеніи заранѣе приготовленнаго, хотя бы и по его просьбѣ, завѣщанія онъ бываетъ лишенъ возможности обнять все читаемое и не можетъ хорошо сообразить всѣ статьи завѣщанія, изъ которыхъ каждая, послѣ прочтенія, исчезаетъ изъ его памяти. Вслѣдствіе этого, завѣщатель не можетъ быть дѣйствительнымъ распорядителемъ своего имущества,— особенно если оно значительно и разнообразно,—и остается въ большой, а иногда и полной зависимости отъ составителей завѣщанія, которые неопредѣленностью выраженій и даже въ иныхъ случаяхъ перестановкою знаковъ препинанія могутъ придать завѣщанію не тотъ смыслъ, въ какомъ хотѣлъ бы составить его самъ завѣщатель. При точномъ же исполненіи требованія закона, т. е., чтобы завѣщанія были писаны *со словъ* завѣщателя, правильность ихъ обезпечивается на практикѣ еще и тѣмъ, что самое завѣщаніе, иногда по способу его изложенія, можетъ служить нравственнымъ убѣжденіемъ для оспаривающей его стороны въ томъ, что собственный разсудокъ, память и личная воля завѣщателя были здѣсь не при чемъ. Сверхъ того, при этомъ встрѣчается и болѣе существенная польза. Если завѣщаніе дѣйствительно пишется со словъ завѣщателя, то все же упадокъ его

умственныхъ силъ не можетъ при этомъ условіи доходить до такой сильной степени, до какой онъ можетъ простираться, если завѣщаніе пишется посторонними лицами, безъ непосредственнаго участія завѣщателя, и потомъ въ благопріятную минуту дается ему только для подписи.

Переписчики завѣщаній, составленныхъ безъ непосредственнаго участія завѣщателя, упоминаютъ обыкновенно изъ предосторожности, что завѣщаніе писано *„по волѣ“* завѣщателя, хотя означеніе этого обстоятельства въ самомъ завѣщаніи и не требуется закономъ. Есть, однако, существенная разница между завѣщаніемъ, написаннымъ (какъ указываетъ законъ) *„по просьбѣ и со словъ“* завѣщателя — и завѣщаніемъ, написаннымъ *„по волѣ“* его, уже по тому, что воля одного лица можетъ быть передана и даже истолкована другому третьемъ лицомъ такъ, что при этомъ условіи завѣщатель можетъ не принимать никакого участія въ составленномъ отъ имени его завѣщаніи. Очевидно, однако, что законъ не довольствуется только изъявленіемъ воли завѣщателя вообще, чтобы было написано для него завѣщаніе, но требуетъ въ этомъ случаѣ личнаго, такъ сказать механическаго, его содѣйствія посредствомъ живой рѣчи, такъ что собственный произволъ завѣщателя долженъ быть въ этомъ случаѣ присущъ до конца. Говоря, что завѣщаніе должно быть писано „по просьбѣ“ завѣщателя, законъ, конечно, разумѣетъ тутъ его волю, такъ какъ она уже выражается въ самой просьбѣ; тѣмъ не менѣе законъ добавляетъ и *„со словъ“* и тѣмъ самымъ положительно указываетъ на способъ, какимъ должна быть исполнена воля завѣщателя. Въ судебной нашей практикѣ мы не встрѣтили случая, въ которомъ бы разрѣшался вопросъ о завѣщаніи, писанномъ не со словъ завѣщателя. Это можетъ происходить, между прочимъ, и оттого, что сторонѣ, оспаривающей завѣщаніе, почти невозможно доказать, что оно не было писано со словъ

завѣщателя, если только объ этомъ не заявитъ переписчикъ и если для сокрытія истины были приняты предосторожности тѣми, при участіи, которыхъ составлялось завѣщаніе. Надобно, впрочемъ, преполагать, что правдивый судъ призналъ бы недѣйствительнымъ завѣщаніе, написанное хотя и по просьбѣ, но не словъ завѣщателя, если бы было доказано это послѣднее обстоятельство.

Наконецъ, въ статьѣ 1026 можно также видѣть желаніе закона не допускать составленія завѣщаній лицами, не находящимися въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Въ этойстатьѣ сказано, что недѣйствительны завѣщанія съ очевидною ошибкою въ завѣщаемомъ имуществѣ или въ лицѣ,кому оно завѣщается. Безъвсякаго сомнѣнія, въ такомъ постановленіи закона выражается намѣреніе уменьшить случаи споровъ, которые могутъ возникнуть вслѣдствіе такихъ ошибокъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ упомянутая статья имѣетъ прямое отношеніе и къ состоянію умственныхъ способностей завѣщателя. Для завѣщателя, находящагося въ здравомъ умѣ и твердой памяти не представляется никакой трудности означить въ точности свое имущество и безошибочно указать тѣхъ лицъ, которымъ онъ желаетъ оставить что либо послѣ своей смерти, такъ какъ лица эти обыкновенно бываютъ ему болѣе или менѣе близки и, слѣдовательно, хорошо ему извѣстны. Между тѣмъ, люди, желающіе воспользоваться для своихъ выгодъ умственнымъ растройствомъ завѣщателя, не всегда могутъ знать подробно принадлежащее ему имущество и назвать съ точностью тѣхъ лицъ, о которыхъ,—для сохраненія правдоподобія въ завѣщаніи,—бываетъ иногда необходимо упомянуть. Прямымъ послѣдствіемъ такого незнанія легко могутъ быть ошибки, указывающія на то, что завѣщатель, по слабости умственныхъ силъ, принималъ въ составленіи завѣщанія только видимое, а не дѣйствительное участіе потому, что онъ самъ, зная свое имущество и из-

бираемыхъ имъ наслѣдниковъ, не могъ бы сдѣлать очевидныхъ ошибокъ.

Изъ всего сказаннаго нами о шаткости свидѣтельскихъ удостовѣреній о здравомъ умѣ и твердой памяти завѣщателя неслѣдуетъ дѣлать того вывода, что, вслѣдствіе этого должно непремѣнно заботиться объ усиленіи формальностей такого рода. Конечно, нельзя не согласиться въ томъ, что если уже установлены закономъ какія либо формальности и дальнѣйшее ихъ существованіе признается необходимымъ, то желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы эти формальности достигали сколь возможно вѣрнѣе предположенной цѣли. На этомъ основаніи и въ виду нынѣ дѣйствующихъ правилъ о порядкѣ сотавленія домашнихъ завѣщаній нужно, какъ кажется, сдѣлать въ этихъ правилахъ слѣдующія измѣненія, дополненія и поясненія.

Во-первыхъ, опредѣлить кого именно должно разумѣть подъ особою категоріею лицъ, страдающихъ умственнымъ растройствомъ и названныхъ въ 1017 статьѣ „умалишенными“. Если же этому слову должно придавать одинаковое значеніе со словами „безумные и сумашедшіе,“ то, въ такомъ случаѣ, оно, какъ излишнее, должно быть выпущено изъ текста закона.

Во-вторыхъ, въ статьѣ 1050 высказать ясно, что должно понимать подъ выраженіемъ „подпись свидѣтелей на завѣщаніи удостовѣряетъ“ въ томъ-то и томъ-то, т. е., указать: должны-ли свидѣтели въ подписи своей на завѣщаніи прописывать подробное удостовѣреніе въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя они должны „утвердить“ при допросѣ, или же содержаніе свидѣтельскихъ подписей должно ограничиться только тѣмъ, что указано въ 1048 статьѣ. Съ своей стороны, мы, по высказаннымъ уже какъ юридическимъ, такъ и практическимъ соображеніямъ, а также въ виду Высочайше утвержденнаго 12 января 1846 года мнѣнія государственнаго совѣта, приходимъ къ тому

убѣжденію, что подпись свидѣтелей на завѣщаніи должна заключать въ себѣ подробное удостовѣреніе объ умственныхъ способностяхъ завѣщателя.

Въ-третьихъ, при полномъ удостовѣреніи на счетъ умственныхъ способностей завѣщателя въ подписи свидѣтелей на завѣщаніи, утвержденіе этого обстоятельства свидѣтелями при допросѣ должно быть отмѣнено и допросъ долженъ производиться только для удостовѣренія въ подлинности завѣщанія, при явкѣ его къ засвидѣтельствованію.

Въ-четвертыхъ, должно быть уничтожено преимущество духовнаго отца завѣщателя, замѣняющаго нынѣ собою двухъ свидѣтелей. Духовный отецъ, чей бы онъ ни былъ, передъ закономъ гражданскимъ не можетъ имѣть никакого предпочтенія передъ прочими свидѣтелями, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ никакого основанія считать его, сравнительно съ ними, болѣе свѣдующимъ экспертомъ по вопросу объ умственныхъ способностяхъ завѣщателя.

Въ-пятыхъ, нужно или вовсе отмѣнить существующее нынѣ въ законѣ требованіе, чтобы завѣщаніе, не написанное рукою самаго завѣщателя, писалось другимъ лицомъ не только по просьбѣ, но и „со словъ“ его; или же, напротивъ, придать этому требованію обязательную силу, въ виду тѣхъ практическихъ соображеній, о которыхъ мы подробно говорили.

Въ-шестыхъ, необходимо допустить, чтобы завѣщанія съ явными несообразностями и нелѣпостями, сами по себѣ, несмотря на удостовѣреніе свидѣтелей о здравомъ умѣ и твердой памяти завѣщателя,—служили юридическимъ доказательствомъ разстройства его умственныхъ способностей. Нынѣ же, при не существованіи въ законѣ такого правила, нотаріальная власть обязана,—если только соблюдены внѣшнія формальности,—засвидѣтельствовать завѣщаніе подобное или весьма близко подходящее къ тому, образецъ котораго мы представили въ нашей статьѣ и ко-

торое само себѣ убѣдительно доказываетъ умственное разстройство составлявшаго его.

Въ-седьмыхъ, нужно опредѣлить въ гражданскихъ законахъ тѣ случаи, когда завѣщаніе самоубійцы,—сообразно съ состояніемъ его разсудка,— должно быть признано дѣйствительнымъ, и когда нѣтъ. Теперь же, какъ мы видѣли относительно этого вопроса встрѣчается въ Сводѣ Законовъ не только непослѣдовательность, но и явное противорѣчіе между 1017 ст. X т. и 1945 ст. XV т.

Безъ всякаго сомнѣнія, законъ не долженъ успокоивать себя тою мыслью, что онъ, для пресѣченія злоупотребленія установилъ, какъ охранительную силу, тѣ или другія формальности, но онъ долженъ сообразить прежде всего, насколько эти формальности имѣютъ въ себѣ практическаго значенія. Отыскивая такое значеніе въ тѣхъ статьяхъ нашего законодательства, о которыхъ мы говорили, мы приходимъ къ тому заключенію, что было бы гораздо основательнѣе отмѣнить вовсе свидѣтельскія удостовѣренія объ умственныхъ способностяхъ завѣщателей и принимать каждаго въ „здравомъ умѣ и твердой памяти“, т. е. считать правоспособнымъ къ составленію завѣщанія, если только его умственное растройство не было признано заранѣе, въ установленномъ для того порядкѣ. Для устраненія же случаевъ подлога, подпись свидѣтелей на завѣщаніи должна удостовѣрять только въ томъ, что оно такого-то числа и года и тамъ-то было имъ предъявлено завѣщателемъ, лично имъ извѣстнымъ. Затѣмъ, той сторонѣ, которая увидитъ въ завѣщаніи нарушеніе своихъ правъ или выгодъ, должно быть предоставлено право оспаривать дѣйствительность духовнаго завѣщанія на основаніи предъявляемыхъ ею доказательствъ и фактовъ объ умственномъ разстройствѣ завѣщателя во время составленія, подписи и предъявленія завѣщанія.

Свидѣтели же, переписчикъ и другія постороннія лица,

на которыхъ сошлется та или другая сторона, должны въ этомъ случаѣ заявить передъ судомъ тѣ извѣстныя имъ обстоятельства, при которыхъ было составлено, подписано или предъявлено завѣщаніе. Прямымъ послѣдствіемъ такого порядка будутъ та выгода, что истина станетъ раскрываться передъ судомъ гораздо скорѣе и яснѣе, нежели теперь, такъ какъ свидѣтели будутъ чистосердечнѣе и будутъ заявлять одни факты, не стѣсняясь формальностью предварительнаго удостовѣренія. При настоящихъ формальностяхъ необнаруженію истины содѣйствуетъ весьма часто одно важное условіе, а именно, что въ каждомъ подобномъ дѣлѣ есть уже всегда наготовѣ два и даже три лица, подписавшія завѣщаніе, которыя и при слѣдствіи и на судѣ будутъ дѣлать показанія съ одностороннею цѣлью—поддержать справедливость даннаго ими однажды удостовѣренія, и тѣмъ самымъ будутъ только запутывать и затемнять все дѣло.

XI.

Историческое возникновеніе и современное значеніе существующихъ у насъ сословій.

Нынѣшнія реформы, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ касались сословныхъ вопросовъ, нестолько отнимали правъ у высшаго сословія, сколько ставили въ уровень съ нимъ другія низшія сословія. Самые нѣжные воздыхатели о „прекрасномъ прошломъ“ могутъ указать лишь на то, что, вслѣдствіе отмѣны крѣпостного состоянія, дворянство лишилось своего господства надъ крестьянами и что, съ введеніемъ „Судебныхъ Уставовъ“, дворянинъ утратилъ право быть судимымъ только равными ему. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, по отношенію къ дворянству, было уже столько говорено и писано, что останавливаться на этомъ и повторять зады было бы неумѣстно, Да, притомъ, съ нашей точки зрѣнія, едва ли и справедливо считать этотъ вполнѣ справедливый актъ вопросомъ сословнымъ. Что же касается судебной реформы, то здѣсь рѣчь можетъ быть только о достоинствѣ самого суда, а не о сословномъ его составѣ. Замѣчательно, впрочемъ, что собственно судебная реформа вызываетъ мало ропота даже и среди самыхъ отъявленныхъ приверженцевъ стараго порядка. Другое дѣло отношенія дворянства къ крестьянству. Этотъ вопросъ является еще до сихъ поръ весьма чувствительною струной, на которой играютъ, если и не громко, то подъ сурдин-

кой, нетолько многіе крупные землевладѣльцы, но и нѣкоторые темные публицисты. Какъ бы то ни было, нельзя еще сказать, чтобъ, подъ вліяніемъ реформъ послѣдняго времени, у насъ совсѣмъ заглохли сословные элементы и чтобъ прежняя сословная рознь не проявлялась, хоть изрѣдка, и нынѣ, при взаимныхъ соприкосновеніяхъ представителей тѣхъ и другихъ сословій по дѣламъ разнаго рода. Чтобъ уяснить истинный смыслъ этой угасающей розни, препятствующей, однако, во многихъ случаяхъ успѣшному развитію общественныхъ интересовъ, необходимо познакомиться съ современною организаціей нашихъ сословій и указать на тѣ главныя черты, которыя имѣютъ историческое значеніе.

Существованіе у насъ сословій въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понимается нынѣ, т. е. существованіе особыхъ разрядовъ населенія, въ которыхъ наслѣдственно, отъ отца къ сыну и такъ далѣе, переходили бы гражданскія и личныя права и обязанности, имѣетъ весьма неотдаленную исторію, начинающуюся лишь со временъ Петра-Великаго и достигшую большей опредѣленности только при Екатеринѣ II. Въ настоящую пору, различныя права состояній въ государствѣ, какъ сказано въ „Сводѣ“, установлены закономъ: 1) для природныхъ обывателей, составляющихъ городское и сельское населеніе; 2) для инородцевъ осѣдлыхъ и неосѣдлыхъ (кочевыхъ и бродячихъ); 3) для иностранцевъ, въ имперіи пребывающихъ. Затѣмъ, въ составѣ городскаго и сельскаго населенія, по различію правъ состоянія, различаются закономъ четыре главные рода людей: 1) дворянство; 2) духовенство; 3) городскіе обыватели; 4) сельскіе обыватели. Еслибъ у насъ существовало только это общее распредѣленіе жителей имперіи по состояніямъ или сословіямъ, то обозрѣніе сословной организаціи не представляло бы особыхъ затрудненій, но указанные выше „четыре главные рода людей“ подраздѣляются

еще на особыя категоріи, юридическое значеніе которыхъ обусловливается особыми правилами, и при всемъ томъ, несмотря на дробность сословныхъ подраздѣленій, у насъ, всетаки, и теперь еще встрѣчаются такія личности, которыхъ трудно отнести рѣшительно къ какому-нибудь изъ существующихъ сословій.

Во главѣ всѣхъ сословій законъ ставитъ дворянство, которое раздѣляется на потомственное и личное, не говоря объ особыхъ его разрядахъ, установленныхъ собственно для родословныхъ дворянскихъ книгъ. За дворянствомъ слѣдуетъ духовенство, которое, по нѣкоторымъ христіанскимъ исповѣданіямъ, раздѣляется на бѣлое и монашествующее.

Третьимъ сословіемъ считаются, по закону, городскіе обыватели. Подъ этимъ именемъ *вообще* разумѣются: 1) всѣ, которые въ городѣ или старожилы, или родились или поселились: 2) лица, имѣющія въ городѣ дома или другое строеніе или мѣсто, или землю; 3) записанные въ гильдіи или въ цехи; 4) тѣ, которые отправляли городскую службу, или записаны въ окладъ и по тому городу носятъ службу или тягость. Подъ именемъ же городскихъ обывателей *особенно* разумѣются лица, причисляемыя закономъ къ среднему роду людей. Въ этомъ смыслѣ, какъ сказано въ „Сводѣ Законовъ“, къ состоянію городскихъ обывателей, подъ общимъ названіемъ гражданъ, принадлежатъ: 1) гильдейское купечество, мѣстное и иногороднее, и граждане въ городахъ Западнаго Края, изъ бывшей шляхты въ званіе сіе переименованные: 2) ремесленники или цеховые; 3) вольные люди, къ нѣкоторымъ городамъ губерній Виленской, Гродненской, Минской, Подольской, Волынской и Ковенской, а равно и губерній прибалтійскихъ приписанные; 4) рабочіе люди. Замѣтимъ кстати, что городскіе обыватели въ „Городовомъ Положеніи“ 1785 года иногда называются вообще мѣщанами, но по позднѣйшимъ узаконеніямъ, названіе мѣщанъ присвоено ис-

ключительно нижнему разряду городскихъ обывателей. Далѣе, лица, признаваемыя только *вообще* а *не особенно* городскими обывателями, хотя и причисляются къ составу городскаго обществаа по ихъ собственности или по жительству, но не считаются дѣйствительными гражданами, а владѣя собственностью въ городѣ, или имѣя въ немъ жительство, сохраняютъ свое особое состояніе и права, ему присвоенныя.

Что касается сельскихъ обывателей, то они до манифеста 19-го февраля 1861 года, по различію земли, на которой были водворены, раздѣлялись на пять главныхъ разрядовъ: казенныхъ, удѣльныхъ, дворцовыхъ, владѣльческихъ и водворенныхъ на собственныхъ земляхъ. Прежнее наше законодательство не ограничивалось, однако, такимъ главнымъ раздѣленіемъ сельскихъ обывателей на особые разряды, но допускало еще и другія, весьма многочисленныя подраздѣленія. Мы увѣрены, что тѣ изъ читателей, которые незнакомы спеціально съ IX-мъ томомъ „Свода Законовъ о Состояніяхъ“, узнаютъ въ первый разъ, что, до уничтоженія крѣпостного права, были, напримѣръ, крестьяне, приписанные къ лейбъ-гвардіи конному полку, такъ что этотъ полкъ былъ своего рода помѣщикъ, владѣя крѣпостными крестьянами, которые, вмѣсто платежа оброка въ казну, отправляли, въ видѣ барщины, повинности и работы при разныхъ заведеніяхъ означеннаго полка. До какой степени доходила нестройность организаціи сословія сельскихъ обывателей, видно, между прочимъ, изъ того, что казенные поселяне, которые вѣдались прежде въ разныхъ отдѣльныхъ управленіяхъ, назывались офиціально различными именами. Такъ не смотря на то, что уже, около ста лѣтъ назадъ, были отобраны отъ нашихъ монастырей крестьяне и что въ Малороссіи давно были уничтожены такъ-называвшіяся ранговыя помѣстья, „Сводъ Законовъ“, изданный въ 1857 году, говоритъ еще о монастырскихъ

и ранговыхъ крестьянахъ. Сверхъ того, тамъ же упоминаются въ числѣ казенныхъ крестьянъ: копейщики, рейтары, драгуны, затинщики, кречетные и сокольи помытчики, бобровники, пашники, стрѣлки, чемоданные татары и т. д., удержавшіе свои, даже непонятныя въ настоящее время названія по службѣ, какую нѣкогда отправляли ихъ предки. Далѣе особымъ состояніемъ или сословіемъ признаются по закону—инородцы. Права ихъ по состоянію опредѣлены особыми „Положеніями", а къ числу ихъ отнесены: 1) сибирскіе инородцы вообще и сибирскіе киргизы особенно; 2) самоѣды, обитающіе въ мезенскомъ уѣздѣ архангельской губерніи; 3) кочевые инородцы ставропольской губерніи; 4) калмыки, кочующіе въ астраханской и ставропольской губерніяхъ, и 5) евреи. Сверхъ того, до уступки Сѣвероамериканскимъ Штатамъ нашихъ владѣній въ Америкѣ, имѣлись инородцы въ этихъ владѣніяхъ, и права ихъ состоянія были внесены въ „Уставъ Россійско-Американской Компаніи", по связи этихъ правъ съ ихъ управленіемъ. Наконецъ, особымъ состояніемъ или сословіемъ признаются у насъ иностранцы.

Если сдѣлать общій обзоръ существовавшихъ, а частью и теперь еще существующихъ у насъ узаконеній относительно раздѣленія на сословія, то легко увидѣть, что у насъ собственно никогда не было произведено правильной систематической организаціи сословій. Узаконенія, касающіяся этого предмета, были, большею частью, случайныя, отрывочныя, такъ что изъ нихъ, какъ исключеніе, составляютъ только „Городовое Положеніе 1775 года" и „Дворянская Грамата", пожалованная въ 1785 году. Особенно же въ настоящее время IX томъ „Свода Законовъ о Состояніяхъ" представляетъ чрезвычайную несвоевременность, пестроту и нестройность. Въ этомъ томѣ всего 1,679 статей, и изъ нихъ отмѣнено, измѣнено и дополнено по „Продолженіямъ" до 800 статей. Въ числѣ ихъ только 212

статей относятся къ людямъ крѣпостнаго состоянія, но и тѣ безусловно утратили свое значеніе. Фактъ этотъ ясно указываетъ, что прежніе наши законы о сословіямъ сильно измѣнились не вслѣдствіе только отмѣны крѣпостнаго права, но еще и другихъ, разновременно изданныхъ съ 1857 года узаконеній, отчасти прямо, а отчасти косвенно повліявшихъ на сословное переустройство. Измѣненія эти должны представлять еще болѣе значительные размѣры, если принять въ соображеніе, что, кромѣ статей IX тома, находится и въ другихъ томахъ „Свода Законовъ" не мало статей, или прямо относящихся къ правамъ и обязанностямъ различныхъ сословій или имѣющихъ съ этими предметами тѣсную связь.

Если обратиться къ тѣмъ юридическимъ и экономическимъ началамъ, на которыхъ основано наше сословное устройство, то и здѣсь легко увидѣть крайнее смѣшеніе понятій. Привилегированное положеніе нашего дворянства основано на пожалованной ему граматѣ, которая имѣетъ собственно значеніе царской милости за заслуги предковъ этого сословія Грамата, по выраженію благодарственной рѣчи одного изъ ораторовъ екатерининской эпохи, была „изящнѣйшее благодѣяніе великой монархини, матери отечества". Дѣйствительно, въ пожалованной Екатериною-Великой граматѣ, равно какъ въ другомъ такомъ же предшествовавшемъ ей актѣ, изданномъ Петромъ III, выражается только личное монаршее благоволеніе къ дворянству, безъ объясненія другихъ побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ дарованіе особыхъ правъ и вольностей. Для тѣхъ, кто знакомъ съ исторіей европейскаго дворянства, между источникомъ правъ этого дворянства и нашего представится большая разница. Въ Западной Европѣ привилегіи дворянства были только обломками прежнихъ феодальныхъ правъ, и тамошнее дворянство боролось съ королевскою властью за эти обломки. У насъ же, дворянство не

могло опираться ни на какія феодальныя и даже вообще историческія права; у насъ его собственно и не было до Петра-Великаго, который, организуя это сословіе изъ прежнихъ помѣстныхъ владѣльцовъ и служилыхъ людей, присоединилъ къ нимъ съ „равными авантажами" и выслужившихся вновь изъ простолюдиновъ офицеровъ и чиновниковъ.

Духовенство, какъ особое сословіе, точно также не имѣетъ того историческаго происхожденія, какое имѣетъ западно-европейское, гдѣ высшіе его представители были нетолько ленными владѣтелями, но иногда и могущественными феодалами. Вообще же, при организаціи нашего духовенства, какъ сословія, было принято своего рода наслѣдственное закрѣпощеніе въ этомъ сословіи принадлежащихъ къ нему лицъ—закрѣпощеніе, отмѣненное только въ недавнее время.

Наибольшею правильностью отличалась организація сословія городскихъ обывателей. Учреждая это сословіе, Петръ-Великій прямо предназначалъ его для мѣстнаго самоуправленія и для поддержки экономическихъ интересовъ государства. Этой мысли держалась и Екатерина II при изданіи „Городового Положенія" въ 1775 году, но господствовавшія въ ея время понятія не допустили создаться городскому сословію въ настоящемъ его значеніи, и только новое „Городовое Положеніе" должно повести къ этой цѣли.

При организаціи сословій сельскихъ обывателей имѣлись въ виду двѣ цѣли: фискальная и полицейская. Часть сельскаго населенія была обращена въ крѣпостное состояніе, какъ для матерьяльныхъ выгодъ дворянства, такъ и облегченія правительства по управленію сельскими обывателями, почему помѣщикъ во времена Екатерины II и впослѣдствіи считался „полицеймейстеромъ" подвластныхъ ему крестьянъ. Правда, часть сельскаго населенія, т. е. такъназываемые казенные или государственные крестьяне полу-

чили при императорѣ Николаѣ нѣкоторую долю самоуправленія—что составляетъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ каждаго сословія—но управленіе это было до такой степени подчинено бюрократической опекѣ, что едва ли можно было считать и государственныхъ крестьянъ самостоятельнымъ сословіемъ среди сельскаго населенія. Только послѣ 19-го февраля 1861 года крестьянство получило значеніе особаго сословія. Наконецъ, смѣшеніе понятій о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ должны были бы быть организованы сословія, выступаетъ весьма замѣтно въ организаціи инородцовъ; къ нимъ, между прочимъ, какъ мы видѣли, причислены и евреи, хотя они, по условіямъ ихъ быта и экономическому ихъ значенію, никакъ не могутъ быть включены въ одинъ разрядъ съ сибирскими киргизами, самоѣдами и калмыками.

Все это приводитъ къ заключенію, что существующія у насъ сословныя распредѣленія находятся теперь въ переходномъ положеніи и требуютъ уже не частныхъ измѣненій, но кореннаго переустройства, особенно въ виду предстоящихъ порядковъ по всесословнымъ повинностямъ воинской и податной. Справедливость этого замѣчанія дѣлается очевидною при подробномъ разсмотрѣніи значенія каждаго изъ существующихъ у насъ сословій и того положенія, какое они занимаютъ въ общественныхъ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ.

Опредѣляя значеніе существующихъ у насъ сословій или состояній, мы указали на различіе, по историческому происхожденію, западно-европейскаго феодальнаго дворянства и нашего, образовавшагося изъ служилыхъ людей. Современное законодательство выражаетъ, на основаніи „Дворянской Грамматы“, этотъ историческій фактъ въ слѣдующей формулѣ: „Дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами

чѣмъ, обращая самую службу въ заслугу, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное. Благородными разумѣются всѣ тѣ, кои или отъ предковъ благородныхъ рождены, или монархами симъ достоинствомъ пожалованы. Изъ смысла этого узаконенія (Св. Зак. т. IX-й ст. 14-я) видно, что у насъ, въ Россіи, право на дворянство даетъ одна только служба, а не происхожденіе, хотя бы отъ владѣтельныхъ домовъ. Хотя въ средѣ нашего дворянства находятся роды, ведущіе свое начало отъ Рюрика, Гедемина, королей ирландскихъ и чешскихъ, царей казанскихъ и сибирскихъ, египетскихъ султановъ, древнихъ владѣтелей Пруссіи и т. д., но подобное знаменитое происхожденіе не давало бы, по закону, правъ русскаго дворянина, еслибъ роды эти не доказали службы своихъ предковъ. Всѣ, хотя и довольно разнообразныя, доказательства на признаніе кого-нибудь въ званіи русскаго дворянина сводятся только къ доказательствамъ о службѣ предковъ, за которую имъ были жалованы гербы, чины, ордена, похвальныя грамоты, помѣстья или вотчины. Самыя слова „дворянство“, „дворянинъ“, происходящія отъ слова „дворъ“, показываютъ, что главнымъ путемъ къ заслугамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ благородству, была придворная или, правильнѣе сказать, дворовая служба. Вообще же, до какой степени у насъ до петровыхъ реформъ было чуждо понятіе о дворянствѣ, какъ объ особомъ высшемъ государственномъ сословіи, видно, между прочимъ, изъ того, что, при организаціи этого сословія, въ русскомъ языкѣ не нашлось соотвѣтствующаго для него термина: при Петрѣ-Великомъ было заимствовано отъ поляковъ, для обозначенія русскаго дворянства, слово „шляхетство“. Въ первый разъ слово это встрѣчается въ нашемъ законодательствѣ подъ 1712 годомъ; потомъ оно вошло уже въ общее употребленіе. Только послѣ 1762 года, т. е. послѣ изданія Петромъ III-мъ „Дворянской

Граматы", слово „шляхетство" стало замѣняться словомъ „дворянство", но названіе нашего дворянства по польски укоренилось до такой степени, что еще при созваніи Екатериною II депутатовъ для составленія „Уложенія", дворянство нѣкоторыхъ коренныхъ великорусскихъ губерній называло себя офиціально шляхетствомъ. Одно это обстоятельство достаточно показываетъ, что въ нашемъ обществѣ не было въ прежнее время стремленій къ образованію дворянства въ видѣ отдѣльной корпораціи. Дворянство создано было у насъ, какъ особое сословіе, волею Петра-Великаго, между тѣмъ, какъ тѣ элементы, изъ которыхъ оно составилось, не чувствовали потребности сливаться въ одно цѣлое. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей исторіи нашего дворянства, мѣстничество считается какъ бы его основой, потому что подъ вліяніемъ его устанавлялись права родовъ московскаго боярства. Но такой взглядъ оказывается несостоятельнымъ уже потому, что дворянство наше образовалось собственно подъ вліяніемъ „Табели о рангахъ", направленной прямо къ окончательному искорененію всякихъ понятій о мѣстничествѣ. Притомъ же мѣстничество, клонившись исключительно къ установленію превосходства только нѣкоторыхъ родовъ, должно было прежде всего препятствовать организаціи одного высшаго сословія, всѣ члены котораго были бы между собою равноправны, такъ какъ равноправность должна быть господствующимъ признакомъ каждаго сословія. Даже при окончательной организаціи дворянства Екатериною II, оно не получило этого признака, потому что, по силѣ „Дворянской Граматы". дворянство было раздѣлено на потомственное и личное, съ ограниченіемъ правъ послѣдняго разряда. Сверхъ того, по той же "Граматѣ„, потомственное дворянство имѣетъ шесть разрядовъ: 1) дворянство жалованное или дѣйствительное; 2) дворянство военное; 3) дворянство по чинамъ, получаемымъ въ службѣ

гражданской; 4) иностранные роды; 5) титулами отличонные роды; древніе 6) благородные дворянскіе роды, т. е. такіе, доказательства которыхъ на дворянство восходятъ не менѣе, какъ за сто лѣтъ до изданія „Дворянской Граматы" и благородное начало коихъ покрыто мракомъ неизвѣстности. Не говоря о сущности этого узаконенія (т. IX, ст. 16), нельзя не замѣтить, что, во всякомъ случаѣ, самая редакція его требуетъ измѣненія: такъ, дворянство перваго разряда называется „дѣйствительнымъ", тогда какъ то же самое значеніе имѣютъ и всѣ другіе разряды дворянства. Дворянскіе роды шестого разряда названы „благородными", между тѣмъ, какъ это названіе въ равной мѣрѣ присвоено, по закону, дворянству вообще. Такія несообразности объясняются тѣмъ, что приведенное нами узаконеніе было, при Екатеринѣ II, заимствовано изъ Франціи, гдѣ дворянство раздѣлялось на три разряда: la noblesse de l'épée, la noblesse de la robe и la noblesse de la vielle roche; но тамъ эти разряды имѣли свой историческій смыслъ - у насъ же они образовались безъ всякаго историческаго основанія.

Не будемъ говорить о способахъ достиженія у насъ дворянства чрезъ пожалованіе и полученіе чиновъ и орденовъ. Замѣтимъ только, что, съ увеличеніемъ числа войска и чиновниковъ, численность какъ потомственнаго, такъ и личнаго дворянства усиливалась болѣе и болѣе, и законодательство переносило, время отъ времени, право полученія потомственнаго дворянства на высшіе чины и высшія степени орденовъ. Вслѣдствіе этого, въ настоящее время получаютъ потомственное дворянство только тѣ, которые дослужатся: по порядку службы гражданской—до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника или до соотвѣтствующаго этому чину четвертаго класса, а по военной—до полковника или же до соотвѣтствующаго ему чина флота капитана 1-го ранга. Что же касается статистическихъ свѣдѣній о численности нашего дворянства, то положительно можно сказать,

что и оффиціальныя свѣдѣнія оказываются въ этомъ случаѣ крайне неточны, потому что, не смотря на законъ, дворянскіе списки и въ дворянскихъ депутатскихъ собраніяхъ, и въ департаментѣ герольдіи не составляются какъ слѣдуетъ, а въ родословныя книги по губерніямъ не внесено весьма много дворянскихъ фамилій. Кромѣ общихъ правилъ, распространенныхъ еще съ изданія „Дворянской Граматы" на всѣ великорусскія губерніи, въ „Сводѣ Законовъ" есть еще особыя правила въ отношеніи прежняго польскаго дворянства, малороссійскаго, бесарабскаго и грузинскаго, равно какъ и мохамеданъ, живущихъ на Крымскомъ Полуостровѣ. Дворянство же прибалтійскихъ губерній и Великаго Княжества Финляндскаго организовано и существуетъ на основаніи особыхъ узаконеній, невведенныхъ въ „Сводъ Законовъ Россійской Имперіи".

Итакъ, русское дворянство раздѣлено на шесть разрядовъ. Сообразно съ этими разрядами, заведено въ каждой губерніи шесть частей дворянской родословной книги. Внесеніе въ ту или другую часть не даетъ, однако, никакихъ особыхъ правъ сверхъ того, что дѣти дворянъ, внесенныхъ въ пятую или въ шестую часть, могутъ поступать въ нѣкоторыя привилегированныя учебныя заведенія, несмотря на не высокій чинъ ихъ родителей и даже на неимѣніе вовсе никакого чина. Другихъ никакихъ особыхъ привилегій не имѣетъ и никогда не имѣло наше ни древнее, ни титулованное дворянство. Правительство не издало ни одного постановленія въ этомъ направленіи, даже въ отношеніи придворнаго этикета, хотя подобнаго рода постановленія и существуютъ въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ.

Въ настоящее время, послѣ отмѣны крѣпостнаго права и другихъ реформъ, предоставившихъ бо́льшія, сравнительно съ прежними, права прочимъ сословіямъ, весьма важнымъ юридическимъ и общественнымъ вопросомъ яв-

ляется вопросъ о правахъ и преимуществахъ дворянскаго сословія. Законодательство признаетъ два рода тѣхъ и другихъ: вопервыхъ, въ составѣ дворянскихъ обществъ и, вовторыхъ, по принадлежности каждому лицу. Во главѣ всѣхъ дворянскихъ правъ законъ ставитъ право дворянскихъ собраній, причомъ дворяне каждой губерніи составляютъ отдѣльное дворянское общество, которому выдается жалованная грамата за подписаніемъ императорскаго величества и съ приложеніемъ государственной печати. Въ этой граматѣ прописываются отъ слова до слова общественныя и личныя дворянскія преимущества, изображенныя въ граматѣ 21-го апрѣля 1785 года.

На основаніи этой граматы, главнымъ преимуществомъ дворянства должно считать право дворянскаго собранія дѣлать, какъ сказано въ статьѣ 112-й (т. IX), совѣщаніе о своихъ нуждахъ и пользахъ, представлять объ оныхъ, чрезъ губернскаго предводителя, начальнику губерніи и министерству внутреннихъ дѣлъ, а въ случаяхъ важныхъ приносить и всеподданнѣйшія прошенія императорскому величеству. Сверхъ того, по статьѣ 113-й, собраніе имѣетъ право приносить подобныя прошенія, адресуя конверты въ собственныя руки императорскаго величества. По поводу нѣкоторыхъ совѣщаній, происходившихъ въ дворянскихъ собраніяхъ и признанныхъ правительствомъ неправильными, въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ, 29-го января 1865 года, министру внутреннихъ дѣлъ, было сказано: „Дворянскія собранія не должны входить въ обсужденіе предметовъ, прямому ихъ вѣдѣнію неподлежащихъ, и касаться вопросовъ, относящихся до измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учрежденій. Ни одно сословіе не имѣетъ права говорить именемъ другихъ сословій. Никто не призванъ принимать на себя ходайство предъ Государемъ объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства“. Смыслъ этого

рескрипта, внесеннаго въ „Полное Собраніе“ и въ „Сводъ Законовъ“, вполнѣ ясенъ: въ общей системѣ государственнаго управленія дворянство не ставится представителемъ всѣхъ прочихъ сословій, такъ что всѣ его заявленія передъ правительствомъ должны ограничиваться только чисто-сословными его интересами. Сверхъ того, въ статьѣ 135-й, по изданію „Свода Законовъ“ 1857 года, хотя дворянству и запрещалось составлять положенія, противныя закону, но, какъ добавлено тамъ же, представленія губернскому начальству и высшему правительству о нуждахъ дворянства, о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій или объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, хотя бы они происходили и отъ общаго какого-нибудь постановленія, не считаются противозаконными, когда они изложены съ соблюденіемъ всѣхъ приличій. Впрочемъ, такое право предоставлено было дворянскимъ собраніямъ не жалованною въ 1785 году „Граматой“, но особымъ указомъ императора Николая, отъ 6-го декабря 1831 года. Тогда, при отсутствіи мѣстнаго земскаго представительства, которое на практикѣ принадлежало только дворянству, и при отсутствіи печатной гласности, правительству представлялся одинъ только способъ узнавать, помимо офиціальной сферы, о злоупотребленіяхъ и неудобствахъ, именно посредствомъ заявленій со стороны дворянства. Само собою разумѣется, что заявленія такого рода не были нисколько обязательны для правительства и имѣли силу даже менѣе той, какую имѣетъ нынѣ гласность, допускаемая въ печати, на которую, какъ извѣстно, нѣкоторыя правительственныя учрежденія обращаютъ особое вниманіе. Да, притомъ, мы не знаемъ ни одного случая, когда бы дворянство, въ прежнее время, рѣшилось воспользоваться этимъ правомъ и чтобъ вообще правительство предприняло какія-нибудь общія законодательныя и адми-

нистративныя мѣры вслѣдствіе сдѣланныхъ ему со стороны дворянства заявленій.

Въ настоящее время, приведенная выше 135-я статья изложена по „Продолженію 1868 года“ такъ: „Запрещается дворянству составлять положенія, противныя законамъ“. Правила о постановленіяхъ дворянскихъ собраній, признаваемыхъ недѣйствительными, и объ отвѣтственности за нарушенія тѣхъ правилъ, какія установлены для дворянскихъ собраній, изложены въ приложеніи къ статьѣ 84-й „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ“.

Къ числу правъ дворянскихъ собраній относилось прежде право избранія на нѣкоторыя должности по полицейскому и судебному вѣдомству. Но преобразованія въ устройствѣ полиціи и введеніе „Судебныхъ Уставовъ“ отмѣнили это право, и нынѣ, за нѣкоторымъ исключеніемъ, именно, выбора почетныхъ попечителей гимназій, дворянскіе выборы ограничиваются исключительно такими должностями, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ лишь сословно-дворянскіе интересы. Въ высшей степени было бы нераціонально сѣтовать дворянству на утрату упомянутаго права, такъ какъ, признавая его неотмѣнимость, правительство не могло бы принять никакихъ существенныхъ реформъ ни по полицейскому управленію, ни по судебному вѣдомству, между тѣмъ, какъ оба эти предмета касаются интересовъ не одного только дворянскаго сословія, но и всей массы населенія. Сверхъ того, вслѣдствіе „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ“, хотя и составленнаго исключительно въ духѣ слиянія экономическихъ интересовъ всѣхъ сословій, дворянство, въ лицѣ своихъ предводителей, получило весьма важное представительное значеніе: по 43-й статьѣ „Положенія“, въ уѣздномъ земскомъ собраніи предсѣдательствуетъ уѣздный предводитель дворянства, а въ губернскомъ земскомъ собраніи, въ тѣхъ случаяхъ, когда Государю Императору не угодно будетъ на-

значить для предсѣдательствованія въ немъ особое лицо, предсѣдательствуетъ губернскій предводитель дворянства. Если принять въ соображеніе то вліяніе, какое въ каждомъ совѣщательномъ и отчасти исполнительномъ собраніи, можетъ имѣть его предсѣдатель, то окажется, что, до извѣстной степени, дворянство поставлено и во главѣ земства. Нѣкоторые изъ предводителей дворянства—какъ намъ небезъизвѣстно—весьма высоко ставятъ это право и въ виду его вполнѣ справедливо придаютъ нынѣ особое значеніе званію предводителя дворянства, которое такимъ образомъ, получаетъ не одну только сословную, но и обще-земскую важность. Наконецъ, до сихъ поръ, на практикѣ, въ земскихъ учрежденіяхъ господствуетъ дворянскій элементъ, хотя онъ, по общей численности своихъ представителей, повсюду несравненно слабѣе крестьянскаго элемента.

Къ правамъ дворянскихъ собраній относится право: добровольными складками дворянъ губерніи составлять общественную дворянскую казну, вопервыхъ, на надобности, необходимыя для дворянства всей губерніи или общеполезныя, и, вовторыхъ, на предметы, несоставляющіе общей надобности, или на издержки частныя. Далѣе, дворянству предоставляется расходовать свою общественную казну по общему согласію, подъ наблюденіемъ губернскаго начальства, чтобъ предметъ складокъ и пожертвованій не былъ противенъ общимъ постановленіямъ. Наконецъ, слѣдуя установленному въ законѣ порядку, дворянство имѣетъ право исключить изъ среды своей дворянина, который опороченъ судомъ, или хотя бы онъ и судимъ не былъ, но котораго явный и безчестный поступокъ всѣмъ извѣстенъ. Оканчивая перечисленіе правъ дворянства, законъ говоритъ, что оно ни по какому дѣлу не можетъ быть потребовано къ суду, но защищается повѣреннымъ, изъ среды себя избраннымъ, и что оно. ни въ какомъ случаѣ, не подлежитъ стражѣ.

Вотъ всѣ тѣ права, которыми, по закону, пользовалось прежде и которыми пользуется нынѣ дворянство въ лицѣ своихъ общихъ собраній. Что же касается дворянскихъ депутатскихъ собраній, то собственно всѣ предметы ихъ вѣдѣнія ограничиваются разсмотрѣніемъ предъявляемыхъ на дворянское званіе доказательствъ, соотвѣтствующими тому распоряженіями по внесенію въ родословную книгу, и выдачею граматъ и копій съ протоколовъ, по которымъ чей-нибудь родъ внесенъ въ означенную книгу.

Кромѣ общихъ правъ, предоставленныхъ дворянству вообще, какъ отдѣльному сословію, законъ (томъ IX, ст, 188—236-й) говоритъ „о правахъ и преимуществахъ дворянскаго состоянія, въ особенности каждому лицу принадлежащихъ“. Во главѣ этихъ правъ поставлено слѣдующее: „россійскому дворянству дарована навсегда и въ потомственные роды свобода вступать въ общую государственную службу безъ принужденія къ оной, развѣ бы востребовала того особливая надобность, именнымъ высочайшимъ указомъ ознаменованная“. Статья эта основана на 6 и 7-мъ параграфахъ граматы, данной Петромъ III, и на 27-й статьѣ граматы, данной Екатериною II. Послѣ той служебной тяготы, которую несло у насъ до Петра-Великаго высшее сословіе, а при немъ и послѣ него сформированное имъ дворянство, такая свобода отъ службы представлялась самою важною привилегіей. Безъ всякаго сомнѣнія, при введеніи всеобщей воинской повинности, найдутся люди, которые въ распространеніи этой повинности на дворянство увидятъ нарушеніе свободы, „дарованной дворянству навсегда и въ потомственные роды“. Говорить о лишеніи такой свободы съ точки зрѣнія практическихъ потребностей совершенно излишне, такъ какъ потребности эти очевидны до нельзя, но не неумѣстно будетъ разъяснить, хоть нѣсколько, этотъ вопросъ со стороны юридической.

Мы уже замѣтили какое значеніе вообще должна имѣть

„Дворянская Грамата“, какъ государственный актъ. Она, при самомъ ея появленіи, представлялась дворянству „изъящнѣйшимъ благодѣяніемъ“, и въ сущности была послабленіемъ дворянству, такъ какъ само государство нуждалось еще въ служебныхъ силахъ изъ среды этого сословія, которое, благодаря своей выгодной экономической обстановкѣ, могло легче, чѣмъ всѣ прочія сословія, доставлять изъ своей среды болѣе образованныхъ и болѣе развитыхъ для того времени людей, пригодныхъ для государственной службы. Сверхъ того, и упомянутая свобода дана была не безусловно: самодержавная власть заранѣе, въ виду „особливой надобности“, предоставляла себѣ отмѣнить это право. Слѣдовательно, въ сущности, весь вопросъ сводился уже и тогда только къ тому, когда „особливая надобность востребуетъ“ подобной отмѣны? Въ томъ же, что такая надобность, вслѣдствіе хода нашей гражданской жизни, развитія общественныхъ понятій и подъ вліяніемъ внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ, наступила—въ этомъ едва ли возможно и сомнѣваться.

Дальнѣйшія права русскихъ дворянъ заключаются: въ дозволеніи, съ разрѣшенія правительства, вступать въ службу союзныхъ европейскихъ державъ и выѣзжать въ чужіе края съ узаконенными паспортами; въ пользованіи всѣми правами и преимуществами своего званія, хотя бы дворянинъ никогда въ службѣ не состоялъ; въ сохраненіи, во время службы въ нижнихъ воинскихъ и гражданскихъ чинахъ, по дѣламъ уголовнымъ, права ихъ званія; въ ношеніи дворяниномъ мундира той губерніи, гдѣ онъ имѣетъ помѣстье или гдѣ записанъ. Всѣми этими правами, ведущими свое начало отъ екатерининской граматы, дворянство можетъ пользоваться и нынѣ.

Далѣе, законъ говоритъ, что дворянинъ безъ суда не можетъ быть лишенъ ни жизни, ни правъ состоянія. Очевидно, что, при настоящихъ юридическихъ воззрѣніяхъ,

такое право не можетъ быть исключительнымъ преимуществомъ дворянства; поэтому, оно совершенно излишне является при исчисленіи правъ, особо предоставленныхъ дворянству.

Въ числѣ преимуществъ, дарованныхъ дворянству, было еще и то, что дворянинъ судится одними равными себѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, было постановлено, что дѣло дворянина, впадшаго въ уголовное преступленіе и по законамъ достойнаго лишенія жизни или правъ состоянія, не можетъ быть окончено безъ внесенія въ правительствующій сенатъ и безъ утвержденія императорскаго величества. „Судебные Уставы“, измѣнивъ процесуальное движеніе дѣлъ подобнаго рода, удержали прежній порядокъ по утвержденію приговоровъ. Къ числу преимуществъ, предоставленныхъ дворянству въ 1785 году и потомъ неоднократно подтвержденныхъ, относится, что дворянинъ свободенъ отъ всякаго тѣлеснаго наказанія, какъ по суду, такъ и во время содержанія подъ стражей. Узаконеніе это и нынѣ сохраняетъ свою силу.

При перечисленіи дворянскихъ правъ и преимуществъ, мы встрѣчаемъ особую главу: „о правахъ въ порядкѣ податей и повинностей“. При воззрѣніяхъ прежняго времени не казалось несообразнымъ подчинять государственное хозяйство не однимъ только экономическимъ условіямъ, но еще и сословнымъ привилегіямъ. Вслѣдствіе этого, сперва въ „Дворянской Граматѣ“, а потомъ и въ „Сводѣ Законовъ“ явилась статья, въ силу которой „дворянинъ изъемлется отъ личныхъ податей и освобождается лично отъ рекрутской повинности“. Если вникнуть въ смыслъ этихъ узаконеній, то окажется, что дворянство не было освобождено окончательно отъ упомянутыхъ податей и повинностей, но тѣ и другія были только перенесены на принадлежавшихъ ему крестьянъ. Экономическая и юридическая неправильность такого порядка должна быть вполнѣ

понятна для нашего времени, такъ какъ на дѣлѣ здѣсь допускалось загребаніе жара чужими руками. Прежнее наше законодательство, направляя свои усилія къ исключительному положенію дворянскаго сословія, установляло иногда и такія правила, которыя на практикѣ клонились во вредъ самому дворянству. Такъ, по „Дворянской Граматѣ", а потомъ и по 202-й статьѣ IX тома, дворянинъ, обладая недвижимою собственностью въ городѣ, обязанъ исправлять всѣ гражданскія тягости наравнѣ съ городскими обывателями, но отъ личныхъ податей и службъ остается свободнымъ. Само собою разумѣется, что увольненіе отъ личныхъ податей составляетъ въ этомъ случаѣ привилегію дворянства; но увольненіе его отъ городской службы повело къ тому, что дворянство вовсе уклонилось отъ городскихъ выборовъ и тѣмъ самымъ лишило себя возможности участвовать въ городскихъ дѣлахъ, нерѣдко касавшихся ближайшимъ образомъ интересовъ дворянъ, какъ городскихъ собственниковъ. Новое „Городовое Положеніе" измѣнило этотъ порядокъ, открывъ дворянству поприще почетной дѣятельности, прежде бывшей для него совершенно чуждою.

Относительно правъ по имуществу, первенствующимъ правомъ дворянства считалось владѣніе крѣпостными людьми. За исключеніемъ этого права, прочія права дворянства по имуществу были сравнены съ правами другихъ свободныхъ сословій, какъ, напримѣръ, по праву собственности на предметы, находимые въ нѣдрахъ принадлежащей имъ земли, по праву завѣщаній, запрещенія лишать безъ суда имѣнія, и т. д., такъ что исключительнымъ, сохраненнымъ, впрочемъ, до сихъ поръ по закону, правомъ дворянина было право „по прозваніи своемъ писаться какъ помѣщикомъ его помѣстій, такъ и вотчинникомъ родовыхъ наслѣдственныхъ и жалованныхъ вотчинъ".

Говоря о дворянствѣ, слѣдовало бы сказать о гер-

бахъ и титулахъ — этихъ коренныхъ принадлежностяхъ феодальнаго дворянства, которыя, однако, получили у насъ весьма мало значенія. Но это отвлекло бы насъ далеко отъ той точки зрѣнія, на которую мы стали, предложивъ обсудить значеніе нашихъ сословій только со стороны юридической и экономической.

Разсматривая въ подробностяхъ существующую въ Россіи организацію сословій, мы имѣемъ въ виду двѣ задачи: вопервыхъ, уяснить вообще сословный у насъ вопросъ и, вовторыхъ, сосредоточить тѣ факты и тѣ общіе выводы, безъ которыхъ трудно было бы вести въ печати правильное и разностороннее обсужденіе вопроса о всесословныхъ воинской и податной повинностяхъ. Этотъ послѣдній вопросъ представляетъ особенную важность для такъ-называемыхъ привилегированныхъ сословій. Изъ нихъ объ одномъ — дворянствѣ — мы уже говорили, теперь переходимъ къ духовенству, занимающему у насъ, по сословнымъ разрядамъ, первое мѣсто послѣ дворянства. Духовенство, какъ сословіе, признается у насъ, по закону, только въ отношеніи христіанскихъ исповѣданій. Лица же, отправляющія богослуженіе по обрядамъ вѣръ нехристіанскихъ, не составляютъ, по словамъ закона, особыхъ въ государствѣ сословій; поэтому, и дарованныя нѣкоторымъ изъ этихъ лицъ преимущества опредѣляются не въ „Законахъ о состояніяхъ", но въ „Уставѣ объ управленіи духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій". Такимъ образомъ, признаются какъ особыя сословія, духовенства церквей: православной, римско-католической, протестанской (евангелическо-лютеранской и евангелическо-реформатской) и армяно-григоріанской. Сверхъ того, съ той точки зрѣнія, о которой мы упомянули выше, законъ говоритъ о духовенствѣ мохамеданскомъ и языческомъ; о духовенствѣ же еврейскомъ вовсе не упоминаетъ. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ нашихъ офиціальныхъ прожектеровъ по еврейскому вопросу тол-

куютъ иногда весьма серьезно о еврейскомъ духовенствѣ, котораго, однако, не существуетъ нетолько юридически, но и фактически. Еврейское духовенство, по догматамъ ветхозавѣтной религіи, можетъ находиться только при іерусалимскомъ храмѣ, а такъ какъ этотъ храмъ въ настоящее время не существуетъ, то у евреевъ и нѣтъ вовсе духовенства, т. е. нѣтъ лицъ, предназначенныхъ исключительно къ исполненію богослужебныхъ и другихъ религіозныхъ обрядовъ. Всѣ эти обряды, безъ малѣйшей помѣхи со стороны догматической, можетъ точно такъ же, какъ и раввинъ, исполнять каждое частное лицо. Фактъ, конечно, весьма замѣчательный, такъ какъ у народа, былое теократическое устройство котораго отражается еще и теперь на каждомъ шагу его жизни, не существуетъ вовсе духовенства ни въ видѣ гражданской, ни въ видѣ религіозной корпораціи.

Наконецъ, законодательство наше не признаетъ вовсе существованія старообрядческаго и раскольничьяго духовенства, такъ что это духовенство существуетъ только въ видѣ государственной контрабанды. Объ этомъ духовенствѣ упоминается лишь въ XIV томѣ, въ „Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“, гдѣ сказано, что „остающимся у раскольниковъ попамъ запрещается переходить для исправленія требъ изъ уѣзда въ уѣздъ, а тѣмъ болѣе изъ губерніи въ губернію“.

Мы видѣли, что законодательство наше дѣлаетъ общее историко-юридическое опредѣленіе дворянства; что же касается духовенства, то такого опредѣленія въ законахъ нѣтъ, и подъ лицами духовнаго званія до 1869 года подразумѣвались какъ тѣ, которыя исполняли церковныя службы и требы, такъ и тѣ, которыя происходили отъ такихъ лицъ. Далѣе, по вѣроисповѣданіямъ: православному, римско-католическому и армяно-григоріанскому, духовенство раздѣляется на монашествующее (черное) и

бѣлое. Духовенство монашествующее составляютъ: 1) митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, строители, игуменьи и настоятельницы монастырей женскихъ и ризничій московскаго синодальнаго дома. Къ бѣлому духовенству принадлежатъ: 1) главные (прежде оберъ) священники, и протопресвитеры, протоіереи, пресвитеры, іереи, протодіаконы, діаконы и іеродіаконы; 2) причетники. Всѣ эти степени, не какъ церковная іерархія, но только въ юридическомъ смыслѣ, опредѣлялись у насъ постепенно, начиная съ „Уложенія“ и кончая указомъ 25-го іюля 1827 года.

Въ главныхъ чертахъ, іерархія католической церкви совершенно сходна съ іерархіей нашей, хотя представители католической церкви и имѣютъ нѣкоторыя особенныя названія, какъ-то: епископы-коадъюторы и епископы-суфраганы, официалы, настоятели-инфулаты, кафедральные прелаты и каноники. Служительскія должности при церквахъ и монастыряхъ римско-католическихъ исправляются людьми вольнонаемными; сверхъ того, еще въ недавнее время исполнялись онѣ и людьми, даваемыми отъ управленія государственныхъ имуществъ на основаніи „Устава о податяхъ“. Люди эти не причислялись къ духовенству, но оставались въ томъ званіи, къ которому они лично принадлежали. Въ римско-католической церкви, по нашимъ законамъ, митрополитъ, епископы и всѣ вообще церковныя власти принадлежатъ къ бѣлому духовенству, такъ что къ монашествующему относятся только настоятели и настоятельницы монастырей, монашествующіе братья и сестры. Въ армяно-григоріанской церкви раздѣленіе духовенства на монашеское и бѣлое сходно съ нашимъ. Въ этой церкви, по закону 1836 года, принадлежатъ къ монашествующему духовенству духовныя власти: эчміадзинскій патріархъ или верховный католикосъ гайканскаго народа, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и прочая монашествую-

щая братія. Къ бѣлому духовенству: 1) протоіереи, іереи, архидіаконы діяковы и поддіаконы и 2) причетники или церковно-служители. Евангелическо-лютеранское духовенство состоитъ изъ проповѣдниковъ и высшихъ духовныхъ сановниковъ; къ нему принадлежатъ: евангелическо-лютеранскіе епископы, вице-президентъ генеральной консисторіи, генералъ-интенденты и суперъ-интенденты; консисторіальные совѣтники, пробсты, оберъ-пасторы, діаконы, адъюнкты-проповѣдники и домашніе проповѣдники. Что же касается евангелическо-реформатскаго духовенства въ Россіи, то оно составляется изъ пасторовъ, діаконовъ и высшихъ духовныхъ сановниковъ, которые въ вѣдомствѣ виленскаго евангелическо-реформатскаго синода носятъ именованіе генералъ-суперинтендента, суперинтендента и вице-суперинтендента.

Всѣ лица, исполняющія обряды христіанскихъ исповѣданій признаются, а нѣкоторыя изъ нихъ и съ потомствомъ признавались принадлежащими къ духовенству, какъ къ особому въ государствѣ состоянію, которое, какъ видно изъ сказаннаго нами, въ общей своей совокупности, представляетъ чрезвычайное смѣшеніе. Различіе вѣроисповѣданій, конечно, не позволяло и не позволяетъ образовать изъ всего находящагося въ Россіи духовенства одно сословіе. Если же это и допущено въ законахъ только для систематическаго составленія „Свода“, то на дѣлѣ духовенство каждаго христіанскаго исповѣданія представляетъ отдѣльную сословную корпорацію.

Въ организаціи каждаго сословія весьма важны тѣ элементы, изъ которыхъ оно первоначально составилось и которыми пополнялось впослѣдствіи. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія наше православное духовенство по прежней своей обособленности. Впрочемъ, во всѣ времена у насъ былъ открытъ свободный доступъ лицамъ всѣхъ сословій для вступленія какъ въ монашествующее, такъ и въ бѣлое духовенство. Въ былое время это велось и на практикѣ;

такъ, изъ одного стариннаго дѣла намъ извѣстно, что, напримѣръ, князья Вяземскіе были послѣдовательно, въ трехъ поколѣніяхъ, деревенскими священниками, а родной дѣдъ знаменитаго генералиссимуса князя Суворова, Иванъ Суворовъ, дворянинъ по рожденію, былъ протопопомъ при московскомъ успенскомъ соборѣ. Петръ Великій, организуя сословія, нетолько не препятствовалъ вступленію дворянства въ бѣлое духовенство, но даже, учреждая майоратъ, предполагалъ, что въ это званіе будутъ поступать „кадеты“ дворянскихъ фамилій. Впослѣдствіи, однако, бѣлое духовенство сдѣлалось замкнутымъ сословіемъ, да и то собственно въ великорусскихъ губерніяхъ, такъ какъ въ Малороссіи большая часть православнаго духовенства принадлежала всегда къ тамошнему шляхетству. Извѣстный нелѣпый обычай отдавать священническія и діаконскія мѣста въ приданое за невѣстами духовнаго званія еще болѣе сплачивалъ наше бѣлое духовенство въ какую-то недоступную касту для лицъ, непринадлежавшихъ къ ней по рожденію. Сверхъ того, признаваемая прежде необходимость вступленія въ бракъ для полученія священническаго или діаконскаго сана, необходимость, какъ это объяснилось нынѣ, не требуемая каноническими правилами, могла удерживать многихъ отъ поступленія въ бѣлое духовенство. Наконецъ, вообще приниженное положеніе этого сословія, подъ деспотическою властью епархіальнаго начальства, не представляло никакой приманки для лицъ другихъ сословій. Между тѣмъ, съ 5-го декабря 1727 года существовалъ уже положительный законъ, разрѣшавшій вступать въ бѣлое духовенство лицамъ изъ всѣхъ вообще состояній, кромѣ крѣпостныхъ, пока они не будутъ отпущены узаконеннымъ порядкомъ на волю. Но если на практикѣ доступъ въ бѣлое духовенство людямъ, непринадлежащимъ по рожденію къ духовному вѣдомству, былъ затруднителенъ, то едва ли еще не затруднительнѣе былъ выходъ

изъ этого вѣдомства, такъ какъ право это было поставлено въ полную зависимость отъ произвола епархіальныхъ владыкъ. Законъ (т. IX ст. 274) говоритъ, что „дѣти лицъ бѣлаго духовенства причисляются по родителямъ своимъ къ духовному вѣдомству, не подлежа обязанности избирать другой родъ жизни“ и далѣе (ст. 275): „духовному начальству не запрещается увольнять священно-и-церковнослужительскихъ дѣтей и церковнослужителей по просьбамъ изъ духовнаго вѣдомства, и въ такомъ случаѣ они обязаны избрать родъ жизни на основаніи общихъ законовъ.“ Этою мѣрою умалялась до нѣкоторой степени численность лицъ православнаго духовенства, изъ которыхъ преимущественно составлялось чиновничество въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и которыя отчасти поступали на службу по ученому и медицинскому вѣдомствамъ. По указу 26-го мая 1869 года, послѣдовало коренное измѣненіе въ организаціи православнаго духовенства, какъ сословія, такъ какъ, въ силу этого указа, дѣти лицъ православнаго духовенства не принадлежатъ уже лично духовному званію, показывались только для свѣдѣнія въ послужныхъ спискахъ ихъ отцовъ. Вмѣстѣ съ этимъ, отмѣнена была и та статья закона, по которой увольненіе священно-и-церковно-служительскихъ дѣтей изъ духовнаго званія зависѣло отъ духовнаго начальства. Такимъ образомъ, въ настоящее время православное духовенство представляетъ у насъ уже не наслѣдственное сословіе, но только личное состояніе. Дѣти священнослужителей и причетниковъ (дьячковъ, пономарей и псаломщиковъ) пользуются теперь всѣми правами, присвоенными: первыя—дѣтямъ личныхъ дворянъ, а послѣднія—личнымъ почотнымъ гражданствомъ; дѣти же прочихъ церковнослужителей (пѣвчихъ, звонарей и сторожей) должны, по достиженіи совершеннолѣтія, приписаться къ городскому или сельскому обществу. Что касается сословной организаціи духовенства другихъ христіанскихъ

исповѣданій, то только армяно-григоріанское духовенство было организовано, какъ духовенство православное, т, е. дѣти священно-и-церковнослужителей армяно-григоріанской церкви причислялись къ духовному вѣдомству и не были обязаны избирать другой родъ жизни. Но 11-го мая 1870 года, правила объ устройствѣ быта дѣтей лицъ православнаго духовенства распространены равнымъ образомъ и на дѣтей лицъ армяно-григоріанскаго исповѣданія. О наслѣдственномъ устройствѣ римско-католическаго духовенства, какъ безбрачнаго, не могло быть, конечно, и рѣчи, а относительно протестанскаго духовенства существовало съ 1823 года и существуетъ донынѣ правило, по которому лица, поступившія въ протестанское духовное званіе не изъ потомственныхъ или личныхъ дворянъ, пользуются, доколѣ состоятъ въ этомъ званіи, всѣми правами личнаго дворянства; права эти прдоставлены и ихъ дѣтямъ.

Послѣ всѣхъ происшедшихъ у насъ сословныхъ реформъ, небезъинтересно будетъ сравнить права и преимущества духовнаго сословія съ тѣмъ, что особенно предоставлено дворянству. Главнымъ правомъ духовентва всѣхъ христіанскихъ исповѣданій должно считать освобожденіе этого сословія отъ всѣхъ личныхъ податей и рекрутской повинности. Такое право, идущее въ разрѣзъ главнымъ государственнымъ интересамъ, считалось у насъ какъ-бы исключительною принадлежностью дворянства. Между тѣмъ, оказывается, что въ пользованіи этимъ правомъ православное духовенство опередило наше дворянство. Въ ту пору, когда завѣтною мечтой дворянскаго сословія было освобожденіе отъ обязательной государственной службы, духовенство пользовалось уже этимъ правомъ съ 1723 года, точно также, какъ около этого времени оно было освобождено отъ всѣхъ личныхъ податей, тогда какъ подобная привилегія была предоставлена дворянству только 21-го апрѣля 1785 года. Далѣе, несмотря на переустрой-

ство въ 1869 году православнаго духовенства, какъ сословія, свобода отъ податей и рекрутства удержана даже за такими дѣтьми церковнослужителей, которыя должны, по достиженіи совершеннолѣтія, приписаться къ городскому или сельскому обществу. Извѣстно, что время какъ бы освящаетъ каждое право и потому, чѣмъ долѣе оно существуетъ, тѣмъ болѣе оно кажется неприкосновеннымъ. Еслибъ, по поводу предполагаемыхъ всесословныхъ воинской и податной повинностей, можно было ожидать—конечно, глухого и разрозненнаго — протеста, то право на такой протестъ, въ силу давности, должно принадлежать скорѣе духовенству нежели дворянству. Впрочемъ, объ отмѣнѣ освобожденія дѣтей лицъ православнаго духовенства отъ рекрутской повинности возникало однажды предположеніе: архіепископъ тверскій Григорій, во время турецкой войны 1828 года, предлагалъ императору Николаю сформировать хоть цѣлый батальонъ изъ семинаристовъ, оказавшихся въ управляемой имъ епархіи излишними или непригодными для священно-и-церковно-служительскихъ должностей.

При существованіи у насъ тѣлесныхъ наказаній по суду, весьма громко звучали слова дворянской граматы: „тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго“. Но и въ отношеніи этого права дворянство было предупреждено духовенствомъ, которое впервые было освобождено отъ тѣлеснаго наказанія 17-го іюня 1767 года, тогда какъ дворянству приходилось ожидать этой привилегіи еще 18 лѣтъ. Вообще, если сравнить прежнія права и преимущества, съ одной стороны, дворянства, а съ другой—православнаго духовенства, то окажутся слѣдующія исключительныя привилегіи въ пользу перваго изъ этихъ сословій, именно—владѣніе населенными имѣніями на крѣпостномъ правѣ, сословное представительство и право избранія на нѣкоторыя судебныя и полицейскія должности.

*

Не касаясь вопроса объ улучшеніи матерьяльныхъ средствъ духовенства, нельзя не сказать, что оно и помимо этого поставлено теперь, сравнительно съ прежнимъ, въ болѣе благопріятное положеніе: отмѣна прежняго закрѣпощенія этого сословія и предоставленіе ему права участвовать въ дѣлахъ земскихъ представляютъ для него несомнѣнныя преимущества. Однимъ изъ неудобствъ прежней сословной организаціи бѣлаго православнаго духовенства было преобладаніе среди него монашествующихъ. Духовное сословіе въ каждой епархіи находилось въ безусловномъ подчиненіи у архіерея, назначавшагося исключительно изъ монашествующихъ лицъ. Насколько намъ извѣстно, каноническія правила не установляютъ такой исключительности, и одно внѣшнее обстоятельство ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ: такъ, наши архіереи не носятъ чорныхъ монашескихъ рясъ, но одѣваются въ цвѣтныя рясы, какъ бѣлое духовенство. По всей вѣроятности, современемъ высшія степени духовной іерархіи будутъ предоставляемы и лицамъ бѣлаго духовенства, и тогда это сословіе, освободившись отъ своей замкнутости и усвоивая, кромѣ своихъ спеціальныхъ знаній, высшее общее образованіе, займетъ соотвѣтствующее ему почотное мѣсто.

Что касается правъ и преимуществъ духовенства другихъ христіанскихъ исповѣданій, то они прежде всего свидѣтельствуютъ о вѣротерпимости русскаго правительства. Исключеніе въ этомъ случаѣ оказывается только въ отношеніи раскольниковъ. Духовенства же римско-католическое и протестантское лично, а духовенства армяно-григоріанское и потомственно, сравнено по своимъ сословнымъ правамъ съ православнымъ духовенствомъ. Само собою разумѣется, что здѣсь встрѣчается нѣкоторое различіе, но оно зависитъ единственно отъ тѣхъ іерархическихъ и каноническихъ порядковъ, которые усвоены тѣмъ или другимъ исповѣданіемъ и которые касаются преимущественно

монашествующаго духовенства въ церквахъ римско-католической и армяно-григоріанской. Сущность же личныхъ и имущественныхъ правъ духовенства всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, какъ сословія, подведено подъ одинъ общій уровень, хотя права эти и формулированы въ „Сводѣ Законовъ“ не одинаково, вслѣдствіе того, что они основаны на узаконеніяхъ, изданныхъ въ разное время. Тѣмъ неменѣе, въ нихъ видна одна постоянно господствующая мысль: поставить духовенство, по его правамъ, выше прочихъ сословій—непосредственно послѣ дворянства.

Слѣдуя общеупотребительному выраженію, мы называли дворянство и духовенство „сословіями“; но законодательство наше чуждается этого выраженія и называетъ дворянство, духовенство, городскихъ и сельскихъ обывателей—состояніями. Слову же „сословіе“ придается другой смыслъ: въ IX томѣ есть отдѣленіе „о сословіяхъ православнаго духовенства“, и подъ этимъ именемъ разумѣются только монастыри и архіерейскіе дома, какъ юридическіе собственники имуществъ. Очевидно, что въ этомъ случаѣ нашъ законодательный языкъ впадаетъ въ противорѣчіе съ языкомъ общеупотребительнымъ. Мы говорили уже выше о томъ несоотвѣтствующемъ настоящему положенію видѣ, въ какомъ представляется нынѣ IX томъ „Свода Законовъ о состояніяхъ“. При новой его редакціи, къ которой, по всей вѣроятности, вскорѣ будетъ приступлено, было бы правильнѣе отнести духовенство всѣхъ христіанскихъ исповѣданій къ числу особыхъ государственно-церковныхъ учрежденій. Такъ какъ теперь наслѣдственнаго духовнаго званія въ Россіи уже нѣтъ, то и касающіяся его узаконенія едва ли могутъ быть помѣщены въ „Сводѣ Законовъ о состояніяхъ“, которыя, въ свою очередь, правильнѣе было бы называть сословіями. Такое названіе усвоено уже и современнымъ нашимъ офиціальнымъ языкомъ для обозначенія дворянства, мѣщанства и кресть-

янства, т. е. такихъ разрядовъ населенія, въ которыхъ званіе составляетъ наслѣдственную, а не одну только личную принадлежность. Теперь духовенство всѣхъ, христіанскихъ и нехристіанскихъ исповѣданій—является у насъ въ видѣ служебной корпораціи, а не въ видѣ отдѣльнаго сословія, въ которое поступали бы его представители по наслѣдственному праву.

Въ сословной нашей организаціи смѣшиваются два начала: наслѣдственное и личное, т. е. въ однихъ случаяхъ принадлежность лица къ сословію опредѣляется его рожденіемъ, а въ другихъ только собственными его занятіями или промысломъ. Но съ правильностью подобнаго порядка едва ли можно согласиться, такъ какъ подъ словомъ „сословіе“ должно разумѣть такой разрядъ населенія, въ которомъ права лицъ, къ нему принадлежащихъ, бываютъ наслѣдственными, и пребываніе въ немъ юридически обязательно; раздѣленіе же лицъ по особеннымъ ихъ занятіямъ представляетъ только корпораціи, доступъ въ которыя и выходъ изъ которыхъ должны быть предоставлены на волю каждаго, сообразно его экономическому положенію. Установивъ эту точку зрѣнія на значеніе сословій, мы признаемъ купечество—какъ ненаслѣдственное званіе—не сословіемъ, но только корпораціей. Законодательство наше отчасти держится этого взгляда, такъ какъ опредѣленіе правъ и обязанностей купечества изложено въ „Уставѣ Торговомъ“, а не въ „Сводѣ Законовъ о состояніяхъ“. Конечно, въ прежнее время, по особымъ соображеніямъ, казалось нужнымъ предоставлять купечеству еще и особыя сословныя права, приближавшія его въ извѣстныхъ случаяхъ, или къ дворянству, или къ мѣщанству, такъ что его можно было считать вообще особымъ сословіемъ; въ настоящее же время едва ли можно признать умѣстнымъ такое положеніе. Безъ всякаго сомнѣнія, купечество, какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ промышлен-

ныхъ въ государствѣ классовъ, должно пользоваться нѣкоторыми исключительными правами; но права эти должны быть основаны единственно на экономическихъ потребностяхъ торгующаго класса, безъ всякой примѣси сословныхъ понятій. Такой взглядъ на дѣло слѣдуетъ признать тѣмъ болѣе правильнымъ, что въ составъ купечества входятъ у насъ лица всѣхъ сословій, имѣющія уже и безъ того опредѣленное гражданское положеніе. Вообще, признаваніе купечества не особымъ гражданскимъ состояніемъ или сословіемъ представляется тѣмъ менѣе затруднительнымъ, что дарованныя ему права, въ смыслѣ правъ сословныхъ, оказываются весьма незначительными, такъ что преобразованіе купечества въ промышленную корпорацію, преимущества которой ограничивались бы исключительно экономическими потребностями, было бы въ юридическомъ отношеніи дѣломъ весьма легкимъ.

До Петра Великаго торговый классъ въ Россіи не пользовался никакими особыми гражданскими правами. Организуя сословія, Петръ Великій намѣревался, по собственнымъ словамъ его, „собрать разсѣянное купечество въ одну храмину“ и имѣлъ при этомъ въ виду корпоративное, а не сословное его устройство. Главное преимущество, предоставленное Петромъ I-мъ русскому купечеству, состояло въ предоставленіи ему права имѣть свой собственный судъ и свою собственную расправу по дѣламъ торговымъ. Впослѣдствіи организація купечества принимала все болѣе и болѣе сословный характеръ, и это утвердилось окончательно изданіемъ „Городоваго Положенія“ въ 1785 году. Съ того времени купечество стало составляться не единственно изъ лицъ, занимавшихся на самомъ дѣлѣ торговлею, но къ нему стали присоединяться, для пользованія извѣстными сословными правами, и лица, совершенно чуждыя торговой дѣятельности. Такимъ образомъ, первоначальная корпоративная организація купечества об-

ратилась въ сословную, и торговый классъ сталъ принимать въ свой составъ такихъ лицъ, которыя сами по себѣ не занимались торговою дѣятельностью, но только причислялись къ купечеству иногда самостоятельно, иногда въ качествѣ семейныхъ членовъ какого-нибудь торговца. Такимъ образомъ, явились купеческіе сыновья, братья, племянники и внуки, принадлежавшіе къ купечеству только номинально. Этимъ обстоятельствомъ можно прежде всего, объяснить тѣ пороки и недостатки, въ которыхъ, не безъ основанія, укоряютъ русское купечество. Въ составѣ его явилась огромная масса такихъ, чуждыхъ торговой дѣятельности лицъ, которыя, ведя праздную жизнь и владѣя достаточными наслѣдственными капиталами, составляли, а отчасти составляютъ еще и теперь, тотъ разрядъ кутилъ и мотовъ, въ которыхъ преимущественно проявляется широкая русская натура, исповѣдующая правило, „праву моему не препятствуй". Безъ всякаго сомнѣнія, еслибъ купечество представляло не сословіе, а только корпорацію, члены которой дѣятельно преслѣдовали бы свою цѣль — пріобрѣтеніе капиталовъ торговыми оборотами, то оно было бы избавлено отъ нареканія въ тѣхъ безобразіяхъ, какія приписываютъ ему теперь огуломъ. Посмотрите не только на иностранное купечество вообще, но и на ту его часть, которая живетъ въ Россіи. Какая огромная разница въ развитіи и долговѣчности фирмъ, въ правильности и стройности оборотовъ среди этого купечества въ сравненіи съ нашимъ! Эту разницу и слѣдуетъ приписать именно тому, что въ Западной Европѣ купечество составляетъ только промышленную корпорацію, а у насъ оно является сословіемъ, вмѣщающимъ въ себѣ множество такихъ лишнихъ людей, которые, безъ всякаго призванія къ торговой дѣятельности, безъ всякаго правильнаго о ней понятія, остаются въ купечествѣ только вслѣдствіе своего сословнаго положенія.

Положимъ, что ловкій и сметливый торговецъ наживалъ у насъ большое состояніе и имѣлъ возможность числиться съ своимъ семействомъ въ 1-й гильдіи. Умирая, онъ оставлялъ свои капиталы дѣтямъ. Дѣти, если не успѣвали перейти изъ купечества въ дворянство, то поневолѣ, противъ желанія заниматься торговлей должны были слѣдовать званію своего отца: имъ оставалось или числиться въ гильдіи, ведя торговыя дѣла, хотя бы, какъ говорится, спустя рукава, или перечислиться въ мѣщане. Выборъ послѣдняго положенія представлялся имъ крайне неудобнымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ имъ предстояло нетолько приниженное, сравнительно съ прежнимъ, гражданское и общественное положеніе, но грозили еще и рекрутчина, а пожалуй, и розги. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, купеческіе сыновья находили болѣе удобнымъ платить гильдейскія повинности, не занимаясь даже вовсе торговлей, или ведя ее какъ попало, и вмѣстѣ съ тѣмъ, оставаясь въ праздности, они легко заражались всяческими пороками. Отъ этого у насъ такъ часто распадались самыя богатыя купеческія фирмы, потому что представители ихъ были недѣйствительными, а только титулярными купцами. Число подобныхъ лицъ преобладало въ нашемъ купечествѣ, потому что сыновей бываетъ обыкновенно болѣе чѣмъ отцовъ, и въ общей своей совокупности купечество вскорѣ явилось въ той ненормальной организаціи, въ какой оно существуетъ донынѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что купечество должно быть организовано не какъ сословіе, пользующееся какими-нибудь особыми гражданскими правами, но только, какъ особая промышленная корпорація, члены которой связываются между собою одинаковыми условіями своей экономической дѣятельности. При этомъ о сословныхъ различіяхъ между купечествомъ и другими классами не должно быть и помину. Смотря на купечество, какъ на сословіе, а не какъ

на корпорацію, законодательство наше позаботилось и о генеалогіи купеческихъ родовъ. Такъ, въ 1807 году была учреждена—несуществующая въ настоящее время и для дворянства — бархатная книга знатныхъ купеческихъ родовъ, съ тою цѣлью, чтобъ увѣковѣчить въ потомствѣ, память родовъ первостатейнаго или гильдейскаго купечества. Открытіе этой книги было возложено на министерство финансовъ и запись въ нее купеческихъ родовъ повторяется, по закону, не чаще двухъ трех-лѣтій, съ соблюденіемъ всей строгости въ разборѣ доказательствъ. Бархатная книга знатныхъ купеческихъ родовъ раздѣляется на двѣ части. Въ первую вносятся тѣ купеческіе роды, которыхъ внукъ докажетъ, что дѣдъ и отецъ его безъ явной укоризны занимали мѣсто въ высшей гильдіи. Имя такого внука, а по немъ и наслѣдниковъ его въ прямой линіи должны быть вписываемы до тѣхъ поръ, пока ихъ колѣно не помрачится среди первостатейнаго купечества. Во вторую часть помѣщаются боковыя колѣна тѣхъ же родовъ, даже и упадшихъ, которые, по словамъ закона, „новыми вѣтвями паче украсятся и возродятся“. Мы не знаемъ, много ли до сихъ поръ занято страницъ въ бархатной книгѣ купеческихъ родовъ, но судя по тому что у насъ купеческіе дома часто упадаютъ, не украшаясь послѣ того новыми вѣтвями, надобно полагать, что въ этой книгѣ много чистыхъ листовъ, и что вообще нисходящія линіи купеческихъ родовъ не очень продолжительны. Вдобавокъ къ этому, само наше купечество не придавало, да и теперь не придаетъ, особой важности внесенію въ бархатную книгу: оно не удовлетворялось этимъ установленнымъ для него отличіемъ и постоянно рвалось въ дворянство, какъ въ такое сословіе, въ которое попавъ однажды, уже ненужно хлопотать о гражданскомъ положеніи своихъ дѣтей и всего дальнѣйшаго потомства.

Одновременно съ заведеніемъ упомянутой бархатной книги, представлявшей первостатейному купечеству вести свое родословіе, былъ прекращенъ переходъ купцовъ въ дворянство, безъ особаго пожалованія этимъ достоинствомъ отъ верховной власти, такъ какъ сохранившіе только до изданія манифеста 1-го января 1807 года именитое гражданство старшіе внуки именитыхъ гражданъ, по достиженіи тридцатилѣтняго возраста, имѣли право просить дворянства потомственнаго, если только дѣды ихъ, отцы и они сами сохранили именитость безпорочно. Сверхъ того, до изданія указа 1826 года октября 30-го, потомственное дворянство представлялось тѣмъ лицамъ купеческаго званія, которымъ, при пожалованіи орденами, не было отказано въ правѣ на дворянство самыми граматами, если же въ граматахъ, выданныхъ этимъ лицамъ на ордена, положительно было сказано, что черезъ пожалованіе ордена не присвоется получающимъ его правъ дворянства, то какъ эти лица, такъ и дѣти ихъ правами дворянства не могутъ пользоваться. Въ дополненіе къ этимъ мѣрамъ, имѣвшимъ цѣлію удержаніе среди купечества лицъ, занимавшихся обширными комерческими и промышленными предпріятіями, установлены для подобныхъ лицъ особыя почетныя званія: комерціи-совѣтниковъ и мануфактур-совѣтниковъ. Званія эти жалуются купцамъ первой гильдіи за особенныя заслуги въ распространеніи торговли. Впрочемъ, первоначально званіе мануфактур-совѣтниковъ жаловалось исключительно такимъ купцамъ, которые, владѣя суконными фабриками, довели свои издѣлія до замѣчательнаго совершенства и до громадныхъ размѣровъ. Законодательство наше, въ видѣ почота, отмѣчаетъ также два рода купцовъ: первостатейныхъ или негоціантовъ и банкировъ. Къ первому разряду принадлежитъ всякій купецъ 1-й гильдіи, производящій оптовой торгъ; ко второму — занимаю-

щійся переводомъ денегъ на города, учотомъ векселей и вообще банкирскими дѣлами.

На ряду съ такими мѣрами, которыя, казалось, должны были бы удерживать въ купеческомъ сословіи болѣе крупныхъ его представителей и которыя, однако, льстили только суетности, не принося практическихъ выгодъ, допускались и мѣры, обусловливавшія составъ купечества, переводя болѣе замѣтныхъ его представителей въ дворянство. Такъ, не говоря уже объ именитыхъ людяхъ Строгоновыхъ, составившихъ себѣ славу и огромное богатство обширною закамскою торговлей и получившихъ при Петрѣ-Великомъ титулъ русскихъ бароновъ, титулъ этотъ былъ жалованъ впослѣдствіи нѣкоторымъ лицамъ купеческаго званія за заслуги, оказанныя ими торговлѣ. Такимъ образомъ, у насъ явились бароны Соловьевы, Четихины, Фридрихсы, Рали, Роговиковы, Велыо, Штиглицы, Фелейзены и Кусовы. Сверхъ того, немало лицъ изъ купеческаго сословія получило прямо потомственное дворянство или подготовило къ тому своихъ дѣтей. Вдобавокъ къ этому, купцамъ жаловались гражданскіе чины даже до дѣйствительнаго статскаго совѣтника включительно. Подобными мѣрами ослаблялся личный составъ зажиточнаго купечества, капиталы котораго, бывшіе прежде въ торговыхъ оборотахъ, обращались потомъ на покупку дворянскихъ помѣстій, и въ концѣ прошлаго, а также въ началѣ нынѣшняго столѣтія бывали иногда примѣры, что купцы, вышедшіе въ дворянство, пріобрѣтали до 20,000 душъ крестьянъ, т. е. становились въ ряду богатѣйшихъ помѣщиковъ. Понятно, что такое ненормальное положеніе купечества не могло не отражаться вреднымъ образомъ на ходѣ нашей торговли, такъ какъ въ прежнее время каждый купеческій домъ очень охотно прекращалъ свою торговлю для того только, чтобъ вступить въ среду дворянства. Въ настоящее время, съ уничтоженіемъ крѣ-

постнаго права и при другихъ реформахъ, придавшихъ русскому дворянству иное, сравнительно съ прежнимъ, значеніе, равно какъ вслѣдствіе болѣе раціональнаго направленія въ дѣятельности купечества, пожалованіе купцамъ дворянства, баронскаго титула и чиновъ не представляетъ уже для хода торговли тѣхъ невыгодъ, какія при этомъ представлялись прежде. Не подлежитъ сомнѣнію, что стойкая русская купеческая фирма, получивъ дворянство или баронство, не рѣшится теперь прекратить своихъ выгодныхъ занятій, хорошо понимая, что въ нашъ положительный вѣкъ возможность ворочать на биржахъ громадными капиталами имѣетъ въ обществѣ гораздо болѣе значенія, нежели непросохнувшія еще краски только-что полученнаго герба.

По общему ходу историческаго развитія западныхъ государствъ, городское сословіе, въ составѣ котораго считалось прежде и купечество, должно было образовать что-то среднее между дворянствомъ и сельскимъ населеніемъ. Во Франціи оно явилось въ видѣ tiers-etat, въ Англіи — gentry, въ Германіи — Bürgerstand. Изъ городскихъ обывателей должно развиваться среднее сословіе, во главѣ котораго, по матерьяльному своему достатку, должно было стоять купечество. Сходное съ этимъ, въ общихъ чертахъ, явленіе замѣчается и у насъ, такъ какъ, до изданія новаго „Городового Положенія“, повсемѣстно главнымъ и, можно сказать, даже исключительнымъ представителемъ нашего городского населенія было купечество. Даже въ Петербургѣ, гдѣ уже болѣе двадцати-пяти лѣтъ было допущено сліяніе сословій въ городскомъ обществѣ, городскими головами были исключительно лица изъ купеческаго званія, хотя впослѣдствіи и получавшія, болѣе или менѣе, крупные чины. Дворянство не вмѣшивалось въ городское хозяйство и въ общественные городскіе распорядки, а мѣщанство, подавленное своею убогою обстановкой, всегда и всю-

ду уступало купечеству. Въ настоящее время купечество наше только утрачиваетъ, но не утратило еще окончательно своего преобладающаго положенія въ городахъ, такъ какъ изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ „Правительственнымъ Вѣстникомъ“, видно, что во всѣхъ городскихъ управахъ члены принадлежатъ преимущественно къ купеческому сословію.

Составляя изъ купечества особое сословіе въ средѣ городского населенія, законодательство наше и въ самомъ этомъ сословіи допускало еще особыя подраздѣленія относительно пользованія разными особыми правами. Такъ, независимо отъ правъ по торговлѣ, купцамъ двухъ первыхъ гильдій предоставлено право пріѣзжать къ высочайшему двору, чѣмъ, однако, безъ особаго дозволенія, не пользуется наше дворянство ни вообще, ни предпочтительно, сообразно съ своею древностью или титулами. Купцамъ первой гильдіи, неслужившимъ вовсе по выборамъ, было предоставлено право носить губернскій мундиръ, впрочемъ, безъ шитья; имъ же было дозволено вступленіе въ гражданскую службу. Купцамъ второй и третьей гильдіи это было запрещено; но такъ какъ въ законахъ нашихъ вообще нѣтъ правилъ безъ исключенія, то и въ этомъ случаѣ были постановлены нѣкоторыя изъятія. Далѣе, купцамъ 1-й гильдіи разрѣшено было просить о принятіи ихъ дѣтей въ гражданскую и военную службу или объ опредѣленіи ихъ пансіонерами въ учебныя заведенія. Затѣмъ, были установлены особыя права по производству въ чины купцовъ первой гильдіи и ихъ дѣтей и т. д. Очевидно, что подобнаго рода права, въ смыслѣ правъ сословныхъ, вовсе не подходятъ къ значенію купечества и могутъ скорѣе всего содѣйствовать отвлеченію его отъ соотвѣтствующаго ему круга дѣятельности. Вотъ почему мы и повторяемъ, что купечество должно быть организовано у насъ не на сословныхъ началахъ, а только на корпоративныхъ и, притомъ, такихъ, которыя обособляли бы его отъ прочихъ группъ населенія лишь въ

отношеніи свойственной ему дѣятельности, но не въ отношеніи какихъ-нибудь сословныхъ правъ и преимуществъ. Послѣ всѣхъ произведенныхъ реформъ, обособленіе въ этомъ послѣднемъ отношеніи купечества отъ другихъ сословій совершенно неумѣстно.

Одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ недостатковъ нашего строя—слабое развитіе у насъ средняго класса, то есть, такого, который могъ бы существовать и дѣйствовать самостоятельно, не пользуясь, съ одной стороны, преимуществами, исключительно предоставленными дворянству, а съ другой не находясь подъ вліяніемъ тѣхъ особенныхъ тягостей, какія падаютъ на низшіе классы. Вѣроятно, мысль о необходимости такого сословія мелькала въ умѣ Екатерины II, такъ какъ въ изданномъ ею „Городовомъ Положеніи" упоминается о „средняго рода людяхъ", которые, однако, не имѣли никогда опредѣленнаго юридическаго значенія, но подъ которымъ, какъ надобно полагать, подразумѣвались вообще городскіе обыватели. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что впослѣдствіи, въ виду того значенія, какое имѣло во Франціи, при революціонныхъ переворотахъ, тамошнее среднее сословіе (tiers-etat), Екатерина II, а за нею Павелъ I и Александръ I не находили удобнымъ—конечно, изъ ложнаго опасенія—создавать у насъ среднее самостоятельное сословіе. Замѣчательно, что осуществленіе мысли объ образованіи такого сословія принадлежитъ царствованію императора Николая I. При немъ было сознано то затруднительное положеніе, въ какомъ находились образованные и вообще развитые люди, поставленные въ необходимость, для того, чтобъ пользоваться нѣкоторыми особыми гражданскими правами, причисляться въ торговое званіе, не имѣя ни возможности, ни охоты заниматься торговлей, или же должны были приписываться въ податное состояніе, пребываніе въ которомъ не могло не быть для нихъ тягостнымъ. Съ этою цѣлью, указомъ 10-го

апрѣля 1832 года, было учреждено новое, какъ личное, такъ и потомственное званіе, подъ именемъ почетнаго гражданства. Сословіе почетныхъ гражданъ, при своемъ учрежденіи, получило назначеніе служить началомъ эмансипаціи городскихъ обывателей отъ того закрѣпленія къ гильдіямъ, цехамъ и мѣщанству, которое, вслѣдствіе общихъ порядковъ, представлялось неизбѣжнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагалось, что упомянутое сословіе сдѣлается ядромъ образованнаго средняго класса. Такія разумныя соображенія не оправдались, однако, на дѣлѣ, потому что до сихъ поръ сословіе почетныхъ гражданъ у насъ весьма малочисленно, а образованіе не представляетъ среди его замѣтныхъ успѣховъ. Права почетнаго гражданства пріобрѣтаются или лично пожизненно, или навсегда, потомственно. Въ послѣднемъ случаѣ, права эти переходятъ ко всѣмъ законнымъ дѣтямъ безъ всякаго изъятія, почему упомянутыхъ правъ не лишаются дѣти почетнаго гражданина и въ томъ случаѣ, если бы они и не были внесены во взятое имъ по капиталу семейное гильдейское свидѣтельство. Относительно пріобрѣтенія правъ почетнаго гражданства лицами купеческаго званія были установлены особыя облегчительныя правила, давшія возможность купеческимъ дѣтямъ выходить изъ сословія ихъ отцовъ безъ тѣхъ неудобствъ, о которыхъ мы упоминали выше. Обстоятельство это, хотя и въ слабой степени, но, всетаки, содѣйствовало къ болѣе правильной организаціи купечества, устраняя изъ него безобиднымъ способомъ такихъ лицъ, которыя почему-нибудь не могли посвятить себя комерческимъ занятіямъ и только по необходимости держались въ средѣ этого сословія.

Когда, десять лѣтъ назадъ, къ проживавшему въ Петербургѣ дѣйствительному статскому совѣтнику и камергеру Б., была прислана изъ здѣшней городской общей думы, какъ мѣстному домовладѣльцу, повѣстка съ приглашеніемъ пожаловать на совѣщаніе въ думу, онъ съ гор-

достью, достойною лучшаго назначенія, отвергъ это приглашеніе. Онъ офиціально отвѣтилъ на повѣстку, что приглашеніемъ въ среду городскихъ обывателей его причисляютъ къ „среднему роду людей“ и что онъ, въ силу пожалованной дворянству на право вольности и преимуществъ грамоты, считаетъ себя совершенно избавленнымъ отъ всякой городской службы и отъ всякаго личнаго участія въ городскихъ дѣлахъ. При тогдашнемъ бичевательно-обличительномъ настроеніи нашего общества, покойный Б. сдѣлался притчею во языцѣхъ, и шкафы публичной библіотеки хранятъ теперь, на память вѣкамъ, его энергическое заявленіе и печатныя по этому дѣлу мнѣнія. Однако, если взглянуть на отзывъ г. Б. съ юридической точки зрѣнія, то окажется, что онъ былъ правъ безусловно, и его можно было винить только въ нелѣпыхъ сословныхъ предразсудкахъ и въ непониманіи тѣхъ выгодъ, какія пріобрѣтаются для общественныхъ дѣлъ при участіи въ нихъ не исключительно представителей того или другого, но и всѣхъ вообще сословій. Въ настоящее время возможность юридическаго уклоненія лицъ дворянскаго званія отъ участія въ городской общественной службѣ и въ городскихъ общественныхъ дѣлахъ уничтожена новымъ „Городовымъ Положеніемъ“, а общественное мнѣніе въ десятилѣтній промежутокъ времени успѣло побороть окончательно прежніе сословные, въ этомъ отношеніи, предразсудки. Теперь, несмотря на заявленіе, подобное тому, какое было сдѣлано покойнымъ г-мъ Б., онъ, по его имущественному цензу, все-таки, былъ бы включонъ въ число городскихъ избирателей, то-есть, его причислили бы къ „среднему роду людей“ и, несмотря на дворянскую грамату, считали бы для него городскую общественную службу обязательною de jure, хотя de facto онъ, конечно, и могъ бы уклониться отъ нея, отказавшись балотироваться въ какую-нибудь должность по городскому общественному

управленію. Такой переходъ отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, какъ извѣстно, былъ встрѣченъ русскимъ дворянствомъ нетолько безъ всякаго ропота но, напротивъ, даже съ большимъ сочувствіемъ, и теперь положительно можно сказать, что никто изъ самыхъ чиновныхъ и родословныхъ людей не пойдетъ по слѣдамъ покойнаго г. Б., да, сверхъ того, и подраженіе ему было бы совершенно безполезно.

Безъ сомнѣнія въ то время, когда появился пресловутый протестъ г. Б., въ средѣ его односословниковъ было не мало такихъ лицъ, которыя думали точно такъ же, какъ и онъ, но только не имѣли достаточно гражданскаго мужества, чтобъ высказаться публично, напрямки, и предпочитали ворчать про себя о неумѣстности смѣшенія въ здѣшней городской думѣ благороднаго дворянства съ купцами, мѣщанами и ремесленниками, т. е. вообще съ такъназываемымъ сословіемъ или состояніемъ городскихъ обывателей. Извѣстно, что всѣ предразсудки создаются непремѣнно изъ какихъ-нибудь фактовъ, имѣвшихъ нѣкогда особое значеніе. Самъ по себѣ предразсудокъ бываетъ обломкомъ какой-нибудь господствовавшей прежде истины, отжившей потомъ свое время, и, поэтому, впослѣдствіи являющейся уже запоздалою, смѣшною и неумѣстною. Къ числу такихъ предразсудковъ должно отнести и предразсудки сословные. Въ прежнее время, когда въ силу соціальнаго и экономическаго строя, на всѣхъ высшихъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности являлось дворянство, казалось весьма естественнымъ считать представителей этого сословія исключительно призванными на общественныя вершины и оставлять низы представителямъ прочихъ сословій. Различіе интересовъ и круга дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и различіе воспитанія, понятій и привычекъ ставили крѣпкія преграды между гражданами одного и того же государства, и безъ того уже

раздѣленными юридически на высшіе, средніе и низшіе разряды. Очень понятно, что каждый, успѣвшій стать выше другихъ, хотѣлъ или подняться еще выше, или, по крайней мѣрѣ, удержать за собою и за своимъ потомствомъ занятое однажды привилегированное, слѣдовательно, и выгодное положеніе. Для поднятія выше не представлялось, однако, средствъ, и потому оставалось только принижать, по возможности, другихъ для того, чтобъ не терять, хотя сравнительно, занятой высоты. Въ этомъ послѣднемъ стремленіи кроется, по нашему мнѣнію, главная причина сословной розни, замѣчаемой въ Россіи. Въ другихъ странахъ, гдѣ были организованы сословія съ особыми правами и преимуществами. взаимная вражда ихъ вытекала изъ другихъ источниковъ. У насъ же, какъ въ обществѣ, не успѣвшемъ еще дойти до правильнаго пониманія своихъ интересовъ, неизбѣжно являются отдѣльныя, своего рода эгоистическія группы. Группы эти ревниво оберегаютъ свои исключительныя права и боятся нетолько того, чтобъ у нихъ не отняли этихъ правъ, но чтобъ и не распространили ихъ на другихъ, такъ какъ при общемъ равенствѣ— хотя бы сумма правъ и сдѣлалась значительнѣе прежней— онѣ, всетаки, смѣшаются съ тѣми, которыхъ считали прежде низшими противъ себя и, вслѣдствіе этого, утратятъ то отличіе, какимъ, быть можетъ, они никогда и не умѣли пользоваться практически, но за то имѣли иногда случай кичиться предъ остальными. Въ такомъ смыслѣ и слѣдуетъ понимать проявлявшуюся у насъ разрозненность, но не вражду, между дворянствомъ и городскими сословіями—купечествомъ и мѣщанствомъ. И тѣмъ и другимъ собственно нечего было дѣлить между собою, такъ какъ, вслѣдствіе поднятія какихъ-нибудь правъ городскихъ сословій, дворянство, само по себѣ, нисколько не лишалось тѣхъ правъ и преимуществъ, какія были предоставлены ему граматой Екатерины II. Дворянство наше никогда, ни юридически,

ни фактически, не господствовало надъ городскимъ населеніемъ, которое всегда стояло отъ него особнякомъ, какъ отдѣльная группа, и между городами и дворянствомъ не бывало никогда враждебныхъ столкновеній. Совсѣмъ другое представляется въ этомъ отношеніи на Западѣ Европы. Тамъ города, еще съ XII вѣка, составляли упорную оппозицію феодальному дворянству, которое хотѣло господствовать нетолько надъ сельскимъ, но и надъ городскимъ населеніемъ. Тамъ между дворянами и горожанами велась постоянная борьба, и если западно-европейскіе муниципалитеты получали отъ верховной власти особыя права и преимущества, то обыкновенно это дѣлалось для того, чтобъ города, становясь на сторону верховной власти, поддерживали ее въ распряхъ съ непокорнымъ ей феодальнымъ дворянствомъ. Въ Верхней Италіи города скоро взяли верхъ надъ феодалами, а во Франціи, въ эпоху самой сильной дѣятельности генеральныхъ собраній, горожане были душой этихъ собраній, такъ что въ XIV вѣкѣ короли французскіе признали нужнымъ, вопреки политикѣ своихъ предшественниковъ, поддерживать дворянство противъ горожанъ. Потомъ эта система была опять измѣнена, и когда обѣ партіи изнемогли во взаимной борьбѣ, дѣло кончилось тѣмъ, что феодальное дворянство смирилось предъ королевскою властью, а города въ началѣ XVII вѣка были лишены своихъ муниципальныхъ правъ. Подобное явленіе, только съ результатами, менѣе благопріятными для короны, происходило и въ Англіи. Въ Германіи города, иногда съ оружіемъ въ рукахъ, враждовали съ могущественными феодалами и успѣвали достигать полной независимости.

Исторія наша не представляетъ подобныхъ фактовъ. У насъ, до утвержденія единодержавія, города возставали противъ князей, но не противъ феодальнаго дворянства, котораго въ Россіи вовсе и не было. На земскихъ соборахъ выборные отъ городовъ жаловались не на отягоще-

ніе ихъ высшимъ сословіемъ, но на суды и администрацію, доводящіе ихъ до разоренія, и на свою братью „сильниковъ“, угнетавшихъ своихъ согражданъ разными неправдами. Затѣмъ, никогда не проявлялось у насъ ни малѣйшей взаимной опозиціи городскихъ обывателей противъ дворянства, и весь разладъ между ними сводился къ мелочнымъ притязаніямъ дворянства на внѣшнія отличія и къ высокомѣрнымъ, впрочемъ, большею частью, смѣшнымъ, но никакъ не къ злобнымъ взглядамъ на различіе, какое должно быть между представителями дворянскаго и представителями городскихъ сословій. Забавно нѣсколько, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и довольно вѣрно, что едва-ли не самымъ крупнымъ общественнымъ фактомъ въ борьбѣ нашего дворянства съ горожанами слѣдуетъ признать упомянутый выше протестъ покойнаго г. Б., такъ какъ въ другихъ случаяхъ предубѣжденія и предразсудки дворянъ противъ горожанъ никогда не выражались офиціально и были собственно частнымъ, а не общественнымъ вопросомъ, ограничиваясь однимъ голубинымъ воркованіемъ да вороньимъ карканьемъ.

Понятно теперь, что русское правительство, на пути реформъ, клонившихся къ слiянiю въ сферѣ общественной дѣятельности дворянства съ городскими сословіями, не могло встрѣчать тѣхъ серьозныхъ препятствій, какія неминуемо встрѣчались въ феодальныхъ странахъ, гдѣ дворянство и горожане вели между собою ожесточонную борьбу и не изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ, а за политическое преобладаніе. Мы не ошибемся, если скажемъ, что въ прежнее время само русское правительство постоянно направляло свои дѣйствія къ тому, чтобъ какъ можно болѣе отдѣлить дворянство, въ качествѣ высшаго сословія, отъ городскихъ сословій, какъ низшихъ. Никто, конечно, не усомнится въ глубокомъ умѣ и въ чрезвычайномъ административномъ тактѣ Екатерины II, установившей окончательно сословную нашу организацію въ томъ видѣ, въ ка-

комъ она, главнымъ образомъ, существуетъ и донынѣ; а между тѣмъ, сама Екатерина, направляя дѣятельность городскихъ сословій на торговыя и промышленыя занятія, старалась отчуждать дворянство отъ этихъ занятій и поставить его особнякомъ отъ городскихъ обывателей. Руководствуясь этимъ, она въ своемъ „Наказѣ о составленіи новаго Уложенія" писала: „противно существу торговли, чтобъ дворянство оную въ самодержавномъ правленіи дѣлало, и противно существу самодержавнаго правленія, чтобъ въономъ дворянство торговлю производило". Такой взглядъ, въ главныхъ основаніяхъ, былъ проведенъ ею и въ „Городовомъ Положеніи" 1785 года; но какъ вмѣстѣ съ этимъ нельзя было отрѣшиться совершенно отъ мысли, что общественные интересы города не могутъ быть безусловно чужды и жителямъ его изъ другихъ сословій, кромѣ купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго, то и былъ придуманъ способъ соглашенія господствовавшихъ тогда сословныхъ понятій съ дѣйствительными потребностями. Вслѣдствіе этого, „Городовымъ Положеніемъ" Екатерины II было установлено два разряда городскихъ обывателей, и эта двойственность удержалась въ „Законахъ о состояніяхъ" до настоящаго времени. Такъ, по статьѣ 423-й (т. IX), подъ именемъ городскихъ обывателей *вообще* разумѣются: 1) всѣ тѣ, кои въ городѣ старожилы или родились, или поселились; 2) лица, имѣющія въ городѣ до́мы, или иное строеніе, или мѣсто, или землю; 3) записанные въ гильдіи или въ цехи; 4) тѣ, которые отправляли службу городскую, или записаны въ окладъ и по тому городу несутъ службу или тягость. Затѣмъ, по статьѣ 424-й, подъ именемъ городскихъ обывателей *особенно* разумѣются лица, причисляемыя закономъ „къ среднему роду людей". Въ этомъ смыслѣ къ состоянію городскихъ обывателей, подъ общимъ названіемъ гражданъ, по „Городовому Положенію" 1785 года, принадлежатъ: 1) гильдейское купечество,

мѣстное и иногородное; 2) мѣщане или посадскіе, 3) ремесленники или цеховые. Такимъ образомъ, по коренному закону, принадлежность лица къ сословію городскихъ обывателей *особенно* обусловливается давностью пребыванія, рожденіемъ и поселеніемъ въ городѣ, недвижимымъ имуществомъ разнаго рода, запиской въ гильдіи, цехи и окладъ и, наконецъ, службой по городскимъ выборамъ. Впослѣдствіи городскими обывателями особенно признаны были: рабочіе люди, почетные граждане, граждане въ городахъ губерній виленской, гродненской, минской, подольской, волынской, кіевской, ковенской, витебской и могилевской, переименованные въ это званіе изъ бывшей польской шляхты, и, наконецъ, вольные люди, приписанные къ нѣкоторымъ городамъ губерній виленской, гродненской, минской, подольской, волынской, кіевской и ковенской, а равно и прибалтійскихъ губерній. Лица всѣхъ упомянутыхъ выше званій причисляются, по словамъ закона, къ „среднему роду людей"; но что именно въ общей сословной нашей организаціи разумѣется подъ такимъ оригинальнымъ названіемъ — на это въ законѣ не встрѣчается никакихъ указаній. По всей вѣроятности, такое неопредѣленное названіе горожанъ было внесено въ „Городовое Положеніе" 1785 года совершенно случайно, какъ неудачный переводъ французскаго слова „tiers-état". Около того времени, среднее сословіе во Франціи, состоявшее изъ городскихъ обывателей, стало обнаруживать свое значеніе, а французскіе публицисты — поклонницей которыхъ была Екатерина II — твердили о дѣятельности этого сословія. Мы въ то время усердно подражали Франціи, и потому намъ нужно было имѣть хоть что-нибудь подобное тому, что подразумѣвалось во Франціи подъ словомъ „tiers-état", и въ соотвѣтствіе этому явился у насъ „средній родъ людей".

Въ концѣ XVIII вѣка, на Западѣ Европы, городское и сельское населеніе представляло какъ-бы двѣ противо-

положности: въ первомъ видѣли консервативные, во второмъ—прогресивно-либеральные и даже революціонные элементы. Само собою разумѣется, что у насъ ничего подобнаго не было, потому что Тамбовъ, Калуга, Саратовъ, Чухлома, Пошехонье и т. п. отличались несомнѣннымъ консерватизмомъ. Напротивъ, даже, если и не революціонные—въ точномъ значеніи этого слова—элементы, то все же элементы безпорядковъ, возстанія и бунта противъ существововавшихъ властей—таились, вслѣдствіе крѣпостнаго права и крайне плохой администраціи, въ массѣ сельскаго населенія. Частые взрывы въ народной массѣ, и, притомъ, въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какъ, напримѣръ, пугачовщина, служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ справедливости этого факта.

Видя, по укрощеніи дворянства, элементы отпора въ городскомъ населеніи, нѣкоторые изъ западно-европейскихъ государей старались остановить развитіе численности этого населенія отчасти прямыми, отчасти косвенными мѣрами, полагая, что имъ трудно будетъ управляться съ многолюдными городами. У насъ о такихъ соображеніяхъ, конечно, не могло быть и помину, и потому законодательство наше повсемѣстно открывало доступъ въ городское сословіе; но самое положеніе этого сословія, крайне неудовлетворительное экономическое положеніе городовъ и, наконецъ, обстановка тѣхъ сословій, изъ которыхъ могло бы образоваться постепенно городское населеніе въ *особенности*, задерживали приливъ постороннихъ лицъ въ составъ городскихъ обывателей.

Что касается различія между городскими обывателями *вообще* и между городскими обывателями *въ особенности*, то первые изъ нихъ, до изданія новаго „Городоваго Положенія“ хотя и причислялись къ составу городскаго общества по собственности ихъ или по жительству, но не считались дѣйствительными гражданами и, обладая соб-

ственностью въ городѣ, или имѣя въ немъ жительство, сохраняли, однакожъ, особое свое состоянiе и права, ему присвоенныя. Для того, чтобъ видѣть всю пестроту, существующую до днесь, въ сословiи или состоянiи нашихъ городскихъ обывателей. нужно обратить вниманiе на тѣ особенности, какiя представляются въ этомъ случаѣ. Такъ, въ Кронштадтѣ, цехъ вольныхъ матросовъ составляетъ особую часть городскаго сословiя. Граждане въ западныхъ губернiяхъ составляютъ также особое сословiе и къ городскому обществу причисляются только въ томъ случаѣ, когда ихъ число малозначительно. Особый разрядъ город скихъ обывателей представляютъ упомянутые выше рабочiе люди. Рабочими людьми называются приписанные къ городамъ, съ положенiемъ въ мѣщанскiй окладъ. изъ неспособныхъ къ военной службѣ заграничныхъ выходцовъ, которыхъ общества имѣть у себя не пожалаютъ. Сверхъ того къ рабочимъ людямъ причисляются: питомцы воспитательнаго дома, дѣти законнаго происхожденiя, воспитывавшiяся въ сиротскихъ домахъ приказовъ общественнаго призрѣнiя, незаконнорожденные женками и дѣвками, которые не приписаны ни къ какому податному состоянiю, прежнiе вольно-отпущенные и выморочные дворовые люди, иновѣрцы, принявшiе христiанскую вѣру, и нѣкоторые другiе, приписываемые въ рабочiе люди за пороки и за неисправный платежъ податей и другихъ сборовъ. Во всѣхъ нашихъ городахъ самымъ многочисленнымъ классомъ городскихъ обывателей оказываются мѣщане, которые всѣ полагаются въ одной степени, независимо отъ того, производятъ ли они предоставленный имъ торгъ, или занимаются другимъ промысломъ. Подъ цеховыми разумѣются мастера, подмастерья и ученики, записавшiеся въ цехъ для производства своего ремесла: они раздѣляются на вѣчныхъ и временныхъ. Добавимъ ко всему этому, что въ „Городовомъ Положенiе“ 1785 года городскiе обыватели иногда

вообще называются мѣщанами; но позднѣйшимъ же узаконеніямъ, названіе мѣщанъ присвоено исключительно нижнему разряду городскихъ обывателей, во главѣ которыхъ поставлено купечество, считавшееся до послѣдняго времени первенствующимъ, или, вѣрнѣе сказать, единственнымъ представителемъ всего городского населенія.

Въ такомъ видѣ является организація сословія городскихъ обывателей, введенная въ 1785 году и впослѣдствіи измѣненная разновременными, отдѣльными узаконеніями, некасавшимися, впрочемъ, существенныхъ основаній ея первоначальнаго устройства. Наряду, однако, съ этимъ возникаетъ и новый порядокъ, нераспространяющійся, впрочемъ, еще на всѣ мѣстности имперіи. Высочайше утвержденное, 16-го (28-го) іюня 1870 года, „Городовое Положеніе“ произвело коренную перемѣну въ быломъ составѣ городскихъ обществъ, отмѣнивъ прежнее раздѣленіе городскихъ обывателей на обывателей вообще и на обывателей въ частности, и уничтоживъ невѣдомый никому на практикѣ, но прежде юридически-признанный „средній родъ людей“. По новому „Городовому Положенію“, всѣ городскіе жители, къ какому бы состоянію они ни принадлежали, входятъ въ составъ городского общества. Участіе же ихъ въ общественныхъ дѣлахъ города опредѣляется особыми правилами, причомъ, какъ извѣстно, помимо всякаго вопроса о сословности, принятъ въ соображеніе имущественный цензъ, равно какъ торговыя и промышленныя занятія городскихъ обывателей. Въ виду совершившагося преобразованія по организаціи городскихъ обществъ, можно сказать, что въ тѣхъ городахъ, гдѣ вводится новое „Городовое Положеніе“, разрушается прежняя организація городского сословія, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималась она прежде дѣйствующимъ законодательствомъ. Должно даже спросить, существуетъ ли тамъ, гдѣ дѣйствуетъ уже новый порядокъ, особое сословіе городскихъ обывателей? На этотъ

вопросъ, какъ мы полагаемъ, приходится отвѣчать отрицательно, такъ какъ, съ введеніемъ въ дѣйствіе „Городового Положенія", городскіе обыватели, въ отношеніи къ городу какъ къ юридической единицѣ, становятся всѣ безразлично, какъ горожане, въ одинаковое положеніе и по правамъ своимъ, и по своимъ обязанностямъ. Между тѣмъ, права и обязанности служатъ именно единственными признаками при отличіи одного сословія отъ другого. При общемъ равенствѣ всѣхъ жителей города, какъ городскихъ обывателей, въ то же время, каждый изъ нихъ сохраняетъ права своего сословія. Итакъ, если признать городскихъ обывателей какимъ-то особымъ самостоятельнымъ сословіемъ, то окажется, что каждый изъ нихъ принадлежитъ одновременно къ двумъ различнымъ сословіямъ: вопервыхъ, къ сословію городскихъ обывателей, и, вовторыхъ, къ тому сословію, къ которому онъ причисленъ или по рожденію, или по личному своему положенію. Поэтому, городскихъ обывателей, въ общей ихъ совокупности, нельзя уже считать теперь, какъ прежде, особымъ сословіемъ. Городское населеніе, при дѣйствіи новаго „Положенія", получаетъ уже значеніе не отдѣльнаго сословія, но только представляетъ собою то же самое, что и земство, т. е. сліяніе всѣхъ сословій, призванныхъ на одинаковыхъ правахъ къ участію въ общественномъ самоуправленіи въ тѣхъ предѣлахъ, какіе установлены закономъ.

Такъ какъ вопросъ о введеніе новаго „Городового Положенія", не заключонъ еще окончательно въ юридическомъ отношеніи и такъ какъ по этому дѣлу предстоятъ еще нетолько кодификаціонныя, но и законодательныя работы, то по всей вѣроятности, работъ второго рода придется немало на долю тѣхъ статей, которыя, въ IX томѣ „Свода Законовъ", относятся теперь къ „разнымъ родамъ состоянія городскихъ обывателей". Съ нашей точки зрѣнія, съ введеніемъ въ дѣйствіе „Городового Положенія" 1870

года, не можетъ уже существовать особаго сословія городскихъ обывателей, потому что городское населеніе, по отношенію къ городу, организуется на тѣхъ же самыхъ началахъ, на какихъ организовано и сельское въ отношеніи къ земскимъ учрежденіямъ, такъ что, допуская существованіе особаго городскаго сословія, необходимо допустить и существованіе какого-то особаго уѣзднаго сословія въ видѣ земства.

Если экономическое положеніе сельскаго населенія въ Россіи не достигло еще удовлетворительной степени благосостоянія, то все же оно гораздо лучше того положенія, въ какомъ находится самый многочисленный классъ городскаго населенія—мѣщанство. Если посредствомъ надѣла крестьянамъ земли предвидится возможность предотвратить у насъ возникновеніе сельскаго пролетаріата, то въ отношеніи мѣщанства не можетъ быть принято подобной мѣры, и оно теперь уже представляетъ собою весьма замѣтный пролетаріатъ или, употребляя соотвѣтствующее этому русское слово, просто голь, перебивающуюся со дня на день въ добываніи самыхъ необходимыхъ средствъ къ жизни. Нельзя не замѣтить, что у насъ, и въ печати, и въ общественномъ мнѣніи, и, наконецъ, даже въ самыхъ правительственныхъ сферахъ, проявляется несравненно болѣе заботы объ экономическомъ и юридическомъ устройствѣ сельскаго, нежели городскаго населенія, представляемаго, главнымъ образомъ, массой бѣднаго и безпомощнаго мѣщанства. По нашему мнѣнію, это объясняется тѣмъ, что положеніе большинства крестьянскаго населенія, подъ гнетомъ крѣпостнаго права, вызвало первоначально къ нему сильное и вполнѣ справедливое сочувствіе, которое потомъ, какъ бы по привычкѣ, остается и теперь на его сторонѣ. Между тѣмъ, если вникнуть въ сущность дѣла, нельзя не убѣдиться, что положеніе мѣщанина едва ли не тягостнѣе нынѣшняго положенія нашего крестьянина.

Не только недостатокъ, но безъисходная бѣдность составляютъ отличительную черту мѣщанскаго быта, а сословныя права мѣщанства нисколько не обширнѣе правъ, предоставленныхъ крестьянству. Правда, что можно указать на нѣкоторые города, гдѣ мѣщанство, что называется, живетъ припѣваючи, но такія явленія составляютъ только исключеніе, да, притомъ, и видимость бываетъ очень часто обманчива. Дѣлая такіе отзывы о положеніи мѣщанства, мы исключаемъ изъ состава его евреевъ, такъ какъ они хотя и считаются, по закону, мѣщанами и составляютъ среди нихъ весьма почтенную цифру, но, въ то же время, признаются какъ бы особымъ сословіемъ. Мы говоримъ только о томъ мѣщанствѣ, на которое распространяются общія относительно этого сословія узаконенія.

Если въ составѣ городскаго населенія другія сословія, какъ-то: почотные граждане, купцы и ремесленники, образовались юридическимъ способомъ, вслѣдствіе учрежденія особаго званія, гильдій и цеховъ, то мѣщанство представляется такимъ сплошнымъ самородкомъ городскаго населенія, которому только впослѣдствіи было придано извѣстное сословное значеніе, такъ что оно фактически успѣло сложиться прежде, нежели получило опредѣленную юридическую организацію. Мѣщане — это старинные посадскіе, которые не имѣли никакихъ сословныхъ отличій, и къ которымъ могъ безразлично причисляться каждый, поселяющійся въ какомъ-нибудь городѣ. Петръ Великій, организуя сословія, не установилъ собственно мѣщанскаго званія, но только повелѣлъ, 16-го января 1721 года, за исключеніемъ жителей, принадлежащихъ уже къ другимъ сословіямъ, дворянству, чиновничеству, духовенству и иностранцамъ, образовать изъ всѣхъ прочихъ городскихъ жителей одно городское или гражданское сословіе съ подраздѣленіемъ его на двѣ гильдіи. Къ первой были причислены банкиры, знатные купцы, которые имѣютъ

отъѣзжіе большіе торги, и которые разными товарами въ рядахъ торговали, городскіе доктора, аптекари, лекари, шкиперы купеческихъ кораблей, золотари, серебряники, иконники и живописцы. Ко второй гильдіи причислены торговавшіе мелочными товарами и харчевыми припасами, также ремесленники (рукомесленные), какъ-то: рѣзчики, токари, столяры, портные, сапожники и имъ подобные. „Прочіе же—какъ сказано въ уставѣ—всѣ подлые люди, обрѣтающіеся въ наймахъ и чорныхъ работахъ, нигдѣ между знатными и регулярными гражданами не обрѣтаются“. Такимъ образомъ, главная масса городскаго населенія не была признана гражданами. Право на такое признаніе получили только лица, занимавшіяся или торговлей, или нѣкоторыми опредѣленными промыслами. Подобное юридическое уничтоженіе упомянутой массы во времена Петра-Великаго было вполнѣ понятно: онъ заимствовалъ свои учрежденія изъ государствъ Западной Европы, гдѣ тогда въ сильной степени господствовали цехи и корпораціи. Вслѣдствіе этого, изъ состава городского населенія выдѣлилось купечество, которое значительно умножилось съ учрежденіемъ, въ 1785 году, третьей гильдіи, а съ устройствомъ, въ томъ же году, цеховъ образовалось въ городахъ особое сословіе вѣчныхъ и временныхъ цеховыхъ. Въ это же время явились и мѣщане, подъ которыми, однако, въ „Городовомъ Положеніи“ подразумѣваются иногда всѣ вообще городскіе обыватели (ст. 80—91-й), и только позднѣйшими узаконеніями названіе мѣщанъ было присвоено исключительно нижнему разряду городскихъ обывателей, причомъ мѣщане полагаются всѣ въ одной степени, независимо отъ того, производятъ ли они предоставленный имъ торгъ, или занимаются другимъ промысломъ. Въ мѣщанское сословіе могутъ вступать всѣ вообще лица, имѣющія право или обязанность избирать родъ жизни, а перечисленіе крестьянъ въ это сословіе

производится: 1) цѣлыми селеніями, 2) цѣлыми семействами, 3) частью семейства и 4) однимъ или нѣсколькими членами женскаго пола. Изъ всѣхъ этихъ способовъ заслуживаетъ особаго вниманія первый, т. е. перечисленіе цѣлыми селеніями изъ крестьянъ въ мѣщане. Оно имѣетъ мѣсто, когда по усиленію въ какомъ-нибудь селеніи промышленности до такой степени, что способы содержанія обывателей зависитъ болѣе отъ промысловъ, чѣмъ отъ земледѣлія, селеніе будетъ обращено въ городъ, порядкомъ, изложеннымъ въ „Общемъ Губернскомъ Учрежденіи". Правило это было постановлено 30-го апрѣля 1839 года. Между тѣмъ, еще до изданія его, особенно же при учрежденіи губерній въ 1775 году, а потомъ и при разныхъ административно-територіальныхъ ихъ измѣненіяхъ, нерѣдко обращались въ города, единственно въ видахъ административныхъ, и такія селенія, въ которыхъ занятія жителей ограничивались исключительно земледѣліемъ, безъ всякихъ даже задатковъ для развитія среди ихъ какой-нибудь промышленной дѣятельности. Понятно, что жители такихъ вновь учрежденныхъ городовъ оставались, въ сущности, тѣми же крестьянами, какими они были прежде, и потребности и формы городскаго управленія оказывались для нихъ не привилегіей, но стѣсненіемъ. Хотя для мѣщанъ такихъ городовъ хлѣбопашество и составляло, попрежнему, необходимое и единственное средство къ существованію, но недостатокъ земли стѣснялъ ихъ въ сельскихъ занятіяхъ, и вотъ почему значительная масса нашего мѣщанства представляетъ, въ сущности, не промышленныхъ горожанъ, а обезземеленныхъ крестьянъ, т. е. оказывается такимъ классомъ населенія, въ которомъ нужда и бѣдность бываютъ всегда главными чертами экономическаго быта.

Во всей Западной Европѣ историческое развитіе городовъ весьма замѣтно разнилось отъ того положенія, въ какомъ находились мѣста, остававшіяся на степени сель-

скихъ поселеній. Существенная разница между городами и поселеніями этого рода состояла въ томъ, что города пользовались правомъ самоуправленія, различными привилегіями и правами. Не восходя къ сѣдой древности, историческіе факты которой имѣютъ теперь скорѣе археологическое, нежели практическое значеніе, стоитъ вспомнить только тѣ главныя условія, въ которыя были поставлены предки нашего русскаго мѣщанства, въ болѣе близкіе къ намъ эпохи. Еще Иванъ Грозный, въ отпоръ боярству, хотѣлъ дать городамъ самоуправленіе; но мысль его не осуществилась, и къ концу XVII-го столѣтія горожане находились подъ полною властью намѣстниковъ и воеводъ. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Петра-Великаго было освобожденіе городскихъ жителей отъ притѣсненія воеводъ, такъ какъ городамъ даны были органы мѣстнаго самоуправленія — ратуши и магистраты. Но новые порядки застали горожанъ врасплохъ и казались имъ тягостью; богатые тѣснили бѣдныхъ и заставляли даже жалѣть о воеводахъ. Самоуправители, какъ говорится въ современныхъ актахъ, „пользуя себя, налагаютъ пожиточные на убогихъ платежи тяжки безъ всякой скудости ихъ торговыхъ промысловъ разсмотрѣнія; въ иныхъ же городахъ предлагаютъ они пожиточные въ новое убогимъ же тягчайшее уравненіе, именно: составя имущество пожитковъ, равняютъ въ ровныя съ собою подати числомъ дворовымъ. Многіе изъ числа убогихъ вышли въ стороны городовъ“. Вмѣстѣ съ этимъ, горожане не были избавлены и отъ административнаго произвола, и пребывавшія въ городахъ или случайно пріѣзжавшія туда власти нерѣдко били „смертнымъ боемъ“ неугодившихъ и неполюбившихся имъ горожанъ. До какой степени доходили непорядки по управленію городами, можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что воевода Апраксинъ, въ 1711 году, оставилъ, вмѣсто себя, въ Казани четырехлѣтняго сына своего, Алексѣя, и, по малолѣтству его, опредѣлилъ

къ нему своихъ старыхъ слугъ, которымъ предоставилъ именемъ Алексѣя „рѣшать всякія дѣла“. Указъ свой приказалъ онъ прочесть въ собраніи казанскихъ горожанъ, а когда вернулся въ Казань изъ Царицына, то благодарилъ, при множествѣ людей, своего сына „замудрые его поступки“. Подъ вліяніемъ сходныхъ или однородныхъ съ этимъ порядковъ установлялось гражданское бытіе нашего мѣщанства, которое, вдобавокъ къ этому признавалось, какъ мы видѣли, и по закону, какимъ-то иррегулярнымъ гражданствомъ. Даже съ введеніемъ, въ 1785 году, „Городового Положенія“ мѣщанство не получило окончательно правильной организаціи, такъ какъ подъ этимъ именемъ подразумѣвалось то отдѣльное, только низшее сословіе горожанъ, то всѣ вообще городскіе обыватели, раздѣленные уже на гильдіи и цехи. Вслѣдствіе этого, въ той части „Свода Законовъ о состояніяхъ“ (томъ IX-й), въ которой опредѣляется значеніе мѣщанства, встрѣчаются только три, и, притомъ несамостоятельныя, ссылки на „Городовое Положеніе“ Екатерины II-й, хотя этотъ законодательный актъ и долженъ былъ бы считаться краеугольнымъ камнемъ всей организаціи городского сословія. Это происходитъ оттого, что юридическое значеніе мѣщанства опредѣлилось съ должною точностью только въ позднѣйшее время, преимущественно же въ царствованіе императора Николая I-го, а между тѣмъ, оно, въ сущности, было исконнымъ и, притомъ, въ теченіи долгаго времени единственнымъ городскимъ сословіемъ. Клонились ли издававшіяся у насъ узаконенія въ пользу мѣщанскаго сословія — это особый вопросъ, но главное въ томъ, что у насъ вообще на это многочисленное сословіе не обращалось должнаго вниманія, и оно какъ будто было забыто за выдѣломъ изъ него купечества и ремесленниковъ. Положительно можно сказать, что, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ по тѣмъ городамъ, которымъ хотѣли придать какое-нибудь

торговое или даже стратегическое значеніе, мы не встрѣчаемъ въ законодательствѣ нашемъ никакихъ актовъ, которые бы упоминали о мѣщанствѣ, не говоря уже о такихъ, которые клонились бы къ расширенію правъ мѣщанства противъ того, что было предоставлено этому сословію въ 1785 году. Только нѣкоторыя послѣднія реформы подвысили косвеннымъ образомъ мѣщанство, но, тѣмъ не менѣе, оно и нынѣ является такимъ сословіемъ, котораго обстановка крайне неблагопріятна.

Мѣщанство, какъ и крестьянство, было названо податнымъ сословіемъ, и, въ силу этого, оно считается сословіемъ низшимъ. По стародавней привычкѣ, въ этомъ не видится ничего страннаго; но если поглубже вникнуть въ смыслъ такой классификаціи сословій, то представится чрезвычайная несообразность, именно: та часть населенія, которая изъ своихъ, сравнительно очень скудныхъ, средствъ даетъ прямо отъ себя денежные способы на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ, находится, вслѣдствіе этого, въ приниженномъ положеніи передъ остальною частью. Принадлежать къ податнымъ сословіямъ, т. е. къ сословіямъ, несущимъ непосредственно на себѣ главную финансовую тягость государства, считается у насъ не почотомъ, а напротивъ, какимъ-то униженіемъ. Если въ прежнее время такая несообразность оставалась какъ будто незамѣченною, то въ настоящее она слишкомъ рѣзко бросается въ глаза. Теперь пользованіе многими правами, напримѣръ, участіе въ дѣлахъ городскихъ и земскихъ, выборы въ мировые судьи—обусловливается имущественнымъ цензомъ. Хотя при этомъ имѣется прежде всего въ виду, что крупные собственники представляютъ консервативный, слѣдовательно, болѣе благонадежный элементъ, но всетаки, какъ по новому „Городовому Положенію“, такъ и по „Положенію о земскихъ учрежденіяхъ“, принимается въ соображеніе и тотъ размѣръ налоговъ, которые падаютъ на лица, пользующіяся

правомъ городского или земскаго представительства. Между тѣмъ, подобное начало не примѣняется въ общихъ чертахъ къ податнымъ сословіямъ, на которыя преимущественно ложатся всѣ государственныя тягости, какъ деньгами, такъ и натурою...

Любопытно взглянуть, какъ постепенно возростала подушная подать, наложенная на мѣщанъ. Въ 1726 году мѣщане платили по 80 к. съ души; къ 1794 году подушная съ нихъ подать достигла 2 руб., въ 1810 году до 5 руб., а въ 1812 году къ окладу мѣщанъ, въ видѣ временной мѣры, было прибавлено 3 рубля на душу. Къ этому, въ 1818 году было прибавлено еще по 30 копеекъ на устройство путей сообщенія. Переложенная въ 1839 году на серебро, подушная подать съ мѣщанъ составляла по 2 р. 30 к. съ души. Въ 1861 году увеличена до 2 р. 50., а въ 1862 году былъ назначенъ временной дополнительный сборъ, въ средней сложности по 25 копеекъ съ души. Но въ 1863 году подушная подать съ мѣщанъ, равно какъ и сборы, платимые взамѣнъ ея, были отмѣнены, а введенъ особый налогъ на недвижимыя имущества въ городахъ, мѣстечкахъ и посадахъ. Такимъ образомъ, въ отношеніи подушной подати, мѣщанство перестало быть тѣмъ особымъ податнымъ сословіемъ, какимъ оно было прежде. Сверхъ того, мѣщане несли и несутъ рекрутскую повинность, къ чему добавляются разныя денежныя складки по опредѣленіямъ обществъ. Вообще подати, лежащія на мѣщанскомъ сословіи, до того обременительны, что по многимъ городамъ онѣ оказываются безнадежными ко взысканію. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, экономическое положеніе мѣщанъ представляется въ слишкомъ неутѣшительномъ видѣ. По закону, они были всегда людьми лично-свободными, но на дѣлѣ до такой степени оставались и остаются закрѣпленными къ обществу, что нетолько окончательный выходъ изъ него, но и временныя отлучки для

*

заработковъ составляютъ всегда чрезвычайное затрудненіе. Притомъ же, дѣятельность мѣщанскихъ обществъ, по отношенію къ ихъ членамъ, проявлялась всегда не въ облегчительныхъ, но въ обременительныхъ способахъ. Впрочемъ, это и не могло быть иначе. Ни по закону, ни на практикѣ мѣщанское общество не могло, какъ слѣдуетъ, отстаивать своихъ интересовъ, а прямое вмѣшательство въ дѣла его даже низшей администраціи, какъ, напримѣръ, полицеймейстера или городничаго, нерѣдко служило единственнымъ основаніемъ для постановленія общественныхъ приговоровъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ само общество вовсе не желало.

Права мѣщанъ, какъ части городского сословія, состоятъ, со времени перваго „Городового Положенія", въ томъ, что они безъ суда не могутъ быть лишаемы принадлежащихъ имъ по состоянію правъ и преимуществъ, что во взаимныхъ между собою искахъ и въ уголовныхъ преступленіяхъ они судятся въ первыхъ двухъ степеняхъ судомъ, который составляется, между прочими, изъ лицъ, къ тому же состоянію принадлежащихъ, и, наконецъ, въ томъ, что за личныя оскорбленія, нанесенныя мѣщанину, виновные, по требованію обиженнаго, подвергаются взысканію безчестія по правиламъ, постановленнымъ въ „законахъ гражданскихъ". Вотъ всѣ лично-юридическія права, которыми мѣщане сперва пользовались всюду и которыми они пользуются и донынѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не введены еще „Судебные Уставы" 1864 года. Понятно, однако, что узаконеніе о нелишеніи мѣщанина безъ суда правъ и преимуществъ не можетъ считаться сословною привилегіей, потому что такое право должно быть безусловнымъ правомъ каждой юридической личности. Право мѣщанъ, при старомъ судебномъ порядкѣ, имѣть въ числѣ судей представителей своего сословія, на дѣлѣ было совершенно безполезно, а нынѣ, при отмѣнѣ сословныхъ су-

довъ, и это право уничтожается вовсе, точно такъ же, какъ уничтожается и особое постановленіе на случай обиды или оскорбленія, нанесеннаго мѣщанину. Въ порядкѣ государственныхъ повинностей и податей мѣщане занимали и занимаютъ низшую степень, а по имуществу и обязательствамъ пользуются правомъ имѣть въ своемъ владѣніи и пріобрѣтать всѣми дозволенными по закону способами: 1) дома и всякую другую недвижимую собственность въ городахъ, 2) дома и другія домашнія обзаведенія въ селеніяхъ и 3) ненаселенныя земли. Само собою разумѣется, что запрещеніе владѣть собственностью перваго рода было бы крайнею несообразностью, и потому подобное дозволеніе не могло никогда считаться, въ сущности, особымъ сословнымъ правомъ, безъ чего мѣщане должны были обратиться въ кочевниковъ, а города въ пустыри. Къ этому, впрочемъ, прибавлялось странное, нынѣ, однако, отмѣненное уже узаконеніе, въ силу котораго мѣщанинъ, владѣя въ столицѣ домомъ, оцѣненнымъ свыше семи тысячъ пятисотъ рублей, обязанъ былъ или записаться въ гильдію, или, въ случаѣ законнаго препятствія къ такой запискѣ, вносить ежегодно всѣ слѣдующія по третьей гильдіи повинности. Что же касается правъ мѣщанина на пріобрѣтеніе домовъ въ селеніяхъ и ненаселенныхъ земель, то при нынѣшнемъ устройствѣ сельскаго быта и это особенное право теряетъ свое исключительное значеніе. Такимъ образомъ, за отмѣной, прямо или косвенно, нѣкоторыхъ особыхъ узаконеній, касавшихся мѣщанства, какъ отдѣльнаго сословія, оно юридически прекратило свое прежнее самобытное существованіе и слилось съ прочими городскими сословіями. Въ прежнемъ своемъ видѣ мѣщанство существуетъ только какъ запоздалая сословная группа въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не введена еще судебная реформа, гдѣ нѣтъ еще земскихъ учрежденій, и гдѣ не вступило еще въ силу новое „Городовое Положеніе". Но само собою разумѣется, что та-

кое уклоненіе отъ новаго порядка, который долженъ сдѣлаться повсемѣстнымъ, не можетъ быть принимаемо въ соображеніе при опредѣленіи настоящаго значенія мѣщанства вообще. Затѣмъ, съ того времени, когда будетъ введена у насъ общая воинская повинность, существованіе мѣщанства въ видѣ отдѣльнаго сословія будетъ ничего незначащею формой, конечно, въ такомъ только случаѣ, если при предполагаемомъ преобразованіи не будутъ положены въ основаніе какія-нибудь сословныя различія. Это представляется, впрочемъ, весьма сомнительнымъ, судя по тому направленію, какое приняло въ настоящее время наше законодательство, и о которомъ мы уже имѣли случай говорить, опредѣляя то значеніе, какое нынѣ получаетъ у насъ то или другое сословіе.

Говоря о будощности мѣщанства, какъ особаго сословія, мы должны, однако, напомнить, что новое „Городовое Положеніе", сливая всѣ классы городского населенія въ одно городское общество, тѣмъ не менѣе признаетъ отдѣльное существованіе мѣщанскаго общества, какъ общества сословнаго. Такъ, оно является самостоятельно при избраніи членовъ сиротскихъ судовъ, по причисленію лицъ къ мѣщанскому сословію и по выдачѣ паспортовъ своимъ членамъ. Наконецъ, вообще новое „Городовое Положеніе" допускаетъ существованіе мѣщанской управы для завѣдыванія дѣлами мѣщанскаго общества. Если вникнуть во все это, то придется признать, что подобное отдѣльное существованіе мѣщанства допускается только, какъ временная мѣра. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ недалекомъ будущемъ совершится преобразованіе сиротскихъ судовъ и нашей паспортной системы на такихъ основаніяхъ, которыя чужды будутъ сословныхъ различій, причомъ выдача паспортовъ будетъ имѣть значеніе только общей охранительной мѣры. Точно также и причисленіе къ составу городскихъ обывателей по сословіямъ, а не вообще, окажется

совершенно излишнимъ, какъ при упомянутыхъ преобразованіяхъ, такъ особенно при устройствѣ податей и повинностей на новыхъ началахъ.

Сословіе почотныхъ граждан существуетъ у насъ съ 10-го апрѣля 1832 года, и мы видѣли, что сословіе это было учреждено съ цѣлью положить основу среднему классу городского населенія, который, въ направленіи своей дѣятельности, былъ бы поставленъ въ независимость отъ городскихъ обществъ и представители котораго, какъ люди, достигнувшіе извѣстной степени образованія, не встрѣчали бы необходимости причисляться къ податнымъ сословіямъ. Въ виду этого, почотнымъ гражданамъ были предоставлены преимущества, независимыя отъ правъ торговли, которыя пріобрѣтаются записываніемъ въ гильдіи со взятіемъ торговыхъ свидѣтельствъ. Преимущества эти были: 1) свобода отъ подушнаго оклада; 2) свобода отъ рекрутской повинности и 3) свобода отъ тѣлеснаго наказанія, какъ по гражданскому, такъ и по военному суду, въ случаѣ преступленія. Далѣе, почотнымъ гражданамъ предоставлялось право участвовать въ выборахъ по недвижимой городской собственности и быть избранными въ городскія общественныя должности не ниже тѣхъ, въ которыя поступали купцы двухъ первыхъ гильдій. Въ статьяхъ о значеніи существующихъ у насъ сословій, мы высказали мысль, что современное законодательство, не отмѣняя прямо правъ, дарованныхъ въ прежнее время тому или другому сословію отдѣльно, въ сущности, уничтожаетъ старыя между ними отличія. Такому направленію законодательства нельзя не сочувствовать потому, что у насъ является все болѣе и болѣе лицъ, достигающихъ, въ предѣлахъ общаго государственнаго строя, гражданской равноправности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если нѣкоторыя сословія и теряютъ свои исключительныя, обвѣтшалыя привилегіи, то, взамѣнъ ихъ, вслѣдствіе существованія зем-

скихъ учрежденій и введенія новаго „Городового Положенія“, открываются новые, болѣе широкіе пути къ общественной дѣятельности. Примѣняя эту мысль къ сословію почетныхъ гражданъ, мы видимъ, что, съ осуществленіемъ предположеній о всесословной податной и воинской повинностяхъ, уничтожится предоставленная прежде почетнымъ гражданамъ свобода отъ подушной и рекрутской повинности, а съ отмѣной вообще по суду тѣлесныхъ наказаній потеряла свое значеніе и предоставленная имъ въ этомъ отношеніи привилегія. Наконецъ, подъ дѣйствіемъ новаго „Городового Положенія“ отмѣняется само собою особенное право почетныхъ гражданъ относительно городской общественной службы. Затѣмъ, изъ числа особенныхъ правъ, предоставленныхъ почетнымъ гражданамъ, сохранятся: 1) право именоваться во всѣхъ актахъ почетными гражданами съ присовокупленіемъ этого названія и къ поименованію гильдіи, если кто въ ней записанъ, и 2) право невнесенія въ ревизскія сказки, такъ какъ, вмѣсто того, городскія думы обязаны пока содержать списки почетнымъ гражданамъ и ихъ семействамъ и изъ этихъ списковъ, при ревизіи, доставлять въ ревизскія комисіи, для свѣдѣнія, вѣдомости о наличномъ числѣ почетныхъ гражданъ. Но такъ какъ, по всей вѣроятности, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, ревизскія переписи, основанныя Петромъ Великимъ съ фискальною цѣлью, должны будутъ получить совершенно иное значеніе, то и право почетныхъ гражданъ—не быть вносимыми въ ревизскія сказки, отмѣнится само собою. При такихъ условіяхъ, за почетными гражданами останется лишь право упомянутаго именованія, но очевидно, что существованіе только такого права недостаточно будетъ для того, чтобы почетные граждане составляли изъ себя, какъ теперь, отдѣльное сословіе. Если же они и останутся при сословной организаціи, то такая организація будетъ только

одною формой, лишенной всякаго внутренняго содержанія.

Въ сословіи почетныхъ гражданъ существуетъ еще особый разрядъ „почетныхъ гражданъ западныхъ губерній“. Въ этихъ губерніяхъ присвоено лично названіе почетныхъ гражданъ тѣмъ изъ городскихъ обывателей, которые, до манифеста 10-го апрѣля 1832 года, обращались въ какихъ-нибудь „ученыхъ“ занятіяхъ, какъ-то: художникамъ (именно живописцамъ, литографамъ, граверамъ, рѣзчикамъ на камняхъ и металлахъ, архитекторамъ и тому подобнымъ), а равно имѣвшимъ узаконенное свидѣтельство на адвокатское званіе. Почетнымъ гражданамъ западныхъ губерній была предоставлена личная свобода отъ подушнаго оклада, рекрутской повинности и тѣлеснаго наказанія, въ случаѣ преступленія, а также право участія въ городскихъ выборахъ. Безъ сомнѣнія, эти почетные граждане остаются теперь уже въ весьма немногихъ экземплярахъ, а въ скоромъ времени переведутся окончательно; дѣти же ихъ причислялись въ мѣщанство по мѣсту постояннаго ихъ пребыванія и облагались платежомъ податей по достиженіи ими совершеннолѣтія, т. е. двадцати одного года, если прежде того не поступали въ высшія сословія или въ такія учебныя заведенія, къ которыхъ, по окончаніи курса ученія, получали особыя преимущества, освобождавшія ихъ отъ обязанности приписываться въ податное состояніе. Такимъ образомъ, этотъ разрядъ почетныхъ гражданъ уничтожится самъ собою фактически безъ всякихъ особыхъ законодательныхъ мѣръ.

Независимо отъ всего этого, у насъ явился еще, въ послѣдніе годы, особый родъ почетныхъ гражданъ, избираемыхъ въ это званіе городскими обществами. Юридически такое званіе вовсе не существуетъ, и въ законахъ нѣтъ никакого указанія ни на тѣ права, ни на тотъ почетъ, какими могутъ пользоваться упомянутыя лица въ

городахъ, которые предоставили имъ такое званіе. Вообще, этого рода почотные граждане не составляютъ изъ себя особаго сословія и не причисляются къ тому почотному гражданству, какое было установлено указомъ 10-го апрѣля 1832 года. Они, если можно такъ выразиться, оказываются только почотно-почотными гражданами.

Надобно замѣтить, что, несмотря на сорокалѣтнее существованіе почотныхъ гражданъ, они, какъ отдѣльное сословіе, не заявили себя ничѣмъ. Это объясняется, впрочемъ, весьма просто, такъ какъ они не имѣли у себя никакого отдѣльнаго представительства, подобно дворянству, купечеству или мѣщанству, имѣвшимъ съ 1785 года свои сословныя собранія. Общихъ сословныхъ интересовъ у почотныхъ гражданъ никогда не было, а участіе тѣхъ изъ нихъ, которые не были записаны въ гильдіи, въ городскихъ общественныхъ дѣлахъ было совершенно ничтожно, потому что въ общей массѣ сословіе это не представляло значительнаго числа городскихъ собственниковъ, и, слѣдовательно, не могло пользоваться въ большихъ размѣрахъ тѣмъ правомъ, какое было предоставлено имъ относительно службы по городскимъ выборамъ.

Имѣя въ виду важность, какая была придана сословію почотныхъ гражданъ при самомъ его учрежденіи, и замѣчая, что предположенная при этомъ правительствомъ цѣль не была достигнута, нелишнимъ будетъ обратиться къ разсмотрѣнію причинъ такой неудачи. Причины этому, по нашему мнѣнію, лежали, главнымъ образомъ, въ самыхъ способахъ составленія означеннаго сословія. Къ потомственному почотному гражданству принадлежатъ по праву рожденія: 1) законныя дѣти личныхъ дворянъ; 2) дѣти чиновниковъ и духовныхъ лицъ не изъ дворянъ, но получившіе такіе ордена, которые предоставляютъ лицамъ, имѣющимъ ихъ, личное дворянство. Нетрудно, однако, догадаться, что дѣти личныхъ дворянъ и чиновниковъ, при

тѣхъ условіяхъ общественной и частной дѣятельности, какія представлялись въ прежнее время, старались, прежде всего, о томъ, чтобы вступить въ коронную службу и, такимъ образомъ, выдѣляясь изъ того сословія, къ которому принадлежали по рожденію, они сливались съ служилымъ классомъ. Что же касается дѣтей лицъ духовныхъ, имѣвшихъ право на потомственное почотное гражданство, то они или не пользовались этимъ званіемъ, оставаясь въ духовномъ вѣдомствѣ, или, выходя изъ него, избирали для себя служебную карьеру. Кромѣ лицъ означенныхъ двухъ категорій, преимущества почотнаго потомственнаго гражданства могутъ просить: 1) лица купеческаго сословія; 2) лица, отличившіяся въ наукахъ и художествахъ; 3) иностранные учоные, художники, торгующіе капиталисты и хозяева значительныхъ мануфактурныхъ и фабричныхъ заведеній; 4) артисты перваго разряда императорскихъ театровъ; 5) зайсанги изъ калмыковъ, обитающихъ въ губерніяхъ Астраханской и Ставропольской, неимѣющіе чиновъ, но владѣющіе наслѣдственными аймаками, 6) несостоящіе въ государственной службѣ сыновья лицъ, именовавшихся мензелинскою шляхтой, именно: оберофицеровъ военной службы и лицъ, достигшихъ по гражданской службѣ чина девятаго класса. Замѣчательно, что лицъ, подходящихъ подъ всѣ означенныя шесть категорій, было постоянно немного, и независимо отъ этого, самое полученіе ими правъ потомственнаго почотнаго гражданства обусловливается еще особыми, болѣе или менѣе затруднительными обстоятельствами. Такъ, въ купеческомъ сословіи почотное гражданство даруется потомственно: 1) купцамъ, пожалованнымъ въ званіе комерціи-или-мануфактуръ-совѣтниковъ; 2) вдовамъ ихъ и дѣтимъ, оставшимся въ состояніи городскихъ обывателей, независимо отъ того, въ одномъ ли семействѣ они числятся, или въ разныхъ, а также состоятъ ли они въ какой-нибудь гильдіи для

производства торговли, или не состоятъ—если только лица эти не подпадали торговой несостоятельности, не были опорочены судебнымъ приговоромъ и не были записаны въ такіе ремесленныя цехи, съ которыми, по закону, не сопряжена записка въ гильдіи; 3) купеческимъ семействамъ, каторыя, состоя съ платежемъ установленныхъ повинностей десять лѣтъ сряду въ первой или двадцать во второй гильдіи, удовлетворяютъ тѣмъ особымъ условіямъ, о которыхъ упомянуто въ предъидущемъ параграфѣ, и, наконецъ, 4) дѣтямъ купцовъ, жалуемыхъ гражданскими чинами не по порядку службы и, притомъ, неполучившихъ особенныхъ граматъ на потомственное дворянство.

Съ самаго учрежденія званія почотнаго гражданства, право на полученіе его потомственно давала извѣстная степень образованія. Этимъ преимуществомъ пользовались и пользуются получившіе степень доктора или магистра въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, а также воспитанники академіи художествъ, получившіе отъ нея дипломы на званіе художниковъ, и всѣ прочіе художники, когда, по мипованіи десяти лѣтъ съ полученія оныхъ, будетъ возбуждено ходатайство о пожалованіи имъ, за отличіе въ художествахъ, почотнаго потомственнаго гражданства. Спустя девять лѣтъ по изданіи манифеста объ учрежденіи званія почотныхъ гражданъ, право на полученіе этого званія потомственно было предоставлено артистамъ перваго разряда императорскихъ театровъ, какъ русскимъ подданнымъ, такъ и вступившимъ въ русское продданство иностранцамъ, по безпорочномъ и усердномъ прослуженіи при театрахъ не менѣе пятнадцати лѣтъ, считая этотъ срокъ для первыхъ со дня вступленія въ службу, а для вторыхъ со дня вступленія въ подданство.

Если, затѣмъ, сообразить сказанное нами о тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ долженъ былъ формироваться классъ потомственныхъ почотныхъ гражданъ, то окажется, что они не представляли слишкомъ благопріятныхъ условій для

его размноженія, а также для развитія въ немъ матерьяльнаго достатка и умственнаго образованія. Само собою разумѣется, что купечество первыхъ гильдій имѣло своихъ богатыхъ представителей среди потомственнаго почетнаго гражданства; но представители эти были не настолько многочисленны, чтобъ могли придавать отличительный характеръ цѣлому сословію, къ которому они принадлежали. Сверхъ того, по самому существу, гильдейскія ихъ права были важнѣе, нежели тѣ, которыя были сопряжены съ званіемъ почотнаго гражданства. Прочіе же представители этого сословія: учоные, артисты, художники, дѣти чиновниковъ, бывшихъ мензелинскихъ шляхтичей и т. д. были обыкновенно люди съ крайне-ограниченными матерьяльными средствами и потому не могли придавать предоставленному имъ званію того значенія, какое всегда придается въ общественномъ мнѣніи лицамъ, если непользующимся большимъ богатствомъ, то всетаки поставленнымъ въ независимое положеніе относительно матерьяльныхъ средствъ къ жизни. Сверхъ того, такъ какъ купечество наше—изъ котораго преимущественно составилось сословіе почотныхъ гражданъ—не отличалось никогда особеннымъ стремленіемъ къ научному образованію, и такъ какъ тѣ изъ почотныхъ гражданъ, которые получали извѣстную степень такого образованія, поступали обыкновенно въ государственную службу, то сословіе почотныхъ гражданъ и не имѣло среди себя такой интелигенціи, которая своимъ образованіемъ поддерживала бы его на видномъ мѣстѣ среди другихъ сословій. Всѣми этими обстоятельствами и объясняется, почему званіе, которому въ самомъ законѣ присвоено было названіе „почотнаго", не пользовалось и не пользуется въ обществѣ особымъ почотомъ. Если же полученіе его и было предметомъ желаній тѣхъ или другихъ личностей, то, главнымъ образомъ, потому, что оно освобождало потомство лицъ, получившихъ его, отъ по-

ступленія въ податныя сословія и отъ сопряженныхъ съ этимъ неудобствъ разнаго рода.

Что касается полученія личнаго почетнаго гражданства, то оно, сравнительно съ полученіемъ потомственнаго, было распространено на большее число лицъ. Въ статьѣ 577 т. IX находится шестнадцать параграфовъ, въ которыхъ перечисляются лица, имѣющія право просить о причисленіи ихъ въ почетное гражданство лично, безъ потомства, или которыя могутъ быть удостоиваемы этого званія безъ всякой о томъ просьбы, на основаніи особыхъ уставовъ и постановленій. Къ числу такихъ лицъ принадлежатъ: дѣйствительные студенты и кандидаты русскихъ университетовъ, художники, окончившіе курсъ въ академіи художествъ, кандидаты комерціи, воспитанники лазаревскаго института восточныхъ языковъ, воспитанники гимназій изъ дѣтей личныхъ почетныхъ гражданъ, купцовъ и мѣщанъ, удостоенные награды золотою или серебряною медалью и т. д. Но и лица, подходящія подъ эти разряды, представляютъ собою весьма слабый контингентъ для пополненія ими сословія почетныхъ гражданъ.

Права и преимущества какъ личныхъ, такъ и потомственныхъ почетныхъ гражданъ совершенно одинаковы за исключеніемъ только наслѣдственности этихъ правъ, что, впрочемъ видно и изъ самаго названія тѣхъ двухъ разрядовъ, на которые раздѣлены почетные граждане.

Однимъ изъ особыхъ сословныхъ правъ считалось у насъ всегда право на вступленіе въ государственную службу, и господствующею чертой нашего законодательства являются постоянно, съ одной стороны, облегченія по вступленію въ службу и по чинопроизводству дворянъ, а съ другой—ограниченія и стѣсненія прочихъ сословій. Въ отношеніи почотныхъ гражданъ, какъ средняго сословія, были приняты въ этомъ случаѣ среднія, какъ-бы двойственныя мѣры. Такъ, потомственные почетные граждане,

возведенные въ это званіе изъ купеческаго, буде не состояли въ первой гильдіи двѣнадцать лѣтъ или не получили по своему образованію права на классный чинъ, а равно и причисленные къ личному почетному гражданству сыновья лицъ, принадлежащихъ къ особымъ вѣдомствамъ, не могутъ поступать въ гражданскую службу. Хотя въ прежнее время постоянно издавались, а нынѣ только отчасти являются у насъ законы безъ объяснительныхъ записокъ, но все же смыслъ означеннаго законоположенія понятенъ, такъ какъ оно клонится къ тому, чтобъ удержать въ сословіи потомственнаго почетнаго гражданства, лицъ, принадлежащихъ къ этому сословію по рожденію. Приэтомъ имѣлось въ виду, говоря словами закона, что они изберутъ какое-нибудь полезное, закономъ дозволенное занятіе въ частномъ гражданскомъ быту. Сверхъ того, было составлено особое правило о тѣхъ изъ сыновей военныхъ офицеровъ и вообще чиновниковъ, получившихъ на службѣ личное почетное гражданство, которые, окончивъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ или получивъ домашнее образованіе, изберутъ, по достиженіи восьмнадцати лѣтъ, упомянутый родъ частныхъ занятій: лица эти не обязаны вступать въ военную службу, съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ о дѣйствительномъ вступленіи въ отправленіе частныхъ обязанностей представляемы были каждымъ изъ нихъ надлежащія удостовѣренія. Тотъ же изъ молодыхъ людей, который въ теченіи одного года не изберетъ никакого частнаго занятія или подъ предлогомъ его будетъ оставаться въ праздности, немедленно обращается на службу.

Мы привели, въ общемъ очеркѣ, законоположенія о почетныхъ гражданахъ съ тѣмъ, чтобы указать на намѣреніе правительства еще во времена императора Николая I-го составить такъ-называемый средній классъ, въ которомъ совмѣщались бы и матерьяльный достатокъ, и образованіе, и частная полезная дѣятельность, и который не находился

бы въ тягостной зависимости отъ городскихъ и сельскихъ сословныхъ обществъ. При этомъ надобно, однако, замѣтить, что, подъ вліяніемъ прежнихъ порядковъ, почотные граждане были причислены исключительно къ городскому сословію. Между тѣмъ, если въ настоящее время признавать необходимость или хоть только полезность существованія почотныхъ гражданъ въ видѣ особаго сословія, то сословіе это должно быть совершенно самостоятельно, безъ причисленія къ составу городскихъ обывателей. Вслѣдствіе переустройства сельскаго быта, у насъ непремѣнно должны будутъ возникнуть небольшія самостоятельныя сельскія хозяйства, и изъ среды ихъ владѣльцовъ можетъ быть, на основаніи особыхъ правилъ, пополняемо сословіе почотныхъ гражданъ. Оставлять же это сословіе, какъ особый отдѣлъ городскихъ обывателей, было бы, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, неосновательно, тѣмъ болѣе, что, какъ мы уже говорили однажды, у насъ со введеніемъ новаго „Городового Положенія" не можетъ собственно существовать сословіе городскихъ обывателей, такъ какъ каждый изъ нихъ, независимо отъ участія въ городскихъ дѣлахъ, пользуется исключительно правами того сословія, къ которому онъ принадлежитъ лично или по рожденію.

Вообще до введенія всесословной податной и воинской повинностей необходимо еще содѣйствовать законодательными мѣрами къ организаціи такъ-называемаго средняго класса, т. е. такого класса, образованные представители котораго не встрѣтили бы необходимости оставаться подъ особыми тягостями, обременяющими пока податныя сословія. Въ настоящее время у насъ несравненно болѣе, чѣмъ прежде, является лицъ, занимающихся свободными професіями, между тѣмъ, какъ весьма многіе изъ нихъ остаются или въ неопредѣленномъ сословномъ положеніи, или же находятся во вредной для ихъ дѣятельности зависимости отъ мѣщанскихъ и сельскихъ обществъ. Уже одно

добываніе паспортовъ весьма часто препятствуетъ правильному ходу тѣхъ занятій, которымъ посвящаютъ себя лица податныхъ сословій. Такое положеніе дѣлъ указываетъ, по нашему мнѣнію, на необходимость облегчить доступъ въ сословіе личныхъ почотныхъ гражданъ всѣмъ такимъ лицамъ, которыя проявляютъ свою полезную, хотя и скромную дѣятельность, въ торговлѣ, промышленности, сельскомъ хозяйствѣ, ремеслахъ и вообще разнаго рода частныхъ занятіяхъ, какъ, напримѣръ, на службѣ при желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ, типографіяхъ, купеческихъ конторахъ, биржахъ и т. д. Подобною мѣрою была бы облегчена участь множества добросовѣстныхъ и полезныхъ тружениковъ. Другое дѣло, когда будетъ измѣнена у насъ паспортная система, или когда будутъ введены всесословныя податная и воинская повинности: тогда и законодательныя мѣры по образованію средняго класса будутъ совершенно излишни. Въ ту пору всѣ русскіе подданные станутъ пользоваться одинаковою долей личной свободы и тогда у насъ образуется самъ собою средній классъ изъ тѣхъ элементовъ, которые уже подготовлены или еще подготовляются въ настоящее время.

При организаціи въ Россіи сословій служили, какъ мы уже видѣли, основаніемъ происхожденіе, служба, владѣніе недвижимымъ имуществомъ и личныя занятія. Въ силу этого, независимо отъ нѣкоторыхъ наслѣдственныхъ сословій, образовались еще такія отдѣльныя группы населенія, которыя должны были бы сдѣлаться собственно только корпораціями, а не самостоятельными сословіями. Между этими группами занимаетъ весьма видное мѣсто такъ-называемое ремесленное сословіе. Ремесленники считаются принадлежащими къ городскимъ обывателямъ и обыкновенно называются, какъ въ „Городовомъ Положеніи 1785 года" такъ и въ послѣдующихъ узаконеніяхъ, цеховыми, подъ которыми въ IX томѣ „Свода Законовъ" разумѣются ма-

стера, подмастерья и ученики, вписавшіеся въ цехъ для производства своего ремесла. Хотя, по издревле существующему у насъ обычаю, нѣкоторые виды ремеслъ производились артелями, но Петръ-Великій не воспользовался имъ для организаціи ремесленныхъ корпорацій на этихъ началахъ, а предпочолъ позаимствовать изъ Германіи устройство тамошнихъ цеховъ, и такъ какъ у насъ, въ XVIII а отчасти и въ нынѣшнемъ столѣтіи, существовала система закрѣпленій, приписокъ и закрѣпощеній, то и цеховое, собственно корпоративное только учрежденіе, обратилось въ сословное. Въ 1721 году Петръ-Великій приказалъ раздѣлить всѣхъ ремесленниковъ на цехи или цумфты съ тѣмъ, чтобъ въ каждый цехъ были записаны ремесленники, производящіе ремесло одного какого-нибудь вида. Каждый цехъ обязанъ былъ выбрать изъ своей среды старшину или альдермана для внутренняго управленія цехомъ, а высшую судебно - ремесленную инстанцію составилъ учрежденный Петромъ I главный магистратъ. Высшее же управленіе цехами сосредоточивалось въ городскомъ магистратѣ, такъ какъ каждый членъ цеха, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ былъ состоять и городскимъ обывателемъ 2-й гильдіи. Подчиняя ремесла особому надзору и платежу извѣстной повинности, Петръ I предоставилъ заниматься ремесленною промышленностью всѣмъ жителямъ, какъ изъ россійскихъ всякихъ чиновъ и изъ иноземцовъ завоеванныхъ городовъ, такъ и чужестраннымъ людямъ, вѣчно или временно. При этомъ, однако, всякій, желавшій „дѣлать художество" въ городѣ, обязанъ былъ явиться къ старшинѣ своего ремесла и записаться у него. Записывающійся долженъ быть подвергнуться испытанію, и „которые явятся достойными быть мастерами, тѣмъ—сказано въ указѣ—давать письма, что имъ быть мастерами". Вслѣдъ за этимъ указомъ было, однако, разъяснено, что и незаписанные въ

цехъ могутъ производить ремесло, но безъ права продажи своихъ издѣлій прямо отъ себя.

Въ такомъ видѣ существовало у насъ цеховое устройство, въ видѣ отдѣльныхъ корпорацій, впродолженіи слишкомъ шестидесяти лѣтъ, т. е. до изданія, въ 1785 году, „Ремесленнаго Положенія“. Въ этотъ промежутокъ времени ремесленники, раздѣленные на цехи или цумфты, не составляли одного ремесленнаго общества, но каждый цехъ управлялся отдѣльно своимъ старшиной или альдерманомъ. По новому же „Положенію“, ремесленники, удержавъ прежнее цеховое устройство, образовали изъ себя особое ремесленное цеховое сословіе и для завѣдыванія его дѣлами стали избирать въ каждомъ городѣ ремесленнаго голову. Для управленія же всѣмъ ремесленнымъ сословіемъ каждаго города были учреждены ремесленный сходъ и ремесленная управа. Участвовать въ управленіи дѣлами городского ремесленнаго общества могли, какъ и по закону 1721 года, только одни мастера; для завѣдыванія же дѣлами рабочихъ была открыта особая подмастерская управа. Павелъ I издалъ, въ 1799 году, „Цеховой уставъ“, подтверждавшій прежнее цеховое устройство, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сдѣлавшій различіе между ремесленною и фабричною промышленностью. Это различіе заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что оно вошло впослѣдствіи въ „Сводъ Законовъ“. Въ упомянутомъ „Уставѣ“ было, между прочимъ, сказано: 1) фабрика имѣетъ право дѣлать изъ своихъ матерьяловъ вещи, въ которыхъ матерьялъ многократно стоитъ дороже, нежели работа, чего ремесленнику не дозволяется; 2) фабрика имѣетъ право возить всюду вещи своего дѣла и торговать оными, а ремесленникъ только въ городѣ, гдѣ работаетъ; 3) фабрика можетъ выписывать нужныя ей матерьялы, а ремесленникамъ, кромѣ нѣкоторыхъ цеховъ, этого не дозволяется; 4) фабрика можетъ мѣнять свои дѣла и вещи на всѣ ма-

терьялы, для разныхъ мастерствъ ей нужныя, а ремесленники только для своего мастерства и въ маломъ количествѣ и, наконецъ, 5) фабрика имѣетъ огромныя заведенія и машины; ремесленники же, кромѣ ручныхъ машинъ и инструментовъ ничего другого имѣть не могутъ. Сверхъ того, по „Цеховому уставу“ всякому ремесленнику, незаписавшемуся въ гильдію, запрещалось обязываться работать вещи изъ своихъ матерьяловъ, когда матерьялы въ цѣнѣ вещей составляютъ больше $^2/_3$, исключая тѣхъ цеховъ, которымъ это было дозволено особо.

Неумѣстность подобной регламентаціи слишкомъ очевидна. При существованіи ея, не должны быть принимаемы въ соображеніе никакія техническія усовершенствованія, которыя могли бы замѣнить, при производствѣ нѣкоторыхъ ремеслъ, ручную или инструментную работу машинною. Цѣны на матерьялы не могутъ имѣть никакого значенія, такъ какъ отношенія ихъ къ цѣнности работы бываютъ неодинаковы, смотря по времени и по мѣстности. Точно также ремесленное производство не можетъ быть ограничиваемо техническими способами, потребными для обработки матерьяловъ, и мѣстомъ сбыта ремесленныхъ произведеній, или условіями ихъ обмѣна. Вообще такого рода правила, не истикающія вовсе изъ тѣхъ практическихъ условій, въ какія бываетъ поставлено то или другое ремесло, служатъ только стѣсненіемъ ремесленной промышленности и должны вызывать на каждомъ шагу уклоненія, ускользающія изъ-подъ дѣйствія закона. Ремесленная промышленность требуетъ сколь возможно большей свободы, но никакъ не узкой регламентація, и едва ли есть какое-нибудь основаніе дѣлать въ настоящее время различіе между промышленностью этого рода и промышленностью фабричною по употребляемымъ въ той или другой техническимъ пріемамъ и по цѣнности матерьяловъ. Извѣстно, что многія производства, которыя въ прежнее время могли относиться къ

разряду производствъ ремесленныхъ, рукодѣльныхъ, нынѣ какъ по ихъ обширности, такъ и по способамъ приготовленія издѣлій, стоятъ на ряду съ фабричными производствами. Наконецъ, если въ видахъ фискальныхъ или для лучшаго распредѣленія надзора, или наконецъ, только съ цѣлью болѣе систематической отчотности признавалось нужнымъ удержать прежде установленное раздѣленіе промышленности на ремесленную и фабричную, то и въ этомъ случаѣ слѣдовало бы принять другое основаніе. Такъ, было бы правильнѣе установить раздѣленіе заведеній, обработывающихъ различные матерьялы, на заведенія ремесленныя или фабричныя только сообразно съ размѣрами дѣйствующихъ въ нихъ механическихъ или рабочихъ силъ, т. е. признать ремесленными заведеніями такія, въ которыхъ машины не превышаютъ опредѣленнаго въ этомъ случаѣ числа лошадиныхъ силъ, а число рабочихъ не превышаетъ положеннаго числа для того, чтобъ ремесленное заведеніе не было признано фабричнымъ.

Въ настоящее время раздѣленіе промышленныхъ заведеній на фабрики и мастерскія весьма близко подходитъ къ послѣднему предположенію, такъ какъ въ новомъ „Положеніи о торговыхъ пошлинахъ“ въ основаніе къ такому раздѣленію приняты уже не машины, но количество рабочей силы, приводящей ихъ въ движеніе. Всѣ заведенія въ которыхъ работаютъ 17 или болѣе работниковъ, или гдѣ машины приводятся въ дѣйствіе водой или паромъ, считаются фабриками; при меньшемъ же числѣ рабочихъ силъ—ремесленными мастерскими, или, какъ сказано въ „Положеніи“, домашними фабричными заведеніями. Оказывается, однако, что при этомъ происходитъ смѣшеніе понятій. Такъ, напримѣръ, ручное производство сигаръ или папиросъ, только вслѣдствіе прибавки или убавки одного работника, можетъ считаться то мастерскою, то фабрикою. Поэтому, всего удобнѣе было бы не допускать вовсе сбив-

чивыхъ раздѣленій промышленныхъ заведеній на фабрики и домашнія фабричныя заведенія и только въ отношеніи слѣдующаго съ нихъ сбора принять въ основаніе тотъ разсчотъ, на который указано выше.

Ремесленники составляютъ у насъ до сихъ поръ особое сословіе, и мы видѣли, какія вообще основанія приняты были для распредѣленія населенія по сословіямъ. Изъ приведенныхъ же законоположеній собственно о ремесленной промышленности оказывается, что основаніемъ для раздѣленія на сословія принимаются нетолько главные виды занятій, но и нѣкоторыя еще особенныя, побочныя условія промысла, и что полученіе правъ на то или другое производство подчинено не экономическимъ потребностямъ, но сословнымъ подраздѣленіямъ. Такъ при нынѣ дѣйствующемъ „Ремесленномъ Уставѣ", купцы могутъ заниматься въ тѣхъ городахъ, къ которымъ они приписаны, разными ремеслами, не подвергаясь испытаніямъ, какъ мѣщане, крестьяне и иногородные ремесленники. Они не обязаны даже держать цеховаго мастера и могутъ производить всѣ издѣлія только посредствомъ работниковъ, но, въ то же время, подлежатъ всѣмъ цеховымъ сборамъ и по дѣламъ, касающимся ихъ ремесла, подвѣдомственны общему управленію и расправѣ наравнѣ со всѣми цеховыми. Такимъ образомъ, къ нимъ примѣняются только нѣкоторыя статьи „Ремесленнаго Устава", тогда какъ самыя важныя его статьи, которыя, какъ предполагается, должны всего болѣе содѣйствовать успѣшному развитію ремесленной промышленности, до нихъ вовсе не касаются. Купцы обязаны выдержать испытаніе на званіе мастера или содержать у себя цеховаго мастера только въ такомъ случаѣ, когда они пожелаютъ имѣть у себя учениковъ. Точно также и личнымъ дворянамъ дозволено было безъ испытанія и безъ записки въ гильдію имѣть въ городахъ для ремесленнаго производства такъ-называемыя домашнія

заведенія съ причисленіемъ ихъ къ цехамъ, смотря по роду заведенія.

Хотя ремесленная промышленность, какъ одна изъ самыхъ важныхъ производительныхъ силъ государства, должна была бы подчиняться ближайшему надзору со стороны такого вѣдомства, которому вообще предоставлено непосредственное наблюденіе за предметами торговли и промышленности, но она у насъ до сихъ еще поръ состоитъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Это объясняется тѣмъ, что у насъ пока смотрятъ на представителей ремесленныхъ классовъ не какъ на членовъ особой промышленной корпораціи, но какъ на особое сословіе, распорядки въ которомъ должны быть подчинены требованіямъ полицейскаго надзора, а не хозяйственно-экономическимъ соображеніямъ.

По мысли Петра-Великаго, учрежденіе цеховъ или цумфтовъ клонилось къ тому, чтобъ дать возможность къ „производству свободнаго и искуснаго рукодѣлія“. Онъ находилъ, что „купецкіе и ремесленные тяглые люди во всѣхъ городахъ обрѣтаются нетолько въ призрѣніи, но и паче отъ всякихъ обидъ, нападокъ и отягощеній несносныхъ едва ли не всѣ разорены, отъ чего оныхъ весьма умалилось“. Петръ, пріучавшій дѣйствовать своихъ подданныхъ, по выраженію его „кумпанствами“, находилъ, что, соединивъ ремесленниковъ въ корпорацію, онъ этимъ самымъ придастъ имъ силу, какъ рабочимъ союзамъ. Надежды его, однако, не сбылись подъ вліяніемъ многихъ другихъ обстоятельствъ, и вскорѣ организація нашихъ цеховъ представила то же самое, что представила и организація купечества, то-есть, ремесленныя корпораціи, въ общей ихъ совокупности, преобразились въ отдѣльное сословіе, въ которое начало поступать множество лицъ, рѣшавшихся заниматься ремесломъ только потому, что онѣ, въ силу закона, поставлены были въ необходимость избрать се-

бѣ какой-нибудь родъ жизни. Эти ремесленники не вносили въ тотъ кругъ, въ который они вступали поневолѣ, ни знаній, ни трудолюбія, и потому чаще всего были безполезнымъ бременемъ для своего сословія, а не приливающею въ него свѣжею силою. Самое положеніе ремесленнаго сословія было очень невыгодно: цеховые были признаны податнымъ, низшимъ сословіемъ, а потому къ составу ихъ не причислялись лица изъ другихъ, высшихъ сословій; отъ этого сословіе ремесленниковъ, какъ въ глазахъ властей, такъ и въ общественномъ мнѣніи, постоянно представлялось чѣмъ то приниженнымъ. Замѣчательно, что въ такое неблагопріятное положеніе были поставлены, да и теперь еще находятся въ немъ собственно природные русскіе, тогда какъ иностранные подданные, занимающіеся ремесленною промышленостью въ Россіи, образуютъ изъ себя особые цехи, которые, существуя только какъ корпоративныя, а не сословныя учрежденія, находятся въ условіяхъ, несравненно болѣе благопріятныхъ. Этимъ, между прочимъ, объясняется тотъ явный перевѣсъ, какой берутъ у насъ иностранные ремесленники надъ природными русскими. Русскихъ мастеровыхъ безпрестанно укоряютъ за ихъ апатію, лѣнь и разгулъ. Не принимая на себя безусловной защиты ихъ, мы не можемъ, однако, не указать и на различіе той обстановки, въ которой находится съ одной стороны русскій, а съ другой иностранный ремесленникъ. Русскій является лицомъ, закрѣпощеннымъ въ такое сословіе, на которое падаютъ повинности всею своею тягостью и гражданскія права котораго оставались всегда въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Другой же, иностранецъ, сохраняя свое иностранное подданство, нетолько пользуется всѣми правами русскаго ремесленника, но и имѣетъ еще нѣкоторую къ нимъ прибавку, не говоря уже о томъ, что, благодаря болѣе успѣшному развитію ремеслъ заграницей, иностранцы являются къ намъ съ такою тех-

ническою подготовкой, какая не всегда можетъ быть доступна даже самому способному и самому прилежному ремесленнику изъ русскихъ.

„Ремесленное Положеніе“ 1785 года, образовавшее окончательно изъ ремесленныхъ цеховъ особое сословіе, весьма вредно повліяло на развитіе нашей ремесленной промышленности. Въ это сословіе, какъ мы выше сказали, начали поступать люди, очень часто не приносившіе ремесленному дѣлу рѣшительно никакой пользы. Сверхъ того, при сліяніи всѣхъ цеховъ, представителями ихъ явились ремесленные головы, избираемые изъ среды всего ремесленнаго сословія, отдѣльныя группы котораго, и въ экономическомъ отношеніи, и въ отношеніи техники, не имѣли между собою ничего общаго. Такъ, по „Ремесленному Положенію“, къ цеховымъ были причислены извозчики, матросы, рыбаки и всѣ вообще работники, которые, конечно, не могли имѣть никакихъ общихъ интересовъ съ парикмахерами, кондитерами, часовыми мастерами и т. п. Между тѣмъ, всѣ они, какъ односословники, должны были являться представителями интересовъ всего ремесленнаго сословія. Понятно, что въ такомъ сословіи, гдѣ всѣ члены были связаны между собою только кое-какъ искуственными путами, не могло быть никакой солидарности, ни того единства интересовъ, какое бываетъ необходимо для успѣшнаго развитія каждой промышленной корпораціи. „Цеховой Уставъ“ 1799 года выдѣлилъ изъ общаго состава ремесленнаго сословія, по правамъ и управленію: а) служебные цехи, какъ-то: цехи дворецкихъ, ливрейныхъ слугъ, прачекъ, кучеровъ и т. п.; б) цехи рабочіе, какъ-то: штукатуровъ, плотниковъ, дрягилей, крючниковъ, огородниковъ, землекоповъ и т. п. и, наконецъ, в) цехи присяжныхъ браковщиковъ, приказчиковъ и лавочныхъ сидѣльцовъ. Но несмотря на это, и до сихъ поръ встрѣчается слишкомъ замѣтная разрозненность между цеховыми, какъ пред-

ставителями одного и того же сословія; такъ, напримѣръ, какая связь, по производству мастерства, можетъ быть между сѣдельнымъ мастеромъ и корсетницей, между бронзировщикомъ и сапожникомъ? Такимъ образомъ, ремесленники, сплоченные „Городовымъ Положеніемъ 1785 года“ въ одно гражданское сословіе, представляютъ и теперь крайне ненормальное смѣшеніе личностей, которыя, по разнообразію своего производства, никакъ не могутъ быть слиты въ одну промышленную группу, особенно, если еще принять въ соображеніе бывшій сюда приливъ ремесленниковъ, не имѣвшихъ никакихъ занятій, не смотря на ихъ причисленіе къ цехамъ. Такъ, напримѣръ, въ Петербургѣ было въ 1869 году болѣе 14,000 лицъ только считавшихся ремесленниками въ сословномъ смыслѣ, но въ дѣйствительности не занимавшихся никакимъ ремесломъ, тогда какъ занимавшихся ремеслами приходилось на это число только около 3,000 лицъ.

Новое „Городовое Положеніе“ совершенно измѣнило прежнее представительство ремесленнаго сословія, какъ одной изъ составныхъ частей городскихъ обывателей. При прежнихъ порядкахъ городскаго общественнаго управленія, ремесленное сословіе, имѣвшее право голоса въ этомъ управленіи, испытывало, въ этомъ отношеніи, нѣкоторое ограниченіе. Оно не пользовалось правомъ, предоставленнымъ другимъ сословіямъ, высылать въ думу исключительно отъ себя трехъ представителей, такъ какъ въ числѣ этихъ представителей должны были находиться и представители мѣщанскаго сословія. Только для одного Петербурга было сдѣлано, въ 1846 году, особое, въ этомъ отношеніи, исключеніе. Съ введеніемъ же въ дѣйствіе „Городового Положенія“, отдѣльное представительство сословій, а въ томъ числѣ и ремесленнаго, вовсе отмѣняется.

Мы уже замѣтили о неудобствѣ организаціи ремесленнаго класса въ видѣ особаго сословія, а не корпораціи.

Главное неудобство при этомъ заключалось въ томъ, что ремесленникъ имѣлъ право передавать свое званіе по наслѣдству, почему среди ремесленниковъ и оказывается теперь множество лицъ, хотя и принадлежащихъ къ вѣчно-цеховому ремесленному разряду, но въ то же время, незанимающихся никакимъ ремесломъ. Какъ бы противоположность вѣчно-цеховымъ составляютъ временно-цеховые. Такое раздѣленіе ремесленнаго сословія ведетъ свое начало собственно съ 1796 года, когда указомъ сената было разъяснено, что никто не можетъ быть принуждаемъ къ припискѣ въ ремесленное сословіе навсегда. Классъ, временно-цеховыхъ, отрѣшонный до нѣкоторой степени отъ сословной обстановки, могъ бы представлять собою болѣе правильную организацію ремесленнаго труда, такъ какъ въ немъ сосредоточивались бы не мнимые, но только дѣйствительные ремесленники. Между тѣмъ, и здѣсь сословно-цеховое устройство успѣло оказать свое вредное вліяніе: вѣчно-цеховые неохотно принимали въ свою среду временныхъ членовъ, требовали отъ нихъ платежа сборовъ въ пользу цеховаго сословія на поддержаніе сословнаго управленія, и, въ то же время, успѣли устранить ихъ отъ участія въ дѣлахъ этого сословія, такъ что временно-цеховые утратили всякое значеніе среди того сословія; къ которому они были приписаны.

Итакъ, организація ремесленнаго класса требуетъ не частныхъ измѣненій, но коренного преобразованія, которое должно быть направлено къ тому, чтобъ предоставить ремесленной промышленности сколь возможно болѣе свободы, не стѣсняя ее организаціей ремесленныхъ классовъ, въ видѣ особаго сословія.

Въ настоящее время, какъ уже сообщали въ газетахъ возникъ въ правительственныхъ сферахъ вопросъ объ упраздненіи ремесленнаго сословія, и нельзя не предвидѣть, что осуществленіе этой мѣры отзовется самыми бла-

творными послѣдствіями на развитіи нашей ремесленной промышленности.

До открытія земскихъ учрежденій и до введенія новаго „Городового Положенія“, у насъ была полная юридическая разрозненность между сословіями. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляли только дворянство и крестьянство; но и между ними собственно была не связь, при которой необходимо предполагается хоть нѣкоторая взаимная равноправность, а установилось только подчиненіе первому значительной массы послѣдняго. Съ отмѣной крѣпостного права уничтожилось это подчиненіе, и вслѣдъ затѣмъ возникла общесословная связь по земскимъ и по общественнымъ городскимъ дѣламъ, такъ какъ земскія собранія и городскія думы, въ отношеніи веденія этихъ дѣлъ, представляютъ сліяніе всѣхъ сословій на началахъ полной равноправности. Прежнее отсутствіе какъ юридической, такъ и фактической связи между сословіями дало намъ возможность говорить о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Теперь постараемся сдѣлать выводъ изъ всего сказаннаго.

До Петра-Великаго нынѣшнее наше дворянство было служилымъ классомъ, лишоннымъ всякой внутренней организаціи; но, въ тоже время, представители этого класса получали, отчасти въ вознагражденіе за службу государю, а отчасти и для извлеченія способовъ къ ея исполненію, помѣстья и пріобрѣтали вліяніе среди сельскаго населенія. Потомъ, съ закрѣпленіемъ крестьянъ и особенно послѣ соединенія помѣстій съ вотчинами, представители служилаго класса явились въ видѣ помѣстнаго дворянства, къ которому впослѣдствіи стали все болѣе и болѣе присоединяться лица, получавшія это званіе по табели о рангахъ и вступавшія въ ряды помѣщиковъ вслѣдствіе покупки деревень. Между тѣмъ, и среди самаго этого сословія стала проявляться разрозненность, такъ какъ въ одной части дворянства высказывалось требованіе о выходѣ изъ нея

другой, то-есть тѣхъ, кто получилъ дворянское званіе выслугой чиновъ. Особенно громко высказывалось такое требованіе въ 1740 году, при вступленіи на престолъ императрицы Анны Іоановны, и въ 1767 году, въ собраніи депутатовъ, созванныхъ для составленія проекта новаго уложенія. Екатерина II до нѣкоторой степени удовлетворила такому аристократическому желанію той части дворянства, которая считала себя лучшею передъ остальною, раздѣливъ, какъ мы видѣли, потомственное дворянство на шесть разрядовъ и ограничивъ права личнаго дворянства противъ потомственнаго. Впрочемъ, это раздѣленіе не предоставляло ни древнему, ни титулованному дворянству никакихъ преимуществъ передъ всѣмъ остальнымъ. Замѣчателенъ при этомъ тотъ фактъ, что за древнимъ нашимъ дворянствомъ не было признано коренного русскаго происхожденія, такъ какъ форма родословной росписи началась указаніемъ, что къ великому князю такому-то выѣхалъ оттуда такой-то. Если же мы просмотримъ подлинную бархатную книгу дворянскихъ родовъ, хранящуюся въ департаментѣ герольдіи, то увидимъ, что дѣйствительно, за исключеніемъ княжескихъ родовъ, происшедшихъ отъ Рюрика, рѣшительно нѣтъ у насъ древнѣйшихъ дворянскихъ фамилій русскаго происхожденія, такъ какъ родоначальники всѣхъ ихъ выѣхали изъ чужа: то изъ Польши, то изъ Литвы, то изъ орды, то изъ Греціи, то изъ Германіи, то изъ Швеціи. Сомнѣваться въ подлинности такого родословія нѣтъ ни малѣйшаго повода; но до сихъ поръ наши историки не объяснили значенія этого, въ своемъ родѣ замѣчательнаго, факта. Къ этому надобно прибавить, что почти все старинное дворянство въ значительной части приволжскихъ мѣстностей не русскаго, но татарскаго или мордовскаго происхожденія, такъ какъ оно ведетъ свое начало отъ крещонныхъ татарскихъ мурзъ и мордовскихъ панковъ, которые, съ принятіемъ православія, дѣла-

лись помѣщиками надъ поселившимися тамъ русскими крестьянами.

Въ виду такой племенной разницы между дворянствомъ и народомъ, мы далеки, однако, отъ мысли, чтобъ видѣть въ этомъ причину сословной разрозненности. Надобно замѣтить, что въѣзжавшіе въ Москву чужеземцы принимали всегда православіе, вступали въ браки съ русскими, и уже въ ближайшемъ ихъ поколѣніи совершенно изглаживались слѣды иностраннаго происхожденія. Точно такъ же совершенно обрусѣлымъ является и дворянство приволжскихъ мѣстностей. Вообще, въ Великой Россіи, не было того, что представлялось въ Западной Руси, Галиціи, Малороссіи и въ прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ дворянство только въ силу своего происхожденія постоянно, а въ Малороссіи до изгнанія поляковъ, разнилось отъ крестьянства. Наконецъ, вообще къ иноземнымъ выходцамъ, составившимъ ядро нашего древняго дворянства, стали постоянно примыкать и коренные русскіе люди. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ у насъ далеко не было тѣхъ причинъ къ сословной розни между дворянствомъ и крестьянствомъ, какія существовали въ другихъ мѣстностяхъ. Эта рознь была у насъ собственно создана крѣпостнымъ правомъ, вслѣдствіе котораго оба упомянутыя сословія составляли между собою рѣзкую противоположность, такъ какъ одно изъ нихъ было господствующее, а другое порабощенное. Вотъ почему съ отмѣной крѣпостного права уничтожились неправильныя взаимныя отношенія между обѣими сословіями, а введеніе земскихъ учрежденій призвало ихъ къ равноправной дѣятельности по дѣламъ, касающимся общественныхъ интересовъ данной мѣстности. Такимъ образомъ, рѣчь теперь можетъ идти не объ отмѣнѣ того порядка, который служилъ нѣкогда препятствіемъ къ сближенію дворянства и крестьянства, какъ сословій, но только объ уничтоженіи тѣхъ предразсудковъ, которые могли бы внушать взаимное

нерасположеніе, и, разумѣется, наилучшимъ къ тому средствомъ должно быть вѣрное пониманіе экономическихъ выгодъ, которыя могутъ быть достигаемы только безъ взаимной вражды сословій. Снятіемъ съ крестьянства тѣхъ государственныхъ повинностей, которыя до сихъ поръ исключительно лежатъ на немъ, и распредѣленіемъ ихъ на остальныя сословія, а между прочимъ, и на дворянство, подготовится нетолько юридически, но и на практикѣ то сближеніе, которое представляется нынѣ необходимымъ въ виду разныхъ государственныхъ, общественныхъ и экономическихъ потребностей.

Говоря о значеніи духовенства, мы указывали на то ненормальное положеніе, въ какое православное духовенство было поставлено, образуя изъ себя особое и, притомъ, слишкомъ замкнутое сословіе. При подобномъ условіи оно не могло сближаться съ другими и подновляться приливомъ въ него постороннихъ силъ, такъ что поневолѣ должно было оставаться постоянно съ своими ветхими, односторонними традиціями и пребывать въ томъ обособленіи, которое было чрезвычайно тягостно, и для него самого. Въ настоящее время духовенство перестало существовать какъ отдѣльное сословіе, и, безъ всякаго сомнѣнія, въ силу этого, должны будутъ измѣниться его прежнія отношенія къ прочимъ сословіямъ. Положеніе, въ какомъ оно еще такъ недавно находилось, неизбѣжно должно было порождать въ немъ отчужденіе отъ общественныхъ интересовъ, а собственные его интересы должны были ограничиваться такъ-называемымъ „духовнымъ вѣдомствомъ", къ которому, закабаленные граждански, причислялись дѣти, внуки и все дальнѣйшее потомство лицъ, принадлежавшихъ къ православному духовенству. Призывъ лицъ изъ этого званія къ участію въ земскихъ общественныхъ дѣлахъ придалъ духовенству, какъ особой служебной корпораціи, но не какъ сословію, иное, сравнительно съ прежнимъ,

значеніе; но, безъ сомнѣнія, при этомъ потребуется еще немало коренныхъ преобразованій среди самого духовенства, для того, чтобъ оно твердой ногой могло идти по открытому для него пути. Духовенство иностранныхъ исповѣданій, за исключеніемъ армяно-григоріанскаго, которое, какъ мы видѣли, приближалось, по своей сословной организаціи, къ православному, не представляло тѣхъ сословныхъ путъ, которыя были наложены на служителей господствующей въ государствѣ церкви. Къ этому надобно добавить, что римско-католическое духовенство въ Россіи, вслѣдствіе особыхъ отношеній его къ польскимъ политическимъ элементамъ, должно порождать собою исключичельный вопросъ.

На предшествовавшихъ страницахъ говорили мы о происхожденіи, развитіи и современномъ значеніи нашихъ городскихъ сословій, состоящихъ изъ купечества, почетныхъ гражданъ, мѣщанства и ремесленниковъ. Изъ всего нами сказаннаго можно сдѣлать слѣдующіе главные выводы. Образовать изъ купечества особое сословіе, съ исключительными личными и гражданскими правами, представляется несоотвѣтствующимъ тому назначенію, какое должно имѣть купечество. Оно собственно должно существовать только въ видѣ торговой корпораціи безъ наслѣдственности правъ купеческаго званія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти права имѣютъ значеніе правъ сословныхъ, и мы видѣли, къ какимъ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ привела сословная его организація. Изданное, въ 1863 году, „Положеніе о торговыхъ пошлинахъ“ значительно измѣнило прежнюю, обветшалую организацію русскаго купечества, облегчивъ поступленіе въ него лицамъ другихъ званій; но, тѣмъ не менѣе, оно и нынѣ сохраняетъ слѣды сословнаго устройства, между тѣмъ, какъ принадлежность кого-нибудь къ купечеству должна быть обусловлена только дѣйствительною професіей лица по торговой части, а не припиской только къ гильдіямъ

и тѣмъ менѣе ненаслѣдственною передачею сословныхъ правъ, предоставленныхъ купечеству. Не можетъ быть сословія купцовъ, какъ не можетъ существовать, напримѣръ, сословіе живописцовъ, музыкантовъ, литераторовъ, и т. д. Купеческое званіе только званіе професіональное, а не гражданское. Конечно, въ прежнее время, при рѣзкомъ разнообразіи у насъ гражданскихъ правъ, правительству даже слѣдовало покровительствовать купечеству, возвышая его, какъ особое сословіе, въ средѣ городскихъ обывателей. Но теперь при общемъ равенствѣ всѣхъ передъ судомъ, при новыхъ порядкахъ общественнаго городского управленія и земскаго хозяйства, и особенно въ виду предполагаемыхъ реформъ по податной и воинской повинностямъ, не представляется рѣшительно никакого повода къ существованію купечества, какъ отдѣльнаго сословія.

Мы видѣли также, что еще во время Екатерины II, чувствовалось смутная, впрочемъ, потребность въ среднемъ сословіи, и что, наконецъ, при императорѣ Николаѣ потребность эту думали удовлетворить учрежденіемъ званія почотныхъ гражданъ. Мѣра эта вела къ составленію особаго сословія изъ образованныхъ или вообще умственно-развитыхъ и имѣющихъ средства къ жизни лицъ, которыя, не примыкая къ дворянству и не входя въ составъ купечества, были бы, въ то же время, освобождены отъ обязанности вступать въ податныя сословія. Мысль эту можно назвать весьма либеральною для того времени, и, при существовавшей въ то время у насъ сословной организаціи, едва ли и можно было придумать лучшую мѣру для сформированія сословія, независимаго отъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ. Мы видѣли, однако, что мѣра эта не привела къ желаемымъ результатамъ, отчасти оттого, что тотъ контингентъ, изъ котораго должно было пополняться сословіе почотныхъ гражданъ, былъ въ количественномъ отношеніи весьма ограниченъ, да и, сверхъ того лица,

вступавшія въ сословіе почотныхъ граждапъ, не вносили съ собою въ него тѣхъ задатковъ, которые могли бы придать значеніе этому сословію, хотя бы въ общественномъ мнѣніи. О представительствѣ его нечего и говорить, такъ какъ оно вовсе не существовало. Первенствующими лицами въ сословіи почотныхъ граждапъ оказывались купцы, которые, принадлежа къ высшимъ гильдіямъ, и безъ того уже пользовались всѣми правами, предоставленными почотнымъ гражданамъ. Вообще, вновь организованное сословіе было сословіемъ привилегированнымъ, и существованіе его могло быть допущено только въ виду тѣхъ особыхъ соображеній, какими руководилось правительство тогдашняго времени. Теперь же, когда сословныя привилегіи у насъ ослабляются или вовсе уничтожаются, не вслѣдствіе отнятія ихъ у того, кто ими пользуется, но вслѣдствіе уравненія низшихъ сословій съ высшими, существованіе особаго сословія почотныхъ граждапъ представляется излишнимъ. Большая часть тѣхъ правъ, какими они нѣкогда пользовались исключительно передъ другими низшими сословіями, распространена уже на эти сословія, а относительно прочихъ правъ надобно ожидать въ близкомъ будущемъ всеобщаго уравненія. Такимъ образомъ, въ силу общаго хода дѣлъ, почотные граждане сольются безразлично съ другими сословіями относительно правъ и преимуществъ, такъ что званіе почотнаго гражданина, при существованіи равноправныхъ гражданъ, сдѣлается своего рода титуломъ, который если и будетъ жалуемъ правительствомъ за какія-нибудь заслуги, то все же не будетъ вводить пожалованное имъ лицо въ особое привилегированное сословіе.

Изъ того положенія, въ какомъ находится наше мѣщанство, составляющее повсюду главную массу городского населенія Россіи, видно, что сословіе это поставлено въ крайне неблагопріятныя условія. Нынѣшнее положеніе мѣщанъ объясняется двумя причинами, именно: граж-

данскою обстановкой мѣщанства, какъ сословія, и его экономическимъ бытомъ, причомъ надобно замѣтить, что обѣ эти причины находятся въ тѣсной между собою связи, вліяя взаимно одна на другую. Мѣщанство, оставаясь во всѣ времена, въ противоположность сельскому населенію лично свободнымъ, въ то же время не пользовалось рѣшительно никакими особыми правами, и тягость податей и повинностей ложилась на него всею своею силой, тогда какъ оно имѣло самыя скудныя средства, какъ для удовлетворенія лежащихъ на немъ сборовъ, такъ и для обезпеченія своего матерьяльнаго существованія. Составляя, какъ мы упоминали, главную массу городскаго населенія, оно совершенно было оттерто купечествомъ отъ участія въ городскихъ общественныхъ дѣлахъ, а сословные его интересы были поставлены въ полную зависимость отъ мѣстной администраціи. Вообще, можно сказать, что мѣщанство было у насъ какимъ-то загнаннымъ, забитымъ сословіемъ, не находя поддержки ни въ самомъ себѣ, ни извнѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, при новыхъ судебныхъ порядкахъ и при новыхъ порядкахъ городскаго общественнаго управленія, нераспространенныхъ, впрочемъ, еще на всю имперію, положеніе мѣщанства должно измѣниться къ лучшему. Предстоящія же реформы по податной и воинской повинностямъ, какъ надобно полагать, будутъ клониться къ тому же самому. Тѣмъ не менѣе, однако, улучшеніе экономическаго быта мѣщанъ будетъ составлять особый и, притомъ, весьма важный вопросъ. Въ общихъ чертахъ, онъ можетъ быть разрѣшонъ правомъ совершенно свободнаго выхода изъ городского сословія въ сельское. Безъ сомнѣнія, для многихъ городовъ, гдѣ мѣщанство, впродолженіи столькихъ лѣтъ, совершенно отвыкло отъ сельскихъ занятій, такое право останется на практикѣ безъ всякихъ послѣдствій; но у насъ не мало найдется и такихъ городовъ, гдѣ до сихъ поръ мѣщанство, по роду своихъ про-

мысловъ, принадлежитъ собственно къ сельскому, а не къ городскому населенію. Въ виду этого, мы повторимъ уже высказанную нами прежде мысль о необходимости обращенія въ сельскія поселенія такихъ уѣздныхъ городовъ, которые въ прежнее время были поставлены на степень городовъ только для удовлетворенія административныхъ потребностей безъ задатковъ для развитія въ нихъ городской промышленной жизни. Конечно, приведеніе въ исполненіе этой мѣры не можетъ быть предоставлено на безусловное усмотрѣніе администраціи, такъ какъ подобные вопросы должны быть первоначально разрѣшены въ совѣщательномъ порядкѣ тѣми горожанами, къ которымъ они будутъ относиться.

Ремесленное соловіе, причисленное къ составу городскихъ обывателей, было, какъ мы видѣли, организовано, подобно купечесту, на несоотвѣтствующихъ началахъ, и этотъ промышленный классъ населенія утратилъ то значеніе, какое онъ долженъ былъ бы имѣть, еслибъ былъ организованъ на другомъ основаніи, т. е. еслибъ существовалъ только въ видѣ професіональной корпораціи, а не особаго гражданскаго разряда. Настоящее положеніе цеховыхъ убѣждаетъ, что продолженіе существующаго порядка поведетъ все болѣе и болѣе къ уничтоженію самостоятельной ремесленной промышленности, такъ какъ цеховыя общества, въ силу наслѣдственнаго сословнаго права ихъ членовъ, состоятъ преимущественно не изъ дѣйствительныхъ, а только изъ номинальныхъ, ремесленниковъ. Очевидно, что среди такого сословія существенные интересы промышленности должны отходить на задній планъ, уступая мѣсто сословнымъ интересамъ, Оказывается, что вѣчно-цеховые, т. е. лица, независающіяся, большею частію, никакимъ ремесломъ, но состоящія въ цеховомъ сословіи только по припискѣ, а пользуясь своею сравнительною многочисленностью передъ временно-цеховыми,

являются среди ремесленнаго общества господствующимъ классомъ. Между тѣмъ, у нихъ главная задача—поддерживать интересы своего сословія, хотя бы съ явною невыгодной для ремесленной промышленности. Такъ, нерѣдко вѣчно-цеховые ремесленники установляютъ сборы только для удовлетворенія нуждъ ремесленнаго сословія, между тѣмъ какъ, въ то же время, временно-цеховые не пользуются никакимъ участіемъ въ дѣлахъ ремесленнаго сословія и только покоряются рѣшеніямъ вѣчно-цѣховыхъ сословниковъ. Сверхъ того, существованіе отдѣльныхъ иностранныхъ цеховъ представляется совершенно излишнимъ, тѣмъ болѣе, что подобный порядокъ нерѣдко клонится къ ущербу русскихъ ремесленниковъ. Правительство, какъ мы уже замѣтили прежде, сознало неудовлетворительную организацію ремесленнаго сословія и въ настоящее время возникъ вопросъ о его упраздненіи. На какихъ основаніяхъ будетъ произведено это преобразованіе—намъ еще неизвѣстно, но, безъ всякаго сомнѣнія, при этомъ будетъ допущена только корпоративная организація ремесленниковъ, такъ какъ сословное ихъ устройство окончательно отжило свое время нетолько само по себѣ, но и подъ вліяніемъ разныхъ реформъ, давшихъ новыя основы всему нашему гражданскому строю.

Вообще, теперь у насъ могутъ фактически существовать только два сословія: дворянство и гражданство; дворянство можетъ оставаться только, какъ почетное сословіе, а въ составъ гражданства должны входить безразлично и городскіе, и сельскіе обыватели, такъ, чтобъ тѣми личными и имущественными правами, какими пользуется горожанинъ, точно также пользовался бы и крестьянинъ, и наоборотъ. Затѣмъ, духовенство, купечество и ремесленники должны составлять особыя группы, но не въ силу сословныхъ раздѣленій, а только вслѣдствіе особыхъ занятій, свойственныхъ каждой изъ этихъ группъ. Само со-

бою разумѣется, что такая организація потребуетъ коренной переработки многихъ частей нашего законодательства, но и въ этомъ отношеніи сдѣлана уже значительная подготовка, если и не прямыми, то косвенными мѣрами, такъ какъ вообще сословное наше устройство, основанное на „Дворянской граматѣ“ и на „Городовомъ положеніи“ 1775 года, а также на узаконеніяхъ, изданныхъ въ развитіе этихъ двухъ законодательныхъ актовъ, подвергалось въ послѣднее время самымъ существеннымъ измѣненіямъ.

XII.

Значеніе нашихъ гражданскихъ чиновъ въ настоящее время.

Старинное русское правоученіе: „чинъ чина почитай“ утратило нынѣ въ нашей гражданской іерархіи всякое значеніе, такъ какъ теперь у насъ во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія младшій чинъ можетъ начальствовать надъ старшимъ. Теперь для служебной карьеры гражданскіе чины не представляются необходимою принадлежностью. Между тѣмъ, еще не такъ давно эти чины принимались въ болѣе или менѣе строгій разсчотъ при предоставленіи должностей и были предметомъ усердныхъ искательствъ со стороны служащихъ. Любовь къ чинамъ составляла тогда замѣтную черту нашего образованнаго общества, чиновная бюрократія была въ большомъ почотѣ, а господствовавшая въ то время у насъ чиноманія давала иностранцамъ поводъ къ насмѣшкамъ надъ нами. Особенно у французскихъ туристовъ, посѣщавшихъ Россію, слово „tschin“ занимало видное мѣсто во всѣхъ ихъ, какъ серьезныхъ, такъ и игривыхъ воспоминаніяхъ. Впрочемъ, и самъ баронъ Гакстгаузенъ, изучавшій Россію гораздо добросовѣстнѣе, нежели прочіе путешественники, посвятилъ въ своемъ сочиненіи „Etudes de la Russie“ нѣсколько страницъ, написанныхъ въ ироническомъ тонѣ, вопросу о русскихъ чинахъ. Вообще же, лѣтъ двадцать назадъ, заграничная печать указывала на смѣшныя для

иностранцевъ стремленія русской бюрократіи къ полученію чиновъ. Эти дѣйствительныя въ ту пору стремленія занимали тогда иностранную печать почти точно такъ же, какъ занимають ее теперь приписываемыя нашей бюрократіи соціалистическія и комунистическія стремленія. Извѣстно, что время измѣняетъ — если и не вдругъ, то мало по малу—понятія и взгляды на разные предметы государственнаго и общественнаго строя; такъ оно измѣнило, между прочимъ, и воззрѣнія самихъ русскихъ на гражданскіе чины. Теперь, при занятіи должностей въ гражданскомъ вѣдомствѣ, незначительность чина не представляетъ никакого существеннаго препятствія къ самому скорому повышенію. Въ однихъ случаяхъ чины даются, помимо всякихъ правилъ, съ изумительною быстротой, такъ что нѣкоторые титулярные совѣтники въ короткое время успѣвали попасть въ дѣйствительные статскіе совѣтники и, затѣмъ, весьма самоувѣренно и даже притязательно начинали шагать къ рангу тайныхъ совѣтниковъ. Въ другихъ случаяхъ, начальствующее лицо бываетъ тремя и даже четырьмя чинами ниже своего подчиненнаго. Впервые съ полнымъ невниманіемъ къ чинамъ отнесся „Уставъ акцизныхъ учрежденій“. Въ этомъ вѣдомствѣ встрѣчались уже примѣры, что генерал-лейтенантъ, то-есть, лицо равное и даже какъ бы нѣсколько высшее тайнаго совѣтника, былъ подъ начальствомъ надворнаго совѣтника, т. е. подполковника, соотвѣтственно табели о рангахъ. Затѣмъ, въ „Уставѣ о судебныхъ учрежденіяхъ“ вовсе не были приняты въ соображеніе чины для соотвѣтственнаго съ ними занятія должностей по судебному вѣдомству. Въ этомъ вѣдомствѣ должность дается не по чину, но, напротивъ, очень часто, при назначеніи на старшую должность, помимо низшихъ чиновъ. дается какой-нибудь высшій чинъ ради уравненія служащаго съ тѣмъ классомъ, къ которому отнесена предоставляемая ему должность. Въ учебномъ

вѣдомствѣ, одновременно съ занятіемъ должности получается и соотвѣтствующій его классу чинъ, такъ что, напримѣръ, лицо никогда и нигдѣ неслужившее, но поступившее на должность ординарнаго професора, получаетъ прямо чинъ статскаго совѣтника. Предводители дворянства и городскіе головы производятся обыкновенно въ чины съ обходомъ трехъ, а иногда даже и пяти чиновъ. Вообще теперь гражданскіе чины представляютъ весьма странную и неопредѣленную придачу къ должностнымъ и служебнымъ отличіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и наше общество не оказываетъ уже того почота чиновности лицъ, какую оказывало оно въ дни оны, когда даже на простыхъ, незваныхъ обѣдахъ кушанья разносились по чинамъ, а также воздавались и другіе знаки уваженія гостямъ сообразно съ ихъ генеральскими, штаб-и-обер-офицерскими чинами и даже со всѣми особыми подраздѣленіями этихъ чиновъ.

Несмотря, однако, на такую перемѣну, происшедшую какъ во взглядѣ правительства, такъ и въ понятіяхъ общества, гражданскіе чины продолжаютъ существовать у насъ попрежнему. Они и теперь считаются въ числѣ главныхъ наградъ, раздаваемыхъ, независимо отъ выслуги лѣтъ, за отлично-усердную и ревностную службу и, притомъ, правда, весьма рѣдко, но, всетаки, встрѣчаются честолюбцы, жаждущіе повышенія чиновъ, хотя такое повышеніе и не приноситъ имъ рѣшительно никакой практической пользы. Въ виду всего сказаннаго, невольно останавливаешься на вопросахъ: что же значатъ у насъ нынѣ гражданскіе чины, и не предстоитъ ли надобности въ совершенной ихъ отмѣнѣ, или, по крайней мѣрѣ, хоть въ коренномъ измѣненіи того порядка, въ какомъ они теперь жалуются и примѣняются къ праву занятія той или другой должности?.. Нельзя не сказать, что въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ весьма замѣчательнымъ фактомъ, именно: чины, какъ обветшалое, несовременное учрежденіе, оче-

видно, отжили свое время; они несомнѣнно являются одною изъ самыхъ рѣзкихъ несообразностей, спутывая понятія объ іерархическомъ значеніи служащихъ лицъ, и остаются въ видѣ какихъ-то развалинъ среди всѣхъ новыхъ гусударственныхъ перестроекъ.

Что же такое чинъ? Отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ ни въ „Сводѣ“, ни въ „Полномъ Собраніи Законовъ“. Слово „чинъ“ есть не что иное, какъ позднѣйшій и ошибочный переводъ нѣмецкаго слова „рангъ“, что было бы правильнѣе перевести словами: „разрядъ“, „степень“. Въ старинныхъ нашихъ актахъ встрѣчается выраженіе: „всякихъ чиновъ люди“, но здѣсь слово „чинъ“ употребляется въ смыслѣ сословія, общества, а не какой нибудь служебной степени. Старинное же слово „чиновникъ“ имѣетъ совершенно другое значеніе, нежели то, какое ему придается нынѣ, такъ какъ оно означаетъ книгу для руководства архіереевъ при отправленіи ими богослуженія и нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ и торжествъ. Насколько мы могли замѣтить, слово „чиновникъ“ въ нынѣшнемъ смыслѣ вошло въ употребленіе не ранѣе начала нынѣшняго столѣтія. Притомъ, это слово скорѣе принижаетъ, нежели возвышаетъ достоинство служащаго лица. Такъ, подъ словомъ „чиновникъ“ разумѣется, такъ-сказать, только мелкая сошка; но ни директоръ департамента, ни губернаторъ, ни товарищъ министра, а тѣмъ болѣе министръ какъ будто не считаются уже чиновниками. Названіе ихъ этимъ именемъ было бы для нихъ оскорбленіемъ, хотя, въ сущности, оно точно также принадлежитъ и имъ, какъ каждому столоначальнику и его помощнику.

Табели о рангахъ, установившей чины, суждено было, какъ и вообще всѣмъ учрежденіямъ, вышедшимъ изъ-подъ руки Петра Великаго, многолѣтнее существованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и полное искаженіе ихъ основной идеи. Табель была собственно росписаніе должностей, такъ что

колежскій регистраторъ или колежскій совѣтникъ означали только должности въ колегіяхъ; статскій т. е. государственный совѣтникъ былъ лицомъ, назначавшимся для совѣщаній по общимъ дѣламъ государственнаго управленія при недостаткѣ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ; въ тайномъ совѣтникѣ предполагалось лицо, допущенное для совѣщанія въ такихъ учрежденіяхъ, гдѣ присутствуетъ самъ государь, какъ въ учрежденіи, непосредственно при немъ состоящемъ. Современемъ, однако, ранги или степени въ составѣ колежскаго и общаго государственнаго управленія обратились въ почотный титулъ, и первоначальное правильное, хотя и переведенное на латино-нѣмецкій языкъ, значеніе петровскихъ чиновъ утратило всякій смыслъ. Такъ, напримѣръ, теперь придворный пѣвчій можетъ быть колежскимъ регистраторомъ, хотя онъ и не занимается вовсе веденіемъ регистратуры въ какомъ-нибудь колегіальномъ учрежденіи.

Какія же права и преимущества соединяются въ настоящее время съ гражданскими чинами?

Чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, полученный, впрочемъ, на службѣ а не при отставкѣ, даетъ права потомственнаго дворянства. Сперва такія права давалъ даже чинъ колежскаго асесора, а потомъ только статскаго совѣтника. Такъ какъ, вслѣдствіе нынѣшняго уравненія всѣхъ сословій, права дворянства не представляютъ уже ничего исключительнаго, то и полученіе упомянутаго чина не сопряжено съ особыми преимуществами. Далѣе, съ чинами первыхъ трехъ классовъ соединено право пріѣзда къ высочайшему двору; но право это въ извѣстныхъ случаяхъ предоставляется дворянству вообще и даже купечеству. Сверхъ того, при прежнемъ порядкѣ судопроизводства, лица, состоявшія въ чинѣ шестого класса, имѣли право на стулъ въ присутствіи судовъ и палатъ, а начиная съ пятаго класса – даже и въ сенатѣ. Но такъ какъ,

при новыхъ порядкахъ, всѣ лица, безъ различія ихъ ранговъ, обязаны объясняться передъ судомъ стоя, то и этотъ почотъ уничтожается самъ собою, по мѣрѣ введенія въ дѣйствіе „Судебныхъ уставовъ“ въ разныхъ мѣстахъ имимперіи.

Впрочемъ, съ различными степенями чиновности соединены еще и другія права; мы укажемъ на нихъ, потому что, по всей вѣроятности, ихъ не знаетъ даже большая часть тѣхъ, которые могутъ ими пользоваться. Такъ, право ѣзды четвернею предоставлено и по нынѣ дѣйствующему закону, только лицамъ, имѣющимъ чины не ниже колежскаго асесора. Статскіе же и дѣйствительные статскіе совѣтники имѣютъ право разъѣзжать шестернею, а тайные совѣтники къ этому числу лошадей могутъ присоединять, для сопутствованія ихъ экипажа, одного вершника, дѣйствительные же тайные совѣтники—двухъ. Такъ какъ, вслѣдствіе разумной экономіи, ѣзду нетолько шестерней, но и четверней оставили уже и архіереи, то упомянутая привилегія, примѣнительно къ гражданскимъ чинамъ, совершенно излишня и даже какъ-то странно встрѣчать нынѣ въ законахъ подобныя постановленія. Въ законѣ же существуютъ подробныя правила о томъ, какимъ образомъ лицо, имѣющее тотъ или другой чинъ, должно обшивать галунами или басонами ливреи своихъ лакеевъ. Едва ли кто-нибудь изъ самыхъ опытныхъ учоныхъ нашихъ законовѣдовъ знаетъ, напримѣръ, что цвѣтную кокарду на шляпу лакея могутъ нашивать только чиновники первыхъ двухъ классовъ. Между тѣмъ, законъ ко всѣмъ указаннымъ нами тонкостямъ относится весьма серьезно. Такъ, статья 1,416-я „Уложенія о наказаніяхъ“, угрожаетъ даже трехмѣсячнымъ арестомъ тѣмъ, которые будутъ употреблять не слѣдующія имъ по чину ливреи. Наши мировые судьи подали уже примѣръ преслѣдованія своею властью безнравственныхъ проявленій въ обществѣ.

Было бы имъ кстати обратить вниманіе и на отступленіе отъ 1,416-й статьи, какъ на проявленіе суетности и тщеславія. По всей вѣроятности, въ этомъ случаѣ возникло бы немало уголовныхъ процесовъ по поводу цвѣтныхъ лакейскихъ кокардъ, вошедшихъ нынѣ въ большое употребленіе. Мы указали на этотъ фактъ, надѣясь, что насъ не обвинятъ въ инсинуаціяхъ по такому важному дѣлу...

Примѣнительно къ постепенности чиновъ употребляются и особые титулы. Такъ, лица, имѣющія чины отъ колежскаго регистратора до титулярнаго совѣтника включительно, пользуются титуломъ „благородія"; отъ колежскаго асесора до колежскаго совѣтника — „высокоблагородія"; статскіе совѣтники — „высокородія", дѣйствительные статскіе и тайные совѣтники — „превосходительства" и, наконецъ, титулъ „высокопревосходительства" дается только особамъ первыхъ двухъ классовъ. Въ старину, титулы эти соблюдались весьма строго, и намъ приводилось видѣть письма, гдѣ племянникъ писалъ дядѣ: „ваше высокоблагородіе, любезнѣйшій и почтеннѣйшій дядюшка!" Нынѣ — не то, такъ какъ теперь принято за обычай даже колежскому регистратору не писать „благородія", а повышать его въ высокоблагородіе и даже въ высокородіе. Несмотря на такой упадокъ этихъ титуловъ, нерѣдко, однако, лица, достигшія вожделѣннаго чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, требуютъ, чтобъ ихъ непремѣнно называли ваше превосходительство. Но такое требованіе не имѣетъ никакой юридической опоры, такъ какъ вообще упомянутые титулы не признаются закономъ, они введены только обычаемъ, и потому каждый, какъ военный, такъ и статскій генералъ можетъ требовать для себя титула превосходительства на томъ лишь основаніи, на какомъ всякій смертный имѣетъ право домогаться, чтобъ его называли нетолько „государемъ", но еще и „милостивымъ". По закону, право

на титулъ „превосходительства“ имѣютъ только губернскіе предводители дворянства.

Существенными привилегіями чиновъ можно считать въ настоящее время только слѣдующія. Вопервыхъ, выдачу прогонныхъ, столовыхъ и квартирныхъ денегъ по чину, а не по классу должности. Такой порядокъ представляетъ, однако, ту несообразность, что иногда желудокъ начальника признается менѣе требовательнымъ, нежели желудокъ его подчиненнаго, а также и путевой комфортъ и мѣстожительство подчиненнаго обезпечиваются для него болѣе нежели для его начальника. Вовторыхъ, сообразно съ чинами предоставляется право помѣщенія сыновей и дочерей въ нѣкоторыя учебныя заведенія. Такъ, въ александровскій лицей и въ училище правовѣдѣнія могутъ поступать только дѣти лицъ, имѣющихъ чины не ниже статскаго совѣтника, если, впрочемъ, они не принадлежатъ, порожденію къ древнему дворянству; въ пажескій корпусъ принимаются сыновья тѣхъ штатскихъ отцовъ, которые имѣютъ чинъ тайнаго совѣтника. Женскіе институты представляютъ гораздо болѣе утонченныхъ подраздѣленій примѣнительно къ чинамъ родителей. При этомъ такая утонченность иногда весьма неблагопріятно отзывается на дѣвушкѣ, такъ какъ ей отказывается въ пріемѣ въ какой-нибудь институтъ не потому, чтобъ чинъ отца ея былъ низокъ, но, напротивъ, потому только, что онъ высокъ для того заведенія, въ которое ее желаютъ помѣстить! Въ такихъ случаяхъ значительный чинъ, очевидно, служитъ во вредъ, а никакъ не въ пользу и это бываетъ нынѣ весьма часто.

Внѣшняго отличія чиновъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ вообще не существуетъ, такъ какъ шитье на мундирѣ носится соотвѣтственно классу должности, а не чину. Только для высшихъ чиновъ установлено особое отличіе на треугольныхъ шляпахъ. Впрочемъ, въ недавнее время, для нѣкоторыхъ вѣдомствъ, какъ-то: путей сообщенія, горнаго,

таможеннаго, и межеваго, а также, для гражданскихъ чиновъ военнаго министерства установлены, по австрійскому образцу, петлички со звѣздочками, опредѣлительно указывающія чинъ того, кто ихъ носитъ.

Особыя неудобства при полученіи чиновъ для большинства служащихъ, какъ для людей недостаточныхъ и даже бѣдныхъ, заключаются въ вычетѣ за чинъ мѣсячнаго жалованья. Если, съ одной стороны, полученіе чина считается наградой, то, съ другой — по статьѣ 65-й „Уложенія о наказаніяхъ", вычетъ изъ жалованья есть одинъ изъ видовъ наказанія. Такимъ образомъ, чиновникъ, производимый въ высшій чинъ, въ одно и то же время, и получаетъ награду, и испытываетъ наказаніе. Наказаніе бываетъ, обыкновенно, весьма чувствительно, и очень многіе чиновники стараются о томъ, чтобъ уклониться какъ-нибудь отъ производства въ слѣдующій чинъ, такъ какъ это, кромѣ убытка, не предоставляетъ для нихъ никакихъ новыхъ правъ и матеріальныхъ выгодъ. Нерѣдко случается, что новопожалованные чиновники, на ряду съ преступниками, ожидаютъ манифеста, въ силу котораго были бы сложены съ нихъ слѣдующія за чины взысканія. Бываютъ даже и такіе примѣры, что при производствѣ этихъ взысканій продаются, для ихъ удовлетворенія, послѣдніе пожитки какогонибудь титулярнаго совѣтника, вышедшаго въ отставку прежде уплаты за чинъ изъ получавшагося имъ жалованья.

До 1856 года, при повышеніи въ чинъ колежскаю асесора принималось въ соображеніе для срока выслуги дворянское или недворянское происхожденіе служащаго, и, сверхъ того, сроки производства въ каждый чинъ обусловливались степенью полученнаго чиновникомъ образованія. Въ упомянутомъ году повелѣно было производить въ чины „безъ принятія въ уваженіе какихъ-нибудь обстоятельствъ, службѣ предшествовавшихъ". Безъ всякаго сомнѣнія, такое правило вполнѣ основательно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ,

оно дало возможность лицамъ, имѣющимъ покровителей, дѣлать быструю карьеру, хотя бы подготовка ихъ по образованію далеко не соотвѣтствовала тѣмъ должностямъ, которыя имъ предоставлялись. Мы знаемъ, напримѣръ, такой случай, гдѣ одинъ изъ надзирателей за приходящими учениками гимназіи сдѣлался сенаторомъ менѣе, чѣмъ впродолженіи десяти лѣтъ! Благодаря поспѣшному полученію чиновъ, такое высокое званіе могло вполнѣ соотвѣтствовать носимому прежнимъ надзирателемъ рангу...

Учрежденіе чиновъ Петромъ-Великимъ въ былое время, и, притомъ, не на томъ основаніи, на какомъ они существуютъ нынѣ, могло соотвѣтствовать тогдашнимъ понятіямъ и потребностямъ, тѣмъ болѣе, что табелью о рангахъ Петръ хотѣлъ уничтожить всѣ родовыя притязанія старинной московской знати. Въ настоящую же пору гражданскіе чины утратили свое прежнее значеніе и потому относящіяся къ нимъ узаконенія, требуютъ нетолько многихъ измѣненій, но, можетъ быть, и совершенной отмѣны.

XIII.

Наше законодательство о поединкахъ.

Кромѣ поединковъ, оканчивавшихся пролитіемъ крови, бывали иногда у насъ поединки и комическаго свойства: противники заранѣе знали, что они останутся цѣлы и невредимы, потому что, при слабомъ зарядѣ пистолетовъ секундантами, пули, какъ будто заколдованныя, падали къ ногамъ стрѣлявшихся. Бывало иногда и такъ, что черезъ секундантовъ дѣлалось извѣстно противникамъ, что каждый изъ нихъ будетъ стрѣлять на воздухъ. Такія дуэли совершенно безопасны: промахъ можетъ сдѣлать и самый лучшій стрѣлокъ, а между тѣмъ, честь, вслѣдствіе выстрѣла, спасена: противники мужественно стрѣлялись; секундантамъ же, конечно, неудобно разглашать о сущности дуэли, такъ какъ ихъ самолюбіе могло бы сильно пострадать, еслибъ общество узнало, что они участвовали въ шутовскомъ, а не въ серьёзномъ дѣлѣ. Какъ ни забавны кажутся, съ теоретической точки зрѣнія, подобныя дуэли, но на практикѣ ихъ должно признать самыми удобными: дуэлисты остаются живы, не искалѣчены, не ранены, а между тѣмъ, общественный предразсудокъ бываетъ удовлетворенъ такою безвредною продѣлкой. Дуэлисты, ставшіе на барьеръ, являются героями, готовыми въ нѣкоторомъ родѣ пролить и свою собственную кровь и кровь своего ближняго за дѣло чести, а это только и требуется доказать при выходѣ на поединокъ. Самый же результатъ дуэли ничего болѣе, какъ слѣпая случайность.

Еслибъ всѣ дуэли сопровождались подобнымъ исходомъ, на нихъ пришлось бы обществу смотрѣть, какъ на ребяческую потѣху, а правительству преслѣдовать дуэлистовъ, какъ уличныхъ шалуновъ. Но, къ сожалѣнію, дуэли часто кончаются кровавою развязкой, даже при всемъ желаніи противниковъ щадить жизнь другъ друга. Дуэли на смерть у насъ не въ обычаѣ и обыкновенно каждый изъ дуэлистовъ намѣревается только подстрѣлить своего соперника, но не мѣтко направленный выстрѣлъ или свойство полученной раны укладываютъ въ гробъ того, въ кого попадаетъ пуля.

Какой бы, впрочемъ, исходъ дуэли ни былъ, но разсудительные люди всегда и вездѣ сильно возставали противъ такого способа расправы, заключающаго въ себѣ и самоубійство и смертоубійство. Правительства же европейскихъ государствъ преслѣдовали и преслѣдуютъ въ дуэли нетолько соединеніе этихъ двухъ преступленій или, по крайней мѣрѣ, одновременное на нихъ покушеніе, но и нарушеніе общественнаго порядка, достигающее при этомъ высшей своей степени. Въ прежнее время во Франціи дуэль признавалась совершенно особымъ видомъ преступленія, delictum sui generis, по выраженію латинскихъ юристовъ. На нее смотрѣли нетолько, какъ на явное выраженіе недовѣрія къ судамъ, но и какъ на политическое преступленіе, какъ на присвоеніе дворянствомъ себѣ одного изъ великихъ королевскихъ правъ—права войны, такъ какъ дуэль признавалась какъ бы войной частныхъ лицъ на государственной територіи, подвластной единственно королю. Цвѣтущею эпохой дуэлей были XV и XVI столѣтія, преимущественно во Франціи, и есть извѣстіе, что тамъ, въ теченіи 19 лѣтъ, съ 1589 года по 1609 годъ, было дано 7,000 королевскихъ прощеній за дуэли, на которыхъ, въ означенный промежутокъ времени, погибло до 8,000 задорныхъ дворянъ!

Касаясь вопроса о происхожденіи дуэлей, многіе историки ведутъ ихъ начало отъ судебныхъ поединковъ, бывшихъ въ употребленіи нетолько у народовъ германскаго племени, но и у насъ до XVI вѣка. Въ старинной Руси эти поединки назывались „полемъ“ и въ Москвѣ преданіе указываетъ до нынѣ то мѣсто, на которомъ они происходили (приходъ Троицы-въ-поляхъ). Въ сущности, однако, между такими поединками и дуэлями есть только внѣшнее сходство, при полномъ отсутствіи внутренней связи. Потребность дуэли необходимо и исключительно обусловливается понятіемъ о чести, и какъ бы ложно и превратно ни было такое понятіе, но безъ этого элемента дуэль совершенно немыслима, такъ какъ она, въ противномъ случаѣ, будетъ въ глазахъ общества только обыкновенною дракой или убійствомъ. Сверхъ того, судебные поединки опредѣлялись не иначе, какъ по приговору суда, и притомъ, нетолько для рѣшенія дѣлъ уголовныхъ, но и самыхъ обыкновенныхъ гражданскихъ процесовъ, тогда какъ, напротивъ, суды всюду преслѣдовали дуэли, какъ одинъ изъ видовъ нарушенія государственныхъ и общественныхъ правъ. Наконецъ, всегда и вездѣ кореннымъ условіемъ дуэли, и по общепринятому мнѣнію, и по толкованію ученыхъ, занимавшихся спеціально изложеніемъ и толкованіемъ правилъ о дуэли, дуэль должна быть принимаема свободно, обдуманно, безъ всякаго принужденія со стороны противника, такъ что она можетъ состояться лишь подъ вліяніемъ господствующихъ въ данный моментъ понятій о чести и объ оскорбленіи. Это послѣднее условіе ставитъ существованіе дуэлей въ прямую зависимость отъ умственнаго и нравственнаго развитія общества, и потому законодательныя противъ дуэлей мѣры не сопровождались никогда и нигдѣ желаемымъ успѣхомъ, и даже, наоборотъ, во Франціи, напримѣръ, было замѣчено, что чѣмъ болѣе усиливались наказанія за дуэли, тѣмъ чаще, и тѣмъ без-

*

пощаднѣе становились онѣ. Это, впрочемъ, весьма понятно. Непосылка въ нѣкоторыхъ случаяхъ одною стороной вызова на дуэль и непринятія другою стороной такого вызова считается въ обществѣ несомнѣннымъ признакомъ трусости. Слѣдовательно, въ сущности, угроза наказаніемъ и уклоненіе, вслѣдствіе этого, отъ дуэли должны послужить еще болѣе къ усиленію такого оскорбительнаго признака. Очевидно, что для прекращенія дуэлей или, по крайней мѣрѣ, для ограниченія подобныхъ случаевъ необходима прежде всего извѣстная умственная и нравственная зрѣлость общества, подъ вліяніемъ которой только и могутъ установиться болѣе правильныя понятія о чести, о способахъ и видахъ ея оскорбленія.

Та часть русскаго общества, среди которой бываютъ дуэли, стояла до второй половины XVIII вѣка на болѣе низкой степени, нежели впослѣдствіи, но, тѣмъ не менѣе, дуэлей у насъ не было. Этотъ фактъ, повидимому, противорѣчитъ выше сдѣланному нами замѣчанію. Но такое противорѣчіе окажется только видимымъ, если принять въ соображеніе, что элементы настоящаго нашего образованія мы заимствовали съ Запада, откуда вмѣстѣ съ ними перешли къ намъ и понятія западнаго дворянства какъ о дуэли, такъ и о чести. Насколько мы можемъ заключить изъ собранныхъ нами свѣдѣній, первая дуэль, по общепринятымъ европейскимъ правиламъ, была у насъ не ранѣе семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. До того же времени обида или прощалась по христіанскому милосердію, или отомщалась своевольною расправой сильнаго надъ слабымъ, или возмѣщалась судебнымъ разбирательствомъ. „Уложеніе“ царя Алексѣя Михайловича, обнимавшее всѣ условія тогдашняго нашего общественнаго быта, не говоритъ однако, ничего о поединкахъ. Первое о нихъ понятіе получили русскіе, по всей вѣроятности отъ иноземцовъ, жившихъ въ Москвѣ. Такъ, именнымъ указомъ,

отъ 25-го октября 1682 года, „великіе государи и сестра ихъ, великая государыня, дозволили ходить служилымъ людямъ съ саблями, шпагами и инымъ ружьемъ, купцамъ же не ходить, вообще же ни съ чѣмъ, никакихъ задоровъ и „поединковъ“ не чинить, чтобъ отъ того никакого дурна не было и буде отъ кого учинится какой задоръ или кто кого какимъ ружьемъ ранитъ и тѣмъ за то чинить указъ по уложенью, безъ пощады.“ Указъ этотъ въ законодательствѣ нашемъ подводится подъ узаконенія о дуэляхъ, хотя, по всей вѣроятности, онъ былъ направленъ только противъ ссоръ и дракъ и противъ употребленія въ этомъ случаѣ оружія. Собственно же между русскими правильныхъ поединковъ еще не было. Такъ надобно заключить изъ указа отъ 14-го января 1702 г., въ которомъ повелѣвалось „учинить заказъ подъ смертнымъ страхомъ, чтобъ иноземцы между собою задоровъ и никакихъ ссоръ не чинили и противъ обыкновенія (т. е. по обыкновенію) всѣхъ окрестныхъ государствъ ни за какія ссоры и недружбы на поединки съ саблями и шпагами и съ инымъ оружіемъ другъ друга не вызывали и не ходили, для того, что чинятся въ томъ напрасныя многія смертныя убійства“. Къ этому было прибавлено, что нетолько запрещается выходить на поединки, но и вынимать шпаги „для устрастія и похвальбы“. Кто же вызоветъ или выйдетъ на поединокъ или и безъ вызова нанесетъ противнику хотя бы малыя раны, того казнить смертью безъ всякой пощады, а тому, кто вынетъ оружіе и станетъ имъ замахиваться, будетъ отсѣчена рука. Въ этомъ указѣ, какъ видно, рѣчь шла исключительно объ однихъ иноземцахъ, но, затѣмъ, спустя тринадцать лѣтъ, вышло общее, безразличное запрещеніе противъ поединковъ, и повелѣніе въ случаѣ обиды искать „сатисфакціи“ у суда.

Въ „Воинскомъ Уставѣ“, изданномъ 30-го марта 1715 года, сказано, что вызовы на поединокъ запрещаются, кто

бы, какого, высокаго или низкаго, чина ни былъ и какъ „побужденъ и раззодоренъ ни былъ". „Кто же противъ сего учинитъ, оный, говорится въ „Уставѣ", какъ вызыватель, такъ и тотъ, кто выйдетъ, имѣетъ быть казненъ— повѣшенъ". Такая казнь назначалась и секундантамъ или „посредственникамъ" безъ всякаго отношенія къ послѣдствіямъ поединка. Убитый же на поединкѣ долженъ былъ быть повѣшенъ за ноги. Подобное узаконеніе относительно поединковъ было внесено и въ „Морской Уставъ", изданный 13-го января 1720 года. Такая строгость къ дуэлистамъ была заимствована Петромъ-Великимъ изъ тогдашняго нѣмецкаго законодательства, весьма усердно преслѣдовавшаго дуэли.

Суровый законъ Петра-Великаго былъ смягченъ вслѣдствіе общей отмѣны Елисаветою Петровною смертной казни. И затѣмъ, въ законодательствѣ нашемъ не было постановленій о дуэляхъ до изданія въ 1782 году „Устава благочинія", въ которомъ упоминалось о запрещеніи дуэлей и о преданіи суду дуэлистовъ для строгаго по законамъ наказанія. При Екатеринѣ II дуэли у насъ сдѣлались такъ часты, что императрица касательно ихъ издала 21-го апрѣля 1787 года особый манифестъ. Манифестъ этотъ, замѣчательный въ томъ отношеніи, что онъ указываетъ на понятія тогдашней законодательной власти о дуэли, служилъ до 1846 года, т. е. до изданія „Уложенія о наказаніяхъ", главнымъ основаніемъ всѣхъ нашихъ узаконеній, направленныхъ противъ поединковъ.

Ссылаясь на то, что, въ силу пожалованной, въ 1785 году, дворянству грамоты, представителямъ этого сословія дано право быть судимымъ равными себѣ и что „опредѣлены судебныя мѣста для разбиранія дѣлъ благородныхъ, касающихся чести", императрица объявляетъ, что, къ сожалѣнію, однако, оказываются предубѣжденія, съ постановленіями сими несходствующія, достодолжной подчинен-

ности и волѣ ея противныя“. Упомянутый манифестъ касается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вопроса объ историческомъ происхожденіи поединковъ въ Россіи и замѣчаетъ, что предразсудки, вызывающіе дуэль, „не суть отъ предковъ полученные, но чуждые, принятые или перенесенные“. „Прославившіеся въ древности народы славянскіе, греки римляне — говорится далѣе въ манифестѣ — не употребляли инако оружія, какъ къ оборонѣ общаго дѣла, а отнюдь не въ частной или личной ссорѣ. Послѣдовали затѣмъ времена варварскія и каждый дѣлалъ себя судьей въ собственномъ дѣлѣ отмщая обиды словами, рукой или оружіемъ“. Переходя, затѣмъ, собственно къ русскимъ, манифестъ внушаетъ, что неблагоразумно такому храброму и великодушному народу послѣдовать предубѣжденіямъ вѣковъ варварскихъ.

Затѣмъ, подтверждается запрещеніе выходить на „драку“ или на поединокъ и слѣдуютъ толкованія съ философской точки зрѣнія объ обидахъ вообще, также указанія на различіе обидъ по роду ихъ, по мѣсту или по лицу. Въ манифестѣ запрещалось „наипаче благородному дворянству самовластно „дракою“ брать или требовать удовлетворенія, будто бы за обиду или оскорбленія, а также способствовать подобнымъ дракамъ“. По этому манифесту повелѣно было: за раны, увѣчье и убійство на дуэли судить, какъ за обыкновенныя такого рода преступленія, а полицейскимъ и другимъ начальствамъ было предоставлено право примирять готовящихся выдти на поединокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ предписывалось выбирать посредниковъ для примиренія среди дворянства, а тѣхъ, кто не обратится къ этой мѣрѣ и тѣмъ самымъ какъ бы оскорбитъ дворянство своимъ недовѣріемъ, слѣдовало „выгонять изъ службы, исключать изъ общества дворянъ и не терпѣть въ бесѣдахъ и собраніяхъ“. Манифестъ Екатерины II о дуэляхъ оканчивался длиннымъ рядомъ нравственныхъ увѣщаній о неумѣстности самоуправства.

При первомъ изданіи „Свода Законовъ“, по отсутствію всякихъ узаконеній, изданныхъ относительно дуэлей послѣ упомянутаго манифеста, онъ былъ принятъ въ основаніе всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ XIV-мъ томѣ, „въ Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“, и въ томѣ XV-мъ, въ „Сводѣ Законовъ Уголовныхъ“. Означенныя статьи не обошлись, впрочемъ, безъ нравственныхъ поученій. Такъ, напримѣръ, ими вмѣнялось всѣмъ и каждому въ обязанность: „жить въ незазорной любви, мирѣ и согласіи, другъ другу по достоинству воздавать почтеніе, послушными быть кому надлежитъ по установленному порядку и стараться предупреждать недоразумѣнія, ссоры, споры и пренія, кои могутъ довести до огорченія и обидъ“. Затѣмъ, воспрещалась личная расправа съ указаніемъ, что, въ случаѣ обиды, каждому надлежитъ приносить жалобу власть на то имѣющимъ особамъ и мѣстамъ. Понятно, что такого рода моральныя сентенціи не могли удерживать отъ дуэлей и въ царствованіе императора Николая Павловича онѣ были довольно часты. Дуэлисты же, хотя и непринадлежавшіе къ военному званію, были обыкновенно предаваемы военно-уголовному суду. Судъ, съ своей стороны, постановлялъ, на основаніи законовъ, строгіе приговоры, которые, однако, всегда и, притомъ, въ значительной степени были смягчаемы при высочайшей конфирмаціи и, сверхъ того, большею частью, въ скоромъ врѣмени послѣ наказанія слѣдовало или его уменьшеніе, или совершенное прощеніе.

Между тѣмъ, уголовные того времени законы о дуэляхъ были строги, такъ что тотъ, кто сдѣлаетъ вызовъ на поединокъ во второй разъ, долженъ быть судимъ „яко нарушитель мира и спокойствія и подвергнуться лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на вѣчное житье“. За первый же вызовъ или обнаженіе оружія виновный лишался права искать законнаго удовлетворенія, былъ судимъ какъ ослушникъ законовъ, и, сверхъ того, подвергался

взысканію судейскаго безчестія по чину того судьи, вѣдомству котораго подлежало дѣло. Если поединокъ оканчивался раной, увѣчьемъ или убійствомъ, виновный судился, какъ за обыкновенныя такого рода преступленія. Секунданты, неуспѣвшіе въ примиреніи и недонесшіе о поединкѣ куда слѣдуетъ, должны были быть наказываемы, какъ участники поединка, по мѣрѣ происшедшаго отъ него вреда, а если вреда не было, то какъ участники самовольнаго суда и беззаконнаго мщенія. Наконецъ, кто случайно присутствовалъ при поединкѣ и не приложилъ старанія къ примиренію противниковъ или не донесъ, тотъ долженъ былъ считаться сообщникомъ поединка.

При второмъ изданіи „Свода Законовъ“ въ 1842 году, всѣ прежнія узаконенія о дуэляхъ сохранили свою силу; существенная же въ нихъ перемѣна была произведена въ 1846 году, при изданіи „Уложенія о наказаніяхъ.

Конечно, никто не станетъ оспоривать въ принципѣ той истины, что каждый такъ-называемый „порядочный человѣкъ“ обязанъ заботиться о поддержаніи своей чести и защищать ее, когда она бываетъ дѣйствительно оскорблена, хотя бы такая защита и навлекала на него кару закона. Нельзя не согласиться, что какъ бы ни были разборчивы и предусмотрительны законы по дѣламъ объ оскорбленіи личной чести, но, всетаки, бываютъ случаи, когда оскорбленный не можетъ считать себя удовлетвореннымъ, хотя бы къ оскорбителю и была примѣнена вся строгость дѣйствующихъ законовъ. Этимъ объясняется, почему нетолько общество, но и законодательства даже самыхъ просвѣщонныхъ государствъ смотрятъ, болѣе или менѣе, снисходительно на дуэли, какъ на неизбѣжное зло. Между тѣмъ, въ сущности, дуэль представляетъ изумительную несообразность, такъ какъ оскорбленный не мститъ собственно своему противнику, но ставитъ себя подъ его выстрѣлъ. Очевидно, такой способъ отмщенія обиды ока-

зывается не только крайне непослѣдовательнымъ, но и просто глупымъ. Еслибъ, по установившимся правиламъ дуэли, оскорбленный имѣлъ нѣсколько шансовъ передъ оскорбителемъ, тогда, по крайней мѣрѣ, въ дуэли былъ бы нѣкоторый, хотя и очень слабый, практическій смыслъ. Тогда бы и люди, позволяющіе себѣ дѣйствительно оскорблять чужую честь, сдѣлались бы осторожнѣе, предвидя, что, въ случаѣ дуэли, они будутъ поставлены въ условія менѣе благопріятныя, нежели тѣ, въ какія будутъ поставлены оскорбленные ими. При нынѣшнемъ же порядкѣ дуэлей, оскорбленный или имѣетъ только равные шансы, когда противники стрѣляютъ одновременно, или даже еще менѣе шансовъ, нежели оскорбитель, такъ какъ первый изъ нихъ хотя и обязанъ сдѣлать вызовъ, но первой выстрѣлъ принадлежитъ не ему, а его противнику. Наконецъ, вообще понятія о чести бываютъ чрезвычайно превратны, и иной господинъ, готовый вызвать на дуэль каждаго, кто нечаянно задѣнетъ его и не извинится передъ нимъ, въ тоже время позволяетъ себѣ такіе поступки, за которые ему давнымъ-давно слѣдовало бы отвести самое почотное мѣсто въ острогѣ среди отъявленныхъ мошенниковъ. Въ высшей степени бываютъ неумѣстны и тѣ дуэли, которыя происходятъ изъ желанія поправить дурную молву, распущенную противникомъ на счотъ лица, вызывающаго его за это на поединокъ. Положимъ, могутъ быть и такіе случаи, когда обиженный такою молвой не желаетъ дать судебной огласки дѣлу потому только, что къ этому дѣлу прикосновенны другія лица, которыхъ онъ любитъ или уважаетъ, почему онъ и не рѣшается примѣшать ихъ къ своему дѣлу. Будетъ ли такое чувство справедливо или ошибочно, но во всякомъ случаѣ, общество должно отнестись къ нему съ уваженіемъ. Но неужели общество должно отнестись съ такимъ же чувствомъ, напримѣръ, къ свѣтскому плуту или блестящему шулеру, которые, для

возстановленія потерянной ими чести, бываютъ готовы, въ критическую для нихъ минуту, подставить свои безстыжіе лбы подъ пистолетное дуло? Конечно, нѣтъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о дуэляхъ неразрывно связанъ съ вопросомъ о чести, и чѣмъ правильнѣе и разумнѣе понятія о чести, тѣмъ менѣе бываетъ поводовъ къ дуэли, такъ какъ люди становятся сдержаннѣе въ отношеніи чужой личности и такъ какъ само общество бываетъ какъ бы заранѣе готово отмстить за дѣйствительное оскорбленіе чести каждаго изъ своихъ членовъ. Сверхъ того, въ господствующихъ нынѣ понятіяхъ о дуэли гораздо болѣе дворянско-сословной, нежели общечеловѣческой закваски и положительно можно сказать, что, напримѣръ, у насъ дворянинъ или военный офицеръ почтетъ для себя унизительнымъ выдти на дуэль съ семинаристомъ, купцомъ или мѣщаниномъ, и, въ случаѣ нанесенной ими самой тяжкой обиды, найдетъ совершенно правильнымъ обратиться съ жалобой на нихъ подлежащему вѣдомству или же разсчитаться съ ними простою естественною расправой, но не дуэлью.

Нынѣ дѣйствующіе уголовные законы о поединкахъ основаны на „Уложеніи о наказаніяхъ“ 1846 года, которое совершенно измѣнило прежде бывшіе у насъ законы, отнесясь къ дуэлямъ съ большею снисходительностью. Такъ, „Уложеніе“ не причисляло убійство, а также нанесеніе ранъ и увѣчья на дуэляхъ къ обыкновеннымъ преступленіямъ этого рода, но установило особыя, несравненно слабѣйшія наказанія. Узаконенія эти безъ всякаго измѣненія были удержаны при второмъ изданіи „Уложенія“ въ 1857 году. При третьемъ же его изданіи, въ 1866 году, наказанія за поединки были значительно ослаблены. Это произошло, впрочемъ, не вслѣдствіе болѣе снисходительнаго взгляда на дуэли со стороны законодательной

власти, но только вслѣдствіе общаго смягченія нашихъ уголовныхъ законовъ.

Въ настоящее время, согласно, впрочемъ, еще и съ „Уложеніемъ“ 1846 года, наказанія за поединки соразмѣряются прежде всего съ тѣми послѣдствіями, какія отъ нихъ произошли для дуэлистовъ. Такая соразмѣряемость едва ли можетъ быть признана правильною, такъ какъ послѣдствія дуэли ничего болѣе, какъ слѣпая случайность. Такъ, одинъ изъ противниковъ, нежелающій вовсе щадить жизни своего врага, дѣлаетъ, однако, промахъ и потому подвергается малѣйшей отвѣтственности, нежели тотъ, который, или не умѣя хорошо стрѣлять или вслѣдствіе дрожанія руки, ранитъ или убьетъ своего противника, хотя онъ самъ и былъ далекъ отъ такого намѣренія. Во многихъ случаяхъ ослабленіе наказанія, вслѣдствіе того или другого исхода дуэли, можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ преміей искусному стрѣлку, который, мѣтко прицѣлившись, лишь ранилъ, но не убилъ своего противника. Между тѣмъ (ст. 1503 улож. о нак.), за поединокъ, котораго послѣдствіемъ будетъ смерть или нанесеніе увѣчья или тяжкой раны, виновный (если обида давшая къ тому поводъ, или же въ случаѣ, когда того съ достовѣрностью узнать нельзя, если вызовъ на этотъ поединокъ сдѣланъ имъ) подвергается заключенію въ крѣпости, въ случаѣ смерти на время отъ четырехъ до шести лѣтъ и восьми мѣсяцовъ, а въ случаѣ нанесенія увѣчья или тяжкихъ ранъ—на время отъ двухъ до четырехъ лѣтъ. Когда же не онъ былъ причиной поединка и вызовъ сдѣланъ его противникомъ, то въ случаѣ смерти противника, онъ приговаривается: къ заключенію въ крѣпости на время отъ двухъ до четырехъ лѣтъ, а въ случаѣ нанесенія ему увѣчья или тяжкихъ, но не смертельныхъ ранъ — на время отъ восьми мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. За поединокъ (ст. 1,505), окончившійся хотя и не безъ кровопролитія, но лишь нанесеніемъ лег-

кихъ ранъ, неподвергающихъ жизни получившаго ихъ опасности и негрозящихъ ему ни увѣчьемъ, ни важнымъ разстройствомъ здоровья, виновные приговариваются: къ заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости, тотъ, которымъ нанесена давшая къ поединку поводъ обида—или, буде этого съ достовѣрностью узнать нельзя, тотъ, кѣмъ сдѣланъ вызовъ—на время отъ восьми мѣсяцовъ до одного года и четырехъ мѣсяцовъ, а другой на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ.

Изъ приведенныхъ нами узаконеній видно, что наказаніе за поединки соразмѣряется какъ съ послѣдствіями поединковъ, такъ и съ тѣмъ обстоятельствомъ, кто подалъ поводъ къ поединку нанесенною обидой или кѣмъ былъ сдѣланъ вызовъ. Соразмѣряемость наказанія съ этимъ обстоятельствомъ вполнѣ раціональна. Главная мысль при установленіи наказаній за поединки должна состоять въ томъ, чтобъ, при опредѣленіи мѣры такихъ наказаній, отличать тѣхъ, которые дали поводъ къ поединку отъ тѣхъ, которые считали себя въ необходимости слѣдовать обычаю или предразсудку, почти общему и тѣсно связанному съ понятіемъ о чести. Такой взглядъ на наказанія за поединки былъ высказанъ, въ 1849 году, государственнымъ совѣтомъ и былъ сообщонъ всѣмъ судебнымъ мѣстамъ для надлежащаго руководства, и затѣмъ, мнѣніе государственнаго совѣта было, въ видѣ особаго примѣчанія, внесено въ „Уложеніе о наказаніяхъ“.

Кромѣ случайныхъ послѣдствій, какъ-то: убійства, увѣчья или ранъ, законодательство наше, при опредѣленіи наказаній за поединки, принимаетъ въ соображеніе еще и личныя дѣйствія противниковъ. Такъ, если вышедшіе или уговорившіеся выдти на поединокъ примирятся и прекратятъ его, хотя и по обнаженіи или приготовленіи къ бою оружія, но безъ кровопролитія, по собственному побужденію, или слѣдуя совѣтамъ и убѣжденіямъ

свидѣтелей, а не по обстоятельствамъ, отъ нихъ независѣвшимъ, то они освобождаются отъ всякаго наказанія и преслѣдованія. За вызовъ же на поединокъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, о которомъ мы упомянемъ ниже, когда этотъ вызовъ, по обстоятельствамъ, независящимъ отъ вызывающаго, не имѣлъ никакихъ послѣдствій, виновный подвергается аресту на время отъ трехъ до семи дней; когда же вслѣдствіе вызова былъ поединокъ, но окончился безъ кровопролитія, то вызвавшій приговаривается къ аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцовъ. Изобличонный же въ этомъ во второй разъ подвергается: заключенію въ крѣпости на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцовъ. Наказанія эти возвышаются одною или двумя степенями, если вызовъ былъ сдѣланъ тѣмъ самымъ лицомъ, которымъ данъ и первый поводъ къ ссорѣ. Освобождается отъ всякаго наказанія или приговаривается только къ аресту на время отъ одного до трехъ дней тотъ, кѣмъ сдѣланъ вызовъ вслѣдствіе нанесеннаго вызывающему тяжкаго личнаго оскорбленія, или вслѣдствіе оскорбленія отца его, матери или другаго родственника въ восходящей линіи, или жены, или невѣсты, или сестры, или дочери, невѣстки, свояченницы, или ввѣренныхъ его опекѣ лицъ. Казалось бы, что законъ, выдѣляя особенные, повидимому, уважительные для него самого поводы къ поединку, долженъ былъ отнестись и къ послѣдствіямъ такихъ поединковъ съ большею снисходительностью. Между тѣмъ, послѣдствія этихъ поединковъ законъ, въ отношеніи виновности вызвавшаго лица, подводитъ подъ общій уровень, такъ что и въ этихъ случаяхъ важны собственно не побужденія, заставившія вызвать на поединокъ оскорбителя, но только послѣдствія самого поединка. Съ особенною строгостью относится законъ къ тѣмъ случаямъ, когда при вызовѣ на поединокъ полагается условіемъ, чтобъ онъ окончился непремѣнно смертью одного изъ сражающихся и

когда послѣдствіемъ этого дѣйствительно будетъ смерть одного изъ противниковъ или нанесенія смертельной раны. Виновный въ такомъ поединкѣ, если упомянутое условіе было предложено имъ, подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, а буде оно имъ только принято — заключенію въ крѣпости на время отъ шести лѣтъ и восьми мѣсяцовъ до десяти лѣтъ. Здѣсь опять важно собственно не условіе поединка, но его послѣдствія, потому что если я при этомъ условіи одинъ изъ противниковъ будетъ, напримѣръ, такъ раненъ въ руку, что потомъ не въ состояніи будетъ стрѣлять и такимъ образомъ дуэль прекратится сама собою, то предложеніе условія—драться непремѣнно на смерть, хотя и будетъ составлять самую существенную часть преступленія, не будетъ, однако, имѣть никакого вліянія на увеличеніе наказанія.

Со времени изданія Петромъ-Великимъ „Воинскаго Устава“ и до изданія „Уложенія о наказаніяхъ“, секунданты подвергались тѣмъ же самымъ наказаніямъ, какъ и дуэлисты. „Уложеніе“ опредѣлило для нихъ особыя наказанія, возложивъ на нихъ обязанность примирителей. Поэтому, свидѣтели (секунданты), которые предъ поединкомъ и при самомъ поединкѣ, не употребятъ „всѣхъ возможныхъ средствъ убѣжденія“ для предупрежденія или прекращенія дуэли, подвергаются за это, въ случаѣ, если послѣдствіемъ поединка будетъ смерть одного изъ противниковъ или обоихъ, или нанесеніе смертельной раны, заключенію въ крѣпости на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцовъ, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ—заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцовъ. Врачи, призываемые для помощи раненымъ, не считаются свидѣтелями поединка. Свидѣтели же, изобличенные не только въ неупотребленіи всѣхъ возможныхъ средствъ убѣжденія къ предупрежденію или прекращенію поединка, но и въ по-

бужденіи къ его начатію, продолженію или возобновленію, приговариваются къ заключенію въ крѣпости на время отъ двухъ лѣтъ и восьми мѣсяцовъ до четырехъ лѣтъ. На практикѣ, однако, разрѣшеніе вопроса о виновности секундантовъ представляется весьма затруднительнымъ, такъ какъ каждый дуэлистъ прежде всего имѣетъ претензію на самостоятельность своихъ понятій о чести и не допускаетъ въ это дѣло ничьего посторонняго вмѣшательства. Притомъ, и выраженіе о неупотребленіи „всѣхъ возможныхъ средствъ убѣжденія“ такъ неопредѣленно, что судъ относительно этого обстоятельства никогда не въ состояніи произнести правильный приговоръ.

Съ цѣлью предотвратить случаи поединковъ, законъ опредѣляетъ подвергать заключенію въ крѣпости на время отъ одного года и до четырехъ лѣтъ, или въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ мѣсяцовъ до одного года и четырехъ мѣсяцовъ того, кто будетъ изобличенъ въ умышленномъ кого-либо возбужденіи къ поединку, который и дѣйствительно вслѣдствіе этого состоялся. Такимъ же наказаніямъ и на томъ же основаніи подвергается и уговорившій или побудившій кого-либо умышленно къ нанесенію тяжкаго другому лицу оскорбленія съ цѣлью дать поводъ къ поединку. Наконецъ, такому же наказанію подвергается и тотъ, кто невышедшаго, по сдѣланному вызову, на поединокъ или прекратившаго его примиреніемъ, будетъ въ томъ упрекать, или же оскорбитъ словами или дѣломъ.

Такъ какъ поединокъ признается преступленіемъ общимъ, какъ для лицъ военно-служащихъ, такъ и для лицъ гражданскаго званія, и не предусматривается особо въ военно-уголовныхъ законахъ, то и военно-служащіе судятся за поединки на основаніи „Уложенія о наказаніяхъ“. Въ военно-уголовныхъ законахъ постановлено особое наказаніе только за вызовъ начальника на поединокъ. Виновный въ этомъ подвергается исключенію изъ службы безъ ли-

шенія чиновъ или заключенію въ крѣпости на время отъ двухъ мѣсяцовъ до одного года и четырехъ мѣсяцовъ; когда же вызовъ былъ послѣдствіемъ дѣла, касающагося службы, то исключенію изъ службы съ лишеніемъ чиновъ. или разжалованію въ рядовые, или заключенію въ крѣпости на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцовъ до четырехъ лѣтъ. Начальникъ, принявшій вызовъ, подлежитъ тому же наказанію, какъ и подчиненный, его сдѣлавшій. Если же вслѣдствіе вызова состоится поединокъ, то наказаніе опредѣляется на основаніи правилъ о совокупности преступленій. Сравнивать строгость этихъ наказаній съ наказаніями, установленными за подобные же поступки въ общихъ уголовныхъ законахъ, никакъ нельзя, потому что, на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ, подчиненный, осмѣлившійся вызвать начальника своего на поединокъ, подвергается или заключенію въ крѣпости на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцовъ, или лишенію нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ восьми мѣсяцовъ до одного года и четырехъ мѣсяцовъ. Если же вызовъ начальника на поединокъ былъ послѣдствіемъ касающагося службы дѣла, или же мщеніемъ за взысканіе по настоящей или прежней службѣ, то виновный подвергается заключенію къ крѣпости на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцовъ до четырехъ лѣтъ, съ потерею нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ.

Что касается законодательства о дуэляхъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, то самыя строгія за это наказанія полагаются во Франціи. Тамъ, въ 1837 году, генералъ-прокуроръ Дюпенъ убѣдилъ касаціонный судъ высказать мнѣніе, что дуэль не есть какое-нибудь особое преступленіе, но что она ничего болѣе, какъ простое убійство, и съ того времени французскіе суды преслѣдуютъ дуэли безусловно въ качествѣ этого преступленія. Въ Англіи законы о дуэляхъ сходятся съ прежними нашими законами, въ

томъ отношеніи, что дуэль признается убійствомъ только тогда, когда она кончилась смертью или нанесеніемъ смертельной раны. Въ Австріи за дуэль полагается тюремное заключеніе отъ 10-ти до 20-ти лѣтъ, причомъ, съ точки зрѣнія закона, виновный наказывается болѣе за самоуправство, нежели за послѣдствія дуэли. Въ Голландіи наказаніе за дуэль можетъ доходить до 12-ти лѣтъ тюремнаго заключенія. Такимъ образомъ, законы наши о дуэляхъ оказываются гораздо снисходительнѣе, нежели законы многихъ европейскихъ государствъ. Наибольшею снисходительностью въ этомъ отношеніи отличается бельгійскій уголовный кодексъ, по которому, несмотря ни на поводы, ни на исходъ дуэли, самая высшая мѣра наказанія ограничивается тюремнымъ заключеніемъ на пять лѣтъ съ присоединеніемъ къ этому незначительнаго денежнаго штрафа. Въ Сѣверной Америкѣ наказанія за дуэли чрезвычайно неравномѣрны: въ однихъ штатахъ дуэли пользуются полною терпимостью, тогда когда въ другихъ онѣ считаются обыкновеннымъ убійствомъ.

Возникаетъ самъ собою вопросъ: какія мѣры могутъ послужить у насъ если не къ совершенному прекращенію дуэлей, то хоть къ ограниченію числа подобныхъ случаевъ? Мы уже говорили о томъ вліяніи, какое въ этомъ случаѣ должны оказывать разумныя понятія образованной части общества о чести и объ оскорбленіи ея. Утвердить въ обществѣ такія понятія путемъ законодательныхъ мѣръ невозможно. Дѣйствовать въ этомъ направленіи можетъ лишь само общество. Такъ, во Франціи, въ 1609 году были учреждены суды чести, которые въ правѣ были разрѣшать дуэли. Мѣра эта ослабила до нѣкоторой степени чрезмѣрную наклонность тогдашнихъ французовъ къ дуэлямъ. Еще болѣе вліянія оказали въ Англіи на ослабленіе дуэлей свободныя асоціаціи. Такъ, въ 1840 году, тамъ составилось общество изъ пэровъ, адмираловъ и генераловъ, по-

становившее, чтобъ члены его, ни въ какомъ случаѣ, не выходили на дуэль, но рѣшали бы всѣ споры объ обидахъ судомъ ежегодно-назначаемыхъ посредниковъ. Если принять въ соображеніе то довѣріе, какое англичане оказываютъ своимъ присяжнымъ судамъ, то нельзя не признать, что, въ силу господствующихъ еще понятій о чести, даже и въ Англіи обыкновенные суды не считаются компетентными въ такихъ щекотливыхъ дѣлахъ, гдѣ нуженъ собственно приговоръ общества, а не приговоръ формальнаго суда. Само собою разумѣется, что было бы весьма желательно видѣть и у насъ возникновеніе подобнаго общества, и, быть можетъ, современемъ, подъ его вліяніемъ, на дуэли стали бы всѣ смотрѣть, какъ на убійство, а не какъ на храбрый бой, освященный могуществомъ общественнаго мнѣнія. Существованіе въ Россіи подобнаго общества было бы тѣмъ умѣстнѣе, что, по „Судебнымъ Уставамъ", дѣла о дуэляхъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ подлежатъ суду присяжныхъ. Сверхъ того, при сильномъ еще у насъ господствѣ сословныхъ понятій, судъ присяжныхъ, составленный, большею частью, изъ представителей среднихъ и низшихъ классовъ, не можетъ считаться компетентнымъ судомъ по дѣламъ о дуэляхъ, которыми собственно затрогиваются вопросы о дворянской чести. Необходимо также, чтобъ, при гласномъ разборѣ дѣлъ о дуэляхъ, были всегда обнаруживаемы первоначальные поводы къ дуэли: тогда выступила бы наружу вся вздорность, вся мелочность причинъ, обыкновенно порождающихъ дуэль, выявлялись бы нерѣдко всѣ дрязги и сплетни—и тогда большая часть дуэлистовъ теряла бы то обаяніе, какое она производитъ на общество, являясь въ глазахъ его только защитникомъ своей будто бы дѣйствительно оскорбленной чести. Еслибъ передъ публикой открывались истинныя причины дуэлей, то многіе дуэлисты считались бы только смѣшными или наглыми забіяками, сплетниками, интриганами и пустыми фанфаронами,

*

и тогда охотники до дуэлей убѣдились бы, что вызовомъ на поединокъ не такъ легко возстановить свою дѣйствительно потерянную честь, какъ это думаютъ теперь, когда на истинныя причины дуэли набрасывается совершенно неумѣстная тайна. Не мѣшало бы было также усилить наказаніе не самимъ дуэлистамъ, но тѣмъ подстрекателямъ, которые любятъ заварить кашу на чужой счотъ, а потомъ отойти въ сторону; но, само собою разумѣется, что такіе подстрекатели могутъ быть открываемы только тогда, когда слѣдствіе о дуэляхъ будетъ доходить до первоначальныхъ поводовъ дуэли, а не ограничиваться лишь такимъ главнымъ обстоятельствомъ, которое, по преобладающимъ еще у насъ понятіямъ о чести, и не могло привести ни къ чему другому какъ только къ дуэли. Наконецъ, было бы гораздо основательнѣе, еслибъ, по нашимъ законамъ, наказанія за дуэль соразмѣрялись не съ ея послѣдствіями, но единственно съ тѣми поводами, которые вызываютъ ея: тогда мѣриломъ наказанія была бы не слѣпая случайность, но собственные поступки человѣка, за которые онъ и долженъ только отвѣчать передъ закономъ и передъ обществомъ.

XIV.

Преслѣдованіе запрещонныхъ игръ по нашимъ законамъ.

Въ нѣкоторыхъ европейскихъ законодательствахъ, между прочимъ, и въ нашемъ, встрѣчаются узаконенія, которыя направлены собственно нетолько противъ преступныхъ дѣйствій, но и противъ человѣческихъ страстей. Къ такимъ узаконеніямъ относятся узаконенія о запрещонныхъ играхъ. Пускаясь въ эти игры, человѣкъ очень часто дѣлаетъ вредъ только самому себѣ, и проигрывая свои собственныя деньги, доставляетъ даже выгоды посторонним лицамъ. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ не бываетъ иногда вовсе такого потерпѣвшаго лица, которое могло бы обвинять, кромѣ самого себя, кого-нибудь другого; слѣдывательно, здѣсь и не бываетъ преступленія, подлежащаго полицейскому или судебному преслѣдованію. Тѣмъ не менѣе, законодательство наше, относясь безразлично къ результатамъ азартной игры, т. е. къ тому, въ какой степени проигрышъ одного или выигрышъ другаго нарушилъ матерьяльные интересы игроковъ, или поблагопріятствовалъ имъ, преслѣдуетъ, независимо отъ этого, азартную игру, какъ дѣйствіе, вообще недозволенное закономъ. Вслѣдствіе этого, еслибъ даже всѣ лица, ведущія между собою азартную игру, оставались вполнѣ довольны ею и не жаловались нетолько на какіе-нибудь допущенные при этомъ обманы и хитрости, но даже нисколько не пеняли

бы на испытанныя ими неудачи, полиція, всетаки, несмотря на это, должна преслѣдовать азартныхъ игроковъ и предавать ихъ въ руки правосудія. Изъ этого видно, что законодательство наше признаетъ азартныя игры не преступленіемъ противъ частной собственности, а нарушеніемъ общественнаго благочинія.

Законодательства же нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, и въ томъ числѣ даже нѣкоторыхъ изъ германскихъ, отличающихся вообще степенностью своего общественнаго быта, смотрятъ на азартныя игры съ совершенно другой точки. Они не только дозволяютъ открыто играть въ самыя азартныя игры, но даже нѣкоторыя германскія правительства, какъ, напримѣръ, бывшее нассауское, сдѣлали изъ публичныхъ игорныхъ домовъ едва ли не самую важную статью своихъ государственныхъ доходовъ. Во Франціи игорные дома были уничтожены съ 1-го января 1838 года, въ силу закона, изданнаго 18-го іюля 1836 года. До того же времени, въ Парижѣ существовало множество игорныхъ домовъ, особенно въ Пале-Ройялѣ и Фраскати. Въ Англіи преслѣдованіе публичныхъ игорныхъ домовъ началось еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, когда страсть къ азартнымъ играмъ достигла тамъ ужасающихъ размѣровъ. Въ Англіи игорные дома содержались преимущественно знатными дамами и когда, въ 1745 году, послѣдовало распоряженіе парламента о закрытіи такихъ домовъ, то леди Мордингтонъ и леди Казалисъ воспротивились этому, ссылаясь на пэрство своихъ супруговъ.

Для многихъ юристовъ запрещеніе азартныхъ игръ представляется несправедливымъ ограниченіемъ правъ гражданина располагать свободно своею собственностью. Такое запрещеніе они признаютъ неосновательною опекой правительства надъ частными дѣлами и допускаютъ вмѣшательство полицейской или судебной власти въ дѣла объ

азартныхъ играхъ только тогда, когда одна изъ сторонъ ищетъ для себя защиты у той или у другой власти, ссылаясь на то, что она сдѣлалась жертвою обмана. Что же касается публичныхъ игорныхъ домовъ, то многіе экономисты и моралисты нетолько не видятъ ничего дурного въ существованіи такихъ домовъ, но даже, напротивъ, признаютъ ихъ весьма полезными и для матерьяльныхъ и для нравственныхъ интересовъ общества, такъ какъ, съ закрытіемъ публичныхъ игорныхъ домовъ, азартныя игры велись бы тайкомъ и, слѣдовательно, ускользали бы отъ всякаго надзора и наблюденія со стороны правительственной власти. Тогда обманы и завлеченія въ игру, а также разнаго рода злоупотребленія и плутни сдѣлались бы значительнѣе, нежели въ тѣхъ случаяхъ, когда азартная игра происходитъ публично и какъ бы состоитъ нетолько подъ полицейскимъ, но и подъ общественнымъ контролемъ.

Нельзя отвергать безусловно справедливость этого послѣдняго довода. Опытъ показываетъ, что, дѣйствительно, въ тѣхъ странахъ, гдѣ не дозволено открытіе публичныхъ игорныхъ домовъ, устроиваются своимъ чередомъ тайные притоны для азартныхъ игроковъ. Въ этихъ притонахъ, благодаря ихъ разнообразію, находятъ для себя занятія представители всѣхъ классовъ общества, такъ какъ притоны эти начинаются нерѣдко съ роскошно-обставленныхъ салоновъ и, утрачивая постепенно свою внѣшнюю представительность, доходятъ, наконецъ, до самыхъ грязныхъ, отвратительныхъ вертеповъ. Независимо отъ этого, образуются очень часто шайки игроковъ, такъ-называемыхъ шулеровъ, которые готовы приниматься за свое ремесло, т. е. за то, чтобъ обыграть кого нибудь навѣрняка, при каждомъ удобномъ случаѣ. Сверхъ того, иногда въ публичныя мѣста, напримѣръ, клубы, вводится, подъ видомъ комерческой игры, самая азартная игра, въ которую преспокойно играютъ открыто до тѣхъ поръ, пока, наконецъ,

какія-нибудь власти не догадаются насчотъ истиннаго свойства новоизобрѣтенной игры. Вдобавокъ къ этому, многія дозволенныя карточныя игры, введеніемъ въ нихъ особаго счота по той или другой картѣ, припиской къ выигрышу, держаніемъ пари и т. д., обращаются весьма искусно въ азартныя игры.

Конечно, всѣ указанныя нами обстоятельства въ значительной степени ослабляютъ на практикѣ надзоръ правительства за несуществованіемъ азартныхъ игръ, но и въ виду этого едва ли можно согласиться, что правительство не имѣетъ юридическаго права и, вмѣстѣ, нравственной обязанности слѣдить за тѣмъ, чтобъ въ охраняемомъ имъ обществѣ не развивались такія игры, которыя основаны на одной лишь случайности и при которыхъ люди, съ слабымъ характеромъ и необладающіе достаточною сдержанностью, обыкновенно дѣлаются жертвою промышленниковъ, умѣющихъ нетолько хорошо владѣть собою, но и возбуждать въ человѣкѣ страсть, порою гибельную не для него одного, но и для всей его семьи. Такимъ образомъ, если право правительства преслѣдовать азартныя игры и нельзя вывести изъ законовъ, дозволяющихъ полноправнымъ, въ имущественномъ отношеніи, личностямъ располагать своею собственностью единственно по ихъ усмотрѣнію, то, тѣмъ не менѣе, такое право является вполнѣ основательнымъ, какъ обязанность правительства отстранять, по возможности, всякаго рода соблазны. Если за правительствомъ повсемѣстно въ цивилизованныхъ странахъ признается право пресѣкать пьянство и развратъ, точно также очень часто наносящія вредъ лишь тѣмъ лицамъ, которыя предаются тому или другому пороку, не дозволять выставки непристойныхъ изображеній, неприличныхъ сценическихъ представленій и т. д., то понятно, что нѣтъ никакого основанія отвергать и съ юридической точки зрѣнія право правительства на пресѣченіе азартныхъ

игръ, какъ одного изъ видовъ общественнаго соблазна и зла.

Впрочемъ, независимо отъ своего существеннаго характера, азартныя игры могутъ причинять вредъ и вслѣдствіе побочныхъ, тѣсно соединенныхъ съ ними обстоятельствъ; онѣ могутъ служить самою удобною и самою благовидною ловушкой, разставляемой охотниками поживиться насчотъ чужого кармана людямъ, довѣряющимъ чести игрока. Извѣстно, что иногда личности, принадлежащія, по своему общественному положенію и образованію, къ такъ-называемому большому свѣту, бываютъ не прочь, подмѣтивъ у кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ страсть къ азартной игрѣ, воспользоваться сю и обратить ее въ свою пользу. При этомъ исчезаютъ тѣ щекотливыя понятія о чести, какія обыкновенно выставляются на видъ въ другихъ случаяхъ подобными личностями. Вообще азартныя игры представляются, въ нравственномъ отношеніи, одною изъ важнѣйшихъ общественныхъ язвъ потому даже, что онѣ отучаютъ людей отъ правильнаго, соразмѣрнаго вознагражденія за трудъ, основывая весь успѣхъ дѣла на одной только слѣпой случайности.

Обыкновенно, подъ названіемъ азартныхъ игръ, въ противоположность комерческимъ, подразумѣваются карточныя игры, при которыхъ удача выигрыша обусловливается не соображеніями и разсчотами игрока, но случайнымъ выходомъ той или другой карты. Такое понятіе объ азартныхъ играхъ крайне ограничено, такъ какъ, кромѣ карточныхъ игръ, существуютъ еще и многія другія, безусловно азартныя игры. Первое между ними мѣсто занимаетъ, конечно, рулетка, изобрѣтенная въ концѣ прошлаго столѣтія и донынѣ господствовавшая въ такой сильной степени въ игорныхъ домахъ на лечебныхъ германскихъ и итальянскихъ водахъ, лото, томбола—нѣсколько измѣненный видъ лото—и домино. Въ нашемъ простонародьѣ самыя употребитель-

ныя азартныя игры, кромѣ карточныхъ, фортунка и орлянка. Наконецъ, къ азартнымъ играмъ должно причислить и лотереи, достигшія, нѣсколько лѣтъ назадъ, изумительныхъ размѣровъ, такъ какъ этимъ способомъ выбиралось въ иной годъ изъ народа болѣе мильона рублей. Правда, лотереи эти учреждались съ благотворительною цѣлью; но нельзя же полагать, чтобъ въ общественно-нравственныхъ вопросахъ цѣль оправдывала средства. Во всякомъ случаѣ, существованіе лотереи, особенно съ большими денежными преміями, представляетъ высшую степень развитія азартныхъ игръ. Такія лотереи пріучаютъ народъ рисковать послѣднею заработанною копейкой, возбуждаютъ въ немъ несбыточныя надежды и вселяютъ вѣру въ слѣпую случайность больше, нежели въ правильный и честный трудъ. Поэтому, нельзя не порадоваться, что правительство наше преслѣдующее азартныя игры, ограничило и до нѣкоторой степени ослабило прежнюю приманку благотворительныхъ лотерей. Впрочемъ, и здравый смыслъ народа содѣйствовалъ, съ своей стороны, ослабленію этого рода азартныхъ игръ, потому что въ послѣднее время, когда начали убѣждаться, что покупка лотерейныхъ билетовъ представляетъ обыкновенно напрасную трату денегъ, билеты эти перестали сбываться въ массѣ народа съ тою легкостью, съ какою сбывались прежде.

Что касается существующихъ нынѣ у насъ узаконеній, направленныхъ противъ запрещонныхъ азартныхъ игръ, то одни изъ нихъ относятся къ мѣрамъ предупредительнымъ, другія къ карательнымъ. Узаконенія перваго рода помѣщены въ XIV томѣ „Свода Законовъ“, въ „Уставѣ Благочинія“, а втораго—въ „Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“ и въ „Уложеніи о наказаніяхъ“. Встрѣчаются также отдѣльныя статьи, относящіяся къ преслѣдованію запрещонныхъ игръ, во II-мъ томѣ „Свода Законовъ“—въ „Учрежденіи губерній“—и въ XI-мъ томѣ,

въ „Уставѣ торговомъ". Историческій же ходъ упомянутыхъ узаконеній былъ слѣдующій.

Законодательство начало преслѣдовать уголовнымъ порядокъ игроковъ со времени изданія „Уложенія" царя Алексѣя Михайловича. Тамъ, въ главѣ XXI, въ статьѣ 15-й, сказано: „а которые воры на Москвѣ воруютъ, карты и зернью играютъ и проигрывая воруютъ, и такихъ всякихъ чиновъ людей, имая, приводить въ приказъ и тѣмъ ворамъ чинить указъ тотъ же, какъ писано о татѣхъ". Съ татями же тогда расправлялись очень круто: ихъ нетолько били кнутомъ нещадно, но порой рубили имъ пальцы или руки. Судя по тому смыслу, въ какомъ обыкновенно употреблялось на московско-юридическомъ языкѣ слово „воръ", надобно заключить, что „Уложеніе" преслѣдовало не однихъ только игроковъ-плутовъ, но и всѣхъ игроковъ поголовно, такъ какъ слово „воръ" не имѣло тогда того тѣснаго значенія, какое ему придается нынѣ: подъ словомъ „воровство" разумѣлось вообще всякое нарушеніе законовъ. Такимъ образомъ, изъ приведеннаго нами текста „Уложенія" видно, что русскіе, еще до реформъ Петра-Великаго, успѣли ознакомиться съ французскимъ изобрѣтеніемъ—съ игральными картами. Зернь же, или квадратныя косточки, съ намѣченными по сторонамъ ихъ очками, по всей вѣроятности, пришла къ намъ изъ Греціи въ самую отдаленную пору. Игра въ зернь была у насъ въ большомъ употребленіи еще въ глубокой древности, и русское духовенство въ своихъ посланіяхъ и поученіяхъ не разъ возставало противъ этой бѣсовской потѣхи, грозя изъ-за нея церковными карами. Иностранные путешественники замѣчали, что московитяне были страстные охотники до зерни и играли въ кости даже на церковныхъ папертяхъ.

Затѣмъ, до 1696 года въ законодательствѣ нашемъ не встрѣчается никакихъ постановленій насчотъ игръ въ карты и въ зернь, но въ этомъ году, 18-го февраля, со-

стоялся указъ, по которому велѣно было обыскивать людей, подозрѣваемыхъ въ охотѣ поиграть и „тѣмъ людямъ— сказано въ указѣ—у кого карты и зернь выпутъ, чинить наказаніе, велѣть ихъ бить кнутомъ. „Такимъ образомъ, строгость противъ игроковъ, сравнительно съ тѣмъ узаконеніемъ, какое насчотъ ихъ было внесено въ „Уложеніе“, значительно усилилась, потому что было приказано наказывать нетолько того, кто попадется въ игрѣ картами или зернью, но и того, кто имѣетъ пригодные для этого снаряды. Петръ 1-й, не отмѣняя прямо законодательнымъ порядкомъ этихъ узаконеній, приказалъ, 11-го декабря 1717 года, чтобъ никто въ деньги не игралъ подъ тройнымъ штрафомъ обрѣтающихся въ игрѣ денегъ. Понятно, однако, что, въ силу этого указа, недозволявшаго только игры въ деньги, должно было уничтожиться узаконеніе о томъ, чтобъ нетолько не играть въ карты и зернь, но даже и не имѣть ихъ у себя.

23-го января 1733 года, императрица Анна Ивановна подтвердила указъ Петра I-го, прибавивъ къ этому, что изъ забранныхъ при игрѣ денегъ и прочихъ вещей давать третью часть объявителю, а остальныя двѣ трети отсылать на госпиталь. Если же кто попадется въ игрѣ на деньги во второй разъ, то такихъ, кромѣ взятія съ нихъ тройного денежнаго штрафа, противъ суммы, бывшей при игрѣ, если они офицеры и прочіе знатные люди, сажать въ тюрьму на мѣсяцъ, а „подлыхъ бить батоги нещадно“. Въ третій же разъ, „сверхъ денежнаго взятія оное наказаніе умножить вдвое, а кто уже затѣмъ пойманъ будетъ, съ таковымъ поступать жесточае, смотря по важности дѣла“. Указъ этотъ былъ подтвержденъ въ 1742 году.

Императоръ Петръ III, распоряженія котораго отличаются вообще мягкостью и вниманіемъ къ личности обвиняемыхъ и подозрѣваемыхъ, издалъ, 16-го іюня 1762 года, указъ, въ которомъ нетолько отмѣнялись тюрьма и

батоги, предназначенные игрокамъ въ 1733 году, но и повелѣвалось, чтобъ при изслѣдованіи объ играхъ на деньги „поступали съ осторожностью, дабы не причинить напрасныхъ поклеповъ, обидъ и безпокойствъ“. Въ этомъ же указѣ было изложено: „кто явно или скрытно, подъ какимъ либо видомъ, въ *большія* суммы на деньги или въ долгъ или какія вещи, въ цѣну ставя, играть станетъ и въ томъ изобличенъ будетъ, то какъ съ таковыхъ игроковъ, такъ и съ хозяина, гдѣ такія игры будутъ, также и съ тѣхъ, кои игрокамъ ссудою денегъ, закладовъ или другими случаями на игры вспомогать будутъ, брать штрафу противъ ранговъ ихъ учрежденнаго годового жалованья вдвое, также и всѣ бывшіе въ игрѣ суммы денегъ и заклады, изъ коихъ одну часть на госпиталь, другую на содержаніе полиціи и двѣ доносителю“. Къ этому было прибавлено, что если кто изъ служащихъ подвергнется подобному штрафу, то „таковыхъ въ производствѣ и въ награжденіи чинами съ воздержными не равнять.“

Екатерина II дважды подтверждала этотъ указъ: въ первый разъ 21-іюля 1763 года, а во второй 30-го января 1766 года; затѣмъ, въ 1782 году былъ ею изданъ „Уставъ благочинія“. Въ этомъ „Уставѣ“, между прочимъ, заключались и статьи, относившіяся къ преслѣдованію полиціей запрещонныхъ игръ и служившія долгое время главнымъ основаніемъ для послѣдующихъ по этому предмету узаконеній.

До перваго изданія „Свода Законовъ“, главныя правила по преслѣдованію запрещонныхъ игръ заключались въ „Уставѣ Благочинія“, обнародованномъ 8-го апрѣля 1782 года. Статья 257-я этого „Устава“ говоритъ: „буде кто картами или чѣмъ инымъ игралъ игру, основанную единственно на случаѣ, или азартную, съ того взыскать пеню суточное содержаніе содержимаго въ смирительномъ домѣ и сажать его подъ стражу дондеже заплатитъ“. Пе-

ни, увеличенной только противъ предыдущаго случая въ шесть разъ, и съ угрозой посаженія подъ стражу, „дондеже заплатитъ“, долженъ былъ подвергаться тотъ, кто домъ свой откроетъ днемъ и ночью игрокамъ ради запрещонной игры. Пеня эта уменьшаема была на половину—но тоже съ заключеніемъ подъ стражу, дондеже заплатитъ—для того, кто игралъ въ домѣ, открытомъ днемъ и ночью игрокамъ и ради запрещонной игры. Того же, „кто изъ запрещонной игры дѣлалъ ремесло и отъ нея имѣмъ единственное пропитаніе и содержаніе, слѣдовало, за такое постыдное ремесло, отсылать въ смирительный домъ на единый срокъ судебнаго мѣста“. Наконецъ, того, кто употреблялъ въ игрѣ воровство и мошенничество, надлежало отсылать къ суду „да накажется яко мошенникъ, какъ закономъ предписано“. Къ этимъ общимъ для всѣхъ лицъ узаконеніямъ было присоединено еще особое правило, въ силу котораго, если „купецъ, приказчикъ, сидѣлецъ, ремесленникъ или маклеръ будетъ находиться при запрещонной игрѣ, или въ той игрѣ записывать, или счотъ держать или замѣчать, или чѣмъ способствовать оной игрѣ, или для нея носить или возить или посылать или взаймы давать или брать или обѣщать или инако прямо или стороной золото или серебро монетою или въ дѣлѣ или вещи или товаръ, какого бы то званія ни было, или вексель, съ того взыскивать трехсуточное содержаніе содержимаго въ смирительномъ домѣ и сажать подъ стражу, дондеже заплатитъ“. Такое многословіе и такія подробности, внесенныя въ „Уставъ Благочинія“, обставляли дѣло такъ, что купцу, приказчику, сидѣльцу и т. д., за участіе въ запрещонной игрѣ, хотя бы даже въ качествѣ простого зрителя, неизбѣжно угрожала денежная пеня, впрочемъ, совершенно ничтожная.

Законодательство Екатерины-Великой по игорной части оказывается такимъ образомъ весьма сбивчивымъ и не-

практичнымъ. Такъ, высшій размѣръ пени, налагаемой по „Уставу Благочинія", на игроковъ, могъ достигать только 12-ти копѣекъ; но какой же мало-мальски азартный игрокъ не пожерсвовалъ бы нѣсколькими копейками, рискуя выиграть нѣсколько рублей, а можетъ быть, десятки, сотни и тысячи? Для того, чтобы уличить кого-нибудь, что онъ изъ запрещонной игры дѣлалъ ремесло, нужно было, по „Уставу Благочинія", доказать, что онъ единственно отъ игры имѣетъ содержаніе и пропитаніе. Такимъ образомъ, на практикѣ ни офицеръ, ни чиновникъ, ни помѣщикъ, ни купецъ, ни ремесленникъ не могъ никогда по буквѣ закона, подойти подъ это правило, хотя бы на самомъ дѣлѣ онъ и обратилъ запрещонную игру въ прибыльное для себя ремесло. Между тѣмъ, законъ относился къ такимъ промышленникамъ строго, потому что они могли быть посажены въ смирительный домъ „на единый срокъ судебнаго мѣста", т. е. на такой срокъ, какой заблагоразсудили бы назначить сами судьи.

Сверхъ того, въ ту пору не былъ съ точностью опредѣленъ вопросъ, какія именно игры считаются запрещонными? Относительноэ того существовалъ только изданный въ1761 году сенатскій указъ, которымъ во всеобщее свѣдѣніе объявлялось: 1) во всякія азартныя игры, какъ-то: въ фаро, въ квинтичъ и тому подобныя и въ прочія званія игры на деньги и на вещи никому и нигдѣ (исключая во дворцахъ ея величества апартаменты) ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не играть, а только позволяется въ знатныхъ дворянскихъ домахъ, и тоже не на большія, а на самыя малыя суммы денегъ и то не для выигрышу, а для препровожденія времени, яко въ ломберъ, въ кадрилію, въ пикетъ, въ контру и въ панфилъ играть. „Указъ этотъ оставался, однако, безъ послѣдствій, и страшная картежная игра велась преимущественно въ Москвѣ и, притомъ, въ знатныхъ дворянскихъ домахъ. Въ этомъ отношеніи

москвичи притихли только на время пріѣзда Екатерины II, но потомъ принялись снова за прежнее занятіе. Это видно, между прочимъ, изъ сенатскаго указа, даннаго 21-го іюля 1763 года, на имя московскаго главнокомандующаго графа Петра Семеновича Салтыкова. Въ этомъ указѣ говорилось, что до ея императорскаго величества доходятъ непріятные изъ Москвы слухи о начавшейся, по отъѣздѣ ея, разорительной карточной игрѣ, каковыя неумѣренныя игры служатъ къ единственному разоренію старыхъ дворянскихъ фамилій; почему и приказано было на-крѣпко смотрѣть о неиграніи на деньги. Желая положить сколь возможно бóльшую преграду развитію карточной игры, Екатерина II, въ 1766 году, когда нѣсколько купцовъ просили сенатъ о взысканіи карточныхъ долговъ—явила, по словамъ указа, „новый знакъ своего матерьняго милосердія", приказавъ уничтожить всѣ карточные долги. Наконецъ, изданіемъ „Устава Благочинія", Екатерина II думала обуздать азартныхъ игроковъ, но введенныя насчотъ этого въ „Уставѣ" статьи не принесли ожидаемыхъ результатовъ. Такъ, 16-го октября 1787 году, Екатерина писала въ Москву тамошнему главнокомандующему Еропкину: „Прикажите полицейскимъ офицерамъ наблюдать въ клубахъ, маскарадахъ и другихъ публичныхъ сборищахъ, чтобъ въ оныхъ игоръ въ банкъ и другихъ запрещонныхъ не было". Затѣмъ, въ слѣдующемъ, 1787 году, ей пришлось подтвердить объ исполненіи узаконеній, находившихся въ „Уставѣ Благочинія" и направленныхъ противъ азартныхъ игръ. Впрочемъ, вообще, слишкомъ трудно было пресѣчь развивавшуюся въ то время неумѣренную карточную игру. Многіе изъ близкихъ къ самой императрицѣ людей играли на громадныя суммы въ банкъ, а одинъ изъ нихъ, извѣстный Зоричъ, устроилъ даже въ пожалованномъ ему Екатериной мѣстечкѣ Шкловѣ нѣчто въ родѣ картежной академіи, куда во множествѣ съѣзжались къ нему для практики на

зеленомъ полѣ польскіе паны, бывшіе во дни оны большими любителями и мастерами этого дѣла.

Въ исходѣ прошлаго столѣтія азартная карточная игра была въ большомъ ходу и въ Петербургѣ. Она, по словамъ указа, изданнаго 11-го іюля 1801 года, императоромъ Александромъ Павловичемъ, „производилась здѣсь безъ зазора и страха". По поводу ея, государь писалъ санктпетербургскому военному губернатору Кутузову слѣдующія краснорѣчивыя, по тогдашнему времени, строки: „признавая зло сіе вреднѣйшимъ въ своихъ послѣдствіяхъ, нежели самое открытое грабительство, коего она есть благовидная отрасль, и зная сколь глубоко, при малѣйшемъ попущеніи, можетъ оно пустить свои корни въ сихъ скопищахъ разврата, гдѣ толпа безчестныхъ хищниковъ съ хладнокровіемъ, обдумавъ разореніе цѣлыхъ фамилій, изъ рукъ неопытнаго юношества или неразсчотливой алчности, однимъ ударомъ исторгаетъ достояніе, вѣками службы и трудовъ уготованное, и испровергая всѣ законы чести и человѣчества, безъ угрызенія совѣсти и съ челомъ безстыднымъ, нерѣдко поглощаетъ даже до послѣдняго пропитанія семействъ невинныхъ". Это будетъ значить, что и въ ту пору водились въ Петербургѣ шулера, собиравшіеся въ игорнымъ домахъ и тамъ обиравшіе тѣхъ, кто велъ съ ними компанію. Поэтому, повелѣвалось имѣть „неослабленное бдѣніе и наблюденіе, дабы запрещонныя игры отнюдь нигдѣ не были производимы", чтобъ были приняты мѣры къ ихъ открытію и чтобъ виновные безъ всякаго различія чиновъ и званій были забираемы подъ стражу и отсылаемы къ суду. Къ этому императоръ Александръ I-й присовокупилъ, чтобъ ему въ то же время доносили объ именахъ игроковъ и всѣхъ ихъ сообщниковъ. Но это последнее повелѣніе, отзывающееся, повидимому, такою неумолимою строгостью къ игрокамъ, и должно было болѣе всего успокоивать ихъ насчотъ безопаснаго производства

ихъ промысла. Начальства, обязанныя слѣдить за притонами картежниковъ и открывать ихъ, зная, что объ этомъ всякій разъ будетъ доводимо до свѣдѣнія государя, не могли не принять въ соображеніе, что и имъ самимъ придется въ иныхъ случаяхъ нести отвѣтственность за слабость надзора. Обыкновенно открытіе одного игорнаго вертепа указываетъ на развѣтвленіе картежной промышленности, такъ какъ игроки, собирающіеся въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, не упускаютъ случая посѣщать, въ то же время, и другія злачныя для нихъ мѣста, благоденствующія долгое время въ совершенномъ затишьѣ отъ бурь, нагоняемыхъ на нихъ полиціей. Притомъ, въ азартныхъ и неумѣренныхъ играхъ принимали дѣятельное участіе представители нашего такъ-называемаго лучшаго общества, и если еще и нынѣ не совсѣмъ удобно затрогивать порочныя дѣйствія подобныхъ лицъ, то въ прежнее время это было еще неудобнѣе, и потому полиція весьма разумно предпочитала смотрѣть сквозь пальцы на производившіяся передъ глазами ея карточныя упражненія.

Къ этому надобно добавить, что ничѣмъ нельзя такъ легко и такъ скоро обезсилить каждый законъ, какъ придавъ ему на первыхъ порахъ чрезвычайную напряженность. Въ силу приведеннаго нами указа, слѣдовало каждый разъ доводить до свѣдѣнія государя объ открытыхъ полиціей игрокахъ и ихъ сообщникахъ. Между тѣмъ, такъ какъ люди, замѣтные по своему служебному или общественному положенію, стояли внѣ полицейскихъ преслѣдованій, а имъ подвергались лишь мелкія личности, то понятно, что начальству не представлялось удобнымъ утруждать высочайшее вниманіе только такими ничтожными открытіями. Поэтому, указъ 1801 года пришолъ вскорѣ въ совершенное забвеніе. Казалось даже, что онъ никогда и не былъ издаваемъ, потому что, когда, въ 1819 году, возникъ вопросъ о томъ, какъ поступать съ оказавшимися въ азарт-

ной игрѣ, имѣющими благородное званіе? онъ въ законодательномъ порядкѣ былъ разрѣшонъ, какъ вопросъ совершенно новый, тѣмъ, что такихъ лицъ слѣдуетъ предавать суду.

Несмотря на то, что, время отъ времени, принимались у насъ предупредительныя мѣры противъ азартныхъ игръ, положенныя за нихъ взысканія оставались все тѣ же, какія были предписаны еще въ „Уставѣ Благочинія“. Мы уже говорили, что взысканія эти были слишкомъ слабы для обуздыванія игроковъ, рискующихъ обыкновенно значительнымъ кушемъ. Поэтому, правительство само уклонялось отъ закона, не предавая игроковъ уголовному суду, но расправляясь съ ними административнымъ порядкомъ. Порядокъ этотъ заключался: или въ отдачѣ виновнаго подъ надзоръ мѣстной полиціи, или въ высылкѣ его изъ столицъ подъ присмотръ губернскаго начальства. Нетрудно, впрочемъ, догадаться, что первая изъ этихъ мѣръ не имѣла на практикѣ никакого значенія; что же касается второй, то она, главнымъ образомъ, способствовала распространенію самой неумѣренной и самой азартной игры въ провинціяхъ. Если еще и теперь, несмотря на нѣкоторое пробужденіе умственной жизни въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, карты, всетаки, составляютъ повсюду господствующее занятіе, то понятно, что въ былую пору, высылаемые изъ Петербурга и Москвы опытные шулера̀ еще легче находили для себя въ провинціяхъ большую поживу. Всюду они могли натолкнуться на богатыхъ простофилей, ремонтеровъ, увлекавшихся загибаніемъ карточныхъ угловъ, и провіантскихъ чиновниковъ, разъѣзжавшихъ тогда по Россіи съ цѣлыми сотнями тысячъ казенныхъ денегъ и такъ часто дѣлавшихся жертвами карточной игры. Около этого времени ярмарки сдѣлались преимущественно скопищами шулеровъ, обыгрывавшихъ навѣрняка тѣхъ, которые схватывались съ ними.

Часто возникавшія дѣла о проигрышѣ казенныхъ денегъ и жалобы на выигрышъ обманнымъ образомъ побудили императора Николая дать, 12-го марта 1832 года, именной указъ сенату о строгомъ подтвержденіи, чтобъ сборища для запрещонной картежвой игры были открываемы мѣстными начальствами и всѣ найденные игроки предаваемы суду для строгаго, по законамъ, наказанія, безъ всякаго, различія чиновъ и званій. Въ этомъ указѣ упоминалось сперва о распоряженіи, которое, въ 1801 году, было сдѣлано императоромъ Александромъ I и о которомъ мы говорили выше.

„Не взирая на сію высочайшую волю и нѣкоторые примѣры праведной строгости, постигшей игроковъ изобличонныхъ, мы—объявлялъ импрераторъ Николай—съ прискорбіемъ видимъ, что въ имперіи нашей, съ одной стороны, пагубная страсть къ запрещонной игрѣ, а съ другой — алчность къ пріобрѣтенію чуждой собственности, онымъ постыднымъ средствомъ удовлетворяемая, не перестаютъ повременамъ являть и новыя жертвы и новыхъ нарушителей государственныхъ постановленій". Затѣмъ, поступки игроковъ были названы въ указѣ позоромъ общества и нравственною заразою, нетерпимою ни подъ какимъ видомъ въ благоустроенномъ государствѣ. Влѣдствіе этого, повелѣвалось: игроковъ, захваченныхъ или уличонныхъ въ производствѣ запрещонныхъ игръ, предавать суду для строгаго наказанія безъ различія званій и чиновъ, „усугубляющихъ по мѣрѣ возвышенія оныхъ, виновность ими отличеннаго".

Указъ этотъ въ значительной мѣрѣ былъ направленъ противъ картежниковъ, занимавшихъ болѣе или менѣе важныя мѣста въ администраціи. Эти господа вели около того времени широкую карточную игру. Извѣстно, между прочимъ, что при императорѣ Николаѣ одинъ изъ петербургскихъ полицеймейстеровъ былъ отставленъ отъ должности

и выслан въ Калугу подъ надзоръ полиціи за участіе въ неблаговидной карточной игрѣ, а одинъ изъ предсѣдателей управы благочинія—слѣдовательно, лицо, прежде всего обязанное наблюдать за недопущеніемъ азартной карточной игры—проигралъ до 500,000 рублей, присланныхъ черезъ управу графинѣ Браницкой, и замѣнилъ ихъ въ денежномъ портфелѣ управы старыми газетами. Эти только слишкомъ крупные факты, не говоря уже о другихъ, болѣе мелкихъ, даютъ понятіе о томъ, до какихъ громадныхъ размѣровъ запрещаемыя карточныя игры достигли даже въ Петербургѣ и, притомъ, среди высшихъ представителей столичной полиціи. Москва не отставала въ этомъ отношеніи отъ Петербурга, равно какъ и провинція. Такимъ образомъ, начатая еще со временъ царя Алексѣя Михайловича борьба правительства съ азартными игроками шла безуспѣшно впродолженіи двухъ столѣтій. Обстоятельство это показываетъ, какъ трудно законодательству истребить то зло, которое поддерживается и развивается обществомъ, и какъ мало приносятъ практической пользы предупредительныя мѣры, направляемыя противъ подобнаго зла.

Изданный, въ 1832 году, „Сводъ Законовъ“ не устранилъ той неопредѣленности по преслѣдованію запрещенныхъ игръ, какою, какъ мы видѣли, отличалось наше законодательство прежняго времени. Въ XIV томѣ этого „Свода“, въ „Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“, на основаніи указовъ, изданныхъ въ промежутокъ времени отъ 1717 по 1832 годъ, было сказано: „запрещаются азартныя игры въ карты и во всякія другія, а также участвовать и способствовать онымъ“. Такое общее запрещеніе сопровождалось оговоркой, по которой, если игра игроку служила забавой или отдохновеніемъ посреди своей семьи или съ друзьями и, притомъ, если она не принадлежитъ къ числу игръ запрещенныхъ, то вины нѣтъ.

По точному смыслу этой оговорки, легко можно было придти къ заключенію, что если кто-нибудь игралъ хотя бы и не въ запрещонную игру, но не среди семейства и не съ „друзьями“, а также не для забавы и не для отдохновенія, тотъ все же долженъ былъ считаться виновнымъ, такъ какъ, по закону, вины не было только тогда, когда игра происходила при упомянутыхъ выше условіяхъ. Замѣтимъ, что означенныя правила по преслѣдованію запрещонныхъ игръ были буквально повторены въ изданіяхъ „Свода Законовъ“ 1842 и 1857 годовъ, такъ что они донынѣ сохраняютъ свою силу. Понятно, что при такой шаткости правилъ, не могло никогда установиться строго-юридическое преслѣдованіе запрещонныхъ игръ и потому такое преслѣдованіе производилось обыкновенно административнымъ порядкомъ, самое же преслѣдованіе возникало только вслѣдствіе какихъ-нибудь особыхъ случайностей, какъ, напримѣръ, вслѣдствіе образованія шайки шулеровъ, вслѣдствіе выигрыша въ одинъ пріемъ у неопытнаго юноши огромнаго куша, проигрыша казенныхъ денегъ, содержанія игорныхъ притоновъ и т. д. Тогда внезапно воздвигались сильныя гоненія противъ карточныхъ игроковъ, пользовавшихся недоброю славою, и съ ними расправлялись безъ суда, административнымъ порядкомъ. Такъ при императорѣ Николаѣ I-мъ тяжело поплатились за обширную, неизвѣстно, впрочемъ, съ точностью, честную или нечестную карточную игру, братья Н—сы, изъ которыхъ одинъ былъ высланъ изъ Москвы подъ строгій и долголѣтній надзоръ полиціи, а другой былъ посаженъ въ петропавловскую крѣпость, гдѣ и умеръ. Вообще примѣровъ случайной строгости противъ карточныхъ игроковъ было не мало, но за то правильнаго, непрерывнаго преслѣдованія азартныхъ игръ у насъ никогда не существовало и относящіяся къ этому узаконенія оставались только мертвою буквой. Административная буря лишь изрѣдка, съ

большимъ шумомъ, но за то и чрезвычайно быстро, пропосилась въ какой-нибудь мѣстности надъ зелеными столами, сметая съ нихъ и записи, и карты; но, вслѣдъ затѣмъ, наступало прежнее благодатное затишье.

Въ „Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій", изданномъ въ 1832 году, предписывалось, чтобъ, въ случаѣ запрещонной игры, полиція изслѣдовала: 1) въ какую игру играли, въ „какія деньги" играли; 2) что играли; 3) чѣмъ играли; 4) о времени, когда играли; 5) о мѣстѣ, гдѣ играли; 6) объ околичностяхъ, объясняющихъ, въ какомъ намѣреніи играли, и утверждающихъ или обличающихъ, какъ играли и 7) объ игрокахъ, которые въ игрѣ учавствовали. При такихъ изслѣдованіяхъ, полиціи внушалось поступать осторожно, чтобы не причинить напрасныхъ обидъ, поклеповъ и безпокойствъ. Всѣ же найденные при запрещонныхъ играхъ, безъ всякаго различія мѣстъ и лицъ, должны быть забираемы и отсылаемы къ уголовному суду для „строгаго" по законамъ наказанія. Такой порядокъ по преслѣдованію запрещонныхъ карточныхъ игръ удержанъ въ нашемъ законодательствѣ до настоящаго времени, такъ какъ онъ ни въ чомъ не былъ измѣненъ при двухъ, повторявшихся въ 1842 и 1857 годахъ изданіяхъ „Свода Законовъ".

Что же касается наказанія за упомянутыя игры, то вопросъ насчотъ этого и послѣ появленія „Свода Законовъ" оставался въ прежнемъ положеніи. Въ XV-мъ томѣ „Свода", по изданію 1832 года, запрещонная картежная азартная игра была признана благовидною отраслью грабежа и подвергала виновныхъ, безъ различія званія и чиновъ, суду уголовному для строгаго по законамъ наказанія. Въ чомъ же однако, заключалась строгость наказанія при подобныхъ случаяхъ? На этотъ вопросъ XV-й томъ „Свода Законовъ", въ двухъ изданіяхъ, 1832 и 1842 года, давалъ слишкомъ неопредѣленный отвѣтъ. Въ

немъ была сдѣлана ссылка на извѣстный уже намъ указъ, данный императоромъ Николаемъ I-мъ, 12-го марта 1832 года, правительствующему сенату; но въ этомъ указѣ, послѣ заявленія о запрещенной карточной игрѣ, какъ о нравственной заразѣ, нетерпимой въ благоустроенномъ государствѣ никогда и ни подъ какимъ видомъ, и объ игрокахъ, какъ о людяхъ, составляющихъ своими поступками позоръ общества, слѣдовало предписаніе объ отсылкѣ игроковъ къ суду „для строгаго наказанія". При постановленіи же наказанія судъ могъ руководиться только „Уставомъ Благочинія", изданнымъ Екатериною II, въ силу котораго, какъ мы уже знаемъ, лица, участвовавшія въ азартной игрѣ или какимъ-нибудь образомъ къ ней причастныя, подвергались самому ничтожному денежному штрафу съ заключеніемъ подъ стражу, „дондеже заплатятъ". Мы уже говорили о томъ значеніи, какое должны были имѣть такіе штрафы для людей, готовыхъ рисковать послѣднею копѣйкою, и потому, въ этомъ случаѣ, слова о „строгомъ наказаніи" шли въ явный разладъ съ тѣмъ, чѣмъ должно было окончиться дѣло при судебномъ разбирательствѣ. Сверхъ того, сколько намъ приходилось слышать, возникавшія въ судахъ дѣла о запрещенной карточной игрѣ оканчивались обыкновенно весьма снисходительно, именно оставленіемъ обвиняемыхъ въ сильномъ подозрѣніи или же просто только въ подозрѣніи, безъ всякаго къ нему прилагательнаго. При чрезвычайномъ распространеніи въ нашемъ обществѣ азартныхъ карточныхъ игръ весьма трудно было пріискать безпристрастныхъ судей по этимъ вопросамъ, такъ что почти каждый судья, обвиняя, въ подобныхъ случаяхъ, подсудимаго, бросалъ бы первый камень въ самого себя. Обстоятельство это было причиной, что правительство, вопреки положительному закону, не предавало обнаруженныхъ игроковъ по уголовному суду, но подвергало ихъ административной карѣ. Въ добавокъ къ этому, ме-

жду игроками по професіи существовала и существуетъ до сихъ поръ собственная своя расправа, такъ что иной разъ порядкомъ помятые бока гораздо надежнѣе и скорѣе отбивали и отбиваютъ охоту къ продолженію игры у самыхъ страстныхъ игроковъ, нежели могутъ это сдѣлать административно-карательныя мѣры и судебные процесы.

Изданное въ 1845 году „Уложеніе о наказаніяхъ" отнеслось къ запрещоннымъ играмъ нѣсколько иначе сравнительно съ прежними, дѣйствовавшими насчотъ этого уголовными законами. По прежнимъ законамъ, такого рода игры считались преступленіемъ противъ правъ на имущества; слѣдовательно съ строго-юридической точки зрѣнія, онѣ должны были считаться такими преступленіями, преслѣдованіе по которымъ могло быть возбуждено только жалобой частнаго лица. „Уложеніе же о наказаніяхъ" помѣстило этотъ видъ преступленій въ разрядъ преступленій и проступковъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія и тѣмъ самымъ какъ бы окончательно узаконило вмѣшательство въ дѣла этого рода со стороны правительственной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, „Уложеніе о наказаніяхъ" прервало всякую связь съ прежнимъ крайненеопредѣленнымъ законодательствомъ по преслѣдованію запрещонныхъ игръ и совершенно самостоятельно отъ нихъ установило за это новыя наказанія. Такъ, оно заявило, что тѣ, которые, вопреки изданныхъ объ этомъ постановленій, примутъ какое-нибудь участіе въ запрещонныхъ играхъ въ карты, кости и т. п., подвергаются за это въ первый разъ — денежному взысканію отъ ста до пятисотъ рублей; за второй — такому же взысканію вдвое, а въ третій — сверхъ денежнаго взысканія, опредѣленнаго за второй разъ, аресту на время отъ семи дней до трехъ недѣль. Далѣе, тотъ, кто въ своемъ домѣ или другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ устроитъ или дозволитъ устроить родъ заведенія для запрещонныхъ игръ, подвергается за это:

въ первый разъ денежному взысканію отъ пятисотъ до трехъ тысячъ рублей; во второй — сверхъ того же денежнаго взысканія, аресту на время отъ трехъ недѣль до до трехъ мѣсяцовъ, и въ третій разъ, также сверхъ денежнаго взысканія, заключенію въ тюрьмѣ на время отъ шести мѣсяцовъ до одного года. За подлоги же и другого рода обманы какъ въ запрещонной, такъ и въ незапрещонной игрѣ, виновные, по силѣ „Уложенія о наказаніяхъ", должны быть подвергаемы наказаніямъ, опредѣленнымъ за мошенничество. Сверхъ того, въ „Уложеніе" была введена особая статья, по которой государственные крестьяне за участіе во всякой на деньги, хотя и незапрещонной игрѣ въ карты или кости подвергались: въ первый разъ аресту на время отъ одного до трехъ дней, во второй—наказанію розгами отъ пяти до десяти ударовъ, а найденныя при игрѣ деньги должны быть обращаемы въ пользу хозяйственнаго капитала государственныхъ имуществъ. Такимъ образомъ, „Уложеніе о наказаніяхъ" возвратилось въ этомъ случаѣ, къ той системѣ наказаній за игры, какая была принята „Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича".

Затѣмъ, такъ какъ при новомъ, въ 1866 году, изданіи „Уложенія о наказаніяхъ" дѣйствовавалъ уже „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями", то въ „Уложеніи". соотвѣтственно этому „Уставу" была отмѣнена статья, касавшаяся взысканія за запрещонныя игры, и, по 46-й статьѣ упомянутаго „Устава", за устройство запрещонныхъ игръ въ карты, кости и т. п., однако, не въ видѣ игорнаго дома, виновные подвергаются нынѣ, по приговорамъ мировыхъ судей, аресту на время не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей. Такимъ образомъ, размѣръ денежнаго взысканія за эти поступки, сравнительно съ прежнимъ, значительно уменьшонъ, но за то при этомъ увеличенъ наибольшій срокъ

ареста, такъ какъ вмѣсто трехъ недѣль, онъ доведенъ до мѣсяца. Открытіе же игорныхъ домовъ изъято изъ-подъ юрисдикціи мировыхъ судей и, на основаніи приговора общихъ судебныхъ мѣстъ, кто въ своемъ домѣ или иномъ какомъ мѣстѣ, устроитъ родъ заведенія для запрещенныхъ игръ, тотъ подвергается въ первый разъ денежному взысканію не свыше трехъ тысячъ рублей, во второй—сверхъ того же денежнаго взысканія, аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцовъ, а въ третій—также сверхъ денежнаго взысканія, заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцовъ. Если сопоставить эти наказанія съ тѣми, какія опредѣлялись по „Уложенію" то окажется, что они нѣсколько ослаблены противъ прежняго. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что это произошло не вслѣдствіе особаго снисхожденія нашего законодательства къ устройству игорныхъ домовъ, но только вслѣдствіе общаго, въ 1866 году, смягченія нашихъ уголовныхъ законовъ. Само собою разумѣется, что находившаяся въ „Уложеніи о наказаніяхъ" особая статья, относившаяся къ запрещенію какихъ бы то ни было игръ на деньги между государственными крестьянами была отмѣнена, такъ какъ эта статья касалась только особаго сословія, несуществовавшаго уже въ 1866 году. Но дѣйствующее нынѣ уголовное законодательство удержало особые денежные штрафы вообще за игры въ карты и кости, происходящія между корабельными служителями и „водоходцами".

Въ „Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій" кромѣ тѣхъ правилъ, о которыхъ мы уже говорили, запрещается еще во всѣхъ заведеніяхъ, назначенныхъ для продажи исключительно крѣпкихъ напитковъ, играть въ карты или кости или въ шашки. Распоряженіями же министерства внутреннихъ дѣлъ отнесены къ числу запрещонныхъ игръ: домино-лото, орлянка и фортунка, особенно же въ ярмарочное время. Сверхъ того, въ 1868 году отъ

министерства внутреннихъ дѣлъ было объявлено правленіямъ всѣхъ увеселительныхъ обществъ и клубовъ: 1) что игра въ рамсъ, признанная азартною, не должна быть допускаема и 2) что допущеніе дамъ въ залы собраній должно имѣть мѣсто только въ опредѣленное уставами время. Мѣра эта, какъ извѣстно, была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что въ петербургскихъ клубахъ самыми отчаянными игроками, рѣзавшимися въ рамсъ безъ всякой удержи, являлись лица „прекраснаго" пола. Въ томъ же году приказами по санктпетербургской полиціи было объявлено, что въ кофейныхъ домахъ, трактирныхъ заведеніяхъ и т. п. воспрещено имѣть какъ простые биксы (маленькіе бильярды), такъ и биксы подъ названіемъ китайскихъ.

Одновременно съ вопросомъ о запрещонныхъ играхъ, возбуждался неоднократно вопросъ и о лотереяхъ, и хотя лотерея, въ сущности есть не что иное, какъ та же азартная игра, но такъ какъ законодательство наше, да и правительственная практика смотрятъ на лотереи иначе, нежели на азартныя игры вообще, то мы и не касаемся этого предмета.

Мы изложили всѣ мѣры, принимавшіяся у насъ, въ теченіи слишкомъ двухъ столѣтій, какъ противъ запрещонныхъ игръ, такъ и вообще противъ всякихъ игръ, на деньги. Можно ли теперь сдѣлать общій выводъ изъ всѣхъ собранныхъ нами по этому вопросу свѣдѣній? Думаемъ, что къ этому не представляется никакой возможности, такъ какъ всѣ упомянутыя мѣры были непослѣдовательны, отрывочны и крайне неопредѣленны. Что же касается существующихъ нынѣ законодательныхъ мѣръ по этой части, то и онѣ должны быть признаны неудовлетворительными. Достаточно принять въ соображеніе, что до сихъ поръ еще въ законодательствѣ нашемъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ указаній, нѣтъ никакого опредѣленія насчотъ того, какія именно игры слѣдуетъ признавать азартными, то-есть, под-

лежащими запрещенію. Въ этомъ случаѣ какъ администраціи, такъ и судамъ приходится руководствоваться только указами Елисаветы Петровны и Екатерины II, признавая запрещонными играми фаро, квинтичъ, и банкъ, тогда какъ, напримѣръ, относительно игры въ знаменитую стуколку не было никакого положительнаго запрещенія. Вообще при преслѣдованіи запрещонныхъ игръ необходима экспертиза, а приглашеніе въ этихъ случаяхъ опытныхъ и свѣдущихъ людей представляется дѣломъ довольно щекотливымъ.

Затѣмъ, чтобъ разрѣшить окончательно вопросъ, о необходимости и о степени преслѣдованія со стороны правительства игръ - признаваемыхъ имъ запрещонными, необходимо принять за исходную точку понятіе о правѣ располагать своею собственностью по произволу, правѣ, предоставляемомъ каждому, кто не ограниченъ по суду въ пользованіи своими правами. Между тѣмъ, прежнее наше законодательство, по преслѣдованію запрещонныхъ игръ, дѣлало юридическую ошибку, относя участіе въ такихъ играхъ къ преступленіямъ противъ правъ на имущество. По нынѣ же дѣйствующимъ у насъ уголовнымъ законамъ, запрещонная карточная игра отнесена къ разряду преступленій противъ общественнаго благоустройства и благочинія. При такомъ условіи недопущеніе правительствомъ азартныхъ карточныхъ игръ имѣетъ одинаковое значеніе съ преслѣдованіемъ имъ разврата и пьянства. Сомнительно, однако, чтобъ страсть къ азартнымъ играмъ могла быть пресѣчена когда-нибудь законодательными или полицейскими мѣрами. Способствовать этому можетъ только постепенное умственное и нравственное развитіе общества, такъ какъ при этомъ безразсчотливый рискъ собственнымъ имуществомъ будетъ представляться очевидною глупостью, а отъ вовлеченія въ подобный рискъ другого лица будутъ удерживать правильныя понятія о чести.

XV.

Ходъ нашего законодательства о политическихъ преступленіяхъ.

Еслибъ когда-нибудь и въ какой бы то ни было странѣ правительство стало думать, что оно не имѣетъ вовсе ни недоброжелателей, ни враговъ, ни противниковъ, то это со стороны его было бы крайнимъ предѣломъ самообольщенія. Если борьба разнородныхъ элементовъ, въ мірѣ физическомъ, и борьба понятій, въ мірѣ духовномъ, составляютъ необходимую ихъ принадлежность, то точно также и борьба различныхъ интересовъ бываетъ неизбѣжнымъ явленіемъ въ каждомъ обществѣ и въ каждомъ государствѣ. Во всей вселенной не найдется такой государственной организаціи (не говоря уже объ отдѣльныхъ представителяхъ государственной власти), которая могла бы удовлетворить всѣхъ и каждаго. Думать иначе—значитъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ вѣрить въ возможность безусловнаго совершенства того, что создаетъ для себя само человѣчество. Эта простая и, конечно, неподлежащая ни малѣйшему сомнѣнію истина наводитъ на ту мысль, что обнаруживаніе правительствомъ, по временамъ, какихъ-нибудь непріязненно-направленныхъ противъ него замысловъ не представляетъ явленій, поражающихъ своею чрезвычайностью и что такіе замыслы не должны служить для увѣреннаго въ своихъ силахъ правительства поводомъ къ реакціи, которая, какъ доказываетъ опытъ, бываетъ въ этомъ

смыслѣ безсильнымъ, а, слѣдовательно, и безполезнымъ орудіемъ. Замѣчаніе это относится преимущественно къ тѣмъ государствамъ, въ которыхъ совершаются коренныя реформы разнаго рода и которыя, поэтому, находятся въ переходномъ положеніи. Здѣсь, какъ бы осторожно и разумно ни дѣйствовало правительство, оно непремѣнно встрѣтитъ нѣкоторую часть людей недовольныхъ. Дѣйствуя либерально, оно возбуждаетъ противъ себя ретроградовъ и консерваторовъ, дѣйствуя въ противоположномъ направленіи, оно наживаетъ себѣ недруговъ въ либералахъ и прогресистахъ. Мы не говоримъ уже о крайнихъ партіяхъ, недовольство которыхъ изъ глухого ропота обращается иногда въ явную непріязнь, доходящую, въ иныхъ случаяхъ, до ослѣпленнаго фанатизма.

Всякое правительство, достигнувъ извѣстной степени просвѣщенія, начинаетъ понимать свое настоящее положеніе безъ напрасныхъ илюзій и, какъ бы ни было оно увѣрено въ своемъ могуществѣ, какъ бы грозно оно ни вліяло на своихъ подданныхъ, оно, всетаки, должно сознавать возможность противодѣйствія какъ всей своей системѣ, такъ и частнымъ своимъ распоряженіямъ. Сознаніе это выражается, между прочимъ, въ изданіи законовъ относительно государственныхъ, иначе называемыхъ политическими, преступленій. Чѣмъ болѣе бываетъ постепенности въ наказаніяхъ за эти преступленія, чѣмъ болѣе въ законахъ проводится оттѣнковъ между преступленіями этого рода, тѣмъ болѣе свидѣтельствуетъ это о томъ, что правительство смотритъ вѣрно на ходъ и на дальнѣйшее развитіе государственной жизни, не смѣшивая заблужденія и увлеченія съ такими преступными замыслами и дѣйствіями, которые имѣютъ цѣлью потрясти главныя основы государственнаго порядка.

Всѣ высказанныя нами теперь соображенія подтверждаются отчасти и постепеннымъ развитіемъ нашего уго-

ловнаго законодательства въ той его части, которая касается государственныхъ преступленій. Слѣдя за этимъ, мы можемъ видѣть, какъ оно, мало по малу, дѣлало различіе между этими преступленіями, для которыхъ первоначально не допускалось никакой постепенности и которыя обобщались до такой степени, что относительно ихъ не было даже никакого различія между „словомъ и дѣломъ“. Въ прежнее время, законодательство наше, по примѣненію наказанія за государственныя преступленія, смотрѣло совершенно безразлично на то, какъ было совершено преступленіе этого рода—на словахъ или на дѣлѣ? Мѣра наказанія, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ полагалась одна и та же, и, по составленіи „Уложенія“ при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, не мало потребовалось времени для того, чтобъ и въ законахъ и на практикѣ установилось окончательное различіе между словомъ и дѣломъ въ преступленіяхъ, направленныхъ противъ правительственной власти. Точно также не проводилось прежде въ законахъ нашихъ достаточнаго различія въ качествѣ государственныхъ преступленій, вслѣдствіе чего обвиняемый въ неоказаніи должнаго уваженія, напримѣръ, государственному гербу, выбитому на монетѣ, могъ подвергнуться смертной казни, какъ и виновный въ покушеніи ниспровергнуть весь существующій въ государствѣ порядокъ. Сперва слову „воровство“, а потомъ слову „измѣна“ придавалось самое обширное значеніе, въ смыслѣ политическихъ преступленій, такъ какъ подъ этими словами подразумѣвались: и оскорбленіе чести государя, и вольныя рѣчи противъ распоряженій правительства, и сношеніе съ непріятелями, и неточное исполненіе царскихъ указовъ, и лихоимство и т. д. Вообще можно сказать, что, читая наши старинные юридическіе акты, нетрудно придти къ тому убѣжденію, что даже всякое отступленіе отъ тогдашнихъ понятій о службѣ, военной или гражданской,

возводилось, какъ нарушеніе вообще воли или приказа Государя, на степень государственнаго преступленія.

Если кто ознакомится съ „Полнымъ Собраніемъ Законовъ Россійской Имперіи“, тотъ увидитъ, что до изданія „Свода Законовъ“ въ законодательствѣ нашемъ достаточно встрѣчается частныхъ узаконеній, относящихся къ опредѣленію видовъ государственныхъ преступленій и къ установлявшимся за нихъ наказаніямъ. Этотъ фактъ заслуживаетъ особаго вниманія, если принять въ соображеніе, что въ самомъ „Уложеніи“ были опредѣлены наказанія: за злой умыселъ противъ Государя и противъ цѣлости государства, а также за учиненіе въ народѣ смуты. Частные же указы, изданные послѣ этого и касавшіеся наказаній за государственныя преступленія, свидѣтельствуютъ о томъ, что „Уложеніе“ не предусматривало всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые впослѣдствіи представлялись на практикѣ.

Такъ, вскорѣ послѣ изданія „Уложенія“, состоялся царскій указъ, въ которомъ повелѣно было отрѣзать языкъ какому-то Пронькѣ Козулину, если окажется, что онъ дѣйствительно назвалъ Демку Прокофьева царемъ Ивашки Татаринова (?). Указъ не объясняетъ подробно обстоятельствъ этого дѣла, но, безъ всякаго сомнѣнія, здѣсь рѣчь шла не о серьезномъ самозванствѣ Демки Прокофьева, но скорѣе всего о шуткѣ Проньки надъ Ивашкой Татариновымъ, а между тѣмъ, проболтнувшійся шутникъ, какъ тяжкій политическій преступникъ, долженъ былъ поплатиться языкомъ! Сверхъ того, указъ этотъ, дополнявшій собой „Уложеніе“, составлялъ руководительный прецедентъ для подобныхъ случаевъ. При тогдашнемъ, какъ мы это замѣтили, обобщеніи государственныхъ преступленій и при отсутствіи различія о томъ, совершены ли они на словахъ или на дѣлѣ, Пронька Козулинъ могъ лишиться не только языка, но и живота, еслибъ возбужденное о немъ дѣло

не было представлено предварительно па царское усмотрѣніе. По всей вѣроятности, такого рода дѣла повторялись и впослѣдствіи, что, копечно, и вызвало при царяхъ Иванѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ указъ, въ силу котораго поставлено за возмутительныя рѣчи наказывать не смертью, а кнутомъ и ссылкой.

Безъ всякаго сомнѣнія, читатели очень хорошо понимаютъ, что мы, коснувшись вопроса о пашемъ законодательствѣ по политическимъ преступленіямъ, входимъ въ самую важную и самую любопытпую область нетолько пашего уголовнаго, но и государственпаго права. Поэтому, намъ, для болѣе точнаго исполненія задачи, необходимо остановиться хоть на главнѣйшихъ моментахъ развитія этой отрасли нашего законодательства. Хотя до изданія „Свода Законовъ" всѣ дѣла по политическимъ преступленіямъ вершались у пасъ собственно па основаніи „Уложенія", тѣмъ не менѣе, однако, каждый важпый случай вызывалъ частные указы, которые болѣе или менѣе измѣняли подходившія къ нему статьи „Уложенія". Одновременно съ этимъ, какъ мы увидимъ, органпзовалась у пасъ и особая подсудность по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, а также и розыскпая часть.

Особые указы, отпосящіеся къ упомянутымъ преступленіямъ, издавались по слѣдующимъ поводамъ. Измѣны малороссійскихъ гетмановъ Выговскаго, Брюховецкаго и Мазепы вызвали особаго рода указы или манифесты, въ которыхъ опредѣлялся одинъ изъ важнѣйшихъ видовъ политическихъ преступленій — государственпая измѣпа. Затѣмъ слѣдовалъ указъ, относившійся къ бунту Стеньки Разина. Далѣе: смертный приговоръ князьямъ Хованскимъ; указъ о лишеніи князей Василія и Андрея Голицыныхъ боярскаго достоинства и всего имѣнія за самовольное внесеніе въ царскій титулъ имени великой княжны Софьи Алексѣевны; смертный приговоръ о Шакловитомъ; мани-

фестъ о бунтѣ Кондрашки Булавина; указъ по поводу умышленія на жизнь царя Петра Алексѣевича; манифестъ о преступленіи Антона Девіера и о наказаніи тѣхъ, кто будетъ говорить что-либо противное постановленію о наслѣдіи россійскаго престола; манифестъ по извѣстному дѣлу князей Долгоруковыхъ при Аннѣ Ивановнѣ; указы: о ссылкѣ въ Сибирь смоленскаго губернатора князя Александра Черкасскаго; о наказаніи князя Дмитрія Голицына; о казни Миницкаго, называвшагося царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ; манифестъ о поступкахъ Остермана, Миниха и Головкина, о канцлерѣ Бестужевѣ-Рюминѣ; указъ о высылкѣ графа Тотлебена; манифесты о казни Мировича, объ убіеніи архіепископа Амвросія и о Пугачевѣ; указы: о Радищевѣ, о капитанѣ черноморскаго флота Монтегю, обвиненномъ въ шпіонствѣ, по дѣлу Шубина, о возмущеніи лейб-гвардіи семеновскаго полка и, наконецъ, манифестъ о мятежѣ 14-го декабря 1825 года.

Всѣ эти акты, при составленіи перваго изданія „Свода Законовъ", послужили руководствомъ для редакціи статей, относившихся, между прочимъ, какъ говорилось въ старину, къ преступленіямъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ. Для тѣхъ, кто знакомъ хотя въ общихъ чертахъ съ нашею отечественною исторіей, одно оглавленіе упомянутыхъ выше указовъ дастъ понятіе о тѣхъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ они составлялись. Такимъ образомъ, матеріалъ, послужившій для систематическаго изложенія узаконеній относительно государственныхъ преступленій, былъ въ „Сводѣ Законовъ" чрезвычайно-разнообразенъ, такъ какъ прецеденты создались по различнымъ видамъ этихъ преступленій. Въ числѣ ихъ были: покушенія на цареубійство, на низверженіе царствующей династіи и на ограниченіе правъ верховной власти; оскорбленіе величества; самозванство; государственная измѣна; народное возстаніе; военный бунтъ; составленіе подлож-

ныхъ государственныхъ актовъ; ложное толкованіе о правѣ на престолъ; изданіе сочиненія, признаннаго возмутительнымъ, и, наконецъ, ложный доносъ о заговорѣ на жизнь государя. Въ этихъ преступленіяхъ обвинялись главные преступники, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановлялись приговоры и надъ второстепенными преступниками, а также сообщниками, подстрекателями, попустителями, укрывателями, и недоносителями. Но весь этотъ изобильный матеріалъ представлялъ чрезвычайную трудность для приведенія его въ кодификаціонную систему, такъ какъ каждое изъ упомянутыхъ дѣлъ производилось особымъ порядкомъ, и наказанія опредѣлялись окончательно по конфирмаціи приговоровъ высочайшею властью, которая, съ своей стороны, обыкновенно смягчала строгость опредѣленныхъ наказаній. Эта неопредѣленность отражается до нѣкоторой степени и въ нынѣ дѣйствующемъ у насъ „Уложеніи о наказаніяхъ". Такъ, по общимъ уголовнымъ законамъ, смертная казнь назначается у насъ за государственныя преступленія, предусмотрѣнная въ статьяхъ 241-й, 242-й, 243 й, 244-й, 249-й и 253-й; но виды смертной казни опредѣляются въ приговорахъ суда. Въ этомъ отношеніи законодательство наше держится прежнихъ правилъ. Извѣстно, что первый разрядъ декабристовъ былъ приговоренъ къ четвертованію. По смыслу же нашихъ законовъ, этотъ видъ смертной казни можетъ быть допущенъ и нынѣ, такъ какъ вообще, виды ея въ „Уложеніи о наказаніяхъ" не означены, и выборъ въ этомъ случаѣ предоставляется на усмотрѣніе суда, произносящаго смертный приговоръ надъ политическими преступниками. При этомъ условіи, конечно, только духъ времени, а не положительные законы, можетъ устранить примѣненіе прежнихъ самыхъ мучительныхъ казней, какъ-то: сожженіе, четвертованіе, колесованіе, посаженіе на колъ и т. д.

Кромѣ исчисленныхъ выше частныхъ случаевъ, вызы-

вавшихъ постановленіе приговоровъ по государственнымъ преступленіямъ, у насъ издавались узаконенія, предусматривавшія тотъ или другой родъ этихъ преступленій и опредѣлявшія способъ производства относящихся къ нимъ дѣлъ. Такъ, еще „Уложеніе“ запретило приходить къ государямъ боярамъ, окольничимъ и воеводамъ скопомъ и заговоромъ, относя это къ разряду государственныхъ преступленій. Оно же вмѣнило въ обязанность каждому доносить о „словѣ и дѣлѣ“, но не дозволило принимать извѣты отъ крѣпостныхъ на ихъ помѣщиковъ. Послѣ стрѣлецкихъ бунтовъ запрещено было указомъ „похвалять мимошедшія смутныя времена и говорить непристойныя слова къ смутѣ и къ соблазну“. При Петрѣ-Великомъ, повелѣно было дѣлать различіе между умысломъ и проступкомъ, учиненнымъ по простотѣ, не прибѣгая въ послѣднемъ случаѣ къ пыткѣ и не наказывая смертью. Но потомъ, при Екатеринѣ I-ой это было отмѣнено и указано: за оскорбленіе величества пытать и наказывать смертію, хотя бы обличонные извиняли учиненіемъ того по простотѣ или въ пьянствѣ. 8-го апрѣля 1730 года, состоялся весьма *важный* указъ, объяснявшій, что именно слѣдуетъ понимать подъ преступленіями противъ первыхъ двухъ пунктовъ „Уложенія“. Изъ этого указа видно, что, вслѣдствіе безпрестанныхъ доносовъ, оказывалось множество лицъ, обвиняемыхъ по упомянутымъ пунктамъ. Значеніе же ихъ указъ объяснилъ слѣдующими словами: „*1-й пунктъ*. Ежели кто какимъ умышленіемъ начнетъ мыслить на наше императорское здоровье злое дѣло или персону и честь нашего императорскаго величества вредительными словами поносить и, *2-й пунктъ*: о бунтѣ или измѣнѣ сіе разумѣется, буде кто за кѣмъ подлинно увѣдаетъ бунтъ или измѣну противъ насъ или гоосударства, доносить сенату, губернаторамъ и воеводамъ и присылать въ Москву и буде дойдетъ до пытки, то и пытать“. При Петрѣ-Ве-

ликомъ состоялось запрещеніе подозрительныхъ сходокъ между военными, а также правила объ объявленіи священниками полученныхъ ими на исповѣди свѣдѣній о покушеніи на особу государя, на бунтъ или измѣну. Но только въ 1787 году въ законодательствѣ нашемъ упоминается впервые о запрещеніи заводить тайныя общества, а въ 1800 году послѣдовалъ указъ объ уничтоженіи масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ, со взятіемъ отъ служащихъ подписокъ о непринадлежности ихъ ни къ тѣмъ ни къ другимъ.

Императору Петру III принадлежитъ болѣе всего слава смягченія нашего законодательства по преслѣдованію политическихъ преступленій. Въ изданномъ имъ, 21-го февраля 1762 года, манифестѣ объ уничтоженіи тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи высказаны взгляды, достойные самыхъ просвѣщенныхъ и гуманныхъ законодателей. Онъ объявилъ, что „ненавистное израженіе слово и дѣло не долженствуетъ нынѣ значить ничего“, а если кто употребитъ его въ пьянствѣ и дракѣ, то полиція должна наказывать виновнаго, какъ озорника и безчинника. Вмѣстѣ съ этимъ императоръ отмѣнилъ пытку для доносителей, приказавъ сажать ихъ подъ крѣпкій караулъ на два дня и оставлять имъ это время на размышленіе. Онъ запретилъ также брать подъ стражу тѣхъ, на кого донесено безъ свидѣтелей и безъ письменныхъ доказательствъ и не почитать ихъ подозрительными до тѣхъ поръ, пока „въ высшемъ мѣстѣ надлежаще разсмотрѣно будетъ. и о тѣхъ, на кого донесено, указъ воспослѣдуетъ“. Всѣ дѣла по государственнымъ преступленіямъ Петръ III сдѣлалъ подвѣдомственными сенату, который долженъ былъ снабдить инструкціями всѣ судебныя мѣста имперіи относительно того, какимъ образомъ обнаруживать государственныя преступленія безъ употребленія пытокъ.

Изъ сказаннаго нами видно, что хотя „Уложеніе

царя Алексѣя Михайловича и выдѣлило государственныя или политическія преступленія въ особые разряды, но что, тѣмъ не менѣе, на практикѣ въ понятіе объ этихъ преступленіяхъ входили и такія преступленія, которыя нынѣшнимъ законодательствомъ относятся или къ преступленіямъ по должности или къ нѣкоторымъ видамъ общихъ уголовныхъ преступленій. Такимъ образомъ, знакомство съ прежнимъ нашимъ законодательствомъ не вполнѣ уясняетъ тотъ порядокъ, въ какомъ возникали и производились у насъ дѣла по политическимъ преступленіямъ, почему мы и перейдемъ теперь къ надзору и къ судопроизводству по дѣламъ этого рода.

Бунты и смуты, происходившіе въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, навели, въ 1651 году, „тишайшаго“ царя на мысль объ устройствѣ особаго тайнаго приказа для завѣдыванія дѣлами по государственнымъ преступленіямъ. Въ этотъ приказъ велѣно было приводить всѣхъ, сказывающихъ за собою „слово и дѣло“. Подъ этимъ выраженіемъ подразумѣвались, однако, преступленія самаго разнороднаго свойства; почему первоначально въ тайный преображенскій приказъ присылали къ розыску даже солдатъ, ихъ женъ и дѣтей по обвиненію въ корчемствѣ, тогда какъ оговоренныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ сдавали иногда въ судный приказъ. Только 25-го сентября 1702 года послѣдовалъ указъ о доставленіи всѣхъ, объявляемыхъ въ важныхъ государственныхъ винахъ исключительно въ преображенскій приказъ, къ князю Петру Юрьевичу Ромодановскому. Чрезъ этотъ приказъ шли въ судный приказъ повелѣнія собственно о душегубцахъ; причемъ, однако, упоминалось иногда и о бунтовщикахъ и объ измѣнникахъ, подвергавшихся смертной казни, наравнѣ съ душегубцами. Изъ этого надобно заключить, что хотя въ застѣнкѣ преображенскаго приказа и производились допросы и пытки, но что смертные приговоры, по опредѣленію преображенскаго приказа, приводились въ исполненіе суднымъ

приказомъ. Петръ I переименовалъ, въ 1718 году, преображенскій приказъ въ канцелярію, оставивъ въ ея вѣдомствѣ дѣла по государственнымъ преступленіямъ. Нѣсколько особый порядокъ розысковъ былъ, впрочемъ, установленъ относительно купцовъ, которыхъ, въ случаѣ объявленія на нихъ государева „слова и дѣла", приказано было допрашивать предварительно инспектору ратушскаго правленія Курбатову и, затѣмъ, оказавшихся виновными отсылать въ преображенскій приказъ. Курбатовъ былъ изъ числа такъ-называвшихся тогда „прибыльщиковъ", наблюдавшихъ за выгодами казны, и участіе его въ розыскахъ преображенской канцеляріи указываетъ, что нѣкоторыя дѣла, имѣвшія сообразно нынѣшнему взгляду, свойство дѣлъ фискальныхъ, причислялись также къ дѣламъ политическимъ.

Особенная напряженность по преслѣдованію политическихъ преступленій и политической неблагонадежности обнаружилась въ 1722 году, послѣ изданія „Правды о волѣ монаршей"—акта, предоставлявшаго царствующему государю право назначать себѣ преемника, помимо прямого своего наслѣдника, Петръ убѣдился въ это время въ злоумышленіяхъ своего собственнаго сына, и потому подозрительность его приняла самые широкіе размѣры. Въ этомъ году, 28-го апрѣля, были изданы правила о донесеніи священниками, если они на исповѣди узнаютъ о зломъ умыслѣ противъ государя, а также была издана особая, составленная для нихъ въ этомъ смыслѣ присяга. Въ упомянутыхъ правилахъ говорилось, что если кто объявитъ духовному отцу нѣкое, несдѣланное, но намѣренное отъ него воровство, паче же измѣну или бунтъ на государя или на государство, или какое умышленіе на честь или здоровье государево или на фамилію его величества, и не раскается, а заявитъ о семъ для того, чтобъ молчаніемъ духовника утвердиться въ своемъ умыслѣ, то духовникъ долженъ нетолько разрѣшенія и прощенія не сподоблять, но и донести, гдѣ надлежитъ. Само собою разумѣется, что

въ случаѣ содѣяннаго уже преступленія, никакое раскаяніе духовнаго сына не освобождало духовника отъ обязанности донести объ этомъ.

Требуя даже объ духовныхъ отцовъ такихъ доносовъ, въ справедливости которыхъ нельзя было сомнѣваться, Петръ I, въ то же время, хотѣлъ пресѣчь ложные доносы, къ чему главнымъ средствомъ, служили тогда подметныя письма. Онъ понималъ, что недруги его видятъ въ этомъ самый удобный способъ, для того чтобъ постоянно тревожить правительство напрасными опасеніями, будто бы, замышляемыхъ въ народѣ смутъ и волненій. О лживыхъ доносчикахъ Петръ I писалъ, что они, „подъ видомъ добродѣтели, ядъ свой изливаютъ". Что же касается справедливыхъ доносовъ, то онъ поощрялъ ихъ, указывая на то, что для того учинены и фискалы, которые непрестанно доносятъ „не точію на подлыхъ людей, но и на самыя знатныя лица безъ всякой болзни, а получаютъ за это вознагражденіе". Надобно, впрочемъ, замѣтить что доносы фискаловъ касались не однихъ государственныхъ преступленій, но и вообще всякаго рода неправдъ, обидъ и злоупотребленій по всѣмъ отраслямъ администраціи. Вѣроятно, доносы, поступавшіе прямо къ Петру и возводившіе маловажныя преступленія въ государственныя, слишкомъ утомляли его, такъ что онъ еще 23-го сентября 1713 года приказалъ объявить, что если кто напишетъ или скажетъ за собою государево „слово и дѣло", тѣ бы люди писали и сказывали о такихъ только дѣлахъ, которыя „касаются о ихъ государскомъ здоровьѣ и высокомонаршей чести или увѣдаютъ какой бунтъ и измѣну, а о прочихъ дѣлахъ, которыя къ вышеписаннымъ не касаются, доносили бы кому слѣдуетъ". Вообще, Петръ, насколько тогда установились понимапія о различіи между государственными и общими уголовными преступленіями, хотѣлъ провести черту раздѣла между тѣми и другими, сосредо-

точивъ первыя исключительно въ преображенскомъ приказѣ. Съ этою цѣлью, чтобъ „не дѣлать конфузіи положенному регламенту“, онъ, въ 1723 году, приказалъ исключительно въ этомъ приказѣ производить „государственныя дѣла, а именно въ дурныхъ словахъ или дѣлѣ къ возмущенію“. Замѣчательно то обстоятельство, что во все время своего существованія, этотъ грозный приказъ завѣдывалъ и семеновскимъ „потѣшнымъ“ дворомъ, такъ что расходы на политическіе розыски соединены были, въ количествѣ 1,960 руб., 69 коп., вмѣстѣ съ расходами на кормъ птицамъ и звѣрямъ, содержавшимся въ царскомъ звѣринцѣ. Впрочемъ, независимо отъ преображенской канцеляріи, существовалъ еще особый застѣнокъ въ Петербургѣ, въ петропавловской крѣпости, гдѣ иногда самъ царь производилъ слишкомъ крутую расправу.

Дѣла по политическимъ преступленіямъ сосредоточивались въ преображенскомъ приказѣ до 1729 года, когда, по указу императора Петра II, приказъ этотъ былъ упраздненъ и всѣ производившіяся въ немъ важныя дѣла стали подвѣдомственны верховному тайному совѣту и сенату. Такой порядокъ продолжался, впрочемъ, недолго. Преемница Петра II, Анна Ивановна нашла, что отправленіемъ этихъ дѣлъ въ сенатѣ „чинится немалое помѣшательство“, почему и приказала вѣдать ихъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка подполковнику и генералъ-адъютанту Ушакову, снискавшему себѣ на этомъ поприщѣ такую громкую и печальную извѣстность. Состоявшее же при немъ управленіе велѣно было именовать канцеляріею тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Затѣмъ, 12-го августа 1732 года, состоялся указъ о переводѣ этой канцеляріи въ Петербургъ и объ оставленіи въ Москвѣ ея конторы подъ управленіемъ оберъ-гофмейстера Салтыкова. При этомъ повелѣно было, чтобъ дѣла обоихъ названныхъ учрежденій „управлялись въ тайности“. Излишне было бы говорить, какую кровавую па-

мять оставила по себѣ тайная канцелярія, существовавшая и въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. При ней тайная канцелярія получила полную самостоятельность. Такъ, когда вышло распоряженіе, чтобъ всѣ присутственныя мѣста посылали въ сенатъ копіи со всѣхъ указовъ, получаемыхъ ими изъ кабинета, то въ этомъ случаѣ исключеніе было сдѣлано для одной лишь тайной канцеляріи. Сверхъ того, никакое лицо и никакое присутственное мѣсто не могли получить изъ дѣлъ канцеляріи никакихъ свѣдѣній и справокъ безъ особаго высочайшаго разрѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подтверждено было о неупустительной присылкѣ въ тайную канцелярію всѣхъ, сказывающихъ за собою государево „слово и дѣло". Особенно заботилась Елисавета объ уничтоженіе слѣдовъ царствованія Ивана Антоновича, приказавъ наистрожайшимъ образомъ хранить за печатью въ тайной канцеляріи и ея конторѣ всѣ указы и дѣла съ титуломъ принца Іоанна.

Петръ III, какъ мы уже замѣтили прежде, уничтожилъ тайную канцелярію. Въ изданномъ по этому поводу манифестѣ, онъ заявлялъ, что къ учрежденію тайныхъ розыскныхъ канцелярій — сколько разныхъ именъ имъ ни было — побудили тогдашнихъ временъ обстоятельства и неисправленные еще въ народѣ нравы. „Хотя часъ отъ часу — говорилось далѣе въ манифестѣ — въ нихъ было менѣе надобности, но какъ тайныя канцеляріи оставались въ своей силѣ, то подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавали способъ или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими наказанія, или злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ и непріятелей". Съ уничтоженіемъ при Петрѣ III тайной канцеляріи, всѣ дѣла по государственнымъ преступленіямъ были сдѣланы подвѣдомственными сенату, а объявленіямъ о „словѣ и дѣлѣ" было повелѣно не придавать никакого значенія. Относительно мягкаго взгляда на политическія преступленія Петръ III по-

шолъ еще далѣе, такъ какъ, 28-го мая 1762 года, онъ приказалъ „сыщикамъ главнымъ и всякимъ другимъ — не быть“. Читая манифестъ, касающійся уничтоженія тайной канцеляріи, нельзя не убѣдиться, что тогдашнее правительство ожидало возникновенія политическихъ волненій и смутъ преимущественно въ средѣ простаго народа, или, по словамъ манифеста, „на иначе отъ людей подлыхъ“. Что же касается другихъ классовъ, то манифестъ Петра III выражался о нихъ такъ: „совсѣмъ не чаемъ мы, чтобъ благородные дворяне, офицеры или тѣми чинами отъ насъ удостоенные, или кто изъ знатнаго купечества нашлись когда-либо въ столь мерзкихъ передъ Богомъ и свѣтомъ преступленіяхъ, каковы противъ двухъ первыхъ пунктовъ, но еслибъ они нашлись, то до указа ихъ не забирать и подозрительными не почитать“. Впрочемъ, какъ мы уже сказали, правило это было распространено и на всѣ другія сословія. Сверхъ того, въ манифестѣ объявлялось, что, если помѣщичьи приказчики или управители дворцовыхъ и монастырскихъ имѣній назовутъ крестьянъ бунтовщиками или измѣнниками и кто въ какихъ компаніяхъ другъ друга въ разговорахъ или ссорахъ назоветъ такими словами, если слова эти дѣйствительной измѣны не касаются, то не вѣрить доносителямъ и сказщикамъ, но бить ихъ плетьми нещадно. За преступленія противъ двухъ первыхъ пунктовъ, а также за недонесеніе объ этомъ была удержана смертная казнь, но она назначалась и за ложный доносъ, если онъ былъ затѣянъ напрасно.

Извѣстно, что слишкомъ усердные почитатели Екатерины II, не довольствуясь тою славой, какою озарила она свое долголѣтнее царствованіе, хотятъ возвеличить ее еще болѣе уничиженіемъ ея предшественника. Въ такомъ смыслѣ поступала, впрочемъ, и сама Екатерина. Такъ, издавъ, 19-го октября 1762 года, манифестъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи, она не упоминаетъ въ немъ вовсе о

томъ, что это было уже сдѣлано Петромъ III и выставляетъ это распоряженіе какъ дѣло своего личнаго „матерняго благодушія“. Въ этомъ манифестѣ говорится, что она хочетъ защитить невинныхъ людей нетокмо отъ напрасныхъ арестовъ, а иногда и самыхъ истязаній, но и пресѣчь злонравнымъ способы къ приведенію въ дѣйствіе ненависти, мщенія и клеветы. Между тѣмъ, ко всему этому былъ уже направленъ манифестъ императора Петра III, изъ котораго буквально заимствована вся сущность манифеста Екатерины. Сдѣланныя же въ этомъ послѣднемъ измѣненія отличались менѣе либеральнымъ духомъ. Такъ, Петръ III, въ случаѣ доноса безъ свидѣтелей и письменныхъ доказательствъ, приказывалъ вообще не брать оговоренныхъ подъ караулъ, безъ различія сословій, и не считать ихъ подозрительными до тѣхъ поръ, пока относительно ихъ не состоится указъ въ высшемъ мѣстѣ. Екатерина II, не ссылаясь вовсе на манифестъ своего мужа, измѣнила этотъ порядокъ въ томъ смыслѣ, что приказала при упомянутомъ случаѣ не брать подъ караулъ только дворянъ, офицеровъ и купцовъ, но предписала подвергать этой мѣрѣ солдатъ, матросовъ, господскихъ людей, крестьянъ, бурлаковъ, мастеровыхъ, фабричныхъ — „однимъ словомъ всякаго званія подлыхъ людей“. Къ этому было прибавлено, что она обѣщаетъ „императорскимъ словомъ достойное вознагражденіе за доносъ“.

Не было отдано должной справедливости Петру III за его либеральныя и гуманныя стремленія и императоромъ Александромъ Павловичемъ, который, въ манифестѣ своемъ отъ 2-го апрѣля 1802 года, говоритъ, вопреки исторической правдѣ, что тайная канцелярія существовала до временъ бабки его, Екатерины II, не упоминая вовсе объ уничтоженіи этой канцеляріи Петромъ III.

Послѣ манифеста Екатерины II объ уничтоженіи тайной канцеляріи, или, вѣрнѣе сказать, послѣ подтвержде-

нія ею манифеста, изданнаго относительно этого Петромъ III, дѣла по политическимъ преступленіямъ, касавшимся двухъ первыхъ пунктовъ, стали подсудны сенату, къ составу котораго въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, по дѣлу Мировича, присоединялись и члены святѣйшаго синода. Надзоръ же за политическою благонадежностью, вмѣсто сыщиковъ, былъ ввѣренъ мѣстнымъ губернскимъ и уѣзднымъ властямъ. Тѣмъ не менѣе, тайная экспедиція, неизвѣстно, впрочемъ, съ какого времени существовавшая негласно и при Екатеринѣ II, дѣйствовала особенно усердно въ послѣдніе годы ея царствованія, когда событія во Франціи внушали старѣвшейся императрицѣ сильную подозрительность и когда политически-сыскною частью завѣдывалъ извѣстный Шешковскій. Такимъ образомъ, хотя, по закону, и надзоръ и судопроизводство по политическимъ дѣламъ принадлежали тогда общимъ судебнымъ и административнымъ учрежденіямъ, но, въ сущности, на ряду съ ними дѣйствовали еще и грозныя таинственныя силы. Намекъ на это, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, встрѣчается и въ манифестѣ императора Александра I, который говоритъ нетолько объ уничтоженіи названія, но и дѣйствій тайной экспедиціи.

Императоръ Павелъ I возстановилъ тайную канцелярію офиціальнымъ образомъ, подъ названіемъ экспедиціи тайныхъ дѣлъ. Хотя прямого указа объ этомъ въ „Полномъ Собраніи Законовъ“ и не находится, но тамъ два раза упоминается объ этой экспедиціи. Такъ, 21-го ноября 1796 года, т. е. черезъ двѣнадцать дней по вступленіи на престолъ Павла, состоялся указъ, въ которомъ, по неимѣнію доктора при сенатѣ, а также при экспедиціи о государственныхъ доходахъ и особенно при тайной экспедиціи, „въ которой, по существу ея, необходимъ оный“, было велѣно опредѣлить доктора Сутгова, съ производствомъ ему жалованья по 1,000 рублей въ годъ.

Черезъ нѣсколько же дней послѣ того, именно 4-го декабря, тайная экспедиція была передана въ вѣдѣніе генералъ-прокурора. Изъ этихъ обстоятельствъ надобно заключить, что Павелъ I дѣлалъ только особыя распоряженія по тайной экспедиціи, существовавшей негласно при его предшественницѣ. Замѣчательно, что въ указѣ о подчиненіи экспедиціи генералъ-прокурору было включено повелѣніе о составленіи подъ надзоромъ его же, генералъ-прокурора, новаго „Уложенія". Несмотря, однако, на существованіе тайной экспедиціи, нѣкоторыя дѣла по двумъ первымъ пунктамъ производились въ сенатѣ и другихъ судебныхъ мѣстахъ. Въ виду этого, 12-го ноября 1800 года, состоялся высочайшій указъ, въ которомъ сказано, что такъ какъ эти дѣла подлежатъ особенному, вслѣдствіе высочайшихъ указовъ, разсмотрѣію, то сенатъ имѣетъ предписать, чтобъ упомянутыя дѣла, прежде исполненія поставляемыхъ по нимъ рѣшеній, были посылаемы къ генералъ-прокурору Обольянинову.

На третій день послѣ своего вступленія на престолъ, Александръ I, „желая наипаче облегчить тягостный жребій людей, содержащихся по дѣламъ въ тайной канцеляріи", препроводилъ въ сенатъ четыре списка этихъ лицъ съ повелѣніемъ возвратить имъ чины и дворянство, дозволивъ имъ жить, гдѣ они пожелаютъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ всякаго надзора. Въ спискахъ этихъ паціенты тайной экспедиціи были раздѣлены на слѣдующіе четыре разряда: вопервыхъ, заключонные въ крѣпостяхъ и сосланные въ разныя мѣста съ лишеніемъ чиновъ и дворянства; вовторыхъ, заключонные и сосланные безъ лишенія чиновъ и дворянства; втретьихъ, содержащіяся въ крѣпостяхъ и сосланные въ разныя мѣста на поселеніе и въ работу люди, неимѣющіе чиновъ, и, наконецъ, вчетвертыхъ, разосланные въ города и деревни подъ присмотръ и наблюденіе земскихъ полицій. Преступленія всѣхъ этихъ лицъ, въ

числѣ 156, въ упомянутыхъ спискахъ не означены. Въ первый списокъ внесено 28 человѣкъ, и между ними извѣстный Радищевъ, бывшій колежскій совѣтникъ, сосланный въ Нерчинскъ, въ этотъ же списокъ внесенъ пасторъ Зейдеръ, два польскіе ксендза, бывшій полковникъ Волчковъ, французъ Деорлингъ и нѣсколько человѣкъ польскихъ шляхтичей. Во второй списокъ внесено 64 человѣка, и между ними княгиня Анна Голицына, рожденная Зотова. Тутъ же есть и полковники, и колежскіе совѣтники, и майоры, и придворный кандитеръ французъ Балье, а также нѣсколько поляковъ. Изъ внесенныхъ въ третій списокъ, числомъ 41, было 6 французовъ, одинъ англичанинъ, мѣщане, купцы, діаконы, арабъ Александръ и отставной кадетъ. Наконецъ, въ четвертый списокъ „лицъ“, живущихъ подъ вѣдомствомъ тайной экспедиціи въ городахъ и деревняхъ, включительно 23 человѣка. Между ними есть статскій совѣтникъ, полковники, шведскій баронъ и шведскій пасторъ, аптекарскій гезель и т. д. Вообще же, во всѣхъ четырехъ спискахъ преобладаютъ неслишкомъ чиновные люди, состоявшіе въ военной или гражданской службѣ. Мѣстомъ ссылки были: Нерчинскъ, Иркутскъ, Якутскъ, поселенія за Байкаломъ, Вятка, Калуга и Тобольская губернія; мѣстами же заключенія крѣпости: шлиссельбургская, рижская, кексгольмская и кіево-печерская, а также нѣкоторые монастыри.

1-го апрѣля 1801 года былъ изданъ высочайшій манифестъ объ уничтоженіи тайной экспедиціи. Манифестъ этотъ начинался слѣдующими словами: „Нравы вѣка и особенныя обстоятельства временъ протекшихъ побудили государей, предковъ нашихъ, между прочими временными установленіями, учредить тайную канцелярію, которая подъ разными именами существовала даже до времени бабки нашей, Императрицы Екатерины-Великой. Признавъ судилище сіе установленному въ Россіи образу правленія

несвойственнымъ и правиламъ ея противнымъ, она торжественно уничтожила и отвергла его. Такимъ образомъ, имя сей канцеляріи было уже въ положеніяхъ закона изглажено". Почему же, однако, такое учрежденіе возникло снова? На этотъ вопросъ встрѣчается въ манифестѣ объясненіе такого рода: „Между тѣмъ, однако же, по уваженію обстоятельствъ, признано было нужнымъ продолжать ея дѣйствіе подъ названіемъ тайной экспедиціи со всевозможнымъ умѣреніемъ правилъ ея личною мудростію и собственнымъ высочайшимъ дѣлъ разсмотрѣніемъ". Не взирая, однако, на такую обстановку этого таинственнаго учрежденія, самое существованіе его, какъ видно изъ манифеста, оказывалось вреднымъ. Вотъ въ какихъ словахъ объясняется это въ манифестѣ: „Но какъ съ одной стороны впослѣдствіи времени открылось, что личныя правила, по самому существу своему перемѣнѣ подлежащія, не могли положить надлежащаго оплота злоупотребленіямъ и потребна была сила закона, чтобъ присвоить положеніямъ симъ необходимую непоколебимость, а съ другой стороны, находя, что въ благоустроенномъ государствѣ всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силой законовъ, повелѣваемъ: нетолько названіе, но и самое дѣйствіе тайной экспедиціи навсегда упразднить, всѣ дѣла, въ оной бывшія, отдать въ государственный архивъ къ вѣчному забвенію, на будущее же время вѣдать ихъ въ 1-мъ и 5-мъ департаментахъ правительствующаго сената и во всѣхъ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ вѣдаются дѣла уголовныя". Вмѣстѣ съ этимъ, сенату предоставлено было составить и пополнить порядокъ производства дѣлъ этого рода въ мѣстахъ, сенату подвѣдомственныхъ.

Такимъ образомъ со временъ царя Алексѣя Михайловича, когда впервые было учреждено особое тайное судилище по государственнымъ преступленіямъ, четыре раза

дѣла по этимъ преступленіямъ передавались въ вѣдѣніе общихъ судебныхъ мѣстъ, а надзоръ по предупрежденію ихъ предоставлялся общей полицейской власти, именно въ 1729 году, два раза въ 1762 году и, наконецъ въ 1801 году. Но всѣ эти измѣненія были шатки и только съ изданіемъ „Судебныхъ Уставовъ", а тѣмъ еще болѣе съ опредѣленіемъ участія III-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи въ слѣдствіяхъ и въ обвиненіяхъ по политическимъ преступленіямъ, установился въ этомъ отношеніи въ главныхъ чертахъ тотъ порядокъ, необходимость котораго сознавалась еще и прежде, хотя, конечно, и слѣдствія и судопроизводство по упомянутымъ дѣламъ имѣютъ еще и теперь нѣкоторое отличіе отъ тѣхъ правилъ, какія существуютъ по дѣламъ уголовнымъ вообще.

Вслѣдствіе манифеста императора Александра I, сенатъ постановилъ: по всѣмъ дѣламъ, важность двухъ первыхъ пунктовъ заключающимъ въ себѣ: по 1-му—умыслы противъ здравія и чести императорскаго величества и по 2-му—бунтъ или измѣну противъ императорскаго величества и государства, порядокъ производства и сужденія дѣлъ опредѣлить на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какія и во всѣхъ уголовныхъ преступленіяхъ наблюдаются, принявъ къ теченію этихъ дѣлъ манифестъ 1762 года, изданный императрицею Екатериной II объ уничтоженіи тайной канцеляріи, и употребляя къ достиженію и открытію истины преступленій кроткія средства, руководствоваться „Учрежденіемъ о губерніяхъ". Поэтому, сенатъ приказалъ, чтобъ, въ случаѣ доноса или усмотрѣнія со стороны губернатора, городской или земской полиціи преступленій по двумъ первымъ пунктамъ, удостовѣряться, что преступленіе это не есть ложь, клевета или вымыслъ, и потомъ уже, какъ въ изысканіи участвующихъ, такъ и въ сужденіи ихъ, поступать указаннымъ порядкомъ.

Порядокъ же этотъ заключался въ слѣдующихъ пра-

вилахъ: 1) Кто справедливо имѣетъ донести, тотъ извѣтъ свой долженъ представить во всякомъ мѣстѣ военному или гражданскому начальнику, который, по полученіи доноса или по собственному усмотрѣнію чего-нибудь по двумъ первымъ пунктамъ законамъ противнаго, препровождаетъ за крѣпкимъ карауломъ какъ доносителя, такъ и участвующаго въ то судебное мѣсто, до разбора котораго они, по состоянію своему, принадлежатъ. Затѣмъ, начальникъ доноситъ объ этомъ губернатору, а тотъ сенату. 2) Нижнія судебныя мѣста обязаны немедленно приступить къ преслѣдованію и производству суда и, не исполняя приговоровъ, представлять ихъ на ревизію въ палаты суда и расправы, которыя, произведя ревизію, постановляютъ рѣшительный приговоръ и вносятъ его на утвержденіе губернатора. Губернаторъ утверждаетъ приговоръ надъ людьми низшаго состоянія, доводя объ этомъ только до свѣдѣнія сената, а о дворянахъ или чиновникахъ представляетъ съ мнѣніемъ своимъ въ 1-й или 5-й департаментъ сената.

При такомъ общемъ ходѣ дѣлъ по политическимъ преступленіямъ, послѣдовало, однако, въ царствованіе императора Александра I, нѣсколько особыхъ относящихся къ нимъ указовъ. Такъ, въ 1802 году открылась въ Астраханской Губерніи секта раскольниковъ, какого именно толка—неизвѣстно. Слѣдователь, дворянскій засѣдатель уѣзднаго суда, по словамъ высочайшаго указа, вошелъ съ этими раскольниками въ неосторожныя и совсѣмъ ненужныя объясненія и разбирательства о верховной власти. Почему повелѣно было удалить его, безъ суда, отъ должности и взять на замѣчаніе, а впредь съ простымъ народомъ не заводить такихъ „нелѣпыхъ разсужденій".

13-го января 1807 года послѣдовало учрежденіе особаго комитета для разсмотрѣнія дѣлъ по преступленіямъ, клонящимся къ нарушенію общаго спокойствія и безопасности, въ которыхъ подозрѣваются зловредные люди. Ко-

митетъ этотъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора князя Лопухина, а членами его были сенаторы Макаровъ и Новосильцевъ. Въ случаѣ же нужды, въ комитетъ могли быть приглашаемы: главнокомандующій въ столицѣ Вязмитиновъ и министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей. Поводъ къ учрежденію этого комитета объяснялся въ указѣ слѣдующими словами: „обращая вниманіе на способы, которыми коварное правительство Франціи, достигая своей цѣли—разрушенія всеобщаго спокойствія, не переставало дѣйствовать во всѣхъ европейскихъ государствахъ черезъ явныхъ и тайныхъ своихъ сообщниковъ, повелѣваемъ и т. д.“ Дѣла въ этотъ комитетъ вносились черезъ санктпетербургскую полицію и здѣшняго военнаго губернатора, а также всѣхъ губернаторовъ вообще, причомъ комитетъ по каждому отдѣльному, доведенному до свѣдѣнія его, случаю обязанъ былъ предписывать порядокъ слѣдствія.

Намъ неизвѣстно, когда упразднился этотъ комитетъ. Есть, однако, основаніе предполагать, что въ послѣдніе годы царствованія Александра I-го дѣла по политическимъ преступленіемъ велись опять въ прежнемъ порядкѣ, т. е. производились въ общихъ судебныхъ мѣстахъ безъ участія какого-нибудь особаго учрежденія. При этомъ, однако, встрѣтилось слѣдующее уклоненіе. Въ 1823 г., екатеринославскій губернаторъ, не соглашаясь съ приговоромъ мѣстной уголовной палаты по дѣлу крестьянина Резниченко, обвиненнаго въ произнесеніи оскорбительныхъ словъ противъ императорскаго величества, представилъ о помилованіи его министру внутреннихъ дѣлъ, который, соглашаясь съ мнѣніемъ губернатора, внесъ это дѣло въ комитетъ министровъ. Комитетъ принялъ дѣло къ своему разсмотрѣнію; но министръ юстиціи былъ противъ этого, находя, что дѣла подобнаго рода подлежатъ исключительно вѣдѣнію сената. Императоръ Александръ I-й утвер-

далъ это мнѣніе, простивъ, впрочемъ, лично отъ себя Резниченко.

Въ такомъ положеніи было у насъ судопроизводство по политическимъ преступленіямъ, когда обнаружился заговоръ декабристовъ и когда въ этомъ отношеніи была введена особая система надзора, слѣдствія и суда.

Въ тѣхъ статьяхъ нынѣ дѣйствующаго у насъ „Уложенія о наказаніяхъ“, которыя относятся къ государственнымъ преступленіямъ, замѣтнѣе всего отражаются послѣдствія печальныхъ событій 14-го декабря 1825 года, такъ какъ, въ сущности, эти статьи основываются на началахъ, принятыхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, учрежденнымъ по дѣлу о такъ-называемыхъ декабристахъ. Не ошибаясь можно сказать, что заговоръ и происшедшее за тѣмъ въ Петербургѣ военное возстаніе застали наше законодательство по государственнымъ преступленіямъ какъ бы врасплохъ. Тогдашнее законодательство не предусматривало тѣхъ неодинаковыхъ формъ и тѣхъ разныхъ оттѣнковъ, въ которыхъ проявились замыслы и дѣйствія заговорщиковъ, и осуждало ихъ поголовно на смертную казнь, безъ всякаго различія относительно рода и постепенности преступленій. Когда былъ учрежденъ верховный судъ надъ виновными, ему пришлось обратиться къ прецедентамъ подобнаго рода, не имѣя въ виду такихъ положительныхъ законовъ, которые допускали постепенность наказаній за преступленія противъ такъ-называвшихся тогда первыхъ двухъ пунктовъ.

Послѣ того, какъ ревизіонная комисія, образованная при верховномъ уголовномъ судѣ, провѣрила акты слѣдственной комисіи, судъ прежде всего предложилъ себѣ на разрѣшеніе вопросъ: какое наказаніе положено за тѣ преступленія, которыя ему предстоитъ расматривать? и нашолъ, что, такъ какъ преступленія эти совершены противъ первыхъ двухъ пунктовъ, то всѣ виновные въ томъ подле-

жатъ смертной казни. „Симъ однимъ общимъ приговоромъ— писалъ верховный уголовный судъ въ своемъ докладѣ императору—оканчивалось дѣло во всей его законной точности. Строгость нашихъ законовъ не дозволяетъ въ семъ родѣ преступленій различать никакихъ постепенностей. Всѣ и дѣйствовавшіе, и согласившіеся, и участвовавшіе, и даже токмо знавшіе объ умыслѣ посягательства на священную особу государя императора или кого-либо изъ членовъ императорской фамиліи, также объ умыслѣ бунта и воинскаго мятежа, всѣ, безъ изъятія, подлежатъ смертной казни и, по точной силѣ законовъ, всѣ однимъ общимъ приговоромъ считаются присужденными къ сей казни. Сія спасительная строгость нашихъ законовъ — добавляетъ верховный уголовный судъ — можетъ быть смягчена только монаршимъ милосердіемъ“.

Между тѣмъ, такъ какъ императоръ Николай заблаговременно приказалъ, чтобъ верховнымъ уголовнымъ судомъ была опредѣлена постепенность преступленій, то, вслѣдствіе этого при судѣ была учреждена особая комисія для опредѣленія разрядовъ преступниковъ сообразно со степенью ихъ виновности. Изъ доклада суда видно, что, при отсутствіи всякихъ руководительныхъ юридическихъ указаній, работа эта потребовала отъ комисіи чрезвычайныхъ трудовъ. Ей приходилось собственно составлять временный уголовный кодексъ по государственнымъ преступленіямъ, начиная съ преступленій первостепенной важности и кончая такими, которыя требовали крайняго смягченія прежняго закона, обрекавшаго всѣхъ виновныхъ безусловно на смертную казнь. Само собою разумѣется, что одновременно съ раздѣленіемъ подсудимыхъ на разряды, должны были явиться въ приговорѣ верховнаго уголовнаго суда и постепенные разряды наказаній. Дѣйствительно, вмѣсто общаго первоначальнаго приговора къ смертной казни всѣхъ подсудимыхъ безъ изъятія, оказалось возможнымъ снизойти

къ осужденнымъ до такой степени, что наказаніе помѣщенныхъ въ послѣднемъ разрядѣ было ограничено относительно весьма легкою карой, именно разжалованіемъ въ рядовые съ выслугой и, притомъ, даже безъ лишенія дворянства. Такое смягченіе приговора, сравнительно съ дѣйствовавшими тогда законами, ясно указывало на практическую несостоятельность этихъ законовъ и должно было наводить на мысль, что безусловная смертная казнь за преступленія противъ первыхъ двухъ пунктовъ, установленныхъ еще уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича и объясненныхъ указомъ императрицы Анны Ивановны, представляется слишкомъ суровою и совершенно безразличною карой. Все, чѣмъ только судъ могъ разнообразить ее соразмѣрно со степенью вины, заключалось лишь въ изысканіи имъ болѣе или менѣе мучительнаго рода смерти.

Обязанный опредѣлить постепенность преступленій и вмѣстѣ съ тѣмъ наказаній, верховный уголовный судъ, независимо отъ посягательства на цареубійство и бунтъ, принималъ въ соображеніе учрежденіе тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлью возмущеніе, отдѣлялъ отъ этого приготовленіе къ тому способовъ, или назначеніе срочнаго для того времени, а также составленіе плановъ, уставовъ, конституцій, прокламацій, формъ присяги, степень участія въ тайныхъ обществахъ и, наконецъ, вступленіе въ нихъ или съ полнымъ, или не съ полнымъ сознаніемъ ихъ цѣли, и т. д. Говоря иначе, верховный уголовный судъ отъ первоначальнаго поголовнаго обвиненія всѣхъ подсудимыхъ въ преступленіяхъ противъ двухъ пунктовъ, подвергавшихъ ихъ всѣхъ, безъ различія, смертной казни, перешолъ къ разсмотрѣнію такихъ частностей, которыя давали основаніе къ постепенному облегченію наказаній.

Мы, конечно, не имѣемъ въ виду говорить здѣсь о декабрскихъ событіяхъ — мы относимся къ нимъ только, какъ къ одному изъ важнѣйшихъ юридическихъ преце-

дентовъ, и, притомъ, едва ли не болѣе всего повліявшихъ на послѣдующее наше законодательство по государственнымъ, или такъ-называемымъ политическимъ преступленіямъ.

Мы видимъ, что, при отсутствіи положительныхъ законовъ, верховному уголовному суду 1826 года была присвоена нетолько судебная, но отчасти и законодательная власть, т. е. что онъ своимъ приговоромъ долженъ былъ пополнить тѣ пробѣлы, какіе находились въ дѣйствовавшихъ тогда у насъ законахъ. Верховный уголовный судъ распредѣлилъ осужденныхъ на 9 разрядовъ. Въ первый разрядъ помѣщено было 5 виновныхъ, приговоренныхъ судомъ въ четвертованію; во второй 31—приговоренныхъ къ отсѣченію головы; затѣмъ, были приговорены: помѣщонные въ третій разрядъ къ политической смерти на плахѣ и къ ссылкѣ въ каторжную работу вѣчно; осужденные по четвертому разряду—къ такой же ссылкѣ, но безъ исполненія надъ ними обряда политической смерти; включонные въ пятый разрядъ были приговорены къ ссылкѣ въ каторжную работу на время и потомъ на поселеніе; внесеннымъ въ шестой разрядъ была назначена вѣчная ссылка на поселеніе; виновные по седьмому разряду были приговорены къ отдачѣ въ солдаты до выслуги съ лишеніемъ дворянства и, наконецъ, вмѣщонные въ послѣдній, девятый разрядъ присуждены къ отдачѣ въ солдаты съ выслугою и безъ лишенія дворянства. Такой приговоръ верховнаго уголовнаго суда былъ значительно измѣненъ государемъ съ ограниченіемъ, между прочимъ, числа лицъ, подлежавшихъ смертной казни и съ отмѣной четвертованія и отсѣченія головы. Затѣмъ, назначеніе вида смертной казни было предоставлено суду, который и избралъ висѣлицу. Хотя, какъ видно изъ хода дѣла, верховный уголовный судъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ какъ бы на правахъ законодательной власти, то-есть, по отсутствію положительныхъ законовъ, руководствовался только собственными своими со-

ображеніями относительно степени вины подсудимыхъ и тѣхъ наказаній, какихъ они заслуживали по его мнѣнію; тѣмъ не менѣе, съ юридической точки зрѣнія нельзя было принять за постоянныя правила ту классификацію государственныхъ преступленій, какой держался верховный уголовный судъ въ постановленномъ имъ приговорѣ. Это, впрочемъ, понятно: такъ какъ уголовные законы должны быть составляемы не передъ лицомъ подсудимыхъ и не въ ту пору, когда умы подчиняются извѣстному настроенію. Поэтому, и приговоръ верховнаго уголовнаго суда не могъ служить во всѣхъ своихъ частностяхъ основой для послѣдующаго нашего законодательства по государственнымъ преступленіямъ. Несмотря, однако, на это, онъ внесъ въ него весьма важный принципъ, именно, допустилъ несуществовавшую прежде у насъ постепенность въ дѣлахъ по государственнымъ преступленіямъ, а также, кромѣ смертной казни, допустивъ и различные роды наказаній.

Приговоръ верховнаго уголовнаго суда отразился на первомъ изданіи „Свода Законовъ", появившемся въ 1833 году. Здѣсь, въ главѣ „о родахъ наказаній", въ статьѣ 17-й, было сказано: „казнь смертная, за извѣстныя преступленія въ прежнихъ законахъ положенная и по указамъ 1753 и 1754 года другими наказаніями замѣненная, съ того времени опредѣляется нынѣ дѣйствующими законами за слѣдующія токмо преступленія: 1) за преступленія противъ первыхъ двухъ пунктовъ, когда оныя, по особенной ихъ важности, предаются разрѣшенію и разсмотрѣнію верховнаго уголовнаго суда; 2) за нарушеніе карантинныхъ правилъ, по приговору военнаго суда и 3) за воинскія преступленія, во время похода учиненныя и въ „Полевомъ уголовномъ положеніи" именно означенныя".

Такимъ образомъ, по „Своду Законовъ", изданія 1832 года, смертная казнь за государственныя преступленія назначалась уже не безусловно, но только въ случаѣ ихъ

особенной важности, которая опредѣлялась учрежденіемъ верховнаго уголовнаго суда. Хотя практика 1826 года и показала, что не всѣ лица, преданныя этому суду, должны были непремѣнно подлежать смертной казни, но что въ этомъ случаѣ можетъ быть допускаема постепенность преступленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и постепенность наказанія, тѣмъ не менѣе, держась въ точности одной вышеприведенной статьи, будущій верховный уголовный судъ могъ бы находиться въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ находился такой же судъ въ 1826 году, когда онъ признавалъ, что „дѣло оканчивалось во всей законной точности“ при безразличномъ приговорѣ всѣхъ подсудимыхъ къ смертной казни, какъ вообще виновныхъ въ преступленіяхъ по двумъ первымъ пунктамъ. Уже самое учрежденіе верховнаго уголовнаго суда какъ бы предрѣшало приговоръ виновныхъ къ смертной казни, потому что, по первому изданію „Свода Законовъ“, вѣдѣнію упомянутаго суда подлежали особенно важныя государственныя преступленія, за которыя именно и назначалась смертная казнь, безъ упоминанія при этомъ о какихъ - либо другихъ наказаніяхъ. Только упоминаніе въ особой статьѣ о „политической смерти“ намекало на то, что верховный уголовный судъ могъ обойти смертную казнь, приговоривъ виновныхъ къ политической смерти. Что же касается учрежденія верховныхъ уголовныхъ судовъ, то въ примѣчаніи къ упомянутой статьѣ сдѣланы были ссылки: на возмущеніе Мировича въ 1764 году, на бунтъ въ Москвѣ въ 1771 году, на бунтъ Пугачева въ 1775 и на бунтъ 14-го декабря 1825 года. Этими ссылками, безъ всякаго сомнѣнія, указывалось на тѣ случаи, которые могли вызвать учрежденіе верховнаго уголовнаго суда, а извѣстно, что всѣ эти случаи сопровождались не составленіемъ только какого-нибудь заговора, неприведеннаго еще въ исполненіе, но открытымъ и вооруженнымъ возстаніемъ.

При удержаніи смертной казни за государственныя преступленія, въ первомъ изданіи „Свода Законовъ“ было сказано, что „виды сей казни опредѣляются верховнымъ уголовнымъ судомъ; за преступленія же воинскія и карантинныя полагается разстрѣляніе“. Къ этому, какъ руководительное указаніе, былъ приведенъ рядъ примѣровъ, относившихся къ различнымъ видамъ смертной казни. Такъ, упоминалось, что капитану смоленскаго полка Василію Мировичу была отрублена голова; что двое изъ главныхъ участниковъ бунта, происшедшаго въ Москвѣ, во время заразы, были повѣшены, другіе же наказаны кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей сосланы въ каторжную работу; что Пугачевъ и главнѣйшій его помощникъ, Перфильевъ, четвертованы, а другимъ сообщникамъ отрублены головы или они были повѣшены; наконецъ, что главные виновники заговора и возмущенія, происшедшаго 14-го декабря 1825 года противъ высочайшей власти, казнены были смертью, а прочіе наиболѣе участвовавшіе въ бунтѣ, съ лишеніемъ чиновъ и дворянства сосланы въ каторжную работу.

Кромѣ смертной казни и ссылки въ каторжную работу, „Сводъ Законовъ“, ссылаясь на дѣло о декабристахъ, пояснилъ свойство и случаи политической смерти, какъ отдѣльнаго наказанія. „Прежде политическая смерть — сказано было въ „Сводѣ Законовъ“—присуждаема была, вмѣсто смертной казни, какъ за важныя государственныя преступленія, такъ и за нѣкоторыя общественныя и частныя; нынѣ же она опредѣляется только въ чрезвычайныхъ случаяхъ по приговору верховнаго уголовнаго суда за одни государственныя преступленія по первымъ двумъ пунктамъ“. Вмѣстѣ съ этимъ, въ „Сводѣ Законовъ“ былъ признанъ два вида политической смерти — положеніе на плаху и возведеніе на висѣлицу. Въ отношеніи наказаній за государственныя преступленія, „Сводъ Законовъ“ важенъ и потому еще, что въ немъ положительно опредѣлены случаи

конфискаціи. До изданія дворянской граматы, т. е. до 21-го апрѣля 1785 года, „животы“ обвиненныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ брали на государя; граматою же была отмѣнена конфискація дворянскихъ имуществъ; но, все-таки, императоръ Павелъ намѣревался конфисковать имущества графа Воронцова и князя Зубова. Указомъ 1802 года, освобожденіе отъ конфискаціи было распространено на всѣ другія сословія: купеческое, мѣщанское и земледѣльческое. Что же касается перваго изданія „Свода Законовъ“, то въ немъ, на основаніи указовъ 1809, 1810, 1820 и 1831 годовъ, постановлено, что конфискація допускаетсятолько въ случаѣ самовольной отлучки дворянъ„ изъ пограничныхъ губерній во время возмущенія, подговора къ тому другихъ и доставленія имъ способовъ къ вооруженію“. „Сводъ Законовъ“ разрѣшилъ также вопросъ о давности по государственнымъ преступленіямъ, постановивъ, что давность по всѣмъ преступленіямъ назначается десятилѣтняя, съ изъятіемъ только побѣговъ, учиненныхъ нижними чинами.

Такъ какъ старинное наименованіе важнѣйшихъ государственныхъ преступленій „преступленіями противъ первыхъ двухъ пунктовъ“ было удержано и въ первомъ изданіи „Свода Законовъ“, то въ немъ такими словами объясняются эти преступленія: *Пунктъ первый.* 1) Злоумышленіе противъ священной особы императорскаго величества и членовъ императорскаго дома и поношеніе императорскаго величества и императорскаго дома злыми и вредительными словами. *Пунктъ второй.* 2) Бунтъ противъ государя и государства. Далѣе „Сводъ Законовъ“ пояснилъ, что злоумышленіемъ противъ государя почитается умыселъ противъ его жизни, чести и здравія, сверженія его съ престола, похищеніе верховной власти, лишеніе государя свободы и учиненіе ему какого-либо насилія. Къ этому было добавлено, что злоумышленіе во всѣхъ означенныхъ видахъ считается дѣйствительнымъ преступ-

леніемъ и тогда, когда по слѣдствію окажется, что злоумышленникъ или открылъ о предпринятомъ имъ дѣлѣ другому мысли свои, или что онъ имѣлъ твердую волю и намѣреніе произвести свой умыселъ въ дѣйствіе и учинилъ уже къ тому какое-либо пріуготовленіе. Въ „Сводѣ Законовъ“ было также пояснено, что бунтомъ называется возстаніе скопомъ и заговоромъ противъ государя и государства, сопряженное съ насильственными дѣйствіями, какъ-то: съ грабежомъ, убійствомъ, зажигательствомъ, взломомъ тюремъ для освобожденія преступниковъ, или съ намѣреніемъ учинить преступленія такого рода. За преступленія по первымъ двумъ пунктамъ опредѣлялась смертная казнь и, сверхъ того, въ пограничныхъ губерніяхъ, конфискація. Смертный приговоръ могъ, однако, состояться только по опредѣленію верховнаго уголовнаго суда. Когда же, сказано въ „Сводѣ Законовъ“, преступленія по двумъ первымъ пунктамъ судятся въ обыкновенныхъ судебныхъ мѣстахъ, тогда опредѣляются наказанія, замѣняющія смертную казнь, именно: лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжныя работы. Наказанія за преступленія противъ перваго пункта примѣнялись во всей силѣ и въ такомъ случаѣ, когда преступленія эти были направлены противъ кого-нибудь изъ членовъ царствующаго дома. Смертная казнь, въ упомянутомъ выше порядкѣ, была назначена и обличоннымъ въ произнесеніи дерзкихъ словъ противъ императорскаго величества или въ изданіи письменныхъ и печатныхъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ поносительныя слова къ личнымъ качествамъ государя или къ управленію государствомъ. Дѣйствіе этой статьи примѣнялось и къ подобнымъ преступленіямъ, совершоннымъ противъ кого-нибудь изъ членовъ императорской фамиліи. Съ такою же строгостью отнесся „Сводъ Законовъ“ къ „участвующимъ и управляющимъ незаконными тайными обществами, имѣющими какую-нибудь цѣль государству вредную и подаю-

щими поводъ къ возмущенію и бунту, опредѣливъ для нихъ то же наказаніе, какое было предназначено за преступленія по двумъ первымъ пунктамъ. Такому же наказанію должны были подлежать и тѣ начальники, которые допустятъ сходбища, составленныя съ цѣлью возмущенія или подадутъ къ нимъ поводъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, въ какой степени измѣнились къ настоящему времени всѣ эти узаконенія, вошедшія въ „Сводъ Законовъ" при первомъ изданіи его въ 1822 году.

Относительно подсудности было постановлено, что дѣла по первымъ двумъ пунктамъ вѣдаются: 1) или въ обыкновенныхъ уголовныхъ судахъ; 2) или, по высшей и особенной ихъ важности, составляются для сужденія ихъ особые верховные уголовные суды, или же 3) они предаются сужденію правительствующаго сената. Далѣе, въ „Сводѣ Законовъ" были опредѣлены порядокъ учрежденія и личный составъ верховныхъ уголовныхъ судовъ; было также сказано, что сужденію сената дѣла по государственнымъ преступленіямъ предаются особыми высочайшими повелѣніями, а въ обыкновенныхъ судахъ дѣла по первымъ двумъ пунктамъ начинаются по доносу, извѣту или по свѣдѣніямъ, непосредственно дошедшимъ къ военному и гражданскому начальству. Всѣ подобнаго рода дѣла, производимыя въ обыкновенныхъ судахъ, должны были быть представляемы на ревизію сената, который, по разсмотрѣніи и уваженіи всѣхъ обстоятельствъ, съ мнѣніемъ своимъ о каждомъ обвиняемомъ, обязывался доносить государю императору и ожидать высочайшаго утвержденія.

Вмѣстѣ съ этимъ, былъ указанъ и порядокъ производства дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ какъ въ верховномъ уголовномъ судѣ, такъ и въ сенатѣ. При передачѣ дѣла въ верховный судъ, производство слѣдствія поручалось особо назначеннымъ, по высочайшему повелѣнію, лицамъ, или комисіи. Судъ долженъ былъ при про-

изводствѣ дѣла держаться того порядка, какой былъ принятъ верховнымъ уголовнымъ судомъ 1826 года, т. е. прочесть указъ и донесенія слѣдователей и, затѣмъ, удостовѣриться самому въ подлинности слѣдственныхъ актовъ или нарядить для этого особую коммиссію. При произнесеніи смертныхъ приговоровъ члены синода, входившіе въ составъ верховнаго уголовнаго суда, были освобождены отъ обязанности подписывать ихъ. Въ сенатѣ судопроизводство по государственнымъ преступленіямъ было обусловлено общимъ порядкомъ, съ соблюденіемъ лишь тѣхъ правилъ, какія особенно будутъ назначены въ высочайшемъ повелѣніи.

Къ политическимъ преступленіямъ черта нѣкоторой снисходительности проявилась при изданіи, въ 1845 году, „Уложенія о наказаніяхъ“. „Уложеніе“ удержало въ прежней силѣ смертную казнь за „всякое злоумышленіе и преступное дѣйствіе противъ жизни, здравія или чести государя императора и за всякій умыселъ свергнуть его съ престола, лишить свободы и власти верховной или же ограничить права оной, или учинить священной особѣ его какое-либо насиліе“. Такую же казнь оно удержало и для всѣхъ участниковъ, сообщниковъ, пособниковъ, подговорщиковъ, подстрекателей или попустителей, укрывателей и тѣхъ, которые, зная и имѣя возможность донести о злоумышленіи и злоумышленникахъ, не исполнили этого. Ту же самую казнь и съ тѣмъ же самымъ распространеніемъ на всѣхъ виновныхъ „Уложеніе о наказаніяхъ“ опредѣляло и за злоумышленія или преступное дѣйствіе противъ жизни, здравія, свободы и чести всѣхъ членовъ императорскаго дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, „Уложеніе о наказаніяхъ“ сдѣлало, сравнительно съ „Сводомъ Законовъ“ 1832 года, нѣкоторое отступленіе относительно составленія и распространенія письменныхъ или печатныхъ сочиненій или изображеній, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной

власти или же къ личнымъ качествамъ государя, или къ управленію его государствомъ. Прежде, какъ за преступленія этого рода, такъ и за произнесеніе дерзкихъ словъ противъ императорскаго величества или противъ кого-либо изъ членовъ императорскаго дома, назначалась, по закону, смертная казнь. „Уложеніе о наказаніяхъ" отмѣнило ее въ обоихъ этихъ случаяхъ, замѣнивъ ее въ первомъ случаѣ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ, а буде виновные не изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній, то и къ наказанію плетьми чрезъ палачей, отъ 60 до 70 ударовъ; во второмъ же случаѣ—лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжную работу на заводахъ на время отъ шести до восьми лѣтъ, а буде виновный не изъятъ отъ наказаній тѣлесныхъ, то и къ наказанію плетьми чрезъ палачей, отъ 60 до 70 ударовъ. При этомъ, какъ извѣстно, въ ту пору подобнаго рода тѣлесныя наказанія сопровождались наложеніемъ клеймъ.

Сверхъ того, „Уложеніе о наказаніяхъ" допустило по этимъ преступленіямъ нѣкоторую постепенность. Такъ, напримѣръ, виновные въ составленіи упомянутыхъ сочиненій или изображеній, но неизобличенные въ „злоумышленномъ" ихъ распространеніи, подвергались только заключенію въ крѣпости на время отъ двухъ до четырехъ лѣтъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. За дерзкія же, оскорбительныя противъ императорскаго величества, слова, произнесенныя хотя бы и заочно, а также за поступки такого рода, если виновный дозволилъ ихъ себѣ въ пьянствѣ безъ преднамѣреннаго на то умысла, онъ, по „Уложенію о наказаніяхъ", приговаривался только къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года. Въ этомъ случаѣ законодательство наше сравнительно съ прежнимъ, дѣлало боль-

шую уступку. Хотя еще Петръ I отмѣнилъ смертную казнь за подобное преступленіе, но Екатерина I за оскорбленіе величества приказала казнить смертью, хотя бы обличенные и извинялись учиненіемъ того по простотѣ или въ пьянствѣ. При Петрѣ II за оскорбительныя слова противъ государя былъ назначенъ кнутъ, вырѣзка ноздрей и ссылка въ Сибирь, хотя бы слова эти и были произнесены въ пьяномъ видѣ. Императрица Анна отмѣнила это и возстановила строгое узаконеніе Екатерины I. Петръ III за подобныя преступленія, совершонныя въ такомъ видѣ, приказалъ наказывать виновныхъ полиціи, какъ „озарниковъ и безчинниковъ", т. е. въ сущности, установилъ ту карательную мѣру, какая, спустя 83 года послѣ него явилась въ положительномъ нашемъ законодательствѣ. Надобно также замѣтить, что и „Сводъ Законовъ" 1832 года, не сдѣлалъ никакой ссылки на указъ Петра III, 1762 года, относительно различія тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ произошло оскорбленіе величества; на это въ первый разъ было указано только въ „Уложеніи о наказаніяхъ". Оно смягчило также наказаніе и бывшимъ свидѣтелями оскорбительныхъ для императорскаго величества поступковъ или словъ и невоспрепятствовавшимъ тому, а равно и недонесшимъ о томъ ближайшему мѣстному начальству. Отъ смертной казни, которая, по смыслу прежнихъ нашихъ законовъ, угрожала такимъ свидѣтелямъ, какъ попустителямъ или укрывателямъ, оно, какъ къ высшей карательной мѣрѣ, перешло къ аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину.

Извѣстно, что императоръ Николай считался въ свое время самымъ неуклоннымъ представителемъ консерватизма, а между тѣмъ оказывается, что при немъ-то именно законодательство наше, по отношенію къ государственнымъ преступленіямъ, сдѣлало слишкомъ примѣтный шагъ въ либе-

ральномъ направленіи. При немъ, такъ сказать. въ первый разъ юридически были разложены два первые пункта, угрожавшіе еще со временъ „Уложенія“ царя Алексѣя Михайловича безусловно смертною казнію всѣмъ такъ или иначе виновнымъ противъ нихъ. При императорѣ Николаѣ была допущена въ первый разъ положительнымъ нашимъ законодательствомъ постепенность въ этихъ преступленіяхъ и по нѣкоторымъ ихъ видамъ были установлены скорѣе исправительныя, нежели уголовныя наказанія. Особенно же при этомъ замѣчательно то обстоятельство, что къ такой перемѣнѣ въ нашихъ законахъ привелъ прежде всего тотъ вооруженный мятежъ, который встрѣтилъ покойнаго императора при самомъ его воцареніи...

Измѣненіе во взглядѣ нашего законодательства на государственныя преступленія выразилось и въ тѣхъ статьяхъ „Уложенія о наказаніяхъ“, въ которыхъ предусматривался бунтъ противъ власти верховной. За это преступленіе, т. е., по словамъ „Уложенія о наказаніяхъ“, за возстаніе скопомъ или заговоромъ противъ государя и государства, а равно и за умыселъ ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ или въ нѣкоторой его части, или же перемѣнить образъ правленія, или установленный законами порядокъ наслѣдія престола, и за составленіе на сей конецъ заговора или принятіе участія въ составленномъ уже для того заговорѣ, или въ дѣйствіяхъ его, съ знаніемъ о цѣли сихъ дѣйствій, или въ сборѣ, храненіи или раздачѣ оружія и другихъ приготовленіяхъ къ бунту, всѣ, какъ главные въ томъ виновные, такъ и сообщники ихъ, подговорщики, подстрекатели, пособники, попустители и укрыватели, подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни. Тому же наказанію подвергаются и тѣ, которые, знавъ о такомъ злоумышленіи и приготовленіи къ нему и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнили этой обязанности.

Въ слѣдующей, однако, за тѣмъ статьѣ дѣлается ограниченіе этого общаго правила. Въ ней говорится, что когда означенное злоумышленіе открыто правительствомъ заблаговременно при самомъ началѣ и потому ни покушеній, вслѣдствіе его умысла, ни смятеній и никакихъ иныхъ вредныхъ послѣдствій отъ него не произошло, то виновные, вмѣсто смертной казни, приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ на время отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, или же въ крѣпостяхъ на время отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ. Для неизъятыхъ же отъ тѣлесныхъ наказаній лицъ прибавлялось къ этому отъ 60-ти до 70-ти ударовъ плетей и заклейменіе.

Далѣе въ „Уложеніи о наказаніяхъ“ говорится въ особой статьѣ о составленіи и распространеніи письменныхъ или печатныхъ объявленій, воззваній или же сочиненій и изображеній, съ цѣлью возбудить къ бунту или явному неповиновенію верховной власти, и о рѣчахъ, произнесенныхъ публично съ преступною цѣлью, а также и о такихъ рѣчахъ, письменныхъ или печатныхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ хотя и безъ прямаго и явнаго возбужденія къ возстанію противъ верховной власти, усиливаются оспаривать или подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея или же дерзостно порицать установленный государственными законами образъ правленія или порядокъ наслѣдія престола. Въ наказаніе за эти преступленія полагалось лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжную работу, на заводахъ, на время отъ четырехъ до шести лѣтъ, а въ добавокъ для лицъ, неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, отъ 60-ти до 70-ти ударовъ плетей, съ наложеніемъ клеймъ. Хотя и нельзя сказать, чтобъ „Уложеніе о наказаніяхъ“, предусматривая высшую степень государственныхъ преступленій, относилось собственно къ нимъ съ замѣтною мягкостью, однако, тѣ статьи „Уложенія“, о ко-

торыхъ идетъ теперь рѣчь, были важны въ томъ отношеніи, что онѣ прервали слишкомъ вѣковой застой нашего законодательства по государственнымъ преступленіямъ, такъ какъ оно до такой степени обобщало злоумышленіе противъ верховной власти и бунтъ, что не признавало въ этомъ случаѣ никакой постепенности. Такой строгости въ отношеніи преступленій по двумъ первымъ пунктамъ держались и благодушная Елисавета и философствовавшая Екатерина II, которыя сами стояли нѣкогда во главѣ государственныхъ переворотовъ. „Уложеніе о наказаніяхъ“ подраздѣлило эти преступленія на особые виды и, что весьма важно, допустило обстоятельства, уменьшающія вину, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ понизило наказаніе за преступленія, признаваемыя, по закону, государственными, даже до ареста на время до семи дней. Наконецъ, „Уложеніе о наказаніяхъ“ совершенно уничтожило тотъ старинный терминъ—„преступленіе по первымъ двумъ пунктамъ“—который былъ почти такъ же грозенъ, какъ и выраженіе „слово и дѣло“. Изъ нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ видно, что, напримѣръ, неповиновенію крестьянъ личной власти помѣщика или распоряженіямъ его управляющаго офиціально придавалось названіе бунта, такъ что, вслѣдствіе этого, поступки крестьянъ считались уже преступленіемъ по второму пункту.

По „Своду Законовъ“ 1832 года, къ числу государственныхъ преступленій было отнесено составленіе или управленіе тайными обществами, имѣющими какую-нибудь цѣль, государству вредную, и подающими поводъ къ возстанію и бунту. За эти преступленія, а равно и участвующимъ въ нихъ была назначена смертная казнь въ первомъ изданіи „Свода Законовъ“. „Уложеніе о наказаніяхъ“ удержало эту казнь, съ двумя, впрочемъ, ограниченіями. Вопервыхъ, тѣ, которые, зная о существованіи и объ истинномъ свойствѣ и цѣли такихъ обществъ и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не

исполнили этой обязанности, приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, къ чему присоединяется употреблявшаяся въ то время извѣстная оговорка о лицахъ, неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія. Во-вторыхъ, къ дѣламъ по упомянутымъ обществамъ было примѣнено правило, устанавленное относительно заговоровъ, т. е., если общество будетъ открыто правительствомъ заблаговременно, такъ что отъ него не произошло еще никакихъ вредныхъ послѣдствій, то виновные въ составленіи и управленіи ихъ, вмѣсто смертной казни, подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ на извѣстные сроки. „Уложеніе о наказаніяхъ" предусмотрѣло и такія тайныя общества, которыя, не имѣя явно преступнаго направленія противъ спокойствія и цѣлости государства, будутъ стараться, посредствомъ какихъ-нибудь неуказанныхъ и недозволенныхъ закономъ дѣйствій или вліянія, произвести перемѣну въ общихъ государственныхъ, губернскихъ и другихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, или же въ постановленіяхъ, или же достигнуть другой политической цѣли. Основатели и начальники такихъ тайныхъ обществъ должны были подвергнуться лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири. Вступившіе въ такое общество, съ полнымъ сознаніемъ его цѣли, по лишеніи всѣхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, ссылкѣ на житье въ губерніи Иркутскую или Енисейскую, съ заключеніемъ тамъ на время отъ двухъ до трехъ лѣтъ и т. д.

Независимо отъ всѣхъ упомянутыхъ нами преступленій, въ статьяхъ „Уложенія" о государственныхъ преступленіяхъ явился еще особый подробный отдѣлъ „о государственной измѣнѣ и о преступленіяхъ противъ народнаго права". Въ этотъ отдѣлъ включена статья о конфискаціи, примѣнявшейся по всѣмъ вообще государственнымъ пре-

ступленіямъ къ дворянству до 1785 года, а къ другимъ сословіямъ до 1802 года. „Уложеніе о наказаніяхъ" допустило конфискацію, какъ дополнительное наказаніе за участіе въ бунтѣ, заговорѣ или государственной измѣнѣ, при нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ и вслѣдствіе особыхъ о томъ постановленій или распоряженій правительства, дѣлаемыхъ повсюду или только въ одной какой-нибудь части имперіи, передъ началомъ войны или при внутреннихъ смятеніяхъ, или же на случай возобновленія или возбужденія такихъ смятеній.

Что же касается подсудности дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ, то она и послѣ изданія „Уложенія о наказаніяхъ" была оставлена на тѣхъ же самыхъ началахъ, какія были установлены при первомъ изданіи „Свода Законовъ" въ 1832 году, безъ всякаго измѣненія. При такомъ условіи государственныя преступленія должны были вѣдаться или въ обыкновенныхъ судахъ, или въ верховномъ уголовномъ судѣ, или въ сенатѣ, и, притомъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какія были опредѣлены для этого прежде. На практикѣ, однако, и послѣ изданія „Свода Законовъ" велся иной порядокъ. Такъ, когда былъ открытъ заговоръ Буташевича-Петрашевскаго, участники его были преданы не верховному уголовному суду, не суду сената, но суду военнаго генерал-аудиторіата, приговорившаго ихъ, на основаніи „Полевого уголовнаго уложенія", къ смертной казни разстрѣляніемъ, безъ всякаго различія въ постепенности ихъ преступленій. Постепенность наказаній была допущена только при высочайшей конфирмаціи этого приговора, единственно по собственному усмотрѣнію государя.

Относительно же слѣдственнаго хода дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ было сдѣлано въ „Уложеніи о наказаніяхъ" дополненіе, состоящее въ томъ, что евангелическо-лютеранскіе проповѣдники, если обнаруженіе сказаннаго на исповѣди необходимо для предотвращенія опасно-

сти, грозящей монарху, императорскому дому, или государству, обязаны, когда не убѣдятъ исповѣдующагося къ сознанію, немедленно объявлять о томъ начальству, сначала не называя преступника, но когда начальство, для предотвращенія преднамѣреннаго злоумышленія, признаетъ нужнымъ узнать имя каявшагося, то проповѣдники должны назвать его, и въ этомъ случаѣ они освобождаются отъ всякой отвѣтственности за открытіе тайны исповѣди. Правило это, изданное въ 1832 году, примѣнено къ тому правилу, какое было установлено еще, въ 1722 году, Петромъ I, въ отношеніи православнаго духовенства. Нельзя не замѣтить, что въ законахъ нашихъ не существовало и не существуетъ подобныхъ правилъ касательно католическаго духовенства, такъ какъ, по всей вѣроятности, оно въ этомъ случаѣ подчиняется тому же порядку, какому подчиняется православное духовенство, безъ той формальности, которая установлена собственно для евангелическо-лютеранскихъ проповѣдниковъ.

При новомъ, въ 1857 году, изданіи „Уложенія о наказаніяхъ“, въ немъ не было сдѣлано никакихъ перемѣнъ въ тѣхъ статьяхъ, которыя касались государственныхъ преступленій. Такія перемѣны послѣдовали въ 1866 году.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ этому, необходимо сдѣлать слѣдующее отступленіе. Въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ дѣла по государственнымъ и политическимъ преступленіямъ состояли въ ближайшемъ вѣдѣніи III-го отдѣленія собственной канцеляріи Его Императорскаго Величества, находящейся подъ главнымъ управленіемъ шефа корпуса жандармовъ. Не смотря на столь продолжительное существованіе такого порядка, до сихъ поръ въ нашей печати не встрѣтилось еще никакихъ извѣстій о возникновеніи и кругѣ дѣятельности этого учрежденія. Причиною тому была нетолько та непроницаемая таинственность, въ которую прежде облекались у насъ всѣ даже

самыя маловажныя политическія преступленія, но и еще одно особое обстоятельство, заставлявшее предполагать, что само правительство какъ бы не желало дѣлать никакой огласки насчотъ существованія этого учрежденія. Такъ, во второй части перваго тома „Свода Законовъ", гдѣ указываются составъ и кругъ дѣятельности государственныхъ учрежденій, не упоминается вовсе о III-мъ отдѣленіи. Обстоятельство это давало, повидимому, весьма основательный поводъ думать, что означенное отдѣленіе существуетъ какъ бы неофиціально, и потому оно въ глазахъ публики постоянно оставалось покрытымъ полупрозрачною тайной. Но мнѣніе о негласномъ, будто бы, учрежденіи III-го отдѣленія было ошибочно, такъ какъ во второй части перваго тома не упоминается вообще о собственной канцеляріи Его Императорскаго Величества: тамъ нѣтъ указаній ни на I-е, ни на II-е, ни на IV-е отдѣленіе этой канцеляріи; слѣдовательно, и неупоминаніе о III-емъ ея отдѣленіи не представляетъ никакого особаго таинственнаго исключенія. Это объясняется тѣмъ примѣчаніемъ, которое сдѣлано послѣ заглавнаго перечня шести государственныхъ учрежденій: 1) государственнаго совѣта, 2) комитета министровъ и комитетовъ сибирскаго и кавказскаго, 3) сената, 4) министерствъ, 5) комисіи прошеній и, наконецъ, 6) капитула орденовъ и другихъ знаковъ отличій. Въ этомъ примѣчаніи сказано: „мѣста и власти, учреждаемыя на время для устройства какой-либо части, управленія и тому подобныхъ дѣлъ, дѣйствуютъ по тѣмъ особымъ положеніямъ и наставленіямъ, которыя для нихъ изданы". Поэтому, такъ какъ собственная канцелярія Его Императорскаго Величества вообще представляетъ собою такое учрежденіе, въ которомъ исполняются особыя личныя повелѣнія Государя Императора, а не производятся государственныя дѣла въ общемъ установленномъ порядкѣ, то и надобно полагать, что по этой при-

чинѣ упомянутая канцелярія, во всемъ ея составѣ, не была введена въ тотъ отдѣлъ „Свода Законовъ“, который говоритъ о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Затѣмъ о III-мъ отдѣленіи упоминается только въ „Уставѣ о пресѣченіи и предупрежденіи преступленій“—безъ прямого, впрочемъ, соотношенія къ дѣламъ политическаго свойства. Такъ, въ статьѣ 551-й (изд. 1857 года) сказано, что паспорты пріѣзжающихъ изъ-заграницы иностранцевъ, выдаваемые отъ нашихъ миссій и консульствъ, доставляются губернаторами для храненія въ III-е отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Сверхъ того, въ другихъ томахъ „Свода Законовъ“ упоминается о нѣкоторыхъ особыхъ обязанностяхъ чиновъ корпуса жандармовъ, входящихъ въ составъ III-го отдѣленія.

Если, такимъ образомъ, въ „Сводѣ Законовъ“ не находится систематическихъ свѣдѣній объ этомъ учрежденіи, то въ „Полномъ Собраніи Законовъ“ встрѣчается рядъ высочайшихъ указовъ, къ нему относящихся, и мы для настоящей статьи воспользовались этимъ общедоступнымъ источникомъ.

III-е отдѣленіе, въ настоящемъ его составѣ, образовалось изъ двухъ особыхъ, въ прежнее время самостоятельныхъ, ничѣмъ несоединенныхъ между собою учрежденій, именно: жандармскаго вѣдомства, или военной полиціи, и дополнительнаго, по счоту *третьяго*, отдѣленія при собственной канцеляріи Его Императорскаго Величества, преобразованнаго изъ особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, въ которой до того времени, какъ въ существовавшемъ прежде министерствѣ полиціи, сосредоточивались свѣдѣнія о важнѣйшихъ общихъ и о всѣхъ вообще внутреннихъ политическихъ происшествіяхъ.

Военная полиція, состоявшая прежде изъ полицейскихъ драгунъ, обращонныхъ впослѣдствіи въ жандармскія команды, возникла еще при Петрѣ-Великомъ, въ 1715 г.

При немъ она состояла подъ начальствомъ генералъ-гевальдигера или руморъ-мейстера, а также генералъ-профоса, наблюдавшаго за находившимися въ арміи арестантами. Затѣмъ, въ 1812 году, генералъ-гевальдигеръ былъ названъ военнымъ полицеймейстеромъ въ лагерѣ арміи, главной квартирѣ и вагенбургѣ, а въ 1815 году борисоглѣбскій драгунскій полкъ былъ переименованъ въ жандармскій и распредѣленъ по арміи для наблюденія за порядкомъ. Независимо отъ этого, военная полиція, въ видѣ драгунъ, была учреждена въ 1775 году, при открытіи намѣстничествъ, и она, между прочимъ, предназначалась быть почетною стражей при намѣстникахъ. Впослѣдствіи обязанности военной полиціи въ мирное время были возложены на внутреннюю стражу или такъ-называемые гарнизонные батальйоны. Между тѣмъ, изъ высочайшаго указа, даннаго 1-го февраля 1817 года, на имя главнаго начальника штаба, видно, что необходимость и польза конныхъ отрядовъ, въ составѣ внутренней стражи, представлялись при самомъ ея образованіи, но что начавшаяся тогда война съ Франціей воспрепятствовала ихъ образованію и заставила оставить, попрежнему, въ обѣихъ столицахъ, нѣкоторыхъ губернскихъ и портовыхъ городахъ полицейскія драгунскія команды въ вѣдомствѣ гражданскаго начальства. „Неудобство зависимости отъ гражданскаго вѣдомства командъ—сказано въ упомянутомъ указѣ—имѣющихъ одинаковую съ внутренней стражей обязанность службы, само по себѣ доказательно“. Почему и повелѣно было учредить „жандармовъ внутренней стражи“, обративъ на сформированіе ихъ всѣ полицейскія драгунскія команды. Этимъ жандармамъ данъ былъ особый составъ только въ столицахъ, съ подчиненіемъ ихъ оберполицеймейстеру, а въ губернскихъ городахъ они должны были входить въ составъ внутреннихъ гарнизонныхъ батальйоновъ; въ портовыхъ же городахъ—въ составъ служа-

щихъ инвалидныхъ командъ. При этомъ предписано было выбирать въ жандармы исправнѣйшихъ и способнѣйшихъ, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, преимущественно служащихъ аъ кавалеріи. Въ особомъ положеніи объ образованіи жандармовъ было сказано, что обязанности ихъ раздѣляются на обязанности воинскія и на обязанности относительныя къ губернскому начальству. Первыя обязанности заключались: въ обученіи, въ губернскихъ городахъ, фронтовой кавалерійской службѣ рекрутъ, если когда-нибудь насчотъ этого послѣдуетъ особое повелѣніе. Касательно же обязанностей второго рода было выражено, что все, предписанное внутренней стражѣ, возлагается и на жандармовъ, за исключеніемъ содѣйствія по сбору податей и недоимокъ и отряженія часовыхъ по присутственнымъ мѣстамъ, тюрьмамъ и острогамъ; но за то на жандармовъ возлагалось охраненіе порядка при разъѣздѣ экипажей въ публичныхъ мѣстахъ и препровожденіе казны. Въ этомъ случаѣ была принята за образецъ французская жандармерія, которая была учреждена въ 1791 году декретомъ національнаго собранія, преобразована Наполеономъ I въ корпусъ жандармовъ, замѣнена, послѣ іюльской революціи, муниципальною гвардіей и окончательно возстановлена въ 1854 году Наполеономъ III. Затѣмъ, спустя десять лѣтъ, въ высочайшемъ указѣ, данномъ на имя главнаго начальника штаба, отъ 28-го апрѣля 1827 года, сказано: „Находя нужнымъ учредить по прилагаемому росписанію пять округовъ жандармскаго корпуса, повелѣваемъ вамъ нынѣ же привести сіе въ исполненіе“. Округамъ велѣно было именоваться по нумерамъ, причомъ округи были раздѣлены, въ свою очередь, на отдѣленія, означавшіяся также нумерами. Вмѣстѣ съ этимъ предписано было избрать нужное число генераловъ, штабъ и оберофицеровъ, изъ состоящихъ на службѣ или находящихся въ отставкѣ, извѣстныхъ отличною службой, расторон-

ностью и хорошею нравственностью. Затѣмъ, слѣдовали въ указѣ распоряженія о военной организаціи корпуса жандармовъ, о способахъ ихъ содержанія и т. д. Такимъ образомъ, былъ учрежденъ, въ 1827 году, особый корпусъ жандармовъ имѣвшій собственно значеніе военной полиціи, и первымъ шефомъ этого корпуса былъ назначенъ генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи графъ) Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, уже управлявшій въ это время III-мъ отдѣленіемъ собственной канцеляріи Его Императорскаго Величества.

Отдѣленіе это было учреждено нѣсколько ранѣе—3-го іюля 1826 года высочайшимъ указомъ, даннымъ управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Указъ этотъ начинался слѣдующими словами: „Признавая нужнымъ устроить, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, третье отдѣленіе при собственной моей канцеляріи, я повелѣваю: особенную канцелярію министерства внутреннихъ дѣлъ уничтожить, обративъ по выбору генералъ-адъютанта Бенкендорфа, чиновниковъ оной въ составъ сего отдѣленія“. Затѣмъ исчислялись предметы занятій новаго отдѣленія. Они заключались въ слѣдующемъ:

1) Всѣ распоряженія и извѣстія по всѣмъ вообще случаямъ высшей полиціи; 2) свѣдѣнія о числѣ существующихъ въ государствѣ разныхъ сектъ и расколовъ; 3) извѣстія объ открытіяхъ по фальшивымъ ассигнаціямъ, монетамъ, штемпелямъ, документамъ и пр., коихъ розысканіе и дальнѣйшее производство остается въ зависимости отъ министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ; 4) свѣдѣнія о всѣхъ людяхъ, подъ надзоромъ полиціи состоящихъ, равно и всѣ распоряженія по сему предмету; 5) высылка и размѣщеніе лицъ подозрительныхъ и вредныхъ; 6) завѣдываніе наблюдательное и хозяйственное всѣхъ мѣстъ заточенія, въ коихъ заключаются государственные пре-

ступенки; 7) всѣ постановленія и распоряженія объ иностранцахъ въ Россіи проживающихъ, въ предѣлы государства прибывающихъ и изъ онаго выѣзжающихъ; 8) вѣдомости о всѣхъ, безъ исключенія, происшествіяхъ и 9) статистическія свѣдѣнія, до полиціи относящіяся.

„На сихъ основаніяхъ — сказано далѣе въ указѣ — предписываю вамъ тотчасъ преобразовать по вышеписанному особенную канцелярію министерства внутреннихъ дѣлъ въ составъ III-го отдѣленія собственной моей канцеляріи; распредѣлить всѣ производившіяся въ канцеляріи дѣла, кои выше не обозначены и должны остаться въ завѣдываніи министерства внутреннихъ дѣлъ, по другимъ департаментамъ, и предписать всѣмъ начальникамъ губерній и сообщить другимъ лицамъ, до которыхъ сіе касаться можетъ, дабы о всѣхъ вышеизложенныхъ предметахъ, входящихъ въ составъ III-го отдѣленія собственной моей канцеляріи, доносили прямо на мое имя съ надписаніемъ по III-му отдѣленію сей моей канцеляріи“. Въ заключеніе управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было предписано войти въ надлежащее сношеніе съ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ „о всѣхъ средствахъ, кои представятся успѣшнѣйшими къ выполненію сего устройста“.

Такимъ образомъ, въ лицѣ генерала Бенкендорфа соединилось впервые начальствованіе надъ корпусомъ жандармовъ, за которымъ „Полное Собраніе Законовъ“ постоянно удерживало названіе военной полиціи и главное завѣдываніе III-мъ отдѣленіемъ собственной канцеляріи Его Императорскаго Величества. По всей вѣроятности, здѣсь было не случайное только соединеніе двухъ вѣдомствъ подъ начальствомъ одного и того же лица, такъ какъ, по важности дѣлъ, ввѣренныхъ III-му отдѣленію, ему нужно было имѣть надежный исполнительный органъ, а такимъ представлялся лучше всего корпусъ жандармовъ, какъ полицейское учрежденіе, организованное на военную

ногу, и притомъ такая организація, по тогдашнимъ понятіямъ, ручалась всего болѣе за расторопность, исполнительность и быстроту дѣйствій. Такое соединеніе не прекращалось впослѣдствіи ни разу и при преемникахъ графа Бенкендорфа, такъ что оба, прежде существовавшія отдѣльно вѣдомства слились окончательно въ одно учрежденіе, получившее, по преимуществу, значеніе государственной полиціи, хотя, какъ видно изъ приведеннаго выше указа, при образованіи III-го отдѣленія, въ завѣдываніе его вошло, сверхъ того, много разнородныхъ предметовъ, подлежавшихъ прежде вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ.

Тотъ обширный кругъ наблюденія, который предоставленъ III-му отдѣленію при самомъ его образованіи, долженъ былъ вести постепенно представителей его къ вмѣшательству во всѣ нетолько административныя, но и судебныя дѣла, и случаи такого вмѣшательства въ прежнее время представлялись очень часто. Участіе отдѣленія въ частныхъ дѣлахъ возникало или по дошедшимъ непосредственно до него свѣдѣніямъ, или вслѣдствіе просьбы тѣхъ лицъ, которыя считали себя обиженными или притѣсненными со стороны административныхъ или судебныхъ властей, или вообще личностей, сильныхъ по своему соціальному положеніи. Къ числу дѣлъ, за которыми съ особеннымъ вниманіемъ слѣдило III-е отдѣленіе, принадлежали. между прочимъ, дѣла о жестокомъ обращеніи помѣщиковъ съ ихъ крестьянами, такъ какъ дѣламъ этого рода правительство не желало давать огласки, которую они получили бы, будучи производимы общимъ судебнымъ порядкомъ. Независимо отъ этого, какъ видно изъ „Полнаго Собранія Законовъ“, III-му отдѣленію поручено было: 28-го января 1827 года, наблюденіе за освобожденіемъ изъ крѣпостныхъ работъ иностранныхъ выходцовъ; 22-го апрѣля 1828 года—одобреніе драматическихъ сочиненій, предна-

значаемыхъ для представленія въ театрахъ; въ 1829 году—получать всякій разъ донесеніе о выдачѣ заграничныхъ паспортовъ подданнымъ Царства Польскаго и слѣдить за періодическою литературой, почему и было сдѣлано распоряженіе о доставленіи въ III-е отдѣленіе всѣхъ издающихся въ Россіи журналовъ и прочихъ публичныхъ листковъ.

Сверхъ того, на чиновъ корпуса жандармовъ, частью какъ на представителей военной полиціи, частью же какъ на лицъ, входящихъ въ составъ III-го отдѣленія, были возложены въ разное время особыя обязанности, означенныя и въ „Сводѣ Законовъ, именно: наблюдательное участіе при произвовствѣ рекрутскихъ наборовъ; охраненіе порядка на ярмаркахъ: содѣйствіе при усмиреніи неповиновенія и буйства; наблюденіе за частными золотыми промыслами въ Сибяри; препровожденіе лицъ, высылаемыхъ въ дальніе города; присутствованіе при слѣдствіяхъ, производимыхъ о буйственныхъ поступкахъ, случающихся внѣ казармъ между военно-служащими. Къ обязанности корпуса жандармовъ отнесено также содѣйствіе гражданскому управленію вообще. Въ этомъ случаѣ жандармское вѣдомство является, впрочемъ, только какъ исполнительный органъ гражданской полиціи. Такъ, по ст. 644-й т. II „Учрежд, о губ.“, губернаторы имѣютъ право требовать содѣйствія отъ жандармскихъ командъ въ тѣхъ случаяхъ, когда бываетъ необходимо пособіе коннаго отряда или когда употребленіе его будетъ признано удобнѣйшимъ. На это же указывается и въ 176-й ст. т. XIV „Устава о пресѣч. и пред. прест.

Въ добавокъ къ наблюдательной власти III-му отдѣленію была предоставлена еще и слѣдственная власть. О производствѣ чиновниками этого отдѣленія слѣдствій (не сказано, впрочемъ, по какимъ именно дѣламъ) упоминается первый разъ въ „Полномъ „Собраніи Законовъ“, 24-го марта

1831 года, въ высочайшемъ указѣ, объявленномъ шефомъ жандармовъ, графомъ Бенкендорфомъ, сенату по случаю медленности присутственныхъ мѣстъ относительно исполненія требованій, предъявляемыхъ упомянутыми чиновниками.

Съ введеніемъ въ дѣйствіе „Судебныхъ Уставовъ“, судебное преслѣдованіе по государственнымъ преступленіямъ было возложено на прокуроровъ судебныхъ палатъ которымъ и должно быть сообщаемо о всякомъ злоумышленіи, заключающемъ въ себѣ признаки государственнаго преступленія. Такія же сообщенія, тамъ, гдѣ и находится палата, должны быть дѣлаемы мѣстному прокурору, его товарищу, или же полиціи, для донесенія о томъ немедленно прокурору судебной палаты. Вмѣстѣ съ этимъ, „Судебные Уставы“ опредѣлили тотъ порядокъ, которому должны слѣдовать дѣла объ обнаруженныхъ, такимъ образомъ, государственныхъ преступленіяхъ. Между тѣмъ, такъ какъ при составленіи „Уставовъ“ не имѣлись въ виду права и обязанности III-го отдѣленія собственной канцеляріи Его Императорскаго Величества, по обнаруженію и преслѣдованію государственныхъ преступленій, то оно и осталось въ прежнемъ отношеніи къ дѣламъ этого рода, вслѣдствіе чего и должны были возникнуть на практикѣ недоразумѣнія и пререканія между двумя отдѣльными вѣдомствами, производящими, безъ предварительнаго между собою соглашенія, слѣдствія по однимъ и тѣмъ же дѣламъ. Такое смѣшеніе властей, какъ извѣстно, было устранено въ недавнее время опредѣленіемъ въ законодательномъ порядкѣ правъ III-го отдѣленія по участію въ слѣдствіяхъ и въ обвиненіяхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Впрочемъ, еще и въ силу „Судебныхъ Уставовъ“ сенатъ, при разсмотрѣніи представленій о прекращеніи дѣлъ, возникшихъ по обвиненіямъ въ государственныхъ преступленіяхъ, обязанъ былъ приглашать въ свои засѣданія, съ правомъ голоса наравнѣ съ сенаторами, начальника III-го

отдѣленія собственной канцеляріи Его Императорскаго Величества. Такой порядокъ былъ установленъ въ томъ соображеніи, что для правильной оцѣнки наибольшей части дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ необходимо имѣть точныя свѣдѣнія о направленіи умовъ и о политическихъ стремленіяхъ, зарождающихся въ обществѣ и угрожающихъ опасностью государству, и что, между тѣмъ, всѣ свѣдѣнія по этому предмету сосредоточиваются въ III-мъ отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Представивъ очеркъ того значенія, какое имѣло III-е отдѣленіе по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, мы перейдемъ послѣ этого къ тѣмъ узаконеніямъ, которыя дѣйствуютъ въ настоящее время, относительно дѣлъ этого рода.

„Уложеніе о наказаніяхъ", изданное въ 1857 году, предусматривало государственныя преступленія въ девятнадцати послѣдовательныхъ, одна за другою, статьяхъ, начиная со статьи 275-й и кончая 294-ю статьей включительно. При изданіи же этого „Уложенія" въ 1866 году, нумерація упомянутыхъ статей, вслѣдствіе выпуска нѣкоторыхъ, имъ предшествовавшихъ, измѣнилась, такъ что къ государственнымъ преступленіямъ стали относиться статьи отъ 241-й до 261-й включительно, причемъ ихъ оказалось уже не девятнадцать, а двадцать. Это увеличеніе произошло отъ прибавки одной новой статьи, помѣщенной подъ нумеромъ 260-мъ и касающейся собственно международнаго права. Въ ней предусматриваются нѣкоторые роды важнѣйшихъ государственныхъ преступленій, направленныхъ русскими подданными противъ иностраннаго государства, съ которымъ, на основаніи трактатовъ или обнародованныхъ о томъ узаконеній, поставлена, въ этомъ отношеніи, обоюдная взаимность, или противъ верховной власти того государства. Виновные въ этихъ преступленіяхъ, если къ нимъ не присоединяется преступленіе, подле-

жащее болѣе тяжкому наказанію, приговариваются къ лишенію всѣхъ особенныхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь или къ отдачѣ на извѣстный срокъ въ исправительныя арестантскія роты; когда же преступленіе учинено съ увеличивающими вину обстоятельствами, то къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе въ мѣста не самыя отдаленныя. Хотя въ статьѣ 260-й предусматриваются: злоумышленіе и преступныя дѣйствія противъ жизни, чести и здравія иностранныхъ государей, а также возстаніе заговоромъ и скопомъ противъ верховной власти, установленной въ чужихъ государствахъ, но, несмотря на важность этихъ преступленій по существу, за нихъ, сравнительно съ общею системой нашего уголовнаго законодательства, полагается весьма слабое наказаніе. Впрочемъ, на 260-ю статью „Уложенія о наказаніяхъ“ нельзя смотрѣть, какъ на самостоятельное русское узаконеніе, потому что она соотвѣтствуетъ тѣмъ узаконеніямъ, какія, въ виду подобныхъ случаевъ, существуютъ въ иностранныхъ законодательствахъ. Между тѣмъ большая часть европейскихъ государствъ не допускаетъ нынѣ даже выдачи политическихъ преступниковъ или смотритъ на нихъ крайне снисходительно. Такъ, напримѣръ, по конвенціи, заключенной въ 1870 году между Россіей и великимъ герцогствомъ Гессенскимъ, выдача политическихъ преступниковъ не была допущена тамошними палатами, а покушеніе противъ иностраннаго царствующаго дома подведено было гессенскимъ правительствомъ подъ статью „о незаконномъ дѣйствіи, причинившемъ человѣку смерть, увѣчье или болѣзнь“.

Всѣ дополненія, сдѣланныя при изданіи „Уложенія о наказаніяхъ“ въ 1866 году, ограничиваются упомянутою 260-ю статьей. Что же касается измѣненій, то послѣ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, въ „Уложеніи“ 1866 года, при

опредѣленіи взысканій за государственныя преступленія, не упоминается уже ни о плетяхъ, ни о клеймахъ. Безъ всякаго сомнѣнія, обстоятельство это составляетъ черту, весьма ясно свидѣтельствующую о смягченіи нашего уголовнаго законодательства. Смягченіе это не касается, впрочемъ, исключительно государственныхъ преступленій, но, по отношенію къ нимъ, оно является только, какъ прямое послѣдствіе отмѣны тѣлесныхъ наказаній за всѣ преступленія вообще. Затѣмъ, частныя измѣненія въ тѣхъ статьяхъ, о которыхъ мы теперь говоримъ, заключались въ слѣдующемъ:

Вопервыхъ, въ статьѣ 279-й (по изданію 1866 года 245-я статья). Прежде, въ силу этой статьи, изобличенные въ составленіи письменыхъ или печатныхъ сочиненій или изображеній, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной власти или же къ личнымъ качествамъ государя или къ управленію его государствомъ, но не изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи оныхъ, приговаривались къ заключенію въ крѣпости на время отъ двухъ до трехъ лѣтъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ; теперь же такое заключеніе ограничено срокомъ отъ одного года и четырехъ мѣсяцовъ до двухъ лѣтъ и восьми мѣсяцовъ. Вовторыхъ, въ статьѣ 280-й (по изданію 1866 года 246-я статья). Прежде, по этой статьѣ, за произнесеніе, хотя и заочно, дерзкихъ словъ или за оскорбительные поступки противъ Государя Императора, допущенные въ пьянствѣ, безъ преднамѣреннаго на то умысла, виновный подвергался заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ шести мѣсяцовъ до одного года; нынѣ онъ подвергается такому же заключенію на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцовъ. Втретьихъ, въ статьѣ 285-й (по изданію 1866 года 251-я статья). Прежде, на основаніи этой статьи, виновные въ составленіи письменыхъ или печатныхъ объявленій, воззваній или же сочиненій или изображеній, съ цѣлью возбудить къ бунту или къ явному

неповиновенію верховной власти, хотя и неизобличенные въ злоумышленномъ распространеніи оныхъ, подвергались заключенію въ крѣпости на время отъ двухъ до четырехъ лѣтъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ; нынѣ же срокъ такого же заключенія ограниченъ временемъ отъ одного года и четырехъ мѣсяцовъ до двухъ лѣтъ и восьми мѣсяцовъ. Вчетвертыхъ, наконецъ, въ статьѣ 286-й (по изданію 1866 года статья 252-я). Статья эта предусматриваетъ составленіе письменныхъ или печатныхъ сочиненій, въ которыхъ, хотя и безъ прямаго и явнаго возбужденія къ возстанію противъ верховной власти, усиливаются оспоривать или подвергать сомнѣнію неприкосновенность ея правъ, или же дерзостно порицать установленный государственными законами образъ правленія или порядокъ наслѣдія престола. Прежде, виновные въ составленіи сочиненій подобнаго рода, не изобличенные въ умышленномъ ихъ распространеніи, подвергались заключенію въ крѣпости на время отъ одного года до двухъ лѣтъ; теперь же они приговариваются къ такому заключенію на время отъ восьми мѣсяцовъ до одного года и четырехъ мѣсяцовъ.

Сверхъ того, въ двухъ статьяхъ, относящихся къ государственной измѣнѣ, сдѣланы слѣдующія перемѣны. Статьи эти 291-я и 292-я (по „Уложенію" 1866 года статьи 257-я и 258-я). Изъ нихъ въ первой предусматривается тайная, хотя неклонящаяся ко вреду Россіи переписка съ правительствами иностранными, а во второй говорится о томъ, когда кто изъ русскихъ подданныхъ будетъ имѣть тайную переписку съ подданными непріязненныхъ государствъ, хотя и безъ намѣренія вредить своему отечеству, но столь нескромно и неосторожно, что непріятель можетъ сообщаемыми имъ въ сей перепискѣ свѣдѣніями воспользоваться въ успѣхѣ своихъ предпріятій въ Россіи. За преступленія, означенныя въ этихъ статьяхъ,

виновные подвергались прежде заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года; нынѣ же—отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ.

Хотя мы, держась исторической послѣдовательности, и сравниваемъ теперь „Уложеніе о наказаніяхъ" 1866 года съ изданіемъ его 1857 года, но такъ какъ въ этомъ изданіи не было произведено никакихъ измѣненій противъ изданія 1845 года, то изъ этого слѣдуетъ, что сдѣланное нами сравненіе относится въ одинаковой степени и къ „Уложенію о наказаніяхъ", первоначально изданному въ 1845 году. Такимъ образомъ, представленныя нами свѣдѣнія обнимаютъ собою развитіе нашего уголовнаго законодательства по государственнымъ преступленіямъ въ теченіи двадцативосьмилѣтняго періода, то-есть, съ 1845 по 1873 годъ. Изъ этого, между прочимъ, видно, что существенная перемѣна во взглядѣ нашего уголовнаго законодательства на государственныя преступленія произошла собственно при изданіи въ 1845 году „Уложенія о наказаніяхъ" и что, затѣмъ, въ отношеніи слѣдующаго за нихъ возмездія, были допущены весьма незначительныя измѣненія и, притомъ, главнымъ образомъ, примѣненныя къ смягченію нашего уголовнаго кодекса вообще. Правда, нѣкоторыя измѣненія сдѣланы въ отношеніи взысканій за составленіе тайныхъ обществъ. Но такія измѣненія сдѣланы послѣ изданія „Уложенія о наказаніяхъ" въ 1866 году, и, притомъ, какъ мы увидимъ далѣе, преступленія этого рода прямо не подводятся нашимъ законодательствомъ подъ разрядъ преступленій государственныхъ.

Нынѣ дѣйствующіе у насъ законы раздѣляютъ государственныя преступленія на два особые вида: такъ, глава первая (ст. 241—248-й) говоритъ „о преступленіяхъ противъ священной особы Государя Императора и членовъ императорскаго дома", а глава вторая подраздѣляется на два отдѣленія. Изъ нихъ въ первомъ предусматривается

„бунтъ противъ власти верховной“ (ст. 249 — 252-й) и во второмъ „государственная измѣна и преступленія противъ народнаго права“ (253—2̄5). Изъ этого отдѣленія видно, между прочимъ, въ какихъ случаяхъ допускается нынѣ у насъ конфискація имущества. Въ статьѣ 255-й сказано: „за участіе въ бунтѣ или заговорѣ противъ власти верховной, или же въ государственной измѣнѣ, въ какомъ бы то ни было изъ означенныхъ выше сего видовъ сихъ преступленій, сверхъ опредѣляемыхъ статьями 241, 244, 249, 252 и 254-ю наказаній, въ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ и вслѣдствіе особыхъ о томъ постановленій или распоряженій правительства, дѣлаемыхъ повсюду или токмо въ одной какой-либо части имперіи, передъ началомъ войны, или при внутреннихъ смятеніяхъ, или же на случай возобновленія и возбужденія оныхъ, полагается и конфискація всего родового и благопріобрѣтеннаго виновныхъ имущества, на основаніи установляемыхъ въ то время для сего подробныхъ правилъ“. Изъ этого видно, что послѣ отмѣны конфискацій въ 1785 и въ 1802 годахъ, при возобновленіи ея въ 1809, 1810, 1820 и 1831 годахъ собственно для „дворянъ пограничныхъ губерній“, она, въ 1845 году. была введена законодательнымъ порядкомъ и затѣмъ удержана, какъ такая мѣра, которая, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть примѣнена ко всѣмъ частямъ имперіи и ко всѣмъ сословіямъ.

Особенности современнаго законодательства въ отношеніи государственныхъ преступленій заключаются и въ томъ еще, что оно, полагая за преступленія этого рода смертную казнь (назначаемую, впрочемъ, по общимъ уголовнымъ законамъ, и за извѣстныя нарушенія карантинныхъ правилъ во время чумы), допускаетъ замѣну ея, по особому высочайшему соизволенію, такъ-называемою политическую смертью, т. е. возведеніемъ осужденнаго на эшафотъ, положеніемъ его на плаху или поставленіемъ подъ висѣлицею на пуб-

личной площади, причемъ если онъ принадлежалъ къ дворянскому состоянію, надъ нимъ переламывается шпага. Казнь эта сопровождается всегда ссылкой въ каторжныя работы безъ срока или на опредѣленное время.

Говоря о преступленіяхъ, направленныхъ противъ верховной власти и противъ безопасности государства, мы, придерживаясь выраженія, постоянно и исключительно употребляемаго въ „Сводѣ Законовъ" называли ихъ преступленіями государственными, между тѣмъ, какъ въ обыкновенномъ разговорѣ и даже въ нѣкоторыхъ офиціальныхъ актахъ они называются нерѣдко преступленіями политическими. Кажется, оба названія должны считаться тождественными, такъ какъ вообще въ понятіе о политикѣ входятъ взаимныя отношенія, существующія между верховною властью и подданными, равно какъ и отношенія одного государства къ другому; а между тѣмъ, статьи 245—275-й, т. е. весь отдѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, предусматриваютъ именно нарушеніе такихъ отношеній, и потому названіе „государственное" или „политическое" преступленіе имѣютъ тотъ же самый смыслъ. Какъ бы то ни было, нельзя не замѣтить, что наше законодательство не представляетъ строгой классификаціи государственныхъ или политическихъ преступленій. Такъ, „Уложеніе о наказаніяхъ", по всѣмъ тремъ изданіямъ, причисляло составленіе тайныхъ обществъ, имѣющихъ вредную для спокойствія или цѣлости государства, или противную установленнымъ законами образу и порядку управленія цѣль въ разряду преступленій противъ порядка управленія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ (ст. 318-я), говорила, что основатели, начальники и участники такихъ обществъ подвергаются наказаніямъ, какъ „государственные" преступники. Это продолжалось до 11 марта 1867 года, когда ст. 318-я была измѣнена, а вмѣстѣ съ тѣмъ, взамѣнъ смертной казни, было назначено лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ

каторжныя работы въ рудникахъ на время отъ 12 до 15 лѣтъ для основателей, учредителей, начальниковъ и руководителей какихъ бы то ни было противозаконныхъ обществъ, если дѣйствія ихъ и распространяемыя ими ученія направлены къ ниспроверженію или измѣненію какими бы то ни было средствами порядка государственнаго устройства. Затѣмъ, только въ случаѣ совершенія упомянутыми лицами другихъ преступленій, влекущихъ за собою болѣе строгое наказаніе, вина ихъ примѣнена къ 242-й и 249-й статьямъ, предусматривающимъ особо злоумышленіе и преступное дѣйствіе противъ Государя Императора, а также бунтъ противъ верховной власти и государства. Извѣстно, что измѣненная такимъ образомъ 318-я статья была исходною точкой для защиты въ такъ-называемомъ „нечаевскомъ дѣлѣ". Впрочемъ, такъ какъ уголовные наши законы, направленные противъ составленія тайныхъ обществъ, не входили еще и прежде, по системѣ „Уложенія о наказаніяхъ", непосредственно въ разрядъ узаконеній о государственныхъ преступленіяхъ, а нынѣ они еще болѣе удалены отъ этого разряда, то мы и находимъ болѣе удобнымъ поговорить особо объ этомъ предметѣ, а теперь перейдемъ къ вопросу о подсудности государственныхъ преступленій по „Судебнымъ Уставамъ" 1864 года.

Тѣмъ, что мы уже сказали, достаточно уясняется положеніе, въ какомъ застала судебная реформа существовавшее у насъ судопроизводство по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. При обсужденіи этого вопроса въ государственномъ совѣтѣ, по поводу разсмотрѣнія „Судебныхъ Уставовъ", имѣлись въ виду три условія, отличавшія судопроизводство по упомянутымъ преступленіямъ отъ общаго судебнаго порядка. Условія эти заключались въ томъ: 1) что дѣла по государственнымъ преступленіямъ, смотря по важности ихъ, разсматривались общими уголовными судами, правительствующимъ сенатомъ или верхов-

нымъ уголовнымъ судомъ; 2) что относительно дѣлъ этого рода существовали подробныя правила о доносахъ, утратившихъ уже почти всякое практическое примѣненіе, и 3) что приговоры по этимъ дѣламъ, присуждавшіе къ наказанію, представлялись на высочайшее усмотрѣніе. Это правило было постановлено съ тою цѣлью, чтобъ судебныя мѣста не подвергали всей строгости законовъ обвиняемыхъ въ совершеніи такихъ дѣйствій и въ произнесеніи такихъ словъ, которыя того не заслуживаютъ. Дѣйствительно, въ „Полномъ Собраніи Законовъ" встрѣчается нѣсколько случаевъ высочайшаго помилованія за преступленія этого рода. Независимо отъ того, нѣкоторыя подобныя дѣла разрѣшались и безъ судебнаго разсмотрѣнія по предварительному только донесенію о нихъ императорскому величеству, какъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ, причемъ высочайшими резолюціями полагались всегда такія легкія взысканія, какія не могли бы быть допущены, еслибъ дѣло производилось судебнымъ порядкомъ. Такъ, между прочимъ, сохраняется извѣстіе, что одинъ раскольникъ преобразилъ портретъ императора Николая Павловича въ подобіе антихриста. Такъ какъ это случилось до изданія „Уложенія о наказаніяхъ", то преступленіе должно было быть отнесено къ первому пункту и, по точному смыслу дѣйствовавшаго тогда закона, виновный могъ подлежать смертной казни. Но императоръ Николай взглянулъ гораздо снисходительнѣе, нежели законъ, на такое проявленіе глупаго изувѣрства. Несмотря, однако, на такіе примѣры, все же прежній порядокъ судопроизводства по государственнымъ преступленіямъ представлялъ не правильно-организованную систему, но былъ предоставленъ случайности. Поэтому, при составленіи „Судебныхъ Уставовъ" была опредѣлена для этихъ дѣлъ подсудность съ должною точностью, а именно въ статьѣ 1,030-й „Уст. угол. судопр." было выражено, что преступленія, означенныя въ раздѣлѣ третьемъ „Уложенія о

наказаніяхъ" (т. е. злоумышленіе противъ Государя Императора и членовъ императорской фамиліи, о бунтѣ противъ верховной власти и о государственной измѣнѣ), вѣдаются или 1) судебными палатами, когда государственное преступленіе заключаетъ въ себѣ отдѣльное злоумышленіе одного или нѣсколькихъ лицъ, или 2) верховнымъ уголовнымъ судомъ, когда, по случаю обнаруженнаго въ разныхъ краяхъ государства общаго заговора противъ верховной власти или противъ установленнаго законами образа правленія или порядка наслѣдія престола, послѣдуетъ высочайшій указъ о разсмотрѣніи дѣла въ этомъ судѣ. Главнымъ поводомъ къ учрежденію такого особаго суда послужило соображеніе, что въ обсужденіи уголовныхъ преступленій, касающихся спокойствія и благосостоянія всего государства, должны участвовать не одни высшіе судебные чины, но и другія должностныя лица, стоящіе во главѣ государственнаго управленія, такъ какъ имъ ближе извѣстно значеніе фактовъ, имѣющихъ какое-нибудь отношеніе къ государственному устройству и порядку управленія.

Независимо отъ всего этого, къ преступленіямъ политическаго свойства, непредставляющимъ особой важности, у насъ можетъ быть примѣняемо примѣчаніе къ 1 й статьѣ „Устава уголовнаго судопроизводства", въ которой сказано: „Къ судебному преслѣдованію не относятся мѣры, принимаемыя полицейскими и другими административными властями, для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ въ порядкѣ установленномъ закономъ". Нельзя не согласиться, что примѣчаніе это можетъ нарушать правильное дѣйствіе судовъ по политическимъ преступленіямъ, такъ какъ вообще, при существованіи его, судебные приговоры легко могутъ быть замѣняемы административными взысканіями, нерѣдко превышающими мѣру наказанія, положеннаго закономъ за какое-нибудь преступленіе или проступокъ.

XVI.

Наши законы по преслѣдованію тайныхъ обществъ.

Однимъ изъ главныхъ предметовъ, противъ которыхъ поднимаются въ настоящее время преслѣдованія и судебныя и административныя, бываютъ тайныя общества. Еслибы этимъ преслѣдованіямъ подвергались исключительно такія вредныя общества, которыя, до открытія ихъ правительствомъ, возникли и развивались тайкомъ, то принимаемыя противъ нихъ мѣры оправдывались бы государственною необходимостью. Случается, однако, что и обществамъ, существующимъ явно, съ законнаго разрѣшенія и съ полезною цѣлью, разные вѣстовщики начинаютъ приписывать вредныя политическія стремленія, истолковывать превратно ихъ дѣйствія и набрасывать тѣнь подозрѣнія на всѣхъ лицъ, принимающихъ въ нихъ какое-нибудь участіе. Такая подозрительность, иногда лишенная всякаго основанія, отражается чрезвычайно неблагопріятно на развитіи общественной дѣятельности, такъ какъ каждый мало-мальски осторожный человѣкъ, чуждый всякихъ зловредныхъ замысловъ, уклоняется отъ участія даже въ такихъ обществахъ, которыя не существуютъ тайкомъ и приносятъ несомнѣнную пользу, не затрогивая нисколько установленнаго въ государствѣ порядка. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ не могутъ, какъ слѣдуетъ, окрѣпнуть и развиться ни благотворительныя, ни вспо-

могательныя, ни ученыя общества, потому что въ ихъ дѣятельности всегда можно указать на нѣкоторыя стороны, которыя, какъ будто, не согласуются съ видами правительства и съ основами общественнаго благоустройства. Такъ относительно благотворительныхъ или вспомогательныхъ обществъ нетрудно пустить молву, что они служатъ если не сознательнымъ, то слѣпымъ орудіемъ комунистическихъ стремленій, а относительно ученыхъ обществъ— что они способствуютъ пропагандѣ невѣрія или какихъ-нибудь превратныхъ политическихъ теорій.

Что касается собственно тайныхъ обществъ, то, конечно, было бы крайне нелѣпо предполагать, что какое бы то ни было, хотя бы самое либеральное правительство можетъ безболзненно допустить ихъ существованіе, и, напавъ однажды на ихъ слѣдъ, выпустить ихъ изъ виду. Въ этихъ случаяхъ можетъ даже идти очень часто дѣло и не о политическихъ замыслахъ, но о такихъ затѣяхъ, которыя угрожаютъ только интересамъ и безопасности частныхъ лицъ. Такъ, одно тайное общество можетъ состоять изъ людей, замышляющихъ мирными или насильственными путями достигнуть извѣстныхъ политическихъ или общественныхъ цѣлей, другое—изъ шайки шулеровъ, дѣйствующихъ тайно колективными силами. Повидимому, въ глазахъ правительства, призваннаго оберегать безопастность какъ государства, такъ и частныхъ лицъ, и то и другое общество можетъ казаться одинаково вреднымъ, а потому оно и обязано преслѣдовать ихъ. Дѣло въ томъ, однако, что до сихъ поръ всѣ европейскія законодательства относятся съ большею строгостью къ обществамъ перваго, нежели къ обществамъ второго рода. Конечно, такая строгость объясняется относительною важностью тѣхъ интересовъ, которые затрогиваются въ этихъ случаяхъ. Но вмѣстѣ съ строгостью увеличивается и подозрительность. Обыкновенно бываетъ, что, при открытіи тайныхъ

обществъ съ политическимъ оттѣнкомъ, имъ на первыхъ порахъ приписываютъ самыя ужасныя, самыя возмутительныя цѣли; а между тѣмъ, нерѣдко, при судебномъ разборѣ дѣла, оказывается, что участники тайнаго общества были только пустые мечтатели, верхогляды, соединившіеся безъ всякихъ средствъ и безъ обдуманнаго плана и даже неозаботившіеся познакомиться съ тою средою, въ которой намѣрены были дѣйствовать. Такимъ образомъ, хотя на каждомъ правительствѣ лежитъ несомнѣнная обязанность открывать и преслѣдовать тайныя общества, но все же съ его стороны было бы, какъ намъ кажется, ошибкой придавать этимъ обществамъ такое значеніе, какого они въ сущности не имѣли, и доводить при этомъ подозрительность до широкихъ, совершенно излишнихъ размѣровъ. Конечно, правительственнымъ агентамъ, обнаружившимъ тайное политическое общество, бываетъ желательно представить его въ самомъ грозномъ видѣ для увеличенія своихъ собственныхъ заслугъ, но очевидно, что такая система крайне вредна, такъ какъ вслѣдствіе этого происходитъ въ умахъ напрасная тревога, а само правительство, въ виду грозившей опасности, нерѣдко принуждено бываетъ обратиться къ реакціоннымъ мѣрамъ, безполезность и неумѣстность которыхъ обнаруживаются обыкновенно въ самомъ непродолжительномъ времени.

Въ первый разъ въ законодательствѣ нашемъ упоминается о тайныхъ обществахъ при изданіи, въ 1782 году, „Устава Благочинія“. Здѣсь, въ статьѣ 64-й, сказано: „Управа благочинія закономъ утвержденное общество, товарищество, братство или иное подобное установленіе охраняетъ въ своей законной силѣ; обязательства, правила, положеніе и постановленіе ихъ уважаетъ сходственно закону; вредъ, ущербъ, убытокъ отвращаетъ отъ нихъ при удобномъ случаѣ“. Затѣмъ, въ слѣдующей 65-й статьѣ того же „Устава“ говорится, что „въ городѣ закономъ

неутвержденное общество, товарищество, братство и иное подобное собраніе, подъ какимъ бы видомъ оно ни состояло, управа благочинія не признаетъ за дѣйствительное. Буде у такого общества обнаружатся обязательства, правила, положеніе и установленіе, то ихъ ни во что не вмѣнять. Буде же такое общество, товарищество, братство или подобное иное установленіе общему добру вредъ, ущербъ или убытокъ наноситъ, либо безполезно, то подлежитъ уничтоженію и запрещенію". Изъ текста этого закона видно, что здѣсь шла рѣчь безразлично о всѣхъ обществахъ: религіозныхъ, комерческихъ, учоныхъ и политическихъ. Сверхъ того, въ 208-й статьѣ того же „Устава" положительно „запрещается всѣмъ и каждому заводить и вчинать въ городѣ общество, товарищество, братство или иное подобное установленіе безъ вѣдома, позволенія и согласія управы благочинія. „Буде же—сказано въ статьѣ 250-й—кто это учинитъ, да отдастся, яко ослушникъ, подъ стражу и отошлется въ судъ, гдѣ поступятъ съ нимъ, какъ „Взысканій" статья 235-я гласитъ". Гласитъ же эта статья такъ: „да накажется по мѣрѣ вины или преступленія имъ учиненнаго, какъ въ законѣ написано"; при этомъ сдѣлана ссылка на статью 272-ю, которая, въ свою очередь, предписываетъ: „буде кто учинитъ сходбище подозрительное, того имать подъ стражу и отослать къ суду". Такимъ образомъ, послѣ трехъ переходовъ, „Уставъ Благочинія" по дѣламъ о запрещонныхъ обществахъ приводитъ опять къ первоначальному основному правилу, т. е. къ тому, что виновнаго слѣдуетъ взять подъ стражу и передать суду.

Какіе же, однако, законы долженъ былъ примѣнять къ подобнымъ случаямъ судъ тогдашняго времени? Ознакомясь съ нашимъ законодательствомъ, какъ по стариннымъ юридическимъ актамъ, такъ и по „Полному Собранію Законовъ" должно сказать, что до 1782 года въ нашихъ общихъ уголовныхъ законахъ не полагалось ника-

кого наказанія за образованіе тайнаго общества, какъ за такое преступленіе, которое вовсе не предвидѣлось прежнимъ нашимъ законодательствомъ. Мы не коснемся вопроса о томъ, какъ поступилъ бы тогдашній судъ при открытіи недозволеннаго ученаго общества, религіознаго братства, а также комерческаго или промышленнаго товарищества, но остановимся на вопросѣ: что пришлось бы ему дѣлать, еслибъ ему предстояло произвести приговоръ надъ учредителями тайнаго политическаго общества? Такъ какъ тогда въ понятія о составѣ политическихъ преступленій не входило понятіе о пропагандѣ, посредствомъ составленія обществъ, политическихъ идей и цѣлей, то, безъ всякаго сомнѣнія, русское уголовное судилище, въ концѣ XVIII вѣка, признало бы въ составленіи тайнаго общества умыселъ бунта противъ государя и государства и подвело бы виновныхъ, на основаніи „Уложенія“ царя Алексѣя Михайловича и указа императрицы Анны Ивановны, подъ такъ-называемый второй пунктъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что подобный взглядъ на тайныя общества, составленные съ политическою цѣлью, существовалъ у насъ всецѣло до 1845 года, т. е. до изданія „Уложенія о наказаніяхъ“. Ихъ безразлично смѣшивали съ заговоромъ, и такъ какъ, по отношенію къ государственнымъ преступленіямъ, умыселъ, ни въ какомъ случаѣ не отличался отъ дѣйствія, то составители тайныхъ политическихъ обществъ, какъ государственные преступники, могли поплатиться слишкомъ дорого за свою попытку. На помощь „Уложенію“ царя Алексѣя Махайловича екатерининскіе судьи могли, какъ это обыкновенно водилось, призвать „Воинскій Уставъ“ Петра I. Въ этомъ „Уставѣ“ за недозволенныя сходбища, полагалось „шпицруты“ и лишеніе живота „аркебузированіемъ“, т. е. разстрѣляніемъ. Впрочемъ, надобно полагать, что въ томъ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, общимъ уголовнымъ судамъ и не при-

шлось бы произносить приговора надъ виновными, такъ какъ они поступили бы въ распоряженіе тайной экспедиціи, существовавшей, какъ мы уже говорили, неофиціально при Екатеринѣ-Великой, весьма дѣятельно преслѣдовавшей мартинистовъ, масоновъ и якобинцовъ.

Въ царствованіе императора Павла не было издано никакихъ узаконеній относительно преслѣдованія тайныхъ обществъ; но тайная экспедиція бдительно слѣдила за ними. Такого рода узаконенія не появлялись и до исхода царствованія Александра I; при немъ наблюденіе за политическими дѣлами было ввѣрено, въ 1803 году, особому комитету, а потомъ, въ 1809 году, императоръ, подражая Наполеону I, учредилъ министерство полиціи и выслушивалъ лично доклады одного изъ чиновниковъ этого министерства, сформировавшаго обширный штатъ агентовъ. Въ 1822 году были приняты рѣшительныя мѣры для уничтоженія тайныхъ обществъ въ Россіи. Годъ этотъ относится къ эпохѣ сильныхъ политическихъ броженій въ Западной Европѣ и безпощадныхъ реакціонныхъ мѣръ, вслѣдствіе которыхъ существовавшіе прежде явно политическіе кружки обращались въ тайныя общества. Это время было порою господства Меттерниха, по выраженію котораго, полиція должна была нетолько соединиться съ политикой, но даже господствовать надъ нею. Тогда правительства Германіи и Италіи терорезировали общественное мнѣніе разглашеніемъ о существованіи тайныхъ обществъ, угрожавшихъ, будто бы, всей Европѣ неописанными ужасами. Дѣло доходило до того, что, напримѣръ, директоръ касельской полиціи, Мангеръ, разсылалъ къ иностраннымъ государямъ безыменныя письма, представляя въ нихъ молодежь разрушительницею всѣхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ. Подкупленные журналисты—какъ это бываетъ, къ сожалѣнію, и въ наше время—прозрѣвали всюду интриги, козни, заговоры, ковы,

посягательства и покушенія. Такъ, въ Пруссіи, послѣ убіенія извѣстнаго писателя Коцебу, начались аресты и обыски, подъ предлогомъ отыскиванія нитей демагогическаго заговора и итальянской интриги: то же было и въ Австріи, которая приняла на себя полицейскій надзоръ за всею Германіей, учредивъ, въ 1819 году, центральную майнцскую комисію, имѣвшую право арестовывать подозрительныхъ людей во всей Германіи. Тогда дѣятельность германско-австрійской полиціи направилась на открытіе тайныхъ политическихъ обществъ. Майнцская комисія, наводившая ужасъ на всѣхъ и на каждаго, существовала до 1827 года и кончила заявленіемъ въ общемъ своемъ докладѣ, что, на основаніи слѣдственныхъ розысковъ, всѣ германскія союзныя правительства могутъ вполнѣ убѣдиться въ непоколебимой вѣрности своихъ подданныхъ.

Подъ вліяніемъ господствовавшаго среди германскихъ правительствъ настроенія, императоръ Александръ I обратилъ особое вниманіе на уничтоженіе тайныхъ политическихъ обществъ въ Россіи. Относительно этого, 1-го августа 1822 года, послѣдовалъ на имя управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея, указъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Безпорядки и соблазны, возникшіе въ другихъ государствахъ отъ существованія разныхъ тайныхъ обществъ, изъ коихъ иные подъ названіемъ ложъ масонскихъ, первоначально цѣль благотворенія имѣвшихъ, другія занимаясь сокровенно предметами политическими, впослѣдствіи обратились ко вреду спокойствія государствъ, принудили въ нѣкоторыхъ изъ нихъ тайныя общества сіи запретить. Обращая всегда дѣятельное вниманіе, дабы твердая преграда была полагаема всему, что ко вреду государства послужить можетъ, и особенно въ такое время, когда къ несчастію, отъ умствованій, нынѣ существующихъ, проистекаютъ столь печальныя послѣдствія въ другихъ краяхъ, я призналъ

за благо въ отношеніи помянутыхъ обществъ предписать слѣдующее". Предписаніе заключалось въ томъ, чтобъ всѣ тайныя общества, подъ какими бы наименованіями они ни существовали, какъ-то: масонскими или другими, закрыть и учрежденія ихъ впредь не дозволять. Объ этомъ повелѣвалось объявить всѣмъ членамъ такихъ обществъ, обязавъ ихъ подписками, чтобъ они ни подъ какимъ видомъ ни масонскихъ, ни другихъ тайныхъ обществъ, подъ какимъ бы благовиднымъ названіемъ они ни были предлагаемы, ни внутри имперіи, ни внѣ ея, составлять не будутъ. Далѣе говорилось, что такъ какъ не свойственно чиновникамъ, въ службѣ находящимся, обязываться какою нибудь другою присягой, кромѣ той, какая законами опредѣлена, то поставить въ обязанность всѣмъ министрамъ и другимъ начальникамъ потребовать отъ чиновниковъ, въ вѣдомствахъ ихъ служащихъ, чтобъ они „откровенно" объявили, не принадлежатъ ли они къ масонскимъ ложамъ или къ другимъ тайнымъ обществамъ, находящимся или въ имперіи, или внѣ ея, и къ какимъ именно? Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ нихъ слѣдовало потребовать подписку въ томъ, что впредь они къ такимъ обществамъ принадлежать не будутъ; а кто не пожелаетъ дать такого обязательства, тотъ не долженъ оставаться на службѣ.

Несмотря на принятіе такой, очевидно весьма непрактичной предупредительной мѣры, въ дѣйствовавшихъ тогда уголовныхъ нашихъ законахъ не было никакихъ особыхъ постановленій относительно наказаній за составленіе тайныхъ обществъ и за принадлежность къ нимъ. Тогдашнимъ судьямъ приходилось рѣшать подобныя дѣла такимъ же способомъ, какой какъ мы видѣли, существовалъ при Екатеринѣ II. События 14-то декабря 1825 года должны были, между прочимъ, вызвать на практикѣ вопросъ о виновности участниковъ въ тайныхъ политическихъ обществахъ. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ этотъ видъ

преступленія покрывался посягательствомъ на цареубійство и вооруженнымъ мятежомъ, то онъ въ верховномъ уголовномъ судѣ и не былъ предметомъ самостоятельнаго юридическаго вопроса, и судъ, на основаніи дѣйствовавшихъ тогда законовъ, призналъ, что участникъ мятежа и участникъ тайнаго общества заслуживаютъ смертной казни, какъ преступники по двумъ первымъ пунктамъ. Затѣмъ, вслѣдствіе повелѣнія императора Николая объ опредѣдѣленіи степени виновности, верховный уголовный судъ долженъ былъ коснуться въ отдѣльности вопроса о принадлежности лицъ къ тайному обществу съ знаніемъ или незнаніемъ его цѣли. Назначенныя за это наказанія были: отдача въ солдаты до выслуги съ лишеніемъ или безъ лишенія дворянства.

При первомъ изданіи „Свода Законовъ“ (т. XV, ст. 247-я, 248-я и 249-я) было сдѣлано различіе политическихъ обществъ отъ другихъ недозволенныхъ собраній. Такъ, примѣнительно къ „Уставу Благочинія“, было постановлено, что тотъ, кто учинитъ сходбище подозрительное или составитъ общество, товарищество, братство или иное подобное собраніе безъ вѣдома полиціи, наказывается по мѣрѣ вины или преступленія, имъ учиненнаго. Затѣмъ, была введена новая статья, по которой участвующіе и управляющіе незаконными тайными обществами, имѣющими какую-либо цѣль государству вредную и подающими поводъ къ возмущенію и бунту, наказываются, какъ государственные преступники. „Такому же наказанію должны были подлежать начальники, которые таковыя сходбища, съ цѣлью возмущенія составленныя, дозволятъ или оныя допустятъ, или къ нимъ поводъ подадутъ“. Хотя, по точному смыслу этихъ узаконеній, составленіе тайныхъ политическихъ обществъ и участіе въ нихъ должны были считаться преступленіями государственными, т. е. преступленіями противъ первыхъ, существовавшихъ еще тогда двухъ пунктовъ, тѣмъ

*

не менѣе, они были отнесены къ разряду преступленій противъ порядка управленія. Такая система была сохранена и при изданіи „Уложенія о наказаніяхъ", по составленіе тайныхъ обществъ и участіе въ нихъ, по классификаціи преступленій, были отнесены къ низшему разряду, нежели, напримѣръ, оскорбленіе и явное неуваженіе къ присутственнымъ мѣстамъ и чиновникамъ при отправленіи должности. При этомъ, однако, основатели, начальники и участники тайныхъ, подъ какимъ бы то ни было названіемъ, обществъ, имѣющихъ вредную для спокойствія или цѣлости государства или противную установленнымъ законами образу и порядку правленія цѣль, подлежали наказаніямъ, опредѣленнымъ за государственныя преступленія. За недонесеніе же о такихъ обществахъ назначалось лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири съ прибавленіемъ плетей и клеймъ для лицъ, неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. „Уложеніе о наказаніяхъ" отдѣлило отъ тайныхъ обществъ явно преступнаго направленія противъ спокойствія или цѣлости государства такія тайныя общества, которыя будутъ стараться посредствомъ какихъ-нибудь неуказанныхъ и недозволенныхъ закономъ дѣйствій или вліянія произвести перемѣну въ общихъ государственныхъ, губернскихъ и другихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, или же въ постановленіяхъ, которыми опредѣляются дарованныя или утвержденныя высочайшею властью права и преимущества, или вообще права существующихъ въ государствѣ сословій, или же достигнуть другой политической, безъ вѣдома правительства, цѣли. Такъ какъ въ „Уложеніи о наказаніяхъ" не дѣлается ссылокъ на тѣ указы, на которыхъ основаны его статьи, и такъ какъ въ „Полномъ Собраніи Законовъ" не встрѣчается никакихъ указаній на общества подобнаго рода, то, безъ всякаго сомнѣнія, статья, ихъ предусматривающая, была составлена или теоретически или на основаніи такого прецедента, ко-

торый прежде не былъ предметомъ нашего законодательства. „Уложеніе о наказаніяхъ" говоритъ также и о такихъ тайныхъ обществахъ, которыя хотя и не имѣютъ явно вредной цѣли, но воспрещены по особымъ постановленіямъ или распоряженіямъ правительства. Учредителямъ и начальникамъ такихъ обществъ было опредѣлено заключеніе въ крѣпости на время отъ шести мѣсяцовъ до одного года, а членамъ ихъ—арестъ на время отъ семи до трехъ недѣль. Въ заключеніе узаконеній о недозволенныхъ обществахъ было сказано, что такими не считаются обыкновенныя, хотя и въ назначенное заранѣе время, но безъ особыхъ положеній, бывающія собранія для занятія науками, искуствами, словесностью или для невинныхъ, невоспрещенныхъ законами увеселеній.

При изданіи „Уложенія о наказаніяхъ" въ 1857 году, всѣ вышеприведенныя узаконенія повторены были, слово въ слово, безъ всякихъ измѣненій. То же самое было сдѣлано и при изданіи его въ 1866 году относительно классификаціи недозволенныхъ законами обществъ, причемъ удержаны тѣ же самыя наказанія для основателей, начальниковъ и участниковъ такихъ тайныхъ обществъ, которыя имѣютъ вредную для спокойствія или цѣлости государства, или противную установленнымъ закономъ образу и порядку правленія цѣль. Что же касается другихъ тайныхъ обществъ, то было допущено смягченіе наказанія за недонесеніе о тайныхъ обществахъ, предусмотрѣнныхъ въ 361-й статьѣ „Уложенія о наказаніяхъ" 1845 года. Прежде виновные въ этомъ приговаривались къ заключенію въ крѣпости на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года, а по изданію 1866 года срокъ такого заключенія былъ ограниченъ отъ 4-хъ до 8-ми мѣсяцевъ. Такое же сокращеніе допущено и въ отношеніи учредителей и начальниковъ тѣхъ тайныхъ обществъ, которыя хотя и не имѣютъ явно вредной цѣли,

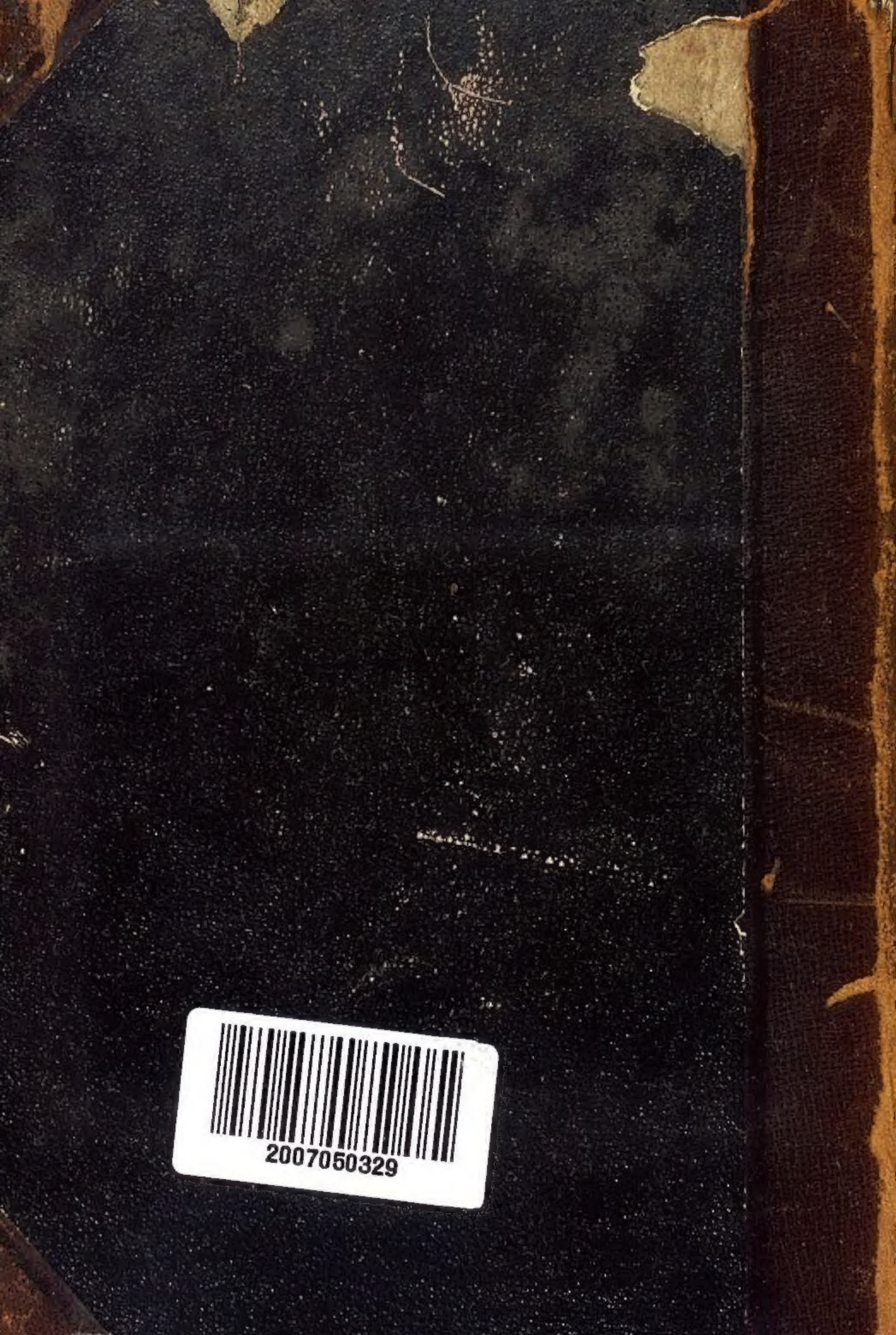
но воспрещены по особымъ постановленіямъ или распоряженіямъ правительства.

Болѣе замѣтное измѣненіе во взглядѣ нашего уголовнаго законодательства на тайныя общества послѣдовало при изданіи высочайшаго указа 10-го марта 1867 года. Въ силу этого указа, вошедшаго нынѣ въ продолженіе „Свода Законовъ", основатели, учредители, начальники и руководители какихъ бы то ни было противозаконныхъ обществъ, если дѣйствія ихъ, или распространяемыя ими ученія направлены къ ниспроверженію или измѣненію, какими бы то ни было средствами, порядка государственнаго устройства, подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на время отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ, если они при этомъ не совершили преступленій, влекущихъ за собою болѣе строгое наказаніе, т. е. смертную казнь, положенную за умышленіе противъ государя и за бунтъ противъ него и государства. Соучастники такихъ обществъ подвергаются, по мѣрѣ ихъ участія въ преступныхъ дѣйствіяхъ или въ распространеніи ученій, противныхъ порядку государственнаго устройства, или лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на время отъ 6-ти до 8-ми лѣтъ, или же лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты, или же заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 8-ми мѣсяцевъ до одного года и 4-хъ мѣсяцевъ, съ оставленіемъ, по освобожденіи изъ тюрьмы, подъ строгимъ надзоромъ полиціи впродолженіи 5-ти лѣтъ. Далѣе предусматривается учрежденіе и участіе въ обществахъ, дѣйствующихъ въ направленіи, противномъ истинамъ и правиламъ христіанской вѣры, или нарушающихъ общественную нравственность или преподающихъ ученія, противныя благочестію и нравственности. Высшею мѣрою наказанія

полагается за это—лишеніе всѣхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ. Для всѣхъ тѣхъ, которые до обнаруженія ихъ преступленія или противозаконныхъ дѣйствій того сообщества, къ которому они принадлежатъ, раскаясь въ своихъ заблужденіяхъ, донесутъ правительству, допускается сокращеніе наказанія и даже полное отъ него освобожденіе. За покушеніе къ образованію противозаконныхъ сообществъ, невходящихъ въ разрядъ вышеупомянутыхъ, полагается: въ первый разъ заключеніе въ тюрьмѣ отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ; во второй — лишеніе всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылка на житье въ Сибирь или отдача въ исправительныя арестантскія роты. Наконецъ, за недонесеніе о сообществѣ, имѣющемъ цѣлью измѣнить государственный порядокъ, полагается заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ 4-хъ до 8-ми мѣсяцовъ, или денежное взысканіе отъ 100 до 500 рублей.

Приведенныя нами узаконенія, согласно принятой въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ системѣ, входятъ въ раздѣлъ предусматривающій преступленія и проступки противъ порядка управленія. Такимъ образомъ, лица, обвиняемыя въ составленіи тайныхъ обществъ, хотя бы и съ политическою цѣлью, или въ принятіи участія въ нихъ, не должны собственно подлежать той особой подсудности, которая, по „Судебнымъ Уставомъ“, назначается лишь для обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ. Впрочемъ, на практикѣ весьма трудно въ подобныхъ случаяхъ опредѣлить правильную подсудность, такъ какъ настоящія цѣли и образъ дѣйствій тайныхъ обществъ выясняются вполнѣ только при судебномъ разбирательствѣ, тогда какъ по первоначальнымъ признакамъ едва ли не каждое тайное политическое общество можетъ быть сочтено за заговоръ и за приготовленіе къ бунту. Конечно, тамъ, гдѣ

установился правильный судъ, т. е. гдѣ не господствуютъ административныя мѣры по дѣламъ политическаго свойства, такое смѣшеніе понятій не представляетъ опасности для правосудія, такъ какъ на судѣ обнаружится настоящее значеніе вины подсудимыхъ. Обстоятельство это весьма важно нетолько для самихъ обвиняемыхъ, но и для всего государства, потому, что вслѣдствіе этого, прекращается то тревожное состояніе, которое обыкновенно овладѣваетъ умами подъ вліяніемъ преувеличенныхъ слуховъ о злоумышленіяхъ и заговорахъ.

2007050329